

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛЕСОТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г.Ф. МОРОЗОВА**

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

На правах рукописи

КВАСОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ

**ТЕРРОРИЗМ В РОССИЙСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант –
доктор исторических наук,
профессор М.Д. Карпачёв

Воронеж – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Историография и источниковедение российского революционного терроризма	
1.1. Дореволюционная историография проблематики.....	23
1.2. Революционный терроризм в исследованиях 20-х – 80-х гг. XX в.	32
1.3. Современный период изучения террористической деятельности.....	50
1.4. Источниковедческий анализ.....	67
ГЛАВА 2. Социальные причины распространения экстремистских и террористических тенденций в России на рубеже XIX-XX вв.	
2.1. Модернизационные факторы развития экстремизма.....	83
2.2. Мотивационная сфера революционного терроризма.....	110
ГЛАВА 3. Стратегия революционного терроризма	
3.1. Идеологическое обоснование первой террористической кампании (60-е – 80-е гг. XIX в.).....	133
3.2. Идеологическое обоснование второй террористической кампании (1901-1911 гг.).....	178
ГЛАВА 4. Тактика революционно-террористических кампаний	
4.1. Тактика в первую террористическую кампанию.....	201
4.2. Тактические особенности второй террористической кампании.....	220
ГЛАВА 5. Структурно-функциональный анализ революционного терроризма	
5.1. Типология террористических групп	296
5.2. Организация и управление террористических групп.....	322

ГЛАВА 6. Внутренние механизмы террористических организаций	
6.1. Кадровое обеспечение боевой деятельности в революционных организациях	343
6.2. Информационно-разведывательная, охранная и конспиративная деятельность в подразделениях.....	371
6.3. Материально-хозяйственное обеспечение	402
6.4. Основные формы экстремистских и террористических проявлений второй половины XIX – начала XX вв.	442
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	456
ПРИЛОЖЕНИЕ	464
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	472

ВВЕДЕНИЕ

Российская история второй половины XIX – начала XX вв. имеет большой опыт социально-политических конфликтов, в ходе которых неоднократно использовались террористические способы политической борьбы. Интенсивность террористической деятельности, ее формы и влияние на политический процесс в последние полвека Российской империи достигли беспрецедентного уровня. Некоторые исследователи даже связывают это с зарождением терроризма современного типа¹.

Борьба радикальных и либерально-реформаторских взглядов всегда составляла важную часть российского освободительного движения. Использование той или иной формы борьбы было связано с комплексом причин, среди которых важное место играла охранительная политика самодержавия, ограниченные возможности легальной оппозиции и общественная реакция на революционную деятельность. Российская империя пережила две террористические волны, которые не только повлияли на изменение конструкции самодержавной власти, но и оказали огромное воздействие на общественное развитие. И если первая террористическая кампания (1876-1881 гг.) имела ярко выраженный политический характер, то во второй кампании (1901-1911 гг.), помимо политических, значительную роль играли и социально-экономические причины. В связи с этим каждая террористическая волна, кроме общих черт, имела свои отличия, особенности и специфику².

Актуальность работы, таким образом, напрямую связана с изучением причин террористического насилия, с выяснением взаимосвязи социально-

---

¹ Friedlander R. The Origins of International Terrorism // Terrorism: Interdisciplinary Perspectives. Ed. by I. Alexander and S. Maxwell. N.-Y., 1977. P.3-4; Iviansky Z. Individual Terror: Concept and Typology // Journal of Contemporary History. 1977. January. Vol. 12. № 1. P.43; Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2000. С.10-11 и др.

² Террористическая кампания – период политической борьбы, характеризующийся интенсивным и целенаправленным использованием организованной агрессии, ответным комплексом репрессивных мер власти и активной сопереживающей реакцией общества на эскалацию взаимного насилия.

политических конфликтов и тенденций перехода их в формы террористической борьбы, с определением механизмов и организационных основ террористической деятельности российских революционеров.

Центральной проблемой исследования является изучение влияния революционно-террористического насилия на ход политического процесса и характер социально-экономического развития России второй половины XIX – начала XX вв. По ряду причин, несмотря на многочисленность исследований деятельности революционных партий, индивидуально-террористическому способу революционной борьбы уделялось значительно меньше внимания, чем групповым, коллективным и тем более массовым формам протестов. Наряду с этим, исследования последних десятилетий дают основания утверждать, что терроризм был важным фактором российского политического процесса на рубеже веков, а его всплеск имел объективное обоснование. На выяснение причинно-следственных связей террористической и революционной активности и изучение собственно революционно-террористической деятельности нацелено наше исследование.

Объектом исследования является революционный терроризм как сложный общественно-политический феномен, являющийся продуктом взаимосвязи многих элементов политического процесса, особых исторических условий развития и определенной психоментальности российского социума второй половины XIX – начала XX вв.

Границы понятия «терроризм» размыты и нечетки вследствие динамического характера явления, что обусловлено меняющимися социально-политическими обстоятельствами, формой государственного устройства и политической конъюнктурой. Большинство исследователей под «террором» подразумевают политика или направленность действий, ориентированная на преимущественно или исключительно силовое, насильственное решение проблем. Амплитуда использования силовых действий при этом может быть различной – от единичных акций (убийство), нацеленных на опосредованное или персонифицированное давление и воздействие, до массовых репрессивных действий (принятие

дискриминационных государственных актов) или полное физическое уничтожение противника.

В своем исследовании, мы понимаем терроризм как способ социально-политической борьбы, включающий в себя систематическую эскалацию насилия на микроуровне с целью решить макропроблему¹. В таком понимании терроризма, акцентируется внимание на агрессии, присущей абсолютно всем видам террористического насилия, систематичности – заключающейся в упорядоченном использовании террористических актов, и стремлении при помощи субъективных факторов, как-то: дестабилизация административного аппарата, формирование общественной паники и страха, убийство политических и общественных деятелей и пр., повлиять на принимаемые решения. Предложенное нами определение универсально по своему значению для всех видов террористической преступности, в том числе государственной, и позволяет отделить от них единичные криминальные деяния. Основой этого выделения является систематическая организация преступных действий и акцентированное использование их в отношении наиболее уязвимых, «слабых» мест противника

В работе разделяются понятия «террор» и «терроризм». Террор может являться инструментом государственной политики и осуществляться в форме массовых репрессий, тогда как терроризм означает некую негосударственную, революционную или другую, но оппозиционную деятельность и, как следствие, намного меньших масштабов, но более избирательную и конкретную. Такой точки зрения придерживается большинство современных исследователей феномена терроризма². В тоже время, сущностная грань между террором и терроризмом, за-

---

¹ Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901-1911 гг.). Воронеж, 2005. С.4-5.

² Замкова В.И., Ильчиков М.З. Терроризм – глобальная проблема современности. М., 1996. С.9; Комиссаров В.С., Емельянов В.П. Террор, терроризм, «государственный терроризм»: понятие и соотношение // Вестник МГУ. Серия 11: Право. 1999. № 5. С.40; Жаринов К.В. Терроризм и террористы. Исторический справочник. Минск, 1999. С.23; Кожушко Е.П. Современный терроризм. Анализ основных направлений. Минск, 2000. С.9-10,448; Новикова Г.В. Сильная стратегия слабых. Террор в конце XX в. // Полис. 2000. № 1. С.171; Ильинский И.М. О терроре и терроризме. М., 2001. С.23,27-28,37,39; Будницкий О.В. Терроризм глазами историка. Идеология терроризма // Вопросы философии. 2004. № 5. С.6; Свистильников А.Б., Шарутенко В.Н. К вопросу о разграничении понятий «терроризм» и «террористический акт» // Вестник Санкт-

ключающаяся в веками «апробированном алгоритме управления социумом»¹, предельно условна. В нашем исследовании эти два понятия используются как синонимичные.

В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона «террором в России» называлась система борьбы против правительства, состоявшая «в организации убийств отдельных высокопоставленных лиц, а также шпионов, и в вооруженной защите против обысков и арестов»². Последняя часть определения отразила начавшуюся с 1878 г. и свойственную народолюбцам практику встречать полицейские обыски вооруженным сопротивлением. Современниками это воспринималось в категориях не просто неповиновения, а агрессивного нападения на органы власти³. В тоже время, в нормах принятого 22 марта 1903 г. Уголовного Уложения отсутствовало упоминание терроризма и производных от него слов, а «посягательство на жизнь, здоровье, свободу и неприкосновенность», т.е. основную форму террористического насилия, трактовали только применительно к особе императора и его семьи⁴. Неопределенность в категориях, терминах и самих фактах видна по неоднократно инициированным Департаментом полиции и другими ведомствами сборам «сведений о жертвах революционного террора», «количестве пострадавших чинов Департамента полиции от террористических нападений» и т.п. данных. Результаты и ведомственная переписка показывают, что в каждом отдельном случае необходимо было конкретизировать и уточнять о чём, какого состава преступления и какие сведения хотят они получить. Так Департамент полиции на просьбу одного из губернских жандармских управлений уточ-

---

Петербургского ун-та МВД России. 2010. № 4. С.7; Кузина С.И. Террор и терроризм: общее и особенное // *Философия права*. 2010. № 4. С.36-40; Ефанова Е.В. Практики политического насилия в российском измерении // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. История*. 2012. № 2 (22). С.126-131 и др.

¹ Одесский М.П., Фельдман Д.М. *Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования*. М., 1997. С.10.

² В. В-в. *Террор в России* // *Энциклопедический словарь*: В 82 т. / Под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Эфрона. Т. 2. Дополн. СПб., 1907. С.753.

³ Фроленко М.Ф. И.М. Ковальский (Заметки по поводу статьи С. Лиона) // *Каторга и ссылка*. 1924. № 5 (12). С.25-30.

⁴ Кокорин С.А. *Меры уголовно-правовой борьбы с терроризмом в России в начале XX в.* // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. 2011. № 1. С.64; Сафронова Ю. *Русское общество в зеркале революционного террора. 1879-1881 гг.* М., 2014. С.99.

нить понятие «террористический акт», ответил: «всякие убийства, ранения и бросание взрывчатых снарядов, – но без корыстной цели»¹.

Как форме политического оппозиционного насилия, в терроризме можно выделить несколько этапов исторического развития. Это, во-первых, тираномахия (монархомахия, тиранцид, цареубийство), под которой подразумеваются убийство правителей, глав государств и диктаторов². Персонафикация и авторитаризм политической власти в Древнем и Средневековом мире, как в определенной мере и сейчас, создаёт предпосылки для решения политических задач при помощи физического уничтожения первых лиц государства. Для этого не требуются сколь-нибудь многочисленные организации, а достижение цели зачастую приводит к кардинальным политическим последствиям. Моральная ответственность убийцы искупается общественной целесообразностью и пользой этого преступления. Убийство тиранов на века вошло в арсенал политической борьбы как универсальное средство³. В российской истории эксцессы убийств правителей имелись на всем ее протяжении. В ходе боярских заговоров были убиты владимиросудальский князь Андрей Боголюбский (1174), царь Лжедмитрий (1606), в ходе дворянского переворота погиб император Павел (1801)⁴. В планах государственного переворота декабристов цареубийству также уделялось большое значение⁵.

Во-вторых, этап индивидуальных покушений на политических деятелей (аттентат)⁶. Это сопряжено с большой ролью государственных чиновников, которые от имени правителя осуществляют власть или оказывают большое влияние на политический процесс. Их устранение подчас имеет не менее определяющее значение в политике, чем убийство первых лиц, а осуществить покушение значи-

¹ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 10133. Л.4,37.

² Рязанов Д.В. Идеи тиранцида в политической и правовой культуре России XIX – начала XX в. // Правовая культура. 2006. Т. 1. № 1. С.49-58.

³ Слинко А.А. Политический экстремизм и террористическая война в панораме истории. Воронеж, 2006. С.9-30.

⁴ Кривошеев Ю.В. Гибель Андрея Боголюбского: историческое расследование. СПб., 2003; Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII в.: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987; Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1907.

⁵ Нечкина М.В. Декабристы. М., 1975. С.31; Артамонов Д.С. Тираноборческие и террористические идеи в русской политической культуре первой четверти XIX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Саратов, 2006.

⁶ Attentat (фр.), attentatum (лат.) – покушение на убийство выдающихся политических деятелей.

тельно легче. В российской и мировой истории аттентат активно практиковался в период позднего Средневековья, особенно в XV-XVI вв.¹

И, в-третьих, последним этапом развития, является, собственно, терроризм как форма деятельности, ориентированная на совершение упорядоченного насилия в отношении противников, что реализуется уже при помощи организации планомерных действий специальных отрядов и боевиков.

Террористические способы борьбы имеют широкий спектр воздействия. Возможности регулировать силу, масштабы и характер нападения создают универсальность эксплуатации террора. Выбор формы агрессии зависит от определенных факторов и обстоятельств. Повлиять на него может образ жизни объекта нападения, предмет конфликта, организационные и технические ресурсы террористов, ожидаемые от теракта результаты и др. Формы террористической агрессии имеют различный общественный резонанс. От характера целей и объектов терроризирования зависит каким будет являться нападение – иметь персональный характер, быть адресованным социальной группе или всему обществу, символическим или целесообразным. Анализируя масштабы терроризма, В.В. Витюк и С.А. Эфиоров предложили различать непосредственный объект насилия и целевой объект воздействия террористов². В первом случае, это конкретные материальные объекты и граждане, во втором – политические режимы и их структуры, характер социальных, правовых или иных отношений. Доктор юридических наук Ю.С. Горбунов конструктивно замечает, что «объект террористических устремлений имеет сложную структуру и состоит из объекта воздействия (физическое лицо, их группы или организации, материальные объекты), объекта управления (тот или те, кто может принять решение и совершить действие либо бездействие, необхо-

---

¹ Известные версии насильственной смерти княгини Елены Глинской, царицы Анастасии, царя Федора Ивановича находят подтверждения в исследовании Т.Д. Пановой (См.: Панова Т.Д. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М., 2003. С.69,71,150. Рецензия на книгу А. Богуславской // Вопросы истории. 2004. № 10. С.171-172. Панова Т., Пежемский Д. Отравили! // Родина. 2004. №12. С.26-34 и др.). В Европе в ходе покушений были убиты королева Наварры Жанна д'Альбре (1572), Вильгельм I Оранский (1584), короли Франции Генрих III (1589) и Генрих IV (1610) и др.

² Витюк В.В., Эфиоров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987. С.55.

димые террористам) и объекта посягательства (общественные отношения, охраняемые международным и (или) внутригосударственным правом)»¹.

Во второй половине XIX – начале XX вв. экстремисты использовали физическое, экономическое и морально-психологическое воздействие на объекты терроризирования. К физическому воздействию относят прямое, контактно-силовое давление на объект агрессии с целью нанесения ему частичного вреда или же полного уничтожения. Практика показывает, что к физическому давлению террористы прибегают лишь после безрезультатных попыток морально-психологического или экономического давления.

Названные виды терроризирования используются при помощи целенаправленных, организованных мер, которые реализуют одну из террористических стратегий: уничтожение объекта, парализация деятельности, изменение программы действия, провоцирование ответных мероприятий объекта.

Внешне осуществляясь в индивидуальных поступках (террористических актах) и действиях, терроризм представляет собой сложную структурированную деятельность, выполняемую десятками и сотнями боевиков и революционеров. В основании террористической системы можно выделить следующие наиболее важные подсистемы:

— организационно-управленческая, которая осуществляет разработку планов покушения, содержит необходимые структуры и звенья руководства разнообразными функциями и элементами экстремистской деятельности;

— материально-техническая, включает финансовое, военно-техническое и материальное обеспечение подготовки теракта, его осуществление и последующую легализацию участников;

— кадровое обеспечение, отвечает за рекрутирование и подготовку необходимого количества и качества боевиков;

---

¹ Горбунов Ю.С. Об определении понятия «террор» и «терроризм» // Журнал российского права. 2010. № 2. С.37.

— информационно-разведывательная, осуществляет сбор необходимой информации об объекте нападения и последующее информирование партии и общественности о теракте (комплекс информационного сопровождения);

— боевая часть, представляет собой меры непосредственной реализации экстремистских планов;

— контрразведка и охранное обеспечение, курирует вопросы конспирации и противодействия правоохранительным органам.

Имея длительный генезис развития, определенную видовую изменчивость, сложную структурную организацию и зависимую от многих факторов результативность, террористическая система приобретает и классические синергетические качества – стремление к автохтонности (самодостаточности), что проявляется в постоянных попытках обособления (как идейных, так и организационных) террористов от общепартийных структур; росте вширь и вглубь, проявляющемся в склонности расширить масштабы и формы насилия, с чем связывается залог успешности террористической деятельности и что обуславливает рост взаимного насилия («кровавая воронка»); в энтропийном усложнении структуры, что выражается в прямой взаимосвязи количественного и структурного роста террористических организаций с продуктивностью их деятельности, и обратно пропорционально вероятности конспиративных провалов этих организаций.

Предметом исследования является террористическая деятельность, которая подразумевает комплекс организационных мер и систему управленческих структур, нацеленных на реализацию партийных программ посредством организации упорядоченного насилия.

Степень изученности проблемы и источниковедческий анализ представлены нами в первой главе диссертации.

Цель диссертационного исследования сформулировать научную концепцию эволюции российского революционного терроризма, основанную на изучении факторов и причин экстремистского всплеска двух террористических кампаний (1876-1881 гг. и 1901-1911 гг.) и сопоставлении закономерностей развития террористической деятельности в этот период.

Данная цель предполагает постановку и последовательное решение двух групп **основных задач диссертационного исследования**.

Первая группа задач объединена комплексным анализом революционного терроризма как особой формы политической и общественной борьбы, имеющей свои исторические, социокультурные, политические и тактико-стратегические закономерности использования, для чего планируется:

— изучить состояние научной разработки проблемы и обобщить историографический материал, дать характеристику архивных источников;

— сформировать источниковую базу сведений террорологической тематики; выявить конкретные революционно-террористические акты и осуществить их анализ; сформировать информационную базу данных террористических проявлений в Российской империи;

— проанализировать идеологическое и стратегическое обоснование революционного терроризма; показать тактику и динамику действий террористических формирований революционеров Европейской России и отдельных регионов;

— выяснить влияние террористического фактора и отдельных терактов на революционный процесс, политическую ситуацию в стране и европейские регионы России.

Вторая группа задач связана с комплексом вопросов функционирования террористических структур и выявлением закономерностей организации террористической деятельности революционеров второй половины XIX – начала XX вв.:

— раскрыть организационную систему террористических формирований, для чего выделить следующие аспекты: управление и структура, материальные вопросы функционирования, кадровый состав, разведывательная и обучающая деятельность;

— соотнести декларативно-формальную сторону революционно-террористической деятельности (уставные положения) с практической реализацией этих планов, выявить механизмы реализации и приоритетные направления террористической тактики, для чего: рассмотреть цели терактов, объекты и предметы насилия, средства воздействия, уровень активности и результативность;

обобщить и проанализировать результаты деятельности революционно-террористических подразделений;

— проанализировать основные этапы развития террористической деятельности российского революционного движения;

— выяснить мотивационную сферу революционных террористов;

— определить функциональную зависимость террористической деятельности от характера государственной власти и действий правоохранительных органов, социальной среды и других факторов конкретно-исторической обстановки.

Научная новизна работы характеризуется несколькими моментами:

— обоснована новая типология и классификация террористических проявлений;

— впервые разработана концепция исторической эволюции российского революционного терроризма второй половины XIX – начала XX вв.;

— существенно расширен фактический круг источников за счет сбора и систематизации сведений о террористических фактах, привлечения к анализу уставных документов различного типа террористических подразделений, агитационного печатного материала актов революционного террора;

— изучен организационный механизм террористической деятельности: структурные и управленческие подразделения, их взаимосвязь, нормы деятельности (уставы боевых формирований), характер и особенности функционирования террористических групп;

— конкретизирована роль терроризма в политическом и революционном процессах, выявлены причины кризиса экстремистской деятельности обоих террористических кампаний;

— раскрыта двойственная природа (политико-идеологическая и социальная) происхождения российского революционного терроризма, что проявилось в симбиозе форм партийно-революционного и традиционалистского экстремизма.

Научно-теоретическая значимость работы определяется изучением организационной структуры революционно-террористических формирований второй половины XIX – начала XX вв., исследованием факторов и причин широкого рас-

пространения терроризма и детальным анализом террористической деятельности революционных партий и организаций, что расширяет научные знания о социально-политических процессах в империи, конкретизирует объективные представления о причинах ее гибели. **Практическая значимость** работы заключается в формировании базы данных террористических проявлений в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв., определение исторических тенденций развития социально-политического терроризма, внутренних законов развития террористической деятельности и тактико-стратегических закономерностей применения террора. Данный анализ может быть востребован для разработки государственной системы антитеррористических мероприятий, профилактики социально-политического экстремизма и определения тенденций развития террористических угроз.

Временные **границы исследования** охватывают вторую половину XIX и начало XX вв. Традиционно начало революционно-террористических эксцессов принято связывать с покушением Д.В. Каракозова на императора Александра II (04.04.1866). С разной степенью интенсивности и частотой революционные теракты осуществлялись вплоть до Февральской революции 1917 г. и гибели Российской империи. Этот период включает две волны революционного терроризма, связанные с потрясениями народнического террора, десятилетием относительной политической стабильности конца XIX в., терактами Боевой организации ПСР в начале массового революционного движения, развитием активной стадии Первой российской революции (1905-1907 гг.), ее отступлением и «третьеиюньским» периодом. Именно в это время осуществлялась деятельность основных революционно-террористических формирований: различного уровня боевых организаций, летучих боевых отрядов, боевых и партизанских дружин, анархистских и псевдо-революционных групп.

Территориальные границы исследования включают Европейскую часть России, которая в этот период в административном отношении делилась на 30 губерний, составлявших шесть экономико-географических регионов: Северный (Архангельская, Вологодская и Олонецкая губ.), Северо-Западный (Новгородская,

Санкт-Петербургская и Псковская губ.), Промышленный (Владимирская, Костромская, Московская, Нижегородская, Тверская и Ярославская губ.), Центрально-земледельческий (Воронежская, Калужская, Курская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тульская губ. и область войска Донского), Поволжский (Астраханская, Казанская, Пензенская, Самарская, Саратовская и Симбирская губ.), Приуральский (Вятская, Оренбургская, Пермская и Уфимская губ.). В начале XX в. здесь проживало почти 70 млн. человек, из которых 60 млн. являлись сельскими жителями. Национальные отношения на этой территории, преимущественно населенной русскими, на политический процесс влияния практически не оказывали. Местные национальные движения в начале XX в. только зарождались и институализировались, и преимущественно имели этно-религиозную форму. В отличие от Кавказского, Прибалтийского, Среднеазиатского и Западного краев империи, в которых национальные противоречия играли особо важную роль, на территории Европейской России определяющими в политическом процессе были социально-экономические и политические факторы. Это позволяет выделять Европейскую часть России как особый и относительно однородный регион изучения.

Методология исследования базировалась на трех определяющих принципах исторического познания: историзме, объективности и социальном подходе. В первом случае, необходимо учитывалась разница современного взгляда на терроризм и вековой давности представлений об этом феномене. Эта разница имеет несколько значимых аспектов. В уголовном праве царской России отсутствовали террористические термины и вообще не имелось общеупотребляемого определения «терроризм». Очевидно, что неопределенная трактовка влияла не только на данные ведомственной статистики, но и на сыскные действия, судебные приговоры, характер и аргументацию общественно-политической дискуссии.

Кроме того, представляя собой постоянно развивающееся явление, приспосабливаясь к социально-политической среде и конкретно-историческим обстоятельствам, терроризм трансформируется в разнообразные формы. Поэтому современным исследователям многие экстремистские деяния, источниками именуемые как «террористические» или напротив не относимые к таковым, необхо-

димо подвергать тщательному анализу. Репрезентативно это можно сделать только на основе критического анализа информации и привлечения нескольких источников. Преимущественно таковыми являются документы делопроизводства государственных структур, революционно-партийные источники, средства массовой информации и источники личного происхождения. Взаимное подтверждение, уточнение фактов и деталей террористического события позволяет не только собрать перепроверенный и максимально полный банк информации, но и определить в его террористическом содержании. В ходе диссертационного исследования были собраны разного информационного объема сведения о 635 революционных терактах, осуществленных на территории Европейской России в период с 1901 по 1917 гг. и о 45 терактах за вторую половину XIX в. Однако, «перекрёстную» информацию удастся обнаружить не о всех преступлениях: зачастую отсутствуют упоминания дат, указания местностей или других важных характеристик событий, не всегда определены причины и состав преступлений, тем более последствия и участники терактов. Поэтому ряд имеющихся сведений о террористических фактах требуют дальнейших поисков информации и уточнений, без чего их репрезентативное использование невозможно. Сейчас к таковым сведениям в базе данных автора относятся 78 «условно террористических» сообщения по Европейской России.

На протяжении многих веков, в истории различных народов и государств, терроризм, в разных формах своего проявления, играл заметную роль. С конца XIX столетия индивидуально-террористическая деятельность по своему размаху и количеству акций становится широко распространенной формой борьбы. История многочисленных противостояний XX и начала XXI вв. эту тенденцию только подтвердила. Рост терроризма дает основание считать и видеть в этом феномене не только политическое основание и субъективное содержание конфликтов, но и наличие социально-массовых противоречий, которые в форме индивидуально-террористической деятельности себя проявляют. Необходимость выяснения массовых, групповых и частных оснований обусловленности террористи-

ческого феномена непосредственно связана с принципом социального подхода в историческом познании.

Выбор подходов и методов исследования. На данный момент сложилась парадоксальная ситуация: терроризм как объективное явление политического процесса имеется, а исторические исследования в большинстве случаев ограничиваются отражением его субъективных проявлений (идеологии, тактики, изучении единичных фактов, поиском механизмов противодействия). Наша научная трактовка объекта исследования базировалась на представлении о терроризме как определенной системе, рожденной взаимодействием устойчивых элементов и механизмов, объединенных общностью целей. Это требовало особого анализа и изучения управленческих структур и элементов функционирования террористических организаций. Как и любая система, терроризм взаимосвязан с другими структурами и сам является частью более сложной конструкции, что требует анализа взаимовлияния террористических проявлений на политическую систему и процессы, социальную среду, общественную обстановку. Именно историко-системный (синергетический) подход позволяет выяснить детерминацию терроризма, внутренние и внешние связи, механизмы его функционирования. Учитывая динамический характер явления, сравнительное изучение его разновременных проявлений научно целесообразно и актуально. В данном диссертационном исследовании это сравнение революционного терроризма XIX в., который ассоциируют с народническим движением, и терроризма начала XX в., связанного с Первой российской революцией (1905-1907 гг.).

Конструктивные попытки представить сущность, состав и содержание террористической деятельности отражены в работах сотрудников силовых структур и правоведов Ю.С. Горбунова, Н.Д. Литвинова, К.Н. Салимова, С.Г. Барышников и др.¹. Выделяя предметом изучения террористическую деятельность, диссер-

---

¹ Горбунов Ю.С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему. М., 2008; Литвинов Н.Д. Террористические организации: формирование и деятельность (политико-правовой анализ): Монография / Под ред. С.Е. Вицина. М., Воронеж, 1999; Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма. М., 1999; Барышников С.Г. Социально-философский анализ форм осуществления террористической деятельности // Вестник Челябинской гос. акад. культуры и ис-

тант исходил из трактовки деятельности, как ряда сложных целесообразных действий и поступков людей, в которых реализуется сущность человека и общества. За основу такого анализа была взята концепция деятельности, разрабатываемая отечественными и иностранными социологами и психологами М.С. Каганом, М.М. Кветным и М.В. Деминым¹. К основным элементам структуры ими отнесены: субъекты и объекты деятельности, мотивы и цели субъектов, средства и методы достижения цели, активность и результативность деятельности.

Данные два подхода, системный и деятельностный, дают возможность проанализировать механизмы и процессы террористической деятельности, представить её причинность и факторность, проиллюстрировать реальное воплощение тактики и стратегии террористической борьбы. Каждый из элементов деятельностной структуры имеет своё содержание, особые характеристики и качество функциональности, отражает взаимосвязи с другими структурами. Анализ деятельности позволяет характеризовать как единичные (личностные), так и массовые (социальные) процессы, сделать существенные обобщения и выделить закономерности.

При разработке темы особое внимание было уделено научным концепциям модернизационных процессов. В России второй половины XIX – начала XX вв. модернизация проявлялась в стремительном развитии рыночных отношений и частной собственности, формировании правового порядка и широких СМИ, деформации национальных и традиционных общин, разрушении религиозных и социальных норм и др. Последствия этих глубоких изменений коренным образом отразились на развитии России. Влияние модернизационных процессов давно являлось предметом исследований зарубежных ученых. Именно модернизационные трактовки позволяют обосновать первостепенную роль разночинной интеллиген-

---

куства. 2011. № 3 (27). С.102-104; Криминологическое прогнозирование террористической деятельности. М., 2011.

¹ Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М., 1974; Кветной М.С. Человеческая деятельность: сущность, структура, типы. Саратов, 1974; Демин М.В. Проблемы теории деятельности. М., 1977; Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М., 1996.

ции в развитии политического терроризма, выделить особенности поведения крестьянства в акциях революционного экстремизма, понять неустойчивую позицию российского самодержавия и сам ход политического и революционного процесса.

По нашему мнению, предлагаемый системно-деятельностный подход в рамках модернизационной теории способен дать объективную трактовку развития террористической деятельности революционеров в России.

Специфика данного исследования заключается в активном использовании междисциплинарных подходов. Большой объем накопленных знаний и методик в изучении терроризма имеют многие отраслевые и частные науки: криминалистика, виктимология, социология, психология, конфликтология и др. Учитывая социально-политическую значимость терроризма и актуальность террорологических исследований, по всей видимости, есть назревшая необходимость говорить о террорологии как особой отрасли социально-гуманитарных наук¹. Задачей и целью которой должны стать объективное представление роли организованного насилия в общественно-политическом процессе и развитии социума, изучение условий и факторов экстремизации политической борьбы.

На защиту автором выносятся ряд основных положений:

— Террористические тенденции имеются во всех обществах и представляют собой попытки использования акцентированного насилия для получения политической выгоды. Однако результативность терроризма связана не только с достижением политических целей, но и обширным воздействием на общество;

— Основными факторами терроризма в Российской империи являлись: 1) модернизационные и экономические причины, которые порождали социальный антагонизм и вызывали рост агрессивных реакций в определенных слоях населения, что наиболее выражено проявилось у разночинской интеллигенции, крестьянства и пролетариата; 2) невозможность легитимных форм оппозиционной дея-

---

¹ Кафтан В.В. Введение в террорологию. Логико-гносеологические основания институционализации. М., 2009; Олефиренко С.П., Барышников С.Г. Логико-гносеологические проблемы построения террорологии // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 30. С.121-128; Барышников С.Г. Общая теория террористической деятельности: объект, предмет, особенности и задачи исследования // Вестник Пермского нац. исследовательского политехн. ун-та. Соц.-экон. науки. 2011. № 12. С.39-44.

тельности, автократизм и репрессивность политической системы; 3) низкий уровень общественно-демократического развития, отсутствие конструктивной политической оппозиции и приверженности согласительных начал в политической борьбе; 4) общественно-историческая среда (наличие прецедентов насильственной смены власти в российской истории, характер революционной мифологии, генезис развития революционного движения и логика взаимного насилия);

— Российский революционный терроризм представляет собой сложное социально-политическое явление, в котором проявлялись механизмы и цели свойственные ему как способу политической борьбы (теракты, экспроприации, «партизанская борьба»), так и формы традиционного протеста различных слоев населения (поджоги, убийства административного и хозяйственного персонала, вредительство и пр.). Природа террористического насилия имела два основных вида: партийно-политический и социальный. В первом случае, террористические акты осуществлялись структурно оформленными партийно-террористическими подразделениями, во втором случае – инициативными представителями конфликтных социальных групп;

— Народнический терроризм формировался на эпатажных призывах социального (бунтарского) насилия и аффективных актах мстительного и провокационного характера. В ходе жестокой, бескомпромиссной политической борьбы с самодержавием террор приобрел идеологическое обоснование как средство политического насилия и реформирования. Критическое осмысление радикалами итогов народовольческой борьбы с самодержавием, только способствовало увеличению стратегических и тактических аргументов в пользу экстремистского насилия.

Отношение руководства революционных партий к террору на протяжении Первой российской революции, неоднократно менялось. Партия эсеров рассматривала террор как тактическое средство революционной борьбы и в прямой связи с этим неоднократно варьировала его использование, совершенствовала организационную структуру и подготовку террористических формирований. РСДРП, критикуя индивидуализированные формы борьбы, склонна была расширять социальную базу боевых формирований с перспективой перехода индивидуальных и

групповых нападений к массовым вооруженным восстаниям. Анархистские и максималистские организации рассматривали террористические проявления как форму социальной борьбы, требующую активизации и партийного содействия.

— Акцентированное использование индивидуального и группового террористического насилия в ходе революции неоднократно применялось для дестабилизации и захвата местной власти. В условиях поступательного роста массового движения 1905 г. это временно удавалось в ряде городов Европейской России (Москва, Ростов-на-Дону). Позже, в условиях снижения массового движения, неоднократные попытки с помощью террористических акций, диверсионной деятельности и «партизанской борьбы» (Поволжье 1906 г., Урал 1907 г., Центральное Черноземье 1907-1908 гг.) активизировать революционную деятельность и поднять антигосударственные выступления, положительных результатов не дали;

— Революционный терроризм имел сложную систему функционирования, в которой можно выделить доктринальную (идеологическую), организационную и деятельностьную подсистемы. Оптимальная продуктивность террористических организаций достигалась при наличии достаточного финансирования и материально-технического обеспечения, согласованных партийных и управленческих действий, дисциплинированном идейно устойчивом личном составе и наличие обширного комплекса информационного сопровождения теракта. Революционно-террористические подразделения любой партийной и функциональной организации под воздействием конспиративной деятельности и революционной борьбы стремились расширить свои внутрипартийные прерогативы и обособиться от партийной организации, вплоть до отделения;

— Логика и характер террористической борьбы деструктивно воздействовали на освободительное движение. Это проявилось в приверженности крайнему радикализму, деформации демократических механизмов организации, склонности к провокациям, постепенной вульгаризации насилия и криминализации деятельности.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в научных публикациях автора общим объемом 40 условно-печатных листов. Доклады и выступления, по вопросам диссертационного исследования были заслушаны на 9

международных, 3 всероссийских и 9 региональных конференциях. В 2004-2005 гг. Российским гуманитарным научным фондом и администрацией Воронежской области было профинансировано исследование автора «Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX в.», завершившееся изданием монографии. Под руководством диссертанта второй год идет реализация научного проекта по гранту РГНФ «Террористическая деятельность революционеров в Европейской России (вторая половина XIX – начало XX вв.)».

Структура диссертационной работы включает шесть глав: историография и источники проблематики революционного терроризма, социальные факторы экстремизма, стратегия и тактика революционного экстремизма, структурно-функциональный анализ и внутренние механизмы террористической деятельности. Помимо этого в текст работы входят «Введение», «Список использованных источников и литературы» и «Приложение», состоящее из таблиц, отражающих различные аспекты революционного терроризма.

ГЛАВА 1. Историография и источниковедение российского революционного терроризма

1.1. Дореволюционная историография проблематики

Попытки выйти за рамки хронологического, событийного описания революционного экстремизма, дать ему определенный анализ были предприняты еще во второй половине XIX в. Закономерно, что это были аналитические работы МВД, в которых рассматривались факты революционных преступлений, деятельность отдельных организаций и групп, в том числе и экстремистского характера. Среди этих изданий необходимо выделить работы обзорно-фактологического содержания. В первую очередь, это «Обзор социально-революционного движения в России» А.П. Мальшинского (СПб., 1880) и работа Н.Н. Голицына «Хроника социалистического движения в России 1878-1887: Официальный отчет» (СПб., 1890). По заказу охранки и на ведомственных источниках написанные работы, соответственно демонстрируют «охранительную» позицию авторов, демонизирующих революционное движение. Кроме описания преступных деяний и предоставления обширных статистических данных о преступниках, в работах впервые отмечается «модернизационная» почва революционно-террористического движения: «...На ясно сознанном разложении общества, потерявшего свое равновесие, основаны все расчеты подпольных бунтовщиков – продукта того же процесса разложения»¹. К апологетическим произведениям консервативного направления можно отнести работы С.С. Татищева и Ф.А. Гилярова².

В дальнейшем, с 1892 по 1902 гг. для внутреннего ознакомления Департамент полиции (ДП) станет издавать «Обзоры важнейших дознаний, производившихся в Жандармских управлениях империи, по государственным преступлени-

---

¹ Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880. С.321-322.

² Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. В 2 т.; Гиляров Ф.А. 15 лет крамолы. 4 апреля 1866 – 1 марта 1881. М., 1883.

ям»¹. Практика издания обзоров для различных ведомств и региональных подразделений МВД и министерства юстиции станет распространенной, что является значительным, в первую очередь, источниковым материалом, однако в некоторых работах наличествуют и аналитические выводы². Позже в ДП заведующим Особым отделом Е.К. Климовичем (июнь 1908 – 26 декабря 1909) и сотрудниками его подразделения будет издано несколько обзоров по революционным партиям, представляющим развитие революционного движения, как это виделось с точки зрения правоохранительных органов³. ДП рекомендовал руководителям своих подразделений обзоры переплетать в сборник, формируя, таким образом, единый сводный справочник по революционному движению⁴. По всей видимости, главные достоинства консервативно-охранительных произведений заключаются в предоставлении определенного фактического материала о террористическом движении и развернутом критическом обосновании взглядов правительственных структур на это движение. Сам терроризм в этом анализе представлен в образе абсолютного зла, не имеющего ни какого оправдания.

К самым первым попыткам объективного анализа революционного терроризма можно отнести работы представителей либерального направления профессора Базельского университета А. Туна⁵ и историков общественного движения

¹ Обзоры насчитываю 26 томов. Издавались в Санкт-Петербурге для служебного пользования и рассылались по ГЖУ с 1881 по 1902 гг.

² Жижин В.Д. Обзор польского революционного движения за 1905 г. Варшава, 1906; Жижин В.Д. Обзор польского революционного движения за 1908 г. Варшава, 1909; Краткий очерк о волнениях и беспорядках, происходивших в столичных высших учебных заведениях, и участии студентов в революционном движении с 1882 до начала 1910-1911 учебного года [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 38]. Автор обзора П.С. Статковский. Частично опубликован (См.: «С.-Петербургское охранное отделение в 1895-1901 гг.: («Труд» чиновника отделения П.С. Статковского») // Журнал «Былое». Пг., 1921. № 16. С.108-136); Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897-1907 гг. СПб., 1908; Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1908 гг. СПб., 1909.

³ Обзор революционного движения в России: (Материалы Департамента полиции) / Сост. Климович Е.К., Рукавичников М.М. СПб., 1909; Исторический очерк о возникновении и деятельности партии анархистов. СПб., 1909 [РГИА (СПб.). Ф. 1328. Оп. 2. Д. 479]; Рожанов Ф.С. Записки по истории революционного движения в России. СПб., 1914.

⁴ В настоящее время обзоры переизданы. См.: Касаров Г.Г., Энтин М.Э., Перегудова З.И. и др. Политические партии и политическая полиция. М., Минск, Гомель, 1996.

⁵ Первое издание его книги вышло на немецком языке в 1883 г. Настоящие ссылки даются по изданию подготовленному эсерами: Тун А. История революционного движения в России / Под ред. и с примеч. Л.Э. Шишко. СПб., 1903.

В.Я. Богучарского¹ и Л.Е. Барриве². Выводы сделанные ими во многом подтверждали аргументацию террора, предложенную самими революционерами. Так А. Тун отмечал: «централизованный политический террор явился скорее непосредственным продуктом беспощадной борьбы между деспотическим правительством и доведенной до отчаяния революционной молодежью, причем обе стороны не останавливались ни перед какими средствами» (С.177), «этот способ борьбы явился естественным продуктом обстоятельств» (С.186), выделялась в аргументации народнического террора самозащита и месть (С.178). Богучарский, отмечая «совершенно неверные» и «совершенно несостоятельные» методы народовольцев, также указывал на их вынужденный характер, вызванный правительственными репрессиями в отношении народнического движения³. Он же отмечал преемственность и взаимосвязь революционного «якобинства» прокламации П.Г. Заичневского «Молодая Россия» и методов «заговора и террора», применяемых «Народной волей». Л. Барриве акцентировал внимание на общественном «широком сочувствие», «поддержке» и «материальной помощи» народовольцев со стороны учащейся молодежи, демократических слоев горожан и земской оппозиции (С.170). Авторами анализировались взгляды и аргументы, как сторонников террора, так и их критиков.

С началом революционных потрясений нового века количество работ затрагивающих террористическую тематику значительно увеличилось, а в числе авторов появились публицисты и общественно-политические деятели. Большинство работ этого периода будут носить политико-идеологический или публицистический характер. В некоторых из них, авторами предприняты попытки анализа раз-

---

¹ Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912; Он же. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912; Он же. Кровавый Синодик. Смертная казнь по политическим делам в России. СПб., 1906. Им опубликованы и сборники документов: Государственные преступления в России в XIX в. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений. В 3-х т. Т. 1. (1825-1876). СПб., 1906; Т. 2. Сборник политических процессов и других материалов, относящихся к истории революционных и оппозиционных движений в России (1877 г.); Т. 3. Сборник (Процесс 193-х) / Сост. под ред. Б. Базилевский. СПб., 1906. В.Я. Богучарский и Б. Базилевский псевдонимы В.Я. Яковлева (1860-1915).

² Барриве Л.Е. (Гальперин). Общественное движение в царствование Александра II. Исторический очерк. М., 1909.

³ Он же. Из истории политической борьбы... С.2-3,468.

личных аспектов терроризма, кроме того, продолжает активно формироваться разнообразный статистический массив данных о революционном терроре.

Большую статистическую работу по революционному движению проделал либеральный публицист, депутат первой Государственной думы, кадет В.П. Обнинский. Критически оценивая состояние царской России, он пытался свои комментарии и сообщения, в том числе и террористической тематики, подкреплять статистическими доводами. Прямо отмечая, что опирается на «сводку» телеграмм телеграфных агентств, он считал такой источник «почти исчерпывающей действительное число» терактов¹. Согласиться с ним в этом нельзя, для чего достаточно увидеть, что за тревожный для всей империи ноябрь 1905 г. он насчитал всего 4 убийства и 3 покушения. На самом же деле, только «террористический дебют» Боевой организации Польской социалистической партии в Варшаве 11 ноября унес жизни 4 человек. А помимо этого были ежедневные террористические акции на Кавказе, в Прибалтике и ноябрьский всплеск эсеровского терроризма в Саратове, в ходе которого был убит командированный с карательными полномочиями генерал-адъютант В.В. Сахаров и покушались на вице-губернатора И.Г. Кнолля. Большое количество комментариев Обнинского о причинах терактов и объектах покушений носят характер политических слухов и великосветских сплетен. Но в некоторых случаях имеются аналитические замечания и выводы.

Некоторые публицисты, еще по ходу событий, обращали внимание на социальные причины роста революционного экстремизма, и, в частности, на широкое распространение мелких экспроприаций осуществляемых анархистствующими элементами из рабочей и молодежной среды. Так, публицист И. Ларский в партизанском движении уральских рабочих (лбовщина) увидел не революционно-партийную основу, а «...стремительный, непрерывный поток бунтующих импульсов, неопределенно направленный на пользу народа»². А известный журналист «Нового времени» М.О. Меньшиков отмечал: «Заметьте, в террор идут

---

¹ Обнинский В.П. Полгода русской революции. Сб. материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906). Вып. 1. М., 1906. С.152; Он же. Новый строй. М., 1909. С.150-158, 253-258.

² Ларский И. На родине. Анархизм «простонародный» // Современный мир. 1908. № 6. С.134.

юноши, почти мальчики, и девушки. Редко фанатиками убийства становятся зрелые люди... Но именно молодежь, по неуравновешенности своей, по незаконченности развития, всего легче поддается неодолимым внушениям»¹.

Большое количество интересных исторических сведений и статистических данных собрал в своем исследовании «Кровавая месть и смертные казни» проф. И.А. Малиновский. Связывая рост революционного экстремизма с политическим и тюремным насилием, ученый отметил его мстительную основу, но особо выделил не партийно-стратегическую, а психологическую причину: «... Чувство злобы и ненависти накапливается в груди революционера. Это чувство крепнет от сознания своей слабости по сравнению с силами врага. Сдерживаемое до поры до времени оно при удобном случае вырывается наружу и выливается в бурной форме актов кровавой расправы. Тогда революционер не в состоянии уже побороть мстительного инстинкта, он забывает принципиальное отрицание произвола и насилия и мстит врагу, отвечая насилием на насилие. Террорист, подобно всякому мстителю, совершает акт кровавой расправы потому, что он вынужден их совершать»². Этой же точки зрения, объясняя народнический террор и стремительный рост терактов направленных против представителей местной администрации и нижнего звена правоохранительных органов в 1906-1907 гг., будут придерживаться многие либеральные публицисты и писатели начала XX в.

Ряд смелых суждений сделал в своем критическом очерке, посвященном революционному террору и охранке один из кадетских лидеров, бывший товарищ председателя первой Государственной думы Н.А. Гредескул. Он также отметил широкую социальную поддержку террористов: «... выдвинутый... русской интеллигенцией на арену борьбы с абсолютизмом политический террор пользовался, если не активным, то пассивным сочувствием значительно более широких слоев русского общества, чем те, какие принимали в нем непосредственное участие». Подвергнув критике многие положения из тактико-стратегических аргументов террористов, он прямо заявил о провокационной взаимосвязи и «переплетении

---

¹ Меньшиков М.О. Письма к близким. Мученики воображения // Новое время. 12 августа 1906 г.

² Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. В 2-х вып. Томск, 1908-1909. Вып. 2. С.28-29.

друг с другом» некоторых интересов террористов и охраны, в частности, ведомственных и корыстных. Считая, что после революционных потрясений 1905-1907 гг. и изменения системы государственного управления «страна идет не к революции, а по правильному конституционному пути»¹, Н.А. Гредескул сделал ряд умозаключений, которые, особенно в свете будущих трагических российских событий, выглядят наивными: «... террор, как политическое течение, к сожалению, занявшее у нас в России такое прочное место, террор, как метод политической борьбы, опирающийся на общественную психологию, – такой террор умер в России, и, к счастью, умер, как мы думаем, безвозвратно»².

В целом, представители либеральной историографии начала XX в. наибольшее внимание уделили народовольческому терроризму, подвергнув критике обе противоборствующие стороны: народовольцев за «красный террор», а самодержавный режим за репрессии, обрушившиеся на «в высокой степени безобидное и мечтательное, романтическое и утопическое» ранее народничество³. Основными причинами эскалации революционно-террористического насилия, либеральная историография считала неадекватно агрессивную реакцию и провоцирующие меры правительства.

Отдавая достойное уважение проявляемому мужеству революционеров в борьбе, подвергли критике народовольческий терроризм социал-демократические теоретики. Помимо Г.В. Плеханова и В.Н. Засулич, конкретизировал «ошибки» «террора старого типа» В.И. Ленин, отметивший, что «... террор был мстостью отдельных лиц. Террор был заговором интеллигентских групп. Террор был совершенно не связан ни с каким настроением масс. Террор не подготовлял никаких боевых руководителей масс. Террор был результатом – а также симптомом и спутником – неверия в восстание, отсутствия условий для восстания»⁴. Критиче-

¹ Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 2. М., 1997. С.206; Гайда. Ф.А. Политическая обстановка в России накануне Первой мировой войны в оценке государственных деятелей и лидеров партий // Российская история. 2011. № 6. С.123-135.

² Гредескул Н.А. Террор и охранка. СПб., 1912. С.11,31.

³ Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы... С.2.

⁴ Ленин В.И. Современное положение и тактика рабочей партии // Партийные известия. 7 февраля 1906 г.

скому анализу был подвергнут и эсеровский террор Первой российской революции (1905-1907 гг.). Отметив активизирующее значение для роста протестного движения в 1902-1904 гг. деятельности Боевой организации ПСР, авторы социал-демократического сборника констатировали, что «в 1905-1906 годах террористическая деятельность боевой организации ослабевает, но во время и после революционного движения усиливается стихийный террор, вызываемый столкновениями во время революционного движения и его подавления. Террористические покушения делаются отдельными лицами, принадлежащими к партии с.-ров, максималистами, анархистами в ответ на жестокие правительственные репрессии. Террор ускользает от руководящих кругов партии и в 1906-1907 годах является скорее результатом отчаяния и озлобления, вызванного репрессиями. С 1908 года, отчасти под влиянием провокации Азефа, отчасти под влиянием все более и более укреплявшегося сознания бесплодности такой формы борьбы, террор исчезает, хотя еще и проповедуется со страниц центрального органа партии»¹.

Необходимо учитывать, несмотря на точно охарактеризованные тенденции, что социал-демократическая критика террористической тактики эсеров не была последовательной, перемежалась неоднократными допущениями, разнообразным передергиванием фактов, использованием двойных стандартов и произвольным толкованием понятий, её появление и аргументация в большой мере были продиктована партийным соперничеством с эсерами и политической конъюнктурой.

Особое место в дореволюционной историографии терроризма принадлежит А.И. Спиридовичу. Будучи одним из руководителей российской полиции, являясь начальником царской охраны, жандармский генерал А.И. Спиридович имел возможность сбора различной информации по революционному движению. Его произведения стали первыми крупными исследованиями деятельности основных революционных партий России². Характеризуя партийное строительство и деятельность революционеров, в большом количестве давая ссылки на партийные доку-

---

¹ Общественного движения в России в начале XX в. Т. 3, Кн. 5, СПб., 1914. С.107.

² Спиридович А.И. Революционное движение в России. Вып. I. Российская социал-демократическая рабочая партия. СПб., 1914; Он же. Революционное движение в России. Вып. II. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916.

менты, Спиридович особое внимание уделил проблематике развития терроризма. Так, оценивая партию «Народная воля», уже стереотипно воспринимавшуюся как террористическая, он отметил ее разноплановую работу, которая «охватила пропагандой как интеллигентные, так и рабочие кружки по многим городам; проникла в военную среду, где и образовала несколько офицерских организаций с крепкой центральной группой во главе, оборудовала ряд типографий, благодаря которым снабжала кружки не только заграничной, но и своей революционной литературой»¹. Анализируя социал-демократическое движение, он напротив особо выделил неоднозначное отношение к терроризму некоторых марксистов и партийных комитетов, отождествил «так называемые партизанские действия боевых дружин» социал-демократов с террором и отметил, что «боевая работа» партии, «выражалась в грабежах или "экспроприациях", личном терроре, или так называемых "партизанских выступлениях", и в подготовке вооруженного восстания»².

Спиридович особо заметил, что в 1905-1907 гг. основное количество революционно-террористических акций были совершены местными организациями, которые не всегда подчинялись и информировали вышестоящие партийные комитеты. Большое внимание им уделено анализу террористической стратегии неонароднических партий, разногласиям в эсеровской партийной среде по вопросам тактики, как на уровне ЦК, так и местных комитетов. Спиридович представил социальные и географические масштабы террористического движения в революции 1905-1907 гг., впервые обратил внимание на уставные отношения в боевых дружинах. Источниками сведений для Спиридовича были разнообразное делопроизводство ДП и материалы партийной публицистики. Стоит учесть, что фактическую часть террористической активности эсеров, Спиридович в большинстве случаев буквально переписал с «Памятной книжки социалиста-революционера» (Париж, 1914. Вып. 2), в некоторых местах уточняя лишь детали. Повторение неточностей в фамилиях боевиков, датах некоторых терактов и деталей покушений показывает, что перепроверить по архиву Департамента полиции, почерпнутые из

---

¹ Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники..... С.3.

² Спиридович А.И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти (1883-1903-1917). М., 2007. С.131.

партийной литературы сведения, Спиридович не смог. Это подтверждает, заявленную им в учрежденной Временным правительством Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, авторскую самостоятельность его исследования¹. В свою очередь, затем его работа целыми страницами была перепечатана в 1918 г. в книге «Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки»². Работы А.И. Спиридовича по масштабу представленного материала и обоснованности своих трактовок можно признать отправной точкой изучения революционного терроризма. Каких-либо статистических данных по террористическому движению генерал не представил, но систематизировал и скомпоновал большой объем сведений и информации. Несмотря на почти 100-летнюю давность и заметную субъективность некоторых оценок, более информативного труда по истории террористической деятельности российских революционеров начала XX в. найти трудно.

Характеризуя исследования российского революционного терроризма периода самодержавной России можно согласиться с мнением А.А. Бакаева, что в это время концептуальное содержание работ определялось, прежде всего, авторскими «партийной принадлежностью и идейными позициями»³. Тем самым, были сформированы основы «охранительной», революционной и либеральной историографических традиций в изучение революционного терроризма. Они базировались, в разной степени фактической аргументированности и эмоциональности, первая – на огульных обвинениях революционеров в ничем необоснованных кровавых злодеяниях, вторая – на попытке распределить взаимную ответственность за политическое насилие между всеми субъектами политического процесса и констатировать непримиримость позиций противников, и третья – на характеристике терроризма как одной из возможных форм революционной борьбы и дискутирование вопроса целесообразности использования его в тех или иных исторических обстоятельствах. В этот период, в силу очевидных причин, научного обоснования

---

¹ Спиридович А.И. История большевизма в России... С.439.

² Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. Пг., 1918.

³ Бакаев А.А. Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли. Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 2004.

и методологии этих позиций еще не сложилось, но в обилие актуальных комментариев, мнений и трактовок можно обнаружить и вполне полноценные научные аргументации и выводы.

1.2. Революционный терроризм в исследованиях 20-х – 80-х гг. XX века

После революционного 1917 г., сложившаяся политическая ситуация в стране долгое время не благоприятствовала изучению революционного терроризма. Среди причин этого стоит выделить следующие. Во-первых, не способствовало более глубокому изучению и исследованию терроризма, отнесение его советской идеологией к «интеллигентскому», так называемому, «мелкобуржуазному» способу борьбы. Во-вторых, принижение значения и роли в российском революционном процессе неонароднических и националистических партий. А так как именно они в большей мере терроризм пропагандировали и осуществляли, то это отразилось и на его изучении. В-третьих, играло свою роль опасение, что даже исторические, научные исследования могут спровоцировать террористические тенденции в политической борьбе и общественном развитии Советской России. В-четвертых, достаточно зыбкая разделительная линия между критикуемыми индивидуально-террористическими способами борьбы, которые применяли в большинстве неонароднические партии и партизанскими действиями или массовыми восстаниями, что использовались большевиками. Поэтому в революционных событиях начала XX в. исследовались лишь крупные вооруженные выступления и участвовавшие в них боевые дружины социал-демократов. Остальные боевые формирования и их деятельность изучались значительно меньше, если же упоминались, то преимущественно в критическом контексте.

Сами участники тех боевых событий, в том числе и большевики, не были склонны свои выводы о прошедшей борьбе афишировать, предпочитая в лучшем случае оставлять только воспоминания, в которых с каждым годом идеологический аспект стал заслонять событийный и научный. Такое обыкновение, вероятно, было связано с воздействием времени и продиктовано политико-идеологическими

соображениями. Из работ участников террористической деятельности, сумевших предложить теоретические обобщения, особое место необходимо уделить статье члена Летучего боевого отряда (ЛБО) Украинской области ПСР Николая Комарова.

Автор и редакция журнала «Каторга и ссылка» имели намерение в перспективе создать полноценное исследование боевой деятельности эсеров. Однако ограничились только «первым очерком», в котором была передана история Украинского ЛБО и его деятельность от зарождения до ликвидации. Статья Н. Комарова не только информативна, но и аналитична, а представленные обобщенные выводы очень ценны, в том числе и для нашего исследования, т.к. деятельность Украинского ЛБО распространялась и на центрально-черноземные губернии, и в очерке даются характеристики боевым подразделениям европейской России. В статье автор затрагивает многие вопросы, от внутренней жизни группы, до её взаимоотношений с губернскими и областными комитетами эсеров. Комаров охарактеризовал социальный состав боевых дружин нескольких областных комитетов, представил систему управления боевых групп, механизмы и «технику выполнения отдельных боевых выступлений», сложности взаимоотношений боевиков с разного уровня комитетами и споры между комитетами по вопросам террористической деятельности. Отнести работу Н. Комарова к обычным воспоминаниям и просто источникам нельзя из-за значительного обобщающего материала и обширного фактического содержания¹.

Несколько изданий предприняли попытку представить партийный взгляд на боевую деятельность социал-демократических дружин, лабораторий и военно-технических бюро². Неоднозначность этих попыток проявилась в контрасте при-

¹ Комаров Н. Очерки по истории местных и областных боевых организаций ПСР 1905-1909 гг. // Каторга и ссылка. 1925. № 4 (25). С.57,59.

² Техника большевистского подполья. Сб. ст. и восп. Вып. I. М., Л., 1923; Кийков А.А. Из былого Урала. Материалы к истории революционного движения на Южном Урале и в Приуралье. (1905-1916 гг.). Уфа, 1923; Моршанская М. Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП // Пролетарская революция. 1924. № 4 (27). С.65-88, № 5 (28). С.86-120; Работа боевых большевистских организаций 1905-1907 гг. // Пролетарская революция. 1925. № 7 (42). С.82-111; Белобородов А.Г. Из истории партизанского движения на Урале (1906-1909) // Красная летопись. 1926. № 1. С.92-99; Пече Я. Боевые дружины Латвии в 1905 г. // Пролетарская революция. 1926. № 3 (50). С.174-196; Боевая группа при ЦК РСДРП (б). (1905-1907 гг.): Ст., восп. / Сост. С.М. Познер. М., Л., 1927.

водимых примеров боевой деятельности и выводов о её массовости, а личные воспоминания многих боевиков прямо противоречили редакционным, официальным заявлениям об исключительно коллективных и санкционированных партийными комитетами боевых действиях этих групп.

Не имея возможности вести открытую дискуссию и отстаивать свои взгляды по поводу роли террористической деятельности в революционном процессе, многие участники боевых событий в публикуемых воспоминаниях старались не только описывать то, что видели и в чем участвовали, но и делать общие выводы. Аналитические рассуждения имеются во многих воспоминаниях членов боевых подразделений. Так анархо-синдикалист М.П. Адамович, характеризуя события 1906 г., отмечал: «Между тем, по мере того как расширялась волна экспроприаторства, начатая безукоризненной чистоты руками, она захватывала все более и более сомнительные элементы»¹. Одна из активных террористок Н.Я. Деркач подметила, что среди заключенных террористок «большинство эсэрок были интеллигентки, имевшие уже порядочный революционный стаж, в то время как анархистки почти на все сто процентов были работницы, малограмотные и политически недостаточно развитые»². Участник Первой революции, каторжанин, а затем активный публицист И.И. Генкин отмечал психологическое влияние террористической деятельности, которая «... дает наиболее сильные переживания и как бы сталкивает революционера непосредственно лицом к лицу с представителями правительственной власти. Самому террористу этот способ борьбы кажется наиболее решающим. На ряду с другими стимулами, в этом именно обстоятельстве и лежит причина того обаяния, какое террористическая деятельность оказывала на пылкую молодежь; даже многие социал-демократы не могли устоять против этого обаяния и явно или тайно восторгались террористами»³. Известная большевичка Ц.С. Зеликсон-Бобровская критически оценила деятельность большевистских боевых отрядов: «Наши дружины, сыгравшие столь крупную боевую роль в ок-

---

¹ Адамович К. (К. Арл.). Отбитая тюрьма. М., 1928. С.21.

² Деркач Н.Я. По этапам и тюрьмам. Л., 1930. С.58.

³ Генкин И.И. По тюрьмам и этапам. Пг., 1922. С.170. Эта цитата повторяется и в другой книге автора «Среди политкаторжан» (М., 1930. С.82).

тябре-декабре 1905 года, к описываемому времени, весной и летом 1906 года, будучи еще формально связанными с партийными организациями, по существу, от них оторвались и превратились в дезорганизованные группы боевиков, действовавших на свой риск и страх, пробавляясь "эксами", вносящими яд разложения в ряды нашей партии»¹. Относимые к источникам, воспоминания участников революционных событий, особенно воспоминания боевиков и террористов, могут нести в себе важный обобщающий и аналитический материал.

В 20-30-е гг. формальная точка зрения на терроризм как вид «мелкобуржуазной» революционности закрепились и стала господствующей в советской историографии. Избирательная критика этого способа борьбы в ленинских работах начала XX в. и отдельных статьях газеты «Искра» считалась исчерпывающей и окончательной, а социальная характеристика В.И. Лениным индивидуального террора как «специфически интеллигентского способа борьбы»² и «порождения интеллигентской слабости»³, воспринималась буквально. Такая официальная позиция не способствовала глубокому, объективному изучению терроризма. При этом идеологическая позиция, занимаемая по отношению к терактам, была двойная. С одной стороны, получившие всероссийскую известность террористы, особенно народовольческие, в революционные годы олицетворявшие собой борьбу с царизмом, получали достойное признание, их именами называли улицы и даже возводили памятники. Личное геройство и революционное самопожертвование государством культивировалось всемерно и рядовой террорист, пожертвовавший своей жизнью ради свержения самодержавия, на первых порах, в этой роли был незаменим. С другой стороны, сам терроризм, как способ политической борьбы, был объявлен пагубным явлением, разлагающим революционное единство масс, и получил ярлык продукта «контрреволюционной природы». Партии, активно пропагандировавшие терроризм и его применявшие, симптоматично относились к мелкобуржуазным и подвергались жесткой критике. В первую очередь, это коснулось партии социалистов-революционеров. Очерки истории и анализ деятель-

---

¹ Зеликсон-Бобровская Ц. Записки рядового подпольщика (1894-1914). М., 1924. С.128.

² Ленин В.И. ПСС. М., 1960. Т. 9. С.130.

³ Ленин В.И. ПСС. М., 1972. Т. 11. С.268.

ности этой партии, носили выраженный идеологизированный характер, а после антиэсеровского процесса 1922 г. – разгромный¹. При этом анализ террористической деятельности этой партии и аргументация выводов, также носили декларативный характер, опирающийся на оценки данные В.И. Лениным. Критика анархистских течений, была менее выраженной, но столь же последовательной².

Двойственность партийного отношения к терроризму первоначально проявлялась и в других противоречиях. Так, «официальный историограф» М.Н. Покровский начало активного революционного движения в Первой революции связал не с деятельностью социал-демократов или массовыми протестными выступлениями, а с терактами: «Два события окончательно переломили настроение "общества" в сторону "пораженчества" и революции: то были, во-первых, убийство Плеве в июле 1904 г. и, во-вторых, ляоянское сражение месяцем позже, в августе». Еще более крамольную мысль он высказал по поводу экспроприаторства, которое подавляющим большинством советских публицистов характеризовалось в образе стихийного, разрушающего партийную дисциплину, полукриминального явления: «Субъективно экспроприаторы были обыкновенно искренние, хотя и стоящие, разумеется, на ложном пути, революционеры. Отдельные крупные "эксы", впрочем, оказывали серьезную материальную поддержку революционному движению, так что говорить о "ложном пути" без оговорок тоже не приходится. Со своей точки зрения, Столыпин был прав, когда беспощадно истреблял "эксистов", физически и морально, стремясь их утопить в куче "бандитов". Это было

---

¹ Быстринский В. Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921; Мещеряков В.Н. Партия социалистов революционеров. М., 1922. Ч. 1-2; Стеклов Ю.М. Партия социалистов-революционеров. М., 1922; Луначарский А. Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М., 1922; Покровский М.Н. Что установил процесс так называемых «социалистов-революционеров»? М., 1922; Попов Н. Мелкобуржуазные антисоветские партии (Шесть лекций). М., 1924; Лисовский П. На службе капитала. Эсеро-меньшевистская контрреволюция. Л., 1928; Черномордик С. Эсеры (партия социалистов-революционеров). Харьков, 1930.

² Горев Б.И. Анархисты, максималисты и махаевцы. Пг., 1918; Генкин И.И. Среди преемников Бакунина. Заметки по истории российского анархизма периода 1905-1906 гг. (Махаевцы, безначальцы, чернознаменцы, безмотивцы, черные вороны, анархисты против анархизма) // Красная Летопись. 1927. № 1 (22). С.170-205; Залежский В.Н. Анархисты в России. М., 1930; Горев Б.И. Анархизм в России (от Бакунина до Махно). М., 1930; Равич-Черкасский М. Анархисты. Харьков, 1930; Сыркин Л. Махаевщина. М., Л., 1931.

наиболее смелое, что осталось от революционного движения, самое опасное в случае возникновения новой революции»¹.

Таким образом, в 20-е гг., наряду с мстительной мотивацией, основной причиной начала и распространения террористической борьбы была названа социальная, которая не позволяла инициативным «героям» мелкобуржуазных слоев населения, в первую очередь, интеллигенции, подняться до понимания массовой борьбы. Начинается активное исследование народнического движения XIX в. Одновременно с большим количеством документальных публикаций, активно печатаются воспоминания народников. Выходит ряд исследовательских работ, где особое внимание уделено народовольческому террору и «охоте на императора»². Обязательно отдавая должное самоотверженной борьбе народовольцев, фактически все исследователи фиксировали узкосоциальную основу народнического движения, отсутствие широкой общественной поддержки и, как следствие, мстительно-оборонительные предпосылки и безысходность разночинского терроризма. Заслугой историографии 20-х гг. стала не только собранная обширная документальная база народничества, но и начавшийся критический анализ эксцессов революционного экстремизма, в частности «нечаевщины», и самого народнического терроризма. В рамках известной дискуссии 1929-1930 гг. о Народной воле терроризм был охарактеризован как бесперспективный метод политической борьбы, используемый узким слоем революционной интеллигенции, и данная трактовка конструктивно вписывалась в ленинскую концепцию и периодизацию рево-

---

¹ Покровский М.Н. Избр. произведения в 4 кн. М., 1967. Т. 3. С.346,538.

² 1 марта 1881 года. По неизданным материалам. Пг., 1918; Ашешов Н.П. А.И. Желябов. Пг., 1919; Шилов А.А. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г. Пг., 1919; Ашешов Н.П. Софья Перовская. Пг., 1920; Лемке М.К. Политические процессы в России 1860-х. М.; Пг., 1923; Заславский Д. А.И. Желябов. М.; Л., 1926; Кункль А.А. Выстрел Веры Засулич. М., 1927; Клевенский М.М. Ищутинский кружок и покушение Каракозова. М., 1928; Левицкий В.О. Партия «Народная воля». Возникновение. Борьба. Гибель. М.; Л., 1928; Кункль А. Нецаев. М., 1929; Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929; Кункль А.А. Покушение Соловьева. М., 1929; Дружинин Н.М. Анна Васильевна Якимова. Член Исполнительного комитета партии «Народной воли». М., 1930; Корнилова-Мороз А. Софья Львовна Перовская. Член Исполнительного комитета партии «Народная воля». М., 1930; Невский В.И. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». М., 1930; 1 марта 1881 года. М., 1933.

люционного движения в России¹. Исследователи 20-х гг., исходя из принципов диалектического, поступательного развития, как отмечал М.Д. Карпачев, хотели «модернизировать революционное прошлое» народничества. «М.Н. Покровский, Б.Н. Горев, С.И. Мицкевич, И.А. Теодорович и некоторые другие исследователи пытались отыскать корни большевизма в революционно-демократическом движении 1860-х гг., в русском бланкизме (ткачевизме), в идеологии "Народной воли"»². Б.П. Козьмин в своих работах выстроил взаимосвязанную линию развития бланкизма от П.Г. Зайчневского, через ткачевцев, нечаевцев, ишутинцев к народо-вольцам³. И в этом контексте, А.В. Гамбаров логично заключал, что нечаевщина представляла собою «именно те приемы тактической борьбы, которые нашли более широкое и глубокое воплощение в движении русского большевизма...», а идеи большевизма нашли «свое глубочайшее и полное воплощение в методах и в тактике политической борьбы Российской Коммунистической Партии на протяжении 25-летней ее истории»⁴.

Однако, как отмечает известный исследователь народничества Н.А. Троицкий, именно террористическая тематика стала поводом для резкого изменения с середины 30-х гг. отношения советского руководства к исследованиям революционно-народнического периода⁵. 14 июня 1935 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О пропагандистской работе в ближайшее время» в котором указывалось: «Необходимо особенно разъяснить, что марксизм у нас вырос и окреп в борьбе с народничеством (народовольчеством и пр.), как злейшим врагом марксизма, и на основе разгрома его идейных положений, средств и методов политической борь-

¹ Дискуссия о Народной Воле в Обществе историков-марксистов (открытое заседание секции истории ВКП(б) и ленинизма, 16 и 25 января и 4 февраля 1930 г.) // Историк-марксист. 1930. Т.15. С.74-143.

² Карпачев М.Д. Очерки истории революционно-демократического движения в России. Воронеж, 1985. С.15; Он же. Русские революционеры разночинцы и буржуазные фальсификаторы. М., 1979. С.174.

³ Твардовская В.А., Итенберг Б.С. За изучением революционного движения в России (К столетию со дня рождения Б.П. Козьмина) // Революционеры и либералы в России. М., 1990. С.7.

⁴ Гамбаров А.В. В спорах о Нечаеве. М.; Л., 1926. С.37,146.

⁵ Альманах «Восток». Вып. № 1/2 (25/26). Январь-февраль 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: http://situation.ru/app/j_art_756.htm.

бы...»¹. Буквально эти же фразы использовал и краткий курс истории ВКП (б)². Вследствие этого на два десятилетия научные исследования народничества были приостановлены, а большая часть публикаций имела сугубо критический, идеологизированный характер, что не способствовало пониманию тенденций развития народнического экстремизма.

Имея однозначную, согласованную позицию по критике индивидуально-террористической деятельности, советская историография столкнулась с неопределенностью по отношению к партизанским и боевым действиям революционных дружин начала XX в. Неопределенность в суждениях и оценках, особенно проявлялась при публикации воспоминаний участников событий. Так, отмечая обширную и разнообразную боевую деятельность уральских социал-демократических боевиков, включавшую в себя покушения и теракты, работники уфимского Истпарта, буквально руководствуясь аргументацией ленинской статьи «Современное положение и тактика рабочей партии» (1906 г.), подчеркивали: «Это не был эсеровский террор: тут нет даже тени устрашения, нет мысли на улучшение политического строя, нет надежды на подачки или уступки со стороны царизма, нет и агитации. Убивали тогда, когда знали, что убивали провокатора, или эти люди мешали тем или иным путем организации»³. В конечном итоге, основным доводом советской историографии в типологизации и оценке революционно-боевых действий и формирований стал критерий партийной принадлежности субъектов деятельности. Признак предельно уязвимый, особенно если учесть, что большинство боевиков неоднократно в течение революции меняли свою партийную принадлежность, а многие террористические формирования эсеров и максималистов были крупнее, чем партизанские формирования социал-демократов. Но с этих методологических позиций появилась возможность опубликовать исследования по организации большевистского боевого дела начала XX в.⁴ Основным аргументом

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 6. С.233.

² История ВКП (б). Краткий курс. М., 1945. С.13.

³ 1905. Революционные события в г. Уфе и уральских заводах. Уфа, 1925. С.12.

⁴ Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. М., 1932; Розенблюм К.И. Военная и военно-боевая работа в революции 1905-1907 гг. ВКП (б) и военный вопрос. Л., 1933; Познер С.М. Первая боевая организация большевиков 1905-1907 гг. М., 1934; Очерки по истории

в том, что боевые дружины большевиков были продуктом массового движения, стала собственно победа большевистской революции, которая определила эти дружины, их боевиков и руководителей предшественниками массовой РККА, «будущими офицерами и генералами пролетарской армии»¹. Наиболее ярко это проявилось в боевой деятельности активных участников Первой революции и Гражданской войны Э.С. Кадомцева, Г.И. Котовского, С.А. Камо (Тер-Петросян), Н. Каландаришвили, М.В. Фрунзе, Л.Б. Красина и др. Соответственно боевые дружины неонароднических и анархистских организаций по существу становились террористическими.

В 30-е гг. исследования мелкобуржуазных партий и движений фактически приостановились. Изучались отдельные аспекты революционного движения, однако терроризму внимания не уделялось вовсе. Более того, стали замалчивать и игнорировать даже акты центрального террора. Наиболее характерно это видно в сравнении содержания опубликованных революционных календарей и хроник 20-х и последующих годов.

Таким образом, 20-30-е гг. в историографическом плане, несмотря на большое количество участников событий, для изучения терроризма оказались далеко не плодотворными. Террористические акты рассматривались как политико-уголовные преступления, обусловленные исключительными социальными или репрессивно-мстительными причинами, а не как целесообразный способ политической борьбы и форма революционной деятельности. При этом как важный положительный момент, необходимо учитывать многочисленные публикации воспоминаний участников революции, самих террористов, активных боевиков и членов боевых дружин, в которых представлены не только фактические и событийные сюжеты, но и достаточно большое количество выводов, аналитических суждений и комментариев. Основными критериями трактовки и характеристики деятельности революционных дружин начала XX в. являлись их партийная принад-

---

военной и военно-боевой работы ВКП (б). Сб. ст. В ч. Л., 1934; Гуляев А.И. Боевые дружины большевиков. Работа боевой организации большевиков Нарвской заставы г. Петербурга в 1905-1907 гг. Л., 1935; Ахун М.И., Маковский А. Военная и боевая работа большевиков в революции 1905-1907 гг. М., 1940.

¹ Кадомцев Э.С. Восп. о молодости. М., 1937. С.44.

лежность. В рамках этих установок были изданы исследовательские работы и большое количество публицистической литературы¹. Теоретическая слабость выводимых понятий и идеологическая ангажированность анализа, приводили к субъективности характеристик и противоречивости оценок. Так, в отличие от «партизанских боевых дружин» Г.И. Котовского и Н. Каландаришвили, такой статус не распространился на дружины «разбойников» З. Гушмузукаева, А. Билалетдинова и Н. Пиримкулова, «анархо-эсеров» А.М. Лбова и А.И. Савицкого. Экспроприаторская деятельность кавказской группы С.А. Камо (Тер-Петросян)², уральской группы братьев Кадомцевых³ или прибалтийских партизан⁴ характеризовалась как героическая, а максималистские, анархистские и эсеровские экссы считались «политическим бандитизмом и авантюризмом». Эта двойственность оценок касалась как персонально боевиков, так и конкретных терактов. терро-

---

¹ Базанов М.В. Военно-боевая работа большевиков в 1905-1907 гг. Л., 1941; Рычкова Г. Военно-боевая работа большевиков Урала в период первой русской революции. Свердловск, 1946; Кораблев Ю.И. Военная работа петербургских большевиков в годы первой российской революции. М., 1950; Сидельский Р.И., Грушин В.Т. Военная и боевая работа большевиков в период первой русской революции. М., 1952; Валуев П.Н. Военная и боевая работа Бакинской большевистской организации в революции 1905-1907 гг. Баку, 1952; Иванова О.А. Московское военно-техническое бюро РСДРП. 1906-1907 гг. // Исторические записки. М., 1955. С.210-252; Чулок И.С. Военно-боевая деятельность большевиков в Батуми в годы первой русской революции. Батуми, 1960; Панкратов Н.Р., Поляков И.М. Военно-боевая работа большевиков в период борьбы за диктатуру пролетариата (1903-1917 гг.). М., 1965; Медведев А.В. Военная и боевая работа партии большевиков в революции 1905-1907 гг. М., 1970; Панкратов Н.Р., Поляков И.М., Сидельский Р.И., Сумин А.И. Военно-боевая работа партии большевиков 1903-1917 гг. М., 1973; Копырин В.И., Сологуб В.П. Военно-боевая работа партии большевиков в годы первой русской революции. Киев, 1974; Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы. 1903-1917. М., 1974; Сенчакова Л.Т. Боевая рать революции (Очерки о боевых организациях РСДРП и рабочих дружинах 1905-1907 гг.). М., 1975; Кораблев Ю.И. Исторический опыт боевой и военной работы большевиков в трех революциях. М., 1981; Смирнов А.И. Боевая работа петербургских большевиков в революции 1905-1907 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1983.

² Медведева-Тер-Петросян С.В. Герой революции «товарищ Камо». М.; Л., 1925; Арутюнян А.Б. Камо. Жизнь и революционная деятельность. Ереван, 1958; Шаумян Л.С. Камо. Жизнь и деятельность профессионального революционера С.А. Тер-Петросяна. М., 1959; Таланов А.В. «Камо» – бессменный часовой. М., 1968; Дубинский-Мухадзе И.М. Камо. М., 1974.

³ Рычкова Г. Военно-боевая работа большевиков Урала в период первой русской революции. Свердловск, 1946; Хвостов Л.А. Братья Кадомцевы. Уфа, 1970; Боевая и военная деятельность большевистских организаций Урала (1905-1920 гг.). Сб. науч. тр. Свердловск, 1983.

⁴ Янсон-Браун Я. Латвия в первой половине 1905 г. // Пролетарская революция. 1922. № 12; Кораблев Ю.И. Революционные восстания на Балтике в 1905-1906 гг. Л., 1956; Бейка Д. Записки лесного брата. Рига, 1956.

ризм продолжали относить к индивидуальным формам борьбы, а соответственно статистическому подсчету и исследованию не подвергали.

Иные позиции в характеристике революционного терроризма заняли зарубежные исследователи, чему способствовали другие идеологические позиции, обилие и доступность исторических документов революционных партий и Заграничной охраны, собираемых в архивных и университетских коллекциях¹, возможность высказывать альтернативные точки зрения и дискутировать. Кроме того, российские зарубежные исследователи продолжали активно заниматься историей революционного движения, в рамках которой вопросы терроризма, противоборства с охранными структурами империи, провокаторство и другие занимали видное место. Особенно это касается работ и деятельности А.И. Спиридовича, Б.И. Николаевского, М.М. Карповича, С.Г. Сватикова, В.Л. Бурцева². Восстанавливая и уточняя перипетии революционной борьбы, собирая и сохраняя исторические документы, они обращались к реконструкции и изучению, в том числе и событий террористической борьбы. Первые попытки написать историю деятельности БО ПСР, объяснить феномен азефовщины и провокаторство, проанализировать внутриреволюционные процессы были предприняты именно ими. При этом инаковость заграничных взглядов на терроризм касалась многих аспектов. Одними из основных утверждений стали преемственность народнического террора и революционного терроризма начала XX в., идейное и методологическое родство нечаевщины, ленинизма и сталинизма, что позволило увидеть в терроризме не только форму социальной борьбы, но и проявления политической стратегии³. Кроме того, именно народнический и эсеровский террор стал характеризоваться

¹ Сабенникова И.В. Зарубежная архивная Россия: Список источников и литературы // Вестник архивиста. 1998. № 5. 1999. № 5. 2000. № 1. 2001. № 4/5; Русское зарубежье в архивах США: аннотированный указатель статей из отечественных журналов и продолжающихся изданий (2005-2009 гг.) // Российская история. 2011. № 1. С.203-214; Свойский М.Л. Из истории Бахметьевского архива в США // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С.140-163.

² Spiridovitch A. Histoire du terrorisme russe, 1886-1917. Paris, 1930. (Репринтное изд. Millword, New York: Kraus Reprint, 1983); Николаевский Б.И. Конец Азефа. Берлин, 1931; Он же. История одного предателя. Берлин, 1932; Karpovich M. Imperial Russia. 1801-1917. N.Y., 1943; Karpovich M. A Forerunner of Lenin: P.N. Tkachev // The Review of Politics. Vol. 6. 1944. № 3.

³ Эту точку зрения поддерживали М.М. Карпович, Н.А. Бердяев, той же точки зрения придерживаются американцы М. Правдин, Р. Пейн, Р. Пайпс, А. Улам, Ф. Помпер, англичане – Р. Хингли, И. Берлин, немцы – Г. Либер, К. Менерт.

родоначальником терроризма современного типа¹. Большое внимание вызвало исследование о народничестве итальянского историка Ф. Вентури, который, отрицая классовое содержание революционной борьбы в России, связал народнический экстремизм и радикальность с интеллигентскими корнями движения². Эта трактовка получила устойчивую поддержку со стороны и других зарубежных исследователей³. В полной мере поддержал ее и английский исследователь Рональд Сет, который одним из первых предложил рассматривать эволюцию российского революционного терроризма как единый, взаимосвязанный процесс развития экстремизма от прецедентов раннего народничества 70-х гг. XIX в. до терактов неонародничества в период Первой революции⁴.

Политические изменения в Советском союзе в 50-е гг. дали возможность активизировать исследования по тематике народничества. Вновь стала издаваться биографическая литература⁵. О разочаровании народников в возможность поднять массовое движение и вследствие этого склонение к террору обосновано заявил Б.П. Козьмин⁶, которого поддержали и другие исследователи¹. Фундамен-

¹ Bornstein J. *Politics of Murder*. N.-Y., 1951; Lampert E. *Sons against Fathers*. London, 1965; Seth R. *The Russian Terrorists: the study of the Narodniki*. London. [1966]; Gausher R. *The Terrorists: from Tsarist Russia to the O.A.S.* London, 1968; Laqueur W. *Terrorism*. L., 1977; Gleason A. *Young Russian: The Genesis of Russian Radicalism in the 1860-s*. N.-Y., 1980; *The Terrorism Reader: A Historical Anthology* / Ed. by Walter Laqueur. Temple University Press. Philadelphia, 1983; Ford F. *Political Murder: from Tyrannicide to Terrorism*. Cambridge, 1985; Daly W.J. *Autocracy under Siege. Security Police and Opposition in Russia. 1866-1905*. Northern Illinois University Press, 1998.

² Venturi F. *Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movement in Nineteenth Century Russia*. N.-Y., 1970. Первое издание: Venturi F. *Roots of Revolution*. London, 1957.

³ Radkey O.H. *The Agrarian Foes of Bolshevism. Promise and Default of Russian Social-Revolutionaries*. N.-Y., 1958. P.4; Pomper Ph. *Russian Revolutionary Intelligentsia*. N.-Y., 1970.

⁴ Seth R. *The Russian Terrorists: the study of the Narodniki*. London, [1966].

⁵ Павлюченко Э.А. *Софья Перовская*. М., 1959; Клеянкин А.В. *Андрей Желябов – герой «Народной воли»*. М., 1959; Прокофьев В. *Андрей Желябов*. М., 1960; Канивец В. *Александр Ульянов*. М., 1961; Семанов С.Н. *Во имя народа. Очерк жизни и борьбы Александра Ульянова*. М., 1961; Сегал Е.А. *София Перовская*. М., 1962; Павлюченко Э.А. *Вера Фигнер*. М., 1963; Итенберг Б.С., Черняк А.Я. *Жизнь Александра Ульянова*. М., 1966; Зильберман Е.Г., Халявин В.К. *Выстрел. Очерк жизни и революционной борьбы Дмитрия Каракозова*. Казань, 1968; Виленская Э.С. *Худяков*. М., 1969; Пирумова Н.М. *Бакунин*. М., 1970; Таратута Е. С.М. *Степняк-Кравчинский – революционер и писатель*. М., 1973; Трифонов Ю.В. *Нетерпение: повесть об Андрее Желябове*. М., 1974; Сутырин В.А. *Александр Ульянов (1866-1887)*. М., 1975; Твардовская В.А. *Н.А. Морозов в русском освободительном движении*. М., 1983; Лиходеев Л.И. *В начале было слово: повесть о Петре Зайчневском*. М., 1987.

⁶ Козьмин Б.П. *Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России // Исторические записки*. Т. 65. М., 1959. С.236-238.

тальное исследование с сугубо критическим анализом стратегии и тактики народовольческого терроризма осуществил С.С. Волк². С его работы начался научный спор об альтернативности народовольческой тактики террористической борьбы. И если автор относил переход к террору как политическую ошибку, то в своих работах М.С. Седов и Н.А. Троицкий исходили из вызванной обстоятельствами обоснованности и «исторической неизбежности» народовольческого террора³. Эту позицию Троицкий продолжает активно отстаивать, полемизируя с современными исследователями, расширяя количество аргументов и печатных работ⁴. Важной дискуссионной темой стала характеристика влияния народовольческого террора на самодержавный аппарат и систему. М.И. Хейфец это влияние оценил как «усилившее кризис верхов»⁵, Н.А. Троицкий как «решающий фактор второй революционной ситуации»⁶, Ю.Б. Соловьев и О.В. Будницкий как определяющую причину самодержавного реформаторства конца 70-х гг. XIX в.⁷, П.А. Зайончковский как непосредственную причину, вызвавшую растерянность правительственных кругов⁸. Иной оценки придерживалась В.А. Твардовская, которая отказала народовольческому терроризму в «плодотворности»⁹. Общим мнением советских историков о причинах народовольческого терроризма было подтверждение тезиса об ответной реакции на политические преследования и разочарование в возможность поднять массовую борьбу. Исследования народнической деятельности по-

¹ К примеру, Широкова В.В. К вопросу об оценке деятельности «Народной воли» // Вопросы истории. 1959. № 8. С.59-61.

² Волк С.С. Народная воля. М.; Л., 1966.

³ Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966. С.362; Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1971. С.13.

⁴ Троицкий Н.А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма, 1866-1882 гг. М., 1978; Он же. Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866-1895 гг. М., 1979; Он же. Адвокатура в России и политические процессы 1866-1904 гг. Тула, 2000; Он же. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002.

⁵ Хейфец М.И. Вторая революционная ситуация в России. Конец 70-х – начало 80-х гг. XIX в.: кризис правительственной политики. М., 1963. С.51.

⁶ Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. С.16.

⁷ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1979; Будницкий О.В. «Кровь по совести»: терроризм в России // Отечественная история. 1994. № 6. С.206; Вступ. ст. О.В. Будницкого // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д., 1996. С.13.

⁸ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 гг. М., 1964. С.16,474.

⁹ Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870-1880 гг. М., 1969. С.226.

зволили сделать и террорологические выводы о практикуемых методах борьбы. Так, Н.А. Троицкий, подытоживая опыт «Народной воли» заключил, что «террор, даже самый героический, поднять массы на восстание бессилён»¹. О.В. Будницкий напротив сделал заключение, что «террор оказался наиболее эффективным средством борьбы при ограниченности сил революционеров»².

С конца 80-х гг. обсуждаемой стала проблема морального суждения о революционном насилии и народовольческом терроре. Если советская историография исходила из морально-этической неподсудности классовой борьбы и старалась реабилитировать и возвеличить человеческий облик народовольческих террористов, относя даже некоторые террористические акции к «актам гуманистического значения ... в защиту человеческого достоинства»³, то определенная часть современных историков напротив стали оценивать деятельность народников сквозь призму абстрактно взятой общечеловеческой морали и склоняться к морализаторству, критически характеризуя облик и деятельность разночинской интеллигенции. Априорно осуждающие оценки и анализ народнического экстремизма представили С.Н. Бурин, Г.С. Кан, А.А. Левандовский, Ф.М. Лурье⁴.

В 60-80-е гг. всплеск во всем мире левого экстремизма и националистического терроризма вызвали повышенный интерес и к российскому революционному террору. Стало очевидным наличие определенных закономерностей в развитие экстремистских тенденций. Это отразилось в проведение одной из первых международных научных конференций (1979, ФРГ, г. Бад Хоумбург), посвященных истории, развитию и проблемам экстремизма и терроризма⁵. Начинается система-

¹ Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. С.32.

² Будницкий О.В. «Кровь по совести»: терроризм в России... С.206; Вступ. ст. О.В. Будницкого // История терроризма в России в документах... С.14.

³ Такое суждение авторы дают теракту В. Засулич. См. кн.: Витюк В.В., Эфиоров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987. С.81.

⁴ Бурин С.Н. Судьбы безвестные: С. Нечаев, Л. Тихомиров, В. Засулич. М., 1994; Кан Г.С. Народная воля: идеология и лидеры. М., 1997; Он же. «Разоблачители» и «апологеты» «Народной воли» // Освободительное движение в России. Вып. 19. Саратов, 2001; Левандовский А. Бомбисты // Родина. 1996. № 4. С.48-56; Он же. Синдром разночинца // Россия XXI. 2001. № 2. С.112-143; Лурье Ф.М. Нечаев: Созидатель разрушения. М., 2001.

⁵ История развития российского революционного терроризма нашла отражение в трех докладах конференции: Borke A. Von Violence and Terror in Russian Revolutionary Populism: the Narodnaya Volya. 1879-1983 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-

тическое научное осмысление феномена на Западе, где складываются центры его изучения. Ширится трактовка народничества и, как следствие, народнического терроризма как ярко выраженного интеллигентского движения. Изучая истоки и факторы всплеска российского терроризма, зарубежные исследователи в большей степени акцентировали внимание на психоаналитических и бихевиористских (поведенческих), а затем и экзистенциальных причинах террора. В дальнейшем этот подход расширился до антропологических рамок, включивших в себя современное видение религиозных различий и причин исламского терроризма. В отличие от отечественных, значительно шире в зарубежных исследованиях был спектр изучения террористических аспектов и проблем: от гендерного взгляда до партийных тактико-стратегических различий использования и статистических подсчетов некоторых параметров российского революционного терроризма¹.

Единый концептуальный подход к пониманию феномена российского революционного терроризма в рамках либеральной традиции предложил американский историк Норманн Неймарк. Помимо разработанной оригинальной стадийности революционного терроризма, в которой он выделил три периода: период радикализации (1861-1866), период народнического террора (1877-1907) и кризис связанный с Первой революцией (1904-1907)², Неймарк более четко обосновал появление террористического насилия как результата интеллигентской реакции на незавершенность Великих реформ, последующее введение государственных репрессий и контрреформ в ответ на акции революционного экстремизма³, и, как

Century Europe. N.-Y., 1982. P.48-62; Perrie M. Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe. N.-Y., 1982. P.63-79; Hildermeier M. The Terrorist Strategies of the Socialist-Revolutionary Party in Russia, 1900-1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe. N.-Y., 1982. P.80-87.

¹ Avrich P. The Russian Anarchists. Princeton, New Jersey, 1967; Hildermeier M. Zur Sozialstruktur der Führungsgruppen und zur terroristischen Kampfmethod der Sozialrevolutionären Partei Russlands // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 1972. (20); Knight A. Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party // The Russian Review. 1979. Vol. 38. № 2; Bushnell J. Mutineers and Revolutionaries: Military Revolution in Russia, 1905-1907. Bloomington, Indiana, 1985.

² Naimark N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia // Terrorism and Political Violence. Summer. 1990. Vol. 2. № 2. P.171.

³ Naimark N. Terrorists and Social Democrats: The Russian Revolutionary Movement Under Alexander III. Cambridge (Mass.) and London, 1983.

следствие, взаимное втягивание государства и общества в «воронку кровавого насилия», которое и разрушило не успевшее сформироваться российское гражданское общество¹. Стоит отметить, что преимущественно все иностранные исследователи выделяют большую или даже определяющую роль терроризма в гибели российского самодержавия, при этом происходит своеобразное совмещение взглядов либеральной и консервативно-охранительной историографических традиций. Такой подход стал преобладающим особенно в последние десятилетия: акцентируется кризис государственного управления, слабость правоохранительных органов, неспособность царизма использовать всевозможные правоприменительные средства и способы для нейтрализации антигосударственных организаций, что привело в свою очередь к усилению террористических групп. Продолжением либеральной традиции зарубежной историографии, как указывает А.А. Бакаев, стало то, что «революционный терроризм и государственный террор рассматривались как две стороны одной медали и определялись в качестве следствия отсутствия в России гражданского общества»².

Характерно, что, проявляя научный интерес к террористической тематике, отечественные исследователи 80-х гг. предметом изучения берут международный терроризм, фактически игнорируя свой, революционный³. Эта первоначальная волна исследователей заложила основы и выработала отечественные подходы к изучению российского терроризма.

---

¹ Naimark N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia // Terrorism and Political Violence. Summer. 1990. Vol. 2. № 2. P.188-89.

² Бакаев А.А. Российский революционный терроризм через призму... С.49.

³ Петровский В.Э. Происхождение терроризма и нетерпимости в США: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1968; Жданов Н.В. Правовые аспекты борьбы с террористическими актами международного характера: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1975; Ляхов Е.Г. Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом. М., 1979; Грачев А.С. Политический терроризм: корни проблемы. М., 1982; Он же. Тупики политического насилия. М., 1982; Асеевский А.И. Кто организует и направляет международный терроризм. М., 1982; Моджорян Л.А. Терроризм: правда и вымысел. М., 1983; Непесов М.М., Сапрыкин В.Н. Современный терроризм: социальные истоки, цели, проявления. М., 1984; Эфирова С.В. Покушение на будущее. М., 1984; Витюк В.В. Социальная сущность и идейно-политическая концепция современного «левого» терроризма: Дис... докт. философ. наук. М., 1985; Он же. Под чужими знаменами: лицемерие и самобман «левого» экстремизма. М., 1985; Грачев А.С. Политический экстремизм. М., 1986; Моджорян Л.А. Терроризм – правда и вымысел. М., 1986; Рубинштейн Р.Е. Алхимики революции: терроризм в современном мире. М., 1989; Чяликова В. Терроризм. М., 1989.

В 70-80-е гг. появилась возможность реализовать исследовательский интерес к неонародническим партиям. С разной степенью глубины и охвата, «утопичность террористической тактики эсеров» была продемонстрирована в ряде исследований¹. Характерной чертой этих работ стало внимание к общей тактике эсеровского террора². С конца 80-х гг. значительно выросло число исследовательской литературы об эсеровской боевой деятельности. Помимо работ общей тактики террористической деятельности эсеров стали появляться исследования и иных аспектов. М.И. Леонов взаимосвязал обширную общественную поддержку и экстремистскую деятельность революционеров, что привело к росту терроризма³. Д.Б. Павлов усомнился в утопичности эсеровской тактики: «Попытка соотнести эсеровские боевые выступления с проявлениями массового движения в годы первой революции... свидетельствует о невозможности однозначной оценки эсеровского террора»⁴. Он же, характеризуя аграрный террор, отметил его социальный, неполитический характер, а все попытки максималистов расширить его масштабы оценил как бесплодные. Было высказано еще более смелое утверждение, что «революционное движение 1901-1904 гг. породило террор, террор углубил революционную ситуацию и стал одним из очевидных ее проявлений»⁵. Были затронуты различные вопросы организации боевой деятельности эсеровской партии⁶.

¹ Борьба Ленина против мелкобуржуазной революционности и авантюризма. М., 1966; Жуков А.Ф. Разоблачение В.И. Лениным теории и тактики максимализма социалистов-революционеров // Идеи Ленина живут и побеждают. М., 1970; Леванов Б.В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров. 1903-1917 гг. Л., 1978.

² Гусев К.В. Партия социалистов-революционеров, ее политическое банкротство и гибель. М., 1967; Он же, Ерицян Х.А. От соглашательства к контрреволюции: Очерк истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров. М., 1968; Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1974; Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; Страницы истории эсеро-максималистов // Вопросы истории. 1988. № 5. С.85-101; Жуков А.Ф. Индивидуальный террор в тактике мелкобуржуазных партий в первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях. Сб. ст. М., 1989. С.138-144; Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989.

³ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С.126.

⁴ Павлов Д.Б. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905-1907 гг. // Непролетарские партии России в трех революциях. Сб. ст. М., 1989. С.150.

⁵ Вступ. ст. В.М. Шевырина, см.: Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991. С.19.

⁶ Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992; Он же. Эсеровская богородица. М., 1992; Идельсон М.В. Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров // Краеведч. зап.: Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 1993. С.7-22; Морозов К.Н. Б.В. Савинков и Боевая

Только в 70-е гг. насильственные покушения на представителей власти стали учитывать, лукаво относя их то к индивидуальным, то к групповым формам борьбы. По этому поводу, критике была подвергнута работа украинских исследователей «Классовая борьба в украинском селе»¹. Оппонентами оспаривалась не только методика, но и полученные результаты: «... зачислив все поджоги, избиения и убийства помещиков в разряд индивидуальных выступлений, авторы пришли... к неправильной оценке характера и сущности крестьянского движения 1907-1914 гг., в котором якобы преобладали индивидуальные выступления крестьян»². При этом двойственность оценки многих выступлений продолжала оставаться, что было связано с неопределенными методологическими трактовками, критериями оценки и характеристики многих покушений. Из-за отсутствия арестованных преступников, неясности состава преступления, неизвестности приговора, исследователи не знают, куда относить факты покушений – к прецедентам стихийных действий или одной из форм революционного движения. Постепенно сформировалась точка зрения, которая выступления с числом участников не менее 15 человек относила к массовым, а от 5 до 14 человек – групповым. Это не устранило противоречивого суждения об индивидуалистическом характере терроризма, в котором с 1905 г. начинают превалировать групповые акции и нередкими становятся боевые нападения и экспроприации с участием 20-30 человек.

Анализируя советскую историографическую традицию изучения революционного терроризма необходимо отметить влияние идеологического догматизма трактовок и методологии. Обоснование причин террористических проявлений базировалось на известной ленинской периодизации революционного движения и детерминировало экстремизм XIX в. «мелкобуржуазностью» разночинцев, кото-

---

организация партии эсеров 1909-1911 гг. // Минувшее: Ист. альманах. Вып. 18. М., СПб., 1995. С.243-314; Он же. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1909-1911 гг. и загадки «дела Петрова» // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в.: Материалы конференции. М., 1996. С.76-86; Куканов А. В. Государственная власть и политический терроризм партии социалистов-революционеров (1900-1905): Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1997; Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., 1998; Орышак М.И. Террор в деятельности партии социалистов-революционеров. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

¹ Лось Ф.Э., Михайлюк О.Г. Класова боротьба в українському селі 1907-1914. Київ, 1976.

² Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978. С.49.

рая затем проявилась и в эсеровском терроризме периода Первой революции. Основная причина перехода народников к терроризму в рамках этой концепции заключалась в их неверии в массовое движение и отсутствии народной поддержки. Предложения ряда исследователей видеть террористическую преемственность всего российского революционного движения не нашли поддержку, в первую очередь, по идеологическим причинам. Во второй половине века внимание советских исследователей к террористической проблематике проявлялось в контексте изучения народнического и неонароднического движения. Революционный терроризм и террористическая деятельность самостоятельного научного значения и трактовки не имели.

Западная историография этого периода в большей степени была представлена продолжающимся развитием либеральной историографической традиции, что во многом объяснялось влиянием эмигрировавших российских исследователей. Трактовки западных исследователей базировались на обусловленности террористических тенденций влиянием интеллигенции, намного большем внимании к психологическим факторам развития революционного экстремизма.

1.3. Современный период изучения террористической деятельности

За последние два десятилетия вышло большое количество разнообразной печатной продукции по проблеме революционного террора. Однако ее качество далеко не всегда отвечает научным принципам и объективности. Помимо этого, как справедливо отмечает О.А. Сухова, важным фактором стало отсутствие «целостной концепции, выстроенной с учетом новейших достижений в сфере методологии истории»¹. На ход научной дискуссии о терроризме оказывают влияние незавершенные споры по различным проблемам российской истории XIX-XX вв.

Далеко не оконченной является дискуссия о революционной позиции российского крестьянства в событиях начала XX в. Достаточно очевидно, что одно-

---

¹ Сухова О.А. Революционный терроризм в России конца XIX – начала XX вв.: историография, методология, факты // Исторический вестник. 2012. № 2. С.172.

значная точка зрения советской историографии о втягивании крестьянства в революционную борьбу и политизацию его взглядов под влиянием пролетарского движения и революционных событий, в современных условиях стала изменяться. Под воздействием, в том числе зарубежных исследований, утвердилась точка зрения о сложном характере и детерминизме крестьянского протестного поведения¹. О «многослойности и синкретизме крестьянского сознания», о тесном переплетении в нем революционаризма и традиционализма отмечается в крупных исследованиях О.Г. Буховца, О.А. Суховой, А.Н. Медушевского и др.². Данная позиция видится конструктивной и для анализа крестьянского индивидуального и группового экстремизма, что проявлялось в причинах покушений на административных и государственных чиновников, экспроприаций казенных учреждений, поджогов и пр. В исследовании А.Г. Рамазанова отстаивается точка зрения, что все формы крестьянских протестов, в том числе и разрушительные, имели логичность и обоснованность в рамках традиционного крестьянского менталитета³. Автором диссертации, это утверждение также обосновывалось в ряде публикаций и выступлений⁴. Такое понимание проблемы, позволяет более четко разделить широкое понятие «революционный терроризм» на две части – политический (партийный) и социальный (в терминологии XIX – начала XX вв. «аграрный» и «фабричный») террор, что даёт возможность объяснить многие противоречия и вопросы эскалации российского революционного экстремизма рубежа веков.

---

¹ Работы Т. Шанина, Дж. Скотта, М. Левина.

² Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в российской истории начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996; Сухова О.А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX в. (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007; Она же. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008; Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011. № 1. С.3-27.

³ Рамазанов А.Г. Правосознание крестьянства в революционную эпоху (на материалах Самарско-Симбирского Поволжья): Автореф. дис... канд. ист. наук. Самара, 1995. С.14.

⁴ Квасов О.Н. Крестьянский протест: формы и содержание // Государство и его подданные: века сотрудничества и противостояния. Мат. науч. конф. / Под общ. ред. В.Н. Глазьева. Воронеж, 2009. С.85-88; Квасов О.Н. Разгром имения помещика Русанова 20 декабря 1907 г. крестьянским братством эсеров // Созвездие. 2012. № 2 (3); Воронежское краеведение: традиции и современность. Мат. науч.-практ. конф. Воронеж, 2012. С.53-58.

Актуальным вопросом историографии остается дефиниционная проблема. Так, характеризуя эсеровский терроризм, М.И. Леонов замечает: «Едва ли можно отнести к террору старого типа, даже вообще к террору, убийство провокаторов и шпионов»¹. Единодушно определяя терроризм как форму крайнего экстремизма, исследователи спорят о сущности и границах феномена². Отсутствие четких критериев методики заставляет историков руководствоваться интуицией или категориями современного уголовного права, что не всегда применительно к событиям рубежа XIX-XX вв. оправдано. Диссертантом сформулировано своё определение терроризма, которое, как видится, более точно позволяет характеризовать сущность и эволюцию феномена³.

В 90-е гг. собранные количественные данные, позволили характеризовать эсеров как одну из самых многочисленных партий, имеющую поддержку не только в мелкобуржуазной среде, но и в рабоче-крестьянских слоях населения. Однако подсчеты террористической статистики не выходили за рамки конкретизации наиболее известных актов. Признанные исследователи партии эсеров в своих работах представили статистику эсеровских терактов, совершенных в 1902-1911 гг. Так, Д.Б. Павлов определил совокупную цифру в 233 покушения, К.В. Гусев – 263, а М.И. Леонов – 247⁴. При этом, если Павлов с Леоновым, в основном солидарны в подсчетах, указывая за 1905 г. 59 терактов, в 1906 г. – 93 и в 1907 – 81, то Гусев дает иные цифры, соответственно – 56, 74 и 57. Данные цифры террористической активности партии, которая правомерно считалась одной из наиболее экстремистских в левом лагере, ярко контрастируют с совокупными цифрами количества террористических жертв за первое десятилетие XX в., определяемыми в 17

---

¹ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С.129.

² Семенов Е.Ф. Некоторые проблемы исследования террора, терроризма и государственного терроризма в современной отечественной истории // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 1: История. С.125-134.

³ Квасов О.Н. Террористический дискурс в начале XX и XXI в. // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2009. № 1. С.206-209; Квасов О.Н. Дефиниционные категории и понятийный аппарат российского революционного терроризма // Диалог со временем. 2014. № 49. С.338-353.

⁴ Павлов Д.Б. Из истории боевой деятельности... С.149; Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992. С.34; Леонов М.И. Партия эсеров: середина 90-х гг. XIX века – 1907 г. // Политические партии в российских революциях в начале XX в. М., 2005. С.401-413.

тыс. человек (См.: Приложение. Таблица 1. С.470)¹. Несопоставимость данных цифр и отсутствие конструктивного объяснения расхождения, иллюстрируют наше современное представление о российском терроризме начала XX в. Ряд статистических оценок и критических расчетов были сделаны и диссертантом².

Современные российские исследователи значительно увеличили внимание к личностным портретам известных террористов (Б.В. Савинкову, И.П. Каляеву, Е.С. Сазонову, М.М. Спиридоновой, А.М. Лбову)³, провокаторству⁴, проблеме источников финансирования революционных партий и движений⁵. Эти темы напрямую или косвенно касаются проблематики терроризма и способствуют конкретизации и увеличению объективной информации о феномене.

¹ Geifman A. Thou shalt kill: Revolutionaru tettorism in Russia. 1894-1917. Princeton, 1993. P.21; «Круглый стол»: Террор и культура в русской исторической перспективе // Москва. 1997. № 8. С.155; Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. С.25.

² Квасов О.Н. Количественные параметры жертв революционного терроризма начала XX в. // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2010. № 2. Июль-декабрь. С.24-32.

³ Городницкий Р.А. Егор Созонов: мировоззрение и психология эсера-террориста // Отечественная история. 1995. № 5. С.168-174; Лавров В.М. Мария Спиридонова: террористка и жертва террора. М., 1996; Баранов А.С. Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX в. (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С.181-191; Журавлев В.С. Человек революционной эпохи: судьба эсера-террориста Г.И. Семенова // Отечественная история. 2000. № 3. С.87-105; Цымрина Т.В. Софья Перовская: Политический портрет. Таганрог, 2006; Фролова Е.И. Борис Савинков: террор как трагедия // Вопросы истории. 2009. № 3. С.81-99; Кудрин А.В. Образ А. Лбова в неопубликованных восп. современников. Эпизоды // Мотовилиха: открывая новые страницы: тезисы докладов науч.-практ. конф. Пермь, 2011. С.111-115; Он же. О мотивах революционной деятельности Александра Лбова в 1905-1906 гг. // Смышляевский сб.: исследования и материалы по истории и культуре Перми. Вып. 4. Пермь, 2012. С.101-105; Канн Г.С. Наталья Климова. Жизнь и борьба. СПб., 2012; многочисленные работы Р.С. Закирова о Каляеве.

⁴ Гейфман А. Три легенды вокруг «дела Азефа» // Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991; Розенталь И.С. Провокатор. Роман Малиновский: Судьба и время. М., 1996; Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001; Овченко Ю.Ф. Провокация на службе охраны // Новый исторический вестник. 2003. № 9. С.28-45.

⁵ Павлов Д.Б., Петров С. Тайны русско-японской войны. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904-1905 гг.: Документы / Сост. И.В. Деревянко. М., 1993; Фельштинский Ю.Г. Как добывались деньги на революцию // Вопросы истории. 1998. № 9. С.34-51; Медведев Ж.А. Английский фунт для русской революции // Вопросы истории. 2001. № 7. С.144-149; Сикорский Е.А. Деньги на революцию: 1903-1920 гг. Факты. Версии. Размышления. 2-е изд., доп. и перераб. Смоленск, 2004; Трубичев И. Анархистские экспроприации: революционная борьба или уголовщина (на примере Первой русской революции) // Наше отечество. Страницы истории. Вып. 4. М., 2005. С.81-89; Квасов О.Н. Террористическая экспроприация как форма революционной борьбы в Российской империи начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 3 (9). Ч. 1. С.61-65.

Различные сложности источникового и идеологического характера создавали значительные трудности в изучении анархизма, однако с 80-х гг. пробудился интерес и к анархистскому движению¹. Практически все исследователи придерживаются некоторых стереотипных характеристик анархо-экстремизма: утопичность и стремительная криминализация движения, импульсивность и неуправляемость анархистского экстремизма и самих боевиков. Данные характеристики достаточно уверенно позволяют говорить о том, что именно анархистский терроризм был наиболее «мелким» в определении объектов насилия и количественно многочисленным. Но опираться на конкретные цифры и статистику нет возможности, — таких подсчетов практически не проводилось. Это же замечание относится и к современным исследованиям². Интересные и разнообразные статистические сведения об анархизме, в первую очередь, социального характера предложены В.Д. Ермаковым и А. и А. Дубовиками³. Эти данные, учитывая специфику движения, в определенной мере можно экстраполировать и на анархистских террористов.

В этот период начал формироваться массив справочной литературы по терроризму⁴. Издаваемые преимущественно по личной инициативе, нередко без ре-

¹ Комин В.В. Анархизм в России. Калинин, 1969; Корноухов Е.М. Борьба партии большевиков против анархизма в России. М., 1981; Худайкулов М. Из истории борьбы большевиков с анархизмом. Ташкент, 1984; Канев С.Н. Революция и анархизм: Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1890-1917 гг.). М., 1987.

² Кривенький В.В. Анархисты в революции 1905-1907 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; Пронякин Д.И. Анархизм: «исторические» претензии и уроки истории. Л., 1990; Ударцев С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Алматы, 1994; Ударцев С.Ф. Российский анархизм и анархисты (вторая половина XIX – конец XX вв.). СПб., 1996; Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири (первая четверть XX в.). Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика: Монография. Ч. 1. 1900-1918. Омск, 1996; Ударцев С.Ф. Анархистское движение в России: история и современность. СПб., 1997; Пейч Д.И. Анархистский террор в России 1905-1907 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2013.

³ Ермаков В.Д. Портрет российского анархиста начала XX в. // Социс. 1992. № 3. С.97-99; Дубовик А. и А. Деятельность «Группы екатеринославских рабочих анархистов-коммунистов» (1905-1906 гг.). [Электронный ресурс]. URL: <http://socialist.memo.ru/books/html/duboviki.html> 11 июля 2010.

⁴ Преступники и преступления с древности до наших дней. Разбойники и террористы: Энциклопедия / Сост. Д.А. Мамичев. Донецк, 1997; Раззаков Ф.И. Век террора. М., 1997; Жаринов К.В. Терроризм и террористы: Ист. справочник / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск, 1999; Кожушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск, 2000; Терроризм и контртерроризм в современном мире: аналитические материалы, документы, глоссарий: Научно-справочное издание / Под общей ред. акад. О.А. Колобова. М.,

цензентов и поддержки научных коллективов, эти издания в подавляющем большинстве иллюстрируют современные фактологические и научные противоречия феномена. Так, к примеру, помимо общих для всех изданий проблем с датированием и подбором исторических фактов, Ф.А. Раззаков категорично заявляет, что железнодорожная авария царского поезда у ст. Борки (17.10.1888) произошла вследствие «взрыва бомбы», но «полиции так и не удалось схватить его зачинщиков и раскрыть заговор» (С.7). В словаре С.А. Ланцова, помимо перепутанных и неверно обозначенных дат покушений Боевой организации ПСР (С.35), Евно Азеф указан с отчеством «Фишевич», хотя он Фишелевич (С.12), а оправдательный приговор суда присяжных над В. Засулич произошел «при активном участии известного юриста А.Ф. Кони» (С.52) и пр. В целом, характеризуя массив справочной литературы, можно констатировать, что издание качественного научного справочника по истории российского революционного терроризма ещё впереди.

С ростом критики советского прошлого, в научной полемике и публицистической литературе на большевиков стали возлагать ответственность и за распространение индивидуального терроризма в начале XX в. Проведенное в нескольких работах переосмысление большевистского экстремизма позволило сформировать более взвешенное и объективное отношение к полемике о терроризме начала XX в. и боевым призывам В.И. Ленина к партийным организациям в 1905-1906 гг¹. С другой стороны, начала меняться оценка «мелкобуржуазного революционизма» эсеров. Об идентичности боевых действий эсеров и социал-демократов высказался М.И. Леонов: «В целом действия боевых дружин, в которых основную массу составляли рабочие и крестьяне, скорее относились к проявлениям «партизанской

2003; Малая война. Организация и тактика боевых действий малых подразделений: Хрестоматия / Сост. А.Е. Тарас. Минск, 2003; Ланцов С.А. Террор и террористы: Словарь. СПб., 2004; Журавель В.П., Шевченко В.Г. Энциклопедический словарь. О терроризме, террорологии и антитеррористической деятельности. М., 2006.

¹ Степанов Ю.В. Проблема политического терроризма в марксизме: (ист.-фил. анализ): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Максимов А. В.И. Ленин о терроризме // Диалог. 1998. № 3. С.42-79; Хлобустов О.М. Большевики и терроризм в России. Большевики и политический терроризм в России // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С.28-35; Будницкий О.В. Социал-демократия и терроризм // Терроризм в российском освободительном движении. С.263-335; Портнягина Н.А. Восприятие политического терроризма русским марксизмом в начале XX в. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди: Сб. науч. тр. СПб., 2008. С.114-124.

войны» как по формам и средствам своего осуществления, так и по связи с чувством непосредственного протеста экзальтированных лиц»¹.

Террористические угрозы 90-х гг. активизировали интерес к правоохранительной системе Российской империи, ее противостоянию с революционным экстремизмом и терроризмом². Значительно выросло число публикаций документальных источников и исследований регионального характера, в которых рассматривается правоохранительная система Российской империи³. Данные работы

¹ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С.129.

² Кознов А.П. Заграничный политический сыск (1900 – февраль 1917) // Кентавр. 1992. № 1-2. С.96-108; Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993; Головкин Г.З., Бурин С.Н. Канцелярия непроницаемой тьмы: Политический сыск и революционеры. М., 1994; Вязьмитинов М.Н. Жандармы и армия. Политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905-1907 гг. // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С.89-93; Галкин В.В. Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением в России (1880-1910 гг.). М., 1996; Брачев В.С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 1998; Литвинов Н.Д., Мурадинов Ш.М. Противодействие терроризму на железных дорогах Российской империи. М., 1999; Суворов А.И. В противоборстве с террористами: Из истории борьбы правоохранительных органов дореволюционной России с политическим терроризмом. Монография. М., 1999; Трошин Н.В. Административно-полицейские органы царской России в борьбе с экстремизмом и террором во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Владимир, 2000; Перегудова З.И. Политический сыск России (1880-1917). М., 2000; Брачев В.С. Заграничная агентура Департамента полиции (1883-1917). СПб., 2001; Борисов А.Н. Особый отдел империи: История Заграничной агентуры российских спецслужб. СПб.; М., 2001; Галвазин С. Охранные структуры Российской империи. Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001; Абакумов О.Ю. У истоков заграничной политической провокации // Вопросы истории. 2002. № 5. С.127-138; Жаров С.Н. Безагентурные методы политической борьбы в Российской империи начала XX в. Челябинск, 2002; Суворов А.И. Борьба с терроризмом в России в XIX – начале XX в. (Историко-правовое исследование антитеррористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России). М., 2002; Чудакова М.С. Противостояние: политический сыск дореволюционной России, 1880-1917. Ярославль, 2003; Романова Г.В. Борьба подразделений политической полиции Поволжья с революционным террором в 1905-1907 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004; Лурье Ф.М. Политический сыск в истории России, 1649-1917 гг. М., 2006; Алексеенко Д.М. Из опыта борьбы спецслужб Российской империи с террористами // Высокотехнологичный терроризм: Материалы российско-американского семинара. М., 2007; Ковтуненко П.О. Правоохранительная система Пермской губернии в период наивысшего подъема террористической деятельности (начало XX в.) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 3. С.64-68; Чудакова М.С. Секретная агентура Департамента полиции (1907-1917 гг.) // Новый исторический вестник. 2011. № 1 (23). С.22-34; Овченко Ю.Ф. Безопасность империи. (Политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия. 1880-1917 гг.). М., 2012.

³ Ярмыш А.Н. Наблюдать неотступно. Административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска на Украине в конце XIX – начале XX вв. Киев, 1992; Мыщиков В.В. Из истории жандармского полицейского надзора на ЮВЖД // Российская цивилизация: история и современность. Межвуз. сб. науч. ст. Воронеж, 1998. Вып. 1. С.129-143; Попов И.В. Московское охранное отделение в борьбе с революционным терроризмом (1905-1914 гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Краснодар, 2000; Щеткин С.В. Деятельность Челябинского жандармского отде-

позволяют понять как воспринимался терроризм царской властью, как видела механику революционного процесса и террористической деятельности полиция, какими средствами политическому сыску удалось противодействовать революционно-террористическим противникам.

Исследования 90-х гг. уже носили отпечаток современных отечественных событий, появилась самостоятельность в выводах, за счет иностранных архивов расширилась источниковая база, критически были осмысленны зарубежные террорологические исследования¹. Среди работ, которые выходили в эти годы, необходимо выделить статью полковника юстиции Ю.С. Горбунова, одним из первых критически подошедшего к попыткам классификации терроризма российских и зарубежных исследователей и предложившего структурно-функциональный ана-

---

ления в конце XIX – начале XX вв. // История правоохранительных органов России. Челябинск, 2000. С.66-86; Невский С.А., Карлеба В.А., Сирица И.В. Органы охраны правопорядка и безопасности на Кубани (вторая половина XIX – начало XX в.). Краснодар, 2003; Шамаев В.Г. На страже государственной безопасности: из истории Воронежского губернского жандармского управления. Воронеж, 2005; Сичинский Е.П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М., 2005; Горбачева И.М. Индивидуальный политический террор леворадикальных партий и борьба с ним Московского охранного отделения (конец XIX в. – 1917 г.): Дис... канд. ист. наук. М., 2006; Голубев Г.А. Международное сотрудничество России в сфере противодействия терроризму, последняя треть XIX – начало XX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2006; Белова А.В. Тамбовское ГЖУ: структура, деятельность, кадры (1867-1917 гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Тамбов, 2008; Овченко Ю.Ф. Московская охранка на рубеже веков. 1880-1904 гг. Монография. М., 2010.

¹ Бояр-Созонович Т.С. Международный терроризм: Политико-правовые аспекты. Киев, Одесса, 1991; Моджорян Л.А. Терроризм на море. Борьба государств за безопасность морского судоходства. М., 1991; Ляхов Е.Г. Терроризм и межгосударственные отношения. М., 1991; Беглова Н.С. Терроризм: поиск решения проблемы // США: экономика, политика, идеология. 1991. № 1. С.51-65; Дементьев И.В. Феномен политического терроризма: концептуальный аспект // Социс. 1991. № 11. С.47-52; Витюк В.В. Терроризм постперестроечной эпохи // Социс. 1993. № 7. С.42-50; Социальные конфликты: терроризм. М., 1993; Социальные конфликты. Экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Терроризм. М., 1993. № 4; Лазарев Н.Я. Терроризм как тип политического поведения // Социс. 1993. № 8. С.32-36; Замковой В., Ильчиков М. Терроризм – глобальная проблема современности. М., 1996; Верховский А., Папп А. Политический экстремизм в России. М., 1996; Морозов Г.И. Терроризм – преступление против человечества. М., 1997; Терроризм и преступления террористической направленности. Харьков, 1997; Ревяко Т.И. Террор и антитеррор: покушения, взрывы, убийства. Минск, 1997; Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998; Кабанов П.А. Политический терроризм: криминологическая характеристика и меры сдерживания. Нижнекаменск, 1998; Овчинников Г.В. Терроризм. СПб., 1998; Терроризм: современные аспекты. Сб. науч. ст. М., 1999; Боголюбова Т. Борьба с терроризмом: уголовно-правовые проблемы // Уголовное право. М., 1999. № 1. С.39-43; Литвинов Н.Д. Террористические организации: формирование и деятельность (политико-правовой анализ). Монография. М., 1999.

лиз террористической деятельности¹. В ходе дискуссий и обсуждения мер противодействия экстремизму большинство юристов склонилось к мнению, что терроризм необходимо трактовать в рамках двух понятий: как криминологическое и социально-политическое (общеправовое) явления². В первом случае, он характеризуется конкретными уголовными деяниями, во втором – это социальное явление, которое включает в себя помимо специфической организационной структуры и деятельности, особую террористическую идеологию и мифологию. Такой подход дает возможность не только деполитизировать явление, но и более полно представить сущность терроризма, его многогранность.

Только в конце века терроризм стал пониматься исследователями как целостное явление, что вызвало необходимость создания концептуальных методик изучения этого социального феномена. Исторический анализ развития терроризма предложили М.П. Одесский и Д.М. Фельдман. Обстоятельные историко-культурологические исследования этих авторов, существенно расширяются границы феномена терроризма рассмотрением его как политики «управления посредством устрашения, подавляющего социум»³. В 90-е гг. прошло несколько важных дискуссий и конференций, на которых феномен терроризма рассматривался в контексте различных отечественных исторических обстоятельств и процессов⁴. Попытки выяснить генетические корни российского терроризма начала XX в. предприняли и другие исследователи⁵. Значительно увеличился интерес к

¹ Горбунов Ю.С. К вопросу о классификации терроризма // Московский журнал международного права. 1993. № 1. С.51-63. В дальнейшем, профессор Ю.С. Горбунов свое видение терроризма представил в многочисленных публикациях и монографии «Терроризм и правовое регулирование противодействия ему». М., 2008.

² См. работы В.А. Бурковской, А.В. Гыскэ, А.И. Долговой, Г.М. Миньковского, И.А. Моисеенко, М.Ф. Мусаеляна, М.В. Феоктистова и др.

³ Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования. Пособие по спецкурсу. М., 1997. С.93.

⁴ История и террор: межвуз. науч. конф. Пермь, 1993; История и террор: тезисы докладов на межвуз. науч. конф. Пермь, 1996; Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в.: Мат. конф. М., 1996; Террор и культура в русской исторической перспективе. «Круглый стол» // Москва. 1997. № 8. С.153-168; История и террор: межвуз. науч. конф. Пермь, 1998; Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С.3-18.

⁵ Исаева Т.Б. История политического терроризма в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Методическое пособие. Саратов, 1996; Нечипоренко О.М. Истоки и специфика российского

темам связанным с террористической деятельностью, вопросам, затрагивающим взаимовлияние революционного экстремизма и различных сфер общественной жизни¹. Во многих работах рассматриваются не только конкретные события, но и различные аспекты террористической деятельности революционеров².

Внутри- и внешнеполитические события последних двух десятилетий определенно продемонстрировали устойчивое нарастание террористических тенденций. Отечественная наука на это отреагировала большим количеством различных исследований, в которых феномен терроризма исследуется как с узкодисциплинарных позиций, так и с позиций междисциплинарного синтеза³. На террорологи-

---

политического терроризма // Актуальные проблемы Европы. 1997. № 4. С.165-172; Варфоломеев Ю.В. «Русский способ»: Феномен революционного терроризма в России начала XX в. // Российский исторический журнал. 2008. № 2. С.3-51; Ибатуллин Р.У. Интеллигенция и терроризм в России в начале XX в. // Исторический вестник. М., 2012. Т. 2 (149). С.48-65.

¹ Баранов А.С. Революционный терроризм как феномен русской культуры: Автореф. дис. ... канд. культурологических наук. М., 2000; Могильнер М.Б. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999; Петухов В.Б. Серебряный век русской культуры и терроризм. Ульяновск, 2006; Смертин А.Н. Идеиные истоки революционного правосознания в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник СПб. университета МВД России. № 2 (34). 2007. С.35-39; Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60-80-е годы XIX в.). М., 2008; Рязанов Д.В. Неофициальная информация и терроризм: слухи и домыслы в революционной практике 1810-1860-х гг. // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1. С.89-93; Варфоломеев Ю.В. Знаменитые судебные процессы по делам революционных террористов в России (1901-1911). Энгельс, 2009; Носков М.А. Российский терроризм начала XX в. в общественном восприятии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879-1881 гг. М., 2014.

² Убийство Столыпина. Свидетельства и документы / Сост. А. Серебренников. Рига, 1990; Степанов С.А. Загадки убийства Столыпина. М., 1995; Тайна убийства Столыпина / Под общ. ред. П.А. Пожигайло. М., 2003; Шарапов А.К. Террористический аспект в политической борьбе леворадикальных сил России на рубеже XIX и XX в. // Вестник алтайской науки. 2009. № 3. С.176-189; Островская О.А. Досуг в структуре повседневности террористов-эсеров: постановка вопроса // Вестник Пермского ун-та. История. 2013. Вып. 3 (23). С.70-78; Закиров Р.С. Убийство вел. кн. Сергея Александровича эсером И.П. Каляевым 4 февраля 1905 г. (по материалам периодической печати) // Исторические науки. 2012. № 1. С.37-42.

³ Литвинов Н.Д. Антигосударственный терроризм: понятие и прогноз развития в России. Воронеж, 2000; Ольшанский Д.В. Психология терроризма. М., 2002; Петров К.Е. Структура концепта «терроризм» // Полис. 2003. № 4. С.130-141; Требин М.П. Терроризм в XXI в. Минск, 2003; Воротников В.П. Терроризм: причины, последствия, возможности преодоления. М., 2005; Терроризм в современном мире: Опыт междисциплинарного анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2005. № 6. С.3-36; Решетова Н., Бурковская В. Квалификация организованных форм террористической деятельности // Законность. 2007. № 6. С.16-20; Федорцов В.А. Негосударственный терроризм как форма политической борьбы: Автореф. дис... канд. полит. наук. М., 2007; Макарычев А.С. Терроризм: энциклопедии, археология, грамматика // Индекс безопасности. 2007. № 2 (82). Т. 13. С.133-146; Гурба В.Н. Многоликий терроризм: подходы к многоуровневой модели исследования // Философия права. 2009. № 1. С.59-63; Масалов А.Г.

ческую тематику за короткий период по разным отраслям наук защищено более 70 кандидатских и докторских работ. На данный момент, можно говорить о появлении «общей теории террористической деятельности» и новой дисциплины «террологии/террорологии», имеются учебные программы, читаются специальные курсы, хотя сущность, функции и содержание этих дисциплин еще дискутируются, равно, как и не определено общепринятое название дисциплины¹.

Важной вехой исторических исследований революционного терроризма начала XX в. стала публикация диссертационного исследования американского историка Анны Гейфман². В работе наряду с известными актами, были собраны наиболее неприглядные и отвратные явления революционного терроризма и экстремизма, примеры отступничества и жестокости боевиков. Сугубо критический взгляд на российский революционный терроризм позволил автору представить в полном цвете «подкладку революции», однако, по нашему мнению, не позволил дать объективное объяснение причин и факторов столь интенсивного всплеска террористической активности в России. Кроме того, односторонне критическое представление о революционном движении, лишение его исторической и социальной обусловленности, приводит к «демонизации» его участников и извращает сущность исторического процесса. Не обладая достаточными объективными данными для обоснования своей точки зрения, сторонники таких взглядов, зачастую довольствуются простой сменой оценочных категорий, абсолютизацией единич-

---

Психологические аспекты политического террора // *Философия права*. 2009. № 6. С.11-13; Антонян Ю.М. *Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование*. М., 2010; Чуланов В.А., Гурба В.Н. Социологический анализ сущности и социальных форм терроризма // *Вестник ЮРГТУ (НПИ)*. 2010. № 2. С.172-180; Вахрушев В.А. Исторические аспекты терроризма // *Вестник академии военных наук*. 2011. № 2 (35). С.187-196; Барышников С.Г. Социально-философский анализ форм осуществления террористической деятельности // *Вестник Челябинской гос. акад. культуры и искусства*. 2011. № 3 (27). С.102-104; Портнягина Н.А. «Зато у нас есть Вера Фигнер»: революционный терроризм начала XX века глазами женщин // *Вестник СПб. ун-та. Сер. 2: История*. 2012. Вып. 1. С.24-30.

¹ Барышников С.Г. Функция специально-методологических оснований построения системы знаний о террористической деятельности // *Вестник Дагестанского гос. ун-та*. 2011. № 5. С.267. Кафтан В.В. *Введение в террологию. Логико-гносеологические основания институционализации*. М., 2009; Барышников С.Г. *Общая теория террористической деятельности: объект, предмет, особенности и задачи исследования* // *Вестник Пермского нац. исследовательского политехн. ун-та. Соц.-экон. науки*. 2011. № 12. С.39-44.

² Geifman A. *Thou shalt kill: Revolutionaru tettorism in Russia. 1894-1917*. Princeton, 1993. В русском переводе: Гейфман А. *Революционный террор в России. 1894-1917* / Пер. с англ. М., 1997.

ных фактов, публицистически категоричными заявлениями или конспирологическими домыслами, реанимируя аргументацию историков охранительного (консервативного) направления конца XIX в. Так, император Николай II превратился в либерала и реформатора, а проведению так необходимой стране на рубеже веков «модернизации препятствовали не взгляды Николая II, а, прежде всего, оппозиция и революция, борьба с которыми отвлекала власть от исполнения реформаторских планов»¹, само же революционное насилие достигло беспрецедентного размаха благодаря «попустительству властей, не сумевших осознать причины террора и твердо на него ответить»².

Таким свойством стали отличаться публикации ура-патриотического направления³, журнальные статьи и литература сотрудников силовых структур⁴, издания авторов конспирологического направления⁵. Игнорирование принципов историзма и объективности свойственно значительному количеству такого типа работ. Стремясь в своих произведениях, в том числе, и к решению профилактической задачи, заключающейся в отвращении читателя от попыток использовать насилие в достижении своих политических целей, авторы чрезмерно произвольно интерпретируют многие эпизоды революционного прошлого, делают допущения, не имеющие убедительных обоснований. Так, о первопричине подрывного иностранного участия в появлении и развитии народовольческого терроризма, утвер-

---

¹ Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С.58.

² Носков М.А. Российский терроризм начала XX века в восприятии властей и оппозиции // Вестник МГУ. Серия 8: История. 2011. № 1. С.90.

³ См. многочисленные произведения В.В. Кожина, О.А. Платонова, В.М. Острецова; Мультатули П.В. Строго посещает Господь нас гневом своим...: Император Николай II и революция 1905-1907 гг. СПб., 2003; Смирнов В.Н. Политический терроризм в Харьковской губернии (вторая половина XIX столетия). Харьков, 2007; Глушков Е.Ф. Отбитый штурм: 1900-1913 гг. Под ред. А.П. Брагина. М., 2008; Гаврин Д.А. Генерал В.Ф. фон-дер Лауниц и революционный террор в России в начале XX в. // Вестник Красноярского гос. аграрного ун-та. 2009. № 6. С.154-157 и др.

⁴ Журналы «Агентура», «Спецназ России», «Криминал», «Братишка» и др.

⁵ Периодические издания: журналы – «Молодая гвардия» (А. Иванов), «Наш современник» (С.Ю. Куняев), «Кубань», «Слово», «Волхв» (В.Н. Безверхий), «Элементы» (А.Г. Дугин), «Великоросс» (Е.И. Филин), газеты – «Лимонка» (Э. Лимонов), «Дуэль» (Ю.И. Мухин). Примеры книжных изданий: Лопатников В. Пьедестал. Время и служение канцлера Горчакова. М., 2004; Стариков Н.В. От декабристов до моджахедов. СПб., 2008 и др.

ждают Н.Д. Литвинов, В. Лопатников, Н.В. Стариков, В.Н. Смирнов и др.¹. Аргументированность доводов основана лишь на многочисленных фактах пребывания революционеров за границей, наличия там лабораторий, издательств, центров подготовки кадрового состава и финансовой поддержке. Этого далеко не достаточно, чтобы говорить о злонамеренном, подрывном участии государств принявших эмигрантов. При этом с современной юридической точки зрения эти доводы позволяют относить деятельность российских революционеров к фактам международного терроризма. Применимо к кавказским событиям начала XX в., провоцирующую роль иностранных нефтяных и марганцепромышленных капиталов в развитие революционного движения, аргументировано отмечает историк А.В. Островский². Однако последний, прямо не решается ассоциировать данные факты ни с политикой правительств иностранных государств, ни с узкокорыстными интересами зарубежных корпораций. Нередко даже в качественных научных публикациях авторы оперируют конспирологическими доводами³.

Известный правовед, доктор юридических наук В.Е. Петрищев безосновательно категорично утверждает, что народники «искренне верили, что наиболее эффективным и единственно правильным путем построения новых, справедливых, демократических отношений в России является путь антиправительственного террора», а «эсерами террор воспринимался как главное средство, стержень тактики политической борьбы, вокруг которого в качестве дополняющих выступали иные методы: забастовки, демонстрации, агитационно-пропагандистская деятельность». Не согласен профессор Петрищев и с устоявшимися в исторической науке обвинениями Департамента полиции «в активном применении прово-

---

¹ В первую очередь, обвиняют Великобританию, Н.Д. Литвинов и В. Лопатников указывают на руководящую роль Германии.

² Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2004.

³ Так, Ю.Ф. Овченко причины убийства Г. Гапона (28.03.1906) связал с ролью «спецслужб иностранных государств в активизации революционного движения в России, участие еврейских диаспор в выделении на российскую революцию крупных сумм, а также хранившиеся у Гапона какие-то документы, компрометирующие лидеров революционного движения». См.: Овченко Ю.Ф. Безопасность империи. С.26.

кации»¹. Кроме констатации отсутствия исторической объективности в таких утверждениях, стоит учитывать, что они еще более уводят нас от объективного понимания самого террористического феномена.

На рубеже веков стали осуществляться региональные исследования революционного и партийного террора, выходят публикации с анализом местного революционного экстремизма, его особенностей, статистики². Зачастую эти исследования носят описательный, фактологический характер, что уже само по себе достаточно ценно, учитывая фрагментарность, малое количество источников и публикаций и, как следствие, слабую изученность именно местного терроризма. Ряд региональных исследований имеет историко-террорологическую проблематику³. Именно на совокупных статистических данных появилась возможность де-

---

¹ Петрищев В.Е. История терроризма в России // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С.14,20.

² Петайкина М.В. Террористическая деятельность эсеров Поволжья в годы первой русской революции. [Электронный ресурс]. URL:http://sodmu.narod.ru/t_pet.htm 08.04.2012; Киселев А.А. Бомба для генерал-губернатора. Революционный террор и чиновники МВД белорусских губерний в 1905-1907 гг. // Белорусская думка. 2008. Июнь. С.48-53; Квасов О.Н. Террористический компонент социально-политических процессов в Курской губернии начала XX в. // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 19 (114). Вып. 20. С.165-172; Славнитский Н.Р. Террористические акты в Санкт-Петербурге и деятельность петербургских военно-полевых судов в годы министерства П.А. Столыпина // История в подробностях. 2011. № 8. С.36-42; Салтык Г.А. «Местный террор» в России в 1905-1907 гг.: люди и судьбы. По архивным документам Курской губ. // Вестник архивиста. 2013. № 2 (122). С.148-162; Ткаченко-Плахтий О.П. Индивидуальный политический террор начала XX в. в южноукраинских губерниях Российской империи (на примере терактов против Г. Чухнина и А. Каульбарса) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч.1. С.181-183.

³ Толочко А.П., Курусканова Н.П. О роли террора в деятельности эсеровского подполья в Сибири (1905 – февраль 1917 гг.) // Исторический ежегодник. 1997 (спецвыпуск). С.14-24; Серебренников И.П. Политический террор и экспроприаторская деятельность революционных партий и организаций в Восточной Сибири в 1900 – феврале 1917 г.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Иркутск, 2000; Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX в. (1901-1911 гг.). Воронеж, 2005; Рыбкин А.А. Политический терроризм в провинции в 1905-1907 гг.: на материалах Костромской, Тверской, Ярославской губерний: Автореф. дис... канд. ист. наук. Кострома, 2007; Кузнецов В.Н. Революционный террор и акты экспроприаций в Поволжье в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 12. С.24-38; Поляков А.Б. Революционный терроризм в Пензенской губернии в 1905-1907 гг. (по материалам источников личного происхождения) // Известия Пензенского гос. пед. ун-та. 2011. № 23. С.560-563; Он же. Кризис эсеровских террористических организаций Пензенской губернии во второй половине 1906-1907 гг. и убийство С.В. Александровского // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, Грамота, 2012.

лать выводы, которые уточняют или отменяют имеющиеся стереотипы. Так, большинство исследователей приходят к выводу, что пик террористической активности пришелся на вторую половину Первой российской революции: «... массовый терроризм получил распространение в губерниях Верхневолжья только в 1906-1907 гг., что было связано с завершением процесса образования боевых дружин, а также готовностью разных социальных слоёв принимать участие в осуществлении террористических актов»¹. Практически все исследователи соглашались с тем, что в конце Первой революции «терроризм в провинции постепенно вырождается в уголовный разбой и ограбления»². В большинстве исследований прямо указывается, что действия боевиков или отдельные теракты имели «позитивный отклик у широких масс населения», а «переход наиболее радикальной части крестьян на сторону ультралевых организаций анархистов и максималистов был закономерен и повсеместен»³. С другой стороны, научных исследований и выводов малое количество. Практически нет террорологических исследований национальных окраин, без чего, учитывая его масштабы и воздействие на политический процесс не сделать полного анализа террористического феномена в Российской империи начала XX в.

Особую важность для понимания проблематики революционного террора имели исследования О.В. Будницкого. Кроме важных публикаций малодоступных и новых источников, ему удалось исчерпывающе исследовать проблемы факторов революционного терроризма и генезиса террористической идеологии⁴. Он аргументировано обосновал заметное влияние террористических идей на развитие революционного движения и важную роль терроризма в политическом процессе Российской империи. О.В. Будницким отмечено, что «террор действительно за-

---

№ 5 (19): в 2-х ч. Ч. II. С.138-142; Сидоренко Н.С. Политический экстремизм на Урале в начале XX в. // Исторический вестник. М., 2012. Т. 2 (149). С.66-89.

¹ Рыбкин А.А. Политический терроризм в провинции в 1905-1907 гг.: на материалах Костромской, Тверской, Ярославский губерний: Автореф. дис... канд. ист. наук. Кострома, 2007. С.20.

² Там же. С.16.

³ Поляков А.Б. Кризис эсеровских террористических организаций... С.141.

⁴ Женщины-террористки в России. Ростов н/Д., 1996; История терроризма России в документах, биографиях, исследованиях. Изд. 2, доп. и перераб. Ростов н/Д., 1996; Вступ. ст. Будницкий О.В. Там же.

ставлял правительство идти на уступки», то, что он был «наиболее эффективным средством борьбы при ограниченности сил революционеров», и то, что посредством широко практикуемого терроризма, «общество привыкало к насилию»¹. Объективность суждений, взвешенность формулировок и отсутствие ангажированности в публикациях автора, во многом определили форму и ход современной научно-исторической дискуссии по революционно-террористической проблематике.

На новый уровень исследования российского революционного терроризма вывел К.Н. Морозов. Используя обширную источниковую базу, ему удалось по новому рассмотреть ранее известные и новые проблемы². Исследуя историю партии эсеров, он сформулировал существенные и объективные выводы об эволюции эсеровских взглядов на терроризм, изменениях тактической линии ЦК.

Заключая историографический анализ можно отметить, что на данный момент за более чем полуторавековую историю исследований российского революционного движения второй половины XIX – начала XX вв., только в последнее десятилетие исследователи изучают собственно феномен революционного терроризма. Очевидно, что понимание этого феномена основывается на многочисленной базе предыдущих исторических работ. Исследователями собран статистический массив данных центрального террора, частично регионального и местного, изучены факторы развития террористических тенденций в российском революционном движении, идеология и генезис революционного терроризма, исследованы стратегические и тактические нюансы использования террора различными партиями. В тоже время только частично исследованы субъекты террористического

---

¹ История терроризма в России... С.13,14,15.

² Морозов К.Н. Поиски ответов на «проклятые вопросы» этики и богоискательство в эсеровской среде в межреволюционный период (июнь 1907 г. – февраль 1917 г.) // Интернет-журнал «Махаон». № 2. Март-апрель 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://history.machaon.ru/all/number_02/analiti4/1/index.html 08.04.2012; Он же. Научно-технический прогресс на службе у террора: планы «авиационного» и «подводного» покушения Боевой организации ПСР на Николая II (1907-1911 гг.) // Духовность. Журнал гуманитарных исследований. Кн. третья. Сергиев Посад, 2003. С.23-51; Он же. «Нет веры в револьверы»: эсеровская террористическая техника и планы «авиационного» и «подводного» покушения БО ПСР на Николая II в 1907-1911 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://socialist.memo.ru/firstpub/y05/morosov2.htm> 08.04.2014 Морозов К.Н., Морозова А.Ю. Границы и трактовки предательства в российской революционной субкультуре. [Электронный ресурс]. URL: <http://socialist.memo.ru/firstpub/y04/morosov4.htm> 08.04.2012

движения, организация и система террористических подразделений, недостаточно полно представляется местный революционный терроризм, практически не ясны взаимосвязи революционного, социального и националистического терроризма, немногочисленны историографические исследования феномена¹.

На данный момент можно констатировать наличие нескольких историографических концепций трактовки терроризма: охранительной, сформировавшейся в самодержавной России на основе сугубо критического отношения к революции; либеральной – распределяющей ответственность за насилие, как на революционеров, так и на самодержавие; революционной – характеризующей терроризм как одну из возможных форм революционной тактики; историко-культурологической – объясняющей проявления террора, сложившейся общественной обстановкой и исторической традицией использования насилия в политических целях; эволюционной – связывающей появление революционного терроризма процессом постепенного обострения длительных конфликтных противоречий. В последнее время активное развитие получила охранительно-либеральная концепция, в рамках которой, используя некоторые научные положения либеральной трактовки, акцентировано перекладывается ответственность за всплеск террористического насилия исключительно на революционное меньшинство общества

С другой стороны, ощущая недостаток обобщающих исторических исследований революционного терроризма, самостоятельные изыскания предпринимают исследователи террорологического направления. Имея определенную перспективную методiku и специфический подход, значительная часть исследователей

---

¹ Гинев В.Н. Народовольческий террор в историографических оценках и мнениях // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX-XX вв. СПб., 1999. С.26-43; Багдасарян В.А., Бакаев А.А. Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли. М., 2004; Бакаев А. А. Отечественная историография политического терроризма в Российской империи начала XX в. М., 2005; Ковтуненко П.О. Террористическая деятельность в Пермской губернии в начале XX в. (Очерк дореволюционной историографии) // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2007. № 10. [Электронный ресурс]. URL: <http://jurnal.org/articles/2007/hist6.html>; Сибиряков И.В. История политического террора в России в начале XX в. в отечественной постсоветской историографии // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2010. № 28 (204). С.65-70; Сухова О.А. Революционный терроризм в России конца XIX – начала XX вв.: историография, методология, факты // Исторический вестник. 2012. № 2. С.137-173.

терроризма (террологов) предпочитают делать смелые допущения, интерпретации и необоснованные выводы, игнорируя принципы исторической науки. Такие выводы не приближают нас к объективному представлению российского политического процесса второй половины XIX – начала XX вв. и не способствуют пониманию террористического феномена, тем более не приближают к выработке методик противодействия экстремизму и терроризму. Для научного и объективного постижения революционного терроризма необходимо совмещение исторического и террорологического научного анализа, что позволит сделать не только важные исторические выводы, но и выработать перспективные суждения, а соответственно разработать антитеррористические методики и стратегии.

1.4. Источниковедческий анализ

Эволюция российского революционного терроризма XIX-XX вв. прошла долговременный и противоречивый процесс, напрямую обусловленный переживаемым российским государством и обществом кризисным периодом. Только возможно широкая источниковая база исследования позволит отследить сложный процесс этого развития, выделить особенности и системные тенденции.

Особое внимание при исследовании террористических эксцессов необходимо уделять объектам и субъектам экстремистской деятельности, максимально полное выяснение которых является ключевым как для понимания масштабов, так и для выяснения первопричин преступлений. Далекое не полная информация об этом отражена в имеющихся публикациях. Поэтому необходимо вести архивные изыскания документов террористической деятельности, которые зафиксированы как в местных фондах революционных организаций и государственного делопроизводства, так и в различных фондах центральных архивов. При этом по ряду причин наиболее важные для нашего исследования сведения находятся в документах низшего звена государственного делопроизводства, в невостребованных или незамеченных воспоминаниях участников революций, в массе газетных публикаций современников. Общую источниковую базу исследования можно подраз-

делить на: 1) делопроизводство различных ведомств государства (судебное, МВД и др.); 2) разнообразная революционная печать и документы партийного делопроизводства; 3) общественная печать и публицистика; 4) эпистолярные материалы и дневники, мемуары и воспоминания.

Важнейший массив документов о террористической деятельности представлен документами государственного делопроизводства. Во-первых, это документы III-го отделения С.Е.И.В. канцелярии и структур МВД, собранные в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)¹.

В условиях политического кризиса второй половины XIX в. и физической угрозы императору, III-е отделение как не справляющееся с обязанностями было ликвидировано, а все его дела были переданы в образованный Департамент государственной полиции МВД, призванный объединить усилия всех структур для осуществления политического сыска. В декабре 1880 г. в эту систему МВД вошел также Отдельный корпус жандармов (ОКЖ). Постепенно выстраивалась единая система политического сыска, распределявшая обязанности и функции между тремя силовыми структурами, объединенными Департаментом полиции (ДП): ОКЖ, Охранные отделения (ОО) и общая полиция. При этом функции, обязанности и полномочия органов политического сыска дублировались, неоднократно перераспределялись и конкретизировались, что было напрямую связано с развитием революционного движения и поиском МВД оптимальных мер противодействия. В архивных фондах этих подразделений отложился основной массив правоохранительных сведений об оппозиционном движении.

В отдельных губерниях, регионах и местностях это была рабочая документация различных силовых структур, которые и отвечали за борьбу с революционным движением и терроризмом на местах, – районные и местные ОО, областные и губернские жандармские управления (ГЖУ), жандармские полицейские управления железных дорог, розыскные пункты. Каждое из этих подразделений на сво-

---

¹ Квасов О.Н. Источники изучения проблемы терроризма в начале XX в. // Вестник архивиста. 2011. № 3. С.47.

ем уровне собирали и анализировали революционный и оперативно-розыскной материал, принимали меры противодействия оппозиции. Фонды этих учреждений формировались из рабочего материала наблюдений, следствий и дознаний, всевозможного уровня донесений, агентурной аналитики и пр. В этих учреждениях массив оперативных и агентурных данных, превращался в короткие, сжатые донесения и сводки в ДП, при этом нередко уменьшаясь не только в содержании, но и в качестве. Как отмечает исследователь деятельности спецслужб имперской России Ю.Ф. Овченко, ГЖУ в силу многих причин, были ориентированы на дознание, а не на розыск. Это сказывалось в стремлении при первых же имеющихся основаниях и возможностях, сразу «хватать» подозреваемого, руководствуясь ведомственным принципом «арестовать впредь до выяснения причин ареста». После чего, поступать по обстоятельствам, а в случае отсутствия улик или их недостаточности подозреваемого «передать под надзор полиции» или подвергнуть административной высылке¹. Эта методика при малочисленном народническом движении конца XIX в. давала свои положительные результаты, но в условиях массового революционного движения в начале XX в. она себя уже не оправдывала. Пытаясь её дополнить и стремясь расширить структуры розыска, ДП требовал от ГЖУ постоянного использования внутренней агентуры, а в декабре 1906 г. подчинил их районным ОО, которые теперь объединяли и координировали деятельность местных розыскных органов. Документацию силовых структур можно подразделить на 1) нормативные акты подразделений; 2) информационно-аналитические материалы органов политического сыска (обзоры); 3) оперативно-розыскные материалы (ориентировки); 4) материалы политических дознаний и следствий (переписка).

На уровне губернского делопроизводства возможно скупые информационные и статистические сведения как центральных структур, так и низовых полицейских подразделений проверить и уточнить. Так, например, в представленных уездными исправниками в канцелярию курского губернатора «сведениях о террористических актах и вооруженных нападениях, бывших в Курской губернии в

---

¹ Овченко Ю.Ф. Московская охранка... С.67.

1906-1907 гг.»¹, под названием «теракт» вошло столкновение группы крестьян с урядником в Льговском уезде (25.05.1907), а покушение на земского начальника 5 участка Суджанского уезда (22.04.1907) напротив оказалось совсем неучтенным².

К терактам отнесло Воронежское ГЖУ и оперативно поданные в ДП сведения об ограблении четырьмя неизвестными злоумышленниками конторы имения княгини Барятинской при с. Анна Бобровского уезда на сумму 25 тыс. руб. (15.08.1907)³. В статистике ДП это преступление как экспроприационное, т.е. политическое, и значится. Однако спустя месяц следствие прояснило обычную уголовщину этого грабежа, а преступниками оказались кассир, делопроизводитель и другие служащие конторы⁴. Терактами первоначально именуется и два покушения (29.04.1907 и 26.09.1909) на полицейского урядника Я.В. Трофимова (Тамбовская губ., Кирсановский у.), в ходе которых он получил пулевые ранения. Однако, как в конечном итоге выяснило служебное расследование, оба покушения были симулированы. Трофимов во всем «сознался и от службы был отстранен»⁵. Подобные казусы встречаются достаточно часто на всех уровнях охранных структур и очевидно влияют на статистические показатели ДП, что и требует перепроверки.

Законодательные акты и положения, внутренние инструкции и директивы, определявшие работу правоохранительных органов, опубликованы и рассмотрены в специальных работах высокого качества⁶. Отчеты сыскных подразделений анализировались в нескольких делопроизводствах и Особом отделе ДП⁷. Помимо этого, результаты своей деятельности в Департамент докладывали Заграничная агентура, перлюстрационные кабинеты, Дворцовая охрана и другие силовые под-

---

¹ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 10133. Л. 37.

² Хотя в переписке губернатора с МВД это покушение отмечается, см. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10262.

³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1907. Оп. 237. Д. 80. Ч. 11. Л.22; ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 350. Л. 100, 114.

⁴ Русское слово. 7 сентября 1907 г.; Русское слово. 29 ноября 1908 г.

⁵ Государственный архив Тамбовской области. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1259. Л. 186, 185, 178; ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5816. Л. 23об-24.

⁶ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880-1917). М., 2000. С.371-417; Политическая полиция и политический терроризм в России: Вторая половина XIX – начало XX в.: Сб. док. М., 2001; Жандармы России / Сост. В.С. Измозик. СПб., М., 2002; Овченко Ю.Ф. Московская охранка... С.153-201 и др.

⁷ ГАРФ. Ф. 102. Фонд Департамента Полиции.

разделени¹. На результаты деятельности сыскной полиции большое влияние оказывала низкая профессиональная квалификация сотрудников², особенно на периферийном уровне, и внутриведомственная конкуренция и соперничество между подразделениями³. Поэтому для понимания полицейских представлений о революционном и террористическом движении исследование документации региональных структур ДП является особенно важным.

Отдельная отчетность в ДП шла и от местных администраций – наместников, губернаторов, обер-полицмейстеров, градоначальников и др. Преимущественно, не имея в подчинении специальных органов для противодействия оппозиции, они пресекали её деятельность в рамках соблюдения общественного порядка и оказывали помощь розыскным структурам. Подчас информация, имевшаяся у этих чиновников, была более содержательна, что объясняется подчас лучшим знанием местной жизни, нередко большими информационными источниками, ведомственным соперничеством и личными амбициями руководителей⁴.

Важные сведения о террористических преступлениях хранятся в судебном ведомстве⁵. Часть документов судебных процессов в отношении народнического движения и покушений начала XX в. была издана как официальными, так и революционными редакциями, в виде стенографических отчетов, судебных репортажей, речей подсудимых, судебной переписки чиновников⁶. Позже эта документа-

¹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 5-е изд., доп. М., 2008. С.219-246.

² Перегудова З.И. Там же. С.337-350; Овченко Ю.Ф. Безопасность империи: Политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия, 1880-1917 гг. М., 2012. С.101.

³ Перегудова З.И. Там же. С.120; Чудакова М.С. Противостояние. С.171,180; Жандармы России. Там же. С.298, 306.

⁴ Квасов О.Н. Источники изучения проблемы терроризма... С.48.

⁵ ГАРФ. Ф. 124. Департамент Министерства Юстиции; Там же. Ф. 112. Особое присутствие правительствующего Сената для суждения дел о гос. преступлениях; РГИА (СПб.). Ф. 1405. Министерство Юстиции.

⁶ Процесс социалистов Валериана Осинского, Софии Лешерн-фон-Герцфельд и Варфоломия Волошенко. [Женева], 1879; Суд над преступниками 1-го марта 1881 г. Заседание Особого присутствия правительствующего Сената для суждения дел о государственных преступлениях. Дело о совершенном 1-го марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший Государь Император: Полный отчет в официальной редакции. М., 1881; Процесс 21-го. Женева, 1888; Суд над Карповичем и Лаговским. Женева, 1901; Материалы и документы по делу об убийстве Сипягина. [Б.м.], [1902]; Карпович и Балмашев перед судом. Берлин, 1902; Приговор по делу Ергина // Революционная Россия. 1902. Октябрь. № 12. С.26; Государственные престу-

ция неоднократно переиздавалась и дополнялась¹. Однако известно, что по указу от 5 апреля 1879 г. о введение 6 временных военных генерал-губернаторств и Положению о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. расширялись возможности и права административной и военной юрисдикции, а в период действия чрезвычайного судопроизводства (19.08.1906-20.04.1907) значительное количество дел террористического характера было направлено в военно-полевую юрисдикцию. Печальная «скорострельность» военных судов влияла на минимальное количество документации, которая преимущественно ограничивается лишь кратким изложением состава преступления и указанием приговора². Эти сведения являются и единственными отражающими печальную судьбу фигурантов дела. Однако нередко архивные дела содержат важные документы, являвшиеся вещественными доказательствами во время суда. К примеру, только в протоколах заседания Временного военного суда отражен текст устава воронежской Лиги Красного Шнура³.

Сведения о революционных потрясениях и терактах император Николай II узнавал из докладов министров и различных должностных лиц. Помимо этого, информация о наиболее резонансных покушениях и событиях поступали к нему в донесениях дворцового коменданта, которые тот в свою очередь, получал от ми-

---

пления в России в XIX в.: Сборник из официальных изданий правительственных сообщений / Под ред. В. Базилевского. Т. 1. (1825-1876). Штутгарт, 1903; Процесс Григория Гершуни. Баку, 1904; Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов н/Д., 1906; Процесс 1 марта 1881. СПб., 1906; Процесс шестнадцати террористов (1880 г.). СПб., 1906; Убийство 3-х министров: Тайного советника Боголепова, егермейстера Сипягина, статс-секретаря Плеве, 1901-1904. СПб., 1906; Последние слова казненных. СПб., 1906 и др.

¹ Покушение А.К. Соловьева на цареубийство 2 апреля 1879 г. // Журнал «Былое». Пг., 1918. № 1. С.133-150; № 2. С.88-107; № 3. С.184-203; 1 марта 1881 года. По неизданным материалам. Пг., 1918; Специальный номер, посвящен 1 марта 1881 г. // Журнал «Былое». Пг., 1918; Из показаний Н.И. Рысакова // Красный архив. 1926. № 6 (19). С.178-194; 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.; Л., 1927; Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. Т. 1. М., 1928; Т. 2. М.; Л., 1930; Вокруг 1 марта 1881 г. // Красный архив. 1930. № 3 (40). С.176-184; К процессу Адриана Михайлова, Веймара и др. // Красный архив. 1930. № 2 (39). С.149-176; Новые материалы о деле 1-го марта 1887 г. // Каторга и ссылка. 1930. № 10; Адриан Михайлов и гр. М. Лорис-Меликов // Красный архив. 1932. № 4 (53). С.127-138; Политические процессы в России 1901-1917. Ч. 1. (1901-1905). М., 1932; 1 марта 1881 года: Казнь императора Александра II. Л., Лениздат, 1991 и др.

² РГВИА. Ф. 801. Главное военно-судное управление.

³ Там же. Оп. 6. Д. 19. Отд. 5. 1908. Св. 36. Л. 120-121; Квасов О.Н. Там же. С.49.

нистра внутренних дел¹. Практически каждое министерство отслеживало, затрагивающие ведомственную функциональность сведения о террористической деятельности и отражало их в сухом статистическом виде. Кроме того, в Центральном статистическом комитете МВД собирали и вели подсчет криминальным происшествиям, «насильственным и случайным смертям, пожарам и другим преступлениям», однако эти сведения не имеют последовательного и целенаправленного отношения к террористической деятельности, а сами отчеты представлены только некоторыми губерниями². Собранная статистика государственных ведомств отражает в лучшем случае фактическую сторону терактов, а не экстремистской деятельности, фигурируют только общие сведения о способе совершения преступлений, количестве и статусе жертв. Более обширных сведений эти данные не несут. ДП регулярно отдельными распоряжениями запрашивал местные власти о пострадавших от терактов, количестве осужденных судами и пр. Но и эти данные неполны, имеются только за короткие периоды, составлены по неуказанным источникам и неопределенным критериям, что вызывает проблемы в их совместности и презентативности. Кроме того, имеется много примеров противоречий в статистике МВД. Так, министр внутренних дел П.А. Столыпиным 8 июня 1906 г., выступая в Первой Государственной думе, сообщил, что с октября 1905 г. по 20 апрель 1906 г. среди чиновников МВД «было убито 288, а ранено 383, кроме того, было 156 неудачных покушений»³. Общее число жертв, таким образом, составило 671 человека. В деле Особого Отдела ДП по уточнению фигурировавших в печати данных о пострадавших при террористических покушениях с февраля 1905 по май 1906 гг. это количество определяется уже в 956 чинов МВД⁴. А в известных и часто используемых исследователями сведениях, указанных в двух телеграммах министра иностранных дел С.Д. Сазонова (1910-1916) послу в Лондоне А.К. Бенкендорфу (1903-1916) совсем другие цифры: за 1905 г. отмечен 591 чиновник, а за

---

¹ РГИА. Ф. 1328. Управление дворцового коменданта.

² РГИА. Ф. 1290. Центральный статистический комитет МВД.

³ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. М., 1991. С.40.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906. Оп. 236. Д. 808. Ч. 1. Л. 1.

1906 г. – 1588¹. Причиной таких различий могли быть разные источники получения информации и указанные выше несовершенства методики подсчетов.

Важнейшая информация о революционном экстремизме представлена с противоположной стороны, собственно от субъектов террористической деятельности, структур и партий ее организующих. Революционная позиция выражена в многочисленных и разнообразных печатных изданиях партий, документах партийного делопроизводства. Опубликованные в большом количестве документы дают широкое представление о партийных отношениях к террористической борьбе, экстремистской деятельности и ее организации², особенно это относится к народовольческому периоду³. В тоже время, эти сборники, не имея цели представить собственно террористическую проблематику, отразили её лишь частично. К примеру, отсутствуют публикации уставов боевых подразделений и норм деятельность террористических формирований, хотя это одни из важнейших документов для понимания отношений между партийными комитетами и боевиками⁴.

Объемную информацию имеет партийная печать. Провозглашая официальные взгляды комитетов, разъясняя общественности программные положения, партийная печать несёт и большой объем фактической информации. В силу огромного влияния оказываемого террористическими акциями на общественность, революционные организации стремились обосновать и разъяснить свои действия общественности. Постепенно формируется специфический комплекс революционных листовок и прокламаций, которые выходили вслед терактам. Эта практика была заложена ещё террористическими действиями народников и продолжена успешной деятельностью Боевой организации ПСР в 1902-1904 гг. Комплекс ин-

¹ Красный архив. Исторический журнал. 1925. Т. 1 (8). С.242-243.

² Партия социалистов-революционеров: Док. и мат., 1900-1922 гг. В 3-х тт. Т. 1. 1900-1907 гг. М., 1996; Т. 2. Июль 1907 – февраль 1917. М., 2001; Анархисты: Док. и мат. В 2 т. Т. 1: 1883-1916 гг. М., 1998; Союз эсеров-максималистов. 1906-1924 гг. Док., публицистика. М., 2002.

³ Литература партии «Народная воля». М., 1930; «Народная воля» в документах и воспоминаниях. М., 1930; «Народная воля» перед царским судом. М., 1930-1931. Вып. 1-2; Народовольцы: Сб. 1-3. М., 1929-1931; Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932; Революционное народничество 70-х гг. XIX в.: сборник документов и материалов. М.; Л., 1964-1965; Т. 1. 1870-1875. Т. 2. 1876-1879; Революционный радикализм в России: век девятнадцатый: Документальная публицистика. М., 1997.

⁴ Квасов О.Н. Источники изучения проблемы терроризма... С.50.

формационного сопровождения актов революционного терроризма стал играть важнейшую роль особенно в период Первой российской революции. Однако, за исключением событий XIX в., нет научных публикаций агитационных листовок и прокламаций, выпускаемых революционными организациями по поводу терактов. Этот информационный массив можно обнаружить в архивных делах революционных партий и организаций, в россыпи судебных дел, в коллекциях вещественных доказательств¹. Начиная с 1906 г., в условиях стремительного роста мелких экспроприаций и криминализации террористических подразделений и боевиков, появляется не менее обширный комплекс разъяснительных листовок революционных комитетов, в которых они отказываются от приписываемых им этих «эксцессов борьбы». Тексты извещений в таком случае были предельно короткими. Так Курский комитет ПСР в марте 1907 г. сообщал общественности: «В виду циркулирующих по городу слухов о том, что экспроприация на Милентьевской улице совершена ПСР, Курский комитет ПСР заявляет: что означенная экспроприация никакого отношения к ПСР не имеет и лица ее совершившие членами ПСР не состоят»². Во время разгула «эксизма» на Кавказе, только Батумскому комитету РСДРП в период 1906-1908 гг. пришлось издать не менее пяти извещений о непричастности к грабежам и с критикой анархистов³. Подчас такого заявления требовала революционная конъюнктура. Так, ЦК ПСР отрешивался от убийства, еще пользующегося авторитетом у определенной части рабочих Г. Гапона, причем делал это вопреки заявлениям организатора убийства, члена БО ПСР П.М. Рутенберга⁴. Позже ЦК еще неоднократно опровергал причастность партии к терактам, в том числе к убийству премьера П.А. Столыпина⁵.

---

¹ ГАРФ. Ф. 1167. Фонд вещественных доказательств Департамента полиции, Ф. 1741. Коллекция листовок и брошюр, Ф. 9599. Коллекция материалов по истории революционного движения; РГИА. Ф. 1410. Вещественные доказательства по делам министерства юстиции.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 168. Л. 54. Экспроприация казначейской кареты была совершена 3 марта 1907 г. группой максималистов. Похищено более 2,5 тыс. руб., убит казначей, тяжело ранен охранник. В ходе погони полицией арестовано 6 максималистов.

³ Чулок И.С. Очерки истории батумской коммунистической организации (1890-1921 гг.). Батуми, 1970. С.224.

⁴ Рутенберг П.М. Дело Гапона // Ист.-рев. сб. «Былое». Париж, 1908. № 11-12. С.29-115; Будницкий О. Убийство Гапона (новые материалы) // История терроризма в России ... С.430-456.

⁵ Знамя труда. Центральный орган ПСР. № 38. 1911 г.

Анализ революционной литературы указывает на то, что в ней отражена лишь небольшая, но самая известная часть терактов. Так, за 1901-1911 гг. в Центральном Черноземье из более чем 140 покушений на госслужащих и частных лиц, только 6 покушений были отражены в 12-ти прокламациях, а в революционных газетах упоминаются лишь 28 эсеровских покушений¹. В партийной литературе освещение акций, осуществленных социал-демократическими боевиками, вообще минимально и, в первую очередь, это местная печать. Значительно больше в социал-демократической печати критических оценок террористической тактики эсеров и анархистов², а также взаимных фракционных упреков по поводу террористических акций³. Большую важность имеют документы зарубежных фондов и коллекций революционных организаций, часть из них в виде фотокопий имеется в российских архивах⁴.

Интересные документы содержатся в архивных фондах общественно-политических организаций и фондах персонального характера⁵. Формирование этих коллекций происходит зачастую за счет случайных материалов. Но, по биографиям известных персоналий можно предполагать наличие интересующих документов. Подобная ситуация и с материалами общественных организаций. Так, по решению Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела в 1908 г. была создана редакционная комиссия по сбору материалов для изда-

¹ Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье. С.17.

² Регулярно публиковалась критика эсеров и анархистов в центральных органах социал-демократов, газете «Искра» (1900-1905), «Вперед» (1904-1905), «Пролетарий» (1905-1909), «Социал-демократ» (1908-1917) и др.

³ Мартов Л. «Спасители или упразднители?» (Кто и как разрушал РСДРП). Париж, 1911; В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908-1912 гг. Док. и мат. из коллекции Б.И. Николаевского и его творческой лаборатории. Публикацию подготовили и авторы примечания Ю.Г. Фельштинский и Г.И. Чернявский // Вопросы истории. 2010. № 6-12, 2011. № 1.

⁴ См.: Сабенникова И.В. Зарубежная архивная Россия: Список источников и литературы // Вестник архивиста. 1998. № 5 – 1999. № 5, 2000. № 1, 2001. № 4/5. ГАРФ. Ф. 1700. Коллекция копий документов зарубежных архивов; Там же. Ф. 10003. Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира; РГАСПИ. Ф. 673. Фотокопии коллекции ПСР Международного института социальной истории.

⁵ ГАРФ. Ф. 117. Фонд Русского Народного Союза имени Михаила Архангела и Русского Собрания; Ф. 533. Фонд Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1921-1935; Ф. 1766. Фонд Священной дружины и др. См. Квасов О.Н. Там же. С.51; ГАРФ. Ф. 826. Фонд В.Ф. Джунковского, Ф. Р-5802. Фонд В.Л. Бурцева, Ф. 5847. Фонд В.М. Чернова и др.; РГИА. Ф. 727. Фонд Э.Ю. Нольде, Ф. 1093. Фонд П.Е. Щеголева и др..

ния биографий лиц, павших на служебном посту в период революционных потрясений. На разосланный монархическим организациям циркуляр, поступила масса сведений со всей страны, опубликованных в 13 книгах, и отложившихся в трех десятках дел¹. Несмотря на определенную тенденциозность и наличие фактических ошибок, это очень важный источник информации о жертвах революционного терроризма.

Интересна и информативна продукция средств массовой печати. Журналисты всегда стремились собрать злободневные, далеко не всегда объективные, сведения по поводу преступлений. СМИ старались отразить всевозможные проявления экстремизма, для чего вводили даже специфические рубрики «убийства, нападения, грабежи», «покушения», «в судах», «в тюрьмах», «убийство городских», «смертные казни», «бомбы». В центральных газетах очень подробно, детально разбирая отдельные эпизоды, описывались резонансные покушения. Часто публиковались статистические сведения, не только государственных ведомств, но и собранные самостоятельно. Не всегда правильно различая уголовную и политическую хронику, газеты предлагали свою интерпретацию событий. Помимо этого, на газетных страницах велись общественно-политические дискуссии на различные темы, шла аналитическая и статистическая работа. По политической направленности газет можно проследить и тенденциозность отношения к террористическим эксцессам.

Важный комплекс источников представлен документами личного происхождения: мемуарами, дневниковыми записями, письмами. Субъективность этих документов не уменьшают их значение. Ряд воспоминаний народовольцев вышел еще в царский период, по ходу боевой деятельности писали воспоминания и некоторые организаторы неонароднического террора². Кроме духа и атмосферы борь-

---

¹ ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 601-630. Документы, связанные с публикацией «Книги русской скорби».

² Публиковали воспоминания народников историко-революционный журнал «Былое» (СПб., январь 1906 – октябрь 1907 г., 22 номера), «Русское богатство», «Голос минувшего». Гершуни Г. Из недавнего прошлого. Париж, 1908; Нестроев Г.А. Из дневника максималиста. Париж, 1910. Воспоминания Б.В. Савинкова начали выходить отдельными очерками под названием «Революционные силуэты» с 1908 г. Полная публикация савинковских «Воспоминаний террориста» издана в 1917 г. и затем много раз переиздавалась.

бы, этот комплекс несёт важный, подчас имеющийся только в нём, потенциал информации. Так, первая публикация текста Устава Боевой организации ПСР была осуществлена в воспоминаниях Б.В. Савинкова. В воспоминаниях участников революции становятся понятны многие перипетии борьбы. Большая масса революционной мемуарной литературы выходила в СССР, но в силу политической конъюнктуры исследовательский интерес представляет мемуаристика первых двух десятилетий. Именно в этих воспоминаниях отражены революционные впечатления, памятны ещё многие детали и нет пока идеологического тотального контроля. Многочисленна литература вышедшая к двадцатилетнему юбилею революции 1905-1907 гг. В ней содержательно представлена террористическая проблематика, которая со временем постепенно станет вытесняться и исчезать. Характерно, что в сентябре 1925 г. президиум воронежского губкомитета по ознаменованию годовщины революции 1905 г. категорично принимает решение, в котором указывает: «Могущий поступить от эс-эров и меньшевиков материал, с воспоминаниями о революции 1905 г. принимать, однако использовать нужно как подсобный материал, при составлении сборника о революции, поскольку события они освещают естественно с своих точек зрения»¹. Таким образом, интересные, но неопубликованные воспоминания эсеров и анархистов можно обнаружить в каждом фонде Истпартотделов. Издательская активность историко-революционных журналов «Каторга и ссылка», «Пролетарская революция», «Красный архив», «Красная летопись», «Летопись революции», «Борьба классов», «Кандальный звон», особенно в 20-е годы, создала уникальный по значимости и объёму массив сведений, который даёт возможность даже десятилетия спустя, выяснять истину. Так, в 1918 г. «предатель» П. Гребнев указал имена не выслеженных полицией убийц начальника астраханской тюрьмы Н.Я. Прибыловского (09.03.1907): «Мне достоверно известно, что в убийстве помощника начальника Астраханской тюрьмы Прибыловского участвовали следующие лица: 1) "Алексей" (житель Астрахани, конопатчик по профессии, жил после убийства в Юзовке, Екатеринославской губ. – зовут его Алексей – фамилии не помню, был арестован в августе 1907 г. и

---

¹ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 5. Д. 8. Л. 30.

сидел в Астраханской тюрьме, затем был убит в Оренбурге); 2) нелегальный "Василий" скрылся из Астрахани; 3) Павел Фаворский – сын протоиерея; 4) приказчица Настя, фамилию не помню. По этому делу она была арестована вместе с Павлом Фаворским, но затем они были освобождены под залог. Стреляли первые трое; "Настя" стояла на страже с револьвером»¹. Примеров, когда опубликованные воспоминания революционеров позволяют пролить свет на события прошлого, можно приводить много, что не отменяет научную критичность при работе с мемуарными и эпистолярными документами. Так, организатор и руководитель большевистских боевых дружин Э.С. Кадомцев вспоминая свою революционную деятельность, отметил следующий эпизод: «Весной 1907 г., в период черной реакции, надо было избавить партию от провокаторов, чтобы спасти кадры, переходящие в подполье. Боевики приняли эту работу на себя, и в феврале-марте, в один день, на улицах Петербурга были обнаружены трупы с дырками между глаз... Их было, примерно, штук двадцать»². Однако это событие ни какими иными источниками не подтверждается, что дает большие основания сомневаться в его реальности. Несмотря на указанные недостатки, мемуарные публикации историко-революционных журналов имеют огромное источниковое значение. Не меньшую важность, а в некоторых вопросах и большую значимость имеют публикации воспоминаний русской послереволюционной эмиграции³.

Особый интерес представляет личная переписка революционеров. Кроме опубликованной революционной переписки известных деятелей движения, большое значение имеют сведения, приобщенные к полицейскому или судебному делопроизводству⁴. Преимущественно это перлюстрированные, найденные в ходе

¹ Записки предателя П. Гребнева. Кострома, 1918. С.71.

² Кадомцев Э.С. Воспоминания о молодости. М., 1937. С.40.

³ Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. Кн. 1. Берлин, 1923; Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания (1882-1922). Берлин, 1924; Войтинский В.С. Годы побед и поражений. Берлин, 1924; Минор О.С. Это было давно... Париж, 1933 и др.

⁴ Письмо А.И. Желябова к М.П. Драгоманову // Журнал «Былое». 1906. № 3. С.72; Неизданные письма С.Л. Перовской // Красный архив. 1923. Т. 3; Аксельрод П.Б., Мартов Л. Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова, 1901-1916. Берлин, 1924; Прибылева-Корба А.П. и Фигнер В.Н. А.Д. Михайлов. Л.; М., 1925; Из переписки С.М. Кравчинского. Сообщение Э. Корольчук // Красный архив. 1926. № 6 (19). С.195-202; Письма народовольца А.Д. Михайлова. М., 1933; На-

обысков или перехваченные тюремной администрацией письма революционеров. Кроме возможного наличия неизвестной фактической информации, эти письма помогают раскрыть и внутренний мир революционной субкультуры¹. Особенно важна личная переписка боевиков, анализ которой позволяет изучить мотивационную сферу отдельных террористов². Характерное восприятие революционного экстремизма и перипетий антитеррористической борьбы отражены в эпистолярном наследии чиновников силовых структур³.

Интересная информация представлена от сотрудников правоохранительных органов (С.П. Белецкий, П.А. Валуев, А.Т. Васильев, А.В. Герасимов, К.И. Глобачев, В.Ф. Джунковский, П.П. Заварзин, П.Г. Курлов, А.П. Мартынов, Л.П. Меньщиков, А.А. Лопухин, В.Д. Новицкий, А.И. Спиридович)⁴. Их мемуары представляют не столько фактический материал, сколько дают возможность понять логику

родоволец А.И. Баранников в его письмах. М., 1935; Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. М., 2009.

¹ Письма политических ссыльных в Восточной Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Иркутск, 1978; В преддверии полного раскола. Там же; Пелевин Ю.А. Новые материалы о народовольцах А.Д. Михайлове, А.П. Прибылевой-Корбе и Л.А. Тихомирове // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1979. № 3. С.65-77.

² Кантор Р.М. Письма народовольцев из Трубецкого бастиона (публ. Р.М. Кантора) // Каторга и ссылка. 1925. № 3 (16). С.158-179; Созонов Е.С. Восп., письма, материалы для биографии // Из истории революционного движения в России. Вып. 2, 1918; Письма Егора Созонова к родным, 1895-1910 гг. М., 1925; «Это я виноват...»: эволюция и исповедь террориста: Письма Егора Созонова с комментариями / Сост. и коммент. А.Ф. Савина. М., 2001; Кан Г.С. Наталья Климова. Жизнь и борьба. СПб., 2012.

³ Мельгунов С. Из переписки охранников: письма Л.А. Ратаева – С.В. Зубатову // Голос минувшего. 1922. № 1. С.51-59; Письма С.В. Зубатова к Л.А. Ратаеву // Красный архив. 1922. № 1. С.294-299; Письмо С.В. Зубатова к А.И. Спиридовичу по поводу выхода в свет его книги «ПСР и ее предшественники» от 07.08.1916 г. // Красный архив. 1922. № 2. С.281-283; Переписка Александра III с М.Т. Лорис-Меликовым // Красный архив. 1925. № 1 (8). С.101-131; Письма Е.П. Медникова к А.И. Спиридовичу (1900-1904) // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С.192-219; П.А. Столыпин и смертная казнь в 1908 г. Письма Столыпина к вел. кн. Николаю Николаевичу // Красный архив. 1926. № 6 (19). С.215-221.

⁴ Меньщиков Л.П. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций в России. По материалам Департамента полиции и Московского Охранного отделения. В 3 т. М., 1925-1932; Джунковский В.Ф. Воспоминания: в 2 т. М., 1997; Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. Л., 1929; Курлов П.Г. Гибель императорской России: восп. товарища министра внутр. дел. Берлин, 1923; Заварзин П.П. Работа тайной полиции. Париж, 1924; Он же. Жандармы и революционеры. Париж, 1930; Спиридович А.И. При царском режиме: записки начальника охранного отделения. М., 1926; Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1990; Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. М.; Пг., 1923; Воспоминания Мартынова А.П., Васильева А.Т., Глобачева К.И. переизданы в сб. «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. В 2 т. М., 2004; Валуев П.А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. I-II. М., 1961.

правительственной тактике и стратегии в политической борьбе. Не менее интересными представляются воспоминания и заметки внутренней агентуры охраны¹. Субъективное восприятие революционной обстановки, трактовка политической элитой и высшими административными чиновниками, как политических событий, так и отдельных терактов отражены в ряде воспоминаний и дневников².

Необходимо отметить, что в последнее время вышло несколько ценных исторических сборников террорологической тематики³. Имея инкорпорированный характер, демонстрируя разнообразные ракурсы и аспекты противостояния революционного терроризма и охраны, используя как архивные документы, так и публикации мемуаров, нормативных актов и др., сборники позволяют представить насколько глубоким оказался общественно-политический кризис в российском обществе и государстве, выразившийся в таких формах экстремизма.

Характеризуя источниковую базу изучения террористического движения революционеров, можно отметить: во-первых, документальный материал разнообразен и содержится в многочисленных архивных фондах, мемуарах, печатных материалах; во-вторых, ведомственные статистические данные минимальны и противоречивы; в-третьих, особое значение для проблематики темы имеют доку-

¹ За кулисами охранного отделения / Сост. А.Б. Берлин, 1910; Партийный С. Записки провокатора-самоубийцы. Пг., 1917; Записки предателя П. Гребнева. Кострома, 1918; [Денисов Н.П.] Психология предательства: (Из восп. «сотрудника») // Журнал «Былое». 1924. № 27-28. С.225-237; Секретные сотрудники и провокаторы: Сб. / Под ред. и с предисл. А.Е. Щеголева. М.; Л., 1927.

² Дневник А.С. Суворина / Под ред. М. Кричевского. М.; Пг., 1923; Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М.; Л., 1924; Перетц Е.А. Дневник государственного секретаря (1880-1883). М.; Л., 1927; Милютин Д.А. Дневник. Т. 4 (1881-1882). М., 1947; Бобринский А.А. Дневник // Каторга и ссылка. 1931. № 3. С.73-129; Дневники императора Николая II (1894-1918). М., 2011. Т. 1-2; Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. М., 2005; Святополк-Мирская Е.А. Дневник. Август 1904 – октябрь 1905 г. // Исторические записки. 1965. Т. 77. С.240-293; Витте С.Ю. Воспоминания. В 3 т. М., 1960; Извольский А.П. Воспоминания. Пг.; М., 1924; Императрица Мария Федоровна (1847-1928). Дневники. Письма. Воспоминания. М., 2002; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. В 2 т. М., 1992; Милюков П.Н. Воспоминания: (1859-1917). В 2 т. М., 1990; Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. М., 2008 и др.

³ 1 марта 1881 года: Казнь императора Александра II: Документы и воспоминания. Л., 1991; Письма Азефа: 1893-1917. М., 1994; Женщины-террористки в России. Ростов н/Д., 1996; История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д., 1996; Политическая полиция и политический терроризм в России: Вторая половина XIX – начало XX в.: Сб. док. М., 2001; Агентурная работа политической полиции Российской империи. М.; СПб., 2000.

ментальные материалы провинциального и местного уровня; в-четвертых, значимой является необходимость документальных публикаций организационно-управленческого механизма, а также уставных и программных материалов террористической деятельности революционных организаций. Актуальной остается неясность многих параметров регионального и местного терроризма¹.

---

¹ Квасов О.Н. Источники изучения проблемы терроризма... С.53.

ГЛАВА 2. Социальные причины распространения экстремистских и террористических тенденций в России на рубеже XIX-XX веков

2.1. Модернизационные факторы развития

В историографии освободительного движения набирает вес представление об исключительности и ярко выраженной политико-идеологической обусловленности российского революционного террора. На основании этого подчас делается вывод об искусственном, привнесённом извне революционном движении, разрушившим поступательное развитие Российской империи. Однако фактический материал убедительно показывает, что уровень социального насилия в российском обществе рубежа веков был на критически высоком уровне и проявлялся перманентно еще до кульминации революционных событий. Протесты приобретали различные социально-экономические, национально-культурные, религиозные (сектанство) и другие формы. При этом очень высок был уровень и масштаб распространения как девиантных, так и криминальных индивидуальных и групповых проявлений, что позволяет судить о характере происходивших модернизационных процессов в империи как изначально и объективно обладающих повышенной социально-экономической конфликтностью, которая и нашла свое проявление в революционных процессах.

Отсутствие планомерной революционно-террористической деятельности в Европейской России в последнее десятилетие XIX в., не исключало активных дискуссий и наличия террористических проектов в некоторых революционных организациях, преимущественно неонароднического характера. В конце века наибольшая террористическая активность была связана с националистическими движениями на Кавказе¹. Учитывая революционные предпосылки и печальную па-

---

¹ Квасов О.Н. Развитие террористических тенденций в российском революционном движении начала XX в. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 5. С.98-101; Квасов О.Н. Националистические аспекты российского терроризма начала XX в. // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 6 (15). С.206-215.

мять о народовольческом терроре, в некоторых получивших известность преступлениях, современники склонны были видеть террористический подтекст. Так, член мифической организации «Протест» В.М. Владимиров неудачно стреляет в нижегородского губернатора Н.М. Баранова (21.08.1890)¹, а в феврале 1892 г. воспитанник фельдшерской школы Н.И. Качурихин легко ранит выстрелом из револьвера казанского губернатора П.А. Полторацкого². Можно отметить и экзотические случаи. Волнения против жесткого режима во Владимирской семинарии закончились ранением архимандрита Никона (Софийского) – ученик Селинин бросился на него с топором (09.05.1895)³, а в 1898 г. курский экстремист А.Е. Уфимцев попытался взорвать, привлекавшую огромную массу паломников, святую икону Коренной пустыни под Курском⁴. Ряд исследователей относят к террору также смертельное ранение мещанином В. Андриановым в 1893 г. московского городского головы Н.А. Алексеева и ранение в 1897 г. рабочим Андреевым армейского генерала в Павловске⁵. Однако трехмесячное следствие и медицинское заключение в отношении В. Андрианова установило его «умственное расстройство»⁶, а сведения о покушении рабочего Андреева имеются только у П.А. Кропоткина⁷, исключительно на которого и ссылаются исследователи. По всей видимости, что явствует из поведения, не вполне здоровым был и псковский семина-

---

¹ Короленко В.Г. «Покушение» на генерала Баранова в 1890 году: (Картинка из недавнего прошлого) // Минувшие годы. Петербург. Август 1908. № 8. С.159-170; Богданович А. Три последних самодержца. С.142; Белозеров А.А. Записки по рабочему движению Нижегородского края. Н.-Новгород, 1926. С.27-28.

²Мандельштам М.Л. 1905 г. в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С.32; Ушеревич С.С. Смертные казни в царской России. Харьков, 1933. С.473; Минор О.С. Это было давно... (Воспоминания солдата революции). Париж, 1933. С.135-140.

³ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т.Т. Манохиной. М., 1994. С.71-72.

⁴ Аристархов А. Летопись революционной борьбы в Курской губернии. Курск, 1923. С.9; Стримулин С.Г. Из пережитого. 1897-1917 гг. М., 1957. С.170; Гейфман А. Революционный террор в России. С.248.

⁵ Суворов А.И. Политический терроризм в России в XIX – начале XX века и российское общество. Учебное пособие. М., 1999. С.14; Гейфман А. Революционный террор в России. С.27.

⁶ Московская старина: Восп. москвичей прошлого столетия. М., 1989. С.424-425,443.

⁷ Русская революция и анархизм. Доклады, читанные на съезде Коммунистов-анархистов, в октябре 1906 г. Под ред. П. Кропоткина. Лондон, 1907. С.51.

рист В. Гиацинтов с перочинным ножом бросившийся на обер-прокурора К.П. Победоносцева в дверях его квартиры (21.06.1893)¹.

Экстремизмом стала изобиловать в начале XX в. борьба пролетарских слоев населения, чего до сих пор совсем не наблюдалось. «Шпионов» и «предателей» убивают бастующие рабочие Варшавы². На протяжении всего 1902 г. кровавые расправы над администрацией устраивают недовольные рабочие Закавказской железной дороги. Так, 3 января отравленной пулей застрелен начальник тяги Е.Л. Веденеев³. «31 июля убит старший литейщик Плотто. 23 ноября был ранен пулей в столярной мастерской старший мастер Блюмберг за выдачу товарищей рабочих, членов организации (социал-демократической – О.К.). 28 ноября был контужен пулей мастер Чепурнов за провокаторство. 4 декабря также контужен пулей начальник депо Шпиганович». Хотя и отмечается, что действовали рабочие «по своей инициативе и на почве личной мести», однако это плохо согласуется с плановостью, последовательностью и техническим профессионализмом этих действий⁴. Нападения на служащих Кавказской дороги осуществлялись и в дальнейшем – в декабре 1904 г. на станции Поти был смертельно ранен, а на станции Тауз убит начальники станционных подразделений⁵. Позже в течение всей революции 1905-1907 гг. эта железная дорога являлась ареной жестокой террористической борьбы.

Уральский корреспондент газеты «Искра», описывая события 1903 г., также отмечал: «Чуть ли не каждую неделю слышишь, что на том или другом заводе пущены в ход поджоги, пуля, динамит или бомба...». И хотя автор указывал, что «рабочая масса начинает сознавать, что этой борьбой отдельных лиц против отдельных проявлений гнета она не может хоть сколько-нибудь улучшить свое по-

¹ К.П. Победоносцев и его корреспонденты: Восп. Мемуары: В 2-х т. Минск, 2003. Т. II. С.534.

² Плохоцкий М. Годы подполья в Польше (Воспоминания старого рабочего. 1893-1918 гг.). М., 1933. С.85; Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Вып. 2. Томск, 1908. С.23; Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815-1917 гг. М., 1976. С.306.

³ Книга русской скорби. Издание Русского Народного Союза имени Михаила Архангела. Т. 2. СПб., 1908. С.297-300.

⁴ Аркомед С.Т. Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе. М., П., 1923. С.87.

⁵ Русское слово. 09 января (27 декабря) 1905.

ложение...», это замечание корреспондента, зная последующий разгул уральского рабочего и революционного экстремизма в 1906-1908 гг., очень легковесно¹.

Эскалация забастовочного насилия особо ярко проявляется в Бакинской всеобщей стачке 1904 г. Поджоги нефтяных вышек становятся заурядным средством борьбы забастовщиков². Упорной борьбой отличалась и стачка в Белостоке. В поддержку требований стачечников выступили местные анархисты. Всероссийскую известность получает нападение белостокского анархиста Нисана Фарбера в местечке Крынки Гродненской губ. на текстильного фабриканта А. Кагана (29.08.1904), раненого кинжальным ударом в шею³. С этого момента Белосток становится одним из самых беспокойных промышленных центров России и одним из признанных центров российского анархизма, а сами анархисты позиционируют себя как «единственных и истинных защитников рабочих», что будет затем подобными акциями неоднократно подкрепляться.

Так же стремительно в начале века растет число традиционных форм индивидуального и группового экстремизма крестьянства, к которым можно отнести поджоги продуктов урожая и хозяйственных строений, мотивированные хулиган-

¹ Искра. 15 апреля 1903. № 38.

² Саркисов Н. Борьба бакинского пролетариата в период первой русской революции. Баку, 1965. С.40. Только за неделю, с 25 по 30 декабря было сожжено 128 вышек.

³ Первым анархистским терактом в России это покушение именует В.Д. Ермаков (Ермаков В.Д. Анархическое движение в России: история и современность. СПб., 1997. С.193-194; Анархисты. Док. и мат. 1883-1935 гг. В 2 тт. / Т. 1. 1883-1916 гг. М., 1998. С.8-9), «одним из первых» называет В.В. Кривенький (Кривенький В.В. Анархисты // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С.210-226). Хотя в «Альманахе. Сборник по истории анархического движения в России». (Т. 1. Париж, 1909. С.6) говорится о белостокских событиях иначе: «Во время демонстративного шествия рабочих в июле 1903-го года из леса в город полиция напала на демонстрантов и сильно избивала многих из них. На следующий день после этого события анархисты тяжело ранили особенно усердствовавшего старшего городского Лобановского, а через несколько дней они стреляли (неудачно) в полицеймейстера Метленко. Оба эти акта еще больше укрепили симпатии рабочих к анархизму». Таким образом, первые покушения российских анархистов совершены в Белостоке, но не 29.08.1904, а раньше – 13 июля 1903 г. ранение старшего городского Лобановского и 19 августа 1903 г. неудачное покушение на белостокского полицмейстера П.У. Метленко. Тяжелое ранение полицмейстер получил от пули эсеров в ходе второго (!) покушения 31 октября 1903 г., по поводу чего Харьковским и Киевским комитетами были выпущены прокламации, и упоминалось в газете «Революционная Россия» (№ 39. 01 января 1904. С.14). А.И. Спиридович ошибается, приписывая белостокским эсерам покушение на городского Лобановского, первое покушение на полицмейстера и взрыв канцелярии помощника пристава (06.10.1904) (Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.102).

ские выходки в отношении служащих экономий, физические расправы, убийства и пр. Характерен, как и в случае с поджогами Бакинских нефтяных вышек, стремительный статистический рост количества аграрных поджогов в губерниях, охваченных крестьянскими волнениями 1901-1903 гг. Так, если в 1901 г. их фиксируют только 7, то в 1902 г. уже 69, а в условиях силового подавления массовых крестьянских выступлений, охвативших ряд аграрных губерний России, их число увеличивается до 389, при этом, что еще более характерно, количество открытых выступлений крестьян снижается¹.

Данные примеры показывают, что высокий уровень экстремизма, демонстрируемый крестьянскими и пролетарскими слоями, имел не политическую, а социально-экономическую природу. На протяжении веков при долговременных конфликтных обстоятельствах индивидуальные протесты неоднократно перерастали в групповые действия, различные формы которых встречаются во всех национальных культурах. Фольклором героизируются и воспеваются робингудство, опришки, пиралеби, качаги, абречество, хасхылар и прочие аналогичные формы «общественно обусловленного личного героизма» и «борцы» из народа². Как отмечал Эрик Хобсбаум: «Суть социальных бандитов в том, что они крестьянские изгои, которых землевладелец и государство рассматривают как преступников, но которые остаются в рамках крестьянского общества и воспринимаются его членами как герои, как защитники, мстители, борцы за справедливость, вероятно даже лидеры освобождения, и в любом случае как люди, которыми надо восхищаться, помогать и поддерживать... социальный бандитизм этого вида является одним из наиболее универсальных социальных феноменов, известных истории, и одним

---

¹ Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2004. С.83-84. У Анфимова А.М. на 1903 г. приходится 394 аграрных поджога, а всего за 1901-1904 гг. 511 поджогов, что составило 47% от всего количества крестьянских выступлений (Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881-1904 гг. М., 1984. С.202,218-219).

² Дракохруст Е.И. Опришки // Из истории крестьянства. XVI-XIX вв. М., 1955; Ахобадзе М.В. Там же. С.3-11; О тех, кого называли абреками. Сб. рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. Грозный, 1927; Мужев И.Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900-1914 гг.). Нальчик, 1965. С.117-120; Шекшеев А.П. Хасхылар: протестное поведение хакасов (конец 1919 – начало 1930-х гг.) // Российская история. 2009. № 2. С.93-106.

из наиболее удивительно однородных»¹. Б.П. Поршневу также отмечал взаимосвязи форм крестьянского сопротивления: «...между крестьянскими уходами и восстаниями может быть отмечена не только генетическая связь, но и своеобразная промежуточная форма, игравшая иногда заметную роль в истории. Это – уход крестьян (в леса, в горы), но не для земледелия, а для "разбоя"»². Порождаемая конфликтной средой агрессия находила свой выход, как в традиционалистских формах протестов, так и в новых, появившихся в модернизируемой социально-экономической среде. Нередко стихийные, аполитичные формы разбойных протестов, количественно увеличиваясь, приобретали политическую актуальность и становились важными факторами политического процесса.

Помимо крестьянства и пролетариата экстремизм демонстрировали и другие слои населения. В конце XIX – начале XX в. среди интеллигенции и горожан, особенно модными стали всевозможные «химические обструкции» в отношении субъектов власти. Индивидуализированный характер, легкость совершения проступков и безнаказанность стимулировали их рост. Соляной кислотой незаметно обливали одежду консервативно настроенным преподавателям, на национальных окраинах то же делали против имперских чиновников. Так, будущий убийца министра внутренних дел Д.С. Сипягина студент С.В. Балмашев, уже исключенный из университета за декабрьские забастовки, в январе 1901 г. принес в здание Киевского университета «несколько стеклянных трубочек, наполненных зловонной жидкостью, которые он раздавил ногами в шинельной университета в целях прекращения лекций»³. Общественный ажиотаж и действенность таких способов борьбы способствовала тому, что даже революционные партии взяли их на вооружение. В декабре 1903 г. рижский комитет ЛСДРП предпринял химическую атаку на реакционное буржуазное издание «Ригас авизе» («Рижская газета»). Членами партии одновременно были разбросаны во всех лавках торговавших газетой

---

¹ Hobsbaum E. *Vandits. Revised Edition.* N.-Y., 1981. P.17,18. Цит. по: Герасимов И.В. Письма одесских вымогателей и проблема еврейской преступности в Одессе начала XX века // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: Новые источники, новые подходы. М., 2004. С.157.

² Поршневу Б.Ф. *Феодализм и народные массы.* М., 1964. С.286.

³ Городницкий Р.А. *Боевая организация...* С.40.

и в ее редакции склянки со зловонной жидкостью. Как вспоминал местный боевик Янис Лутер-Бобис: «Многие лавочники, не желая терпеть убытки, отказались от продажи газеты (зловонная жидкость перепортила немало товаров в лавках), число подписчиков "Ригас авизе" резко сократилось с 8000 до 3000 экземпляров»¹. Позже, по мере роста экстремизма, кислоту стали плескать уже в лицо.

Таким образом, в российском обществе начала XX в. существовали фактические предпосылки для развития террористических тенденций, имелся опыт экстремистских проявлений социальной агрессии индивидуального и группового характера, революционные партии видели свою задачу в том, чтобы этот протест политизировать, избирательно акцентировать и извлечь из него максимум выгоды. Количественные тенденции развития революционного терроризма в Европейской России в 1901-1912 гг. представлены на графике 2 (См.: Приложение. График 2. С.465).

Стремительный рост террористической агрессии в Российской империи начала XX в. носил своеобразный характер, что дает основание некоторым исследователям говорить даже о его уникальности в мировом масштабе². Рассуждая о причине этого необходимо учитывать, что общего посыла к социально-экономическому укладу империи недостаточно. Террористические тенденции социально-политической борьбы не имеют прямой корреляции ни с политическим строем, ни с экономическим укладом государства. Какой бы ни была кризисной обстановка в обществе и государстве, на террористические проявления влияет целый комплекс факторов, актуализация которых имеет динамический характер – «причины, обуславливающие терроризм, достаточно многолики и проистекают из социальных, политических, экономических, религиозных, этнических и иных противоречий»³. Для исследования этих причин необходима «комбинация различных научных подходов, которая позволит изучать как "верховые", партийно-политические, так и "низовые", массовые, аспекты отечественной истории, а так-

¹ Лутер-Бобис Я. Страницы жизни революционера-подпольщика. Сб. ст. и восп. Рига, 1962. С.55,359.

² Гейфман А. Революционный террор в России. С.13; Ибатуллин Р.У. Интеллигенция и терроризм в России в начале XX в. // Ист. вестник. М., 2012. Т. 2 (149). С.50.

³ Горбунов Ю.С. Об определении понятия «террор» и «терроризм» // Журнал российского права. 2010. № 2. С.39.

же взаимное влияние различных потоков "революции народа" и "революции элиты", что дает возможность полномасштабно воссоздать картину революционно-освободительного процесса в России первых двух десятилетий XX века»¹.

В условиях обществ доиндустриальной и индустриальной стадий развития, социально-экономические факторы все же имеют определяющее значение на развитие большинства общественных и массовых процессов. Социологами сущность терроризма определяется как «способ разрешения социального конфликта в условиях предрасположенности общества или социальной группы к насильственным методам регуляции отношений, зачастую при отсутствии иных механизмов конфликтной регуляции и каналов коммуникации субъектов конфликта»². При этом «террористическая деятельность представляет собой сложное социально-политическое явление, в основе которого лежит спектр социальных противоречий, которые прямо или косвенно оказывают свое влияние на экстремистскую идеологию»³. Современная историография, социологические и историософские теории отмечают целый комплекс проблемных следствий ускоренной модернизации России на рубеже XIX-XX вв., среди которых наиболее выраженными были: сохранение большого количества феодальных и традиционалистских пережитков в политической, социальной и духовной сферах жизни, обширная маргинализация общества, высокое расслоение и люмпенизация целых слоев населения. Каждое из этих следствий, по своему расставляло акценты и приоритеты в характеристике общекризисного состояния общества и государства, все вместе они оказались неразрешимой проблемой для монархии.

Огромные масштабы революционного терроризма не могли быть достигнуты без широкой социальной поддержки экстремизма. При этом общественная поддержка могла осуществляться в различных формах и включать: «устойчивые

---

¹ Сапон В.П. Концепция революционного освобождения общества в теоретических воззрениях и политической практике российских левых радикалов (конец XIX в. – 1918 г.). Автореф. дис... док. истор. наук. Чебоксары, 2009. С.12.

² Чуланов В.А., Гурба В.Н. Социологический анализ сущности и социальных форм терроризма // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2010. № 2. С.175.

³ Федорышин В.В. Идейная составляющая террористической деятельности // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 1. С.235.

практики рекрутирования террористических кадров, активную организационную и идейную поддержку (оказание материальной, финансовой помощи, укрытие террористов от органов правопорядка, репродуцирование идейных основ терроризма, создание позитивного образа террористов в прессе и т. д.), пассивную идейную поддержку (игнорирование важности и значимости проблемы терроризма), опосредованную поддержку (формирование среды давления на правительство)»¹.

Как неоднократно отмечалось, в развитие российского революционного экстремизма огромную роль сыграли представители разночинства и интеллигенции². Известный исследователь этой темы В.Г. Хорос замечал: «Русский образованный человек во второй половине XIX в. ... ощущал себя в положении маргинала, постоянно сталкивавшегося с непониманием и сопротивлением окружающей среды, прежде всего власти. Это пробуждало в нем ожесточение, доктринерство, не располагало к конкретной практической работе»³. Более категорично высказался И.В. Герасимов: «Русский интеллигент, это интеллектуал в модернизирующемся обществе, который берет на себя несвойственную людям интеллектуального труда функцию реорганизации общества в поисках новой социальной идентификации»⁴. Представители интеллигентских профессий в XIX в. имели преобладающее большинство среди революционных экстремистов. Известно, что в период с 1884 по 1890 гг. среди привлеченных к судебной ответственности террористов 73,2% были интеллигенты, 15,1% – рабочие, и только 7,1% – крестьяне⁵. В начале XX в., как утверждал начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов: «О том, что вся интеллигенция была на стороне революционеров, едва ли нужно особо говорить ... особенными симпатиями среди интеллигенции и широких обывательских, даже умеренных слоев общества пользовались социалисты-революционеры. Эти симпатии к ним привлекала их террористическая дея-

---

¹ Чуланов В.А., Гурба В.Н. Феномен социальной поддержки терроризма // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2010. № 3. С.95.

² Сибиряков И.В. Интеллигенция и террор: Исторический опыт России начала XX в. // Интеллигенция и мир. 2011. № 1. С.7-18.

³ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996. С.108.

⁴ Герасимов И.В. Российская ментальность и модернизация // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С.67.

⁵ Ленин В. И. ПСС. М., 1969. Т. 25. С.95.

тельность»¹. Опираясь на известные статистические данные, историк Р.У. Ибатуллин приходит к следующим выводам: «...таким образом, около 1/50 общего числа интеллигентов входили в состав революционно-террористических организаций. Если же согласиться, что под влиянием ПСР (по оценке ее руководства) находилось вшестеро больше людей, чем состояло в ней, получится, что террористические партии поддерживало около 60 тыс. беспартийных интеллигентов – приблизительно каждый восьмой представитель интеллигенции. Уровень поддержки весьма внушительный»².

Со второй половины XIX в. стремительно стала расти оппозиция самодержавию и среди дворянства. Объясняя кризис дворянства, историк Е.А. Кириллова указывает на очень низкую корпоративную солидарность сословия, широкий диапазон всевозможных внутрисоциальных различий, доходивший до различной природы происхождения (до дворянства можно было «дослужиться»), а единственной универсалией сословия являлось право владеть крепостными. С отменой этого права, дворянство рассыпалось на отдельные группировки, – «вот почему просвещенную часть дворянства и тянуло вон из сословных рамок в сторону демократизма»³.

Высокий уровень преступности, только общеуголовного характера, проявляло и крестьянство. Дореволюционный исследователь вопросов социально-политической агрессии И.А. Малиновский приводит следующие показатели крестьянского насилия в русских губерниях XIX в.: «В течение 19 лет (1836-1854 гг.) было, по официальным сведениям, 75 случаев покушений на убийство помещиков и помещиц, т.е. в среднем по 4 покушения ежегодно. Убийств же помещиков, по официальным сведениям, за 20 лет (1835-1854 гг.) было 144, т.е. 7 в год; за то же время было 29 убийств управляющих. В течение 9 лет (1835-1843 гг.) сослано было в Сибирь за убийство помещиков 298 крепостных крестьян и 118 крестьянок,

---

¹ Герасимов А.В. На лезвие с террористами // «Охранка». Т. 2. М., 2004. С.196.

² Ибатуллин Р.У. Интеллигенция и терроризм в России... С.54.

³ Кириллова Е.А. Очерки радикализма в России XIX в. Философско-исторические концепции 40-60-х гг. Новосибирск, 1991. С.18.

всего 416 человек»¹. В ежегодных отчетах III отделения Собственной Е.И.В. канцелярии и Корпуса жандармов причины преступлений крестьян называются стандартно: «...из мщения за побои или для избежания наказаний, или от преднамеренного желания крестьян освободиться от господской власти, желания, вынужденного продолжительными притеснениями, жестокостью и развратным поведением владельцев и управителей» (1844), «... в намерении освободиться от крепостного состояния, в мщении за строгое обращение или в видах корысти» (1845), «причина этого рода преступлений относится наиболее к строгому обращению или взыскательности за проступки виновных и к личному мщению за притеснения» (1847)². Применимо к массовым событиям начала XX в. кардинально меняются не только участники, но и причины крестьянских выступлений. Так, в донесение курского губернатора от 15 января 1906 г. в МВД говорилось: «Основные причины, послужившие почвой для мятежного движения в Курской губернии, выразившегося, главным образом, в аграрных беспорядках, на основании всех данных, имеющихся в распоряжении губернской администрации, должны быть признаны: 1) общий экономический упадок крестьянского населения Курской губернии, 2) малоземелье, рассматриваемое, однако, не по отношению ко всем селениям Курской губернии, а по отношению части – преимущественно селений, состоящих из бывших помещичьих крестьян, 3) общая дезорганизация сельского строя, развившаяся в последнее время под влиянием потрясений, происходящих в государстве, вызвавшая ослабление деятельности местной власти, ее силы и значения в глазах населения, 4) деятельная революционная агитация, нашедшая крайне благоприятную почву среди крестьян под общим влиянием указанных выше условий, 5) слабости судебной репрессии за учиненные погромы владельческих имений и полная имущественная безответственность крестьян, виновных в погромах»³.

---

¹ Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Вып. 1. Томск, 1908. С.168.

² Россия под надзором. Отчеты III отделения С.Е.И.В. канцелярии и Корпуса жандармов // Свободная мысль-XXI. 2003. № 1. С.119, Там же. № 2. С.121-122, Там же. № 3. С.120.

³ Карпов Н. Крестьянское движение в революции 1905 г. в документах. Л., 1926. С.164-165.

Характеризуя особенность крестьянских расправ над помещиками, Б.Г. Литвак отмечает: «Эта форма (протеста – О.К.), оставаясь индивидуальной по своей природе, даже если в убийстве участвовала группа, вместе с тем по своим последствиям в сознании крестьян представлялась как освобождение коллектива. Осознание коллективной пользы от действий отдельного лица или группы лиц не могло не толкать на коллективные действия, что, в свою очередь, вело к изживанию форм личной мести»¹. Данное объяснение, верно увязывает индивидуальную криминогенную акцию с ее групповой, коллективной мотивацией. Еще более масштабно протестные выступления крестьян происходили на окраинах империи².

Анализируя исторические примеры крестьянской борьбы, многочисленные протесты после отмены крепостного права и встраивая выводы в концепцию общинного социализма, народничество было убеждено в бунтарской «предрасположенности» российского крестьянства. Провал «хождения в народ», иллюзорность анархистских бунтов и нереализуемость призывов к аграрному террору, привели к корректировке этих взглядов, но не разочарованию в них. В начале XX в. революционные партии, соревнуясь между собой, старались вновь втянуть крестьянство в революционную борьбу, но как отмечает В.П. Сапон: «на уровне общин и волостей произошло определенное слияние либертарных организационных технологий крестьянских "низов" и партийно-эсеровских "верхов", хотя при этом идейное влияние неонароднического социализма вряд ли было определяющим фактором. Скорее всего, именно партийные активисты приспособливали свою тактику к потребностям массы», и далее указывает Сапон, – «мы не погрешим против истины, если предположим, что роль партийной интеллигенции в создании и развитии се-

---

¹ Литвак Б.Г. Крестьянское движение в России в 1775-1904 гг.: История и методика изучения источников. М., 1989. С.184. В сноске к этому предложению, без указания источников, Б.Г. Литвак пишет: «В 1856-1860 гг. отмечено 33 случая избиений и убийств помещиков, а в 1850-1856 гг. – примерно 50. После 1859 г. в Центрально-Черноземном районе России эта форма крестьянской борьбы не встречается».

² Так в Грузии «в 1877 г. было 62 случая убийств, 82 ранения, 12 разгромов, в 1883 г. соответственно – 107, 122 и 178, в 1890 г. уже насчитывалось 414 – убийств, 743 – разграблений и 230 – ранений помещиков». Причем популярностью начинают пользоваться «разбойные» виды борьбы, получившие особое распространение в Гурии, Имеретии и Мегрелии. Именно в этих районах в годы Первой российской революции царская администрация полностью будет ликвидирована (Ахобадзе М.В. Крестьянское движение в Грузии 60-90-х гг. XIX в. Тбилиси, 1971. С.3-11).

ти "братств" в российской деревне была важной, но отнюдь не определяющей: радикально настроенные, "сознательные" крестьяне охотно принимали организационные и интеллектуально-просветительские услуги эсеров, однако только в тех формах, которые соответствовали и способствовали нуждам и чаяниям сельского "мира". Внешние, революционно-партийные силы зачастую стояли у истоков тех или иных братств, однако в последующем крестьяне были вполне способны выдвинуть авторитетных лидеров из собственной среды, а навыки общинного коллективизма помогали им самостоятельно развивать свои тайные сообщества как в количественном, так и в качественном отношении»¹.

К аналогичным выводам в исследовании о крестьянской военно-политической самоорганизации приходит и А.В. Посадский, отмечая, что вопреки стремлению эсеров и максималистов втянуть крестьян в вооруженные восстания и политизировать их действия, те «сосредотачивались на вопросах повседневной борьбы с помещиками, зажиточными, властями»².

Данные выводы и характер социально-политического противостояния в деревне дают основание говорить о наличии двух типов аграрного экстремизма начала XX в. В первую очередь, это политический террор революционных активистов направленный против местного чиновничества, правоохранителей и консервативных сельчан. Во-вторых, это «общинный» экстремизм крестьянства (традиционалистский протест) представленный как индивидуальной, так и групповой агрессией, выраженной в виде разнообразных криминогенных поступков (вредительство, воровство помещичьей собственности, хулиганство, браконьерство, поджоги), но имеющих общественно одобряемую основу³. Стремительный взлет

---

¹ Сапон В.П. Крестьянские братства начала XX в. – «государство в государстве» // Крестьянство и власть в России (IX – начало XX в.). Мат. науч. конф. Липецк, 2011. С.230,234.

² Посадский А.В. Военно-политическая самоорганизация российского крестьянства в 1905-1945 гг. Дис... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С.192-193.

³ См.: Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. → 1917-1922 гг. М., 1997. С.27-30; Сухова О.А. Общинная революция в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX в. (на материалах Среднего Поволжья). Пенза, 2007. С.97-148; Российская революция 1905-1907 гг. в сравнительно-историческом контексте // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 1 (44). С.86.

аграрного экстремизма в 1906-1908 гг. был связан с тем, что эти две агрессивные волны совместились, однако говорить об их слиянии не приходится.

У огромного количества населения модернизационный разрыв между критически оцениваемым актуальным состоянием и нереализуемыми ожиданиями формировал «фрустрационное», депрессивное состояние, которое является следствием «революции ожидания» (В. Берковиц)¹. Активизация проявлений девиантного поведения (алкоголизм, самоубийства, криминалитет) тому подтверждение². Одной из форм девиаций стал стремительный рост алкоголизма, что является социальным механизмом подавления или смягчения фрустрационного состояния. Основными объясняющими концепциями роста алкоголизации являются две: медицинская и поведенческая. В рамках первой концепции «пьянство выступает только одним из проявлений так называемого социального беспокойства, результатом которого и являются в конечном итоге социально-политические изменения. В рамках второго направления причинности, напротив, сами социальные изменения порождают стресс, неадекватной хотя и культурно детерминированной реакцией преодоления которого выступает тяжелая алкоголизация»³. В рамках нашего исследования, не принципиально какая из данных теорий более или менее полно объясняет причины роста потребления алкоголя в России на рубеже веков⁴. Более важно, что обе причины напрямую связаны с влиянием ускоренной модернизации, которая в значительной мере вызывала алкогольную депривацию.

Другим следствием «революции ожидания» являются показатели количества самоубийств, которые стали результатом «социально-психологической дезадаптации личности в условиях "микросоциального конфликта"»⁵. Официальная статистика суицидов демонстрирует снижение их общего числа в начале XX в.

---

¹ Берковиц Л. Агрессия: Причины, последствия и контроль. СПб., М., 2001.

² Ланцова Л.А., Шурупова М.Ф. Социологические теории девиантного поведения // Социально-политический журнал. 1993. № 4. С.32-41.

³ Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. Отв. ред. Я.И. Гилинский. СПб., 2000. С.212.

⁴ Карпачев М.Д. Движение за народную трезвость в Воронежской губернии в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 9. С.86-88.

⁵ Красненкова И.П. Социально-философские и политико-правовые аспекты феномена суицида // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1998. № 6. С.26.

относительно последних трех десятилетий XIX в.¹. Эта тенденция вероятно связана с известным снижением уровня самоубийств и преступности в периоды войн и социальных потрясений². Но, несмотря на общую позитивную ситуацию, резко увеличивается количество самоубийств среди молодежи³. М.Б. Могильнер, со ссылкой на отчеты Министерства народного просвещения, приводит следующие цифры самоубийств и покушений на суицид в учебных заведениях: 1905 – 27; 1906 – 88; 1907 – 104; 1908 – 142; 1909 – 212; 1910 – 256; 1911 – 246⁴. Именно молодежь, в первую очередь, тяжело переживает кризисное состояние и чувствует себя «исключенной» из политической, экономической, культурной и социальной жизни. «Отчаяние молодых перед будущим, которое им кажется безысходным лежит в основе делинквентного поведения, нарушений общественного порядка, столкновений с полицией»⁵. Неразрешимый конфликт приводит к фрустрации, которая порождает агрессию. Общественная среда, исторический опыт, время или пример других канализирует выход этой агрессии. Как рассуждал А. Камю: «Дойдя до своих пределов, ум должен вынести приговор и выбрать последствия. Таковыми могут быть самоубийство и возражение»⁶. Учитывая то, что акт самоубийства почти во всех социальных системах осуждается, а возражение либо вообще невозможно, либо разрешено в минимальных пределах, террорист выбирает третий путь, – за счет других, возражая против абсурда, решить свои проблемы через акт

---

¹ Миронов Б.Н. дает совокупную цифру суицидов в России за 1901-1905 гг. на 100 тыс. человек в количестве 2,3, а соответственно за периоды: 1870-1874 гг. – 2,6; 1875-1887 гг. – 2,8, 1888-1893 гг. – 3,3. См.: Миронов Б. Уроки революции 1917 года, или кому на Руси жить плохо // Родина. 2012. № 1. С.75-76.

² Гернет М.Н. Избранные произведения. М., 1974. С.306-310,449-459; Социальное насилие: эволюционно-исторический аспект («Круглый стол» ученых) // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С.146.

³ Попов Н.М. Современная эпидемия школьных самоубийств в России: клинический материал. Казань, 1911.

⁴ Могильнер М.Б. На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907-1914 гг.). М., 1997. С.36.

⁵ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999. С.150.

⁶ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С.38.

террористического самоубийства¹. Принимая во внимание наличие этой психологической взаимосвязи между самоубийством и терактом, можно сказать, что печальная статистика суицидов позволяет в определенной мере объяснить преимущественно молодежный состав террористических подразделений революции, и вновь связать со следствиями модернизации.

Наиболее важное для нашего исследования девиантное проявление модернизационного скачка России касается роста общеуголовной преступности, так как это насильственное проявление «ненормальности» напрямую коррелирует с ростом политического экстремизма. Обращает на себя внимание поступательный рост числа уголовных преступлений в предреволюционный период начала XX в. За первые десять лет века общее число осужденных судами Российской империи выросло на 35%, при этом количество малолетних преступников в возрасте от 10 до 17 лет более чем в 2 раза². На основе сведений энциклопедии «Гранат», А.М. Зориков определяет, что относительно 1899 г. прирост убийств в целом по России составил в 1903 г. 121%, в 1904 – 132%, в 1905 – 154%, в 1906 – 210%; прирост по разбоям и грабежам в 1903 г. составил 121%, в 1904 г. – 131%, в 1905 – 190%, в 1906 – 258%³. Тенденция устойчивого и достаточно стремительно роста тяжелых и тяжких преступлений наблюдалась еще до революции 1905-1907 гг., а в условиях революции она стала более выраженной. Это позволило А.М. Зорикову сделать следующий вывод: «получается, что революция не столько провоцировалась "сверху" радикальными доктринерами, сколько подпитывалась различного рода "антиобщественными" элементами "снизу"»⁴.

Аналогичное состояние маргинальности проявлялось в пролетарских слоях. М.А. Фельдман, характеризуя российский пролетариат начала XX в. отмечает, что потомственных рабочих в нем насчитывалось не более 1,1%, при этом к категории малоквалифицированных, неквалифицированных и малооплачиваемых – 63,9%.

---

¹ Лаврин А.П. Хроники Харона. М., 1993. С.281; Квасов О.Н. Самопожертвование в терроризме // Философия о смерти и бессмертии человека: Мат. межвуз. науч. конф. Воронеж, 2001. С.27-31. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.rciabc.vsu.ru/irex/pubs/kvasov1.htm>

² Остроумов С.С. Преступность и ее причины. М., 1960. С.194.

³ Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С.10.

⁴ Там же.

Указывая на признаки неустойчивого социального состояния большей части российского пролетариата, исследователь заключает, что их вообще не следовало бы характеризовать как «рабочих, соответствующих индустриальной эпохе»¹.

Кризисные явления демонстрировало и духовенство, что выражалось в резком падении дисциплины и интереса к обучению в духовных училищах, повышенном увлечении семинаристов революционными идеями. Часть семинаристов стала проявлять эпатажно протестное поведение (пьянство, разврат, непослушание), другая часть активно включилась в революцию². Как отмечает Е.А. Кириллова: «именно духовенство поставляло ревностных адептов в лагерь радикалов и "нигилистов"». Стоит согласиться с ней, что кризис православной церкви был во многом связан с кризисом власти – «причина здесь, думается, в косности религиозной мысли и религиозного чувства, замкнувшихся на официальном богопонимании и богопочитании. На всякую попытку рассуждать о вере или иначе чувствовать её правительство смотрело как на злостное колебание основ. Правительственная власть предпочла опереться на букву учения, не предполагая, очевидно, что это вызовет отлив религиозного настроения»³. Другим проявлением этого кризиса будет стремительный рост сектантства.

Характеристика, по всей видимости, любого слоя российского общества на рубеже XIX-XX вв. имела целый комплекс тревожных, кризисных явлений, порождающих социально-политические конфликты. Б.Н. Миронов конструктивно замечает, что революционаризм империи «явился плодом прогрессивных социальных изменений в обществе, последствием предоставленной экономической и гражданской свободы огромной массе прежде бесправных людей, результатом развития рыночной экономики и невероятного прежде роста потребностей и ожиданий», и, в частности, как отмечает Миронов, рост криминального поведения, это

---

¹ Фельдман М.А. Промышленные рабочие России в начале XX в. // Вопросы истории. 2006. № 1. С.29. Также см.: Фельдман М.А. Промышленный переворот на Урале: попытки переосмысления (дискуссии и обсуждения) // Отечественная история. 2005. № 4. С.167-178; Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900-1941 гг. М., 2009.

² Леонтьева Т.Г. Быт, нравы и поведение семинаристов в начале XX в. // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С.37-38.

³ Кириллова Е.А. Очерки радикализма в России... С.19-20.

отражение пробуждения «чувства личности и стремление отстоять своё достоинство»¹. По всей видимости, не менее целесообразно считать рост девиантных проявлений традиционалистскими формами сопротивления или социальными реакциями тех слоев и представителей населения, которые в наибольшей мере претерпели негативные последствия модернизационных процессов. В начальный период социально-политических потрясений происходит осознание и оценка изменений, после которых наступает разочарование и новый приступ отчаяния. Таким образом, одной из основных причин роста агрессии стало «действие социальных факторов... и социальная легитимизация юридически нелегитимного насилия»². Именно это подтверждается восходящей динамикой девиационных проявлений на рубеже веков (самоубийства, преступность, алкоголизм), затем резким понижением девиаций после начала политических изменений, и спустя некоторое время, возвращение их устойчивого роста.

Очевидно, что на разгул терроризма повлиял и комплекс политических факторов. Необходимо отметить следующие наиболее важные политические причины, имевшиеся в Российской империи.

Абсолютистская структура политической власти неоднократно подталкивала противников авторитаризма к попыткам решать конфликты путем тираноубийства или политических убийств лидеров (аттентат). Исторические прецеденты этого в любой эпохе и стране можно найти в большом количестве. Россия не является исключением. «Одноглавие» царизма было притягательной предпосылкой направленным актом убийства разрешить целый клубок политических противоречий. Многочисленные исторические примеры эпох Смутного времени и дворцовых переворотов этот соблазн только укрепляли. Попытка декабристов, на другой политической и идеологической платформе, но тем же способом разрешить политическую коллизию закончилась печально, однако народовольцы, испытав и разочаровавшись в действенности других способов политической борьбы (пропаганда, «хождение в народ»), также прибегли к тираноубийству. Одним

---

¹ Миронов Б. Уроки революции 1917 года, или кому на Руси жить плохо // Родина. 2012. № 1. С.78.

² Чуланов В.А., Гурба В.Н. Феномен социальной поддержки терроризма ... С.88.

предложением известный исследователь революционного терроризма О.В. Будницкий очертил глубину этого фактора: «Персонализация власти в России, сакральность фигуры царя вызывали великий соблазн – одним ударом разрушить могущество этой власти, расчистить дорогу для осуществления идей, которые должны привести к всеобщему благоденствию»¹. Революционный экстремизм XX в. также начинался с обоснования и совершения единичных убийств (первые акты БО ПСР) и только с ростом массовой поддержки и протестного движения постепенно перешел в стадию политического терроризма.

В значительной мере на рост терроризма повлияло кризисное состояние самой государственной власти, что проявилось в ее структурно-организационных проблемах, нормативных и функциональных недостатках, отсутствии ценностного единства взглядов российской бюрократии на будущее страны, далеко не лучшим по многим параметрам кадровом составе. Признаков этого кризиса и примеров такового можно приводить достаточное количество, что естественно не исключает и наличия противоположных доводов. Наиболее симптоматичным примером, определяющим и подтверждающим критическую оценку самодержавной власти в России можно считать системный кризис силовых структур.

Структурные недостатки силовых ведомств особенно ярко проявились в период революционных потрясений. Внесудебные процедуры (практика административных преследований и наказаний, карательные расправы и военно-полевые суды), к которым прибегло самодержавие для подавления политических противников, тому прямое подтверждение. Востребованный опыт централизации силовых структур, по примеру Верховной распорядительной комиссии или совмещения постов премьер-министра и министра внутренних дел, был использован только кратковременно. С наступлением некоторого успокоения от ведомственной концентрации власти самодержавие отказывалось. Уже по ходу противостояния с революцией имперской власти необходимо было не просто совершенствоваться, а реформировать свою правоохранительную систему. Однако власть пошла «по пути укрепления карательно-розыскного аппарата и упрощения оперативно-

---

¹ Вступ. ст. Будницкий О.В. // История терроризма в России... С.6.

следственных действий» (совершенствование форм охраны, появление новых структур жандармского взаимодействия в виде районных охранных отделений, расширение форм и методов агентурной и оперативно-розыскной деятельности), при этом охранные новации не были органично вписаны в правоохранительную и правовую систему страны¹. Отсутствовали правовые статусы полицейских агентов, что вынуждало во время судебных процессов нарушать судебные принципы презумпции невиновности и открытости правосудия, оперировать категориями «подозрения», активно использовать провокацию как оперативно-тактический способ противодействия². На ряду с этим, террористическое движение 70-80-х гг. XIX в., его успехи и неспособность полиции защитить главу государства, даже не отразились в уголовно-правовых актах и терминах нового Уголовного Уложения 1903 г. Не был конкретизирован состав террористических преступлений, определен статус террора и меры его наказания. Терроризм оставался по своему составу уголовным преступлением, к которому при обнаружении улик добавляли статьи государственных преступлений. Такое положение вещей позволяло достаточно оперативно бороться с проявлениями революционного экстремизма, однако создавало противоречия и злоупотребления со стороны правоохранительных и судебных органов, что становилось систематическим и еще более углубляло кризис власти. Однако, «соблюдая внешне законность, власти прикрывались ею для осуществления репрессий, подменяя судебную расправу административной. С каждым годом число административно-поднадзорных росло, что явно свидетельствует о кризисе политического режима, уже неспособного к обычным мерам и прибегающего к чрезвычайным»³. Так, в наиболее кровавый период 1906-1909 гг. военными судами разных инстанций, которые по существу являлись упрощенными и внесудебными расправами, было приговорено к смертной казни 5784 человека и казнен 2651 осужденный, или 45,8%⁴.

---

¹ Овченко Ю.Ф. Безопасность империи. С.114.

² Жукова Л.В. Провокация с позиции законности // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1996. № 1. С.30-37; Абакумов О.Ю. У истоков заграничной политической провокации // Вопросы истории. 2002. № 5. С.127-138.

³ Овченко Ю.Ф. Там же. С.194.

⁴ Россия, 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С.400.

На этом фоне чрезмерную роль и влияние на продуктивность работы силовых структур оказывали личностные факторы. Значение для антитеррористической деятельности таких фигур как Г.П. Судейкин, С.В. Зубатов, П.И. Рачковский, А.В. Герасимов или С.П. Дегаев и Е.Ф. Азеф, трудно переоценить. Однако массовым явлением, особенно в 70-е гг. XIX в. и начале Первой революции были не только ведомственные и структурные конфликты между силовыми подразделениями, но и некомпетентность жандармских офицеров в оперативно-розыскной деятельности, что не могло позитивно отразиться на действиях правоохранительных органов¹. Как отмечал жандармский генерал П.П. Заварзин: «В то время (рубеж XIX-XX вв. – О.К.) политический розыск в империи был поставлен настолько слабо, что многие чины его не были знакомы с самыми элементарными приемами той работы, которую они вели, не говоря уже об отсутствии умения разбираться в программах партий и политических доктрин»². В послереволюционный период, волонтаристское решение командира ОКЖ и товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского (1913-1915) о сокращении штатов и сферы деятельности полицейской агентуры, по сути дела, сломало хребет сложившейся практике противодействия оппозиционному и революционному движению³.

Вообще, провокация, как один из методов разрешения кризиса, оказалась чрезвычайно востребованной в борьбе с революционным движением, особенно в условиях Первой революции, на что повлияло предельно шаткое и неустойчивое равновесие сил во многих эпизодах политического противостояния. Именно провокация становилась инструментом, с помощью которого, сторонники силового варианта обеих лагерей, пытались вывести неустойчивую ситуацию или ход со-

¹ Оржеховский И.В. Реорганизация жандармского управления в связи с правительственной реакцией 60-х – 70-х гг. XIX в. // Вопросы истории общественно-политической мысли и внутренней политики России в XIX в. Горький, 1971. С.51; Ансимов Н.Н. Охранные отделения и местная власть царской России в начале XX в. // Советское государство и право. 1991. № 5. С.121; Романов В.В. Политическая полиция – государственный институт Российской империи. Ульяновск, 1996. С.30; Рыжаков Д.Г. Рыцари монархии: провинциальная жандармерия во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Нижегородской губернии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2008. № 2. С.27 и др.

² Заварзин П.П. Работа тайной полиции // «Охранка». Т. 1. М., 2004. С.443.

³ Розенталь И.С. Страницы жизни генерала Джунковского // Кентавр. 1994. № 1. С.93-95; Хутарев-Гарнишевский В.В. ОКЖ и ДП МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913-1917 гг. Автореф. дис... канд. истор. наук. М., 2012. С.24-25.

бытий в нужном направлении. Провокатор, вбрасывая определенную информацию или совершая действие, задавал ожидаемой реакции общества и органов власти нужное направление. Примеров разнообразного использования провокаций в ходе революции множество. Это выстрелы «неопределенных лиц», как в революционные, так и в патриотические манифестации, после которых начинались погромы; провокационные агрессивные слухи, которые создавали и распускали обе противоборствующие стороны, и которые предваряли массовые насилия и грабежи и многое др.¹. Но наибольшую известность и симптоматичность получила провокаторская деятельность главы БО ПСР Е.Ф. Азефа.

Учитывая огромный объем имеющейся научной и публицистической литературы по делу Е. Азефа, хотелось бы обратить внимание на повторяемость этого явления, которое глубокомысленно было обозначено «синдромом ложного бонапартизма». Попытки придти к категоричному ответу на вопрос был ли Азеф провокатором или революционером, по нашему мнению, бесперспективны. Азеф был в разные периоды, в разной мере и террористом, и революционером, и провокатором одновременно. В одной из своих статей в 1917 г. Максим Горький приводит цитату из адресованного ему анонимного письма провокатора: «... в своей подлой голове я так рассуждал: слишком мал тот вред, который я могу причинить движению, слишком я верю в идею, чтобы не суметь работать так, что пользы будет больше, чем вреда. Я не оправдываюсь, но мне хотелось бы, чтоб психология даже такого жалкого существа, как провокатор, все же была уяснена Вами. Ведь нас много! – все лучшие партийные работники. Это не единичное уродливое явление, а, очевидно, какая-то более глубокая общая причина загнала нас в этот тупик»².

В смертельной игре с полицией и революцией, дергая только им известные нити и связи, «бонапарты» от провокации считали, что смогут управлять более

---

¹ Характерно в данном случае сопоставить известное наличие в ДП типографии для печатания революционных и националистических изданий и известные эпизоды с печатанием революционных антисемитских прокламаций и правительственных объявлений о даровании конституции (См.: Фроленко М.Ф. Липецкий и Воронежский съезды // «Народная воля» и «Черный передел»: Восп. участников революционного движения в Петербурге в 1879-1882 гг. Л., 1989. С.71,339-340).

² Горький М. Несвоевременные мысли. Рассказы. М., 1991. С.8. Автором письма является Ю.О. Серова (См.: Розенталь И.С. Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996. С.205).

продуктивно политическими и революционными процессами. К такому макиавеллизму толкала сама революционная мораль, декларированная еще П.Н. Ткачевым: «... мы должны признать за каждым человеком право относиться к предписаниям нравственного закона, при каждом частном случае его применения, не догматически, а критически»¹. Кроме того, в специфической атмосфере революционного подполья, как отмечал еще Герман Лопатин, «всегда будет вырабатываться известное число уродливо развитых личностей»². В дальнейшем, Азеф настойчиво добивался у партии своего оправдания, что кажется верхом цинизма при совершенных с его помощью провалах. По всей видимости, именно этот подтекст «дела Азефа», сам факт двойственности моральных критериев, повлиял на то, что руководство эсеров не приложило рвения в осуществлении возмездия над провокатором.

Кризисное состояние власти проявило себя и в непоследовательной политике относительно требований и акций террористов. Современные исследования подтверждают точку зрения О.В. Будницкого, что «террор действительно заставлял правительство идти на уступки»³. Смена «жесткого» министра народного просвещения Н.П. Боголепова, убитого инициативным террористом П.В. Карповичем (14.02.1901), на генерала П.С. Ванновского, «приятно удивившего всех справедливым отношением к студентам» или министра внутренних дел В.К. Плеве, убитого эсером Е.С. Сазоновым (15.06.1904), на либерального П.Д. Святополк-Мирского, воспринимались как уступка революционному движению⁴. Наряду с этим говорить о правительственной последовательности в отношении к террористическим акциям не приходится. М.И. Леонов справедливо отмечает, что «убийства потрясали власти, приводили в растерянность, заставляли предпринимать экстраординарные меры»⁵. Власть металась от одной крайности к другой, и только жесткая воля в 1881 г. Александра III и П.А. Столыпина в 1906 г. определила и заставила держаться репрессивного курса по отношению к революционному дви-

¹ Ткачев П.Н. Люди будущего и герои мещанства. М., 1986. С.136.

² Цит. по: Давыдов Ю.В. Герман Лопатин: его друзья и враги. М., 1984. С.179.

³ Будницкий О.В. «Кровь по совести»: терроризм в России // История терроризма в России ... С.13.

⁴ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С.18.

⁵ Леонов М.И. Партия эсеров: середина 90-х гг. XIX века – 1907 г. // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С.410.

жению. При этом, необходимо согласиться, что «в условиях кризиса политической системы значение политического терроризма и его разрушающий эффект повышаются, а террористический акт может служить своеобразным катализатором политического процесса – ускорять, замедлять или переводить его в режим стабильного функционирования»¹.

Важным фактором российского общественно-политического процесса в начале XX в. становится стремительный количественный и качественный рост политических партий. «До 1905 г. в стране было образовано 4 общероссийские и 47 национальных партий и движений. До марта 1917 г. к существовавшим партиям добавились еще 41 общероссийская и 113 национальных партий»². Учитывая противодействие этому процессу со стороны государства и большое количество не оформившихся в партии политических движений, можно прямо говорить об ускоренной политизации российского общества. К следствиям этого процесса царизм оказался не готов. Политическая элита не смогла наладить и вести конструктивный политический диалог даже с политическим активом лояльных (черносотенных) партий и движений, которые также прибегали, хотя и значительно в меньшей мере, к террористическим методам борьбы³.

Определенную роль на развитие террористических тенденций в России оказывала внешнеполитическая ситуация. В данном случае, несмотря на имеющиеся конспирологические теории и версии (Н.Д. Литвинов, Н.В. Стариков, В.Д. Лебедев. См.: С.61-62), утверждающие наличие зарубежного государственного участия в российском революционно-террористическом движении, убедительных фактов этого до сих пор не представлено⁴. С другой стороны, косвенная поддержка иностранных государств была в форме предоставления революционерам права про-

---

¹ Масалов А.Г. Психологические аспекты политического террора // *Философия права*. 2009. № 6. С.11-13.

² Кривенький В.В. Новые данные сравнительно-количественного анализа политических партий России // *История национальных политических партий России: мат. международ. конф.* М., 1997. С.129.

³ Степанов С.А. Черносотенный террор 1905-1907 гг. // *Индивидуальный политический террор в России XIX – начало XX в.* М., 1996. С.118-124.

⁴ Лебедев В.Д. Политический террор в России между двумя революциями начала XX в. // *Исторический вестник*. М., 2012. Т. 2 (149). С.24-47.

живания и судебной неприкосновенности по политическим мотивам преследования. Этого было вполне достаточно, чтобы использовать территорию европейских государств для пребывания центральных и координирующих органов, для организации всевозможных форм обучения и обмена опытом боевиков. Революционеры рассматривали границу в первую очередь как территорию российской неподсудности и скрывались здесь от царского преследования. Неоднократно на территории иностранных государств проводились сборы финансовых средств для поддержки оппозиционного движения в России. При этом необходимо учитывать, что на тот момент не были еще в полной мере сформированы законы выдачи преступников и отсутствовала практика взаимоподдержки силовых структур. Таким образом, говорить о целенаправленной деятельности какого-либо правительства против Российской империи не приходится, для этого у нас нет фактов.

Радикализация российского общества рубежа веков отражалась в культурных процессах. Огромное влияние получают оппозиционно настроенные деятели культуры и искусства. Научная и культурная оппозиция власти становится общим местом в общественной жизни. Более того, позиция лояльности, тем более охранительная, воспринимались общественностью как ренегатство и предательство народных интересов. Культивировалось «протестование» во всем и везде.

Терпимое отношение к революционному терроризму шло не только от социальных слоев, но со стороны либеральной общественности. «Российские либералы, не принимая открытого участия в политическом терроре, оказывали ему скрытую поддержку. Либеральные издания оправдывали действия террористов, объясняя их недостатками существующего в России строя, а депутаты-либералы раз за разом отказывались осудить террор на думских заседаниях»¹. Н.А. Портнягина, исследовавшая проблему общественной реакции на революционный террор и, в частности, депутатского корпуса Государственной думы, отмечает: «... большинство депутатов I Думы оценило революционный террор не как преступление, но как средство, которым вынужденно пользоваться общество в борьбе с само-

---

¹ Патрикеева О.А. Газета «Новое время» о проблеме революционного террора в России (1905-1907 гг.) // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 3. С.20.

державием и произволом власти. Нижняя палата парламента попробовала вопросы амнистии и смертной казни использовать как рычаги для давления на правительство с целью получения большей власти. Правительство, со своей стороны плохо подготовившись к обсуждению этих проблем, не пошло на компромиссы с Думой. Оно учло только мнение консерваторов и усилило репрессии против революции. Нежелание Думы осудить террор способствовало ее роспуску»¹. Такая ситуация, без взаимного участия, как власти, так и общества, образоваться не могла. Предметом дискуссии является вопрос, кто в большей мере виноват в таком отчуждении власти. Не снимая взаимной ответственности, как с государства, так и с общества, стоит согласиться со словами правоведа А.Н. Смертина, что «авторитарный политический режим в определенной мере порождает своих врагов, не давая возможности легально высказаться, вести политическую деятельность, участвовать в выборах»².

Большое количество прецедентов агрессивного разрешения всевозможного уровня и природы конфликтов в российской истории, не повышало терпимости и толерантности общества. Насилие становится не только обычным явлением, оно становится алгоритмом обыденного поведения и культурным фактором развития. Как отмечал Э. Стауб, агрессивность на основе культурологических и исторических предпосылок может становиться паттерном поведения и приобретать самостоятельную ценность в поведении³. Кроме того, в ходе начавшихся политических столкновений, каждая из сторон конфликта демонстрирует агрессию и увеличивает градус противостояния, проявление в этой ситуации миролюбия и терпимости воспринимается как показатель слабости. Дискуссия о том, кто первый начал террор носит провоцирующий характер. Более того, это извращенная форма неудовлетворенного чувства отмщения, которое становится определяющим в поведении участников политического процесса. Об этом указывал еще совре-

---

¹ Портнягина Н.А. I Государственная дума в борьбе за власть: оценка революционного террора // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 3. С.149.

² Смертин А.Н. Идеиные истоки революционного правосознания в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник СПб. ун-та МВД России. 2007. № 2 (34). С.38.

³ Staub E. The Roots of Evil: The Origins of Genocide and Other Group Violence. Cambridge, 1992. P.336.

менник событий И.А. Малиновский: «Психологическая вынужденность и может объяснить совмещение протеста против насилия с применением насилия»¹.

О.В. Будницкий особо отмечает, «что превращение терроризма в систему было бы невозможно ранее по чисто техническим обстоятельствам»². Естественно, технический прогресс упростил осуществление теракций, особенно нацеленных против групповых и массовых объектов, увеличил пропагандистское и агитационное воздействие терактов. Однако, по нашему мнению, это обстоятельство не имеет существенного значения. Исторические прецеденты в движение сикариев (I в. н.э., Иудея), ассасинов (XI-XIII вв., Персия), карбонариев (XIX в., Италия) показывают, что для появления терроризма как способа систематического насилия, технические и масс-медийные аспекты не играют главенствующей роли. Силовые механизмы управления, экстремистские тенденции разрешения конфликтов и политический волюнтаризм существовали всегда. На активизацию, своеобразие форм и интенсивность террористических проявлений в том или ином историческом случае влияют конкретные обстоятельства, объективные и субъективные предпосылки, сочетание тех или иных факторов.

Российская действительность второй половины XIX – начала XX вв. представляла собой сложный конгломерат именно таких факторов провоцирующих экстремизм разного характера и глубины. Исторический анализ позволяет сделать достаточно категоричный вывод о том, что в основе всплеска российского революционного экстремизма имелись выраженные социальные факторы, такие как, высокий уровень социальной напряженности, сложившийся жестокий характер структурного (государственного) и антисистемного (революционного) политического насилия, кризис традиционных механизмов социального контроля отклоняющегося поведения. Данные социально-политические причины, усугублялись экономическими, внешнеполитическими и этническими противоречиями, которые еще более обострялись под влиянием неспособности власти и правящей элиты оперативно, конструктивно и согласовано реагировать на стремительно меняю-

---

¹ Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Вып. 2. Томск, 1909. С.28-29.

² Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. С.12.

щуюся обстановку. Социальная агрессия, порождаемая этими кризисами, трансформировалась под влиянием идейной и культурной оппозиции в различные формы политической борьбы. Российскому самодержавию, не обладающему традициями и умением ведения политической борьбы согласительными методами и средствами, не удалось сдержать разрушительную силу этого социально-политического взрыва.

Революционный терроризм был акцентирован против правящего режима, имел заговорщическую и ситуационную (регулятивную) тактико-стратегическую обусловленность. Однако, вслед за революционной риторикой и терактами, в условиях роста массового революционного движения возросло число актов традиционного «рутинного» (Дж. Скотт) крестьянского сопротивления, частью революционного лагеря (неонародники, анархисты) поощряемых. Это привело к резкому всплеску террористического насилия в Первую российскую революцию. Партийные призывы к организации и провоцированию социального экстремизма оборачивались вульгаризацией политического террора, потерей управляемости террористических групп и криминализацией боевой деятельности. Это объясняется разными основаниями происхождения и факторами развития двух террористических движений (политического и традиционалистского). Именно традиционалистский компонент революционного терроризма оказался наименее подвержен управляемости со стороны революционных комитетов.

2.2. Мотивационная сфера революционного терроризма

Говоря о личных причинах участия революционеров в террористической деятельности необходимо различать политические, социальные и индивидуально-психологические мотивации. Они имеют разную природу происхождения, структуру и формы проявления, при этом переплетаются и определяют конечные цели деятельности человека. Большинство исследователей, характеризуя действия отдельных террористов, говорят о целом «мотивационном комплексе» причин, способных вызвать экстремистские побуждения: «деятельность террориста, как и

любого другого преступника, никогда не определяется каким-то одним мотивом, всегда присутствует сложный индивидуальный мотивационный комплекс, где различные мотивы переплетены друг с другом»¹. В зависимости от многих обстоятельств наличие и приоритет того или иного мотива может меняться, а актуальность ослабевать или вообще исчезать. Общим мнением психологов и социологов является «крайняя внутренняя противоречивость личности террориста, которая проявляется буквально во всем»². Столь сложная природа террористического участия требует обстоятельного и объективного изучения, без чего невозможно понять феномен терроризма и смягчить его проявления³.

Неконструктивны нередкие попытки отнести террористов всех разновидностей, в том числе и революционных, к психически больным людям⁴. Террористическая деятельность рациональна и рассудочна, чего не наблюдается в поступках патологически больных людей. Организованные террористы проходят подчас предельно сложный и разнообразный профессиональный отбор, исключая попадание в эту замкнутую среду случайных представителей. Иное дело, когда специфическая, смертельно опасная террористическая деятельность может деструктивно влиять на психику и личность отдельных боевиков. А такие прецеденты были: Д.В. Бриллиант, Т.А. Леонтьева, Е.П. Рогозинникова и др. Однако, в таком случае, это является не причиной, а следствием террористической деятельности. Попытки придать террору оттенок и обусловленность поступков больных людей, это попытки увести проблемы, порождающие терроризм, от их объективного изучения.

---

¹ Лукичев О.В., Шарая О.С. Международный терроризм (историко-правовой и криминологический анализ. СПб., 2006. С.205.

² Сочивко Д.В. Личность и общество. Проблема научности в подходах к изучению опасных социально-психологических явлений в современной России // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2011. № 1. Т. 5. С.57.

³ Ожиганов Э.Н. Профиль терроризма: природа, цели и мотивация: политическая социология // Социологические исследования. 2006. № 2. С.52-57; Зинченко Ю.П., Сурнов К.Г., Тхостов А.Ш. Мотивация террориста // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2007. № 2. С.20-34; Матчанова З.Ш. Мотивация террористической деятельности: Криминологический анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2009. № 3 (4). С.114-116 и др.

⁴ К примеру, юристы И.М. Клейменов и А.Б. Нуртазин считают, что «террористические акции планируются людьми патологически циничными, а осуществляются, как правило, лицами, характеризующимися серьезными психическими дефектами». (См.: Клейменов И.М., Нуртазин А.Б. Психопатология террора // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 2 (26). С.84).

Подобным объяснением мотивации является апеллирование к фанатизму террористов, что очень часто использовали в XIX в. как аргумент необходимости репрессий и невозможности вести какие-либо переговорные контакты с ними. О «фанатизме превосходящем всякое вероятие» говорил М.Т. Лорис-Меликов¹, «фанатизм интеллигенции» развенчивает С.Л. Франк, о «фанатической преданности своей идее» террористов рассуждает Н.А. Гредескул², сами террористы говорят о своей фанатической преданности делу³. В данном случае есть основание трактовать используемое слово «фанатизм» как категоричную убежденность в чем-либо и относить не к религиозной или индивидуально-психологической мотивации, а к политико-идеологической обусловленности, что значительно изменит и отношение к такого рода фанатизму. В смысле «социальной религиозности» понимал мировоззрение многих революционеров и Л.А. Тихомиров⁴. Такой фанатизм рождался как продукт рассудочной деятельности и имел вполне рациональную аргументацию, которая постепенно делала из своего приверженца «воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия»⁵.

Целостной идеологии революционных террористов на протяжении нескольких десятилетий оппозиционного движения в России так и не сложилось. Идеинная обусловленность революционного терроризма представляла собой эклектическое смешение народнических конструкций, анархистского волюнтаризма и марксистских обобщений, спаянных прагматичными управленческими методиками. При этом имелись существенные различия идеологических основ партийного террора и политических взглядов отдельных террористов. Многочисленные аспекты развития и генезис террористической идеологии российских революционных партий исчерпывающе представил О.В. Будницкий⁶. Критически оценила идейные осно-

¹ Переписка Александра III с графом М.Т. Лорис-Меликовым // Красный архив. 1925. № 1. С.114.

² Гредескул Н.А. Террор и охранка. СПб., 1912. С.24-25.

³ Сафронова Ю.А. «Нигилист» – «преступник» – «недоучка»: образы террориста и их восприятие русским обществом, 1879-1881 гг. // Вестник Пермского ун-та: История. 2010. № 2 (14). С.37-49.

⁴ Тихомиров Л.А. Начала и концы. Либералы и террористы // Критика демократии. М., 1997. С.68-112.

⁵ Франк С.Л. Этика нигилизма / Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С.176.

⁶ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000.

вы участия боевиков в терроре американская исследовательница А. Гейфман. Кроме сугубо осуждающего взгляда на революционное насилие и террористов, в её исследовании моментами начинает превалировать полемика, которая оттесняет принципы историзма и объективности. Так, она заключает: «Создается впечатление, что одной из наиболее распространенных причин участия в насилии с политической окраской была неспособность признать собственные неудачи или контролировать свой гнев и примитивное стремление к немедленному отмщению»¹. При этом, как она отмечает, «либеральной и левой прессой» подобные мотивы представлялись «как форма революционной борьбы, оправданная политическими и экономическими обстоятельствами»². Наличие у значительного числа революционеров «гнева» и «примитивного стремления к немедленному отмщению» в отношении власти, исследовательница трактует как форму ненормальности и девиантного отклонения. Однако, при всей спорности такого мнения, учитывая исключительные масштабы терроризма и количество боевиков, становится очевидным, что даже если признать их одержимо больными «отмщением», то при таком большом количестве мстителей эта причина выходит за пределы индивидуально-психологической обусловленности и становится социальным явлением, побудительными причинами которого являлись именно действия властей.

Доказывать или опровергать объективность оценок высокого уровня политических репрессий царизма не является целью нашего исследования. Но, абсолютно общим мнением всех воспоминаний революционеров, критиков самодержавия и обычных современников было утверждение о существовании у власти нетерпимого отношения к любой форме оппозиции. Периодические ослабления режима и мер наказания за противоправные поступки только еще более конкретизировали и усугубляли это мнение. В такой ситуации, объективным или нет было общественное мнение о чрезмерных политических репрессиях, значения уже не имело. Значительная часть политически активного, «граждански мыслящего» на-

---

¹ Гейфман А. Революционный террор в России. С.217.

² Там же.

селения «ощущала себя» бесправной, ущемленной в интересах, ограниченной в действиях и обездоленной в перспективах.

В ряде исследований российского терроризма, вслед за А.И. Малиновским (См.: С.27) и А. Гейфман, особо делается акцент на аффективной и, как следствие, «эмоционально ложной» причинности террористических преступлений. Современный исследователь, углубляя эту мысль, отмечает, что в комплексе «извращенной» революционной морали террористов особую роль играл ресентимент, то есть «преобразование аффектов мстительности, ненависти, коварства и близких к ним чувств в фальсифицированные нравственные суждения»¹. Причиной таких исследовательских суждений чаще всего являются отдельные получившие большую известность поступки инициативных террористов (В. Засулич, М. Спиридонова) или вообще, по своему составу не террористические акции (убийство кружком С. Нечаева студента И. Иванова (21.11.1869), убийство министра внутренних дел Н.П. Боголепова П.В. Карповичем (14.02.1901), стрельба по окнам квартиры К.П. Победоносцева Н.К. Лаговским (09.03.1901) и ряд других индивидуальных и откровенно импульсивных проступков).

В первую террористическую кампанию и в терактах начала XX в. мстительные мотивы играли на самом деле очень важную роль. Брат Софьи Перовской вспоминает брошенные ею эмоциональные слова, объясняющие народовольческий террор: «Какая там конституция, – возразила Соня, – это ерунда, конечно, а я просто мщу за дорогих друзей, погибающих и погибших на эшафотах и в казематах крепостей»². Об этих же причинах указывает О.В. Аптекман: «... чувство глубокой скорби, гнева и ненависти, которое хорошо знает тот, кто хоть раз испытал гибель дорогих товарищей... И я глубоко убежден в том, что это именно чувство сыграло не последнюю роль в окончательных решениях вопросов о терроре»³. Это даёт основание историку А.А. Левандовскому констатировать, что для народовольцев «безоглядная и беспощадная борьба с властью постепенно приоб-

¹ Чудинов С.И. Роль ресентимента в искажении нравственного альтруистического чувства народовольческих террористов в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. Т. 63. № 8. С.218.

² Перовский В. Мои воспоминания // Каторга и ссылка. 1925. № 4 (17). С.72.

³ «Народная воля» и «Черный передел». С.88.

ретала иррациональный характер: она во всё большей степени велась под диктовку не разума, а одного из самых разрушительных чувств, которые владеют человеком, – ненавистью»¹.

Мстительные мотивы упоминаются почти во всех прокламациях народников по поводу осуществленных терактов, мезтью за конкретные деяния обосновывались теракты БО ПСР, она же обязательно фигурирует в прокламациях специально посвященных терактам в период второй террористической кампании. Лидер партии эсеров В.М. Чернов так, помимо прочего, обосновывал необходимость покушения на премьер-министра: «Столыпин – автор полосы военно-полевых судов; даже если вы сосчитаете только число казненных и убитых, только число их самых близких родственников, знакомых и приятелей, то ведь мы будем иметь такую армию естественных пропагандистов для "использования" террористического акта против Столыпина, которую вряд ли можно переоценить»². Такое мстительное обоснование теракта было понятно своей субъектно-объектной обусловленностью, адресовано в первую очередь общественности и соответствовало развитию терроризма на стадии аттентата. Однако, как уже было сказано, терроризм как деятельность, имеющая структуру, сложный механизм функционирования и многочисленный состав профессиональных боевиков, является высоко «рассудочной», специализированной формой борьбы, в которой аффективные, импульсивные поступки всемерно пресекаются, а неуравновешенные натуры отвергаются. При этом начинает превалировать должностная или символическая ответственность объектов покушений, что минимизирует роль и значение мстительных факторов. Террористическая тактика эсеров, с периодическими запретами и активизацией террора демонстрирует партийное понимание терроризма, как тактико-стратегического способа борьбы свободного от аффективной неуправляемости. Другое дело, что создать такой бездушный террористический механизм эсерам в полной мере так и не удастся.

---

¹ Левандовский А. Железный век. М., 2000. С.91.

² ПСР. Док. и мат. Т. 2. М., 2001. С.344.

Обычным утверждением большинства рядовых революционеров было непонимание всех тонкостей партийных положений и различий политических платформ. Для многих не только сочувствующих, но и членов партийных комитетов эти вопросы не имели принципиального значения. Так, тамбовская социал-демократка, член комитета Л.Я. Мануйлова, на упреки «эмиссара из центра» во внефракционности, бросает: «Передайте в центр, что нам совсем некогда заниматься фракционными распрями. Полагаю, мы достаточно хорошие социал-демократы и ведем нашу работу не в целях дробления партии, а её единства. Может быть, вашим генералам и любо ссориться, но не втягивайте хоть нас в эту свару. Рабочим это непонятно»¹. Историк М.И. Леонов отмечает: «... незнание и непонимание всех доктринальных тонкостей были условием появления объединенных организаций социал-демократов в Саратове и Астрахани, "Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров" с отделениями в Уфе, Екатеринбурге, Перми, Златоусте. В Ташкенте и Оренбурге объединенные организации появились в 1904 г. и просуществовали до конца 1905 г.»². Боевики в подавляющем большинстве вообще не интересовались содержанием партийных программ. Так, убийца самарского губернатора И.Л. Блока эсер Г.Н. Фролов (21.07.1906) в воспоминаниях прямо говорил о своем партийном невежестве и отсутствии идеологических представлений³. Попытки комитетов принципиально подходить к наличию «правильной» партийной платформы у боевиков, сталкивались с их категорическим нежеланием дискутировать на политические темы, с чем комитетам зачастую приходилось мириться. Достаточно вспомнить особые позиции по политическим, партийным и тактическим вопросам руководителей БО ПСР и членов ЦК Е.Ф. Азефа и Б.В. Савинкова. Отсутствие партийных убеждений, объясняло легкость с которой рядовые боевики разрывали отношения с одними партиями и переходили в другие, а если таковых не оказывалось рядом, то формировали свои внепартийные группы. Нередким были случаи «аренды» бое-

---

¹ Мануйлова Л.Я. Печали и радости моей жизни. Записки. М., 1922. С.116.

² Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С.30.

³ Фролов Г.Н. Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. 1924. № 1 (8). С.117.

виков другими партиями, оказание друг другу технической помощи. Так воронежского социал-демократа провокатора Е.Е. Пеля убили боевики-эсеры (22.12.1906)¹, а боевые акции максималистов имели техническую поддержку от Боевой группы при ЦК РСДРП (б)². По всей видимости, не будет большим преувеличением сказать, что у подавляющего числа рядовых террористов вообще не было устойчивых партийных представлений, а лишь категорично выраженное в разного уровня экстремистском негативизме отношение к царской власти. Стратегическое и тактическое различие применения терроризма между революционными партиями и организациями в большей мере касалось комитетов, а не боевиков. Таким образом, идейно-партийные воззрения боевиков не являлись непреодолимым фактором в выборе форм и способов революционной и боевой деятельности. Провозглашаемые индивидуальный экстремизм эсеров, групповой боевизм социал-демократов или «естественное» бунтарство анархистов в глазах террористов вполне нивелировали суть и содержание всех партийных программы.

В большей мере чем идейно-политические взгляды на индивидуальную предрасположенность к экстремистскому поведению влияла социальная среда и обстановка в стране. Именно они порождали массовые экстремистские тенденции и процессы. Всплеск разного рода агрессий в российском обществе на рубеже XIX-XX вв. был связан с изменениями, которые происходили под влиянием модернизационных процессов. Отмена крепостного права, комплекс буржуазных реформ, начавшиеся экономические изменения, в совокупности составили почву для стремительных экономических изменений, за которыми были не в состоянии гармонично изменяться социальные и культурные структуры общества. Симптоматично, что на происходящие перемены после отмены крепостного права ответила политической агрессией, в первую очередь, интеллигенция (народовольческий террор), а в условиях углубляющегося кризиса сельского хозяйства и про-

---

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 802. Л.172,242об.,265; Борьба и жизнь. Изд. Воронежского комитета ПСР. № 1. 16 мая 1907.

² Боевая группа при ЦК РСДРП (б). (1905-1907): Ст. и восп. М., Л., 1927. С.118; Фельштинский Ю.Г. Как добывались деньги для революции // Вопросы истории. 1998. № 9. С.34-51; Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. С.322-323.

мышленности начала XX в., уже в зависимости от местной специфики союз представителей интеллигенции, мещан, крестьянства и пролетариата.

Данные обстоятельства можно в определенной мере объяснить положениями теории аномии, разработанной Э. Дюркгеймом и модернизированной Р. Мертоном¹. Основой этой теории является общественная и индивидуальная реакция на возникающие противоречия между имеющимися в обществе «культурными структурами» (общественной моралью, социально-ролевыми предписаниями и пр.) и невозможностью придерживаться этих структур (целей) общественно одобряемыми средствами и способами. При проявляющихся общественных изменениях, как в отношении целей, так и способов их достижения, социальная среда и индивид выбирают вместо конформизма новый алгоритм поведения. Мертон считал возможными поведенческими реакциями: ритуализм, т.е. отрицание целей, но признание способов деятельности и ретреатизм – отказ от предлагаемых обществом целей и средств (демонстрируют алкоголики, бродяги и душевнобольные). Отдельными поведенческими стратегиями он считал инновации и мятеж. В первом случае, согласие с общественными целями сталкивалось с непреодолимыми препятствиями в их достижении и приводило к использованию новых девиантных способов действий, а мятеж, являл собой не только отрицание старых общественных целей и способов, но и активное продуцирование новых, не обремененных пока еще противоречиями. Так, предписанный крепостными отношениями помещичий патернализм и покровительство крестьянам, после отмены крепостного права не исчезли, а, деформировавшись, могли проявиться в интеллигентском «народолюбстве» и разночинском самопожертвовании ради народа². А коллективная (общинная) целесообразность могла санкционировать насильственные конфискационные действия в отношении земли и имущества помещиков. К «интеллигентскому» терроризму в начале XX в. добавился индивидуальный терроризм «молодого» пролетариата, – сменившего свой образ жизни вчерашнего об-

¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995; Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

² Чудинов С.И. Феномен аберрационной совести в народническом терроризме // Вестник Челябинского государственного ун-та. Философия. Социология. Культурология. 2010. № 1 (1812). С.120-124.

щинного крестьянина, который «за други своя» готов был на тяжкий грех смертоубийства. Таким образом, экстремизм демонстрируемый в террористической деятельности, в силу коллективных, осмысленных действий представляется формой радикального социального реагирования на изменяющееся состояние окружающей среды. Наиболее очевидной, поверхностной причиной политического радикализма революционных террористов стала деформация ценностных ориентиров самого общества.

Революционные процессы второй половины XIX и начала XX вв. имели достаточную преемственность, чтобы породить особую «революционную субкультуру», сплоченную новым этикетом, установками и нормами – «родился новый герой» (П.Б. Струве) с психикой свободной от всяких сдержек¹. Внутри этой новой субкультуры успели созреть локальные типажи, которые преимущественно различались по двум критериям – партийностью и видом деятельности. Одним из наиболее важных основополагающих постулатов революционной субкультуры была непримиримая враждебность и бескомпромиссность по отношению к самодержавию. Другой не менее культивируемой ценностью было самопожертвование, которое, вероятно, представляло собой самый обширный и разработанный этический комплекс революционеров и придавало «деятельности революционера совершенно особый смысл, граничащий с пониманием жертвы в религиозном смысле»². На этом неоднократно акцентируется внимание в воспоминаниях Б.В. Савинкова: И. Каляев в терроре видел «моральную, быть может, религиозную жертву», для Д. Бриллиант террор «окрашивался прежде всего той жертвой, которую приносит террорист», для Е. Сазонова – он прежде всего был личной жертвой, подвигом», Т. Леонтьева – жила «с радостным сознанием большой и светлой жертвы», В. Сулятицкий желал «смерти во имя революции» и т.д.³. Эсеровский боевик, один из лидеров партии В.М. Зензинов, категорично высказывал точку зрения, которой придерживались очень многие террористы: «Убийство при всех

---

¹ Струве П.Б. Преступление и жертва // Русская мысль. 1911. Кн. 10. С.135-144.

² Назаров В.В. Воспоминания неонародников как исторический источник // Известия Саратовского ун-та. 2013. Т. 13. Серия: История. Международные отношения. Вып. 1. С.13.

³ Савинков Б.В. Избранное. М., 1990. С.46,49,109,235.

условиях остается убийством. Мы идем на него, потому что правительство не дает нам никакой возможности проводить мирно нашу политическую программу, имеющую целью благо страны и народа. Но разве этим можно его оправдать? Единственное, что может его до некоторой степени, если не оправдать, то субъективно искупить, это принесение при этом в жертву своей собственной жизни. С морально-философской точки зрения акт убийства должен быть одновременно и актом самопожертвования»¹.

В рамках глобального масштаба этой ценности, отдельные случайные жертвы в ходе террористических актов, даже среди представителей «угнетенного народа» воспринимались террористами болезненной, но необходимой потерей. Жертвенный, кровавый характер борьбы во имя счастья народа, в свою очередь, являлся культом не только революционной субкультуры, но и, вообще, одной из основ национальной «русской идеи». Эти революционные ценности порождали агрессивную, нетерпимую среду и конфликтность. В конечном итоге, революционная субкультура сформировала свои стимулы и ориентиры, которые в проблемной общественно-политической и экономической обстановке начала XX в. дали агрессивную, экстремистскую реакцию, заразившую собой даже представителей либерализма. Так, Первая Государственная дума, требуя политической амнистии и прекращения правительственных репрессий, отказалась осудить революционные теракты, не считая их преступлениями в той конкретной ситуации. В парламентских речах депутаты открыто называли террористов «пламенными людьми», «особенной нравственной чуткости», «невольными жертвами», «святыми», «самоотверженными»².

Индивидуальное самопожертвование террориста гармонично вошло в общий комплекс революционной этики, значительно усиливая его общественную привлекательность³. Полемизируя с террористическими идеологами, партийные

---

¹ Зензинов В.М. Пережитое. Н.-Й., 1953. [Электронный ресурс]. URL:<http://ldn-knigi.lib.ru>.

² Портнягина Н.А. I Государственная дума в борьбе за власть: оценка революционного террора // Вестник Ленинградского гос. ун-та. 2013. Т. 4. № 3. С.146-147.

³ Квасов О.Н. Самопожертвование в терроризме [Электронный ресурс]. URL: <http://rciabc.vsu.ru/irex/pubs/kvasov1.htm>; Баранов А.С. Терроризм и гражданское мученичество в

критики этой формы борьбы всегда должны были отдавать должное смелости и жертвенности конкретных террористов, в противном случае, их позиция приобретала циничный характер в глазах оппозиционной общественности¹. Так в социал-демократической «Искре», несмотря на критику эсеровского терроризма, рабочий бундовец Г. Леккерт, покушавшийся на виленского губернатора В. фон Валя (05.05.1902) получил такие эпитеты как «смелый мститель», «честный», «самоотверженный», «герой-мститель», а сам поступок получил положительную характеристику в оценке В.Н. Засулич и Ю.О. Мартова². Автор исследований об образе революционных террористов, А.С. Баранов, также отмечает принципиальную значимость и общественную востребованность «террориста-мученика», указывает на наличие в российском обществе «героического пантеона террористов»³. А. Гейфман обращает внимание, что «...либеральная общественность конца XIX века видела в действиях террористов примеры самопожертвования и героизма, а в них самих – людей редких гражданских качеств, которыми двигал глубокий гуманизм, и поэтому им прощали даже преступления. Такое отношение могло только способствовать экстремизму...»⁴. Исследовательница М.Б. Могильнер относится к образу террориста-мученика критически и отмечает искусственный характер его формирования в обществе при помощи усилий публицистов и литераторов⁵. Большое количество примеров «иступленного стремления» революционеров к смерти и попытку понять эту «волю к смерти» с позиций психоанализа приводит в своем исследовании Д. Чернышевский⁶. По всей видимости, есть основание видеть взаимосвязь социального феномена самоубийства, культа революционной

европейской политической культуре Нового и Новейшего времени // *Общественные науки и современность*. 2004. №1. С.77-88.

¹ Портнягина Н.А. Восприятие политического терроризма русским марксизмом в начале XX в. // *Страницы российской истории: Проблемы, события, люди: Сб. науч. трудов*. СПб., 2008. С.114-124.

² *Искра*. 15 марта 1902. № 28. С.6; Дейч Г.М. Ленинские эскизы к портретам друзей и противников. Л., 1990. С.32.

³ Баранов А.С. Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2. С.181-191.

⁴ Гейфман А. Революционный террор в России. С.22.

⁵ Могильнер М.Б. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999.

⁶ Чернышевский Д. Революционное движение в России с точки зрения психоанализа // *Волга*. 1994. № 5-6. С.134-137.

жертвенности и образа террориста-мученика. По классификации Э. Дюркгейма, действия революционного террориста, идущего на верную смерть, находятся в прямой взаимосвязи с альтруистическими или аномическими причинами самоубийств¹. Первое было на прямую связано со сложившимся революционным этосом, а второе – с социальными следствиями процессов модернизации.

Личное самопожертвование террористов становилось примером подражания не только для его боевых товарищей и сторонников, но и порождало сочувствие и сопереживание среди обывателей. Так, в прокламации эсеров, посвященной годовщине казни В.К. Плеве, говорилось: «... Наблюдаемый ныне пышный расцвет революционизма в России тесно связан и останется связанным с именами самоотверженных товарищей наших Сазонова, Сикорского и Каляева. Конечно, они не создали его, но безмерно ему содействовали. 15-го июля 1904 г., когда уже собирались тучи над головой самодержавного чудовища, смелой революционной инициативой был нанесен самый чувствительный удар полицейско-бюрократическому механизму, а вместе с тем дан могучий толчок для выхода наружу всех накопившихся оппозиционных и революционных сил...»². Имена отдельных террористов становились в один ряд с признанными лидерами всероссийских партий. Такие террористы, как В. Засулич, Е. Созонов, И. Каляев, М. Спиридонова своим поведением, своей личностной привлекательностью смогли позитивно оттенить для общества революционную борьбу и партийную деятельность эсеров. Хорошо понимая это, руководители боевых подразделений старались тщательно подбирать боевиков, учитывая различные критерии. Из-за национальности, землевольцами в 1879 г. были отвергнуты кандидатуры цареубийц в лице еврея Л. Гольденберга и поляка Кобылянского³. Руководствуясь теми же соображениями, организатор БО ПСР Г. Гершуни целенаправленно искал для покушения боевика именно из рабочих, который должен был показать и стать символом пробуждающейся политической воли пролетариата. Образ террориста-жертвователя вошел в революционную героику, и даже партийные пристрастия

¹ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994.

² ГАВО. Ф. И-214. Оп. 1. Д. 2. Л.91. «15-ое июля» (1904-1905). ЦК ПСР.

³ Процесс шестнадцати террористов (1880 г.). СПб., 1906. С.14-15.

советской эпохи не изменили этого. Александр Михайлов, Софья Перовская, Мария Спиридонова, Егор Сазонов, Иван Каляев, Гирш Леккерт и целая плеяда имен местных террористов, воплощенных в художественных произведениях, в названиях улиц и даже памятниках, являются тому подтверждением.

Часть западных исследователей в мотивации и поведении террористов видит суицидальный подтекст, что стало целым направлением историографической литературы (Э. Найт, А. Шур, У. Лакер, А. Мерари) и сформировало концепцию «суицидального терроризма». Терроризм и смерть представляют собой прямую взаимосвязь, суицидальный характер которой, однако, по нашему мнению, далеко не столь однозначный. В рамках нашего исследования по этому поводу необходимо отметить следующее.

В совокупный комплекс представлений о террористической деятельности обязательно входила неизбежная для боевика, но пока отсроченная ссылка, тюрьма, каторга, виселица. Для многих ставших известными террористов (И. Каляев, М. Спиридонова, Е. Рогозинникова, М. Федорова), помимо успешно совершенного покушения, смерть от руки палача воспринималась как необходимая часть и важный элемент теракта. О желательности и даже революционной необходимости смертного приговора себе, говорят многие арестованные террористы. Со слов Е. Сазонова, И. Каляев по этому поводу рассуждал следующим образом: «Я часто думаю о последнем моменте. Мне бы хотелось погибнуть на месте – отдать всё – всю кровь, до капли... Ярко вспыхнуть и сгореть без остатка. Смерть упоительная. Да, это завидное счастье. Но есть счастье еще выше – умереть на эшафоте. Смерть в момент акта как будто оставляет что-то незаконченным. Между делом и эшафотом еще целая вечность – может быть, самое великое для человека. Только тут узнаешь, почувствуешь всю силу, всю красоту идеи. Весь развернешься, расцветешь и умрешь в полном цвете... как колос созревший, полновесный»¹. После смертного приговора Каляев категорически отказался от возможного помилования². По-

¹ Зензинов В.М. Пережитое. Н.-Й., 1953. [Электронный ресурс]. URL:<http://ldn-knigi.lib.ru>.

² Беренштам В.В. В боях политических защит. М., Л., 1925. С.93,98; Мандельштам М.Л. 1905 г. в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С.258; Закиров Р.С. Суд над эсером-террористом И.П. Каляевым // Исторические, философские, политические и юридические нау-

кушавшаяся на воронежского губернатора эсерка М.М. Федорова, тяжело страдая от ранений, первоначально также хотела покончить жизнь самоубийством, но отказалась от этого, увидев политическую выгоду своего положения: «Я решила жить и только в случае замены смертной казни каторгой прибегнуть к цианистому кали...»¹. Каждый террорист понимал скоротечность своей деятельности и мысленно примерял себя к рукам палача. В отличие от И. Каляева, для некоторых боевиков, такое окончание борьбы было неприемлемым не с точки зрения смерти, а с точки зрения, хоть и кратковременного, но ареста и «плена». Частым утверждением боевиков было категоричное заявление о том, что арестовать себя они не позволят, но окажут вооруженное сопротивление, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Подтверждением мнения о жертвенной, а не суицидальной смерти террориста являются неоднократные попытки приговоренных к высшей мере наказания покончить свою жизнь непосредственно перед самой казнью. Отсутствие страха перед смертью, безрассудная смелость, демонстрируемая многими террористами, это не разновидность суицидального поведения, а рассудочное стремление заменить «вражеский плен» на геройскую смерть в бою; желание же на суде некоторых боевиков получить смертный приговор – это элемент общего террористического комплекса и часть политической борьбы. Таким образом, в поведении террористов суицид является не более определяющим, чем идеологический или синергетический фактор.

Некоторые исследователи категорично отказывают в объективности утверждениям о наличии революционно-террористического самопожертвования и склоняются к мнению о «декларативности и демагогически-показательном характере» этих суждений². Анализ значительного количества поступков и самого поведения революционных террористов, как во время теракта, так и после него, склоняет к мнению, что самопожертвование – это реальное явление и элемент террористической деятельности. Это утверждение подтверждается, в том числе и

ки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 8 (22). В 2 ч. Ч.1. С.75-79.

¹ Квасов О.Н. Мария Федорова – террористка и жертва террора // Новый исторический вестник. 2011. № 1 (27). С.89-104.

² Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб., 2002. С.120.

сугубо критическим отношением революционного сообщества к практике подачи прошений о помиловании. В полной мере можно согласиться со словами историка К.Н. Морозова, что революционеры «держались двумя руками за принцип абсолютной недопустимости подачи прошения о помилования потому, что, очевидно, инстинктивно понимали, что это единственный способ охранения себя от вступления на путь маленьких компромиссов и уступок, неизбежно ведущий к отказу от своих идей и героического прошлого. Эта позиция не была кабинетной выдумкой, а была выработана собственным каторжным опытом (в прямом смысле этого слова), опытом на собственной шкуре и, безусловно, имела под собой серьезное основание»¹. Категоричные сторонники суждения о суицидальной основе терроризма, не видят в этом феномене систематической конструктивности, а в террористическом акте комплексности, это не позволяет им увидеть и влияния других факторов на мотивационную сферу революционных террористов.

Особую важность в мотивационной сфере терроризму придавала сложившаяся в российском обществе привлекательность террора, предрасположенность к политическому насилию, своеобразная институализация конфликтности, чему во многом способствовала противоречивая позиция русской интеллигенции. Огромную роль в этом сыграла и русская литература, представленная как критическими, так и различного типа модернистскими течениями². Целая плеяда деятелей творчества, занимавшая умы и души россиян второй половины XIX в., настойчиво и убедительно отстаивали активистскую, деятельную позицию в преобразованиях. Д. Писарев и Н. Чернышевский, Н. Некрасов и В. Белинский, С. Степняк-Кравчинский и Э.-Л. Войнич, М. Горький и Г. Успенский, и многие другие, менее или более выражено и конкретно, формировали критический взгляд на царский режим и призывно-привлекательный тон будущих радикальных преобразований, тем самым, задавая необходимую направленность восприятию действительности.

---

¹ Морозов К.Н., Морозова А.Ю. Границы и трактовки предательства в российской революционной субкультуре [Электронный ресурс]. URL: <http://socialist.memo.ru/firstpub/y04/morosov4.htm>.

² Могильнер М.Б. Российская радикальная интеллигенция перед лицом смерти // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С.56-66; Петухов В.Б. Серебряный век русской культуры и терроризм. Ульяновск, 2006; Он же. Ницшеанство и мировоззрение эсеровских террористов в начале XX века // Вопросы культурологии. 2008. № 8. С.25-29;

Фигура революционного героя, таких как Артур Бертон (Овод) или Андрей Кожухов, стала образцом поведения для большого числа представителей подрастающего поколения, что в условиях политического кризиса закономерно себя проявило. Идеализируемый образ революционера стал примером самореализации для многих россиян на рубеже XIX-XX вв.¹

Идеологическое противостояние революционной субкультуры имперским, властным стереотипам происходило на фоне необходимых, назревших изменений в бытовой, культурной, трудовой, и прочих сферах жизни. Это еще более видоизменяло формы и характер противостояния в стране, выводя его за рамки сложившихся этических норм, что во многом объясняло полярность общественного отношения к революционному движению, но формировало преимущественную поддержку или неактивное сочувствие самоотвержению революционеров. Попытки вычлнять, из общей массы якобы «толерантных» россиян, и демонизировать революционных террористов начала XX в. за их якобы «немотивированную жестокость», по нашему мнению, неисторичны.

К устойчивым мотивам террористической деятельности относится и жажда преобразований, причем преобразований в ускоренной, форсированной форме. Возможность кипучей деятельности, с обилием опасности и конкретными, осязаемыми результатами своих действий, привлекала большое количество желающих, особенно в сравнении с рутинной, монотонной пропагандистской и организаторской работой. Как отмечал активный участник революционных событий И.И. Генкин: «Из всех отраслей партийной работы деятельность эта (террористическая – О.К) дает наиболее сильные переживания и как бы сталкивает революционера непосредственно лицом к лицу с представителями правительственной власти. Самому террористу этот способ борьбы кажется наиболее решающим»². На этот момент неоднократно обращали внимание в партийных комитетах, особенно в 1905 г., в период подъема массового движения и революционных завоеваний, когда «в террор шли валом», в ущерб остальной работе. Уже с середины

---

¹ Петухов В.Б. Героизация и оправдание террористов в общественном мнении россиян в конце XIX – начале XX в. // Вопросы культурологии. 2013. № 7. С.49-53.

² Генкин И.И. По тюрьмам и этапам. Пг., 1922. С.262.

1906 г., с началом репрессий, отступлением революции и ростом критики террористической тактики, этот поток резко иссяк. Обычным свойством этого «бунтарски-деятельного» типа революционеров было отсутствие не только взглядов, но и представлений о будущем. В основном такой «деятельностный» настрой демонстрировала молодежь, что вполне согласуется с возрастными тенденциями как середины XX в., так и современного терроризма¹. Волонтаризм и радикальность привлекают к террору людей с деятельной установкой, но преимущественно поверхностных, с реактивной натурой.

Не последнюю роль в предпочтении терроризма другим формам революционной деятельности играл и простой приключенческий интерес. О всплеске в России на рубеже веков интереса к всевозможным приключенческим и романтическим произведениям неоднократно говорили современники, это же отмечается и сейчас: «Среди террористов много тех, кто движим игровыми мотивами. Для них участие в террористических актах – игра: с обстоятельствами, врагом, правоохранительными органами, судьбой, даже со смертью. Особенно это характерно для молодых, в том числе подростков»². Профессиональный революционер А. Локерман, характеризуя период 1903 г., указывает: «Наивностью, легкомыслием, «пистолетством» так и несло от нас...»³. На этой почве, подкрепленной революционными событиями, девальвацией человеческой жизни и моральных ценностей, появлялись псевдореволюционные группы с вычурными игровыми названиями («Лига красного шнура», «Гроза», «Черная туча», «Черный сокол», «Кровавая рука» и пр.), но реальными преступными действиями и жертвами. Причем их появление и всплеск деятельности пришелся уже на конец революции, на 1907-1909 гг., что еще более усилило кризис в революционном терроризме.

Большинство революционных прокламаций о совершенных покушениях носило не только информационный характер, но и имело эмоционально-

---

¹ Козлов А.А. Проблемы экстремизма в молодежной среде. М., 1994; Можгинский Ю.Б. Агрессия подростков: Эмоциональный и кризисный механизм. СПб., 1999; Сериков А.В. Профилактика политического экстремизма молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С.198-207.

² Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб., 2004. С.227.

³ Локерман А. По царским тюрьмам. Из воспоминаний «профессионального революционера» // Каторга и ссылка. 1926. Кн. 22. С.172.

призывную форму обращения. В эсеровской прокламации «Выстрел Карповича», этот призыв звучал так: «В личной отваге важнейший залог революционного успеха. Если есть отвага в груди, то ты сумеешь святую мысль, которой владеют маленькие кружки, бросить в широкую массу и всколыхнуть её убежденным словом. Если есть отвага в груди, ты заставишь обывателя поверить в твою силу, а правительство затрепетать перед твоею решительностью. Если есть отвага в груди, ты не побоишься не только нагаек, но и виселицы. Если много отваги в груди, прямо и смело к врагу подойди и срази его острым кинжалом»¹. Подвиги самопожертвования, приобретают не только большое агитационное значение, но и, что особенно важно в условиях массовых обезличенных процессов (забастовки, стачки, демонстрации и пр.), позволяют втянуть в политическую борьбу подрастающую молодежь и сомневающуюся часть общества. Именно молодежь, склонная в силу возрастных особенностей восприятия, обращать внимание в первую очередь, на конкретные примеры выдающегося поведения людей (кумиров), наиболее впечатлительно реагирует на террористические эксцессы. В.И. Ленин отмечал, что «почти все в ранней юности преклонялись перед героями террора»². Таким образом, террористические акции начинают задавать определенную направленность политической социализации, формируя уже на будущие годы стереотипы и установки поведения. И хотя прямой связи потрясений Первой российской революции (1905-1907) с первой террористической волной не наблюдается – от периода активной террористической деятельности Народной воли (1878-1881 гг.) до революции прошло 27-29 лет, т.е. практически целое поколение не знало эксцессов терроризма; однако влияние революционного радикализма второй террористической кампании на политическую социализацию молодежи на лицо – от революции 1905-1907 гг. до революционного 1917 г. прошло 10-12 лет. Таким образом, в период персонализации (11-13 лет) подрастающее поколение получало террористический пример и революционный алгоритм поведения, что и будет реализовано в самом политически активном возрасте (20-30 лет). На это обращал внимание

---

¹ Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.77.

² Ленин В.И. ПСС. М., 1959. Т. 6. С.180.

и начальник Саратовского ГЖУ, в 1915 г. давая развернутую характеристику сельскому населению губернии. Отмечая наличие «стариков-монархистов» и оппозиционно настроенных крестьян средних лет, чиновник выделил и молодежь, «в большинстве просто развращенные, хулиганствующие люди, не признающие никаких авторитетов»¹. Именно этот слой и будет осуществлять экстремизм.

В пределах империи боевик не имел возможности расслабиться даже на конспиративных квартирах, а наличие легальных документов далеко не защищало от полицейского контроля. Замкнутый круг общения боевиков создавал известную среду отчуждения от других членов партии критически поименованную «кавалергардством» (А.Н. Слетова-Чернова). Об особом самосознании боевиков БО ПСР говорилось неоднократно, причем в критическом тоне только после разоблачения провокаторства Е. Азефа. Такое положение вещей складывалось в специализированных боевых формированиях эсеров, тоже можно сказать и про некоторые социал-демократические и анархистские боевые группы. Образ жизни, быта способствовал особому восприятию действительности и искаженной социальной идентичности. Как отмечают социальные психологи: «...Члены организации ежедневно сталкиваются с реальной опасностью, как правило, живут в изоляции от общества, поэтому для того, чтобы выжить, им необходимо зависеть друг от друга и от своей группы. Руководители террористической группы, для того чтобы сохранить ее сплоченной, сознают, что для этого необходимо действовать. Терроризм может стать самодовлеющим явлением, поскольку для сохранения группы необходимо активно действовать, совершать реальные акции. Будучи участником хотя бы одного террористического акта, террорист, таким образом, отрезает себе путь обратно к нормальной человеческой жизни»². Как следствие, формируется специфическая среда, социальная группа с особым типом сознания людей³. Террористам разных партий и организаций «боевая солидарность» позволяла легко находить общность интересов и языка, и если межпартийное соперничество было

¹ Цит. по: Посадский А.В. Черная сотня в саратовской деревне в 1905-1916 гг. // Отечественная история. 2007. № 1. С.140.

² Коткин П.Н., Заводской И. Некоторые аспекты криминологической характеристики личности террориста // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2010. № 2-11. С.22.

³ Марков М.М. Терроризм как глобальная угроза и как инструмент мировой политики. М., 1997. С.3.

достаточно распространенным явлением, то столкновения между боевиками разных партий были явлениями единичными. При этом такие эксцессы у революционных партий и боевиков чаще всего происходили с националистическими или псевдореволюционными организациями. Товарищеские мотивы участия в террористической деятельности играли большую роль как в жестко централизованных группах, так и в группах организованных по профессиональному и территориальному принципам. Б.В. Савинков отмечает, что в БО ПСР царил «дух взаимной любви и дружбы», что организация являла собой «одну дружную и тесную семью», более того, он приписывает успехи организации «тесному сближению членов организации между собою»¹. Эмоциональная привязанность на поприще смертельной опасности являлась очень мощным мотивационным фактором для большого числа боевиков. Как неоднократно замечали современники и констатирует Е.И. Щербакова, «месть за товарищей» стала одним из главных мотивов покушений². Если террористическому подразделению удавалось некоторое время действовать относительно стабильным коллективом и с достаточной успешностью, такие подразделения приобретали не только высокий профессионализм, но и товарищескую спайку, переходящую в «самодостаточность» и автономность от партийных комитетов. Для комитетов товарищеская сплоченность боевых групп нередко превращала дисциплинарные или кадровые вопросы в причины напряженных отношений с боевиками.

Определенную роль в постоянном пополнении террористических формирований играли и корыстные цели. Террористы, преследовавшие некоторые, а иногда и ярко выраженные, имущественные интересы стали активно появляться с 1906 г., что во многом объяснялось авторитетом, привлекательностью и обывательским страхом перед революционными боевиками. Революционную риторику в грабительской деятельности стали использовать и откровенно уголовные элементы, что значительно облегчало совершение грабежей и уменьшало сопротивление со стороны жертв. Очевидно, именовать таких грабителей революционера-

---

¹ Савинков Б.В. Избранное. М., 1990. С.90.

² Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60-80-е годы XIX в.). М., 2008. С.137. Фигнер В. Запечатленный труд. М., 1921. Т. 1. С.117.

ми нет основания. Однако отличить партийных от уголовных грабителей и революционную экспроприацию от обычного разбоя при имеющихся сведениях, скудной следственной и судебной документации зачастую очень сложно. К примеру, получившая известность воронежская «Лига красного шнура», за короткий двухмесячный период своей деятельности успела совершить четыре вооруженных ограбления и одно убийство¹. Какой-либо революционной деятельности и контактов с оппозиционными партиями не имела, но во время обысков у членов организации были обнаружены 9 готовых к использованию бомб, революционная литература, переписка и устав организации. 15 членов Лиги были осуждены, а избежавшие ареста, вошли в состав Борисоглебского союза независимых эсеров-максималистов. Примечательно, что один из бывших членов Лиги А.Ф. Огарков, отбывавший восьмилетнюю каторгу, позже был исключен из членов Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев «как судившийся по уголовным делам и не доказавший политического характера судимости»². Эта волна «террористов нового типа», девальвация революционных ценностей вследствие поражения революции и необходимость устраивать будущую жизнь, значительно изменила качественный состав революционных террористов.

Анализ материала убедительно демонстрирует картину глубокого противоречия социально-психологического облика и кризисную социальную идентичность революционных террористов, что с одной стороны, вело к конфликту с социальным окружением, с другой – формировало свою особую среду исключительности, наполненную революционным содержанием. Обширное мотивационное разнообразие участия в террористической деятельности революционных боевиков объясняет многочисленность состава экстремистских подразделений. В свою очередь, такой исключительный всплеск социально-политической агрессии мог произойти только вследствие стечения многих обстоятельств и факторов, имеющих объективную и долговременную природу происхождения. При этом персональная мотивация подавляющего числа революционных террористов имела

---

¹ Гейфман А. Революционный террор в России. С.205.

² Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М., 1929. С.684.

декларативно альтруистическую, общественно значимую природу, чем трагичность ситуации еще более усугублялась. Преследуя позитивные цели, прибегая к всевозможным средствам, революционеры ходом политического процесса склонялись к наиболее экстремистским методам. В том, что во второй половине XIX – начале XX вв. разрешение обширного комплекса общественных конфликтов приобрело террористическую стратегию, обусловлено предпосылками политического, социального и культурного характера. На персональном уровне это проявлялось в том, что фрустрационные переживания канализировались в разрушительную деятельность, которая при этом еще и становилась общественно поощряемой.

ГЛАВА 3. Стратегия революционного терроризма

3.1. Идеологическое обоснование первой террористической кампании (60-е – 80-е гг. XIX в.)

Причиной использования насилия в социально-политических противоречиях Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. являлось постепенное формирование всё более радикальных взглядов на перспективы общественного развития страны. Радикализм (от лат. *radix*, *radicalis* – корень, коренной), как система идей и действий, направленных на решительное, коренное изменение существующих государственных институтов в Российской империи XIX в., создал идеологическую основу для появления экстремистских взглядов на характер, форму и содержание предлагаемых мер и изменений¹. Комплекс факторов и причин определил основным содержанием этих мер приверженность экстремистских (от лат. *extremus* – крайний) социально и политически агрессивных способов отстаивания своих взглядов и интересов. Масштабы и глубина предлагаемых социально-политических изменений имели революционный характер. Постепенно в числе используемых форм политической борьбы революционеров особую роль стали играть террористические, основанные на систематической эскалации индивидуального и социального страха (от лат. *terror* – страх, ужас) формы борьбы. Революционный терроризм, благодаря масштабам, развитым организационным формам и обширной аргументации, приобрел большое значение в политическом процессе последнего полувека Российской империи. Он имел как тактическое обоснование, так и стратегическую логику использования, в которых отразились

---

¹ Грачев А.С. Политический экстремизм. М., 1987; Кириллова Е.А. Очерки радикализма в России XIX в. Философско-исторические концепции 40-60-х гг. Новосибирск, 1991; Авцинова Г.И. Политический радикализм в России: Концептуальные подходы и пути нейтрализации // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 3. С.45-51; Сазонов И.А. Политический экстремизм и проблема его категориального осмысления // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 2. С.107-116.

не только боевые и организационно-управленческие нюансы, но и идейно-политическая аргументация этой формы силового управления.

Наиболее древним аргументом терроризма, вероятно, необходимо признать право использовать индивидуальное насилие против тирана, олицетворяющего собою вопиющее зло и являющегося источником народных несчастий. Это право было сформулировано еще в Древней Греции, его обосновывали религиозные философы Средневековья, общественно одобряемым это право считается и сейчас. Основным легитимизирующим аргументом тираномахии (монархомахия, тираницид) является явное попрание законов самим правителем. Убийца тирана, в таком случае, всемерно подчеркивал общественное значение своего деяния и отсутствие личной или групповой заинтересованности. Террорист действовал в одиночку. После совершения преступления тираномах не скрывался и не искал спасения, классическим орудием убийства был кинжал, который обеспечивал прямой контакт с тираном и позволял избежать невинных жертв. Участь тираномаха была логически и морально predetermined, – убийца должен был понести наказание и за очевидное преступление умереть, чтобы не занять место поверженного тирана. Тираномахия, как первоначальная форма терроризма, имеет огромное количество precedents в мировой истории.

В России к тираномахии по приведенным признакам и атрибутам осуществления ни одного убийства правителя отнести нельзя. Однако аргументацией тираноубийства оперировали декабристы¹, а эта тема прочно вошла в русскую художественную культуру². Отсутствие четкой идеологической программы, организации и тактики декабристского движения привели к тому, что в несформулирован-

¹ Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. II. С.23; Дружинин Н.М. Семейство Чернышевых и декабристское движение // Дружинин Н.М. Избранные труды: Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С.337-339; Пугачев В.В. Пушкинский заговор цареубийства весной 1820 г. и декабристы // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. М., 1996. С.5-16; Артамонов Д.С. Тираноборческие и террористические идеи в русской политической культуре первой четверти XIX в.: Автореф. дис... канд. истор. наук, 2006; Рязанов Д.В. Идеи тираницида в политической и правовой культуре России XIX – начала XX в. // Правовая культура. 2006. Т. 1. № 1. С.49-58.

² Степанов В.П. Убийство Павла I и «вольная» поэзия // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С.84; Одесский М.П., Фельдман Д.М. «Поэтика террора» (А. Пушкин, Ф. Достоевский, Андрей Белый, Б. Савинков) // Общественные науки и современность. 1992. № 2. С.89-93.

ных ясно основаниях декабристских планов цареубийства виден синкретизм нескольких идей. Возможное убийство императора декабристами трактовалось по-разному: то, как революционно-тактическая операция (способ смены режима и формы правления), то как акт тираноборчества (устранение правителя), то как форма военного (техника захвата власти) или аристократического (смена династии) переворотов. Все эти идеи высказывались преимущественно в терминах дуэльного кодекса дворянства, дух которого, по-видимому, и не позволил этим планам реализоваться.

С появлением бюрократии и политических партий аргументацию тираномахи стали применять к отдельным политическим деятелям, олицетворяющим собой или своими действиями то самое общественное несчастье. Относительность понимания «общественной вредности» государственного деятеля напрямую теперь была связана с идеологическими обоснованиями, политическими платформами и партийными программами, которые заменили собой общественную апелляцию тираноубийцы. Огромное количество убийств политических деятелей разных идеологических убеждений в течение XVII-XX вв. показывает, что наиболее веской причиной и аргументацией таких преступлений является макиавеллевский принцип – «нет человека – нет проблемы». Научное представление о сфере политики как системе социальных отношений и функциональных структур, уменьшает абсолютизацию личностного фактора и эксцессы политических убийств лидеров в современном мире. Терроризм, изменив объекты и субъекты насилия, аргументацию и механизмы осуществления, из вида политических убийств превратился в форму организованной террористической деятельности, чем в современных условиях и остается быть.

Против сильной власти, представляющей собой единую взаимосвязанную систему, террористический противник действует столь же организовано и планомерно. Общественная поддержка террористов в данном случае считается предпочтительной, но не она является залогом успеха. При наличии сильной организации, целеустремленных усилиях и последовательной деятельности, насилие, применяемое в отношении административных структур, в состоянии дезорганизо-

вать власть, заставить ее либо пойти на политические уступки, либо перестать выполнять свои функции, что приведет к смене власти. В противном случае, власть в борьбе с терроризмом начнет ужесточать политический режим, невольно втягивая в конфликт интересов всё большее количество участников, усугубляя и расширяя границы противостояния. Данная логика применения терроризма является основным аргументом его использования на протяжении уже нескольких столетий, а действенность этих аргументов неоднократно подтверждалась в разных исторических условиях.

В резком росте и развитие российского революционного экстремизма огромную роль сыграли представители разночинства и интеллигенции¹. В условиях российской действительности XIX – начала XX в., значительная часть разночинцев, имела целый клубок противоречий и пагубных следствий модернизации. Эти характеристики породили в её среде обширную прослойку людей, которые были носителями особого мировоззрения выраженного в понятии «русская интеллигенция». Помимо профессиональных навыков связанных с интеллектуальным трудом, особенностью русской интеллигенции был набор категоричных ментальных качеств, среди которых особое место занимали конфронтационность по отношению к власти, разочарование в существующей системе общественного устройства и депрессивное состояние из-за несоответствия личного статуса, имущественного положения и ограниченных вариантов деятельностного протестования. Как отмечает один из основоположников теории модернизации С. Хантингтон: «Революционер-интеллектуал – это практически универсальный феномен в обществах, переживающих модернизацию. ... Способность интеллектуалов играть революционную роль зависит от их отношений с другими общественными группами. ... их способность побуждать к революционным действиям в это время определяется тем, насколько им удастся добиваться массовой поддержки от других групп населения, таких, как крестьяне»².

---

¹ Сибиряков И.В. Интеллигенция и террор: Исторический опыт России начала XX в. // Интеллигенция и мир. 2011. № 1. С.7-18.

² Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С.293.

На протяжении XIX в. в ожесточенных спорах российскими революционными мыслителями решался вопрос о природе необходимых стране перемен. Первоначально превалирующей точкой зрения являлся примат социальных изменений, основой которых являлась русская крестьянская община и точка зрения о социалистической сущности крестьянских отношений. Политические изменения представлялись важными, но второстепенными и производными от социальных. В дальнейшем примат социальных революции и реформ над политическими сохранили анархисты, а народники после разочарований в крестьянской революционности стали больше внимания уделять политическим факторам.

Начало формирования экстремистских взглядов на формы революционной деятельности отразили несколько печатных работ 50-х – начала 60-х гг. Наибольшее общественное внимание и резонанс вызвали «Письмо из провинции» (1860) неизвестного автора в редакцию герценовского журнала «Колокол» и прокламация «Молодая Россия» (1862), написанная молодым революционером П.Г. Зайчневским¹. В отличие от общего призыва народа к топору неизвестного автора, Зайчневский призывал не только к насилию, но и указывал политические цели: «... бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет он нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам!»².

Исследователями собрано много фактов и утверждений, что высокая эпатажность и неожиданность предлагаемого в них социального и политического насилия, были встречены в рядах оппозиции не однозначно³. Сугубо негативную

¹ Письмо из провинции // Революционный радикализм в России. С.80-85. Существует обширная литература по поводу авторства письма. Сложилось две основные точки зрения, приписывающие его Н.А. Добролюбову (М.К. Лемке, В.А. Алексеев, М.Г. Вандалковская, А. Авторханов, А.С. Велидов) или Н.Г. Чернышевскому (Е.Г. Плимак, Б.П. Козьмин, М.В. Нечкина, С.А. Рейсер, Е.Г. Бушканец).

² Молодая Россия // Революционный радикализм в России. С.142-150.

³ Козьмин Б.П. П.Г. Зайчневский и «Молодая Россия» // Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С.256-274; Куликов Ю.В. Вопросы революционной программы и тактики в прокламации «Молодая Россия» (1862) // Революционная ситуация в России 1859-1861 гг. М., 1962; Володин А.И., Карякин Ю.Ф. Плимак Е.Г. Чернышевский или Нечаев? М., 1976. С.153-159; Gleason A. Young Russian: The Genesis of Russian Radicalism in the 1860-s. N.-Y., 1980.

позицию на них высказал А.И. Герцен¹, который критически относился к любым крайним средствам. При этом с одобрением и поддержкой этих лозунгов выступили М.А. Бакунин и Н.П. Огарев².

Абсолютизируя значение царя в русской государственной системе, радикальные революционеры 60-х гг. рассматривали возможность его убийства в двух смыслах: во-первых, как необходимое политическое условие для изменения политического режима и возможности деятельности революционной партии и, во-вторых, как толчок к началу крестьянского восстания³. В дальнейшем, к этим обоснованиям добавится и мстительная аргументация народовольцев. Практическая реализация экстремизма этих взглядов была продемонстрирована в индивидуальном акте покушения Д.В. Каракозова на императора (04.04.1866) и групповом самосуде, инициированном С.Г. Нечаевым, студента И.И. Иванова (21.11.1869). Эти два преступления получили всероссийский резонанс и на десятилетие скомпрометировали революционные идеи в глазах российской общественности. Между этими событиями, произошло покушение на императора Александра II в Париже (25.05.1867). Польский националист А. Березовский стрелял в императора, но промахнулся и был схвачен. Французское следствие, к которому был допущен шеф жандармов П.А. Шувалов, пришло к убеждению, что покушение «дело фанатика-одиночки, который вынашивал свой замысел над книгами о цареубийствах прошлых веков...»⁴. Характерно, что «эта акция была воспринята повсеместно как месть национальная, месть поляка – русскому царю. Соответственно, тогдашние радикалы сочли неуместным открыто её одобрить, дабы не оскорбить патриотические чувства соотечественников»⁵. В дальнейшем на протяжении всего XIX в., «польский след» будет постоянно преследовать революционное движение, а в глазах обывателя революционеры будут ассоциироваться с

¹ Его две статьи за 1862 г. «Молодая и старая Россия» и «Журналисты и террористы».

² Исаков В.А. М.А. Бакунин и революционное заговорничество // Electronic scientific and educational journal "History", 2015. Вып. 3 [Электронный ресурс]. URL:<http://history.jes.su/s207987840001005-4-1>.

³ Виленская Э.С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965. С.459,460; Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм. С.51.

⁴ Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60-80-е годы XIX века) / Послесл. Н.И. Дедкова. М., 2008. С.88.

⁵ Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика террора... С.150.

польским восстанием. При этом критически восприняли покушение не только А.И. Герцен¹, но и многие польские националисты².

Неудачные и критически принятые общественностью попытки реализации декларируемых экстремистских взглядов, нашли выражение в резко активизировавшейся дискуссии о нравственности революции. Это отразилось в теоретическом поиске моральных границ революционной деятельности, спорах об оптимальном партийном устройстве революционных организаций, формах и способах революционной борьбы. Наиболее экстремистские взгляды на решение этих вопросов были предложены в многочисленных печатных изданиях, рожденных кратким, но тесным сотрудничеством М.А. Бакунина, Н.П. Огарева и С.Г. Нечаева³.

В их первых совместных публикациях преимущество имели анархистские взгляды на всемерную активизацию социальной агрессии крестьянства, которую Бакунин призывал провоцировать всеми возможными способами и в любой форме. В своей работе «Постановка революционного вопроса», продолжая отрицать политические формы борьбы, он предлагал незамедлительно поднять крестьянский и «разбойничий» бунт⁴. При этом революционность «разбойничьего бунта» для Бакунина представлялась значительно более выраженной, чем крестьянского. А сам «разбойник – это герой, защитник, мститель народный, непримиримый враг государства и всего общественного строя». Призыв выходить на «дорогу разрушения» еще более экстремистскими фразами оформлен в его работе «Начало революции»⁵. В отличие от идеолога анархизма, бунтарское насилие по С.Г. Нечаеву и Н.П. Огареву являлось более адресным и разнообразным. Так, Огарев призывал «мужичков» и «всех работников» подняться на кровавую борьбу против власти и предлагал помимо традиционных форм этой борьбы («все бумаги огнем

¹ Герцен А.И. Выстрел 6 июня // Колокол. 1867. № 243 (дата дана по европейскому календарю – О.К.); Герцен А.И. Березовский // Колокол. 1867. № 245.

² В частности, партия аристократов во главе с графом В. Замойским подала императору приветственный адрес, а Польское демократическое общество, во главе с Л. Мерославским опубликовало критическую статью. (См.: Снытко Т.Г. Русское народничество и польское общественное движение. 1865-1881. М., 1969. С.83-85).

³ См.: Раздел 2. Нечаевско-бакунинская агитационная кампания 1869-1870 гг. // Революционный радикализм в России. С.173-314.

⁴ Бакунин М.А. Постановка революционного вопроса // Там же. С.214-215.

⁵ Бакунин М.А. Начало революции // Там же. С.220.

спалить», уничтожить полицейских, судей и исправников, скрываться в лесах) и новые: «жечь города», уничтожать тюрьмы, рвать «провода» телеграфа¹. Но, в целом, призывы к террору триумвират делал понимая его как форму социальной борьбы, и в видах традиционного крестьянского экстремизма, что позже проявилось в агитации радикального крыла неонародников в начале XX в.

Теоретики соглашались, что в революционной деятельности необходимо руководствоваться принципом «цель оправдывает средства». Это находило отражение не только в программных документах², но и в сопутствующей лжи и многочисленных мистификациях в революционной деятельности И.А. Худякова³, Н.А. Ишутина, С.Г. Нечаева и М.А. Бакунина. Можно согласиться с утверждением М.М. Клевенского, что «склонность к такой мистификации, конечно, зависела от того, что революционное движение, охватившее разночинскую молодежь, не было связано с движением масс, вследствие чего у революционеров не хватало уверенности в своей силе»⁴. С другой стороны, на изначальный релятивизм и мимикрию революционной морали неоднократно обращали внимание исследователи⁵. Е.Л. Рудницкая, характеризуя противоречивый моральный облик революционных радикалов, отмечала его существенные черты: «... чистейший альтруизм и прагматизм, жертвенность и беспощадность, утилитаризм и идеализм, нравственный релятивизм вплоть до принципиального отрицания приложимости морали к делу революции»⁶. Многообразие деструктивных последствий этого конфликта

¹ Огарев Н.П. Мужичкам и всем простым людям-работникам // Там же. С.251-254.

² В нечаевском «Катехизисе революционера» этот принцип применимо к отдельному революционеру был сформулирован в § 4: «Нравственно для него всё, что способствует торжеству революции». Творчеством Бакунина были созданы несохранившиеся «Программа организации» и «Катехизис интернациональных братств», а также рукопись «Тайное интернациональное общество освобождение человечества» (Рудницкая Е.Л., Дьяков В.А. Новые материалы о Тайном интернациональном братстве М.А. Бакунина // Проблемы итальянской истории. М., 1972. С.309).

³ Базанов В. И.А. Худяков и покушение Каракозова // Русская литература». 1962. № 4. С.146-163.

⁴ Клевенский М.М. «Европейский революционный комитет» в деле Каракозова // Революционное движение 1860-х гг. М., 1932. С.147-167.

⁵ См. работы Н. Бердяева, С. Булгакова, Л. Карсавина, Н. Лосского, Г. Федотова, И. Ильина, С. Франка. Работы современных историков: Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России М., 1986; Минаков А.Ю. Феномен нечаевщины должен быть переосмыслен // Вопросы истории. 1990. № 11. С.186-187; Пирумова Н.М. Разрушитель // Родина. 1990. № 2. С.79-83; Левандовский А. Бомбисты // Родина. 1996. № 4. С.48-56.

⁶ Рудницкая Е.Л. Русский радикализм // Революционный радикализм в России. С.14.

этических ценностей проанализировала современный историк Е.И. Щербакова. Она отмечает: «... одна из характернейших черт разночинной интеллигенции — вопиющее противоречие между любовью к абстрактному человечеству и невниманием к его конкретным представителям»¹, что порождает революционный «комплекс Раскольникова», т.е. «смещения нравственных понятий, при котором считается, что ради блага одних людей можно убивать других»².

Важным опытом для будущей революции оказался пример решения организационных вопросов в нечаевской группе и предлагаемый им подход к созданию и управлению нелегальной организацией. До Нечаева, организационная структура первого состава «Земли и воли» (1861-1864), характеризовалась ее участниками следующим образом: «не было ни центра, ни общего руководства, это были, скорее, партизанские действия неизвестных отдельных кружков, не имевших никакой связи»³. В дальнейшем, в этом вопросе все оппозиционные партии в значительной мере копировали вертикальную структуру организации. В первую очередь, это касалось жесткой централизации и партийной дисциплины, отношения к отступничеству, членским обязанностям, партийной структуре, конспирации и пр. Это копирование было вызвано не столько авторитетом Нечаева, к которому было далеко не однозначное отношение самих революционеров, сколько рациональными аргументами напрямую связанными с доводами конспирации и нелегальной революционной деятельности⁴. В трактовке же Нечаева эти положения имели особенно циничный вид и откровенно жестокие формулировки, которые вызывали и вызывают отторжение.

---

¹ Щербакова Е. Новая нравственность «новых людей». «Отщепенец» в обыденной реальности // Родина. 2007. № 3. С.62.

² Она же. Лучше паф-паф! «Отщепенец» в обыденной реальности // Родина. 2007. № 5. С.61; Она же. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60-80-е годы XIX в.). М., 2008. С.72-73.

³ Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1. С.158. Стоит отметить, что П.Н. Ткачев напротив организационный механизм «Земли и Воли» характеризует как законспирированный для непосвященных, строго централистский и заимствованный из опыта польского освободительного движения, см.: Ткачев П.Н. Жертвы дезорганизации революционных сил / Набат. 1878. б.н. // Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы. М., 1933. Т. 3. С.403.

⁴ Минаков А.Ю. У истоков левого терроризма: С.Г. Нечаев и нечаевское дело // Власть и общественное движение в России имперского периода. Воронеж, 2005. С.183-185.

Значительное влияние произведений триумвирата на российское революционное движение подвергается сомнению исследователей¹. Однако, как отмечает М.Д. Карпачев: «бакунинские идеи, несомненно, усиливали революционный накал «хождения в народ»»². Подтверждением этой точки зрения являются воспоминания и сама революционная деятельность народников первой половины 70-х гг., т.е. непосредственно после «нечаевской истории» и Нечаевского процесса (01.07-11.09.1871). В этот период большая часть народников демонстративно дистанцировались от политических вопросов, отказались от централизации революционных организаций и перешли к активной пропаганде социального взрыва в самой крестьянской среде («хождение в народ»). Это наиболее характерно проявилось в деятельности «Большого общества пропаганды» и акцентировании агитационной работы³. Как отмечал Л.Э. Шишко: «... революционеры 70-х годов считали возможным примирить каким-то путем социалистическое движение с самодержавием и чтобы они понесли в народ *мирную* социалистическую пропаганду. Это значило только, что их политическая программа заключалась в прямом обращении к народу, в призыве к революционному восстанию самих рабочих масс ...»⁴.

Критически к литературной деятельности С.Г. Нечаева и М.А. Бакунина отнесся П.Л. Лавров. Его апология пропагандизма и агитации имела большое значение и влияние на революционное движение 70-х гг. Среди проблем, затрагивающих террористическую тематику, он рассмотрел вопросы революционной морали, организационного устройства, форм и способов революционной борьбы. Основанием своего понимания революционной деятельности Лавров считал абсолютизацию социального детерминизма развития – «вопрос политический для нас подчи-

¹ Эту точку зрения поддерживают М.Д. Карпачев, Ю.Ф. Карякин, Е.Г. Плимак, А.И. Володин, Л.Е. Тарасевич, М.А. Маслин, В.В. Витюк, С.А. Эфиров, А.Ю. Минаков, Ю.А. Пелевин, из зарубежных исследователей Э. Карр.

² Карпачев М.Д. Истоки российской революции: легенды и реальность. М., 1990. С.177.

³ Другое название организации – «чайковцы» (1871-1874). В организацию входили С.М. Кравчинский, П.А. Кропоткин, С.С. Синегуб, Д.А. Клеменц, Н.А. Чарушин, Л.Э. Шишко, М.А. Натансон, С.В. Перовская, В.Н. Фигнер, Л.А. Тихомиров и многие другие в дальнейшем известные революционеры.

⁴ Шишко Л.Э. Сергей Михайлович Кравчинский и кружок чайковцев. Из воспоминаний и заметок старого народника // Шишко Л.Э. Собрание сочинений. Т. IV. Пг., 1918. С.127-170.

нен вопросу социальному и в особенности экономическому»¹. Такой подход поддерживало большинство народников, что объясняло их первоначальный отказ от каких-либо насильственных акций. Не был согласен Лавров и с жесткой, централизованной структурой партийной организации².

С другой стороны, идеи П.Л. Лаврова опосредовано и в контексте последующего влияния факторов также участвовали в формировании агрессивной среды оппозиционного движения³. Это проявилось в своеобразной трактовке революционной морали, мерилom которой стала сама революционная целесообразность. Считая, что «развитие или даже возможность развития для общества должны быть, с нравственной точки зрения, куплены обществом, какую бы цену ни пришлось заплатить за это развитие»⁴, Лавров принял террор как «историческое явление»⁵. В 1879 г., объясняя террористические акции землевольцев немецким социалистам, он отмечал: «Русские социалисты вынуждены защищаться, как они сами находили это лучшим; они прибегли поэтому прежде всего к вооруженным сопротивлениям при арестах, потом к политическим покушениям»⁶. Критикуя терроризм и в дальнейшем порицая народовольцев за «охоту на царя»⁷, в вопросе средств и методов революционной борьбы он исходил из утверждения, что «для каждой среды существуют свои формы борьбы», отказываясь прилагать к террору нравственные оценки, он считал, что «террор следует оценивать лишь с точки зрения целесообразности»⁸.

Важную роль в формировании террористического направления в российском революционном движении сыграло творчество П.Н. Ткачева, а Е.Л. Рудниц-

¹ «Вперед!» – Наша программа // Революционное народничество 70-х годов XIX в.: Сб. док. и мат. М., Л., 1964. Т. 1. С.21-27.

² Лавров П.Л. Записка П.Л. Лаврова о создании единой революционной партии (август-сентябрь 1881 г.) // Там же. Т. 2. С.308-314.

³ Итенберг Б.С. Проблема революции и нравственности в мировоззрении П.Л. Лаврова // Революционная ситуация в России в середине XIX в.: деятели и историки. М., 1986.

⁴ Лавров П.Л. Социальная революция и задачи нравственности // Лавров П.Л. Философия и социология. М., 1965. Т. 2. С.448.

⁵ Кузьмин А.Г. Леворадикальная политическая мысль в России конца 60-х – начала 80-х гг. XIX в. Сыктывкар, 2008. С.111.

⁶ Лавров П.Л. Социалистическое движение в России // Каторга и ссылка. 1925. № 14. С.56.

⁷ Итенберг Б.С. Там же. С.41-45.

⁸ Кузьмин А.Г. Там же. С.105,112.

кая, анализируя его произведения, отмечает, что он «первым дал теоретическое осмысление террора как средства политической борьбы»¹. Сторонник заговорщичества Ткачев некоторое время находился в сотрудничестве с С.Г. Нечаевым, а о взаимовлиянии их взглядов говорил еще Б.П. Козьмин². Воздействие ткачевских идей на революционное движение проявилось в нескольких аспектах. Во-первых, им была в корне переосмыслена народническая трактовка роли крестьянства в революционном процессе; во-вторых, постулирована идея «централистической боевой организации»; в-третьих, обоснована точка зрения на аморализм форм и способов революционной борьбы; в-четвертых, сформулирована идея захвата власти узкой группой революционеров, что заложило основание одного из направлений революционного народничества, получившего название «заговорщическое» (бланкистское, якобинское); и, в-пятых, в условиях начавшейся террористической борьбы, он идейно солидаризировался и аргументировано поддержал народовольцев³.

¹ Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм. С.145.

² Козьмин Б.П. П.Н. Ткачев и революционное движение 60-х гг. М., 1922. С.95-98; Минаков А.Ю. С.Г. Нечаев и П.Н. Ткачев: к вопросу об идейной идентификации «нечаевщины» // Россия и реформы. Сб. ст. М., 1994. Вып. 4. С.74-108.

³ Проблемы заговорщичества активно дискутировались и рассмотрены в статьях: Мицкевич С.И. Русские якобинцы // Пролетарская революция. 1923. № 6/7. С.12-25; Батулин Н.Н. О наследстве «русских якобинцев» // Пролетарская революция. 1924. № 7. С.82-89; Козьмин Б.П. Ткачев и Лавров (Столкновение двух течений русской революционной мысли 70-х гг.) // Воинствующий материалист. М., 1924. Т. 1; Батулин Н.Н. Еще о цветах русского бланкизма // Пролетарская революция. 1925. № 8; Горев Б.И. К вопросу о бланкизме вообще и русском бланкизме в частности // Воинствующий материалист. 1925. Кн. 4; Мицкевич С.И. К вопросу о корнях большевизма // Каторга и ссылка. 1925. № 3; Синеира. Еще о марксизме и бланкизме // Печать и революция. 1925. № 2; Козьмин Б.П. П.Н. Ткачев и народничество // Каторга и ссылка. 1926. № 1. С.109-122; Седов М.Г. Некоторые проблемы истории бланкизма в России (Революционная доктрина П.Н. Ткачева) // Вопросы истории. 1970. № 10. С.39-54; Твардовская В.А. Якобинство русское (бланкизм русский) // Ист. энциклопедия. М., 1976. Т. 16. С.859; Шахматов Б.М. Л.О. Бланки и революционная Россия: (Отзывы, влияния, связи) // Французский ежегодник, 1981. М., 1983; Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992; Исаков В.А. Концепция заговора в радикальной социалистической оппозиции. Вторая половина 1840-х – первая половина 1880-х гг. М., 2004; Шафигуллина Т.В. Идеология политического заговорщичества в России 1860-1880-х гг. в отечественной историографии: Автореф. дис... канд. истор. наук. М., 2005; Исаков В.А., Исакова И.П. Концепция заговора в радикальной социалистической мысли России 1840-1880-х гг.: опыт периодизации и типологии // Отечественная история. 2006. № 6. С.164-171; Худолеев А.Н. Революционная теория П.Н. Ткачева в исторической ретроспективе // Народники в истории России. Воронеж, 2013. С.222-238.

В нескольких произведениях П.Н. Ткачев подверг жесткой критике основополагающие взгляды народничества на революционность крестьянских масс¹. В представлениях теоретика заговорщичества, народ не способен на самостоятельное освобождение от засилья власти, не осознает своих насущных задач и только «люди будущего», «революционное меньшинство» представленное узкой группой революционеров-единомышленников в состоянии это сделать. Для этого революционерам необходимо отказаться от «федералистских» иллюзий в строении партии, вследствие чего и произошел разгром революционного движения середины 70-х гг., и создать спаянную конспирацией, боевой деятельностью и единством убеждений организацию². В достижении политических целей Ткачев призывал революционеров использовать любые способы – пропаганду, агитацию, «революционизирование» при помощи бунтов и пр., но все эти способы должны дополнять главное условие успеха – «дисциплинированный и хорошо организованный заговор», который является «главным и наиболее целесообразным средством к насильственному перевороту»³. Причем в представлениях Ткачева, после захвата власти, в связи с неспособностью народа осознать насущные социальные задачи, революционная партия обязана удерживать власть в своих руках в форме диктатуры до полного закрепления социалистических отношений в обществе⁴.

Характеризуя революционную мораль, Ткачев отталкивался от утилитарного, функционального назначения нравственности и соответственно в полной мере поддерживал принцип «все средства считаются хорошими», лишь бы они приближали нас к достижению благих целей⁵. Высшей ценностью для всего народничества признавалось благо народа, соответственно выше морали этого интереса ничего не было, а все деяния оценивались относительно достижения этой цели⁶ –

¹ «Люди будущего и герои мещанства», «Задачи революционной пропаганды» (апрель, 1874) и программа журнала «Набат» (1875), «Народ и революция», «Накануне и на другой день революции», «Революция и государство» (1876).

² Ткачев П.Н. Жертвы дезорганизации революционных сил / Набат. 1878. б.н. // Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы. М., 1933. Т. 3. С.403-404.

³ Ткачев П.Н. Там же. М., 1932. Т. 2. С.98.

⁴ Козьмин Б. П.Н. Ткачев и народничество // Каторга и ссылка. 1926. № 1 (22). С.109-122.

⁵ Устав Общества Народного Освобождения // Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм. С.250.

⁶ Ткачев П.Н. Люди будущего и герои мещанства // Ткачев П.Н. Там же. М., 1932. Т. 1. С.194.

«что полезно для общества, что способствует осуществлению человеческого счастья, то и справедливо»¹.

Обоснование террористического способа борьбы Ткачев осуществил в работах написанных уже после начала активной фазы народнического террора в 1878 г. В числе наиболее содержательных работ по этому вопросу можно назвать статьи в журнале «Набат» (1875-1881) – «Новый фазис революционного движения» (1878), «Что же теперь делать?» (1879), «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России» (1881). В первой работе, восторженно принимая убийство шефа жандармов Н.В. Мезенцева (04.08.1878) и отмечая, что революционная борьба переходит в активную стадию, Ткачев в тоже время указывал, что «мы стремимся не к уничтожению того или другого лица, воплощающего в себе те или другие функции власти, – мы стремимся к уничтожению самой этой власти». Кроме того, он настоятельно предостерегал народовольцев от абсолютизации террора, на который можно опираться «лишь как на одно из средств, а совсем не как на цель и главную задачу революционной деятельности»². Ткачев понимал и видел терроризм как одну из важнейших частей заговорщической тактики, благодаря которой революционеры смогут навязать свои требования правительству. Основной мыслью его произведений был неоднократно повторяемый призыв к эскалации террористического насилия против власти: «в настоящее время наша единственная задача – задача терроризировать и дезорганизовать правительственную власть»³, «с ... систематической последовательностью, неуклонной настойчивостью должны мы стремиться дезорганизовать, терроризировать и уничтожить с корнем существующую государственную власть»⁴, «дезорганизовать и ослабить правительственную власть, при существующих условиях политической и общественной жизни России, возможно лишь одним спо-

---

¹ Ткачев П.Н. Накануне и на другой день революции // Набат. 1876. № 11/12. С.18; Ткачев П.Н. Там же. М., 1932. Т. 2. С.375.

² Ткачев П.Н. Там же. Т. 3. С.484. Характеризуя отношение П.Н. Ткачева к терроризму, В.А. Исаков настаивает на его представлении о вынужденном, безальтернативном использовании терроризма, Б.М. Шахматов и Е.Л. Рудницкая – на логически и концептуально обусловленном понимании.

³ Там же.

⁴ Ткачев П.Н. «Что же теперь делать?» // Ткачев П.Н. Там же. Т. 3. С.444.

собом: терроризированием отдельных личностей, воплощающих в себе в большей или меньшей степени правительственную власть»¹. В числе наиболее существенных доводов терроризма Ткачев приводил следующие: террор «ослабляет эту власть, нагоняет на нее панику, расстраивает ее функции, заставляет ее – в буквальном смысле этого слова – терять голову. В то же время, он умалывает ее авторитет и разрушает ту иллюзию неприкосновенности самодержавия, в которую так искренне верит большинство верноподданных, ... тем самым содействует высвобождению верноподданных из под гнета оболванивающего и оскотинивающего их страха. ... он является единственным действительным средством нравственно переродить холопа-верноподданного в человека-гражданина»². При этом Ткачев считал, что у самодержавия нет социальной поддержки в российском обществе и мощь государства только «кажущаяся, воображаемая», что тем более увеличивало шансы революционной партии отчаянной террористической атакой захватить власть. Эти аргументы в дальнейшем станут одними из основополагающих в идеологии революционного терроризма, а один из старейших русских революционеров С.И. Мицкевич прямо отмечал, что «... русская революция в значительной степени произошла по Ткачеву»³.

Заговорщическая теория и обоснование терроризма П.Н. Ткачевым были восприняты народниками неоднозначно, что отражено в их воспоминаниях. Критически оценивая его идеи о декретировании революционных преобразований сверху, они в то же время «по многим принципиальным положениям ... сблизилась с платформой П.Н. Ткачева»⁴, а после марта 1881 г. полностью приняли заговорщическую тактику, однако на прямой контакт с ним не пошли⁵. Противоречивость оценок подтверждает исследование М.Б. Шматовой, которая указывает: «Одни из них свидетельствуют о полном неприятии "проповеди" "Набата" (Дейч,

---

¹ Ткачев П.Н. Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России // История терроризма в России... С.153.

² Там же.

³ Мицкевич С.И. Русские якобинцы // Пролетарская революция. 1923. № 6/7 (18/19). С.16.

⁴ Карпачев М.Д. Очерки истории революционно-демократического движения в России (60-е – начало 80-х гг. XIX в.). Воронеж, 1985. С.203.

⁵ Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм. С.189-197.

Фигнер), другие (Морозов, Русанов, Тверитинов) – о своем сочувствии Ткачеву и его взглядам на методы борьбы с самодержавным государством. ... В воспоминаниях бывших народовольцев, Морозова и Русанова, усилен позитивный контекст. Они видели в деятельности "Народной Воли" реализацию замыслов Ткачева, и сочувствовали ему, отвергнутому ими в 1880-е годы, признавали созвучность собственных взглядов с "проповедью" Ткачева»¹.

Теоретические конструкции отечественных революционных идеологов, находившихся преимущественно за рубежом и нелегальная литература эпизодически проникавшая через границу, оказывали определенное влияние на развитие революционного движения, однако, несомненно, российская действительность и практическая деятельность революционеров имели более важное значение на обоснование тактической линии борьбы. Как отмечает М.Д. Карпачев: «При всех идейных разногласиях решающее слово оставалось за этой практикой, а она не давала сколько-нибудь полного подтверждения взглядов ни одного из народнических идеологов, поэтому идеи П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина, П.Н. Ткачева или Н.К. Михайловского в сознании участников движения зачастую переплетались, дополняли друг друга, но не имели вполне оформленной кристаллизации: среди революционеров той эпохи почти не было "чистых" лавристов или бакунистов»². В воспоминаниях народников неоднократно отмечалось, что в идейно-теоретическом плане единства среди них не было, превалировало смешение идей, теорий и собственных умозаключений, которые долгое время не имели принципиального значения, не разрушали сплоченности и позволяли придерживаться относительно единой тактической линии в революционной борьбе.

Первые практические проявления революционного экстремизма носили неопределенный характер, были обусловлены истеричностью натур их осуществивших или имели не столько политическое назначение, сколько «внутреннее»,

---

¹ Шматова М.Б. Журнал П.Н. Ткачева «Набат» в истории российского революционного движения: Автореф. дис... канд. истор. наук. Москва, 2011. С.18-19.

² Карпачев М.Д. Истоки российской революции: легенды и реальность. М., 1991. С.173.

организационное, направленное на «очищение» рядов от отступников¹. Первоначальное отсутствие последователей и критическая, осуждающая позиция большинства революционеров на эти преступления показывает, что объективной обусловленности произошедших преступлений не имелось. Они были результатом эпатажного экстремизма демонстрируемого отдельными личностями и малочисленными группами наиболее радикального крыла народнического движения.

Напротив, в ближайшие годы после этих преступлений была развернута активная пропагандистская и агитационная работа. Умеренная часть народничества предприняла две новые формы революционной деятельности: «летучую» пропаганду и переход к постоянным («оседлым») деревенским поселениям пропагандистов. В первом случае это вылилось в «хождение в народ» (1873-1875)², во втором – в многочисленные попытки революционеров поселиться в сельской местности под видом фельдшеров, учителей, писарей и пр. и осуществлять пропагандистскую работу «на постоянной основе». Первый способ провалился, второй – менее выражено, но также оказался малопродуктивным с революционной точки зрения. Для народничества трагические последствия «хождения» проявились в огромных кадровых потерях в результате арестов³, дискредитации веры в «исконное бунтарство» и «революционность» русского крестьянства и, как следствие, в охватившем народничество идеологическом кризисе⁴.

Разочарование в пропаганде имело массовый характер среди революционеров. В воспоминаниях Р.М. Плехановой отмечается, как Г.В. Плеханов с глубоким волнением должен был констатировать, что «... товарищей-землеольцев охватило отчаяние в успехе пропаганды и организации среди народа»⁵. Идеологический

---

¹ Столичные пожары в мае 1862 г., покушение Д.В. Каракозова на императора Александра II (04.04.1866), убийство студента И.И. Иванова, организованное С.Г. Нечаевым (21.11.1869).

² Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х гг. XIX в. М., 1965; Филиппов Р.В. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ». Петрозаводск, 1967; Пелевин Ю.А. «Хождение в народ» 1874-1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 4. С.64-97.

³ Итенберг Б.С. Там же. С.378. Последствия для народничества повальных арестов 1873-1874 гг. автор характеризует «разгромом движения».

⁴ Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С.688,710; Пелевин Ю.А. «Хождение в народ» 1874-1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 6. С.43-46.

⁵ Плеханова Р.М. Наша жизнь до эмиграции // «Народная воля» и «Черный передел». С.151.

кризис народничества усугублялся жестокими карательными мерами царского правительства, серьезно испугавшегося возможного объединения народнических проектов и экономических желаний русского крестьянства, что могло вылиться в намного более страшные последствия, чем разгромный, но неуправляемый «русский бунт»¹. Идеологический кризис и беспомощность революционеров, канализировались злобой и ненавистью в агрессию и насилие, первоначально теоретически неоформленные, стихийные, но постепенно получившие тактическое и политико-идеологическое обоснование².

Первые экстремистские акции революционеров были направлены против предателей и отступников. То, что революционное насилие получило широкую и устойчивую практику именно на юге империи объяснимо соседством с польским освободительным движением, деятельность которого изобиловала экстремистскими и террористическими методами, продемонстрированными в ходе восстания 1863-1864 гг. Элементы национально-освободительной борьбы поляков будут активно заимствованы южными народниками – одесским кружком «южных бунтарей» (кружок В.К. Дебагория-Мокриевича и Я.В. Стефановича) (1874-1876) и киевским «Южным Исполнительным комитетом» (кружок В.А. Осинского и Д.А. Лизогуба) (1877-1878). Участник покушения на предателя и осведомителя Н.Е. Гориновича (11.06.1876), в дальнейшем видный деятель революционного движения и публицист Л.Г. Дейч вспоминал: «... предатели вызывали к себе со стороны социалистов чувства глубокой ненависти и злобы. Причиненный ими вред невольно наталкивал многих пропагандистов на мысль о мести, о необходимости расправы с ними, чтобы, действуя устрашающим образом, удерживать других от предательства. Но в течение первых лет подобные взгляды не выходили из области теории, так как пропагандисты были крайне мирными людьми. Только летом 1876 г. впервые произведена была попытка подобной расправы»³. В ходе покушения на Гориновича боевики повторили практику и атрибутику терактов польского

¹ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С.474.

² Галактионов А.А., Никаноров П.Ф. Идеологи русского народничества. Л., 1966. С.16-17.

³ Цит. по Морозов К.Н., Морозова А.Ю. Границы и трактовки предательства в российской революционной субкультуре. [Электронный ресурс]. URL: <http://socialist.memo.ru/recens/y04/tr3.htm>.

освободительного движения: наказание отступников смертью, использование кислоты против объекта покушения, информирование правоохранительных органов и общественности о причинах самосуда. Спустя три месяца там же, в Одессе, неизвестные убивают, давшего откровенные показания на следствии, участника «хождения в народ» В.А. Тавлеева (06.09.1876)¹. Ткачевский журнал «Набат» на расправу с Гориновичем отреагировал восторженной статьей «Надевайте почаще такие маски шпионам».

Практика самосуда по отношению к предателям приобрела широкое распространение. При этом формальные рамки доказательства измены зачастую игнорировались. Учитывая официальное предупреждение о намерениях в отношении «шпионов» и отступников², многочисленные прецеденты и сложные организационные усилия при совершении таких преступлений, убийство предателей с полным основанием относят к террористическим акциям внутреннего (организационного) назначения. Инициатива и совершение убийств исходили от отдельных революционных кружков, входящих как в революционные объединения («Всероссийская социально-революционная организация», «Земля и воля», «Народная воля»), так и бывших формально самостоятельными. Включая нападения на Н.Е. Гориновича и В.А. Тавлеева, известно 14 покушений на предателей, провокаторов, «шпионов» и пр. (31% от общего количества терактов XIX в.), совершенных разными революционными группами в период с 1876 по 1884 гг., в том числе: на агента полиции Н.Ф. Шарашкина (Г. Финогенов) (19.07.1877), в Ростове-на-Дону на предателя А.Г. Никонова (01.02.1878), в Одессе на провокатора Н. Гоштофта (08.02.1879), на агента полиции Н.В. Рейнштейна (26.02.1879), на предателя Т.

¹ РГИА (СПб.). Ф. 1410. Оп. 1. Д. 153. К делу об убийстве мещанина Тавлеева; Тун А. История революционного движения в России. СПб., 1903. С.178; Календарь русской революции издательства «Шиповник». Пг., Б.г. [1917]. С.231.

² В уставе «Земли и воли» 1876 г. Дополненная редакция под § 20 значилось: «Если же будет доказано, что вышедший из кружка член выдает кружковые тайны или болтает о них, то подобный член должен быть... [далее зачеркнуто «непременно убит»]» (Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. М., Л., 1965. С.34-42). А в прокламации по поводу самосуда над А. Никоновым звучало предупреждение «шпионам»: «Мы будем искоренять этих Иуд, искоренять без пощады и снисхождения и объявляем об этом громко и открыто. Пусть знают, что их ждет одна награда – смерть!» (Убийство шпиона в Ростове-на-Дону в 1878 г. // Журнал «Былое». Ростов н/Д. 1906. Вып. II (1903-1904). С.161).

Курилова (март 1879), в Киеве на агента полиции В. Барановского (26.03.1879), в Петербурге на предателя-чернопередельца А.Я. Жаркова (05.02.1880), в Киеве на «шпиона» Забрамского (04.03.1880), на предателя С.И. Прейма (29.06.1881), под Харьковом на «изменника» Ф.А. Шкрябу (08.01.1884)¹. Упоминается о планировании и других покушений, не осуществленных, но в судебных обвинениях фигурируемых. Отмечая необходимость убийства предателей, в передовой статье газеты «Земля и воля», с категоричной настойчивостью не забыли указать: «Мы должны помнить, что не этим путем мы добьемся освобождения рабочих масс... Террористы – это не более, как *охранительный отряд*, назначение которого – оберегать этих работников [среди народа] от предательских ударов врага»².

Другое стратегическое обоснование терроризма революционерами базировалось на необходимости противопоставить карательной машине государства достойную защиту. Апелляция к препятствованию правительством революционной пропаганде и агитации была постоянной, а обвинения в карательных мерах, репрессиях и казнях в отношении революционеров стали обычными, и для этого имелись реальные основания и факты. Террористические покушения в такой ситуации на сотрудников силовых структур и правоохранительной системы представлялись акциями самозащиты и ответами на государственное насилие. Революционные партии от террористических актов как средства самозащиты никогда не отказывались. При этом термин «самозащита» понимался не конкретно, а предельно расплывчато. Ни одна организация и партия конкретизировать его не стали, что раздвигало границы применения терроризма как оборонительного средства беспредельно. В первую очередь, от него страдали тайные агенты полиции, провокаторы и шпионы. В ходе революционной борьбы с ростом взаимного насилия и социальной агрессии объектами террористических покушений уже могли стать не только тайные агенты и осведомители полиции, но и рядовые сотрудники

---

¹ Кроме того, в ряде исследований упоминается об убийстве в 1878 г. «шпионов» Розенцвейга и Фетисова, которые другими источниками не идентифицируются. См.: Тун А. История революционного движения в России. С.182; Карелин А. Анархисты в народническом движении 70-х гг. // Очерки истории анархического движения в России. Сб. ст. под ред. А. Борового. М., 1926. С.203.

² Листок «Земли и воли». № 1. 25.10.1878 г.

правоохранительных структур. Кроме того, при определенных обстоятельствах под этим предлогом могли пострадать и гражданские служащие по долгу обязанностей имеющие контакт с полицией – дворники, трактирщики, старосты и пр. В отношении них революционная логика исходила из понимания о навязанных им государством полицейских и надзорных функциях, отказ от которых демонстрировал бы лояльность революционному движению, и наоборот, полное выполнение обязанностей, а тем более проявленная инициатива, – должны быть наказаны.

Таким образом, аргументация самозащиты и апелляция к мести взаимно дополняли друг друга, а грань между ними была практически неразличима. Все революционные теракты второй половины XIX в. одним из иницилирующих оснований обязательно имели мстительную аргументацию и были направлены против предателей, жандармских, прокурорских, административных служащих и царя. Анализируя революционные теракты начала XX в., можно констатировать, что и в это время именно мстительное обоснование являлось одной из главных побудительных причин. Имея большое количество агитационной партийной продукции, в которой месть называется одним из главных призывов участия масс в революционном движении, и, характеризуя месть как действия и психологическое чувство производные от стремления покарать за понесенные лишения, необходимо согласиться с утверждением о глубоком социально-политическом антагонизме русского общества, проявившемся в особенно высоком уровне жестокости политической борьбы.

Отмечая мстительные мотивы, авторы революционных прокламаций старались особо выделить личную ответственность жертв. Это позволяло акцентировать влияние субъективного, психологического фактора и переложить моральную ответственность за пролитую кровь на саму жертву. Так, в прокламации написанной С.М. Кравчинским «Смерть за смерть!», наряду с другими причинами покушения, прямо говорится: «... Мезенцев убит нами не как воплощение известного принципа, не как человек, занимающий пост шефа жандармов; мы считаем убийство мерой слишком ужасной, чтобы прибегать к ней для демонстрации, – генерал-адъютант Мезенцев убит нами, как человек, совершивший ряд преступлений,

которых мог и должен был не совершать»¹. В прокламации «От Исполнительного комитета» по поводу покушения на Александра II под Москвой (19.11.1879), народовольцы отметили: «Александр II – главный представитель узурпации народного самодержавия, главный столп реакции, главный виновник судебных убийств. 14 казней тяготеют на его совести, сотни замученных и тысячи страдальцев вопиют об отмщении. Он заслуживает смертной казни за всю кровь, им пролитую, за все муки, им созданные»². Личная воля царя указывалась залог прекращения террора: «Если б Александр II сознал, какое страшное зло он причиняет России, как несправедливо и преступно созданное им угнетение, и, отказавшись от власти, передал ее всенародному Учредительному собранию, избранному свободно посредством всеобщей подачи голосов, снабженному инструкциями избирателей, – тогда только мы оставили бы в покое Александра II и простили бы ему все его преступления»³. Такое объяснения не нашло понимания у большей части россиян, особенно крестьянства, и убийство государя преимущественно интерпретировалось в привычных для народа стереотипах – козни дворян, помещиков или поляков⁴.

Обвинение императора в росте смертных казней имело очевидное основание. Так, если с 1866 по 1878 гг. было осуществлено две казни (Д.В. Каракозов и И.М. Ковальский), то только в 1879 г. по судебному приговору было убито 16 революционеров⁵. Для самодержавной России, которая еще в 1744 г. ввела указом Елизаветы Петровны мораторий на смертные казни и применяла их только в очень редких случаях, это было вопиюще.

В феврале 1878 г. в Киеве В.А. Осинский оформил Исполнительный комитет Русской социально-революционной партии, в который вошли наиболее выра-

¹ Кравчинский С.М. «Смерть за смерть!» // История терроризма в России... С.84.

² Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. 1876-1882 гг. М., Л., 1965. С.221-222.

³ Там же.

⁴ Многочисленные примеры этого приводит в своих воспоминаниях В.Г. Короленко (Короленко В.Г. История моего современника. Кн. 3 // Собр. соч. Т. 7. М., 1955. С.248), что подтверждается исследованиями И. Полосина и Ю.А. Пелевина (См.: Полосин И. Мужичкий отклик на 1 марта // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С.158,161; Пелевин Ю.А. «Хождение в народ» 1874-1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 5. С.89 и др.

⁵ Хроника социалистического движения в России, 1878-1887. М., 1907. С.129-130; Богучарский В.Я. Кровавый синодик. Смертная казнь по политическим делам в России. СПб., 1906. С.20; Троицкий Н.А. Безумство храбрых. С.127.

женные сторонники агрессивных действий. Несмотря на «аффективный» характер большинства осуществленных терактов, к весне 1878 г. в рядах уже и землевольцев четко стала проявляться тенденция и приверженность к политическому экстремизму. Если первоначально это чувство демонстрировали единичные представители, либо отдельные группы, то в 1878 г. сторонников агрессивных действий стало гораздо больше. В этом значительную роль сыграли судебные процессы «50-ти» (21.02-14.03.1877) и «193-х» (18.10.1877-23.01.1878), в ходе которых и во время расследования четко проявились карательные механизмы правоохранительной и судебной системы. Постепенно, несмотря на противоречие основополагающим взглядам народничества в отказе от политики, социально-политические формы насилия начинают фигурировать в партийной печати и проникать в программные документы. Весной 1878 г. в программе «Земли и воли» использование террористической тактики было зафиксировано в «дезорганизаторской» части в форме политического средства: «... в) Систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавистный нам порядок»¹. Несмотря на это, основное внимание в программе было уделено организации «народного недовольства» и слиянию революционного движения «с существующими уже народными организациями революционного характера»². Революционное движение находилось на распутье, очевидно, наблюдался кризис средств и методов борьбы.

Следуют убийства в столице шефа жандармов Н.В. Мезенцева (04.08.1878) и харьковского губернатора Д.Н. Кропоткина (09.02.1879), происходит авантюрное покушение на нового жандармского начальника А.Р. Дрентельна (13.03.1879). Основными причинами терактов в печатных изданиях народников называется месть за правительственные репрессии и жестокость по отношению к политическим заключенным. К примеру, в воспоминаниях революционера Н.Л. Геккера о событиях 1878-1879 гг. говорится прямо: «Политический террор революционеров носил характер случайный и не систематический, являясь мстью за поруганную

---

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. 1876-1882 гг. М., Л., 1965. С.33.

² Там же.

честь и достоинство товарищей, за опустошения среди рядов передовых бойцов»¹. О том, что кадровые потери вследствие полицейских арестов значительно усугубляли агрессивность землевольцев, отмечается во многих воспоминаниях. Г.В. Плеханов, характеризуя состояние одного из лидеров движения А.Д. Михайлова после осенних 1878 г. арестов столичного центра «Земли и воли», отмечал: «...он, под впечатлением петербургского провала, сильно изменил свои тактические взгляды: прежде он безусловно стоял за агитацию в народе, а теперь стал доказывать, что у нас нет сил и что нам нужно сосредоточиться на терроре»².

Весной 1879 г. споры между «деревенщиками» и «террористами» по поводу смены тактики и террористической деятельности резко обостряются и переходят в идеологическую плоскость в связи с категоричным заявлением революционера А.К. Соловьева о желании совершить покушение на царя и просьбой к столичным землевольцам оказать ему в этом содействие³.

Известно, что первые планы и попытки покушения на царя были неудачно предприняты «южанами» еще летом 1878 г. в Николаеве и Одессе⁴, но это была их самостоятельная и инициативная акция. Сейчас, заявление Соловьева ставило руководство всероссийской организации «Земля и воля» перед дилеммой: либо поддержать его инициативу и санкционировать партийный переход к активной тактике террора, либо категорично запретить покушение на царя и заставить его от планов отказаться. Намерение Соловьева выходило за рамки «самозащиты» и являлось уже «прямым, непосредственным политическим актом, – борьбой не с злоупотреблениями должностных лиц, но уже с господствовавшим в стране самодержавным строем, что совершенно противоречило народнической программе»⁵. Развернувшиеся среди землевольцев по этому поводу, отчаянные, доходившие до

---

¹ Геккер Н.Л. Революционные кружки в Бердянске (1878-1879 гг.) // Каторга и ссылка. 1924. № 4 (11). С.108.

² Цит. по Неопартизаны против Плеханова. [Электронный ресурс]. URL: <http://narodnaya-volya.ru/neopartizan.php>.

³ Кроме Соловьева, инициативу в покушении на царя высказали еврей Г.Д. Гольденберг и поляк Л.А. Кобылянский. Последним было категорично отказано из-за национальной принадлежности (Фигнер В.Н. Полн. собр. соч. в 7 т. Т. 5. М., 1932. С.197).

⁴ Тун А. История революционного движения в России. С.194.

⁵ Дейч Л. Из отношений Г.В. Плеханова к народолюбцам // Каторга и ссылка. 1923. № 7. С.10.

личных конфликтов споры, практически закончились ничем¹. Организация отказалась помогать Соловьеву от имени партии, но не запретила это своим членам в рамках личной инициативы. Все революционеры нелегально находящиеся в столице перед покушением были заблаговременно предупреждены о вероятности повальных арестов. Покушение Соловьева (02.04.1879) состоялось, но закончилось безрезультатной стрельбой, после которой в стране еще более ужесточился режим. К трем существовавшим генерал-губернаторствам (Москва, Киев, Варшава) добавлялись еще три (Санкт-Петербург, Одесса, Харьков). В генерал-губернаторствах объявлялось особое положение с введением законов военного времени. Сотрудники полиции вооружались огнестрельным оружием. Политический режим ожесточился, что позволяет и современному исследователю делать вывод: «Военно-репрессивные методы применялись как средство тотального устрашения и подавления радикальной интеллигентской среды, из которой по большей части рекрутировались экстремистские личности»².

В апрельском номере газеты «Земля и воля», несмотря на противодействие Г.В. Плеханова, Л.А. Тихомиров публикует передовую статью о необходимости инициировать аграрной террор³. Осуществление этого автор видел в создании крестьянских «боевых банд», которые должны вступить в борьбу с властью и начать убивать «виновных в погромах» «станового, исправника, помещика, изменившего крестьянского старшину и т. п.». По мнению автора, получившие боевой опыт и объединенные в нужный момент, эти банды «образовали бы первые кадры революционной армии»⁴.

Изменения в программе, тексты прокламаций и статья Тихомирова позволяют проследить изменения представлений землевольцев на политический экс-

---

¹ Об ожесточенных спорах указывается в воспоминаниях М.Ф. Фроленко, О.В. Аптекмана («Народная воля» и «Черный передел». С.50-51,80-82), М.Р. Попова (Попов М.Р. Записки землевольца. М., 1933. С.202).

² Пелевин Ю.А. Александр Дмитриевич Михайлов // Вопросы истории. 2011. № 6. С.58.

³ Плеханов эти предложения Тихомирова назвал «полубакунинско-полуткачевской революцией» и охарактеризовал «одним сплошным недоразумением», см.: Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1938. С.324.

⁴ Тихомиров Л.А. Передовая статья // «Земля и воля». 1879. 8 апреля. № 5. [Электронный ресурс]. URL: http://historydoc/catalog.asp?cat_ob_no=&ob_no=17160.

тремизм. Революционеры начинают видеть в терроре и прямое политическое средство воздействия на правительство, и форму социальной борьбы (партизанская борьба). Если предложение Л. Тихомирова об организации «боевых банд» и начале аграрного террора можно еще отнести к неизжитым иллюзиям о народной революционности и бунтарстве, которые он дополнил активизирующим действием крестьянских боевых дружин, то включение террористической деятельности в партийную программу необходимо признать уже идейной новацией. Веру в социальное насилие в форме аграрного террора как средство борьбы большая часть народников сохранит на протяжении всех лет революционных событий. В начале XX в. отношение к этой проблеме станет основной причиной раскола неонародничества.

В мае 1879 г. внутри «Земли и воли» создается группа единомышленников террористического направления «Свобода или смерть». В состав группы входили: А.Б. Арончик, А.И. Баранников, Н.Н. Богородицкий, Г.Д. Гольденберг, Н.С. Зацепина, В. Зеге фон Лауренберг, С.А. Иванова, Г.П. Исаев, А.А. Квятковский, Н.А. Морозов, Е.Д. Сергеев, Л.А. Тихомиров, С.Г. Ширяева, В.М. Якимов, А.В. Якимова и др.¹. Единомыслие участников группы, в первую очередь, касалось принципиального одобрения экстремистских действий и конкретно царубийства, в вопросах же практического использования террористических методов, внутренние разногласия группы были и очень существенные, что проявится со временем. Наряду с программными добавлениями и предложениями аграрного террора, серию «активистских» статей издает Н.А. Морозов. В разработанной им концепции революционной борьбы, на террор была возложена особая роль. В краткой передовой статье «Листка "Земли и воли"» (№ 2-3. 22.03.1879)² он постарался уместить все наиболее актуальные аргументы необходимости активного применения политических убийств. В числе этих аргументов им указаны следующие: «Политическое убийство – это прежде всего акт мести ... это единственное средство са-

¹ Якимова А.В. Группа «Свобода или смерть» // Каторга и ссылка. 1926. № 3 (24). С.14-15; Пелевин Ю.А. Александр Дмитриевич Михайлов // Вопросы истории. 2011. № 6. С.43-69.

² Дейч Л. связывает появление отдельного издания «Листка "Земли и воли"» с препятствованием Г.В. Плеханова экстремистским публикациям Н.А. Морозова в центральном журнале «Земля и Воля» и желанием «террористов» их обойти. См.: Дейч Л. Из отношений Г.В. Плеханова к народолюбцам // Каторга и ссылка. 1923. № 7. С.10.

мозащиты при настоящих условиях и один из лучших агитационных приемов ... это самое страшное оружие для наших врагов ... оружие, против которого не помогают им ни грозные армии, ни легионы шпионов ... оно со страшной силой заставляет содрогаться всю («правительственную» - О.К.) систему... («враги» - О.К.) чувствуют свое бессилие среди своего могущества». Наряду с этими доводами, Морозов характеризует политические убийства «как систематический прием борьбы»¹. Кроме того, что терроризм представлял собой выраженную политическую форму деятельности, что уже вызывало возражение у наиболее ортодоксальных народников, предлагаемая Морозовым систематичность использования политических убийств выводила этот способ борьбы в ранг одного из основных средств, а это влекло уже необходимость кардинальных изменений в идеологических, программных и организационных конструкциях народничества.

Таким образом, в конце 70-х гг. народничество оказалось в сложной ситуации: во-первых, разочарование в боевых и социалистических качествах крестьянства вызвали необходимость обновления программных положений (идеологический кризис); во-вторых, провал «хождения в народ» требовал смены тактики революционной борьбы и формы деятельности; и, в-третьих, репрессии правительства породили кадровый кризис. В такой ситуации, в условиях многочисленных и эмоциональных дискуссий, первенство постепенно стала приобретать тактика, которая позволяла с минимальными изменениями народнической теории организовать активную антиправительственную деятельность экстремистского меньшинства. Большое влияние на выбор террористического направления народовольцами оказала общественная реакция на покушение В. Засулич, судебный процесс и оправдательный вердикт присяжных заседателей².

Вопиющее оскорбление политического арестованного Боголюбова (А.С. Емельянов), подвергнутого телесному наказанию по распоряжению градоначальника Ф.Ф. Трепова, получило широкую огласку и требовало революционного от-

---

¹ Морозов Н.А. Передовая статья // «Листок "Земли и воли"». 1879. 22 марта. № 2-3. [Электронный ресурс]. URL: http://historydoc/catalog.asp?cat_ob_no=&ob_no=16560.

² Квасов О.Н. Тактико-стратегическое обоснование народовольческого терроризма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 12 (9). Ч. 2. С.91-93.

мщения, желание чего высказывали несколько революционных групп. Отсроченное до оглашения приговора по «процессу 193-х» (18.10.1877-23.01.1878), покушение на градоначальника должно было произойти одновременно с покушением М.А. Коленкиной на прокурора В.А. Желеховского. Однако приблизиться и выстрелить в свою жертву, удалось только Засулич (24.01.1878)¹. Арестованную на месте преступления террористку, суд присяжных оправдал не из-за упущений председателя суда А.Ф. Кони², которого власти признали основным виновником правового казуса, и не из-за ошибки заседателей, а вследствие общественного мнения сложившегося вокруг этого события еще до судебного заседания. Оправдательный вердикт заседателей, многочисленная манифестация у стен суда и последующее ликование толпы после решения суда дали основание народникам считать это получением общественной санкции на самосуд в отношении властей³. Ближайший «к делу Засулич» теракт и прокламация, посвященная ему, продемонстрировали появившуюся отныне у революционеров тенденцию апеллировать к общественному мнению при осуществлении революционного правосудия. М.Ф. Фроленко прямо отмечал, что общественное «оправдание», «сочувствие давало революционерам точку опоры, указывало на то, что следует делать, как надо отвечать на правительственные репрессии»⁴. А безуспешная попытка покушения на жизнь киевского товарища прокурора М.М. Котляревского (23.02.1878) объяснялась в прокламации риторически провокационным вопросом-апелляцией: «Что оставалось делать нам, социалистам-революционерам, горячо желающим народного блага и решительно не имеющих никакой надежды на возможность мирного

¹ Покушение на жизнь Трепова. Январь 1878 г., прокламация «Земли и воли»; Прокламация «13 июля и 24 января» (А.Ф. Михайлов, январь-февраль 1878 г.); Кункль А.А. Выстрел Веры Засулич. М., 1927.

² К делу В.И. Засулич // Журнал «Былое». 1906. № 11. Ноябрь. С.278; Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. М.; Л., 1933.

³ Прокламация «К русскому обществу» (Плеханов, апрель 1878 г.), по поводу оправдания В. Засулич судом присяжных 31.03.1878 г.; Летучий листок: (№ 1. Апрель 1878 г.) // Ист.-рев. сб. «Былое». 1903. № 3. Февраль. С.152-154; Смолярчук В.И. Кони и его окружение. М., 1990. С.43-82; Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866-1904 гг. Тула, 2000. С.267-274; Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. С.46-48; Попова А.Д. Судебная реформа 1864 года и развитие гражданского общества во второй половине XIX в. // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С.96-97.

⁴ Фроленко М.Ф. Липецкий и Воронежский съезды // «Народная воля» и «Черный передел». С.69.

ведения дела в таком государстве, где все придавлено, принижено, где торжествует зло и надменно господствует плеть и тюрьма в лице своих представителей – полицейских, гражданских и иных чиновников, в лице всяких обирал и пиявок? Скрепя сердце, мы решились прибегнуть к средству, против которого во всякое другое время протестовали бы всеми силами души»¹.

Таким образом, наметившаяся после провала «хождения в народ» медленная экстремизация революционного движения приобрела устойчивый характер на юге Российской империи и в столице. О необходимости смены идеологических приоритетов, характера борьбы и форм деятельности заявляли многие революционеры, что влекло многочисленные дискуссии и жаркие споры с ортодоксальными народниками, и постепенно приводило к объединению единомышленников².

Консолидация сторонников применения террористических методов привела к организации трех съездов землевольцев – Липецкого (15-17.06.1878), Воронежского (18-21.06.1878) и Петербургского (15.08.1879). Активная подготовка сторонников терроризма к съездам, проявилась в согласованных действиях, выработке единой линии поведения и составлении проекта программы боевой организации, которую осуществили Л.А. Тихомиров, А.Д. Михайлов и, вероятно, Н.А. Морозов³. В результате острых дебатов и невозможности совместной деятельности, произошел фракционный раздел землевольческой организации на две партии «Народную волю» и «Черный передел». Основной причиной разногласий стал вопрос о необходимости смены тактики и форм революционной деятельности. Агрессивно настроенная часть землевольцев исходила из утверждения, что кроме пропагандистской и агитационной работы, необходимы новые формы борьбы и, в первую очередь, расширение боевых акций. В организации же покушений, кроме

¹ ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1878. Д. 143. Л.21; История терроризма в России... С.109-112.

² О.В. Аптекман, вспоминая сложившуюся среди народников ситуацию 1879 г., характеризует сторонников террористической борьбы следующим образом: «Одни из них были несомненно искренни в своих уверениях: они смотрели на террор, как на действия, отнюдь не противоречащие, не исключющие – боже упаси! – деятельности в народе. Другие политиканствовали. Третьи, наконец, категорически заявили мне, что, по всему вероятно, деятельность примет иное направление, неизбежное в силу самих вещей». («Народная воля» и «Черный передел». С.77).

³ Волк С.С. Программные документы «Народной воли» // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С.379-401.

мстительных и охранительных мотивов, необходимо руководствоваться и политическими соображениями, что должно увеличить спектр объектов покушений и централизацию управления боевыми акциями. Наиболее соответствующей формой боевой деятельности признавалась систематическая организация индивидуальных покушений на ключевых деятелей царского правительства, что было еще ранее зафиксировано в партийной программе «Земли и воли». Новым становилось достижение промежуточной цели в виде захвата власти с помощью политического переворота или навязывания правительству уступок достаточных для наступления политической свободы¹.

Как вспоминал видный народоволец М.Ф. Фроленко: «Отдельный акт уходил на второй план; на первом – становилась целая серия актов, которые, ширясь, могли бы закончиться или переворотом, захватом радикалами власти, или, по крайней мере, хотя бы принуждением правительства пойти на уступки и дать конституцию»². Эти соображения позже войдут в программу Исполнительного Комитета (ИК) «Народной воли» (сентябрь-декабрь, 1879) под названием «деятельность разрушительная и террористическая» и будут содержать фактически краткое перечисление аргументации террора: «Террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т. п., имеет свою целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы»³. Усиление и централизация организационно-управленческого механизма выражалась в наделении ИК особыми руководящими функциями и чётком распределении внутрипартийных и функциональных обязанностей, что ранее народниками также не приветствовалось.

---

¹ Квасов О.Н. Тактико-стратегическое обоснование народовольческого терроризма. С.92.

² Фроленко М.Ф. Там же. С.57.

³ Революционное народничество 70-х годов XIX века. М.; Л., 1965. Т. 2. С.174.

Так как причинами неудачного «хождения в народ» народовольцы признали невозможность ведения политической агитации в условиях полицейских репрессий, поэтому народовольческая программа определяла необходимым устранение в первую очередь политических препятствий своей деятельности. Это возможно было достичь, как полагали народовольцы, несколькими способами. Во-первых, заставить власть осуществить реформирование политической системы, в результате чего появилась бы возможность свободно вести социалистическую пропаганду и в перспективе легальными способами осуществить народническую идею освобождения народа, или, во-вторых, провести насильственный захват власти в свои руки, после чего перейти к социалистическим преобразованиям. Оба варианта не отменяли необходимости активной пропагандистской и агитационной работы, расширения партийного строительства, создания тайных организаций по всей России, распространения влияния на администрацию, войско, различные слои общества, в осуществлении чего «Народная воля» значительно и преуспела. Новым в деятельности партии стало отношение к активным боевым предприятиям. Еще в ходе обсуждения партийной программы осенью 1879 г. резко обозначились, до сих пор не актуальные, противоречия между народовольцами по поводу характера и содержания боевой деятельности партии. Активно заявила себя группа «бланкистов» (М.Н. Ошанина, Е.Д. Сергеев, Л.А. Тихомиров), настаивавших на возможности захвата власти узкой группой заговорщиков¹. Исторические примеры удачных дворцовых переворотов, предполагаемая достаточность для этого относительно небольшого числа заговорщиков, что позволяло обойтись только партийными силами или поддержкой роты дворцового караула, являлись вескими аргументами в пользу этого плана. Однако этот вариант был отвергнут партией².

Большинство народовольцев, и в первую очередь руководители А.Д. Михайлов и А.И. Желябов, понимали «заговор» значительно шире и масштабнее. В их представлениях партийный заговор больше походил на вооруженное восстание

---

¹ С.С. Волк называет эту группу «якобинцами» (Волк С.С. Народная воля. 1879-1882. М.Л., 1966. С.97), Г. Кан считает, «что бланкистские идеи в народовольческий период выражены у Тихомирова весьма слабо, а преобладает все же демократическая направленность, понимание ценности гражданской и политической свободы». См.: Российская история. 2013. № 1. С.158.

² Квасов О.Н. Тактико-стратегическое обоснование народовольческого терроризма. С.92.

или переворот («инсurreкцию»). В секретной инструкции «Подготовительная работа партии» (весна 1880 г.) подчеркивалась необходимость осуществления переворота при благоприятных условиях, которыми могли стать народный бунт, неудачная война и пр. Однако, не надеясь на народное выступление, указывалось, что «партия должна иметь силы создать сама себе благоприятный момент действия, начать дело и довести его до конца»¹. Для этого ИК «Народной воли» начал формирование среди распропагандированных городских рабочих боевые дружины, которые задумывались как отряды будущего восстания, а также пытался заручиться боевой поддержкой распропагандированных офицеров армии и флота. В итоге, несколько рабочих дружин будет организовано, создан боевой устав, но реальное значение, количество и надежность этих формирований будет далеко не достаточным. Более существенные успехи имела офицерская сеть подпольных ячеек в армии. Имея кружки и филиалы в составе свыше 400 человек в 41 городе, военная организация партии имела обособленный, фракционный характер и планировалась для нейтрализации царского войска в период восстания². Революционизированные офицеры настаивали на свободе выбора и в террористической деятельности партии не участвовали³, но некоторое содействие могли осуществлять лично⁴. Как показало совещание ИК «Народной воли» в феврале 1881 г. с целью определиться в наличие реальных боеспособных сил рабочих, эти формирования решать боевые задачи были не в состоянии⁵. Планы же военного переворота во время парада, разрабатываемые А.В. Буцевичем и предполагавшие арест императора или физическое его уничтожение, вообще серьезно не воспринимались⁶.

¹ Подготовительная работа партии (весна 1880 г.) // Литература партии «Народная воля». М., 1930. С.305.

² Годунова Л.Н. Военная организация народовольцев // Вопросы истории. 1973. № 9. С.123.

³ Серебряков Е.А. Революционеры во флоте // «Народная воля» и «Черный передел». С.199.

⁴ Так, член Морского кружка, лейтенант Ф.И. Завалишин для снаряжения бомб к 1 марта 1881 г. достал 4 минных запала (См.: Волк С.С. Народная воля. С.317).

⁵ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. М., 1964. Т. 1. С.260-261. С.С. Волк отмечает противоречивость мемуарной оценки Фигнер о результатах февральского совещания ИК. В показаниях следствию в 1883 г. она дала противоположную оценку итогам голосования по поводу возможности инсurreкции, заявив о «громдном большинстве голосов» в пользу вооруженного выступления. См.: Волк С.С. Там же. С.108.

⁶ Ашенбреннер М.Ю. Военно-революционная организация партии Народной Воли // Каторга и ссылка. 1923. № 7. С.87; Он же. Военная организация «Народной воли». М., 1924. С.93.

Важнейшим условием успеха и залогом восстания стала рассматриваться дезорганизация власти, а основным средством дезорганизации – террористическая деятельность, которая, в первую очередь, выражалась в уничтожении правительственных лиц. Помимо этого в террористическую деятельность включались и охранные функции. Именно в этом отношении понимание терроризма народо-вольцами как активной формы политической борьбы и проявилось. На смену мстительному и оборонительному террору приходил активный наступательный. 26 августа 1879 г., после новых казней революционеров, ИК «Народной воли» выносит императору Александру II смертный приговор, имевший условный характер после Липецкого съезда. Начинается планомерная подготовка покушений на государя¹.

Наиболее активным сторонником террористического направления выступил один из редакторов газеты «Народная воля» Н.А. Морозов. Однако, отстаивая терроризм как универсальное средство подготовки социальной революции, он был против возможного захвата власти «революционным меньшинством» в ходе заговора². Данные взгляды не отвечали организационному и идейному единству партии, и Морозов постепенно был отстранен от партийной деятельности. Не имея возможности работать в партии и отстаивать взгляды, он выехал за рубеж, где в Женеве в 1880 г. издал известную брошюру «Террористическая борьба»³. Являясь по натуре человеком увлекающимся, Морозов попытался создать абстрактную, иллюзорную стратегию и тактику политической борьбы революционного меньшинства против государства. Нереальность, авантюризм его домыслов и категоричность суждений, тем не менее хорошо иллюстрируют крайнюю точку зрения народнических представлений о революционной борьбе и социальных противоречиях в России. Помимо Морозова, проблему террористической борьбы поднял в брошюре «Терроризм и рутина» его единомышленник Г.Г. Романенко, но как отмечает О.В. Будницкий, он «ничего особо оригинального к идеям Моро-

---

¹ Квасов О.Н. Там же.

² Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. С.99.

³ Твардовская В.А. Там же. С.105.

зова не добавил»¹. Однако Г.Г. Романенко прозорливо связал причины появления в России политического и экономического террора и предсказал скорое появление второго: «причины, вызвавшие террор политический... разразятся террором экономическим, террором крестьян и рабочих, убийствами помещиков, фабрикантов и мелких чиновников. История, не пропускаемая в дверь, ворвется в окна, и путь ее будет ужасен. Это будет уже не политический террор, направляемый интеллигенцией, а стихийная, необузданная сила, которой не предвидят еще "правлящие классы", как не предвидели террора политического, но которая заметна уже для людей, понимающих народную жизнь...»².

В своей работе Морозов сформулировал как и ранее уже называемые, так и новые, наиболее веские доводы террористической борьбы, в числе которых выделил то, что «она действует неожиданно и изыскивает способы и пути там, где этого никто и не предполагает». Кроме того, она требует «незначительных личных сил» и столько же «материальных средств», а по количеству минимальных жертв представляет собой «самую справедливую из всех форм революции». Морозов, продолжая стоять на позициях федералистского устройства организации, призвал объединиться «целому ряду самостоятельных террористических сообществ» в «одну общую организацию, которая со всех сторон откроет свои действия против правительства». После чего, благодаря идеологическому единству, конспиративности и террористическому насилию «победа рано или поздно неизбежна, и правительство должно будет удовлетворить ... требования». Как только «социалисты завоюют для себя фактическую свободу мысли, слова и действительную безопасность личности от насилия» «...террористическая борьба немедленно прекратится». В случае же нового проявления насилия над страной, «террористические группы, неизвестно куда исчезнувшие, будут неизвестно откуда и приходиться», осуществляя вновь праведное насилие³.

В дальнейшем такая тактика давления на правительство будет использоваться эсерами в период Первой российской революции, порождая «кровавые ка-

---

¹ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. С.78.

² Цит. по Будницкий О.В. Там же.

³ Морозов Н.А. Террористическая борьба // История терроризма в России ... С.102,105,107.

чели» партийных запретов и возобновлений террористических акций Центральным комитетом ПСР, а также войдет в практику мирового терроризма под названием «регулятивной». Вариантом регулятивного терроризма является «ситуационное» его использование. Террор в этом случае применяется только в тех обстоятельствах, когда власть совершает какое-либо исключительное антинародное действие. При этом революционным организациям нет необходимости иметь сложную террористическую организацию, а лишь эпизодически задействовать инициативных боевиков-профессионалов. После совершенного покушения от организаторов требуется обширная информационная и разъяснительная работа среди населения, чтобы в полной мере использовать пропагандистские аргументы единичного теракта.

Обозначив «в высшей степени важные и серьезные задачи» «русских террористов», Н.А. Морозов выделил значение пропагандистской работы в экстремистской деятельности, что состояло в «разъяснении теоретически идеи террористической борьбы» для населения. Собственно это требование он уже начал реализовывать будучи редактором народовольческой газеты, а партия это продолжила, публикуя после каждого осуществленного теракта прокламации и выпуская статьи объясняющие происшедшее в партийной печати.

В теории Н.А. Морозова терроризм предстает как «система последовательного террора» («теллизм»)¹, выражающаяся в самостоятельной и самодостаточной деятельности, которая приведет правительство к «дезорганизации, деморализации и ослаблению». Симптоматичным утверждением Морозова является необходимость использовать террористическое насилие и после «наступления свободы» для недопущения возобновления правительственного «выслеживания крамолы»². Такая трактовка, абсолютизирующая насильственную природу и надпартийное политическое значение терроризма, выходила за рамки народнической теории и программных положений «Народной воли», почему и была отвергнута народо-

---

¹ «Теллизм» – от имени легендарного швейцарского героя Вильгельма Телля, застрелившего в 1307 г., габсбургского наместника Гесслера. Мотив национального тираноборчества воспет в образе В. Телля в одноименной драме Ф. Шиллера.

² Морозов Н.А. Террористическая борьба // История терроризма в России... С.106.

вольцами, которые не признавали себя террористами и прилагали постоянные усилия, чтобы это подчеркнуть¹. Поэтому же, остерегаясь экстремистской репутации П.Н. Ткачева и журнала «Набат», ИК отверг предложение о сотрудничестве², а в народовольческих прокламациях по поводу покушений постоянно указывалась их вынужденность и готовность прекратить насилие в случае выполнения партийных требований. Пытаясь откеститься от быстро закрепившегося за партией террористического реноме, ИК «Народной воли» было опубликовано критическое заявление по поводу покушения на американского президента Джеймса Гарфилда (02.07.1881) и высказаны соболезнования американскому народу в связи с его последовавшей смертью (19.09.1881). Сопоставляя свою борьбу и покушение на президента, комитет постарался четко выразить различия: «В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей – в такой стране политическое убийство, как средство борьбы, – есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей. Деспотизм личности и деспотизм партии одинаково предосудительны, и насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия»³.

В прямой связи с этими словами были положения Программы ИК «Народной воли»: «Ввиду придавленности народа, ввиду того, что правительство частными усмирениями может очень надолго сдерживать общее революционное движение, партия должна взять на себя почин самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее»⁴. Формой такого почина стало цареубийство. В течение короткого времени ИК будет разработано несколько планов нападения и предпринято четыре покушения на императора⁵. На-

¹ О минимальной деятельности народовольцев в народе указывается: Антонов В.Ф. Революционное народничество. М., 1965. С.240; Россия в революционной ситуации на рубеже 1870-1880-х гг. М., 1983. С.273.

² Волк С.С. Программные документы «Народной воли» // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., Л., 1963. С.416.

³ Народная воля. № 6. 23.10.1881 г. // Литература партии «Народная воля». М., 1930. С.127.

⁴ Революционное народничество 70-х годов XIX в. М.; Л., 1965. Т. 2. С.173.

⁵ Встречающиеся расхождения количества покушений народовольцев на императора (четыре или семь) связаны с разными трактовками критериев. Покушением принято считать целена-

родовольцы будут пребывать в полной уверенности, что «искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10-15 человек – столпов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единства действия и в то же время возбудит народные массы, т.е. создаст удобный момент для нападения»¹. Даже отсутствие партийных сил и крестьянских выступлений после смерти царя, не изменили уверенности народовольцев в силе дезорганизаторских возможностей террора.

Смертельно раненый в ходе теракта 1 марта 1881 г. император Александр II умирает, но развала деспотической конструкции российской власти не произошло. После теракта ИК печатает корректное по содержанию и тону публичное письмо императору, в котором требовательная часть включает лишь два пункта – амнистию и созыв представительного собрания. Половина письма содержит объяснения и оправдание революционного терроризма, что выдает наметившийся внутренний кризис народовольчества. Сведения о неудачных переговорах, которые ИК вел в 1882 г. с тайной монархической организацией «Священная дружина», где эти требования ограничились только социально-экономическими вопросами, эту точку зрения подтверждают².

Находившийся в заключении, один из основных идеологов и руководителей «Народной воли», А.Д. Михайлов, после убийства императора убеждал товарищей-народовольцев продолжать борьбу: «Успех, один успех достоин вас после 1 марта. Единственный путь – это стрелять в самый центр. На очереди оба брата (Александр III и вел. кн. Владимир Александрович – О.К.), но начать надо с Владимира. При политической свободе, кажется, лучше перейти на путь идейной борьбы. Но до нее – одна цель. И вы, дорогие, уже научились попадать в неё. К

правленные мероприятия, завершившиеся действиями, представляющими угрозу объекту нападения, или незавершившиеся таковыми по независящим от организаторов причинам. В монографии С.С. Волка указывается о семи покушениях ИК на императора (См.: Волк С.С. Народная воля. С.235).

¹ Подготовительная работа партии (весна 1880 г.) // Литература партии «Народная воля». М., 1930. С.305.

² Николадзе Н.Я. Переговоры «Священной дружины» с партией «Народной воли» в 1882 г. Пг., 1917. С.16-17.

свободе – одна преграда: два брата. Более, думаю, препон не встретите»¹. Буквально теми же словами высказывал эту мысль еще в 1880 г. в письме М.П. Драгоманову и А.И. Желябов: «... Два-три толчка, при общей поддержке, и правительство рухнет»². О возросшем авторитете «Народной воли» после царубийства говорится во многих мемуарах революционеров. Активизировала свою пропагандистскую деятельность газета «Набат», редактируемая ярким сторонником революционного терроризма Г.-М. Турским³. В воспоминаниях О.В. Булановой прямо указывается: «... у многих чернопередельцев произошел большой сдвиг в сторону политической борьбы и народовольчества вообще»⁴. Через год большая часть чернопередельцев растворится в составе «Народной воли». В тоже время последовавший после 1 марта разгром ИК полицией, нехватка кадров и средств исключили возможность очередного царубийства, но не уменьшили уровень революционного экстремизма. Теракты, на мстительной и оборонительной основе, продолжались еще в течение нескольких лет, но «Народная воля», открыто и полностью перейдя к заговорщической тактике, как единая политическая партия прекратила существование⁵. Убийство императора явилось апогеем террористической деятельности народничества, его гибель и не оправдавшиеся в связи с этим надежды напрямую связаны с окончанием первой террористической кампании в России (1878-1881 гг.).

Народничество переживало очередной кризис, который породил переосмысление идейных и концептуальных основ движения. Определенная часть революционеров перешла на позиции легального народничества и мирнообновленчества⁶. Как отмечает, ссылаясь на анализ народнической публицистики 1880-х гг., Г.Н. Мокшин, «отказ от идеи быстрого решения сложных социальных вопросов»

¹ Письма народовольца А.Д. Михайлова. М., 1933. С.194-195.

² Желябов А.И. Письмо к М.П. Драгоманову // Звенья. Т. 5. М.; Л., 1935. С.743.

³ Гаспар-Михаил Турский, один из наиболее последовательных и активных сторонников террористических форм борьбы, соредатор журнала и газеты «Набат», автор террористической брошюры «Революционная расправа» (1878).

⁴ Буланова-Трубникова О.В. Три поколения // «Народная воля» и «Черный передел». С.312.

⁵ Волк С.С. Народная воля. С.244.

⁶ Зверев В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России: от 40-х к 90-м годам XIX в. М., 1997.

был основан на осознании невозможности «...создать сразу внешние условия, необходимые для человеческого счастья, минуя кропотливую работу над общим подъемом благосостояния и культуры народа»¹. Однако к такому пониманию проблем пришли не все, более того, в условиях выраженной консервативной политики правительств Александра III и Николая II, значительная часть легальных народников разочаруется и в этом курсе.

Для другой более многочисленной группы революционеров экстремизм, постулированный программой «Народной воли» и выраженный в её деятельности, останется на долгие годы партийным заветом. Отсутствие положительного результата народовольческой борьбы будет ими анализироваться, ошибки разбираться, но экстремистская основа, заложенная в революционизме, сомнению подвергаться не будет. Процесс переосмысления народовольческого терроризма исчерпывающе представлен в книгах А.И. Спиридовича и О.В. Будницкого. Наиболее характерно и деятельно осознание террористической борьбы отразилось в кратковременной деятельности «Террористической фракции "Народная воля"». К уже неоднократно озвученным аргументам и положениям народовольческой программы, фракционеры добавили признание «главного значения» террора «как средства вынуждения у правительства уступок путем систематической его дезорганизации» и особо выделили агитационное (эксцитативное) значение террора: «он поднимает революционный дух народа; дает непрерывное доказательство возможности борьбы, подрывая обаяние правительственной силы; он действует сильно пропагаторским образом на массы». Помимо этого они оговорили возможность «местных террористических протестов против административного гнета» и необходимость децентрализации «террористического дела». В конечном итоге, заключительные слова программы о подъеме «стихийной силы народного протеста» можно трактовать как провозглашение фабричного и аграрного террора². Несмотря на разработанную, «специально-террористическую», как ее назвал

---

¹ Мокшин Г.Н. Идеиная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дис... докт. истор. наук. Саратов, 2010. С.31.

² Программа террористической фракции партии «Народная воля» // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. / Сб. сост. А.И. Ульянова-Елизарова. М.; Л., 1927. С.374-375; Первое

А.И. Ульянов, программу действий, «Террористическая фракция» успела подготовить только один теракт на императора (26.02.-01.03.1887), который по счастливой случайности не был осуществлен.

Основным упущением народовольческого террора его последователями будет признана недостаточная агрессивность и наступательность, ограниченность только актами «центрального» и оборонительно-мстительного террора. Ликвидировать этот недостаток предлагалось за счет увеличения числа объектов нападений и совершенства организационной структуры террористической деятельности. Уже «Молодая партия "Народной воли"», помимо политического террора, считала возможным и важным средством вовлечения трудовых масс в революционную борьбу при помощи акций местного террора и развития аграрного и фабричного террора¹. На это обращалось внимание и в программе партии². Позже крайнее крыло анархизма, представленное «безмотивниками», предлагало применять индивидуально-террористические способы борьбы ко всем представителям буржуазного класса вне зависимости от их участия в классовой борьбе и доле в общественной собственности. К провоцированию социального насилия призывали и эсеры-максималисты, предлагая активно использовать формы экономического террора и, в первую очередь, аграрный террор. Сходные идеи высказывал Х.О. Житловский в своей книге «Социализм и борьба за политическую свободу» (Лондон, 1898) прямо заявляя, что террор должен стать «орудием борьбы целого общественного класса, который не переловишь и не перевешаешь, как переловлен и перевешан был "Исполнительный комитет"»³. Этот же аргумент, одновременно с отрицанием индивидуального терроризма, будут использовать и социал-демократы в обосновании организации партизанской борьбы.

марта 1887 г.: Дело П. Шевырева, А. Ульянова, П. Андреюшкина, В. Генералова, В. Осипанова и др. М.; Л., 1927. С.449-450; Альтман И.А. Программа группы А.И. Ульянова // Вопросы истории. 1977. № 4. С.34-44.

¹ Народническая организация, зародившаяся в Петербурге в 1882-1883 гг. Лидеры – В.А. Бодаев, П.Н. Мануйлов, Н.М. Флёрв, П.Ф. Якубович. Прекратила существование в 1885 г.

² Из истории народовольческого движения // Советские архивы. 1969. № 3. С.63-66.

³ Цит. по: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. С.116.

Морозовскую тактику террора предлагал модернизировать член «Южнорусской организации» (1885-1886) Л.Я. Штернберг, написавший программную брошюру «Политический террор в России». В ней он скептически оценил возможность массового движения в России и обосновал необходимость террористической тактики средствами систематических убийств царя и «главнейших явных врагов народа и интеллигенции». В передовой статье журнала группы «социалистов-федералистов» «Самоуправление» (Цюрих, декабрь 1887) также указывалась необходимость систематичности насилия: «Мы уверены, что если не отдельный террористический факт, то ряд таких фактов, система их при некоторой общественной поддержке заставит монархизм, держащийся только разрозненностью общества и традицией рабства, положить оружие...»¹. Характерно, что на предложение в 1889 г. парижской группы террористов (А. Дембский, И. Кашинцев, Е. Степанов, А. Теплов и др.), начать организацию совместных террористических акций, одна из самых крупных революционных организаций 90-х гг., группа Карла Кочаровского, ответила отказом. Причина отказа аргументировалась несвоевременностью и неготовностью революционеров к систематической организации террора: «Цель нашей деятельности, прочная постанова террора как системы; цель эта достигается созданием крепкой, достаточно многочисленной и приспособленной к условиям времени и места, организации. Последнее еще не выполнено; поэтому всякую террористическую попытку сейчас мы считаем вредной и не соответствующей целям систематического террора, который, повторяем, мы считаем единственно целесообразным. Повторяем, против несистематического террора мы протестуем от лица большинства русских террористов. Так как ваша настоящая попытка, как для нас ясно, во всяком случае, явилась бы попыткой несистематического террора, то мы против нее»². Именно в систематичности убийств «коронованных гадин» видел успешность терроризма и революционный публицист-эмигрант П.Ф. Алисов, издавший в Женеве в 1893 г. брошюру «Террор». По той же причине, в работе «С чего начать?» (1901) В.И. Ленин, «принци-

---

¹ Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.13.

² Спиридович А.И. Там же. С.24.

пиально» не отказываясь от террора, предостерегал: «... мы решительно объявляем такое средство борьбы при данных обстоятельствах несвоевременным, нецелесообразным, отвлекающим наиболее активных борцов от их настоящей, наиболее важной в интересах всего движения задачи, дезорганизующим не правительственные, а революционные силы»¹. Как справедливо отмечает О.В. Будницкий: «Систематический террор непременно входил в намерения более-менее заметных революционных групп конца 1880 – начала 1890-х годов»².

Во главу угла политической борьбы ставился систематический террор и в саратовском «Союзе социалистов-революционеров», организовавшемся в 1896 г. и ставшем в будущем составной частью ПСР. В программе организации говорилось: «Систематический террор совместно с другими, получающими только при терроре огромное решающее значение, формами открытой массовой борьбы (фабричные и аграрные бунты, демонстрации и проч.) приведет к дезорганизации врага. Террористическая деятельность прекратится лишь с победой над самодержавием, лишь с полным достижением политической свободы. Кроме своего главного значения, как средства дезорганизующего, террористическая деятельность послужит вместе с тем средством пропаганды и агитации, как форма открытой, совершающейся на глазах всего народа, борьбы, подрывающей обаяние правительственной власти, доказывающей возможность этой борьбы и вызывающей к жизни новые революционные силы, рядом с непрерывающейся устной и печатной пропагандой. Наконец, террористическая деятельность является для всей тайной революционной партии средством самозащиты, и охранения организации от вредных элементов – шпионства и предательства»³.

Помимо переосмысления террористической тактики и стратегии, последователи народничества отмечали организационные и управленческие ошибки народовольцев. Так, первая «Группа народовольцев» (1891-1894) возражала против замкнутости ИК Народной воли, указывая на необходимость расширения террористических подразделений и боевиков: «Признавая наступательный политиче-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 5. М., 1959. С.7.

² Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. С.95-96.

³ Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.53.

ский террор главным орудием борьбы с самодержавием, мы однако же утверждаем, что систематический террор возможен лишь при таком развитии организации, которое обеспечит живой приток сил»¹. Критически оценивали чрезмерную централизацию «Народной воли» и прежние её руководители. И.И. Попов вспоминал: «Изучая историю террористической борьбы, мы приходили к выводу, что террор нецелесообразно губил революционные силы, вводил в борьбу элемент случайности и требовал в организационном отношении самого строго централизма»². В дальнейшем, именно решение кадровых и организационных проблем будет наиболее сложным для террористических подразделений, а от их решения будет зависеть функциональность этих подразделений.

Наиболее активным сторонником и «популяризатором» революционного терроризма в конце XIX в. являлся В.Л. Бурцев. В редактируемых им изданиях, газете «Свободная Россия» (1889) и журнале «Народоволец» (1897), последовательно обосновывалась необходимость царубийства, а в первом отечественном журнале по истории революционного движения «Былое» закладывалась мифология и героизация народничества. На страницах журнала «Народоволец», используя уже озвученную аргументацию в необходимости террористической борьбы, Бурцев поддержал и конкретизировал мысль Н.А. Морозова, Л.Я. Штернберга и др., что именно на почве террористической борьбы должно произойти объединение революционных групп: «Политический терроризм – главным образом он – должен быть доминирующим фактором в установлении отношений между группами, признающими одинаково его огромное значение. Все защитники политического террора, несмотря ни на какие разногласия по всем другим вопросам, должны чувствовать себя членами одной семьи – так или иначе слиться в одну лигу политического террора»³. Эти идеи возьмут за основу социалисты-революционеры, конструируя свою партию на рубеже 1901-1902 гг.

Дискуссии о народническом движении и наработанный исторический материал позволяют сделать несколько выводов касающихся революционно-

¹ Цит. по: Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60-80-е гг. XIX в.). М., 2008. С.195.

² Народовольцы после 1 марта 1881 года: Сб. ст. и мат. М., 1928. С.53.

³ История терроризма в России... С.166.

террористической идеологии второй половины XIX в. Во-первых, нет оснований отделять террористическую практику народовольцев от террористических эксцессов народников 60-х гг. и землевольцев, это был единый процесс развития одной из форм революционного движения. Несмотря на разные мотивы и побудительные причины, несмотря на разные организационные механизмы и формы террористической деятельности, революционный терроризм второй половины XIX в. представляет собой взаимосвязанный, логично обусловленный процесс эскалации политического насилия. Постепенно от акций оборонительно-мстительного насилия народники перешли к терроризму наступательному и регулятивному. Эта смена стратегии далась в тяжелых дискуссиях, ценой ломки партийных, идеологических и организационных механизмов. По всей видимости, это был единственно возможный ход развития революционного движения, в тех исторических обстоятельствах и при «неспособности российского самодержавия к необходимому самореформированию»¹, что подтвердили скоротечные истории «хождения в народ» и «Черного передела», не поддержавшего террористическую деятельность. Стоит, однако, учитывать, что научная дискуссия о закономерности перехода революционеров к террору далеко не завершена (См.: С.44-45). Во-вторых, народовольческий террор стал ярким и существенным проявлением российского революционного движения XIX в., усугубил «кризис верхов», что выразилось в неспособности власти себя защитить, подверженности панике, неустойчивости правительственного курса (шараханье от репрессий к реформам и обратно). В-третьих, террористическая угроза представлялась самодержавию предельно опасной, а каждый революционер считался потенциальным террористом. Поэтому карательные меры в отношении революционных представителей были подчас неадекватны, чрезмерно репрессивны и мнительно жестоки. Для революционеров была очевидна печальная альтернатива – либо отчаянная, смертельная борьба до победного конца, либо неминуемая ссылка и каторга. В-четвертых, народовольческая «охота на царя» являлась первоначальной и важнейшей частью бланкистской тактики ус-

---

¹ Гинев В.Н. Народовольческий террор в историографических оценках и мнениях // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX-XX вв. СПб., 1999. С.40.

тановления социалистического строя в России в её народовольческом варианте. Не имея четкой, разработанной программы действий на случай убийства императора, народовольцы были всё же втянуты самим ходом событий и взаимно раскручиваемой «воронкой насилия» в «охоту на царя». Невозможность легальных форм оппозиционной деятельности, отсутствие сулящих перспективу альтернативных форм борьбы, репрессивно-карательная политика правительства, систематически преследующая и ликвидирующая представителей политической оппозиции, постепенно вела к кульминационному обострению борьбы. В-пятых, благодаря большому количеству печатной продукции народничества, воспоминаниям и другим источникам, мы можем в достаточно полной мере реконструировать постепенность и обусловленность перехода освободительного движения к террористическим методам. Анализ источников приводит к заключению, что однозначного взгляда на террористическую тактику и стратегию внутри народнического движения не существовало. Разные представления о значении и роли терроризма были обусловлены различиями в трактовках политического процесса и момента, неоднозначными перспективами революционного движения, персональными пристрастиями и пр. В-шестых, для определенного круга революционеров поражение народовольцев не означало разочарования в террористических формах борьбы, более того, оно создало впечатление, что им для победы не хватило самой малости. Значительная часть революционного сообщества основным результатом переосмысления террористической борьбы вынесет вывод о необходимости на смену узкопартийному, централизованному террору народовольцев организовать систематический, социально и политически более массовый и последовательный терроризм. Применимо к сложившейся ситуации конца XIX в. очень точно подходят слова П.А. Кропоткина: «Терроризм был порожден особыми условиями политической борьбы в данный исторический момент. Он жил и умер. Он может вновь воскреснуть и снова умереть»¹.

---

¹ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С.266.

3.2. Идеологическое обоснование второй террористической кампании (1901-1911 гг.)

В конце XIX в. в революционном сообществе активно дискутировались и анализировались результаты террористической борьбы народников. Основная масса сторонников радикальных преобразований, не только не разочаровалась в итогах первой террористической кампании, но и настаивала на необходимости вновь начать террористическую деятельность против самодержавия. Более того, расширилась аргументация применения террора, и продолжилось совершенствование его тактических приёмов. При этом ни последовательного, ни однозначного взгляда на террористическое насилие ни одна революционная партия сформировать не смогла. Однако, критически осмысливая результаты первой террористической кампании, большинство революционных идеологов склонялись к признанию как стратегических ошибок, так и тактических промахов народнического терроризма. В первую очередь, критическому анализу была подвергнута заговорщическая тактика Народной воли.

Главный теоретик эсеров Виктор Чернов, в статье «Террористический элемент в нашей программе», сформулировал партийную позицию следующим образом: «Мы – за применение в целом ряде случаев террористических средств. Но для нас террористические средства не есть какая-то самодовлеющая система борьбы, которая одною собственной внутренней силой неминуемо должна сломить сопротивление врага и привести его к капитуляции. Террористические действия вовсе не должны быть каким-то замкнутым внутри себя рядом актов, воплощающим собою всю непосредственную борьбу с врагом. Напротив – для нас террористические акты могут быть лишь частью этой борьбы, частью, неразрывно связанной с другими частями; в этой-то живой органической связи они и почерпают всю свою силу, все свое значение... И как всякая часть они должны быть переплетены в одну целостную систему со всеми прочими способами партизанского и массового, стихийного и целесообразного напора на правительство. Террор ... только один из технических приемов борьбы, который лишь во взаимодей-

ствии с другими приемами может проявить всё то действие, на которое мы рассчитываем»¹. Революционными партиями начала XX в. вообще не ставился вопрос о возможности при помощи отдельных террористических акций свергнуть или заставить пойти на уступки самодержавие. Революционно-националистические, неонароднические и анархистские организации, изначально и активно использовавшие индивидуально-террористические акции, рассматривали терроризм только как одну из многообразных форм революционной борьбы и прямо оговаривали его преимущества, недостатки и сложности применения. Социал-демократические организации, предпочитали в публикациях последовательно акцентировать внимание исключительно на его недостатках, но в тоже время периодически к этой форме борьбы прибегали. Яростная и зачастую злая критика террора в социал-демократической печати постепенно смягчалась под нажимом подъема революционного движения, одобрительной общественной реакции на отдельные теракты и планируемые совместные боевые действия с эсерами. В период вооруженных восстаний 1905 г. социал-демократы стали прямо заявлять о поддержке и развитие партизанской борьбы, которая в тех российских условиях могла быть осуществима только в диверсионно-террористической форме.

Критика и аргументация российскими марксистами террора базировалась на двух основных аргументах – вопросе революционной «целесообразности» использования терроризма в тех или иных обстоятельствах и наличии взаимосвязи индивидуально-террористических акций с массовым движением². Со стратегической точки зрения, разница подходов неонародников и марксистов на использование терроризма заключалась в том, что эсеры предлагали использовать террор для развития и начала массового протестного движения, а социал-демократы напротив, считали возможным перейти к террору в условиях уже начавшегося массового движения, постепенно доведя его до масштабов «терроризма великой французской революции». В 1901 г. в статье «С чего начать?», опубликованной в № 4 газеты «Искра», В.И. Ленин писал: «Принципиально мы никогда не отказывались и

---

¹ Революционная Россия. 1902. № 7-8. С.2-5.

² Портнягина Н.А. Восприятие политического терроризма русским марксизмом в начале XX в. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди: Сб. науч. трудов. СПб., 2008. С.119.

не можем отказываться от террора. Это – одно из военных средств, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях. Но суть дела именно в том, что террор выдвигается в настоящее время отнюдь не как одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения»¹.

Критикуя в 1903 г. покушение эсера С.В. Балмашева на министра внутренних дел Д.С. Сипягина (02.04.1902), Г.В. Плеханов на страницах партийной газеты «Заря» писал: «Террористическая деятельность и политическая агитация в массе... могут идти рука об руку, поддерживая и дополняя друг друга, только при самых редких, совершенно исключительных условиях. Ни одного из таких условий у нас теперь нет в наличности, и долго ещё не будет. В настоящее время террор не целесообразен, поэтому он вреден»². Это хорошо понимали и эсеры, которые в следующем за черновской программной статьей номере и за несколько месяцев до первых терактов Боевой организации, уточняли: «Признавая в принципе неизбежность и целесообразность террористической борьбы, партия оставляет за собой право приступить к ней тогда, когда, при наличности окружающих условий она признает это возможным»³. Однако в отличие от социал-демократов, эсеры не считали терроризм и массовое движение напрямую взаимосвязанными, не считали они терроризм и следствием массового движения. Этими положениями были обусловлены регулятивные возможности использования террора. Этим объясняется и то, что в течение Первой революции в зависимости от складывающегося политического процесса ЦК ПСР несколько раз считал возможным объявить о приостановке партийного террора и также неоднократно его возобновлял.

В феврале 1905 г., после начавшегося роста массовых протестов, с многочисленными призывами к террору стал выступать до сих пор последовательный критик этой формы борьбы В.И. Ленин. В его переписке с партийными комитетами

---

¹ Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 5. М., 1959. С.7.

² Цит. по: Гейфман А. Революционный террор в России. С.127.

³ «Неотложная задача» // Революционная Россия. № 3. Январь 1902. С.7-8.

ми он неоднократно заявлял, что «... террор должен быть сливаем фактически с движением массы» и требовал от комитетов «непосредственное и фактическое слияние на деле терроризма с восстанием массы»¹. Во второй половине 1905 г. формальная неопределенность ленинского призыва к террору была конкретизирована в требованиях организации и развития партизанской борьбы. Его статьи «От обороны к нападению» (сентябрь, 1905), «Кровавые дни в Москве», письмо в Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете, «Задачи отрядов революционной армии» (октябрь, 1905), содержат конкретные и недвусмысленные призывы и распоряжения о формировании боевых отрядов «от 3-х до 10, 30 и т.д. человек», которые должны приступить к «убийству шпионов, полицейских, жандармов, взрывам полицейских участков...» и пр.². Причем он лишь повторял тактические планы эсеров, которые немногим ранее к сложившемуся политическому моменту подходили более прагматично и считали, что если будет «можно наступать сомкнутыми массами с оружием в руках – будем это делать; можно двинуть смелых одиночек для нанесения террористических ударов столпам реакции – будем это делать; можно по всей линии повести массовую партизански-террористическую борьбу – будем это делать!»³. А месяцем позже, в редакционной статье газеты вновь подчеркивалось: «Партия имеет свой метод борьбы, характеризующийся комбинированием массовых выступлений с террористическими актами»⁴.

В дальнейшем, в ходе партийных и фракционных споров, социал-демократические теоретики различие партизанской борьбы и терроризма постоянно подчеркивали, хотя аргументация этого утверждения зачастую базировалась на манипулировании дефинициями, двойных стандартах и несущественных доводах. Так, В.И. Ленин отличие партизанства от индивидуального террора видел в следующих аргументах: первое представляет собой военные действия, связано с

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 9. М., 1960. С.318. «Общий план работ и решений III съезда РСДРП» (рукопись); Там же. С.280. «О боевом соглашении для восстания» (Вперед. № 7. 21.02.1905); Там же. С.303. «Новые задачи и новые силы» (Вперед. № 9. 23.02.1905).

² Ленин В.И. ПСС. Т. 11. М., 1972. С.268-271 (Пролетарий. № 18. 13.09.1905); Там же. С.315-318 (написана в Женеве 27.09.1905); Там же. С.336-338 (написана 16.10.1905); Там же. С.339-343 (написана в октябре 1905).

³ Боевой момент // Революционная Россия. № 59. 10.02.1905. С.1.

⁴ Революционная Россия. № 61. 15.03.1905. С.6.

настроением масс, готовит и воспитывает боевых руководителей, является частью восстания и боевой состав партизан формируется, главным образом, из рабочих¹. Для Ленина разница между терроризмом и партизанской борьбой была такой же, как между политической враждой относительного и абсолютного характера. Партизанское движение по Ленину тем и отличалось от индивидуально-террористических актов, что формировало не частные эпизоды борьбы, а пространство абсолютного сопротивления общества царскому режиму. Ленин категорично заявлял, что «марксист не может считать аморальной партизанскую и гражданскую войну. Марксист стоит на почве классовой борьбы, а не социального мира»².

В таком случае не имело значение количество участников, виды оружия, тактика боя, прочие нюансы и внешние атрибуты, борьба приобретала тотальный, всеобщий характер, к чему он и призывал. Характеризуя временный подъем революционного движения и прокатившуюся по России террористическую волну насилия летом 1906 г., В.И. Ленин подчеркивал: «В общем и целом, мы считаем обострение партизанской борьбы в России после роспуска Думы плюсом. Истребительная и беспощадная партизанская борьба с насильниками правительства представляется нам своевременной и целесообразной»³. Позже, противопоставляя партизанское движение и террористическую деятельность, социал-демократы столкнулись с проблемой отсутствия их реального, практического отличия. Современные исследователи партизанскую и террористическую борьбу революционных групп начала XX в. преимущественно отождествляют⁴.

Кроме этих стратегических противоречий, последовательная и обильная критика террористической тактики эсеров со стороны РСДРП, особенно в преддверии Первой революции, была обусловлена в значительной мере партийно-

---

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 12. М., 1972. С.175-182. «Современное положение России и тактика рабочей партии» (Партийные известия. № 1. 07.02.1906).

² Ленин В.И. Партизанская война // Ленин В.И. ПСС. Т. 14. М., 1972. С.7-8.

³ Ленин В.И. ПСС. Т. 13. М., 1972. С.366.

⁴ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. С.326-327; Гейфман А. Революционный террор в России. С.130; Шмитт К. Теория партизана: Промежуточное замечание по поводу понятия политического. М., 2007; Кафтан В.В. Партизанская борьба и терроризм: к прояснению сущности понятий // Пространство и время. 2012. № 3 (9). С.88-93.

политической конъюнктурой¹. Стремительному росту авторитета партии эсеров после терактов на Д.С. Сипягина, Н.М. Богдановича и В.К. Плеве необходимо было что-то противопоставить, и критика в данном случае формально индивидуалистического способа борьбы была предпочтительнее, чем молчаливое наблюдение за стремительным усилением партийного конкурента. При этом полемическому разгрому подвергался народовольческий терроризм, который и по форме, и по существу в значительной мере отличался от модернизированного террора эсеров.

Отношение к террору как к стратегическому и универсальному методу революционной борьбы в начале XX в. сохранили только некоторые анархистские и максималистские течения и организации. Бунтарское представление анархистов о социальной революции не исключало любых форм революционной борьбы, в которых демонстрировались спонтанность, неорганизованность, аффективность побуждений, что следовало из якобы социально-экономической обусловленности таких протестов. Проявляемые при этом агрессивность и экстремизм, подчеркивали естественность бунтарских побуждений. Предпочтительными формами такого неуправляемого протеста, предлагаемыми еще В. Вейтлингом, И. Мостом и М.А. Бакуниным, являлись всевозможные виды неорганизованного социального экстремизма, включая его как уголовные проявления (кражи, грабежи, убийства и пр.), так и акции насилия по экономическим причинам. Наиболее авторитетный идеолог анархизма начала XX в. П.А. Кропоткин, критически относясь к террористическим акциям, осуществляемым «профессиональными» боевиками в рамках партийных тактик и программ, в тоже время выступал в поддержку акций стихийного, самочинного характера². Это получило отражение в резолюции анархистского съезда осенью 1906 г.: «Главное различие по вопросу о терроре между нами и политическими партиями заключается в том, что мы вовсе не думаем, чтобы террор мог служить средством для изменения существующего порядка, а видим в нем только проявление совершенно естественного чувства возмущенной совести, или же самозащиты, которое, именно вследствие этого, и имеет агитаци-

---

¹ О.В. Будницкий указывает значительную роль «партийной конкуренции» в причинах критики эсеровского терроризма искровскими публицистами (Там же. С.144).

² Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. С.242.

онное значение, способствуя развитию такого же чувства возмущения среди народа»¹. Аналогично социал-демократической и эсеровской концепциям, трактовали анархисты-коммунисты взаимосвязь терроризма и массового движения: «Отдельные акты насилия отдельных героев рабочей революции важны и необходимы. Золотыми буквами они будут записаны на скрижалях истории. Но сила не в отдельном, а в массовом действии, в массовом насилии. ... массовое насилие усугубляет значение и отдельных актов, массовое действие их порождает, с массовыми действиями они должны быть связаны»².

Именно в рамках анархизма сформировалось представление об особом виде террористических акций, осуществляемых в отношении административных представителей или объектов собственности без заранее разработанного плана на основе спонтанного, эмоционального побуждения. В органе анархистов-коммунистов «Бунтарь», прямо говорилось: «Метод анархической борьбы – прямое нападение... Насильственное нападение превращает частный акт борьбы, частное столкновение на почве конкретных требований в борьбу со всем буржуазным обществом и всей буржуазией...»³. В пропагандистской литературе такие акции имели обширное терминологическое разнообразие, именуясь «разлитым», «децентрализованным», «безсистемным» и прочим террорами. Наиболее ярко культивирование террора было выражено в деятельности и литературе махаевцев, безначальцев и чернознаменцев⁴. Так в программе группы «Безначалие» прямо звучал экстремистский призыв к «беспощадной кровавой народной расправе», которая могла осуществляться в любой форме, в том числе, в форме «краж и всяких

¹ Будницкий О.В. П.А. Кропоткин и проблема революционного терроризма // История терроризма в России... С.327-328.

² Анархисты. Документы и материалы. Т. 1. 1883-1916 гг. М., 1998. С.56-57.

³ Бунтарь. № 1. 01.12.1906. С.9.

⁴ Махаевцы – анархистская ассоциация последователей Я.В. Махайского (А. Вольский), образовавшие в начале XX в. объединение «Непримиримых» в Одессе, группу «Борьба» в Белостоке, в Екатеринославе и др. Безначальцы – анархистское течение, сформировавшееся в Париже в 1905 г. во главе с С.М. Романовым (Бидбей) и Н.В. Дивногорским. Универсальным средством социальной борьбы признавали террор во всех его проявлениях. Чернознаменцы – анархистская федерация, образовавшаяся в 1903 г. преимущественно на западных окраинах Российской империи (Белосток). Активно провозглашала применение всевозможных форм социального и экономического насилия. Лидер – И.С. Гроссман (Рощин).

открытых нападений на лавки и дома, совершаемых угнетенными классами»¹. В докладе Амстердамскому конгрессу анархистов в 1907 г. Н.И. Рогдаев, характеризуя российские течения безначальцев и чернознаменцев, указывал: «Надо заметить, что это течение далеко не новое в русском анархизме. Достаточно вспомнить газету "Народная расправа" С. Нечаева, чтобы увидеть, что "безначальцы", за некоторыми новшествами, хотели просто реставрировать "нечаевский анархизм", в котором удивительно переплетались идеи чистого "бакунизма" с различными переживаниями "бланкизма"»². Стоит отметить, что указанные анархистские течения ориентировались исключительно на люмпен-пролетариат.

Чернознаменцы первыми стали использовать особый вид террористических акций, получивший наименование «безмотивного террора». Основным содержанием этих преступлений был обезличенный протест против любых форм буржуазного имущества и собственников. Наиболее известными из таких акций стали взрывы одесской кофейни Либмана (17.12.1905), варшавского отель-ресторана «Бристоль» (13.11.1905), вагона 1 класса в Нижнеднепровске (Екатеринославская губ.) (03.05.1906) и др. В прокламации посвященной первому событию, одесские анархисты пафосно призывали: «Пусть такие акты станут обычным явлением в освободительном движении рабочих и вызовут на такие акты всех голодных, всех обездоленных и придадут силу и решимость их действиям! Пусть террор личный и массовый широкой волной разольется по всей стране! Пусть буржуазия чувствует, что восстал, наконец, рабочий класс не для игры с ней в политику, а для полного ее уничтожения и захвата ее собственности! Такова должна быть борьба обездоленных и голодных, и только такая борьба приведет их к цели – к устройству анархических коммун!»³. Безмотивники считали, что террористические акции в отношении государства и эксплуататоров должны иметь не политическую и персональную направленность, а социальную, и охватывать всех представителей «паразитирующих слоев» вне зависимости от их участия в политике и жизни го-

---

¹ Анархисты. С.72.

² Там же. С.286.

³ Там же. С.128.

сударства. В прямой связи с анархистским представлением о бунтарской готовности общества, это уничтожение должно осуществляться немедленно и повсеместно.

Не все российские анархисты принимали эту теорию и тем более ей следовали. Так, уже в советской России 20-х гг., известный анархист Д.И. Новомирский подверг критике теракт в кафе Либмана: «Нельзя было придумать более неудачного акта для пропаганды этой теории (безмотивного террора – О.К.). Кафе Либмана – второклассный ресторан, который посещали отнюдь не крупные богачи, люди самых различных классов, вплоть до мелких служащих и захудалых интеллигентов. Кроме того, и самый акт был исполнен чрезвычайно неудачно: бомбу бросили на улице и она, конечно, ничего кроме шума не произвела. Рабочие с недоумением спрашивали друг друга: «Что означает это швыряние бомб в обыкновенный ресторан». Никто не верил, что это дело революционеров...»¹.

Перенести террористическое насилие в социальную сферу отношений стремились и максималисты, что выражалось в призывах и провоцировании крестьянского экстремизма. Если ЦК ПСР первоначально отказался поддержать аграрный террор, подразумевая под ним акции исключительно экономического и частно-инициативного характера, то максималисты напротив, придавая большое значение «стихийности народно-трудового революционного движения»², всеми возможными способами потворствовали и прилагали организационные усилия в стремлении расширить масштабы аграрного насилия³. Так, еще в 1904 г. предшественники максималистов в лице Женевской оппозиционной группы эсеров считали «крайне необходимым и неотложным в настоящий исторический момент организацию в деревнях» аграрного террора, при этом понимали под ним обширный спектр всевозможных форм крестьянских протестов, в том числе: «потравы, порубки и захваты имущества, совершаемые миром поджоги и другие формы повреждения имущества, убийства помещиков, вооруженные нападения и т.п.». От-

¹ Новомирский Д.И. Анархическое движение в Одессе // Очерки истории анархического движения в России. Сб. ст. под ред. А. Борового. М., 1926. С.256.

² Материалы I Учредительной конференции Союза эсеров-максималистов. Або (Финляндия). 10-26 октября 1906 г. // Союз эсеров-максималистов. 1906-1924 гг. Документы, публицистика. М., 2002. С.36.

³ Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979.

носительность и непринципиальность природы этих протестов «аграрными террористами» подчеркивалась особенно – «такие действия могут быть совершаемы стихийно, аморфно, без ясного сознания конечной цели экономического и политического освобождения народа, и наоборот – планомерно, организовано, целесообразно, в связи со всей остальной революционной тактикой и стратегией боевых дружин в деревне»¹. Уже в 1906 г., тоже положение было зафиксировано в резолюциях Учредительной конференции эсеров-максималистов: «Союз будет поддерживать различные виды борьбы трудового крестьянства с помещиками, кулаками, попами и представителями местной администрации, от широких стачек и бойкотов до аграрного террора включительно»². Таким образом, в идеологии отдельных революционных течений индивидуально-террористическое насилие в начале XX в. сформировалось в одну из стратегических форм борьбы и оформилось в доктринальный вид терроризма.

Столкнувшись с непониманием крестьянством причин убийства императора Александра II, неонародники наиболее значимым вопросом терроризма признали проблему его понятности и обусловленности для общественности. Разрешением этого вопроса были озабочены и сами народники, первыми сопроводившие политические покушения прокламациями, в которых объяснялись причины акций³. Народническая стратегия обоснования индивидуального террора предполагала личную виновность жертвы и, именно, на этом акцентировалось внимание публики, что особо ярко проявилось в процессе В. Засулич.

Принципом личной ответственности первоначально аргументировали покушения и эсеры, этот принцип стал девизом БО ПСР – «По делам вашим воздастся вам». Боевик Е.С. Созонов на судебном процессе заявлял: «Бросая бомбу, я не думал, что поражу образ правления, а действовал против определенной личности. Я убил Плеве за то, что он прибегал к насилию. Партия приговорила его к смерти за то, что он в бытность директором департамента полиции задушил пар-

---

¹ Партия социалистов-революционеров: Док. и мат. Т. 1. 1900-1907 гг. М., 1996. С.161-163.

² Материалы I Учредительной конференции Союза эсеров-максималистов. Там же. С.38.

³ Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879-1881 гг. М., 2014. С.174-206.

тию "Народная воля"; за то что, став министром внутренних дел, он заливал кровью Русскую землю, приказывая расстреливать рабочих и не наказывал губернаторов, так поступавших; за то, что он подвергал личность русского гражданина и членов партии величайшим унижениям...»¹. Личная ответственность за конкретные репрессивные поступки или решения вменялась в вину жертвам во всех первых террористических актах народников и эсеров. Весомым доводом к этому аргументу были правовые злоупотребления, чиновная безответственность и репрессивность судебно-правовой системы империи против оппозиционного движения. И напротив, постоянные революционные заявления о ненужности террора в условиях конституционного государства и демократического режима².

В дальнейшем с переходом к последовательной и массивной террористической деятельности, революционным организациям отделить личную и должностную ответственность становилось все сложнее. И даже формальное, попустительское выполнение чиновником своих служебных обязанностей не исключало риска покушения. Однако все же, слывшему либералом министру внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому, удалось избежать печальной участи двух своих предшественников. После успешных акций Боевой организации (1902-1904), в эсеровской печати стали активно и настойчиво проводить мысль о возможности при помощи террора повлиять на работу административного аппарата. С переориентацией на дезорганизаторские цели, акцент в террористической аргументации стал постепенно переноситься на должностную ответственность. Так, если в августе 1905 г. в передовой статье «Momento!» главного органа партии эсеров, аргументация революционного террора совмещала личную ответственность жертв и функции самообороны³, то призывы В.И. Ленина во второй половине

¹ Карабчевский Н.П. Около правосудия. 2 изд. СПб., 1908. С.205.

² Этим объясняли народовольцы критическое отношение к покушению на американского президента Дж. Гарфильда, а эсеры приостановку партийного террора после царского манифеста 17 октября 1905 г.

³ В статье прямо указывалось – «пусть знает каждый губернатор, каждый прокурор, военный судья, полицмейстер, офицер, командующий стрелять в народ, каждый рядовой жандарм, агент сыска и даже простой полицейский, арестовывающий революционера, что ему грозит свинцовая пуля, как наше естественное и необходимое средство самообороны!» (Momento! // Революционная Россия. № 72. 01.08.1905. С.2).

1905 г. совершать убийства «полицейских и жандармов», не руководствуясь и не конкретизируя меру их личной вины, были напрямую уже обусловлены накалом революционной борьбы и требованием повысить уровень политического насилия. А в октябре и ноябре 1905 г. нападения небольших групп рабочих и молодежи на постовых городских, участковых и полицейских становятся уже обычным для всей России явлением. Деперсонализация объектов покушений вела к стремительному росту количества жертв, увеличению спектра объектов и причин террористической агрессии, еще большему снижению моральной ответственности боевиков за гибель людей.

В августе 1906 г. ЦК ПСР призывает партийные комитеты повсеместно приступить к организации крестьянского вооруженного восстания. Начинается терроризирование представителей сельской администрации, правопорядка, консервативно настроенных селян. Если в городах большую часть жертв от террористических и экстремистских актов составили постовые городские и квартальные, то в сельской местности это были стражники и урядники, рядовые правоохранительной системы. Депутат-октябрист М.А. Стахович, несколько передергивая цифры, 4 мая 1906 г. на заседании Первой Государственной думы, призывая осудить политические покушения, обратил внимание именно на это: «Я напоминаю, что за три месяца было убито 288 и ранено 383 русских гражданина и что из этих 671 – 3 приходится на высших чиновников, может быть и виновных во всех ужасах, о которых теперь говорится, а 668 городских, кучеров, сторожей наверное не были в этом виноваты»¹. В целом, на протяжении Первой российской революции кадровый дефицит среди нижнего полицейского состава наблюдался фактически по всей стране. Верховная власть, понимая слабость полицейских структур в противодействии революционно-боевым формированиям, для наведения местного порядка стала использовать воинские и казачьи подразделения, наделив их военно-жандармскими полномочиями и функциями.

---

¹ Стенографические отчеты / Государственная дума. Первый созыв, 1906. Сес. 1. Т. 1. СПб., 1906. Стб. 233.

В большинстве случаев, причинами покушений организаторы терактов громко называли «общественное мнение» или исполнение приговора «народного суда». Беря на себя право выступать от имени народа, определять виновных и вершить суд, революционеры руководствовались не только политическими и идеологическими соображениями, но и определенными общественными доводами¹. В таком случае, как объяснял на партийном съезде эсеров в феврале 1907 г. Г.А. Гершуни: «... страна знает, за что убит насильник, страна знает, что не убивать его было нельзя, страна знает, что только убийством можно было спасти от него народ. Вот когда убийство, от которого естественно отшатывается человеческая натура, становится великим подвигом, а "убийца" – национальным героем»². С возможностью и необходимостью наказания таких преступников, эсеры связывали активизирующую политическую и протестную роль террористических актов. Так, покушение на харьковского губернатора князя И.М. Оболенского произошло после ставшего известным всей России жестокого подавления местных крестьянских выступлений; после кровавого разгона забастовки Златоустовских рабочих, что также приобрело громкую известность, происходит убийство уфимского губернатора Н.М. Богдановича; убийство эсерами старшего советника полтавского губернского правления Ф.В. Филонова (18.01.1906), произошло после обличительной газетной статьи писателя В.Г. Короленко об административной жестокости при подавлении местных крестьянских выступлений и др.³. Революционный самосуд вынуждал правительство вводить чрезвычайные и карательные меры, что в свою очередь, поднимало градус революционной агрессивности, таким образом, «взаимными» усилиями углублялся «правовой и политический беспредел».

¹ Характерно, что решение коллегии присяжных о невинности В. Засулич, революционеры восприняли не как вердикт царского суда, а как общественное одобрение противоправного поступка революционерки.

² Цит. по: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. С.173.

³ Короленко В.Г. Открытое письмо статскому советнику Филонову // Полтавщина. 12 января 1906 г. О провокационной роли писателя в покушении много писала консервативная печать. РГИА (СПб.). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 172. Л.3-7; Обнинский В.П. Новый строй. М., 1909. С.153; Книга русской скорби. Т. 7. СПб., 1911. С.188-236; 1905 год на Полтавщине: (Сб.). Полтава, 1925. С.88-107; Васильев П. Митя Кириллов // Каторга и ссылка. 1928. № 12 (49). С.163-168.

Определенная часть анархистских и неонароднических террористов видела в революционном экстремизме и «педагогические» смыслы. В данном случае, во-первых, имелось в виду то, что государственные чиновники развращенные своей безнаказанностью перед законом и пользующиеся властным беспределом, в лице и действиях террористов буквально могли видеть «праведный меч правосудия». Тем самым, как совершенные теракты, так и находящиеся на свободе террористы становились назидательным примером и напоминанием для государственных служащих о неотвратимости наказания за преступления. Вообще, утверждение того, что сама идея неотвратимости наказания, как для тиранов, так и для обычных госслужащих, должна останавливать их в антинародных поступках является одним из наиболее древних и устойчивых. Убежденность в том, что праведный народный гнев и вообще, апелляция к народному мнению, выше имеющихся правовых кодексов государств имеет древние истоки, подкрепляемые буржуазной политической философией (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо) и провозглашаемые приоритетом естественных законов над государственными. Во-вторых, террор воспринимался действенным механизмом перевоспитания необразованного, забитого и униженного до «скотского состояния» эксплуатацией и притеснениями народа, который при виде успешного террористического акта над всероссийским или местным «узурпатором» откажется от своего «преклонения перед властью»¹.

Тщательно выбираемые народовольцами и эсерами в предреволюционные годы объекты покушений, постепенно по ходу революции с ростом массового движения и широким распространением террористического насилия становились все менее избирательными. Терроризм стремительно превращался в тактическое средство и далее в популярную форму протеста, что резко снижало объектную избирательность. В условиях спада массового движения, несмотря на большие и разнообразные усилия партийных комитетов, вернуть революционному террору в общественных глазах понятную причинную логику уже не удастся.

Анализируя итоги Первой террористической кампании, неонароднические лидеры утверждали возможным с помощью индивидуального насилия в отноше-

---

¹ Воля труда. СПб., 1907. С.37.

нии особо выдающихся деятелей правительства, вызвать смятение, панику или хотя бы нерешительность режима, что вкупе с активностью массового движения, заставит самодержавие пойти на политические уступки. Наиболее очевидным и симптоматичным примером успешности этих попыток всегда назывался теракт над министром внутренних дел В.К. Плеве¹. Очевидно, что после его трагической гибели император Николай II оказался в нерешительности. По крайней мере, на смену ему был поставлен П.Д. Святополк-Мирский, назначение которого всеми однозначно трактовалось как попытка со стороны самодержавия смягчить режим и успокоить общественность. О глубоком смятении императора и великокняжеского окружения говорят распоряжения последовавшие после гибели вел. кн. Сергея Александровича (04.02.1905) – во избежание новых покушений, император запретил покидать столицу великим князьям и посещать публичные панихиды по дяде, а на похороны в Москву отбыл лишь вел. кн. Константин Константинович². О «растерянности правительства» и «панике» в связи с убийствами Плеве и великого князя, говорят директор ДП А.А. Лопухин и начальник Петербургского охранки А.В. Герасимов³. Имеются многочисленные заявления в период революции 1905-1907 гг. высших чиновников и деятелей правоохранительных органов, в которых прямо звучат большие опасения за курс страны в случае очередного успешного теракта центрального значения, и особенно это проявлялось в кризисные события декабря 1905 г. и первой половине 1906 г. Насколько велика доля объективности в этих опасениях – вопрос дискуссионный, но как подметили «Русские ведомости»: «Памятные слова Столыпина "не запугаете" в сущности были криком испуганного»⁴. При этом отрицать роль субъективного фактора и, в частности,

¹ Убийство В.К. Плеве как начало революции характеризовали философ С. Франк, историк А. Ашер. О.В. Будницкий пример этого теракта использует для доказательства эффективности терроризма «при определенных исторических условиях и обстоятельствах». (См.: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. С.153).

² Сак К. «Это был – конец! Конец династии, конец империи!». Дом Романовых и смута 1905 г. // Родина. 2010. № 3. С.87. Впрочем, в воспоминаниях вел. кн. Гавриила Константиновича указывается, что на похороны прибыл и родной брат покойного Павел Александрович. (См.: Гавриил Константинович. В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. М., 2008. С.53-54).

³ Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. М., Пг., 1923. С.59-60; Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991. С.141.

⁴ Русские ведомости. 11 января 1913.

влияния таких личностей как П.Н. Дурново и П.А. Столыпин на усмирение революционного движения нельзя. Надежды террористов подкреплялись и непоследовательной государственной политикой, опрометчивыми мерами правительства, как в сторону попустительства, так и в сторону репрессий, отсутствием антитеррористической стратегии.

Неонароднические идеологи считали, что дезорганизовать власть и подорвать ее функциональность настолько, чтобы разрушить государственную систему способна лишь спланированная и массированная террористическая кампания, начальные успехи которой должно завершить массовое движение. Рост проявляемого при этом экстремизма, постепенно должен был достигнуть уровня парализования воли, как отдельных представителей господствующего класса, так и целых его слоев. Для этого необходимо силовые удары наносить в наиболее уязвимые в функциональном отношении и структурообразующие звенья государственной и социальной системы. Таковыми, в первую очередь, считались административные и правоохранные чиновники нижнего звена, которые являлись проводниками государственной политики на местах и в тоже время оставались наименее защищенной и легко уязвимой частью управленческого аппарата. В тоже время, как отмечали эсеры, добиться необходимых для развала административной работы масштабов террористической деятельности в состоянии только организованные партийные структуры и целенаправленные действия комитетов. Попытки этого неоднократно на деле были продемонстрированы в ходе революции 1905-1907 гг. Особые усилия в этом были приложены на национальных окраинах и в обеих столицах империи. Агитационные кампании с предложениями вступать в боевые дружины различных типов и партийной ориентации, жертвовать на их вооружение были распространенным и фактически публичным явлением в конце 1905 г. Несколько дней целенаправленные и многочисленные акции устрашения городских шли в Москве и Санкт-Петербурге в начале декабря 1905 г. Группы вооруженных боевиков разоружали постовых, угрожали им физической расправой в случае сопротивления и требовали устных обещаний оставить службу. Московский генерал-губернатор Ф.В. Дубасов вынужден был отдать приказ городским

снять форму. В это время максималистами была предпринята террористическая атака на здание Московского охранного отделения, несколько покушений осуществлено на московского губернатора В.Ф. Джунковского¹. Именно на необходимость эскалации таких действий указывал в своих письмах местному партийному руководству В.И. Ленин. Неспособность московской полиции сколько-нибудь деятельно противостоять боевикам и повлиять на ход событий, показывает продуктивность при определенных условиях таких террористических кампаний. В дальнейшем в 1906 г., деятельной реализацией июльского призыва ЦК ПСР на «немедленное начало боевых выступлений», стали попытки организации массового вооруженного выступления крестьян при помощи эскалации партизанских и террористических акций, предпринятые Поволжским областным комитетом ПСР². Также, в июле 1906 г., Петербургская боевая организация максималистов собиралась при помощи вооруженного захвата Государственного Совета и последующего шантажа правительства потребовать «низложения Николая, передачи власти народу и издания закона о "социализации" земли, фабрик и заводов»³. Позже, уже в 1907-1908 гг. в условиях спада революционного движения, и в большей мере от отчаяния положения, эсеры и максималисты вернулись к идее народовольцев «добиться государственного переворота путем совершения террористических актов величайшей важности»⁴. К разновидностям дезорганизаторского использования терроризма можно отнести и положения, высказанные в 1908 г. руководителем Летучего боевого отряда Северной области ПСР А.Д. Траубергом. Будучи арестованным и хорошо понимая свою участь, он на допросе откровенно объяснил концепцию террористической деятельности, которой придерживался: «Удары должны следовать один за другим с короткими промежутками времени, или должен последовать ряд ударов одновременно в разных местах, или же удары долж-

¹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. [Электронный ресурс]. URL:<http://ldn-knigi.lib.ru>; Спиридович А.И. Там же. С.207; Зензинов В. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. [Электронный ресурс]. URL:<http://ldn-knigi.lib.ru>.

² ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Ч. 4 (1). Д. 16867. Л.1; Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С. 330.

³ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. С.168.

⁴ Там же. С.192.

ны быть наносимы целыми группами, так называемый "оптовый террор"»¹. На опыте Декабрьского вооруженного восстания в Москве предпринимались организационные усилия активизировать городское партизанское движение в августе 1906 г. в Польше, в середине 1907 г. максималистами в столице и Поволжье, анархистами в 1908 г. на Украине и др.².

Одним из наиболее распространенных террористических аргументов в начале XX в. являлось выделение его агитационного и пропагандистского (эксциративного) значения. Общественное внимание, которое привлекали и привлекают к себе акции террористов, ажиотаж СМИ и болезненная реакция властей, сопровождающая каждый теракт, могут стоить пудов пропагандистской литературы, десятков и сотен проведенных митингов, собраний и выступлений. С точки зрения агитационной продуктивности, охвата зрительского внимания и новостной перспективы, акции терроризма и сегодня стоят на первых позициях в числе событийных происшествий. Зарождающему в начале XX в. революционному движению и новым партиям необходимо было устойчивое и обширное внимание общества. Удачными террористическими акциями против первых лиц правительства Боевая организация эсеров не только заявила о себе, но и стала той идейной и организационной основой вокруг которой началось конструирование и общественное признание самой партии социалистов-революционеров. В дальнейшем, что характерно и для народовольцев, несмотря на проводимую огромную и разнообразную массовую работу, партия эсеров так и не смогла избавиться от ореола террористической партии, а анархистское движение, буквально слилось в общественном мнении с экспроприаторством и беспартийным экстремизмом. Терроризм был и остается средством огромного агитационного значения, привлекающим внимание к себе и своим субъектами. Несмотря на все усилия правитель-

¹ Идельсон М.В. Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров // Краеведч. зап.: Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 1993. С.15.

² О событиях в Польше, см.: РГИА (СПб.). Ф. 1276 (Совет министров). Оп. 2. Д. 172. Л. 1-2; Книга русской скорби. Т. 6. СПб., 1910. С.167-171; Kalabinski S., Tuch F. Czwarte powstanie czy pierwsza rewolusia: Lata 1905-1907 na ziemiach polskich. W-w, 1976. S.484; Стецкевич С.М. Пролетариат Королевства Польского в революции 1905-1907 гг. СПб., 1995. С.141-142. О Поволжье, см.: Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты... С.168. Об Украине, см.: Анисимов С. Суд и расправа над анархистами-коммунистами // Каторга и ссылка. 1932. № 10 (95). С.129-176.

ственных структур и самого масс-медийного сообщества, общественность продолжает реагировать на террористические акции эмоционально и по отношению к каждому акту сугубо конкретно, что нейтрализует все прилагаемые государством систематические меры антитеррористической борьбы.

Партийные комитеты начала XX в., несмотря на заявления отдельных революционных экстремистов, не считали возможным при помощи одного теракта, хотя бы и центрального значения, заставить власть капитулировать. В понимании этого проявилось критическое переосмысление террористической деятельности народовольцев. В тоже время, активизирующую роль отдельных актов центрального значения революционеры особо отмечали и выделяли. Так, на спаде массового революционного движения лидер максималистов М. Соколов рассуждал: «Весьма вероятно, что такое событие, как захват Государственного совета ... всколыхнет напряженно настроенные массы, вызовет энергичный шаг в Думе и поднимет восстание... Надо найти фокус, в котором соберутся рассеянные революционные лучи, чтобы произошел взрыв скрытого брожения, и таким фокусом будет захват Совета»¹.

Революция 1905-1907 гг. и по предположению эсеров давала шансы использовать терактов как активизирующие примеры. В статье «Террористический элемент в нашей программе», лидер партии эсеров В.М. Чернов писал: «Настроение широких слоев рабочих доказывает неопровержимо, что, выдвинув террористический способ борьбы, партия социалистов-революционеров шла навстречу уже назревшей и наполовину осознанной потребности рабочего люда – не только получать удары от врага и расписываться в получении, но и отвечать на удары ударами же»². В программном сборнике эсеров-максималистов по этому поводу образно писали: «Как лавина в своем падении захватывает лежащие глыбы, так и действия активного меньшинства захватывают в водоворот борьбы огромные массы»³. Теракт как пример, как вызов властям и призыв к сочувствующим – действенный фактор, но при условии наличия в стране революционной ситуации и

---

¹ Григорович Е. Ю. Зарницы: наброски из революционного движения 1905-1907 гг. Л., 1925. С.35.

² Революционная Россия. 1902. № 7-8. Июнь.

³ Воля труда. Типография Иванова, 1907. С.41.

подъема массового движения. Как справедливо отметила американская исследовательница М. Перри: «терроризм эсеров был более эффективен в 1902-1904 годах, когда массовое движение находилось в начальной стадии, чем в революционные 1905-1907 годы»¹. Солидаризируясь с этим мнением, О.В. Будницкий констатирует: «... то, что не сработало в 1881-м, получилось в 1904-м. ... Террористическая тактика доказала свою эффективность при определенных исторических условиях и обстоятельствах»².

Агитационный эффект терроризма во многом базировался на самопожертвовании террористов. Культ революционного «мученичества» являлся одним из основных элементов революционной субкультуры и формировал общественное представление об альтруистических причинах деятельности революционеров. Террорист своей жертвой во время теракта или последующим смертным приговором являл буквальное доказательство этого альтруизма. Самопожертвование становилась моральным и нравственным механизмом, разрешающим насилие над человеком, одновременно снимая ответственность с террориста.

Эксплуатируя насилие в агитационных целях, террористические акции способствовали повышению уровня структурной агрессии в обществе. Закономерная взаимосвязь социальных и политических процессов, на примере терроризма, проявляется особенно ярко. Террористические акции болезненно воспринимаются практически всем населением, при этом характер индивидуальной реакции определяется субъективными качествами личности, идеологической установкой и особенностями политического процесса. Теракты, как способ политической борьбы, влияют не только на уровень социальной агрессии в обществе, но и порождают взаимную экстремизацию, предрасположенность демонстрировать наиболее агрессивные формы поведения и предпочтение насильственных способов разрешения социально-политических конфликтов. Насилие, провоцируемое покушениями, по меткому выражению формирует агрессивную «атмосферу» общества³.

---

¹ Perrie M. Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914 // *Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe*. N.- Y., 1982. P.69.

² Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. С.153.

³ Будницкий. О.В. Там же. С.137.

Знаменитая революционерка В.Н. Фигнер, обобщая это наблюдение, сказала, что «...насилие, совершается ли оно над мыслью, над действием или над человеком, никогда не способствует смягчению нравов. Оно вызывает ожесточение, развивает звериные инстинкты, возбуждает дурные порывы и побуждает к вероломству. Гуманность и великодушие несовместимы с ним. И в этом смысле правительство и партия, вступившие, что называется, врукопашную, конкурировали в развращении окружающей среды...»¹. В начале XX в. начинают встречаться прецеденты использования взрывных устройств в решении бытовых конфликтов². Помимо этого, социологами выделяется и процесс привыкания к насилию, создание «обычных» механизмов поведения и социального реагирования: «Формой социальной легитимации терроризма выступает не только активная его поддержка, но и адаптация, равнодушное отношение к нему»³. Многочисленные примеры «опривычивания» террористического насилия в российском обществе начала XX в. приводит в своем исследовании М.Б. Могильнер⁴.

Стремлением постепенного повышения уровня и качества революционного насилия можно интерпретировать и слова В.И. Ленина о «боевой организации масс». Ленинская трактовка революционного терроризма базировалась на его массовом партийном использовании. Индивидуальные акции, проявляемые отдельными представителями общества, В.И. Ленин обоснованно интерпретировал как частную протестную инициативу, которая разъедает единство боевых рядов. Однако, оформленный комитетами в последовательную череду акцентированного насилия, терроризм превращался в массовое средство борьбы. Формы насилия, утверждал Ленин, должны быть такие, «которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие»⁵.

---

¹ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. М., 1964. Т. 1. С.285.

² Козлинина Е.И. За полвека. 1862-1912 гг. Восп., очерки и характеристики. М., 1913. С.522.

³ Чуланов В.А., Гурба В.Н. Феномен социальной поддержки терроризма // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2010. № 3. С.93.

⁴ Могильнер М.Б. На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907-1914 гг.). М., 1997.

⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 6. М., 1972. С.386.

Лидер большевиков категорично настаивал на необходимости расширять не только средства и способы террористической борьбы, но и увеличивать объективную политическую базу насилия, что должно приводить к превращению отдельных нападений в боестолкновения и партизанскую борьбу. Последняя по своей форме уже является проявлением революционной войны. В этом отношении, эсеровская и большевистская концепция «партизанской борьбы» и «политика активной борьбы», которую предлагал Ю. Пилсудский, были похожи. Так, руководитель боевиков ППС утверждал, что «одномоментное стихийное вооруженное восстание» не может быть победным, так как «... во-первых, повстанцы должны уметь обращаться с оружием, иметь соответствующих руководителей, организацию и быть психологически подготовленными к участию в боевых действиях. То есть нужно превратить «рвущихся в бой штатских» в кадры будущей повстанческой армии. Подготовить такие кадры с помощью одной учебы нельзя, нужна практика участия в небольших партизанских выступлениях. Их организация положит начало второму направлению деятельности – преодолению в обществе страха перед армией как грозной, организованной силой. Это станет возможным, поскольку власти, чтобы покончить с партизанским движением, вынуждены будут рассредоточить войска небольшими группами по всем населенным пунктам Царства Польского и поручить солдатам выполнение полицейских обязанностей...»¹. Хотя содержательный анализ этих действий имел выраженный террористический характер, однако именно в этом ракурсе, как прообраз будущей РККА и школы красных командиров, трактовалась деятельность большевистских боевых дружин советской историографией.

Огромные масштабы жертв революционного террора были связаны с углубившимся социально-экономическим кризисом страны и стремительно обострившейся под воздействием революционной пропаганды и агитации радикализацией общества. Идеология революционного терроризма начала XX в. сформировалась благодаря критическому анализу результатов народнического террора, а также переосмысленным идейным основаниям народничества, анархизма и марксизма.

---

¹ Матвеев Г. Ленин и Пилсудский. Сотворение революции // Родина. 2010. № 7. С.59.

Модернизированным идеологическим обоснованием и основными доводами использования революционно-террористических методов борьбы в начале XX в. стали следующие. Во-первых, активно эксплуатировалось утверждение о возможности использования терактов для подъема, активизации и радикализации массовой революционной борьбы и формирования общественной «атмосферы» насилия. Доказательным аргументом такого суждения всегда считался теракт над В.К. Плеве, а в конце революции это проявилось в упованиях на необходимость «акта центрального значения» для активизации массового движения. Во-вторых, если причинами первых акций индивидуального терроризма начала века акцентировано называлась личная ответственность жертв и мстительная мотивация по отношению к ним (Сипягин, Боголепов, Плеве и др.), то с ростом массового движения в 1905 г. акцент сменился должностной ответственностью объектов покушений. В-третьих, успехи первых террористических актов, кризис власти, рост либерально-демократического и массового движения породил революционную уверенность в дезорганизаторских возможностях терроризма. В-четвертых, вкупе с большими организационными усилиями партийных комитетов, обоснованные этими идеями и целями террористические акции, стремительно перешли от индивидуальных форм объектного и субъектного содержания к групповым, что породило рост специализированных боевых дружин и переход к диверсионным и, так называемым, «партизанским» акциям. Терроризм стал частью массовой революционной деятельности.

Упор на террористическое насилие, как естественную форму социальных изменений продолжали постулировать анархистские и максималистские группы. Призывая, потворствуя и провоцируя безмотивный, аграрный и фабричный террор, сторонники этих взглядов считали возможным именно в такой форме осуществить общественное реформирование.

ГЛАВА 4. Тактика революционно-террористических кампаний

4.1. Тактика революционеров в первую террористическую кампанию

Весной-летом 1862 г. по всей Российской империи прокатились разрушительные городские пожары. Выгорали целые кварталы и улицы, в том числе в столице и ряде губернских городов. При всей тривиальности для деревянной России этого несчастья и уже имевшихся случаях таких масштабных пожаров¹, в этот раз особо указывали на многочисленность возгораний, одновременные пожары сразу в нескольких местах городов и якобы имевшиеся предупредительные письма. Несмотря на обширные следственные действия², причины происшествий так и не прояснятся, а версии продолжают появляться и сейчас³. В газетах и обывательской молвой муссировались две основные версии – «польская» и «студенческая». Первая обвиняла поляков в лице Польской революционной партии, в подтверждение чего были и многочисленные покушения в крае⁴, вторая – студентов, под которыми подразумевали социалистических пропагандистов. Вероятно, истинную подоплёку этих событий не знает никто, или она производная от многих случайных, а может быть и злонамеренных, но единичных, происшествий. Характерно то, что возникшую на основе массовых страхов истерию, использовали или пытались это сделать и власть, ужесточая режим, осуществляя аресты, вводя чрезвычайное законодательство и натравливая обывателей на социалистических пропагандистов, и сами революционеры, – на углубление паники и истерии была рас-

¹ О похожих пожарах в Костроме в 1847 г. указывается в отчете III Отделения Собственной Е.И.В.К., причем как отмечается: «... Между встревоженными жителями возникла молва, что поджоги происходят от поляков» // Свободная мысль-XXI. 2003. № 3. С.118.

² Революционный радикализм в России. С.51-52.

³ Литвинова А.Н., Литвинов Н.Д. Первая кровь России. Зарождение революционно-террористического движения в Российской империи. 1861-1879 гг. Воронеж, 2006. С.61-63. Авторы высказывают мысль об использовании специальных устройств на основе фосфора, что позволяло осуществлять поджоги дистанционно, без непосредственного участия человека.

⁴ Гагагова Л.С. Кристаллизация этнической идентичности в процессе массовых этнофобий в Российской империи (вторая половина XX в.). [Электронный ресурс]. URL: <http://dartmouth.edu/.../Finalpapers/Gatagova.pdf>.

считана, написанная в апреле 1862 г., печально известная прокламация П.Г. Зайчневского «Молодая Россия»¹.

Первыми террористическими акциями российских революционеров признаются неудачное покушение Д.В. Каракозова (04.04.1866) на императора Александра II и убийство членами организации «Народная расправа», не подчинившегося требованиям С.Г. Нечаева, студента И.И. Иванова (21.11.1866). Каракозовское покушение произведено вопреки коллективной воле группы, второе – нелепо по организации, подготовке и осуществлению; неврастеничность и болезненность Каракозова отмечали современники, фантасмагория и обман лежали в основе организаторских действий Нечаева. Обе акции не были случайными выходками политических одиночек, имели теоретические и политические обоснования в ишутинском «Аде» и нечаевском «Катехизисе». При всей несуразности этих двух преступлений, именно от них берут начало революционная «охота на императора» и практика убийств «шпионов и предателей». Критическая оценка революционными представителями первых террористических акций, сориентировала антиправительственные силы конца 60-х – начала 70-х гг. к массовой пропагандистской деятельности и отказу от централизованных организаций². Найденная у Каракозова прокламация, объясняла революционные причины покушения, которые, однако, для общественности остались непонятны. В народе ходили противоречивые слухи о дворянских и польских корнях теракта на царя³, о заинтересованности вел. кн. Константина Николаевича в смерти императора намекал М. Катков⁴. По своим последствиям, покушение Каракозова сыграло «более на руку окру-

---

¹ Зайчневский с восторгом воспринял известие о пожарах. См.: Пантелеев Л.Ф. Воспоминание // Штурманы будущей бури. Воспоминания участников революционного движения 1860-х годов в Петербурге. Л., 1983. С.276.

² Негативная реакция А.И. Герцена на покушение отражена в нескольких статьях: «Уничтожение, гонение, срытие с лица земли, приравнение к нулю Каракозовых», «Итак опять кровь и кровь... Сказка о гостинце царю и о доме Комисарову», «Великий заговор – большая ложь – Каракозов, царь и публика», «Каракозовское дело», «Выстрел 6 июня», «Иркутск и Петербург».

³ Записки сенатора Есиповича // Русская старина. 1909. № 1. С.127; Шилов А.А. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г. Пг., 1919. С.53.

⁴ Кропоткин П. Записки революционера. М., 1988. С.248.

жавшей Александра II клике извергов», чем достижению революционных целей¹, а нечаевское преступление «на десять лет скомпрометировало методы террора в революционном движении»².

Как сами неоднократно заявляли народники, их первые насильственные акции имели «оборонительный» характер и были направлены против «шпионов» и «предателей», дававших откровенные показания на следствии. В первую очередь, это коснулось судьбы участников «хождения в народ» (1873-1875), в отношении которых жестокие следствие и приговор были построены во многом на свидетельствах «откровенников». Так, несколько членов киевского кружка «южных бунтарей» совершили нападение на предателя Н.Е. Гориновича (11.06.1876), который не только дал показания полиции, но и под чужим именем вновь попытался внедриться в организацию. Шпион получил несколько ножевых ранений, после чего, уверенные в смерти Гориновича боевики, облили серной кислотой его лицо, что было модным в начале 70-х гг. атрибутом национальной борьбы в Польше, однако тот сумел выжить³. Вкупе с нечаевской историей, эта акция активно использовалась властью для контрпропаганды революционного движения. Современница событий отмечала: «Переживя нечеловеческие страдания, несчастный остался жив, хотя от лица у него ничего не осталось, кроме зарубцевавшейся на костях кожи с отверстиями для дыхания и принятия пищи. Чтобы не пугать своим видом людей, он всю остальную свою жизнь вынужден был носить на голове и на лице черный мешок с отверстиями для носа и рта»⁴. Фотография несчастного получила в конце XIX в. известное распространение и на самом деле вызывает массу неоднозначных чувств и к Н.Е. Гориновичу, и к преступникам⁵.

Начиная с нападения на Гориновича, основной и самой многочисленной формой революционного индивидуально-террористического насилия становится

¹ Дейч Л.Г. (Сонин) Роль евреев в русском революционном движении. Т. 1. Изд. 2. М., Л., 1925. С.26. После покушения резко выросло влияние на царя шефа жандармов П.А. Шувалова.

² Виногоров Д.В. Истоки российского терроризма (XIX – начало XX в.). Первые методы противодействия // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С.291.

³ Снытко Т.Г. Русское народничество и польское общественное движение. 1865-1881 гг. М., 1969. С.69.

⁴ Козлинина Е.И. За полвека. 1862-1912 гг. Восп., очерки и характеристики. М., 1913. С.479.

⁵ Гейфман А. Революционный террор в России. С.123.

убийство предателей и шпионов. Известно 14 покушений на предателей, совершенных разными революционными группами. Необходимо упомянуть и убийство на карийской каторге ошибочно обвиненного в предательстве нечаевца П.Г. Успенского (27.12.1881)¹.

В 70-е годы разочарование в мирных способах политической деятельности, месть и стремление обратить внимание общественности на правительственные беззакония и жестокости приговоров подтолкнули революционеров к агрессивным действиям. Известным поводом стала, осуществленная по приказу петербургского градоначальника генерал-адъютанта Ф.Ф. Трепова, противозаконная экзекуция 13 июля 1877 г. над землевольцев А.С. Боголюбовым (А.С. Емельянов). История получила широкую огласку и общественный резонанс. О планах отомстить Трепову высказались сразу несколько революционных групп². На следующий день после оглашения приговора по «процессу 193-х», на приеме посетителей В.Н. Засулич выстрелила из револьвера в Трепова (24.01.1878), после чего, не оказав сопротивления и попыток к бегству, была арестована. Как известно, судебные власти сочли целесообразным разбирать это дело в рамках общей подсудности. 31 марта суд присяжных оправдал Засулич. Насколько была наэлектризованной обстановка перед оглашением приговора демонстрирует не только массовое проявление восторга, но и вооруженное сопротивление публики при попытке полиции арестовать Засулич на выходе из суда³.

Воспринимая общественную реакцию как одобрение возможных форм защиты от своеволия власти и зная репрессивность судебных приговоров, землевольцы стали активно предпринимать не только бегство из мест заключения и ссылки, но и попытки силового освобождения заключенных⁴. Обыкновением ста-

¹ Ковалик С. Революционеры-народники в каторге и ссылке // Каторга и ссылка. 1924. № 4 (11). С.154-155.

² Желание отомстить изъявили «южные бунтари», из-за границы для этой цели приезжал делегат от ткачевского «Общества народного освобождения», «боевая тройка» «Земли и воли» и др.

³ Карелин А. Анархисты в народническом движении 70-х гг. // Очерки истории анархического движения в России. Сб. ст. под ред. А. Борового. М., 1926. С.203.

⁴ Ссылаясь на «Календарь Народной воли», А. Тун насчитал «с 1861 по 1874 гг. 11 побегов, а с 1876 по 1882 гг. – 65; всего, следовательно, 76; причем было еще 35 неудавшихся побегов;

новится вооруженное сопротивление при арестах. Начиная с сопротивления И.М. Ковальского и членов его кружка (30.01.1878)¹, каждая попытка ареста для жандармов могла закончиться стрельбой, что вынуждало их быть осторожными и предусмотрительными. Данный тип вооруженной борьбы большинством исследователей к террористическим не относится, однако современники воспринимали его наряду именно с такими боевыми акциями революционеров². В работе А. Туна отмечается, что революционерами было «24 раза оказано вооруженное сопротивление, именно: в 1875 – 2, в 1878 – 7, в 1879 – 9, в 1880-82 – 2 раза»³. Современные террористические акции в условиях демократизации политических процессов в большей мере ориентированы либо на массовую апелляцию, либо на общественное запугивание. Поэтому и содержание терроризма для большинства современных исследователей, в первую очередь, связано с опасностью обществу, мирным гражданам. Однако, во второй половине XIX в. сам факт применения огнестрельного оружия против представителей власти, а тем более оказание вооруженного сопротивления законным требованиям властей воспринимались в категориях государственного преступления. Кроме того, к оборонительному террору стали относить и действия, нацеленные на освобождение арестованных или заключенных революционеров. Так, под Харьковом, группой землепользователей руководимой М.Ф. Фроленко и А.Д. Михайловым, была предпринята вооруженная попытка отбить у конвоя известного революционера П.И. Войнаральского (01.07.1878). Несколько боевиков, открыв с обочины дороги стрельбу из револьверов, планировали остановить полицейскую повозку, застрелить двух жандармов и скрыться с арестантом. «Исполнению замысла помешала недостаточная проду-

---

кроме того, было еще 7 особенно смелых попыток к побегу (Тун А. История революционного движения в России. С.261).

¹ Виташевский Н.А. Первое вооруженное сопротивление – первый военный суд (Процесс И.М. Ковальского) // Журнал «Былое». 1906. № 2. С.220-245; Мартыновская Ц. И.М. Ковальский и первое вооруженное сопротивление в Одессе (По черновым наброскам С.И. Мартыновского) // Каторга и ссылка. 1928. № 8-9 (45-46). С.81-99; Кофф Г.М. К делу о первом вооруженном сопротивлении в Одессе в 1878 г. (Материалы к делу И.М. Ковальского) // Каторга и ссылка. 1928. № 8-9 (45-46). С.100-109.

² В. В-в. [Водовозов В.В.] Террор в России // Энциклопедический словарь: В 82 т. / Под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. Т. 2. Дополн. СПб., 1907. С.753.

³ Тун А. История революционного движения в России. С.219-220.

манность плана и несогласованность в действиях участников предприятия»¹. Кроме того, не хватило обыкновенной точности при стрельбе, что указывает на далеко не лучшую подготовку боевиков². В дальнейшем, даже если учесть факторы огромного везения и случайности при неудачных покушениях на Александра II, обращает на себя внимание низкая квалификация террористов, которую они старались компенсировать огромной самоотдачей, целеустремленностью и удивительной энергией. В конечном итоге, главная цель царубийства будет достигнута, но не за счет опыта и профессионального превосходства террористов над полицией, а за счет экстенсивного растранивания людских, материальных и организационных возможностей, за счет пожертвования всех ресурсов партии и ущемления иных форм революционной деятельности.

«Оборонительный» (внутренний) террор будет постоянно сопровождать левые организации всех течений, при этом революционная субкультура скольконибудь существенной разницы между понятиями «провокаатор», «шпион», «осведомитель», «агент» не фиксировала. Насколько близко соприкасались оборонительное и мстительное основание террора, показала деятельность киевского кружка во главе с В.А. Осинским и Д.А. Лизогубом. За чрезмерную активность при дознании и следствии ими, в Киеве было совершено неудачное покушение на прокурора М.М. Котляревского (23.02.1878)³, а ударом кинжала смертельно ранен адъютант начальника Киевского ГЖУ штабс-капитан Г.Э. Гейкинг (27.05.1878)⁴. Его убийца Г.А. Попко, убегая от многочисленных преследователей, застрелив дворника и ранив городского, смог скрыться в ночной темноте.

После покушения на прокурора революционными террористами была выпущена специальная прокламация, разъясняющая населению причину нападения. Как гласило революционное воззвание, виной прокурора было то, что «желая составить карьеру, он раздувал обвинения, арестовывал невинных, угрозами вынуждал признания у арестованных и однажды велел жандармам раздеть при обыске

¹ Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. С.79.

² Фроленко М.Ф. Попытка освобождения Войнаральского // Каторга и ссылка. 1928. № 4 (41). С.82.

³ Процесс социалистов Валериана Осинского, Софии Лешерн-фон-Герцфельд и Варфоломия Волошенко. [Женева], 1879.

⁴ Лион С.Е. От пропаганды к террору. Вып. 1. М., 1925. С.40-42.

двух девушек»¹. Стреляя с близкого расстояния, боевики смогли только напугать прокурора, который в дальнейшем сделает карьеру ретивого гособвинителя в борьбе с революционным движением. Помимо объясняющего покушение текста, прокламация имела подпись «Исполнительный комитет русской социально-революционной партии» и печать в виде скрещенных револьвера, кинжала и топора. Те же «южные бунтари» летом 1878 г. предпринимают подготовительные меры для покушения на царя в случае возможного посещения им одного из причерноморских городов², но полиция вовремя эти приготовления пресекла. Именно южные народники оказались не только наиболее радикальными сторонниками терроризма, но и «первопроходцами» в террористической борьбе народничества.

Местью за жестокий приговор на «процессе 193-х» объясняли покушение и на шефа жандармов Н.В. Мезенцева. Земледелец С.М. Кравчинский (Степняк) на Михайловской площади столицы, ударом кинжала смертельно его ранил, а сопровождавшего подполковника Макарова, который сделал попытку преследовать преступника, выстрелом отпугнул А.И. Баранников (04.08.1878). С места покушения террористы скрылись на подготовленном экипаже и полицией обнаружены не были. Успех теракта был широко использован в пропагандистских целях, в том числе с помощью брошюры, написанной Кравчинским «Смерть за смерть!»³. Чуть позже вышла обширная прокламация «Правительственная комедия или призыв к обществу», которая была распространена осенью 1878 г.⁴. Брошюра стала фактически террористической программой землевозов, в которой отразились причины покушения, программа действий и требования террористов. Высокая организация и качество исполнения теракта показали, что «...террор вырос в своем дерзновении и что к этому течению становятся причастны и те, кто еще недавно являлись типичными представителями теории пропаганды и отдела "деревенщины". Вместе с тем убийство шефа жандармов на улице среди белого дня показывало, что правительство было очень слабо осведомлено о перестройке, так ска-

¹ Календарь русской революции издательства «Шиповник». Пг., Б.г. [1917]. С.60-61.

² Тун А. История революционного движения в России. С.194.

³ Кравчинский С. Смерть за смерть (Убийство Мезенцева). Пг., 1920. Примечательно, что теракт был осуществлен на второй день после казни И.М. Ковальского, что, казалось, взаимосвязанным.

⁴ Революционное народничество семидесятых годов XIX века. М., Л., 1965. Т. 2. С.66-70.

зять, революционных рядов и совершенно было не подготовлено к встрече дерзко шедшего ему навстречу врага»¹.

В ответ на начавшиеся повальные обыски и аресты в Санкт-Петербурге, столичные экстремисты направляют письмо прокурору судебной палаты А.А. Лопухину, в котором предостерегают его от «чересчур обширной системы арестов» и угрожают от имени Исполнительного комитета русской социально-революционной партии: «... Вы будете убиты, как был убит Гейкинг, как был убит Мезенцев, которого убили мы, социалисты-революционеры, за все его злодеяния против нас...»². Таким образом, революционерами терроризм начинает использоваться для психологического давления на отдельных представителей администрации и дезорганизацию функционирования государственной системы.

Опять же ответом на казни стало смертельное ранение харьковского генерал-губернатора князя Д.Н. Кропоткина, осуществленное Г.Д. Гольденбергом (09.02.1879)³. Организация и исполнение в данном покушении оказались на очень высоком профессиональном уровне. Преступник поджидал жертву на единственно возможном маршруте движения, «вскочил на подножку губернаторской кареты и дважды выстрелил в князя из револьвера. Поводом для покушения стали жестокое обращение с заключенными в местных тюрьмах и суровость губернатора к участникам студенческих волнений. Террористу удалось скрыться...»⁴. Стандартные обвинения в жестокости вызвали и покушение на нового шефа жандармов генерал-адъютанта А.Р. Дрентельна (13.03.1879). После покушения на генерала появляется прокламация, в которой помимо мстительных мотивов, прямо указывается, что Дрентельн «достоин смерти уже за одно то, что был при существующих политических условиях шефом жандармов»⁵.

¹ Глинский Б.Б. Революционный период русской истории (1861-1881 гг.): Исторические очерки. Ч. II. СПб., 1913. С.249-250.

² Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли». М., 1930. С.90-92.

³ Прокламация «Казнь Кропоткина» // Земля и воля. 11.02.1879. Автор Н.А. Морозов.

⁴ Ист.-рев. сб. «Былое». № 5. 1904. Январь. С.61-74.

⁵ Прокламация «Покушение на жизнь Дрентельна» (Земля и воля. 13.03.1879. Автор Н. А. Морозов) // Революционный радикализм в России. С.412-413.

Недостаток подготовленных боевиков, отсутствие упорядоченной организации и более-менее реальных планов покушений заставляли землевольцев пользоваться услугами инициативных, но подчас случайных в террористической деятельности людей. К такому участию можно отнести нападение студента Л.Ф. Мирского на шефа жандармов А.Р. Дрентельна и покушение Марии Кутитонской на забайкальского военного губернатора Л.И. Ильяшевича (16.09.1882)¹. В первом случае, террорист верхом на лошади на полном скоку два раза безрезультатно выстрелил в окно кареты Дрентельна, во втором – М. Кутитонская на приёме выстрелом из револьвера ранила губернатора. Иногда такие покушения осуществлялись без официальной санкции революционных организаций, по личной воле, на собственные страх и риск – это покушения И.О. Млодецкого на министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова (20.02.1880)² и поляка Н.М. Санковского на товарища министра внутренних дел П.А. Черевина (13.11.1881)³.

После ряда неудач сторонникам радикальных действий становилась очевидной необходимость «организационной и тактической перестройки, усиление дисциплины, бóльшей мобильности и маневренности»⁴. Об этой необходимости указывал своим друзьям и товарищам в письме-завещании из Киева перед казнью В. Осинский⁵.

Переход от мстительных обоснований терроризма к дезорганизаторским, произошел еще до появления «Народной воли». Громкие, смелые угрозы по отношению к власти, ряд удачных террористических акций и болезненная реакция

¹ Ивановская П.С. М.И. Кутитонская // Каторга и ссылка. 1927. № 6 (35). С.177-192; Мошкина З.В. Возмездие или продолжение борьбы? (сибирское дело М.И. Кутитонской). [Электронный ресурс]. URL: <http://penpolit.ru>.

² Листок «Народной воли». № 1. 1880. 1 июня. Передовая статья. Автор – Л. Тихомиров // Литература партии «Народная воля». М., 1930. С.70-72; Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С.111-112. «Народная воля» заявила, что Млодецкий обращался к партии за содействием, но, не дождавшись ее решения, самостоятельно осуществил акцию.

³ РГИА (СПб.). Ф. 1328. Оп. 2. Д. 81. Переписка о покушении на главного начальника охраны его императорского величества ген.-майора П.А. Черевина. 1881 г.; Зимин И.В. Генерал П.А. Черевин // Вопросы истории. 2010. № 6. С.134.

⁴ Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. С.79.

⁵ Листок «Земли и воли». №6. 14 июня 1879 // Революционная журналистика семидесятых годов... Ростов-н/Д., Б.г. [1907]. С.282-283.

царской администрации на революционное движение, посеяли неуверенность в политической элите страны. При минимальных боевых ресурсах и действиях, акции террористов вызывали огромный общественный резонанс. Народники опытным путем искали оптимальные способы террористического воздействия. Удачные покушения во многом объяснялись отсутствием каких-либо мер охраны и элементарной безопасности даже у самых высокопоставленных персон. Необходимость соблюдения таких мер сталкивалась с неповоротливостью административного аппарата, отсутствием навыков и техники персональной охраны, с предрассудками дворянского этикета. Силовым структурам приходилось, не ущемляя привычного образа жизни охраняемых особ, обеспечивать их безопасность, что было технически сложно. Поэтому ряд террористических акций был осуществлен фактически без подготовки, без значительных временных и финансовых затрат.

К таким можно отнести и третье покушение на императора. Примыкавший к землевольческой организации А.К. Соловьев, выявил перед столичными революционерами упорное желание¹ совершить покушение на Александра II. Совершенное при благоприятных условиях, – хороший стрелок Соловьев без помех с близкого расстояния четыре раза выстрелил в императора (02.04.1879)², – это покушение ещё раз продемонстрировало низкое качество кадрового состава новоявленных террористов. При всем многообразии версий неудачи покушения, все они сходятся на личности Соловьева³.

В ответ на указ от 5 апреля 1879 г. о введение шести временных военных генерал-губернаторств, позволявший использовать чрезвычайные меры в борьбе с

¹ В.Н. Засулич в своих воспоминаниях, опубликованных Г.С. Каном, отмечает, что «Соловьев, который вообще был хорошим товарищем и считался членом нашего кружка, вел себя в этом случае, как анархист-индивидуалист и не хотел считаться ни с кем и ни с чем». (Кан Г.С. Народная воля: идеология и лидеры. М., 1997. С.165).

² РГИА (СПб.). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 492. Дело о возбуждении следствия о покушении А.К. Соловьева на Александра II. 03.04.1879-08.03.1880 гг., 113 л.; Покушение А.К. Соловьева на царевубийство 2 апреля 1879 г. // Журнал «Былое». Пг., 1918. № 1. С.133-150; № 2. С.88-107; № 3. С.184-203; Кункль А.А. Покушение Соловьева. М., 1929.

³ Высказанная историком Ю.А. Пелевиным версия о нежелании Соловьева убивать императора, а лишь своей акцией стремящегося «привлечь внимание» к бесправному положению народа, критически уязвима, кроме того, она не вписывается в поступательность, логику развития народнического терроризма. См.: Пелевин Ю.А. Александр Дмитриевич Михайлов // Вопросы истории. 2011. № 6. С.56-58.

революционным движением, землевольцы объявляют войну царизму. Всем генерал-губернаторам выносится смертный приговор, что характеризует «официальный» переход от мстительно-оборонительного террора к наступательному. Однако это приводит лишь к стратегическим изменениям – для качественного скачка у партии не было ни средств, ни кадрового состава, ни времени. В основании террористической деятельности продолжала оставаться лишь инициативность и целеустремленность, – систематических механизмов боевой деятельности создано не было. В таких условиях успех акции в большой мере определялся случайными обстоятельствами или самообладанием революционера, что спрогнозировать было сложно. Вообще, уровень квалификации и подготовки, в том числе и психологической, террористов являлся одним из самых уязвимых мест народнического террора, что и было причиной провала большинства акций. Так, в последний момент отказалась от покушения Людвиг Гильберт, пришедшая на приём в дом временного генерал-губернатора Санкт-Петербурга И.В. Гурко и сдавшаяся охране (24.05.1879)¹. Из-за «человеческого фактора» не удалось взорвать поезд государя под Александровском (Екатеринославская губ.) (18.11.1879) и Москвой (19.11.1879). В первом случае, соединяя провода детонации, по всей видимости, техническую ошибку допустил А.И. Желябов², во втором – С.Г. Ширяев³, который соединил их не в нужный момент. Морально-психологическая слабость проявилось и в высоком относительном числе дававших откровенные показания следствию арестованных народников-террористов. Позже, полагаться на инициативу и изъявляемое желание рядовых революционеров стать террористом, народолюбцы перестанут, и будут стараться отдавать предпочтение только проверен-

¹ Гвоздев М.Г. «Красный террор» против Санкт-Петербургского временного военного генерал-губернатора И.В. Гурко // Вестник Саратовского гос. соц.-экон. ун-та. 2009. № 1. С.125-126.

² Ширяев С.Г. Автобиографическая записка // Красный архив. 1924. Т. 7. С.9; Фигнер В.Н. Там же. Т. 1. С.213. Историк С.С. Волк, ссылаясь на следственные показания И. Окладского, причину неудачи видит в «плохо изготовленных» запалах (Волк С.С. Народная воля. 1879-1882. М., Л., 1966. С.101), М.Д. Карпачев не исключает вероятности того, что «провода мог перерубить Окладский, ставший вскоре предателем и платным агентом охраны» (Карпачев М.Д. Очерки истории революционно-демократического движения в России (60-е – начало 80-х гг. XIX в.). Воронеж, 1985. С.208), а Г.С. Кан указывает на вероятность случайного повреждение проводов железнодорожным сторожем (Кан Г.С. Народная воля: идеология и лидеры. М., 1997. С.69).

³ Фигнер В.Н. Софья Перовская (1854-1881) // Былое. 1918. № 4-5. С.4-11; Пелевин Ю.А. Красный сундук в доме Сухорукого // История в подробностях. 2012. № 12. С.16-26.

ным кадрам. Критично можно оценить и конспиративные навыки первых террористов. Несмотря на все требования бдительности и осторожности, несмотря на прилагаемые усилия, большинство провалов будет не вследствие агентурной и оперативной работы полиции, а из-за конспиративной халатности и небрежного отношения к компрометирующим материалам¹.

Весной 1879 г. в Петербурге был основан Исполнительный комитет Русской социально-революционной партии, лидеры которого «единственно действенным средством борьбы с царизмом» определяют террор. В мае А.Д. Михайлов и А.А. Квятковский при содействии Н.А. Морозова, организовали подчиненную комитету группу «Свобода или смерть». О короткой истории этой группы «мало что известно, и ее полный состав не выяснен до сих пор. Нет ни одной исследовательской работы, ей посвященной»². По всей видимости, эта группа играла переходную роль, консолидируя сторонников террористической тактики, по крайней мере, она имела строго законспирированный устав³.

Понимая, что без существенных материальных средств качественного изменения в боевых действиях не добиться, радикальные лидеры «Земли и воли» прибегают к экстраординарным мерам в поисках оптимальных форм организации и финансов. Формируются уставные нормы, упорядочивающие и распределяющие функции внутри революционных организаций. Начинают разрабатываться планы по экспроприации государственных сбережений. При помощи подкупа из Херсонского казначейства выносятся более полутора миллионов руб. (02/03.06.1879)⁴, но только немногим более 15 тыс. революционеры смогут использовать, – остальную сумму полиция вернет государству. В июле 1879 г. следует ограбление почты на 9 тыс. руб. около г. Каменца (Подольская губ.)⁵. В де-

¹ Пелевин Ю.А. Конспиративная деятельность А.Д. Михайлова в «Земле и воле» и «Народной воле» // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1986. № 2. С.53-64.

² Пелевин Ю.А. Александр Дмитриевич Михайлов // Вопросы истории. 2011. № 6. С.59.

³ Волк С.С. Народная воля. С.84.

⁴ Юрковский Ф.Н. Подкуп под Херсонское казначейство в 1879 г. // Ист.-рев. сб. «Былое». Париж, 1908. № 7. С.50-76; Календарь русской революции издательства «Шиповник». Пг., Б.г. [1917]. С.24; Юрковский Ф.Н. Как я упразднил Херсонское казначейство // Юрковский Ф.Н. Булгаков. Роман, написанный в Шлиссельбурге. Воспоминания и письма. [М.-Л.], 1933.

⁵ Ушеревич С.С. Смертные казни в царской России. Харьков, 1933. С.469.

кабре 1880 г. из-за возможных арестов, незаконченным остался подкоп под Кишиневское казначейство¹. В дальнейшем, не имея возможности организовывать длительные и сложные планы ограблений банков, народники перейдут к практике тривиальных грабежей на большой дороге. 17-24 октября 1883 г. группа из четырех-шести народовольцев предприняла три попытки ограбить, перевозимые из Харькова, денежные почты. Ни одна попытка удачей не увенчалась, а в последнем случае погиб народоволец Я.Л. Бердичевский². Попытки осуществить грабежи почтовых карет предпринимались и позже, но сколько-нибудь удачных акций на этом поприще не известно.

Раскол «Земли и Воли», появление организации, открыто заявлявшей свои агрессивные бланкистские планы, стимулировал объединение всех экстремистских сил революционеров, однако для этого необходимо было время, инвентаризация сил и консолидация кадров, что осложнялось необходимостью партийного раздела с чернопредельцами. 26 августа 1879 г. «Народная воля» к приговорам генерал-губернаторов добавляет смертный приговор и императору Александру II. Для лидеров организации убийство императора превратилось в *idée fixe*. Неудачи предыдущих покушений подвигли народовольцев к использованию взрывных устройств, которые давали больший шанс на успех, а зависимость результата покушения от действий одного человека была значительно меньше.

И если убийство предателей и шпионов, жандармских офицеров и прокурорских работников относились к категории мстительно-оборонительного действия, а покушения на высших чиновников царской администрации демонстрировали переход террористической тактики к дезорганизаторскому воздействию на высших чиновников, то планируемое покушение на царя было обусловлено не только дезорганизаторскими задачами, но и регулятивными – приостановление террористических акций народовольцы связывали с прекращением политических репрессий и началом демократического реформирования государственного строя. Именно это было неоднократно заявлено в народовольческих прокламациях после

---

¹ Тун А. История революционного движения в России. С.206.

² Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за время, с 1 июля 1883 г. по 1 января 1884 г., по делам о государственных преступлениях. Б.м.г. С.17.

покушений на Александра II¹. Помимо этого, убийство царя было напрямую связано с перспективой и возможностью осуществить государственный переворот («инсurreкцию»). Однако, несмотря на прилагаемые усилия в организации боевых дружин из рабочих и военнослужащих, практической взаимосвязи между планами цареубийства, революционным переворотом (заговором) и захватом власти создано не было (См.: С.164-165).

Ограниченный в средствах и возможностях ИК «Народной воли», с долей недоверия, но решил продолжать пользоваться услугами случайных или инициативных лиц, желающих принять участие в терроре. Одновременно с этим партия разрабатывает сразу несколько перспективных, затратных, организационно сложных, но казавшихся реальными акций цареубийства. Несмотря на идейную связь с тираноборчеством, от прямого контакта террориста с императором и использования личного оружия, отказываются, предпочитая взрывные устройства как наиболее надежные средства уничтожения. Тем самым партия расстается с мученическим образом террориста, лично карающего своей рукой тирана и жертвующего своей жизнью ради народного счастья. Активно внедряемым и культивируемым становится образ всесильной, могущественной и неуловимой политической партии, вступившей в кровавую схватку с властью. Благодаря правильно организованной и обширной издательской работе, партии удается навязать такое представление о себе не только обществу, но и политической элите страны. Прилагая массу усилий, как физических, так и материальных, народовольцы готовят цареубийство. Из восьми подготовленных проектов, практически осуществлены будут только три: взрыв под Москвой багажа свитского поезда (19.11.1879), разрушительный и кровавый взрыв Зимнего дворца (05.02.1880), и первомартовская атака.

8 февраля 1881 г. студенческая нелегальная народовольческая организация, идет на явную провокацию с признаками эпатажно-террористического воздействия. По постановлению Центрального университетского кружка во время публичного торжественного заседания в столичном университете студент П.П. Подбель-

---

¹ См. прокламации Исполнительного комитета по поводу покушений 19 ноября 1879 г., 5 февраля 1880 г. и 1 марта 1881 г. (Революционное народничество 70-х годов XIX в. Т. II. 1876-1882 гг. М.; Л., 1965. № 56. С. 221-222; Там же. № 58. С. 223-224).

ский дал пощечину министру народного просвещения А.А. Сабурову. Одновременно с этой провокацией студент Л.М. Коган-Бернштейн произнес с хор революционную речь об университетском уставе и новых правилах для студентов¹. Студенческая акция была заранее спланирована ИК «Народной воли». Речь, написанная А.И. Желябовым, ранее была распечатана на гектографе и разбросана в зале. Помимо действующих лиц, в операции принимала участие группа студентов народовольческого кружка, сопротивление которых не позволило задержать Подбельского и Когана. Провокация привела к резкому обострению студенческих волнений, размежеванию и конфронтации в академической среде².

Аналогичные попытки при помощи провокации активизировать революционную деятельность и обострить студенческие протесты предпринимались и позже. Так, 22 ноября 1887 г. студент А. Синявский в публичной обстановке дал пощечину инспектору московских учебных заведений А.А. Брызгалову. В той ситуации провокация также увенчалась успехом, последовала «брызгаловская история» противостояния московских студентов учебной администрации³. Данные действия носили выраженный эксцитативный (возбуждающий) характер. Сама практика провокационных действий революционерами будет использоваться в дальнейшем неоднократно. Провокация использовалась в распространении ложных сведений киевским кружком «бунтарей» о поражениях русских войск и подложном царском манифесте с дарованием конституции⁴. Ее видно в Казанской демонстрации (06.12.1876), в Чигиринском заговоре (1877), в других силовых акциях народников⁵. Использование данного способа борьбы показывает насколько нереалистичной, необъективной была оценка текущего политического процесса народниками, уверенными, что такими акциями можно было вызвать обострение политического кризиса, активизировать борьбу.

---

¹ Календарь русской революции издательства «Шиповник». Пг., Б.г. [1917]. С.43.

² «Народная воля» и «Черный передел». С.378-380.

³ Ткаченко П.С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. М., 1958. С.37; Овченко Ю.Ф. Московская охранка... С.99-100.

⁴ Волк С.С. Народная воля. С.68.

⁵ Пелевин Ю.А. Первая протестная демонстрация в России // Вопросы истории. 2012. № 8. С.23-24; Он же. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С.130-150.

Кульминацией прилагаемых народовольцами организационных, кадровых и материальных усилий стало смертельное ранение императора Александра II в ходе террористического акта 1 марта 1881 г.¹. Несколько параллельно разрабатываемых планов покушения, завершились двумя последовательными взрывами на Екатерининском канале, в ходе которых императорская карета первоначально была остановлена, а затем взорван и сам император. Терракт удался благодаря импровизации С. Перовской, быстро сориентировавшейся по поводу предполагаемого маршрута, возвращающегося из Манежа императора и самопожертвованию террористов.

Однако ни предъявленный новому монарху ультиматум (Письмо Исполнительного комитета «Народной воли» Александру III. 10 марта 1881 г.), ни надежды на административную панику и массовые волнения, не оправдались. Для захвата власти у народовольцев, кроме абстрактных, теоретических конструкций и иллюзий, не оказалось ни сколько-нибудь реалистического плана, ни физических сил, ни инициативных действий. В дальнейшем, именно в отсутствие последних факторов и видели причину поражения народовольческого терроризма будущие неонародники. Поэтому в своей террористической стратегии, которую они пытались реализовать в ходе Первой российской революции 1905-1907 гг., неонародники отказались от захвата власти при помощи индивидуально-террористических акций, постарались разграничить центральный террор и массовое революционное движение, отделить боевиков от общей массы революционеров, максимально расширить границы местного «разлитого» террора, подчинить партийному контролю проявления аграрного и фабричного террора и пр.

Идейная конструкция всей террористической деятельности народовольцев с гибелью императора и отсутствием реакции народных масс рухнула, организационная система вследствие полицейских арестов развалилась, кадровые ресурсы народовольцев оказались исчерпаны. Оставшимся на свободе, несмотря на проникшую в руководство организации провокацию, по инерции удалось осуществ-

---

¹ Процесс 1 марта 1881. СПб., 1906. (речи подсудимых, прокурора, защитников, ход процесса и пр.); 1 марта 1881 года. По неизданным материалам. Пг., 1918.

вить несколько терактов, имевших мстительную основу – С.Н. Халтурин и Н.А. Желваков застрелили военного прокурора Одессы генерал-майора В.С. Стрельникова (18.11.1882)¹, народовольцы В.П. Конашевич и Н.П. Стародворский при помощи провокатора Дегаева убили инспектора тайной полиции Г.П. Судейкина (16.12.1883)², Мария Калюжная совершила покушение на начальника Одесского ГЖУ А.М. Катанского (08.08.1884)³. Мстительные основания имело покушение и на Забайкальского военного губернатора генерал-майора Л.И. Ильяшевича (16.09.1882). Санкционировав расправу с протестующими против ужесточения режима политкаторжанами Карийской каторги, он был выбран революционным сообществом основным объектом мести. Исполнение теракта было поручено вышедшей на поселение М.И. Кутитонской, которая, выстрелом из револьвера во время аудиенции, тяжело ранила губернатора. Осужденная к смертной казни террористка будет помилована и умрет в 1887 г. в Иркутской тюрьме, губернатор поправится и вернется к исполнению служебных обязанностей⁴. Осуществленные акции не представляли собой наступательных действий, но демонстрировали агонию народнического терроризма.

По всей видимости, реальных шансов осуществить покушение на императора Александра III народовольцы больше не имели. И даже почти доведенный до завершения теракт Террористической фракцией партии «Народная воля» 1 марта 1887 г., никаких боевых и заговорщических перспектив, кроме еще большего ужесточения репрессий, не сулил. О возможных планах убийства императора говорили многие народники (К.Р. Кочаровский, С.М. Гинзбург, И. Распутин и др.),

¹ От Исполнительного Комитета // Ист.-рев. сб. «Былое». Париж, 1908. № 11-12. С.27-28; Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за время, с 1 января по 1 мая 1882 г., по делам о государственных преступлениях. Б.м. и г. С.16,51; Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за время, с 1 мая по 1 сентября 1882 г., по делам о государственных преступлениях. Б.м. и г. С.44,54,60.

² Дегаевщина: (Материалы и документы). Б.п. // Ист.-рев. сб. «Былое». 1906. № 4. Апрель. С.18-38; Перегудов А.В. От осведомителя до провокатора один шаг: из истории борьбы жандармов и революционеров на рубеже 1870-1880 гг. // Воронеж народниковедческий: Сб. ст. / Под ред. Г.Н. Мокшина. Воронеж, 2012. С.27-46.

³ Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866-1895 гг. М., 1979. С.62-63.

⁴ Ивановская П.С. М.И. Кутитонская // Каторга и ссылка. 1927. № 6 (35). С.177-192.

но это были лишь намерения, без каких-либо организационных действий, за которые, однако следовали реальные аресты, сроки каторги и ссылки.

Основными объектами террористических покушений народников с 1866 по 1884 гг. стали провокаторы и предатели (14 акций), в результате чего были убиты 12 человек. Пять покушений состоялось на императора Александра II, 8 покушений на жандармских офицеров разного уровня, 4 – на градоначальников и генерал-губернаторов, 2 покушения на прокуроров, кроме того, было совершено 6 экспроприаций¹. Случайные жертвы насчитывают почти 100 человек убитых и раненых, большая часть которых (77 человек) жертвы взрыва Зимнего дворца (05.02.1880). Данная статистика дает основание считать общей направленностью народнического террора самозащиту и цареубийство. Вполне вероятно, что со временем могут выявиться не включенные в это число несколько местных акций и покушений, однако это существенно не повлияет на общие тенденции анализа и динамику террористических нападений отраженную на графике 1 (См.: Приложение. График 1. С.464).

Анализируя террористическую активность народников можно заключить, что организованный (систематический) терроризм достиг наибольшей интенсивности в первой половине 1879 г. когда совместились активность «южных бунтарей» и крайнего крыла землевольцев. После арестов на юге и создания «Народной воли», революционный терроризм, потеряв в количестве и качестве, значительно приобрел в политической ангажированности и целеустремленности. Противостояние народовольцев и царизма стало основной общественно-политической темой, равнодушное отношение к которой демонстрировала большая часть населения. Достижение тактического успеха народовольцев, – гибель в марте 1881 г. императора Александра II, не оправдало стратегических ожиданий партии.

Анализ развития первой террористической кампании позволяет сделать следующий вывод: терроризм способен вызвать и обострить кризис верхов, а на стадии нарастания общественного движения стимулировать рост радикализма в

¹ Тун А. История революционного движения в России. С.219-220; Квасов О.Н. Российский терроризм второй половины XIX века: народнический аспект // Воронеж народниковедческий: Сб. ст. / Под ред. Г.Н. Мокшина. Воронеж, 2012. С.27-46.

массах. Данный вывод согласуется с утверждениями С.С. Волка и Н.А. Троицкого о том, что «тактика индивидуального террора не могла пробудить массы, двинуть их на борьбу»¹, а «опыт "Народной воли" наглядно показал русским революционерам: террор, даже самый героический, поднять массы на восстание бессилён»². В данном случае необходимо учитывать, что радикализируя народные массы террористические эксцессы не обязательно «приведут их на баррикады». Накапливаемый общественный протест, примером теракта канализированный в агрессию, может иметь разнообразные формы, но очевидно более экстремистские и многочисленные по сравнению с предыдущим периодом.

Революционный экстремизм второй половины XIX в. имел обширное влияние. Терроризм активно проявился в армянском национально-освободительном движении, как в форме индивидуального терроризма, так и партизанско-диверсионной борьбе. В 80-е гг. XIX в. деятельность армянских фидаев будет осуществляться в Османской Турции, а с начала XX в. это движение затронет и российское государство³. Революционный терроризм начала XX в. во многом продукт переосмысления народовольческой борьбы. Опыт этой борьбы будет использован в организации структур и управления террористических групп периода Первой российской революции, в решении материально-технических вопросов этих подразделений, подготовке и обучении террористов. Тактико-стратегические идеи народовольцев вновь и опять же неудачно, попытаются реализовать революционные партии в начале XX в.

Потрясения революционного террора оказались настолько глубоки для светских слоев, что даже в несчастных происшествиях многим мерещились злонамеренные происки – устойчивые домыслы ходили вокруг крушения царского поезда 10 октября 1888 г. у станции Борки⁴, а скоротечная болезнь и смерть императора Александра III вызвали сомнения в ее естественности¹.

¹ Волк С.С. Народная воля. С.115.

² Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983. С.32.

³ Квасов О.Н. Националистические аспекты российского терроризма начала XX в. // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 6 (15). С.206-215.

⁴ Богданович А. Три последних самодержца. С.91-92,109,113,151; Изнар Н.Н. Записки инженера. Воспоминания // Вопросы истории. 2004. № 5. С.80-82; Таубе М.А. «Зарницы»: Восп. о тра-

Первая террористическая кампания была ярко выраженным политическим явлением, не имеющим сколько-нибудь массовой социальной поддержки. Политическая слабость народничества, проявившаяся в недостаточных организационных и кадровых ресурсах, не позволила продуктивно воспользоваться дезорганизаторскими успехами террористов в борьбе с властью. Попытки использовать терроризм для пропаганды политической активности масс столкнулись с патриархальным отторжением крестьянства и политической слабостью пролетариата, а заговорщическая тактика народовольцев оказалась фикцией. В целом, социально-политическая база террористической деятельности народников имела ограниченные возможности. Однако предпосылки этой деятельности были не устранены – системный государственный кризис еще более углубился, революционные идеи оказались жизнеспособны, а террористический опыт преемствен, что проявится уже в более масштабной деятельности начала XX в.

4.2. Тактические особенности второй террористической кампании

Вопросы тактического использования терроризма в деятельности отдельных партий начала XX в. уже неоднократно рассматривались в ряде крупных работ, а история большого числа местных партийных комитетов представлена в краеведческой литературе. Различные аспекты террористической деятельности эсеров отражены в исследованиях К.В. Гусева, А.Ф. Жукова, Д.Б. Павлова, М.И. Леонова, К.Н. Морозова, Р.А. Городницкого, М.И. Орышака. Экстремистская деятельность и дискуссии по вопросам революционной борьбы анархистов представлены в трудах С.Н. Канева, В.В. Комина, В.В. Кривенького, В.Д. Ермакова, А. и А. Дубови-

---

гической судьбе предреволюционной России (1900-1917). М., 2007. С.26-29. Терактом, произошедшую катастрофу, считали Н.В. Муравьев (министр юстиции в 1894-1905 гг.), военный министр В.А. Сухомлинов, вел. кн. Александр Михайлович. Стоит сказать, что железнодорожная трагедия под Борками была не исключительной и не самой трагичной. Так, 24 декабря 1875 г. под Одессой с ремонтируемой насыпи сошел поезд с новобранцами, в результате чего погибло около 140 человек («тилигульская катастрофа»), а 29-30 июня 1882 г. в крушении почтового поезда близ д. Кукуевка (ныне Тульская обл.) недалеко от ст. Бастыево Московско-Курской дороги погибло 42 человека и 35 было ранено («кукуевская катастрофа»).

¹ Алисов П.Ф. Ящик Пандоры или прелести самодержавия. London, 1896. С.11,14; Стариков Н.В. От декабристов до моджахедов. СПб., 2008. С.103.

ков, Д.И. Пейча. Боевая деятельность дружин РСДРП рассмотрена в многочисленных исследованиях 30-50-х гг., однако, по идеологическим причинам в этих исследованиях индивидуальному террору социал-демократов уделено минимум внимания. Стоит отметить, что кроме нескольких исследовательских работ¹, объективного или даже пристального изучения террористической деятельности большевистской и меньшевистской фракций на обширном фактическом и региональном материале еще не предпринималось. Особенностью и новизной авторского подхода в изучении террористической тактики начала XX в., является анализ не только партийных и региональных его особенностей, но и общероссийских тенденций и обстоятельств экстремизации политического процесса, что позволяет рассматривать революционный терроризм как целостный социально-политический феномен.

Терроризм в условиях современных партийных систем и обостренных общественных конфликтов является одной из наиболее активно практикуемых форм нелегитимного насилия. Такое предпочтение терроризм получил вследствие своих универсальных возможностей использования. Часто встречающаяся характеристика терроризма как «оружия слабых» представляется неточной хотя бы в силу того, что его эксплуатируют, в том числе и обладающие неограниченными ресурсами правительственные подразделения и структуры. Активное использование террористических акций антиправительственными организациями в большей мере связано со стремлением при минимуме затраченных ресурсов получить максимум политического влияния и общественного внимания. Действия, которые в состоянии привести к такой результативности, основываются на политическом насилии и болезненной общественной реакции. При широком разнообразии методов и средств воздействия, учитывая обстоятельства и организационные возможности, террор позволяет добиваться предполагаемого политического результата, несмотря на оказываемое противодействие.

---

¹ Степанов Ю.В. Проблема политического терроризма в марксизме: (ист.-фил. анализ): Дис... канд. ист. наук. М., 1996; Хлобустов О.М. Большевики и терроризм в России. Большевики и политический терроризм в России // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С.28-35; Гейфман А. Революционный террор в России. С.121-176; Социал-демократия и терроризм // Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. С.263-335.

Российский революционный терроризм начала XX в. появляется в форме актов центрального террора, осуществленных БО ПСР. Совершенные до 1905 г. четыре центральные покушения (на министров внутренних дел Д.С. Сипягина и В.К. Плеве, губернаторов Н.М. Богдановича и И.М. Оболенского) имели огромный общественный и политический резонанс. Необходимо учитывать, что эти акции не являлись исключительными или новыми явлениями политического процесса. На рубеже веков на территории империи, в первую очередь, на Кавказе и в Польше, активно практиковались акции националистического терроризма¹. Террористические акции БО ПСР попадают в благоприятную среду перманентного медленно развивающегося политического и социального насилия.

Исследователь деятельности Боевой организации Р.А. Городницкий констатирует: «Деятельность БО с первых же дней ее существования стала самой яркой отраслью работы ПСР, притягивающей, как магнит, наиболее активные и дееспособные силы партии. Именно террористическая практика принесла ПСР как общероссийскую, так и общемировую известность»². Боевые акции, их успешность и экстремизм, создали формирующейся партии эсеров не только общественную и революционную рекламу, но также и фактически решали вопросы партийного управления, идейной консолидации и членского единства, являясь образным и «конструктивным» решением известной проблемы 1-го параграфа Организационного Устава РСДРП, который расколол российскую социал-демократию.

Успешные акции оказали активизирующее влияние на рост массового протестного движения. Незыблемая машина самодержавной власти при нападении горстки революционеров демонстрировала не силу, непоколебимость и сокрушительный ответ, а деморализацию и страх. Вкупе с другими печальными симптомами кризиса империи, для многих это означало не только сбой управленческого

---

¹ Армянские гнчакисты тяжело ранят главноначальствующего на Кавказе князя Г.С. Голицына (14.10.1903), дашнаками убит елисаветпольский вице-губернатор Андреев (04.07.1904), боевиками ППС смертельно ранен ченстоховский полицмейстер (30.10.1904) и убит варшавский полицмейстер Ф. Нерлих (12.11.1904), бундовец Г.Д. Леккерт (Лекерт) совершает покушение на виленского губернатора генерала В. фон Валя (05.05.1902), финляндский генерал-губернатор Н.И. Бобриков убит студентом-националистом Е. Шуманом (03.06.1904). В 1904 г. террористическая активность националистов стремительно возрастает.

² Городницкий Р.А. Боевая организация... С.85.

аппарата, но и признаки нового революционного подъема. Так известный публицист В.П. Обнинский считал, что с убийством министра внутренних дел Д.С. Сипягина «открылась новая эра русской истории – революционная»¹, русский философ С. Франк начало Первой российской революции связывал также с убийством министра внутренних дел, только уже В.К. Плеве.

Чутко улавливая рост социальной агрессии, часть российского революционного партактива призывает к активизации экстремистских действий. В первую очередь, это наблюдается в прокламациях анархистов и эсеровской аграрной оппозиции. Так, в резолюции от 14 ноября 1904 г. группа «аграрных террористов» прямо указывала, что «считает крайне необходимым и неотложным в настоящий исторический момент организацию в деревнях боевых дружин в видах с одной стороны, возможно большего расширения и обострения экономической и политической борьбы крестьянских масс со своими непосредственными эксплуататорами, с другой внесением в эту борьбу возможно более ясного политического и социалистического сознания...»². Одной из основных задач дружин в деревне, указывалась «организация и осуществление на местах аграрного и политического террора в целях устрашения и дезорганизации всех непосредственных представителей и агентов современных господствующих классов»³.

По собственной инициативе для выполнения эпизодических акций, начинают формироваться боевые группы из рядовых членов революционных партий. Нижегородская социал-демократическая организация ликвидирует секретного сотрудника местного охранного отделения И. Пятницкого (сентябрь 1903)⁴. Эсерами организуются неудачные покушения на одесского градоначальника камергера

¹ Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992. С.40.

² ПСР: Док. и мат. Т. 1. 1900-1907 гг. М., 1996. С.161-162.

³ Там же.

⁴ Белозеров А.А. Убийство шпиона Пятницкого и начальника охранки Грешнера // 1905 г. в Сормове: Очерк Сормовского испарта. Н.-Новгород, 1926. С.129-142; Вихарев А.В. Секретная агентура ОО в системе политического сыска России в начале XX в.: проблема «сохранения» и методы прикрытия // Конференция «Ломоносов-2010». [Электронный ресурс]. URL: http://conf.msu.ru/archive/lomonosov_/2010/History.pdf.

Д.Б. Нейгардта (09.09.1904)¹ и екатеринославского полицмейстера Машицкого (23.12.1904)². В Смоленске бросают бомбу в дом отсутствующего губернатора (01.01.1905)³. Двое эсерствующих учащихся, вопреки воле Московского комитета ПСР, пытаются, но неудачно, застрелить московского обер-полицмейстера Д.Ф. Трепова (02.01.1905)⁴. Постепенно революционно-террористические покушения перестают быть исключительными событиями и для европейской части России. Генерал А.И. Спиридович, отмечая вышеназванные преступления и их взаимосвязь с будущими террористическими потрясениями, замечает: «В этих, совершавшихся по инициативе местных организаций, боевых выступлениях, сказалось начало массового террора...»⁵. На фоне отсутствия активной работы и движения революционных партий в массах, политические покушения, несмотря на свою малочисленность, имели большой агитационный эффект.

Трагедия 9 января 1905 г. круто изменила ход и без того набирающих обороты событий. После «Кровавого воскресенья» протестные действия стали стремительно приобретать политизированный характер. При всем при этом утверждать о том, что у эсеров, равно как и у какой-либо иной партии, в начале 1905 г. имелись планы цареубийства, оснований нет⁶. Израильский исследователь Л.Г. Прайсман сообщает о наличии таких планов у приставленного эсерами к священнику Г. Гапону боевика П. Рутенберга: «По некоторым сведениям Рутенберг был автором плана убийства Николая II, если тот будет говорить с рабочей демонст-

¹ Революционная Россия. № 55. 20 ноября 1904. С.16; Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.160; Политические процессы в России 1901-1917. Ч. 1. (1901-1905). Общая ред. Л.И. Гольдмана. М., 1932. С.104.

² Русское слово. 25 декабря (07 января) 1905; Спиридович А.И. Там же. С.159.

³ Русское слово. 17 (04) января 1905; Календарь русской революции издательства «Шиповник» / Под общ. ред. В.Л. Бурцева. 2-е изд. Пг., Б.г. С.12; Кипров И.А. Политический террор в провинции: штрихи к портретам видных террористов накануне и в период революции 1905-1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. Мат. конф. М., 1996. С.97-105.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. 1905. Д. 70. О покушении на жизнь генерал-майора Трепова; Письма Азефа: 1893-1917. М., 1994. С.265; Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. [Электронный ресурс]. URL:<http://ldn-knigi.lib.ru>.

⁵ Спиридович А.И. Там же. С.160.

⁶ М.И. Леонов констатирует, что «лишь на закате эсеровского террора начались разговоры о цареубийстве, причем до 1908 г. настолько неопределенные, что даже члены ЦК не верили в их серьезность» (См.: Леонов М.И. Партия эсеров: середина 90-х гг. XIX века – 1907 г. // Политические партии в российских революциях в начале XX в. М., 2005. С.410).

рацией» (имеется в виду демонстрация 9 января – О.К.)¹. Какие сведения имеются у Прайсмана для такого суждения он не уточняет, хотя и ссылается на воспоминания генерала А.В. Герасимова, в которых упоминания об этом в каком-либо виде отсутствуют. Не обнаружены следы заговора и в выстреле боевым зарядом 6 января 1905 г. из орудия конной гвардии «при производстве установленного салюта» на церемонии водосвятия². В результате выстрела картечные пули пролетели в непосредственной близости от присутствовавшего императора и ранили городского. Несмотря на устойчивые великосветские слухи о заговоре, проведенное расследование только «показало небрежность со стороны местного военного начальства, и дело было отнесено к случаю»³. В этот период предпринять реальные шаги по подготовке царубийства из всех революционных партий могли только эсеры, но БО ПСР было разделено еще в декабре 1904 г. на три региональных отряда и готовили самостоятельные покушения: московский отряд на вел. кн. Сергея Александровича, петербургский – на генерал-губернатора Д.Ф. Трепова⁴, киевский – на генерал-губернатора Н.В. Клейгельса⁵. Кроме того, применяемая ЦК ПСР ситуационная тактика использования террора себя вполне оправдывала, – убитого В.К. Плеве сменил «либеральный» П.Д. Святополк-Мирский, – и форсировать революционные события без наличия массового движения партийная верхушка не собиралась, что хорошо видно и в содержание статей центрального органа эсеров «Революционная Россия».

После январских событий империю начинают охватывать нарастающие протестные выступления. Губернские комитеты начинают формировать боевые группы, обязанностью которых становится охрана порядка во время митингов и

¹ Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. С.160.

² Случай во время крещенского парада в Петербурге // Русское слово. 20(07).01.1905.

³ Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1991. С.42; РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Т. 11. Д. 8684 и 8685. Дело о пушечном выстреле; РГВИА. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 810. О привлечении к ответственности виновников выстрелов картечью по Зимнему дворцу во время салюта. 08.01-08.06.1905 гг. 77 л.; Струмилло Б. Выстрел по Зимнему дворцу 6 января 1905 г. // Каторга и ссылка. 1935. № 1 (116). С.87-90; Прайсман Л.Г. Там же. С.97-98; Пазин М.С. «Кровавое воскресенье». За кулисами трагедии. М., 2009. С.101-118.

⁴ Н. Тютчев указывает, что петербургский отряд готовил покушение на вел. кн. Владимира, а не Трепова (См.: Тютчев Н. Заметки о воспоминаниях Б.В. Савинкова // Каторга и ссылка. 1924. № 5 (12). С.62).

⁵ Городницкий Р.А. Боевая организация... С.101.

защита партийных активистов во время их разгонов. Из этих же рядов в дальнейшем, будут выделяться боевики для совершения инициативных террористических акций и формироваться партийные террористические группы.

4 февраля 1905 г. в московском Кремле у Никольских ворот боевик БО ПСР Иван Каляев, брошенной бомбой, убивает вел. кн. Сергея Александровича. Гибель родного дяди, одного из лидеров консервативно-монархического лагеря потрясла императора и устои империи. Известный исследователь революционного терроризма О.В. Будницкий приводит достаточное количество свидетельств того, что именно эта смерть, заставила Николая II, увидевшего «приближение опасности для себя лично», повернуть правительственный курс и от репрессий перейти к уступкам и реформам¹. Кроме того, как отмечал эсер Н.С. Тютчев: «Не надо забывать, что в то время еще не бывало случаев одновременного совершения сразу нескольких террористических актов. С другой стороны, двойной или тройной, и притом почти одновременный удар в Петербурге, удары в Москве и в Киеве должны были оказать ошеломляющее влияние на правительство и общество»². ЦК ПСР продолжает придерживаться курса террористического давления на власть – практически завершается подготовка покушения на петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Трепова. Однако 16-17 марта следует «Мукден русской революции» – повальные аресты в Санкт-Петербурге членов БО ПСР, которые разрушают отработанный механизм центрального террора эсеров.

Отсутствие единства в рядах революционного лагеря, в том числе и по вопросу терроризма, позволяет говорить о наличии нескольких сложившихся тактико-стратегических позиций использования индивидуально-террористического насилия в Первой российской революции. Во-первых, это стихийная, традиционная практика социального экстремизма, представленная индивидуальными и групповыми преступлениями рабочих и крестьян (т.н. «фабричный и аграрный террор»); во-вторых, это активно в рамках политических программ потворствующие и практикующие разнообразный социально-политический экстремизм анархистские

¹ История терроризма в России... С.13.

² Тютчев Н. Заметки о воспоминаниях Б.В. Савинкова // Каторга и ссылка. 1924. № 5 (12). С.61.

и максималистские организации и группы («разлитой, кустарный, безмотивный терроризм»); в-третьих, это сторонники ситуационной тактики использования актов политического террора и, в первую очередь, ЦК ПСР; в-четвертых, сторонники перевода насилия, при помощи эскалации актов индивидуального экстремизма, в форму организованной партизанской деятельности. Такое деление на отдельные позиции носит условный характер, который однако позволяет более четко представить размах и противоречивость террористической борьбы развернувшейся в ходе революции. Кроме того, очевидно, что позиции не являлись стабильными как по персональному составу, так и по последовательности, происходили частые изменения и, в первую очередь, в связи с ходом политического процесса.

Таблица 2. Тактико-стратегическое использования индивидуально-террористического насилия в Первой российской революции.

диспозиция	террористические проявления	сторонники
социальный террор	формы традиционных протестов, «фабричный и аграрный террор»	акторы девиантного поведения
провоцирование социального экстремизма	«разлитой, кустарный, безмотивный террор»	анархистские и максималистские организации
ситуационная тактика	«центральный террор»	ПСР
перевод индивидуально-го насилия в массовые протестные акции	«партизанский террор»	РСДРП (б), ПСР

Обостряющаяся обстановка в стране порождала стремительный рост политической активности населения. Революционные организации начинают формировать разнообразного назначения боевые группы. Появляются милиция, отряды самообороны, боевые дружины, группы Красного креста и пр. Однако в первой половине 1905 г., несмотря на идущую инициативу снизу, стремление ряда революционных комитетов и рост насилия на окраинах империи к планомерной организации местного террора комитеты европейской части России не прибегали.

Применение вооруженной силы и политических репрессий приводило к еще большему накалу политического противостояния. Так же как и в XIX в., одним из наиболее употребляемых аргументов обоснования организации местного террора становится требование самозащиты от полицейских и жандармских преследований и месть за репрессии. Эти причины стимулировали появление террористических тенденций во многих провинциальных эсеровских и некоторых социал-демократических комитетах. В наиболее полно исследованном Центральном Черноземье, за 1901-1911 гг. в 58 местных терактах, сведения о которых отражены в революционной печати, 29 акций аргументированы мстью, в 22 – акцент делается на целях самообороны и в 7 обоснованиях покушений присутствуют агитационные (эксцитативные) побуждения¹. По Европейской России, за 1901-1914 гг. достаточно ясно удалось выяснить причины покушения только для 194 терактов. Из них: 97 актов обусловлены мстью, 50 – различными вопросами самообороны и в 47 преобладают эксцитативные причины.

Так, боевой дружиной вятских эсеров был застрелен «шпион» Иван Кухарев (21/22.03.1905). В прокламации вышедшей по этому поводу, причина теракта совмещалась с предупреждением: «... Он убит двумя выстрелами из револьвера у себя дома. Пусть знают жители Вятки, что так мы будем расправляться со всеми, кто вмешивается в нашу борьбу с самодержавием...»². Член нижегородской боевой дружины ПСР А.Л. Никифоров застрелил начальника местного охранного отделения ротмистра А.В. Грешнера (27/28.04.1905)³. Характерно, что собрание нижегородских земских служащих во время суда над Никифоровым постановило признать его поступок «политическим самоотвержением за свободу народа»⁴, не менее характерно то, что, несмотря на ходатайство Временного военного суда о замене высшей меры наказания в отношении Никифорова на 20-летнюю каторгу,

¹ Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье. С.37.

² Революционная Россия. № 66. 05 мая 1905; также см.: Памятная книжка социалиста-революционера. Париж, 1914. Вып. 2. С.8; Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.194-195.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. 1905. Д. 380. Об убийстве начальника Нижегородского ОО ротмистра А.В. Грешнера; Революционная Россия. № 67. 15 мая 1905. С.10; Спиридович А.И. Там же. С.194-195; Кузьмин Д. А.Л. Никифоров и дело Грешнера (По личным воспоминаниям) // Каторга и ссылка. 1928. № 4 (41). С.38-54; Политические процессы... С.130.

⁴ Белозеров А.А. Записки по рабочему движению Нижегородского края. Н. Новгород, 1926. С.63.

он будет 12 августа повешен¹. За жестокий разгон первомайской демонстрации двумя выстрелами был ранен уфимский губернатор И.Н. Соколовский (03.05.1905)². Террорист остался неизвестным, но после революции в книге бывшего присяжного поверенного А.А. Кийкова отмечалось, что покушение «приписывают социалисту-революционеру Якову Федорову»³. Стоит учитывать очень тесное сотрудничество уфимских эсеров и социал-демократов в организации боевых подразделений и выступлений, что в дальнейшем проявится в особом уровне террористического насилия на Урале и в высокой квалификации уральских боевиков. Обвиненный в личной жестокости при разгоне демонстрантов, погиб и начальник Ростовского отделения Владикавказского ЖПУ ж/д подполковник И.В. Иванов (07.08.1905)⁴. Покушение на него осуществили боевики местной дружины социал-демократов. В воспоминаниях одного из дружинников отмечалось значение акта: «... Террористические акты, как убийство жандармского полковника, насколько помню, Иванова и затем пристава Ростова⁵, вызывали революционный подъем у рабочих»⁶. 3 сентября в результате покушения получает ранение начальник Вятского ГЖУ полковник Александров⁷.

28 июня 1905 г. членом Московской боевой организации эсеров П.А. Куликовским был убит московский градоначальник граф П.П. Шувалова⁸. Как отмечал, один из руководителей московских эсеров, В. Зензинов, граф пострадал за

¹ Политические процессы... С.130.

² Пролетарий. № 2. 3 июня (21 мая) 1905. С.2; Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.195; Богданович А. Три последних самодержца. С.287.

³ Кийков А.А. Из былого Урала. Материалы к истории революционного движения на Южном Урале и в Приуралье. (1905-1916 гг.). Уфа, 1923. С.97,106.

⁴ Книга русской скорби. Т. 1. Изд. 3. СПб., 1911. С.61-67; Спиридович А.И. Там же. С.196; Зрелов А. Убийство жандармского полковника Иванова // 1905 в Ростове-на-Дону. Под ред. В. Толмачева и П. Баранчикова. Ростов н/Д., Краснодар, 1926. С.73-75.

⁵ Имеется в виду, пристав г. Ростов-на-Дону Слюсарев, убит 14.12.1905. См.: Спиридович А.И. Там же. С.218; 1905 в Ростове-на-Дону. Там же. С.177-178, 248.

⁶ Довженко К. Воспоминания дружинника // 1905 в Ростове-на-Дону. Там же. С.169. В воспоминаниях одного из начальников охраны П.П. Заварзина ошибочно указывается, что террористы действовали «по собственной инициативе». (См.: Заварзин П.П. Жандармы и революционеры // «Охранка». Т.2. М., 2004. С.56).

⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. 1905. Д. 1644. О покушении на жизнь начальника Вятского ГЖУ полковника Александрова.

⁸ Книга русской скорби. Т. 2. СПб., 1908. С.279-287; Спиридович А.И. Там же. С.195; Политические процессы... С.132;

предыдущую свою деятельность: «...перед партией как раз в это время встал вопрос о покушении на графа Шувалова, который считался одной из опор реакции и прославился своей жестокостью, когда был градоначальником Одессы»¹. Тенденции нарастания террористических проявлений в 1905 г. отражены в графике 3 (См.: Приложение. График 3. С.465).

В этот период, анархистские группы, в первую очередь безмотивники и анархисты-коммунисты, активно стремились спровоцировать и организовать «кустарный» или «разлитой» террор, который в их представлении являлся самостоятельной инициативой угнетенных слоев населения против представителей буржуазии и власти². Так, в резолюции Лондонского съезда анархистов-коммунистов (декабрь, 1904) о выборе объектов покушений было сказано: «... мы считаем наличность государственного гнета и экономического порабощения достаточным основанием, не нуждающимся ни в каких оправданиях, для восстания и прямого нападения, как массового, так и личного, на угнетателей и эксплуататоров. По отношению к личным актам мы прибавляем, что они не могут быть результатом постановлений организации, а потому вопрос о том, следует ли прибегать в каждом данном случае к тем или другим террористическим актам, может быть решаем только местными людьми в зависимости от местных и наличных в данный момент условий»³.

На возрастающей волне политического и социального насилия такие лозунги находили достаточно много сочувствующих, одновременно обостряя криминальную ситуацию в стране и увеличивая сторонников анархистской идеологии. Резко вырастает число криминальных нападений на сотрудников правоохранительных органов и администраций предприятий, причиной которых становятся хулиганские побуждения, бытовая или производственная неприязнь – «придирчивость» начальства, страх перед увольнением, «отвращение к жирной физиономии

¹ Зензинов В.М. Пережитое. Н.-Й., 1953. [Электронный ресурс]. URL:<http://ldn-knigi.lib.ru>.

² Эти понятия получили широкое применение, прежде всего в группах и литературе анархистов-коммунистов. См.: Анархисты. Документы и материалы. Т. 1. 1883-1916 гг. М., 1998. С.110,126,135,150).

³ Хлеб и Воля. [Женева]. № 14. Январь. 1905 // Анархисты. Там же. С.68.

городового»¹. Хулиганские выходки по отношению к представителям власти и имперским символам с лета 1905 г. начинают часто встречаться в криминальной хронике.

С середины 1905 г. все крупные губернские и областные комитеты приступили к планомерному формированию боевых групп. Эсеровские дружины ориентируются на индивидуальные и групповые столкновения. Для них актуальной становится координация террористических планов между комитетами. Для социал-демократических групп основным направлением становится формирование многочисленных подразделений, приобретение навыков уличных столкновений, баррикадных боев и применение ручных кустарных бомб, партия ориентируется на групповые боевые столкновения. Упоминание о боевых социал-демократических дружинах в 100, 200 и более боевиков, в этот период не редкость. Так, к декабрю 1905 г. на Урале были созданы боевые дружины в 25 городах и поселках. «В Екатеринбурге насчитывалось около 200 человек, из них 70 – при комитете РСДРП, остальные – вооруженные дружинники эсеров и анархистов. Крупные группы были также в Уфе – 350 человек, в Златоусте – 150, в Мотовилихе – 300, в Челябинске, Воткинске – по 100. Общее количество дружинников на Урале в конце 1905 г., по подсчетам Н.А. Волостникова, составляло около 2 тыс. человек»².

Все партии озабочены приобретением оружия, для чего даже заключают межпартийные технические соглашения (Москва). Сложно определить общее количество боевых подразделений и их личный состав. С.В. Тютюкин, объединяя все партийные подразделения в общее понятие «вооруженные дружины» указывает о наличии в этот период таковых, более чем в 300 городах России³. Револю-

¹ Так объяснил свое покушение на городского сормовский рабочий (02.05.1905). (См.: Илларионов В.Т. Исторические этюды // Материалы по истории рабочего движения. Н. Новгород, 1920. Т. 1. С.46).

² Сидоренко Н.С. Политический экстремизм на Урале в начале XX в. // Исторический вестник. М., 2012. Т. 2 (149). С.69. Также см.: Сенчакова Л.Т. Боевая рать революции: Очерк о боевых организациях РСДРП и рабочих дружинах 1905-1907 гг. М., 1975. С.192; Волостников Н.А. Боевая деятельность большевистских организаций Урала в 1905-1907 гг. // Боевая и военная деятельность большевистских организаций Урала (1905-1920). Свердловск, 1983. С.26.

³ Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2004. С.352.

ционные прокламации и газеты призывают к вооруженной борьбе как для «защиты восставших от внутренних врагов, так и нападения на этого врага при всяком удобном случае»¹. С этой целью начинают формироваться действующие на обширной территории подвижные (летучие) террористические группы, которые осуществляют как центральный, так и местный дезорганизаторский террор против власти. Помимо БО ПСР, подчиненного ЦК партии, и летучих боевых отрядов областного управления эсеров, отдельные боевые подразделения появляются в Красноярской, Уфимской, Нижегородской и Московской партийных организациях. В рамках этих региональных усилий, Летучий боевой отряд ПСР Поволжской области проводит покушение на самарского помощника пристава (30.07.1905)². Саратовская боевая дружина эсеров в июле и октябре пытается организовать покушения на губернатора П.А. Столыпина. В автобиографической литературе указывается пять таких неудачных попыток³, хотя известность получили только две⁴. Анализируя эти усилия местных комитетов и данные террористических проявлений за 1905 г. (См.: Приложение. График 3. С.465), трудно согласиться с мнением И.М. Пушкаревой, что «... террор был в основном делом Боевой организации эсеров и к моменту высшего подъема революции был сведен до минимума в связи с позицией «двойного агента» – руководителя этой организации и одновременно агента охранки Е.Ф. Азефа (после манифеста 17 октября 1905 г. БО ПСР официально была распущена). При этом террористические акты в период высшего подъема революции обычно совершались лишь революционерами-одиночками, даже не связанными с эсерами»⁵.

¹ Революционная Россия. № 69. Июнь. 1905. С.7.

² Памятная книжка социалиста-революционера. С.9; Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.195; Кузнецов В.Н. Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX века // Вопросы истории. 2010. № 12. С.24.

³ Антонов-Саратовский В.П. Красный год: Отрывки по памяти и документам о событиях 1905 года в Саратове и Саратовской губ. Ч. 1. М., Л., 1927. С.173-174.

⁴ Револьверные выстрелы в карету Столыпина (22.07.1905) (См.: Головков Г.З. Бунт по-русски: палачи и жертвы: Рандеву с революцией 1905-1907 гг. М., 2005. С.488) и покушение при помощи взрывного устройства в октябре 1905 г. (См.: Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Н.-Й., 1953. С.149).

⁵ Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2004. С.287.

Самодельные взрывные устройства перестают быть атрибутом отдельного террориста¹. Как следствие учащаются нападения с применением бомб. Консолидированные действия забастовочного движения и леворадикальных партий усугубляются боевыми акциями. Газетные сообщения в октябре 1905 г. сухо сообщали: «Нижний Новгород, 9, X. Ночью на главной улице в полицейский разъезд брошена бомба. Есть тяжело раненые. Преступник скрылся. Взрыв был оглушительный»², «Петербург, 17, X. Сегодня в 10 часов вечера у технологического института в разъезд казаков брошена бомба. При взрыве пострадало несколько казаков, получивших тяжелые раны»³, «20 октября 1905 г. в светлое время суток в Саратове на театральной площади членами боевой дружины местного комитета РСДРП была брошена бомба в казаков, но обошлось без жертв»⁴.

Парадоксальная ситуация сложилась сразу после выхода манифеста 17 октября 1905 г. Центральный комитет ПСР, последовательный сторонник ситуационной стратегии, принимает решение о прекращении центрального террора и роспуске Боевой организации. Лидеры партии М.Р. Гоц, В.М. Чернов, глава БО ПСР Е.Ф. Азев считали задачу террористического подразделения исчерпанной. Такое решение ЦК можно объяснить эйфорией успеха, надеждами на «конституционные» процедуры, уверенностью в «ненужности» теперь индивидуального террора и перспективами массового движения. «Вместо БО был учрежден военно-боевой комитет, который главной своей целью должен был поставить подготовку возможного общего вооруженного восстания с участием военных сил»⁵. То, чего не смогли добиться народовольцы, завоевали при помощи комбинированных методов борьбы и массового движения их революционные последователи! Однако, именно после этого судьбоносного «революционного завоевания политических прав и свобод», прецеденты «немотивированного» социального насилия и эскалация революционного экстремизма резко возрастают. Нападения молодежных и

¹ Как заметил В.И. Ленин: «...Бомба перестала быть оружием одиночки-бомбиста» (Пролетарий. № 18. 26 (13) сентября 1905) // Ленин В.И. ПСС. Т. 11. М., 1972. С.269).

² Русское слово. 10 (23) октября 1905.

³ Русское слово. 18 (31) октября 1905.

⁴ Саар Г. Январская забастовка в Саратове // 1905 год в Саратовской губ. Саратов, 1925. Вып. 1. С.17.

⁵ Городницкий Р.А. Боевая организация... С.104.

рабочих «сходбищ» на отдельных городских и чиновников правоохранительной системы становятся заурядным явлением. Октябрьские события по всей стране породили массу противоречивых событий: публичные ультрареволюционные речи и призывы, глумливые выходки не только над царскими символами, но и над национальными, жестокие столкновения политических противников, частое самоустранение или безволие власти. Более того, появляющиеся революционные Советы часто демонстрировали «коллективный» экстремизм, принимая решения о «ликвидациях» неугодных местных администраторов и политических противников. Объяснить такой всплеск политических эмоций можно несколькими причинами. Во-первых, низким уровнем гражданской и правовой культуры населения, во-вторых, ужасной запоздалостью реформ и катастрофической запущенностью политического кризиса, вследствие чего протестная энергия, накопившаяся у определенных слоев населения, октябрьским манифестом была выплеснута наружу. В-третьих, можно согласиться и с утверждением, что «революционные партии, расценив эту уступку как признак слабости правительства, с еще большим упорством принялись штурмовать существующий государственный порядок»¹.

Несмотря на частичный запрет террора ЦК ПСР, эсеровские местные комитеты решают его продолжать в отношении рьяных усмирителей революционного движения, анархисты и максималистские организации ни о каком запрете и не помышляют, социал-демократические комитеты начинают активно вооружаться, стремясь «углубить революционный процесс» и подготовить дружины к боевым действиям. Так, 18 ноября член саратовской боевой дружины К.Д. Бакшанов бросает взрывное устройство под ноги вице-губернатору И.Г. Кноллю. По неизвестным причинам бомба не взорвалась, а террорист был арестован². Членами расформированной БО ПСР А. Биценко и Б. Вноровским в Саратове организуется убийство командированного по Высочайшему повелению для усмирения беспо-

---

¹ Патрикеева О.А. Газета «Новое время» о проблеме революционного террора в России (1905-1907 гг.) // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 3. С.17.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. 1905. Д. 2251. О покушении на жизнь бывшего саратовского вице-губернатора Г. Кнолля, произведенном мещанином К.Д. Бакшановым; Антонов-Саратовский В.П. Красный год: Отрывки по памяти и документам о событиях 1905 года в Саратове и Саратовской губ. Ч. 1. М., Л., 1927. С.173-174.

рядков генерал-лейтенанта В.В. Сахарова (22.11.1905)¹. Убийство бывшего военного министра и председателя Военного совета вызвало большой резонанс в политической элите, что фиксируется по многочисленным дневниковым записям и воспоминаниям современников². В газетах сообщалось: «Известие об убийстве генерала Сахарова первым получил граф Витте перед заседанием Государственного Совета. Оно произвело настолько удручающее впечатление на сановников, что большинство из них отказалось участвовать в заседании и покинуло совет»³. Ту же реакцию отмечали и спустя десять лет: «Покушение на Сахарова оказалось удачным и произвело значительное волнение в правящих кругах»⁴. Активную деятельность разворачивает Летучий боевой отряд Поволжской области ПСР⁵, которая даже на всероссийском фоне выглядит выдающейся, чему во многом способствовала слабая агентурная работа местной охраны⁶. Кроме вышеназванных покушений, Летучим отрядом Поволжской области и местными боевыми дружинами были совершены теракты: 15 и 28 декабря на начальника самарского гарнизона генерала Сергеева⁷, 20 декабря на уфимского вице-губернатора А.И. Келеповского, 26 декабря на начальника нижегородского сыскного отделения⁸.

Послеоктябрьские события, продолжающееся углубление кризиса, большое количество столкновений и погромных акций способствовали активному росту вооруженных групп. Деморализация власти приводила в некоторых местах к потере полного контроля и появлению альтернативных органов управления (т.н. революционные «республики», Советы депутатов). 2 декабря революционные пар-

¹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 5. 5 отд. Т. 2. Св. 19. Д. 598/2. О неизвестного звания женщине. Убийство ген.-адъютанта Сахарова. 30.01.1906. 13 л.; Книга русской скорби. Т. 1. Изд. 3. СПб., 1911. С.145-148; Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.218.

² Дневники императора Николая II. М., 1991. С.289; Богданович А. Три последних самодержца. С.363; Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. Т. 1. М., 1999. С.481 и др.

³ Русское слово. 25 ноября (08 декабря) 1905.

⁴ Антонов-Саратовский В.П. Там же.

⁵ Кузнецов В.Н. Там же. С.24-38.

⁶ Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов: Воспоминания // «Охранка». Т. 1. М., 2004. С.147.

⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. 1905. Д. 2379. О покушении на жизнь командира 3 запасной Артиллерийской бригады ген.-майора Сергеева; РГИА (СПб.). Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1086. Л.1-40; Памятная книжка социалиста-революционера. С.10; Спиридович А.И. Там же. С.218.

⁸ Памятная книжка социалиста-революционера. Там же; Спиридович А.И. Там же. С.218.

тии призвали население не платить налоги и забирать вклады из госбанка «золотой монетой». Если Петербургскому ОО удалось с помощью повальных арестов местных комитетов эсеров (08-09.12.1905) и социал-демократов (12-13.12.1905) предотвратить угрозу восстания, то это абсолютно оказалось не под силу московским правоохранительным органам и жандармерии. При этом тактико-стратегическая составляющая подготовки восстаний была везде одинаковой: деморализация и разоружение полиции, вооружение и согласование межпартийных действий всех боевых групп, осуществление диверсионных и террористических акций, стремительно переходящих в террористическую городскую войну («герилья»). Особо активное участие в Московском восстании приняли члены социал-демократических и максималистских дружин. Если авантюризм и революционная агрессия последних были очевидны изначально по их программным положениям, то появившуюся призывную террористическую риторику до сих пор ортодоксальных социал-демократов (декабрьские инструкции МК РСДРП, В.И. Ленин «Задачи отрядов революционной армии») можно объяснить утверждением, что в условиях массовых боевых действий террористические акции перестают быть орудием одиночек и становятся одним из видов военных операций. В.И. Ленин прямо указывал: «Только в прямой, непосредственной связи с массовым движением могут и должны принести пользу и индивидуальные террористические действия»¹. Именно в виде партизанских и диверсионных действий, терроризм призвал использовать лидер большевиков, полагая, что и количественно, и качественно эта деятельность тогда перестает быть уделом «мелкобуржуазного авантюризма».

Нападения на городских и представителей органов правопорядка охватывают всю Москву. Джунковский в воспоминаниях отмечал: «Между тем случаи убийств одиночных солдат и городских все увеличивались, в этот день (13.12.1905 – О.К.) в разных частях города было убито до 20 городских. ... Число убитых городских возрастало, в одной Сретенской части было убито 17 городо-

---

¹ Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 49. М., 1970. С.312-313.

вых»¹. Выработанные в Боевой организации при большевистском Московском комитете РСДРП «Советы восставшим рабочим» и опубликованные 11 декабря в «Известиях Московского совета», призывают к настоящей правильно организованной партизанской войне в городских условиях. Аналогичным образом, где более кроваво и агрессивно, где более спонтанно, развивались события в вооруженных восстаниях в Харькове, Александровске, Люботине, Горловке, Ростове-на-Дону, Красноярске. Причем руководство вооруженными восстаниями сразу или очень быстро переходило в руки «экстремистов», т.е. сторонников наиболее непримиримых и агрессивных действий, а партийные или комитетские руководители («массовики») уходили на второй план². В дальнейшем, анализируя причины поражений, первые («экстремисты») обвиняли партийное руководство в том, что были оставлены без оружия, плана и партийного руководства, а вторые («организаторы») указывали на радикальный авантюризм боевиков, ничем не обоснованный и самоубийственный. Характерным является и упрек В.И. Ленина: «... в декабре 1905 г., когда дело наконец дошло до массового движения, до восстания, – когда нужно было помочь массе применить насилие, – тогда-то как раз "террористы" и отсутствовали. В этом ошибка террористов»³.

Прокатившиеся по стране в декабре 1905 – январе 1906 гг. карательные действия властей и армии привели к поражению революционных боевых дружин, упадку энтузиазма боевиков и развалу подразделений. Неприспособленные к боевым столкновениям с армейскими частями дружины чаще всего оказывались либо бездейственными, либо быстро разгромленными. Ни вооружения, ни тактической подготовки, ни перспективной цели действий такие подразделения не имели. Как констатировал один из организаторов в 1905-1906 гг. Южного Военно-Технического Бюро социал-демократ Н.М. Ростов: «В боевом и военнотехническом отношении революционная среда оказалась совершенно неорганизо-

¹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. [Электронный ресурс]. URL:<http://ldn-knigi.lib.ru>

² Бакаев А.А. Историография российского революционного терроризма конца XIX – начала XX веков. Дисс. ... д-ра исторических наук. М., 2005. С.165.

³ Ленин. В.И. Там же.

ванной, безоружной»¹. Потеря конспиративности из-за сравнительно большого личного состава и публичных действий, лишили боевые дружины преимуществ диверсионной и террористической деятельности, при этом стать полноценными боевыми формированиями восставшего народа они не смогли. После подавления восстаний революционные партии принимают решение о роспуске прежних дружин и формировании новых подразделений с конкретными функциями и назначением.

Решением I съезда ПСР (29.12.1905-04.01.1906) воссоздается Боевая организация и возобновляется террористическая деятельность². Горечь поражений и мстительные желания активизируют террористические эксцессы анархистов. Осмысление причин неудач углубляет раскол в российской социал-демократии. Большевики видят причины в авантюристических темпах революции, незрелых партийных и социальных кадрах, увлечении радикализмом в ущерб массовой агитационной работе. Большевики склонны винить мелкую и среднюю буржуазию в предательстве, отмечают тактические просчеты руководства восстаний и боевую слабость революционных дружин. Разногласия становятся поводом для многочисленных конфликтов, в которых столкнулись экстремистские взгляды боевиков и «соглашательские» позиции меньшевистских комитетов. Так в резолюции, выработанной Московским Военно-Техническим Районным Бюро (27.03.1906) значилось: «... За последнее время во многих организациях партии возникли конфликты между центрами боевыми и общими (Москва, Кострома, Казань и др.). Объясняются они, на наш взгляд, не случайными причинами и не личным составом центров, а неоформленностью компетенций боевых и военных центров, стремлением боевых организаций объединить работу в целой области и отсутствием формальной возможности это сделать. В нашей резолюции мы предлагаем оформить это отношение боевых организаций к общим центрам и возложить обязанность на Ц.К. образовать Военно-Техническое Центральное Бюро», на которое и предлагалось возложить военно-боевые обязанности³. Таким образом, больше-

---

¹ Ростов Н.М. Южное Военно-техническое бюро при ЦК РСДРП // Каторга и ссылка. 1926. № 1 (22). С.93.

² Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1906. С.314.

³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906. Оп. 236 (II). Д. 280. Л.10.

вистские комитеты переходят к созданию партийных боевых центров и боевых групп партизанского назначения, эсеры начинают планомерную работу по организации боевых подразделений различной функциональности, анархисты максимально потворствуют «разлитому» экстремизму, провоцируют фабричный террор. Все партии осознают необходимость упорядочить взаимоотношения боевиков и комитетов, начинают создавать уставные положения боевых групп. Данные тенденции чутко уловили в ДП и в феврале 1906 г., не конкретизируя партийной принадлежности, предупредили всех начальников ГЖУ о намерениях «революционных элементов» поднять вооруженное восстание¹.

На созыв Первой Государственной думы (27.04.1906) I Совет ПСР (25-27.04.1906) отвечает формальным запретом партийного терроризма: «В связи с открытием Государственной думы, впредь до большего выяснения для масс населения политического положения и тактики правительства, временно приостановить террористическую деятельность, не прекращая, однако, ни на минуту общей боевой подготовки. ЦК предоставляется определить момент возобновления террористической борьбы»². Приняв постановление, ЦК позабыл известить о запрещении Боевую организацию, а областным комитетам разрешил закончить подготавливаемые ранее теракты. В европейской России за короткий период работы Думы происходит 25 террористических покушений, в том числе: смертельное ранение начальника саратовской губернской тюрьмы Шаталова эсером М.А. Скудельным (13.05.1906)³, убийство в Петергофе эсером Я.Б. Филькенштейном (Виктор Васильев) ген.-майора С.В. Козлова (01.07.1906)⁴, ранение командира лейб-гвардии саперного полка графа Н. Тотлебена (06.07.1906)⁵. Продолжающие-

¹ Чудакова М.С. Противостояние. С.44.

² ПСР. Док. и мат. Там же. С.194.

³ РГИА (СПб.). Ф. 1328. Оп. 2. Д. 15. Л.40,56-57; Труд. Орган Петербургского комитета и Совета Рабочего союза. № 17. Октябрь 1907; Памятная книжка социалиста-революционера. С.12; Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.227.

⁴ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Т. 11. Д. 9666. Об именуемом себя кр-не Виктором Васильевым, обвиняемом в принадлежности к революционному обществу и покушении на убийство генерал-майора Козлова. 1910 г., 136 л.; Книга русской скорби. Т. 1. Изд. 3. СПб., 1911. С.187-192; Памятная книжка революционера. С.12,21; Спиридович А.И. Там же. С.269.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. 1906. Д. 641. О покушении на жизнь капитана лейб-гвардии саперного полка флигель-адъютанта графа Тотлебена; Богданович А. Там же. С.393.

ся во время заседаний Государственной думы теракты и нежелание депутатов от буржуазно-либеральных партий публично осудить революционное насилие, становятся важным упреком правительства в нежелание совместной деятельности¹. Значительная часть революционных лидеров уверена в общественном авторитете Думы и рассчитывает на массовые выступления после её разгона. Такую же иллюзию питают либеральные лидеры. Более того, роспуск Государственной думы (08.07.1906) и летняя волна крестьянских погромов, подвигли эсеров склониться на точку зрения «аграрных террористов» и преступить к организации боевых дружин при уездных комитетах и крестьянских братствах, что те предлагали сделать еще в декабре 1904 г. Недавняя настороженная позиция по отношению к крестьянским разгромам, сменяется рекомендацией перейти к планомерности и систематичности проявлений «аграрного террора» и крестьянского политического экстремизма. В «резолуции III съезда активных работников центральных губерний с участием представителей Московской, Владимирской, Костромской, Калужской, Тульской, Орловской и Рязанской организаций было указано, что съезд признает целесообразным и допустимым уничтожение помещичьего хозяйства и имущества»². IV съезд эсеров Поволжской области (июль 1906) также «признал единственно правильным максимально широкое развитие "партизанских выступлений" и объединение в ходе их крестьянских масс. 12 июля, наряду с вышедшим Выборгским воззванием, появляется манифест депутатов левых фракций Думы «Ко всему крестьянству», в котором фактически звучит призыв к восстанию»³. В июле-августе ЦК ПСР предлагает эсеровским комитетам приступить к началу крестьянского вооруженного восстания. Начинается терроризирование представителей сельской администрации, правопорядка, консервативных односельчан.

Начиная с октябрьских событий 1905 г., количество убийств и покушений на нижний состав правоохранительных органов находилось примерно на одном высоком уровне. В партийной печати 1906 г. все чаще стали появляться сообще-

¹ Портнягина Н.А. I Государственная дума в борьбе за власть: оценка революционного террора // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 3. С.140-150.

² Леванов Б.В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в годы первой российской революции. Л., 1974. С.108.

³ Леонов М.И. ПСР в 1905-1907 гг. М., 1997. С.329,316-317.

ния о терактах над стражниками и городовыми. Упомянутыми в печати или получившими партийный и общественный резонанс стали следующие теракты: ранение в Казани Летучим отрядом Поволжской области ПСР околоточного надзирателя Толмачева (06.05.1906)¹, в Рославле (Смоленская губ.) смертельное ранение полицейского надзирателя И. Клитина (21.10.1906)², ранение в Петербурге двумя скрывшимися боевиками-эсерами околоточного надзирателя Денисенко (03.11.1906)³. Однако, бóльшая часть покушений на младший полицейский состав совершалась в уездной провинциальной периферии и в газеты не попадала. Депутат Первой Государственной думы профессор В.Д. Кузьмин-Караваев говорил: «Можно ли без содрогания читать об убийствах городских, низших агентов полицейской власти? Ведь эти городовые, чем они повинны? Ведь они повинны только тем, что у них тоже есть семья, что они также голодны, что они также хотят есть»⁴. Но, несмотря на кажущуюся нелепость этих смертей, действенность такой тактики стала сказываться уже в конце 1905 г. Так, в мае 1906 г., отмечая террористическую агрессию против служащих правоохранительной системы, костромской губернатор констатировал факт почти повсеместного отказа от службы нижних чинов городских полицейских команд и уездной полицейской стражи. И если в 1904 г. в Костромской губернии оставили службу 14 городовых, то в 1905 – уже 31, а только за пять месяцев 1906 уже 26 человек⁵. Террористические акции против представителей силовых структур заканчивались массовыми добровольными увольнениями полицейских «по болезни», снижением качества их работы, а подчас и саботированием ее (Польша, Прибалтика). Так, характеризуя деятельность анархистов в 1905-1906 гг., не питавший к ним особой симпатии, А.Д. Киржниц отмечал: «Своими многочисленными и смелыми террористическими актами они в ряде городов Западного края одно время почти совершенно дезоргани-

¹ Памятная книжка социалиста-революционера. С.11; Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.277.

² Кипров И.А. Там же. С.100.

³ РГИА (СПб.). Ф. 1328. Оп. 2. Д. 41. Л.29; Памятная книжка социалиста-революционера. С.13; Спиридович А.И. Там же. С.275.

⁴ Цит. по: Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Вып. 2. Томск, 1908. С.35.

⁵ Чудакова М.С. Противостояние. С.258.

зовали полицейский аппарат. Они навели такую панику на больших и малых сатрапов, что одно время среди полицейских чинов Белостока, Одессы, Варшавы и некоторых других городов началось массовое бегство со службы»¹.

В рамках анархистской политической доктрины такая «вульгаризация» террористического насилия являлась вполне закономерным следствием революционного бунта и всемерно поощрялась. В отличие от анархистов, эсеры понимали существенную разницу между партийным терроризмом и проявлением «революционного хулиганства», опасались пагубных последствий их взаимовлияния, потери управляемости как над террористическими действиями, так и над боевыми подразделениями, и предпринимали попытки всеми возможными способами пресечь намечающиеся тенденции развала организационно-партийной дисциплины в боевых дружинах. В первую очередь это касалось «революционных грабежей». I Совет партии (25-27.04.1906) запрещает экспроприации частного имущества, а покушения на казенные суммы позволяет делать только с разрешения губернских комитетов. Это положение подтвердит и II Совет партии (октябрь, 1906). Запрещение экспроприаций частного имущества постановил и IV (Объединительный) съезд РСДРП (10-25.04.1906, Стокгольм), ограничив возможность конфискации казенного имущества только по указанию местных «органов революционной власти»². Жесткий контроль за экспроприациями и усиление дисциплины во всех партиях обернулись уходом из дружин части боевиков. «Откол от партии анархически и бунтарски настроенных элементов, особенно усилившийся после стокгольмского объединенного съезда (апрель 1906 г.), как известно, осудившего экспроприаторскую деятельность, лишь способствовал укреплению и росту партии»³.

К этим словам М.В. Фрунзе, одного из организаторов боевых дружин иваново-вознесенских рабочих, можно отнести с долей сарказма, если учесть, что сам Фрунзе отличался экстремистской импульсивностью и долго находился под

¹ Киржниц А.Д. 1905. Еврейское рабочее движение. Обзор, материалы и документы. М., Л., 1928. С.176.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр. и доп. М., 1983. Т. 1. С.201.

³ XXV лет РКП (б). Воспоминания иваново-вознесенских рабочих-подпольщиков. Иваново-Вознесенск, 1923. С.80-88.

угрозой смертного приговора за покушение на жизнь урядника Н. Перлова (21.02.1907)¹. Член Московского комитета РСДРП большевик М. Лядов еще более категорично заявлял: «Это решение вызвало громадное недовольство среди большевиков, и в особенности среди боевиков, которым на деле приходилось продолжать борьбу с оружием в руках. Во многих местах партийные организации совершенно упустили из своих рук контроль над боевыми операциями, слагали с себя всякую ответственность за них, хотя нередко пользовались услугами тех же боевиков. Вот это двусмысленное положение, в какое попали боевые организации, состоящие сплошь из партийцев, внесло страшный сумбур в их ряды. ... Я глубоко убежден, что вот этот подход к боевикам больше всего повинен в разложении и деморализации, которые начали среди них наблюдаться»².

Лояльное отношение к партийным дискуссиям, возможности высказывать отличное от руководства партии мнение позволяли эсерам долго сохранять своё формальное организационное и боевое единство. Однако вопрос о партийном терроре и боевой деятельности стал одним из основных причин практического раскола и для них. Максималисты и энесы стали двумя крайними полюсами отношения к революционному терроризму среди неонародников. Жесткая позиция по отношению к самодеятельности боевиков стимулировала уход из эсеровских организаций большого количества дружинников и быстрому рекрутированию личного состава максималистских групп. Необходимые деньги для партийного строительства дала самая крупная экспроприация революции – 7 марта девятнадцать боевиков во главе с В. Мазуриным за 15 минут вынесли из банка Московского Общества взаимного кредита гигантскую сумму в 875 тыс. руб.³. При ра-

¹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 7/67. 5 отд. 1911 г. Св. 51. Д. 10/28. О мещанине Михаиле Фрунзе и др., всего 37 человек. 20.06.-09.09.1910 гг. 35 л.; Там же. Оп. 11/72. 4 отд. Ст. 1. 1909. Св. 1636. Д. 1694. По записке Главногоуправляющего канцелярией Е.И.В. по прошению всеподданнейшей телеграммы Мавры Фрунзе о даровании жизни ее сыну бывшему мещанину Михаилу Фрунзе, осужденному к смертной казни. 29.01.-15.04.1909 гг. 33 л.; Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Вып. 2. Томск, 1909. С.126-127; Самойлов Ф.Н. Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении. 1903-1905 гг. 2-е изд. М., [Б.г.] Ч. 1. С.81; Зеликсон-Бобровская Ц. Записки рядового подпольщика (1894-1914). Изд. 2, доп. и испр. М., 1924. С.151.

² Лядов М.Н. Из жизни партии в 1903-1907 гг. Воспоминания. М., 1956. С.191.

³ РГИА (СПб.). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 172. Л.8; Герасимов На лезвии с террористами // «Охранка». Т. 2. М., 2004. С.230; Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты... С.75-76,78.

зумном использовании такой огромной суммы, её хватило бы на длительное время активной деятельности нескольких партий, – однако деньги улетучились в несколько месяцев. Как указывали сами максималисты, частью денег они поделились с революционными соратниками: «Экспроприированные деньги были распределены следующим образом: Московской оппозиции – 200,000, максималистам – 100,000, на вооружение петроградской боевой организации максималистов – 50,000, партии соц.-рев. – 100,000, северо-западному комитету на крестьянское дело – 20,000, петроградской террористической группе с.-р. – 3000, железнодорожному союзу – 3000 р., крестьянскому союзу п. соц.-рев. – 1000 р.»¹. Благодаря этим деньгам, Мазурину удалось «привлечь в свои ряды несколько местных эсеровских организаций, буквально подкупив комитеты в Екатеринославе, Рязани и Ставрополе, а также некоторые группы на Кавказе и в столицах»². Позже стало известно, что некоторая сумма попала к социал-демократам, значительная часть была просто разворована³. Экспроприация потрясла общество. Появились слухи о подкупленных банковских охране и служащих. Московскому комитету ПСР пришлось обращаться в редакции газет с заявлением о своей непричастности.

Союз социалистов-революционеров-максималистов, солидаризируясь с эсерами по многим программным вопросам, придерживался самых экстремистских точек зрения на террор, заявляя, что будет использовать террор, как тактическое средство всегда, даже при буржуазной республике⁴. Эта позиция строилась на солидарности с анархистской концепцией социальной революции и бунтарском характере политической борьбы. Максималистская печать заявляла о необходимости перманентного экстремизма: «Революционная тактика заключается в том, чтобы при всяких условиях, во всякие времена развивать максимум боевой энер-

¹ Воля труда: Сборник статей по вопросам программы и тактики максимализма. [Благовещенск], [1907]. С.114.

² Гейфман А. Революционный террор в России. С.117.

³ Нестроев Г.А. Из дневника максималиста. Париж, 1910. С.85; Деркач Н.Я. По этапам и тюрьмам. Л., 1930; В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908-1912 гг. Док. и мат. из коллекции Б.И. Николаевского и его творческой лаборатории // Вопросы истории. 2010. № 6. С.24.

⁴ Жуков А.Ф. Индивидуальный террор в тактике мелкобуржуазных партий в первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С.138-144.

гии... и считать целесообразным всякое действие, ведущее к дезорганизации современного строя»¹. Такие основания позволяла привлекать в свои ряды не обремененных партийными догмами революционеров, изгнанных из рядов различных партий боевиков и просто «людей дела». И хотя в резолюции I Учредительной конференции союза эсеров-максималистов (10-24.10.1906, Або, Финляндия) заявлялось, что казенные и общественные экспроприации разрешались только «по постановлению местных организаций Союза», а капиталы частных лиц допускались «лишь с согласия Центрального Исполнительного Бюро Союза с.-р.-максималистов», однако на это никто не обращал внимания². В 1907 г. в империи, по подсчетам Д.Б. Павлова, образовалось 69 максималистских организаций, в европейской России максималистские группы имелись как минимум в 20-ти населенных пунктах³. Появление максималистских организаций увеличило, в первую очередь, количество мелких экспроприаций и террористических акций местного значения. К примеру, известная активной трехмесячной деятельностью в Брянском у., Орловской губ. объединенная группа под названием «Бежицкий и Радицкий боевые летучие отряды максималистов ПСР» успела совершить более 16-ти убийств и грабежей⁴.

Аналогичная история сложилась и с «Тамбовским союзом независимых социалистов-революционеров». Как отмечал ДП: «Основная якобы цель "Независимых" – подготовка крестьян к вооруженному восстанию, для чего предполагалось снабжать их соответствующей литературой и оружием и вести пропаганду; сред-

¹ Цит. по: Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты... С.156: Воля труда. Сб. ст. М., Тип. Иванова, 1907. С.69.

² Союз эсеров-максималистов. 1906-1924 гг. Документы, публицистика. М., 2002. С.40.

³ В гг. Алатырь (Симбирской губ.), объединенная в Бежице и Радице, и Карачеве (Брянского у., Орловской губ.), Борисоглебске (Тамбовской губ.), Екатеринбурге, г. Жиздры (Калужской губ.), Казани, Курске, Москве (4 организации), Оренбурге, Орле, Пензе, Петербурге (4 организации), Рязани, Самаре, Саратове, Петровский у. (Саратовской губ.), Скопине (Рязанской губ.), Твери, на двух заводах в Уфимской губ. (См.: Павлов Д.Б. Там же. С.196).

⁴ РГВИА. Ф. 801. Оп. 7/67. Д. 10/26. Отд. 5. 1909. Св. 51. Л.97; ГАРФ. Ф. 124 (1908). Оп. 46. Д. 139. Дело о «Бежицком боевом летучем отряде партии с.-р.-максималистов» о его террористических действиях в Орловской губ. 13.10.1906-24.10.1909 гг.; Из прошлого. Революционная борьба рабочих Брянской губ. (1896-1917 гг.). Вып. I. Брянск, 1924. С.27-28; Павлов Д.Б. Там же. С.199-201.

ства союза должны добываться грабежами. На практике деятельность "независимых" свелась к ряду грабежей, как казенных учреждений, так и частных лиц»¹.

Социал-демократические и эсеровские партийные стратеги предсказывали летом-осенью 1906 г. очередной всплеск аграрных волнений, к которому стремились приурочить и свою политическую и боевую активность. Произошло своеобразное сближение тактических позиций при сохраняющейся полемике по поводу форм революционной борьбы и способов террористической деятельности. Социал-демократические боевые дружины стали более активно осваивать навыки городских и массовых боевых столкновений, проводить учебные стрельбы с различными видами оружия и осуществлять групповые экстремистские акции, которые при этом отказывались называть террористическими, именуя партизанскими. М.Н. Лядов, характеризуя складывающуюся ситуацию, отмечал: «Мы вполне сочувствовали такому террору в это время и отнюдь не отказывались от частичных боевых выступлений наших дружин как против отдельных представителей власти, так и для захвата оружия и казенных денег. Мы принципиально ничего не имели и против боевых союзов в этих целях с другими боевыми организациями»². В свою очередь эсеры, продолжая осуществлять индивидуально-террористическую деятельность, стали при имеющихся возможностях и благоприятных обстоятельствах активно организовывать и поощрять партизанскую деятельность. Проинформированный секретными агентами ДП, сообщал руководителям местных подразделений в циркулярном письме (сентябрь 1906 г. №17273): «На состоявшемся 14 сего сентября в Териоках заседании боевого комитета при Санкт-Петербургском Комитете ПСР принято следующее решение по вопросу о вооруженном восстании: впредь до вооруженного выступления необходимо немедленно начать вести партизанскую борьбу, не только для того, чтобы добыть средства или нанести какой-либо урон правительству при убийстве какого-нибудь полицейского чина, но и, главным образом, для того, чтобы постоянными партизанскими выступлениями поддержать боевой дух в дружинах, при-

---

¹ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1286. Л.3-4.

² Лядов М.Н. Там же. С.171.

учить их к опасности и поддержать таким образом практику. ... Кроме того, решено, удерживая дружинников от грабежей, соединить их для нападения на части и казенные учреждения»¹. К активизации вооруженной борьбы, помимо революционных партий, стали готовиться и профессиональные союзы. ДП информировал органы местной охраны о намерении железнодорожного союза с помощью узловых комитетов «выяснить по линиям места удобные для уничтожения водопроводов и зданий, порчи пути на закруглениях, путем взрывов... ввиду близости все-российской забастовки»².

Таким образом, формы вооруженного партийного экстремизма за лето 1906 г. значительно разнообразились за счет активного роста партизанской борьбы и различных форм экспроприаторства. Количество насильственных акций значительно увеличилось, а число объектов подверженных террористическим атакам расширилось, что отражено на графике 4 и диаграмме 1 (См.: Приложение. Диаграмма 1. С.464, график 4. С.466).

В европейской части России в 1906 г. боевые дружины партизанского типа и деятельности были организованы большевиками на Урале. Братья Кадомцевы создали один из наиболее оптимальных вариантов боевой организации, взаимосвязи элементов и дисциплинарных положений. В дальнейшем на основе этого опыта были разработаны общепартийные рекомендации, которые отразились в протоколах Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП (ноябрь 1906)³. Дружине Кадомцевых удалось за короткое время два раза ограбить поезд с почтовым вагоном. В первый раз ограбление под Златоустом дало комитету 19 тыс. руб. (01.08.1906), во втором – у ст. Дёма, под Уфой принесло уже не менее 150 тыс. руб. (21.09.1906)⁴. В первом случае в экспроприации участвовало не-

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 199. Л.19; Государственный архив Ярославской области. Ф. 912. Оп. 1. Д. 16. Л.3.

² Чудакова М.С. Противостояние. С.205.

³ Протоколы Первой конференции военных и боевых организаций Российской социал-демократической рабочей партии. СПб., 1907.

⁴ РГИА (СПб.). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 172. Л.1-2,8. Кийков А. Там же. С.89,109; К истории боевых организаций на Урале // Из прошлого: Сб. восп., 1903-1905 гг. Пермь, 1925. С.116; Алексеев В. Демская экспроприация // 1905. Революционные события в г. Уфе и Уральских заводах. Уфа, 1925. С.161.

сколько десятков боевиков, во втором – почти два десятка. Кроме этих экспроприаций, уфимские социал-демократические боевики по постановлению местных партийных комитетов в 1906 г. убили полицейского пристава Бамбурова, «шпионов» Брейкина и Зеленецкого, совершили покушения на коменданта ст. Уфа, готовили крушение поезда с карательной экспедицией генерала П.К. Ренненкампа около Златоуста¹.

Не менее деятельно проявляла себя и боевая организация социал-демократов Семянниковского завода Санкт-Петербурга, насчитывавшая около 30 боевиков. В воспоминаниях члена боевой дружины А.Н. Артамонова отмечается: «Организация готовилась к вооруженному восстанию. Она себя муштровала под руководством инструктора. Мы ходили в лес на учебу. Сперва учились строю, потом перешли к ружейной стрельбе, при чем оружие доставали в разных местах. Было много винтовок, винчестеров и револьверов. Помимо учебы, в силу необходимости, боевой организации пришлось организовать и привести в исполнение ряд террористических актов»². Члены дружины, возглавляемые А.Г. Божинским, 27 января участвовали в нападении на черносотенную штаб-квартиру в трактире «Тверь». Во время нападения во внутрь помещения были брошены две самодельные бомбы («керосинки»), после чего, стоявшие снаружи боевики, стали расстреливать выбегавших посетителей трактира. В результате нападения были убиты двое и ранены одиннадцать человек³. Артамонов отметил и террористические нападения дружины на черносотенцев: «Были приговорены и убиты нашей организацией Слесарев, Лавров, Сухопутный, Леденцов и Ларечкин, ранен околоточный», кроме того, были совершены и другие убийства⁴. Дружиной предпринимались групповые нападения на сберкассы и магазины. Так, 12 вооруженных боевиков пыталась ограбить сберкасса по Забалканскому проспекту, во время чего был убит околоточный (31.01.1906)⁵.

¹ Кийков А. Там же. С.88,106-107.

² Артамонов А.Н. От деревни до каторги. Изд. 2, перераб. М., Л., 1929. С.37.

³ РГИА (СПб.). Ф. 1328. Оп. 2. Д. 12. Л.6-13.

⁴ Артамонов А.Н. Там же. С.38. В.М. Снесарев убит 26.05.1906 г., И.А. Лавров – 01.05.1906 г.

⁵ РГИА (СПб.). Там же.

Свой террор в столице осуществляли и эсеры. Так, боевая дружина ПСР за увольнения бастующих рабочих совершает теракты в Петербурге над помощником начальника Путиловского завода инженером М. Назаровым (13.02.1906)¹, в Гатчине над инженером-технологом Варшавской железной дороги А.В. Рухловым (14.02.1906)², 1 мая заколот начальник Санкт-Петербургского порта вице-адмирал К.П. Кузьмич³. В боевых дружинах распространяется ситуация когда «боевики, не довольствуясь хождением на лекции, стремились проявить себя в террористических актах или в грабежах. Но так как этого инструктор не разрешал, то нередко дружинники тайком от партии устраивали грабежи и взятые такими путями деньги брали в личное распоряжение. Так, например, в июле 1906 г. во время работ на Невском Судостроительном заводе был ограблен артельщик на 15000 рублей»⁴. В 1906 г. Петербург накрывает волна фабричного террора.

С приходом министра внутренних дел и премьер-министра П.А. Столыпина, важной тенденцией повлиявшей на рост социально-политического экстремизма, стала определившаяся правительственная стратегия выхода из государственного кризиса. В основу нового курса было положено одновременное проведение социально-экономических реформ и осуществление жесткого подавления нелегитимных форм политической борьбы, с целью скорого и полного уничтожения любых проявлений политического экстремизма. Такая карательная политика, без помилований, соглашений и амнистий, загнала революционное сообщество в безысходное состояние вооруженной борьбы, навязала силовую дилемму развития событий и определила взаимный рост человеческих жертв. Кроме того, необходимо учитывать глубину социального потрясения революции, большое количество среди участников революционных событий просто сочувствующих и «присоединившихся», людей далеко не осознающих революционную идеологию, но принявших

---

¹ РГИА (СПб.). Там же. Л.53-81; Обнинский В.П. Летопись русской революции. Т. 3. Дума и революция. Вып. 1. М., 1907. С.109; Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.275.

² РГИА (СПб.). Там же. Л.53-58; Спиридович А.И. Там же; Тимофеев Е. Лики отошедших // Каторга и ссылка. 1922. № 3. С.148-150.

³ РГИА (СПб.). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 172. Л.3-7; Богданович А. Там же. С.387-388; Книга русской скорби. Т. 1. Изд. 3. СПб., 1911. С.200-203; Обнинский В.П. Новый строй. М., 1909. С.152.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Д. 7. 1907. Д. 330. Л.417,424-426(об). С сайта Хронос: [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19080621.html.

участие в массовых нелегитимных акциях. При таком жестком курсе правительства, эти люди теряли возможность вернуться к мирной жизни и должны были самостоятельно находить пути легализации своего положения. Далекое не всем это удавалось, значительная часть вынуждена была стать нелегалами, некоторые смогли эмигрировать, существенная часть криминализировалась, что еще более усугубило ситуацию в стране¹.

Большое количество терактов с 1906 г. представлено убийствами, в собирательном революционном значении, так называемых «шпионов». В эти объекты террористических атак революционерами включалась обширная категория «предателей» – прежних соратников каким-либо образом навредивших движению (чаще всего откровенными сведениями по ходу следствия), а также «агентов полиции» и «provokatorov» – внедренных в партию агентов или завербованных полицией революционеров, полицейских осведомителей. Эта категория объектов была многочисленна и неконкретна. В зависимости от обстоятельств в неё могли включать как мирных граждан, занявших позицию активной поддержки режима, так и вынужденных выполнять должностные и профессиональные предписания (старосты, дворники, мастера, начальники цехов и пр.) служащих. Теракты над этими людьми были особенно беспощадны. 22 марта член БО ПСР Ф.А. Назаров расстреливает уличенного в provokatorстве известного революционера Н.Ю. Татарова². Во время покушения два пулевых ранения получила, пытавшаяся защитить сына, мать provokatora. 28 марта рабочие-боевики расправляются с Григорием Гапоном³.

¹ Квасов О.Н. Вырождение революционного террора отступающей революции (1905-1907 гг.) // Общественное движение и культурная жизнь Центральной России XIV-XX веков. Сб. науч. трудов. Воронеж, 2006. С.218-227.

² Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка». Т. 2. М., 2004. С.152-153; Денисенко В. Provokator Н.Ю. Татаров-Костров // Каторга и ссылка. 1929. № 1 (50). С.81-89.

³ РГИА (СПб.). Ф. 1328. Оп. 2. Д. 14, 15. Всеподданнейшая записка министра внутренних дел П.А. Столыпина об убийстве 28.03.1906 г. в Озерках под Петербургом Г. Гапона членом боевой организации ПСР П. Рутенбергом. Л.13об,39-40; Там же. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 556. Справка тов. прокурора Петербургского окружного суда о результатах предварительного следствия по делу об убийстве Г. Гапона и распределении принадлежавших ему капиталов, внесенных в банк «Лионский кредит». 29.03.1910 г., 4 л.; Последние минуты Гапона // Ист.-рев. сб. «Былое». Париж, 1908. № 11-12. С.29-115; Рутенберг П.М. Убийство Гапона: Записки. Л., 1925; Два документа об убийстве Гапона: 1. Протокол пристава 2-го стана СПб. уезда Недельского о найден-

Аргументация расправы над этими двумя провокаторами была достаточно обоснованной и представлена общественности, что встречалось не всегда. Центральные и местные комитеты стремились огласить информацию о провокаторах, чего требовала, в первую очередь, конспирация и безопасность. Так в газете Воронежского комитета ПСР было напечатано извещение: «В ночь на 22 декабря 1906 г. Боевым отрядом при Воронежском губернском комитете ПСР казнен Пель за шпионство и провокацию. Следствие, произведенное комитетом, дало несомненные указания того, что 1) Пель состоял на службе при сыскном отделении и доставлял туда все сведения из партийной жизни; 2) по его указанию арестовано несколько товарищей; и 3) что Пель, предлагая за деньги оружие, добивался проникновения в организацию и собирался выдать известных ему лиц»¹. Воронежский социал-демократ Е.Е. Пель был застрелен эсеровским боевиком М. Колодяжным², в чем проявилось боевое межпартийное сотрудничество, которое, как правило, было более обширно и устойчиво чем сотрудничество между комитетами, т.к. строилось на рациональном боевом взаимодействии не обремененном идеологическими спорами. Однако большое количество покушений и убийств «провокаторов» осуществлялось без должного партийного расследования, а способ расправы подчас был особенно жестоким. Организатор боевого дела в Москве большевик В.А. Костицын, вспоминал печальную участь одного из хранителей партийного арсенала. После необъяснимой пропажи оружия и подозрений в предательстве, боевики с ним расправились. «Через несколько дней я узнал, что его закопали в той же самой яме (оружия – О.К). На мой вопрос, почему об этом мне не сказали сразу, был ответ: "А мы не знали, как вы посмотрите на это и как отнесется партия, а оставлять его в живых было бы опасно"»³.

ном им в Озерках трупе Георгия Гапона. 2. Рапорт СПб. уездного исправника о похоронах Георгия Гапона 3 мая 1906 г. // Журнал «Былое». 1925. № 1 (29). С.63-65; Мстиславский С.Д. Смерть Гапона. М., 1928; Будницкий О.В. Убийство Гапона (новые материалы) // История терроризма в России... С.430-456.

¹ Борьба и жизнь. Издание Воронежского комитета ПСР. № 1. 16 Мая 1907. С.18.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 230. Л.78; ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 802. Л.265.

³ Автобиография профессора В.А. Костицына // Вопросы истории. 2010. № 11. С.55.

Официальная, общественно озвученная позиция революционных партий запрещала теракты в отношении идеологических противников, что неоднократно партиями подтверждалось, но большое количество убийств председателей и рядовых членов «патриотических» и монархических организаций, показывает легковесность этого запрета (См.: С.281-282)¹. Помимо того, что местные комитеты зачастую просто игнорировали распоряжения ЦК, присутствовала и известная неопределенность категорий «предатель», «шпион», «провокатор», которая позволяла применять их в различных ситуациях, к любому противнику. Сами боевики нередко поступали вопреки распоряжениям комитетов и самостоятельно расправлялись с провокаторами.

Нередко члены патриотических и монархических организаций, занимали активную охранительную позицию и содействовали полиции в преследовании революционеров и срыве революционных мероприятий, многие из них имели и высокие государственные должности. Таким образом, теракт мог обосновываться вполне дозволенными, с точки зрения партийных программ, причинами революционной самозащиты и наказания «за народные страдания». Известное покушение эсерки М. Спиридоновой на одного из организаторов Тамбовского Союза русских людей, старшего советника губернского правления Г.Н. Луженовского (15.01.1906) объяснялось партийной мстью за проявленную им жестокость при усмирении крестьянского движения². Так же репрессиями и жестокостью объясняли эсеры убийство покровителя черносотенства петербургского градоначальника В.Ф. фон дер Лауница: «21 декабря Центральным БО ПСР приведен в исполнение приговор над петербургским градоначальником фон-дер-Лауницем, главой всех полицейских сил столицы и автором всех репрессивных мер в последней,

¹ Так, в газете «Труд» (Орган Петербургского комитета и Совета Рабочего союза) заявлялось: «Совершенно недопустимо применение террора против идейных вдохновителей реакции, хотя бы они и являлись апологетами погромов и других насильственных действий против трудового народа и революционных партий» (Труд. № 17. Октябрь 1907 г.). В резолюции съезда Украинской области ПСР, состоявшегося в марте 1907 г. было подтверждено: «Применение террористической тактики по отношению к членам реакционных партий на том только основании, что они – члены реакционных партий, – безусловно недопустимо» (ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 442. Л.8).

² РГВИА. Ф. 801. Оп. 7. Отд. 5. 1906. Св. 16. Д. 579/5; Там же. Оп. 5. 5 отд. Т. 1. Св. 16. Д. 579/4. Дело о Марии Спиридоновой. 37 л.; ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 236. 1906. Д. 486. О покушении на жизнь начальника охранного отряда Луженовского на ст. Борисоглебск.

приговоренным к смерти еще в бытность его тамбовским губернатором, где под его руководством совершали свои насилия уже убитые ранее по приговорам партийных организаций Богданович, Луженовский, Абрамов и Жданов»¹. В то же время, неоднократные покушения на оставившего пост обер-прокурора К.П. Победоносцева ни одна партия на себя взять не решилась².

То, что объектами террористических покушений стали преимущественно черносотенцы среднего и нижнего звена, явилось вполне логическим следствием революционно-террористической тактики в 1906 г. Как уже отмечалось выше, особенно большое количество жертв несли правомонархические организации Санкт-Петербурга. В декабре 1905 г. эсеры предприняли неудачное покушение на развернувшего активную черносотенную деятельность в Ярославской губернии иеромонаха Иллиодора³. Покушения на партийных противников были и в Смоленске. Так, восемь приезжих человек в масках застрелили председателя общества хоругвеносцев А.А. Котова (02.01.1906)⁴. Здесь же было совершено покушение на либерального председателя местной партии «Свобода и порядок» князя В.М. Урусова (02.12.1906)⁵.

После роспуска Государственной думы революционные партии активизируют свою деятельность⁶. Причинами этого была уверенность, что начнутся массовые протестные выступления против ликвидации Думы. Кроме местных воззваний, прокламацию с призывом «немедленно начать боевые выступления» выпустил ЦК ПСР⁷. Выраженная в «выборгском воззвании» радикальная позиция либеральной буржуазии, позволяла надеяться на создание консолидированного фронта борьбы с самодержавием. Однако ни увеличение количества терактов, ни участвовавшие экспроприации поднять массовое движение оказались не в состоянии.

¹ Извещения ЦК ПСР // Партийные известия. Издание ЦК ПСР. № 4. 05.01.1907.

² На К.П. Победоносцева предпринимались покушения 6 июля 1905 г., 19 октября 1905 г., 7 июля 1906 г., 11 июля 1906 г.

³ Размолодин М.Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905-1915 гг. Ярославль, 2001. С.73,147.

⁴ Кашинцев А. К убийству А.А. Котова // Смоленские новости. № 15. 03 января 1906; Русское слово. 04(17) января 1906; Булацель П.Ф. Борьба за правду. М., 2010. С.595.

⁵ Сегодня. 02(15) декабря 1906; Кипров И.А. Там же. С.100.

⁶ Боевая тактика партии после разгона Думы // Партийные известия. № 1. 22.10.1906. С.2-6.

⁷ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты... С.56.

Неподготовленные и нескоординированные восстания в Свеаборге (18-20.07.1906) и Кронштадте (19-20.07.1906), наряду с другими локальными военными бунтами, стали провальной кульминацией массовых вооруженных выступлений¹.

Правительство и местная власть, несмотря на многочисленные симптомы «кризиса верхов», сохранили работоспособность и, проявив политическую волю, перешли к тактике репрессивного подавления оппозиции. Революционные организации ответили акцентированным террором против силовых структур. Планируемая Поволжским комитетом ПСР на середину июля террористическая кампания, нацеливалась на активизацию массового крестьянского движения и дезорганизацию местной власти. Боевой удар был направлен на силовые структуры: 28-29 июля предпринимаются две неудачные попытки взорвать Тамбовское и Самарское ГЖУ². В обоих случаях террористы успели скрыться. 8 августа, там же в Самаре, Летучим боевым отрядом Поволжской области ПСР убит командир Борисовского полка полковник А.Г. Георгиу³. Однако, кроме единичных случаев поражения паникой представителей администрации, комитету не удалось ряд успешных боевых акций перевести в массовые действия⁴.

12 августа 1906 г. эсеры-максималисты при помощи особо мощного кизельгурного динамита, позаимствованного в Военно-Техническом Бюро большевиков⁵, совершили покушение на премьер-министра П.А. Столыпина⁶. В Петергофе на перроне вокзала 13 августа членом Летучей боевой дружины Северной области ПСР З.В. Коноплянниковой был застрелен командир лейб-гвардии Семе-

¹ Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2004. С.463.

² ГАРФ. Ф. 124 (1906). Оп. 44. Ч. 2. Д. 3764. Дело о брошенной бомбе в Тамбовское ГЖУ. 31.07.1906-22.12.1906 гг.; Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.361; Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905-1914 гг.): Новгород, Самара, Пенза. Пг., 1916. С.105.

³ Памятная книжка социалиста-революционера. С.12; Спиридович А.И. Там же. С.277.

⁴ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С.330; Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье. С.54-56.

⁵ Сулимов С. Мастерская бомб // Боевая группа при ЦК РСДРП(б). (1905-1907): Ст. и восп. М., Л., 1927. С.118; В преддверии полного раскола. Там же. С.24.

⁶ РГИА (СПб.). Ф. 1405. Оп. 539. Д. 415. Л.1-4; Нестроев Г.А. Из дневника максималиста. Париж, 1910. С.54-57; Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.292; Взрыв на Аптекарском острове: (Дело Н. Климовой и Н. Терентьевой о покушении на П.А. Столыпина) // Журнал «Былое». 1917. № 5-6. С.212-227; Энгельгард М.М. Взрыв на Аптекарском острове // Каторга и ссылка. 1925. № 7. С.67-94.

новского полка генерал-майор Г.А. Мин¹. Кроме мести за подавление Декабрьского вооруженного восстания, ЦК ПСР прямо отмечал дезорганизаторскую цель покушения: «Он убит как опора кровавого трона Николая II, как один из тех людей, чья безоглядная готовность и холодная жестокость остаются последними орудиями поддержания царского самовластия»². Смерть Мина тяжело пережили в царской семье. Вернувшаяся с его похорон 16 августа, вдовствующая императрица Мария Федоровна, писала Николаю II: «Не могу тебе передать, какую скорбь я испытала, узнав о смерти нашего храброго и чудного Мина! Я так надеялась, что Бог не позволит тронуть этого человека, обладавшего такой трогательной и глубокой верой. Я ездила вчера в Петербург, чтобы встретить его на вокзале, где я смогла присутствовать на литии. Было невыносимо тяжело смотреть на его бедную старую мать, жену и дочь в их ужасном горе. Когда же окончатся все эти ужасы преступлений и возмутительных убийств! Мы никогда не будем иметь отдыха и покоя в России, пока не будут истреблены все эти чудовища...»³. О теракте сообщали все партийные газеты, выходили обширные статьи, прокламации: «Извещение ЦК ПСР о гибели генерала Мина» (СПб., 18.08.1906), «Надгробное слово Мину» (Издание Петербургской военной организации), «Речь, сказанная на суде членом Летучего боевого отряда Северной области П.С.Р., бывшей народной учительницей Зинаидой Васильевной Коноплянниковой» (Петропавловская крепость, 25 августа 1906 г. Издание ЦК ПСР). Известная хозяйка светского салона А. Богданович, со ссылкой на товарища министра юстиции Н.Д. Чаплина, отмечала, что учреждение полевых судов, это «следствие убийства Мина»⁴. В тоже время, очевидно, что это реакция правительства на совокупность всех революционных попыток дестабилизировать ситуацию и, взявшее верх мнение о необходимо-

¹ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Т. 12. Д. 10123. Дело о З. Коноплянниковой. 1911 г.; К делу З.В. Коноплянниковой // Ист.-рев. сб. «Былое». Париж, 1908. № 11-12. С.168-172; Книга русской скорби. Т. 1. Изд. 3. СПб., 1911. С.46-56; Спиридович А.И. Там же. С.274; Дело Зинаиды Коноплянниковой // Журнал «Былое». 1917. № 1 (23). Июль. С.258-275.

² РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2. Л.1. Извещение ЦК ПСР о гибели генерала Мина. СПб. 18.08.1906 г.

³ Кудрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна и Император Николай II. Мать и сын. М., 2013. С.136-137.

⁴ Богданович А. Три последних самодержца. С.338.

сти жесткого подавления революционного движения. Правительство 16 августа издает циркуляр, в котором ясно обозначена позиция правительства: «Совет министров уверен, что все представители министров и общественной власти, сознавая вместе с населением всю пагубность и бесцельность упомянутых преступлений, докажут свою непоколебимость и решительность в исполнении служебных обязанностей, что никакие угрозы не могут повлиять на преданность их престолу и закону, а равно на готовность исполнять свой долг до конца»¹. 17 августа правительство формулирует «Положение об учреждении военно-полевых судов», которое с подписью императора 19 августа вступает в силу.

Введение военно-полевой юстиции и объявление практически всех территорий империи на военном и чрезвычайном положении (из 87 губерний 82 находились на исключительном положении) продемонстрировало не только решимость власти бороться с революционным движением, но и развязало руки местной администрации для принятия чрезвычайных мер подавления². В условиях спада массового движения продолжение вооруженной борьбы со стороны революционных партий представлялось бесперспективным. Руководителям местных подразделений ДП оперативно сообщал (18.09.1906, циркуляр №17223): «С 8 по 13 сего сентября в Финляндии на Иматре происходили заседания съезда представителей Крестьянского Союза ПСР, причем на означенных заседаниях выработаны следующие решения: 1. Признать, что вооруженное восстание крестьян в ближайшем будущем невозможно, по совершенной не подготовке их к восстанию и отсутствию вооружения; 2. Выразить ЦК порицание за призыв к вооруженному восстанию в августе месяце без предварительного осведомления у областных комитетов; 3. Повести широкую агитацию к крестьянской массе о неплатежах повинностей; 4. Начать партизанскую войну убийством властей, как-то: урядников, становых приставов и земских начальников»³. Сторонники продолжения террористической борьбы настаивали на возможности поднять вновь массовое движение при помощи успешно осуществленных террористических актов центрального значе-

---

¹ ПСЗ. Собрание третье. Т. 26. Отделение первое. № 28252.

² Право. Хроника. 1906. № 32. Стб. 2595.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 199. Л.19,20.

ния и вооруженной поддержкой всех форм протестов. Такой взгляд на перспективы революционного движения порождал ультрарадикальные идеи и планы.

Осенью 1906 г. поднялась очередная террористическая волна, инициированная, в первую очередь, эсеровскими боевиками (См.: Приложение. График 4. С.466). Стоит учитывать, что «частота совершения террористических актов может служить показателем кризиса политической системы...»¹, хотя эта взаимосвязь и не прямая. Кроме вышеперечисленных терактов, следуют покушения, в ходе которых: ранены смертельно симбирский губернатор К.С. Старынкевич (21.09.1906)² и легко казанский вице-губернатор Д.Д. Кобеко (25.09.1906)³, убит сердобский (Саратовская губ.) земский начальник Сабуров (23.11.1906)⁴.

Репрессивный курс правительства моментально сказался на реформировании всей пенитенциарной системы, начинается борьба тюремной администрации с «вольным поведением политических заключенных», увольняются прежние «мягкотелые» сотрудники, ужесточается режим. Это вызывает протестные акции, как в стенах заключения со стороны осужденных, так и на свободе. «Чем ожесточеннее становилась правительственная реакция, – как отмечал еще историк Н.М. Дружинин, – тем больше ненависти и чувства мести рождалось в сердцах активных революционеров. Бомба и револьвер, единичное убийство и партизанский набег должны были восполнить недостаток революционной действенности. Замирая, революция расплывалась на бесчисленное количество отдельных убийств, экспроприаций и покушений»⁵. В дальнейшем на долгие годы «тюремный террор» становится одной из наиболее выраженных составных частей революционного терроризма, а режимные вопросы и положение политзаключенных – постоянной конфликтной темой для власти. Одновременно с тюремным террором по-

¹ Масалов А.Г. Психологические аспекты политического террора // *Философия права*. 2009. № 6. С.11-13.

² Книга русской скорби. Т. 1. Изд. 3. СПб., 1911. С.107-115; Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.277; «Ника». Воспоминания жандармского офицера // *Жандармы России*. СПб., М., 2002. С.544.

³ Спиридович А.И. Там же. С.277; Кузнецов В.Н. Там же. С.24.

⁴ Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охраны. М., 1918. С.99; Спиридович А.И. Там же. С.277 ошибается, считая этот теракт совершенным в Моршанске 15 ноября.

⁵ Дружинин Н.М. 1906-й год // Григорович Е.Ю. *Зарницы: наброски из революционного движения 1905-1907 гг.* Л., 1925. С.11-12.

является и «судебный террор». Жестокие военно-судные приговоры не только шокируют общественность, но и вызывают ответную реакцию жестокости и мести со стороны революционных организаций. 2 октября за подготовку взрыва судебного заседания по делу Кронштадского восстания, подверглись аресту и последующей казни несколько эсеров-боевиков, в том числе женщины – А.К. Вендиктова и А.М. Мамаева¹. 20 ноября пятеро заgrimированных вооруженных людей ворвались в помещение костромского окружного суда, однако подоспевший наряд полиции не дал боевикам унести политические дела². Наиболее крупным «судебным» терактом 1906 г. является убийство в Санкт-Петербурге главного военного прокурора генерал-лейтенанта В.П. Павлова (27.12.1906)³. В центральном органе партии эсеров теракт отметили извещением: «27 декабря Летучим Боевым Отрядом Северной Области ПСР приведен в исполнение смертный приговор над главным военным прокурором Павловым, известным всей России по его деятельности в качестве главы современной военно-полицейской юстиции»⁴. По многочисленным комментариям современников это был редкий случай почти единодушного отсутствия сочувствия к жертве. Даже военный министр А.Ф. Редигер в своих воспоминаниях отметил: «... Павлов был нелюбим в военно-судном ведомстве, чистка же этого ведомства не замедлила сделать его ненавистным... все эти личные враги Павлова воспользовались предлогом, чтобы ненавистного им человека очернить и сделать ненавистным всему обществу. ... Павлов сам был чуть ли не человеконенавистником. В его лице я впервые увидел начальника, не хлопчущего почти никогда за своих подчиненных... у него всякая вина была виновата, и он лишь с трудом находил поводы для снисхождения. Я его искренне уважал, как цельного, твердого и честного человека, но ему не симпатизировал»⁵. Страх революционной мести увязался за всеми служащими тюрем и мест заключения, равно как и за работниками судов и прокуратур.

¹ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 37. Л.9-36; Ущерович С.С. Смертные казни... С.83,105,270,305,348,417.

² Новое время. 04 декабря (21 ноября) 1906.

³ РГВИА. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 1188. Об убийстве главного военного прокурора ген.-лейтенанта Павлова. 28.12.1906-21.03.1907 гг. 18 л.; Книга русской скорби. Т. 1. Изд. 3. СПб., 1911. С.83-87.

⁴ Партийные известия. Издание ЦК ПСР. 5 января 1907. № 4.

⁵ Редигер А.Ф. История моей жизни. М., 1999. Т. 2. С.53,127.

В 1906 г. в условиях обострившихся финансовых проблем партийных комитетов, наиболее скорый и перспективный вариант пополнения революционных касс представлялся при помощи экспроприаций. Однако уже принятые запретительные решения на съездах ограничивали свободу действий, кроме того, существовала проблема самодеятельности боевиков, которую экзами можно было только спровоцировать. Комитеты начинают «изыскивать» способы обходить формальные ограничения, – ориентироваться на незапрещенные экспроприации казенных капиталов, кооперировать усилия с партиями и группами, не имеющими запретов (ПРСМ, анархисты) или не соблюдающими их (кавказские и уральские боевики РСДРП), формировать экспроприационные отряды многочисленного состава, чтобы операции имели характер боевых действий, а вероятность сокрытия украденных сумм была менее возможной. Экспроприации приобретают массовый характер, растет разнообразие объектов грабежа, появляются жертвы. Все чаще нападения осуществляются на церковных служащих, имущество, монастырские кассы (Иоанно-Богословский монастырь (09.03.1906), Свято-Троицкий Белопесочный монастырь (19.10.1906)).

Отсутствие общей методики подсчета экспроприаций и невозможность зачастую различить криминальные и революционные грабежи не позволяли даже современникам представить чёткой картины масштабов экспроприационного движения. Так ряд газет в сентябре-октябре 1906 г., ссылаясь на годовые отчеты Департамента государственного казначейства, противоречиво сообщали то о 1 300 000 рублей «убытков казны», то о трех млн. рублей «всех ограблений с революционными целями»¹. Неопределенность с цифрами демонстрирует и известная исследовательница революционного террора А. Гейфман. В одной из статей она отмечает, что «по подсчетам министерства финансов, с начала 1905 г. по середину 1906-го революционный бандитизм обошелся имперским банкам в 1 миллион рублей!». В той же статье, ниже текстом, за тот же период, но с добавлением грабежей частных капиталов, даются уже иные цифры: «Всего за это время произошло 1951 ограбление по политическим мотивам. Причем в 1691 случае рево-

---

¹ Русское слово. 01 октября (18 сентября) 1906; Новое время. 11 ноября (29 октября) 1906.

люционеры избежали наказания (с частными деньгами – 7 млн. рублей)»¹. Стоит учесть, что в 1905 г. экспроприационное движение только заявляло о себе, а грабежи частных капиталов были достаточно редки, поэтому последняя цифра в 7 млн. рублей, кажется чрезмерной. По нашим подсчетам, очевидно не полным и отражающим только похищенные суммы не менее 5 тыс. руб., «определенно революционные» грабежи 1905-1906 гг. составили минимум 3,5 млн. руб. (См.: Приложение. Список наиболее крупных экспроприаций... С.468-469), максимально – около 4,5 млн. рублей.

14 октября 1906 г., группе максималистов удаётся провести одну из самых известных экспроприаций революции. В Петербурге на углу Фонарного переуллка и Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова) 15 боевиков совершают нападение на коляску почтовой таможни, перевозившую несколько мешков с ценностями на сумму более 600 тыс. руб. После двух брошенных бомб и остановки кареты, часть боевиков вступила в перестрелку с восемью жандармами сопровождения, другие, схватив мешки с деньгами, скрылись². В последующей погоне «двое из нападавших были убиты, а третий покончил самоубийством. При перестрелке были ранены четыре дворника, из которых один смертельно, три жандарма, счетчик таможни и двое из прохожих»³. На следующий день выходит партийное сообщение: «Извещение. По приговору и под непосредственным руководством Боевой Организации Социалистов Революционеров Максималистов 14 октября в г. С.-Петербурге Боевым Летучим Отрядом Социалистов Революционеров Максималистов совершена конфискация правительственных сумм на революционные цели. С.П.Б. Октябрь 15-го дня»⁴. Как и в случае с грабежом Московского

¹ Гейфман А. Сколько стоил боевизм? // Родина. 1998. № 7. С.64. В другой работе, сумму революционных грабежей «порядка 7 млн. руб.» она связывает уже с периодом с октября 1905 по октябрь 1906 гг. (См.: Гейфман А. На службе у смерти [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazeta.rjews.net/geifman.shtml>)

² Петербургский листок. 28 (15) октября 1906; РГИА (СПб.). Ф. 1328. Оп. 2. Д. 19; Там же. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 412; Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.292; Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка». Т. 2. М., 2004. С.235-237.

³ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1962. Т. 4. С.99.

⁴ РГИА (СПб.). Ф. 1328. Оп. 2. Д. 41. Л.31.

банка, значительная часть денег попала к эсерам и большевикам, часть пропала бесследно¹. Экспроприация будет стоить максималистам восьми казенных.

Значительно задерживаясь с предупреждением об этих экспроприационных тенденциях в революционном движении, ДП только в конце года распространит циркулярное сообщение (12.12.1906, № 24777): «... из агентурного источника поступили сведения, что ЦК ПСР, в виду неимения денежных средств в борьбе с правительством, рекомендует всем районным организациям теперь же сформировать хорошо вооруженные боевые отряды, приблизительно в 10-15 человек, по возможности во всех селениях и городах, и приступить к производству массовых экспроприаций, с целью нагребания сумм на революционную деятельность»².

В 1906 г. новшеством в террористическом движении стали многочисленные покушения в учебных заведениях. В течение года были застрелены директор азовской гимназии И.Н. Стефановский (13.09.1906)³ и директор тульской гимназии Радецкий (12.05.1906)⁴, пулевое ранение получила «начальница» архангельской женской гимназии княжна З.А. Мышецкая⁵, неудачное покушение пережил ректор Тамбовской семинарии архимандрит Феодор (Позднеевский) (02.05.1906)⁶. Во всех этих преступлениях имелась «революционная подкладка». В стены учебных заведений проникает и мода на взрывы: «11 марта, днем в г. Саратове, в уборной комнате учеников местного технического училища произошел взрыв заложенной в печь коробки с порохом. Никто из учащихся при этом не пострадал»⁷. 26 апреля и 7 мая происходят взрывы в печах Воронежской духовной семинарии⁸. Все перечисленные покушения были совершены учащимися. Учениками средних учебных заведений были известные террористы: убийца тамбовско-

¹ Нестроев Г.А. Из дневника максималиста. Париж, 1910. С.57-59,76-77,84-85.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 199. Л.22; ГАЯО. Ф. 906. Оп. 2. Д. 50. Л.30.

³ Книга русской скорби. Т. 7. СПб., 1911. С.147-150.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 284. Л.96; Поляков А. Записки жандармского офицера // Жандармы России. СПб., М., 2002. С.507.

⁵ Архангельские губернские ведомости. 04 января (22 декабря) 1907; Новое время. 05 января (23 декабря) 1907.

⁶ ГАТО. Ф. 186. Оп. 114. Д. 1. Л.276.

⁷ Новое Время. (СПб.). 06 апреля (24 марта) 1906.

⁸ Пантелеевский Н.Н. Тревожные дни и как их пережило училище (из дневника начальника училища). Воронеж, 1907. С.1.

го губернского советника М.М. Спиридонова, убийца начальника саратовской тюрьмы М.А. Скутельмин, убийца графа А.П. Игнатьева 19-летний С.Н. Ильинский, убийца петербургского градоначальника Е. Кудрявцев. Причем последние трое, являлись членами специализированных террористических подразделений. Нередкой становится ситуация, когда судебным органам приходилось в отношении обвиняемых боевиков проводить «исследование умственного и нравственного развития, так как в момент совершения ими преступления было менее 17 лет»¹. Таким образом, молодеющие кадры террористов становятся характерной особенностью террористического движения, что связано с кадровыми проблемами боевых формирований и всплеском подросткового революционного экстремизма.

В 1907 г. во многом повторилась политическая ситуация предыдущего года. Революционная часть депутатов второй Государственной думы бескомпромиссно шла на конфликт с царским правительством. Все попытки умеренных депутатов сохранить Думу наталкивались на авантюризм левой части депутатского корпуса и непримиримую позицию премьера П.А. Столыпина. Очередной роспуск Думы был предрешен и к нему революционные партии готовили боевые выступления.

Партийные «инспекторы» эсеров, объезжавшие губернские комитеты и проводившие опросы по специально созданной анкете, преимущественно отмечали готовность к выступлению крестьянства, агрессивность партактива и наличие практически на всех уровнях партийной организации желаний иметь боевые дружины². Качество и количество вооружения фактически везде отмечалось как недостаточное (См.: Раздел 6.3. С.402-442). Социал-демократические организации имели боевые формирования в меньшем количестве, кроме того, в самой партии отсутствовала единая тактика в связи с фракционными столкновениями. Однако, при некоторых комитетах (Петербургский, Кавказский, Уфимский) были боевые

---

¹ Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С.65.

² Среди вопросов анкеты значились и следующие: «...22. Были ли в данной местности партизанские выступления крестьян, организованные с ведома комитета или неорганизованные, и в чем они выражались? 23. Каковы результаты этих выступлений? 24. Как откликнулась на них остальная крестьянская масса? 25. Каковы силы местных комитетов для организации партизанских выступлений? 26. Роль и значение крестьянских боевых дружин?» // ГАОПИВО. Ф. 5. Д. 301. Л.81.

дружины, практикующие партизанскую и террористическую деятельность. Анархистские и максималистские организации, несмотря на свою революционную боевитость и террористическую агрессию, в конце 1907 г. лишились большей части боевых сил. Полицейские репрессии, авантюристические операции и организационная свобода превратили этих важных участников революционных событий 1905 г. в аморфное скопление разрозненных групп ультрареволюционной риторики и импульсивных действий. Сложившееся революционное положение и наличие реальных сил, не создавало для оппозиционных партий позитивных перспектив на случай вооруженного обострения ситуации. Однако логика революционной борьбы и стратегия политических противников толкнула страну в еще большую эскалацию террора, что отражено в графике 5 (См.: Приложение. График 5. С.466).

Резко увеличивается количество жертв террористического насилия (См.: Приложение. Диаграмма 1. С.464). Среди объектов террора в 1907 г. продолжает преобладать рядовой и средний административный состав, но стремительно растет количество жертв среди патриотических и черносотенных организаций. Данные диаграммы и анализ революционно-террористической деятельности демонстрируют двоякий процесс: во-первых, отчетливое смещение проявляемой революционной агрессии на места в сторону социального инициирования, и, во-вторых, ослабление функциональности террористических формирований высшего уровня, ориентированных на акты центрального террора и рост активности боевых подразделений губернского и местного значения.

Первая тенденция проявилась в росте жертв рядового правоохранительного состава, как среди чинов сельской и городской полиции, так и фабричной. Именно этот слой представителей власти оказался в меньшей степени защищенным от террористических пуль и в большей степени препятствующим практической деятельности революционеров, особенно в сельской и фабричной местности. Вторая тенденция проявится в неспособности террористических подразделений осуществить резонансные центральные теракты. В течение 1907-1908 гг. будут готовиться несколько десятков покушений на высших лиц государства. По разным причинам не будут доведены до конца, не завершатся, закончатся провалом или по каким-

либо другим причинам не произойдут, покушения на императора, премьер-министра, вел. кн. Николая Николаевича, министров юстиции и военного ведомства и др. «Острая необходимость» в центральном теракте и большая надежда на связанный с ним подъем движения высказывались неоднократно ЦК ПСР местными комитетами. Об этом знал и ДП, сообщая в циркуляре руководителям структур (21.07.1908, № 135543): «Исследование текущей деятельности ПСР свидетельствуют о том, что среди членов означенного сообщества возникает серьезное разногласие по поводу о дальнейшем применении террора, причем ЦК, а равно и некоторые представители местных организаций высказываются за возможное ограничение применения политических убийств и грабежей, тогда как остальные участники сообщества и в особенности рабочие настаивают на возможно более широком использовании террора для поддержания престижа партии и дезорганизации правительства. Однако же обе стороны сходятся на мысли о необходимости учинения акта первостепенной важности, полагая, что путем посягательства на Священную Особу Монарха будет внесено в жизнь государства такое потрясение, которое даст широкий простор для разрушительной работы революционеров»¹.

Несмотря на все прилагаемые усилия в 1907-1908 гг., убийства руководящих должностных лиц будут осуществляться только в губерниях или на представителей силовых структур. Из большого количества планов центрального террора в Европейской России до конца будет доведено только одно – Летучим боевым отрядом Северной области ПСР под руководством А.Д. Трауберга убийство начальника Главного тюремного управления А.М. Максимовского (15.10.1907)². Однако, учитывая то, что это преступление должно было стать сигналом для боевой операции с несколькими одновременными покушениями, то и оно не вполне оказалось законченным. Из наиболее крупных провинциальных терактов можно назвать: убийство пензенского губернатора С.В. Александровского (25.01.1907)³,

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 272. Л.26.

² РГВИА. Ф. 801. Оп. 2/58. 4 отд. 1907. Св. 117. Д. 1113. Л.1-4; Труд. Орган Петербургского комитета и Совета Рабочего союза. № 17. Октябрь 1907; Крестьянская газета «Деревня». Издательство Поволжского Областного комитета ПСР. № 2. 01.11.1907; Деревня. № 3. 01.12.1907.

³ Памятная книжка социалиста-революционера. С.15,21; Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.364-365; Книга русской скорби. Т. 4. СПб., 1910. С.171-180.

два покушения на полицмейстера Александровск-Грушевского (совр. г. Шахты) (Область войска Донского) Н.П. Колпикова (25.05. и 26.07.1907 – смертельно ранен)¹ и убийство начальника Самарского ГЖУ полковника М.П. Боброва (19.12.1907)². Несколько совершенных терактов, по разным причинам, закончатся благополучно для объектов покушений – выстрелы на приёме в ярославского губернатора А.А. Римского-Корсакова сорвутся из-за неисправности револьвера (26.02.1907)³, брошенная под ноги командиру Санкт-Петербургского порта контр-адмиралу Н.Р. Грехе бомба не взорвалась из-за конструктивных недостатков устройства (15.03.1907)⁴, то же произошло с бомбой брошенной в карету вятского губернатора С.Д. Горчакова (17.10.1907)⁵, бомбы же, взорвавшиеся рядом с каретой московского генерал-губернатора С.К. Гершельмана (21.11.1907)⁶ и воронежского губернатора М.М. Бибилова (24.04.1908)⁷, значительного вреда им не причинят.

Неспособность революционных партий осуществить террористические акции «центрального значения» связана с целым рядом причин, к которым по степени значимости можно отнести следующие: 1) антитеррористическую деятельность ДП и ОКЖ; 2) взятый революционными партиями курс на переориентацию боевых дружин и боевиков на партизанскую тактику борьбы и подготовку «революционных армий»; 3) понесенные значительные потери среди боевиков в 1905-

¹ РГИА (СПб.). Ф. 472. Оп. 40. Д. 124. Л.34-35; Книга русской скорби. Т. 3. СПб., 1909. С.138-146; Памятная книжка социалиста-революционера. С.16; Спиридович А.И. Там же. С.366.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 327. 1907. Д. 9. Ч. 50. Л.63об.-64; ГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1076. Л.27,29; Книга русской скорби. Т. 5. СПб., 1910. С.169-171; Ташкентец. Петр Данилович Романов // Каторга и ссылка. 1926. № 6 (27). С.233-237.

³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 233 (1905). Д. 2567. О готовящемся покушении на жизнь ярославского губернатора Римского-Корсакова; Обнинский В.П. Новый строй. М., 1909. С.256; Памятная книжка социалиста-революционера. С.15; Ярославль в первой русской революции. Сб. мат. Ярославль, 1925. С.234.

⁴ РГИА (СПб.). Ф. 1328. Оп. 2. Д. 41. Л.77-78; Нестроев Г.А. Из дневника максималиста. Париж, 1910. С.79-80; Спиридович А.И. Там же. С.308.

⁵ Труд. № 18. Ноябрь 1907; Памятная книжка социалиста-революционера. С.17; Спиридович А.И. Там же. С.365.

⁶ РГВИА. Ф. 801. Оп. 5. 5 отд. Т. 2. Св. 22. Д. 19/3. О неизвестной женщине, покушавшейся на жизнь Московского ген.-губернатора ген.-лейтенанта Гершельмана. 28.11.-02.12.1907 г., 6 л.; Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.364; Ущерович С.С. Смертные казни... С.399-400.

⁷ Там же. Оп. 6. Д. 13. Отд. 5. 1908. Св. 36. Л.268-276а; ГАРФ. Ф. 124 (1909). Оп. 47. Д. 172. Л.14-14об,94-97; ЦГИА Украины. Ф. 705. Оп. 1. Д. 353. Т. 1. Ч. 1. Л.55,61; Памяти Марии Матвеевны Федоровой // Знамя труда. № 28-29. 1910. С.21; Из партийных материалов. Издание Орг. Бюро при ЦК ПСР. № 14. 1908. С.1; Спиридович А.И. Там же. С.408.

1906 г., что отразилось в кадровом дефиците и потере профессионализма; 4) поражение революции, прекращение массового протестного движения и растущая общественная критика революционного насилия; 5) партийные разногласия по отношению к проводимой центральными и местными революционными комитетами террористической деятельности.

Многочисленные теракты в этот период будут совершаться против служащих пенитенциарной системы. Огромный по объему массив воспоминаний о царских застенках, вышедший в 20-30-е гг., позволяет даже спустя десятилетия увидеть насколько эмоционально болезненно «царские университеты» отдаются в памяти людей. В образе «тюремщиков» для революционеров сконцентрировались все самые тенденциозные и отвратительные черты самодержавной системы. Так, сразу после убийства Максимовского, эсеровская печать с восторгом перечисляла: «...не один уже из тюремных злодеев поплатился жизнью. Бородулин и Метус, Гудимо и Иванов в Петербурге, Прибыловский в Астрахани, Желтовский в Луцке, Савич в Феодосии, Смирнов в Красноярске, Симбирский в Двинске, Сафарук в Одессе, Богоявленский в Тобольске, Трияцкий в Симбирске, Шакалов в Саратове, Грецкий в Кельцах, Струков в Туле и многие другие уже пали от руки революционеров. Вечная слава члену Партии, молодой девушке Рагозинниковой, сразившей Максимовского!»¹. Кроме того, в 1907 г. в результате покушений был убит уфимский тюремный инспектор Кольбе (19.02.1907)², ранены – начальник тверской тюрьмы Зверев (29.01.1907)³, помощник начальника ростовской тюрьмы

¹ Труд. № 17. Октябрь 1907. Начальник Саратовской тюрьмы Шакалов убит 13.05.1906 г.; начальник Дерябинской временной тюрьмы Н.И. Гудимо убит 17.01.1907 г. в Санкт-Петербурге; начальник Астраханской тюрьмы Н.Я. Прибыловский убит 09.03.1907 г.; начальник Луцкой тюрьмы (Волинская губ.) Желтовский ранен 24.03.1907 г.; начальник Одесской тюрьмы Сафарук убит 11.04.1907 г.; начальник Нерчинской каторги генерал Метус убит 28.05.1907 г.; покушение на начальника Красноярской тюрьмы Смирнова совершено 23.06.1907 г.; смотритель Тобольской каторжной тюрьмы А.Г. Богоявленский убит 26.07.1907 г.; начальник Келецкой тюрьмы Н.И. Грецкий убит 27.07.1907 г.; начальник Петербургской одиночной тюрьмы А.А. Иванов убит 13.08.1907 г.; начальник Акатуевской тюрьмы С.А. Бородулин убит 28.08.1907 г. в г. Пскове; помощник начальника Симбирской тюрьмы Трияцкий убит 23.07.1907 г., во время массового бунта. О Савиче, Симбирском и Струкове сведений обнаружить не удалось.

² РГИА (СПб.). Оп. 40. Д. 124. Л.18-18об.; Памятная книжка социалиста-революционера. С.15; Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.365; Кийков А. Там же. С.97,106,122-125.

³ Новое время. 11 февраля (29 января) 1907.

мы Щербаков (09.04.1907)¹, смертельно ранен надзиратель тамбовской тюрьмы В.Д. Куйденко (01.05.1907)², совершены неудачные покушения на начальника тамбовской тюрьмы Козьмина (03.03.1907)³ и Петербургской одиночной тюрьмы Махмут-бека (13.10.1907)⁴. Прямо на московской улице было совершено вооруженное нападение на трех надзирателей, один из которых был убит (09.05.1907)⁵.

На следующий год, в 1908 г. были убиты в Перми на улице помощник начальника губернской тюрьмы А.Н. Калагов (06.03.1908)⁶ и в Оренбурге помощник губернского тюремного инспектора А.П. Вишневикий (28.10.1908)⁷. В обоих случаях следствие оказалось безрезультатным. Наиболее известным покушением 1908 г. на чиновников судебного ведомства стало нападение анархиста А.М. Кузьмина с кинжалом в руке на председателя столичной судебной палаты Н. Крашениникова (24.06.1908)⁸, в результате которого тот получил легкое ранение, а террорист был схвачен и казнен.

Резко увеличивается количество нападений на служащих тюрем и со стороны политических заключенных. Несмотря на очевидную угрозу высшей меры наказания, возмущенные произволом тюремной администрации арестанты прибегают к акциям внутреннего террора. Так, находящаяся в Московской пересыльной тюрьме, эсерка Фрума Фрумкина, даже выяснив нежелание сокамерниц участвовать в покушении на начальника тюрьмы Багрецова, добила вызова к нему на прием, где успела произвести в него из спрятанного револьвера один выстрел

¹ Памятная книжка социалиста-революционера. С.15; Спиридович А.И. Там же. С.360.

² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5816. Л.7об-8; ГАРФ. Ф. 124 (1906). Оп. 44. Ч. 2. Д. 589. Дело о Е.И. Казьмине, осужденном за покушение на надзирателя Тамбовской тюрьмы по поручению ПСР. 01.06.1907-04.01.1908 гг. 10 л.; Деревня. № 3. 01.12.1907; Спиридович А.И. Там же. С.364.

³ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1145. Л.271; ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1907. Оп. 237. Д. 80. Ч. 58. Л.6; РГИА (СПб.). Ф. 472. Оп. 40. Д. 124. Л.20-21.

⁴ Труд. № 18. Ноябрь 1907; Петербургская газета. 26 (13) октября 1907.

⁵ Русское слово. 23 (10) мая 1907.

⁶ Книга русской скорби. Т. 2. СПб., 1908. С.144-147.

⁷ Книга русской скорби. Т. 6. СПб., 1910. С.106-108.

⁸ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Т. 12. Д. 9893. О мещанине анархисте А.М. Кузьмине, обвиняемом в покушении на убийство сенатора, старшего председателя СПб. судебной палаты Крашениникова. 1910 г., 54 л.; Там же. Ф. 801. Оп. 6. 5 отд. 1908. Св. 35. Д. 4/9. Покушение на убийство сенатора Крашениникова, обвиняемый мещанин Александр Кузьмин. 29.07.-01.08.1908. 8 л.; Морозов И.П. Воспоминания о товарище Александре Михайловиче Кузьмине. Петрозаводск, 1918.

(30.04.1907)¹. В той же пересыльной тюрьме, «известный социалист-революционер Максим Бердягин, хороший друг Фрумкиной, сидя в общей камере, бросился во время обыска на помощника Северина с ножом в руках, легко ранив его в шею»². Уже в марте 1909 г. в этой же тюрьме анархист К. Бузульчук с ножом в руках напал на помощника начальника тюрьмы Сердюкова, в результате чего тот получил легкое ранение, а террорист погиб³. В журнале министерства юстиции подводили печальную статистику за 1907 г.: «В этом году были убиты: начальник Главного тюремного управления А.М. Максимовский, один губернский тюремный инспектор, начальник Нерчинской каторги, начальник и 2 смотрителя сибирских тюрем, 5 помощников начальников тюрем, 126 чинов тюремной стражи»⁴, еще 169 служащих тюремного ведомства получили ранения⁵.

В отличие от первых лет революции, в 1907 г. эсеры отказываются от тактики не провоцирования стихийных действий и начинают прямо поощрять самодеятельность и террористическую активность боевиков в сельской местности. Членам боевой дружины при крестьянском братстве ПСР (1907) теперь вменялось: «Каждый дружинник обязан: 1) принимать участие во всех действиях дружины, если то потребуется; 2) следить за вредными лицами и иметь все необходимые сведения для уничтожения их в нужный момент; 3) если какой-либо правительственный чиновник или другое лицо учинит зверскую расправу (порка, расстрел), каждый дружинник имеет право и обязан убить это лицо тут же на месте, не спрашивая на это разрешения и объявить, что он сделал это как член дружины от имени Партии Социалистов-Революционеров; 4) выслеживать места хранения денег и перевозки казенных денег (почты, монополии, сборщики, Государ-

¹ Полляк С.А. (Ольга Неизвестная). Еще несколько слов о т.т. Фруме Фрумкиной и Бердягине // Каторга и ссылка. К истории революционного движения в России. Киев, 1924. С.83; Деркач Н.Я. По этапам и тюрьмам. Л., 1930. С.43-46; Ушеревич С.С. Смертные казни... С.424-425.

² Брильон И.Н. На каторге: Восп. революционера. М., Л., 1927. С. 94.

³ Социал-демократ. 08(21).08.1909. № 7-8; Очерк анархического движения в Москве (1905-1908) // Альманах. Сб. по истории анархического движения в России. Т. 1. Париж, 1909. С.64-65; Брильон И.Н. Там же.

⁴ Лучинский Н.Ф. Наши тюремные и тюремно-благотворительные учреждения // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 1. С.169.

⁵ Звягинцев А.Г. В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры 1906-1917. М., 1996. С. 31.

ственной сберегательной кассы и т.п.); 5) прилагать все усилия для увеличения своего вооружения, для чего должно тайно и явно отбирать оружие у стражников, полесовщиков, казаков и прочих врагов народа. Примечание: кроме того, дружинников снабжает по мере возможности, если позволяют средства, также и местный комитет ПСР»¹. Именно это потворствование аграрному экстремизму сыграло важную роль в росте террористических жертв среди мелких служащих, чиновников, полиции и консервативных сельчан. Пункт 3 устава поощрял развитие так называемого «разлитого» террора, который изначально пропагандировали только анархисты и максималисты. В эсеровской печати с удовлетворением отмечали: «Помимо нападений на помещиков и их экономии, увеличивается число нападений на стражников и разную сельскую полицию. В них стреляют, убивают, выживают из общества и т.п. В этом случае мы имеем дело с действиями, которые входят в задачи непосредственной борьбы с произволом. Крестьяне не могут не давать отпора вооруженным защитникам правительственного и помещичьего произвола. Расширяясь этот политический террор в деревне превратится в партизанскую борьбу, которая подготовит народ к вооруженному восстанию»².

Как взятый курс отразился на настроении эсеров-крестьян видно по отчету о партийном съезде Новохоперского у. Воронежской губ. (13.05.1907). Так, решение (9 голосов против 5) принятое по вопросу о политическом терроре гласило: «Убийство администрации производится теми организациями, в районе которых управляет данная администрация. Например: становой может быть убит с разрешения районного комитета, исправник с разрешения уездного комитета и т.п. Мотивировка была та, что представляется удобный случай, пока дождешься разрешения Губернского комитета, случай будет упущен и это административное лицо уйдет в другое место. Да и местным организациям лучше знать характер тех лиц и их вину, за которую они должны быть уничтожены». Отдельное единогласное решение касалось вопроса об убийстве шпионов и черносотенцев: «Убийство всех шпионов и черносотенцев, принимающих деятельное участие в искоренении кра-

---

¹ Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье. С.198.

² Труд. Ноябрь 1907. № 18.

молы, а также помещиков призывающих стражников и казаков, производится и разрешается уездными организациями, причем убивают лица вполне партийные и из другого братства, после первого предупреждения, а не из того, где находится шпион, черносотенец или помещик. Совершается [убийство шпиона] после разбора его вины местным братством»¹. Отдельно съезд решает вопрос аграрного террора (9 голосов против 5): «Аграрный террор, рубка леса, потрава, организации не касается, а систематический поджог дело организации, исключая поджоги в селах. Поджоги фабрик и заводов крестьян не касаются». Аргументация такого решения была стандартная: «...если будет уничтожено поместье помещика, то ему трудно будет сразу опять взяться за хозяйство и закабалить крестьян вновь. Да к тому же, редко возвращается помещик на выжженное поместье, а что касается наказаний и поборов с крестьян в пользу выжженных помещиков, то они больше значатся на бумаге и не исполняются крестьянами». В решение финансового вопроса, уездные работники смело пошли наперекор общепартийному съезду, разрешая (8 голосов против 6) местные экспроприации: «Экспроприация казенных и частных сумм должна быть произведена с разрешения губ[ернского] ком[итета], но если разрешение Г.К. [губернского комитета – так далее] затягивается, то экспроприация совершается не дожидаясь разрешения, с согласия местного братства, причем совершается людьми опытными и вполне сознательными и при этом экспроприация частных сумм допускается в том случае, если вполне известно как состояние человека, так и сумма, находящаяся в момент экспроприации. ... Экспроприированные суммы распределяются согласно решения Г.К. причем, если решение Г.К. затягивается, то из сумм не менее 50 рублей тратится не более одной трети»². Необходимо отметить, что Новохоперский уезд в 1907-1908 гг. был одним из наиболее тревожных районов Воронежской губ., в котором широко развернулось партизанское движение эсеров.

Попытки стимулировать массовое движение, поднять протестную волну будут предприняты анархистами и максималистами. По примеру Декабрьского вос-

¹ Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье. С.124.

² Там же.

стания 1905 г., которое начиналось нападениями на чинов полиции, максималисты попытаются организовать одновременное нападение на постовых городских в столицах. В Москве 28 февраля было совершено нападение анархистов на городских в районе Васильевского спуска, быстро переросшее в крупную перестрелку на Красной площади. Арест и последовавшая казнь боевиков, среди которых трое оказались студентами, вызвали волнения среди «оппозиционной части московского студенчества», однако в масштабные протесты так и не вылилось¹. В Петербурге 5 Мая максималистская группа, возглавляемая Н.Е. Любомудровым, попытается одновременно «совершить убийство 16 городских Выборгского района, для чего были сделаны все необходимые приготовления и распределены исполнители. Однако одновременное нападение не состоялось, из-за недоразумения с сигналами, по которым предполагалось начать нападения, и был убит лишь городской Бурковцев и тяжело ранен городской Парахин»². В дальнейшем группа Любомудрова после ряда экспроприаций будет ликвидирована полицией в июне 1907 г.³.

На II (экстренном) съезде ПСР (12-15.02.1907) жаркая дискуссия выявила разногласия по вопросам тактики, партийной дисциплины и перспектив работы будущего парламента. Радикальное крыло эсеров требовало продолжения террора и во время работы Государственной думы, ЦК, придерживаясь ситуационной тактики террора, планировал его прекращение. Выступление Г.А. Гершуни, пессимистически оценившего перспективы «народного движения», многих заставило переосмыслить возможности террористической тактики. Споры закончились компромиссным решением передачи центрального террора под контроль ЦК, а провинциальных дел – местным комитетам⁴. Одновременно с этим предлагалось активизировать партизанское движение. Фактически II съезд ПСР, предполагая безопасность думской группы эсеров от упреков в непарламентских методах

¹ Альманах. Сб. по истории анархического движения в России. Т. 1. Париж, 1909. С.62; Русское слово. 15 (02) марта 1907; Русский голос. 23 (10) марта 1907.

² Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.308; Новое время. 19 (06) мая 1907 г.; Не-строев Г.А. Из дневника максималиста. Париж, 1910. С.82.

³ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты... С.191.

⁴ Протоколы Второго (экстренного) съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1907. С.93,95.

борьбы, предложил террористическим организациям действовать, не обращая внимания на Думу. Мнения о партийном запрете экспроприаций не были поддержаны. Съезд утвердил запрещение экспроприаций частных капиталов, а в отношении казенных сумм необходимость санкции комитета¹. Решения съезда давали возможность двусмысленного толкования положений боевой деятельности. Ряд провинциальных организаций отказываются от терроризма и тем более экспроприаторства, в таких комитетах боевые подразделения начинают подвергаться жесткому контролю или вообще ликвидироваться. Несогласие боевиков с позицией партийных комитетов выливается в массовые переходы к максималистам, анархистам или к прямой «самодеятельности». Нередко происходят конфликты и между партийными структурами. Так, в 1907 г. Костромской губернский комитет эсеров под предлогом «нежелательности и вреда для местных организаций» отказал областному комитету в содействии осуществлению на своей территории экспроприации. Областной комитет в ответ уведомил местных эсеров в том, что «с вышеуказанным мнением и протестом не считается». Помимо этого также уведомил, что «по вопросу об ассигновании Костромской Группы денежного пособия на содержание работников, О[бластной] К[омитет] постановил: в таковом Костромской группе отказать, указав Костромской группе, что независимо от состояния в данный момент кассы О[бластного] К-та, мотивом к таковому решению послужил и отказ К[остромской] Гр[уппы] содействовать усилению средств Обл. Комитета, а тем самым и организаций области путем содействия экспроприациям»².

На V съезде РСДРП (30.04.-19.05.1907, Лондон), в комплексе жарких партийных и фракционных дискуссий и споров, вопрос о вооруженном восстании не попал в повестку дня. Странность этого факта, при складывающейся политической ситуации в стране, объяснялась нежеланием большинства участников съезда и, в первую очередь, национальных партий доводить съезд до раскола, а вероятность этого, при актуальности и болезненности боевых вопросов, была очевидной. Однако, отмечая спад революционного движения и понимая, что партийные

---

¹ Там же. С.147-148.

² РГАСПИ. Ф. 673. Фильмокопии архива МИСИ «ПСР». Д. 339. Рукописи и письма Областного комитета Центральной области ПСР.

комитеты не смогут боевые подразделения держать без действия «под ружьем», съезд решил распустить боевые дружины и запретить партизанские действия¹. В знак протеста против этого решения, значительная часть большевистских боевых организаций и боевиков переходит в другие партии и комитеты или создают свои независимые группы, продолжающие вооруженную борьбу. Так в мае 1907 г. уральские партийные боевые организации РСДРП отказались выполнять решение съезда, а в августе совещание представителей боевиков призвало к продолжению партизанской войны. Уральская областная конференция (сентябрь 1907) исключит их из состава партии. Позже уже в 1909 г., оставшиеся на свободе боевики для консолидации вооруженного противостояния попытаются объединиться, в так называемую Уральскую боевую организацию РСДРП².

На роспуск Думы (03.06.1907) эсеры отреагировали решениями (I-я конференция и IV-й Совет ПСР) возобновить в полном объеме террористическую деятельность. Революционные партии имели основание рассчитывать на взрыв общественного негодования по поводу роспуска Думы и планировали это возмущение поддержать всеми возможными способами и вооруженными выступлениями. Извещение ЦК ПСР по вопросу о задачах партии в деревне сообщало: «... партия должна быть готова к тому, чтобы вмешаться во всякое стихийно возникающее широкое народное выступление против современного строя с целью внесения в него организованности и планомерности. С этой целью во всех тех местах, где настроение крестьянских масс делает вероятным такое выступление, партийные организации должны принять все меры к тому, чтобы обеспечить этому выступлению, поддержку других слоев местного трудового населения и хоть части войска»³. Передовая статья центрального органа эсеров в августе 1907 г. так призывно и называлась «Наши партийные организации должны выдвигать, поддерживать

---

¹ Пятый (Лондонский) съезд РСДРП: Протоколы. М., 1963. С. XII, 582-583.

² Соколов-Новоселов А. Вооруженное подполье. Уфа, 1958. С. 37-42; Корниенко С.И. Борьба большевиков против авантюристической тактики боевиков в уральских организациях РСДРП (1907-1910) // Боевая и военная деятельность большевистских организаций Урала (1905-1920). Свердловск, 1983. С. 63-68; Сидоренко Н.С. Политический экстремизм на Урале в начале XX в. // Исторический вестник. М., 2012. Т. 2 (149). С. 86.

³ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 5. Л. 196-197. Циркуляр ДП ОО от 17.09.1907, № 134943.

и развивать партизанскую борьбу крестьянства»¹. Однако, третьеиюньский переворот оказался основной массой российского общества незамеченным. Революция закончилась, чего нельзя было сказать о террористической деятельности. Имея возможность существовать и развиваться в отрыве от массового и общепартийного движения, именно террористическая деятельность стала заключительным актом Первой российской революции. Вторая половина 1907 и начало 1908 гг. представляли собой кульминацию краха тактических надежд комитетов и отчаянную безысходность революционного боевизма.

Партизанская форма борьбы, которая в 1905-1906 гг. использовалась в протестном движении (Кавказ, Прибалтика, Москва), в 1907 г. при отсутствии поддержки мирного населения не могла быть реализуема. Эсеры постарались ее усовершенствовать и приспособить к сложившейся политической ситуации и крестьянской партийной организации. В том же извещении ЦК ПСР предлагалось организовывать партизанские отряды двух типов. Партизанские дружины первого типа рекомендовалось «... лучше всего образовать из крестьян одного или нескольких селений, т.к. только при этом условии дружины оказывались деятельными и энергичными. Партизанские отряды должны состоять, как правило, из крестьян-землевладельцев, ведущих обычную трудовую жизнь и мобилизующихся лишь для определенных действий, по совершении которых они опять возвращаются к своей обычной жизни. ... Для некоторых более крупных предприятий губернский комитет может соединять несколько отрядов вместе, под командой начальника дружины»². В данной рекомендации никакого новшества не было и такие отряды, под названием боевых дружин крестьянских братств, имелись во многих селениях. Под вторым типом дружин подразумевались «...настоящие партизанские отряды, ведущие непрерывную войну с местными правительственными силами, только не иначе, как по решению местных органов партии: губернских и областных съездов, признавших для такой партизанской войны наличие необходимого настроения в массах. Такие постоянные отряды в своих военных действиях под-

---

¹ Знамя труда. 30 августа 1907.

² ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 95. Л.196-197.

чиняются общим партийным директивам и решениям местных областных съездов, а в вопросах стратегии действуют вполне автономно. Боевые дружины берут на себя и террористическую борьбу с теми агентами власти, которые выдвинулись своими насилиями над местным населением. В этой своей деятельности они подчиняются указаниям ОК [Областной комитет – О.К.]»¹. Хотя в последней строчке прямо оговаривается применение террористической деятельности партизанами, стоит учитывать, что в сложившихся условиях партизанские отряды второго типа могли применять только диверсионно-террористические формы борьбы. Важным является указанное обстоятельство для организации таких отрядов – «наличие необходимого настроения в массах», при его отсутствии, такие партизанские отряды очевидно должны превращаться в уголовные банды.

Смелые планы организации партизанского движения в очередной раз разрабатывали максималисты Поволжья и Москвы². Златоустовская окружная конференция эсеров (Урал) в декабре 1907 г. признала партизанскую борьбу «единственно возможным способом проведения в жизнь... ближайших требований»³, целенаправленные усилия по формированию партизанского движения приложили эсеровские комитеты Воронежской губ. На её территории и пограничных с ней Тамбовской и Курской губ. в 1907-1908 гг. действовали партизанские отряды Д.К. Грачева, И.С. Бабайцева, И.С. Белкина⁴. Деятельность агрессивных отрядов в составе 5-10 вооруженных боевиков свелась к постоянному передвижению по территории нескольких соседних уездов. Готовые к мелким экспроприациям и убийствам местных чинов правопорядка и представителей власти, отзывчивые к просьбам местных активистов в совершении терактов, такие отряды значительно обостряли обстановку в сельской местности. Летом 1907 г. развернуть масштабные действия готовились и поволжские эсеры. К этому времени в Балашовском уезде Саратовской губ. были сформированы 4 боевые дружины в количестве 2 тыс. боевиков. Эсеры планировали захватить Балашов и двинуть отряды на Сара-

¹ Там же.

² Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты... С.194.

³ Капцугович И. К истории политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975. С.63,73.

⁴ Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье. С.83-88.

тов, Тамбов, Камышин и Борисоглебск¹. Начальник Киевского ОО Н.Н. Кулябко с большим запозданием информировал ДП: «Из имеющегося в Отделении агентурного и другого материала усматривается, что по линии: Рославль-Брянск-Воронеж-Борисоглебск-Тамбов-Саратов, более года, ведут партийную работу (под местным наименованием "независимые", "лига красного шнура" и др.) отдельные, тесно связанные между собой, группы "социалистов-революционеров-максималистов". Задачи этого союза ... сводятся в общем к следующему: Союз ставит практической задачей немедленный одновременный социальный переворот в городе и деревне. С этой целью, наряду с широким распространением идей социализма, союз признает самую энергичную террористическую и партизанскую борьбу, как в деревне, так и в городе, которая должна завершиться всеобщим вооруженным восстанием»².

В тоже время, уездные комитеты и крестьянские братства прилагают усилия по расширению форм действий партизанских отрядов первого типа, стимулируют их активность и инициативность, отход от общинных коллективистских действий. Случаи разгромов казенных винных лавок, совершаемые многочисленными до 10-15 человек группами вооруженных боевиков, прокатились по стране. Так, в Воронежской губ. между селами Троицким и Ярками Новохоперского у., группа из 25 вооруженных ружьями и револьверами крестьян напала на транспорт, перевозивший 225 ведер казенного вина и, «свалив в одну кучу вышеупомянутое вино, сожгла таковое и скрылась» (02.10.1907)³. Во главе группы стоял местный эсеровский организатор С. Лабыкин. 20 декабря вооруженная группа из 20-30 человек напала на усадьбу помещика Русанова близ с. Турова Нижнедевицкого у. (Воро-

¹ Посадский А.В. Черная сотня в саратовской деревне в 1905-1916 гг. // Отечественная история. 2007. № 1. С.135.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 461. Л.154-159. Сведения агентов Киевского ОО о деятельности с.-р.-м. на линии Рославль-Брянск-Воронеж-Борисоглебск-Тамбов-Саратов. 30.07.-07.08.1908. 272 л.; ЦГИА Украины. Ф. 275. Оп. 1. Д. 1651. Переписка с ДП, ВГЖУ и другими учреждениями об аресте в Киеве, Воронеже, Борисоглебске и других городах, лиц принадлежащих к ПСР и группе анархистов-коммунистов. 25.07-11.09.1908 г. 281 л.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 350. Л.356,602; Русское слово. 23 (10) октября 1907.

нежская губ.)¹. Кроме жестокого убийства попытавшегося дать отпор помещика, от стихийного крестьянского разгрома по типу 1905 г., это событие отличало отсутствие общинного схода и решения, а также участие в нем только членов крестьянского братства ПСР. Последующие повальные аресты членов местных крестьянских братств встретили сопротивление крестьян. Аресты в соседнем с. Кочетовка превратились в побоище (23.02.1908), в результате которого 6 крестьян погибло и 7 получили ранение. Характерной на это событие стала реакция губернских властей – в феврале 1908 г. по «русановскому делу» будут казнены 8 крестьян, бессрочную каторгу получают 7 человек, различные каторжные сроки еще семеро! Объясняя причины всплеска крестьянской агрессии в Воронежской губ., А.И. Спиридович отмечал: «Разжигаемое пропагандистами настроение крестьян повышалось и так как вооруженное восстание не состоялось, то настроение возбужденной массы и проявилось в действии скопом против местной полиции»². Д.Б. Павлов указывает на аналогичные случаи разгромов помещичьих усадеб эсеровскими братствами «специально для популяризации в крестьянстве аграрного террора» и на Украине³.

По этому поводу прокурор Харьковской судебной палаты тревожно писал министру юстиции: «... революционное движение в крестьянской среде Воронежской губернии, выражающееся главным образом в виде учреждения т.н. крестьянских братств, представляет величайшую опасность, благодаря сплоченности крестьянства, уже перешедшего к активным действиям, чему служит пример убийство помещика Русанова и недавнее массовое сопротивление крестьян полицейской власти в с. Кочетовке при аресте членов братства»⁴. Но несмотря на все прилагаемые усилия эсеров, массовое выступление крестьян так и не иницировалось. В дальнейшем местные комитеты будут высказывать упреки ЦК ПСР в том, что он

¹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 7/67. Д. 10/25. Отд. 5. 1909. Св. 51. Л.397-415; ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1086; Вознесенский А.Н. Крестьянские братства (Из воспоминаний защитника) // Каторга и ссылка. 1933. № 11 (108). С.93; Квасов О.Н. Разгром имения помещика Русанова 20 декабря 1907 г. крестьянским братством эсеров // Созвездие. 2012. № 2 (3). С.53-58.

² Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.408-409.

³ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты... С.49.

⁴ ГАРФ. Ф. 124 (1908). Оп. 46. Д. 503. Л.1.

деятельно не поддержал выступления братств. Причем тот же упрек высказали и марксистские историки: «Когда же в Воронежской губернии попытались последовать плану, напечатанному на страницах главного органа, "Ц.К. отнесся... отрицательно к плану массового крестьянского восстания" после того как оно в самом начале было подавлено с массою жертв. Тогда "нашли, что постановка этой работы грешит существенной неправильностью, что товарищи слишком муссируют настроение и преувеличивают готовность к выступлению"»¹. Таким образом, народническая идея партийного инициирования аграрного террора, которую высказывал еще Л. Тихомиров и на которой настаивали «аграрные террористы» в 1904 г., была продекларирована и эсерами, но в полной мере реализована не была.

Попытки партизанских подразделений осуществлять боевые акции предпринимались по всей стране. Преимущественно это были эпизодические, в большей степени демонстративные операции, нацеленные на скрепление солидарности групп. Преимущественно они носили экспроприационный или диверсионный характер. Так, астраханскими эсерами был образован боевой летучий отряд, который за один день совершил три грабежа местных предпринимателей (19.08.1908)². В Таганрогском у. (Область войска Донского) восемь вооруженных лиц в масках заняли контору пивзавода и в течение нескольких часов отбирали выручку у подъезжавших развозчиков (16.04.1908). Позже, в этой же местности, уже 20 вооруженных лиц, напали на газовый завод, связали сторожей, ограбили контору и скрылись (30.04.1908). Осенью рядом с Ростовом-на-Дону, также 20 вооруженных лиц, по той же схеме, напали на хутор, перевязав прислугу, похитили 4 тыс. руб. и скрылись (08.10.1908)³.

В Сарапульском у. (Вятская губ.) после «усиленной преступной пропаганды» был «произведен целый ряд насилий и грабежей» (11-13.08.1908)⁴. Дюжина боевиков провели масштабную операцию по грабежу казенных винных лавок в

¹ Общественное движение в России в начале XX-го века. Т. 1. Предпосылки и основные причины революции. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914. С.131.

² Кузнецов В.Н. Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX века // Вопросы истории. 2010. № 12. С.32.

³ Русь. 30(17) апреля 1908; Русское слово. 14(01) мая 1908, 22(09) октября 1908.

⁴ РГИА (СПб). Ф. 1276. Оп. 3. 1907. Д. 176. Л.306.

Большенорье, Кейлуде, Никольском. В Ижевском заводе эта группа совершила нападение на полицейский участок, где был убит один и тяжело ранены четверо городских. После всего этого, «пристав Кагранбеков, получив душевное расстройство, отказался от службы»¹. Группы боевики в течение всего августа продолжали передвигаться по насыщенным лесами и сопками местности, периодически совершая боевые вылазки.

Хорошо представляя себе агрессивную реакцию революционных партий на роспуск Думы, ДП настоятельно рекомендовал летом и осенью 1907 г. местным ГЖУ и ОО, при имеющихся даже поверхностных сведениях и основаниях для ликвидации комитетов и боевых групп, осуществлять ее безотлагательно, хотя бы в ущерб агентурно-разведывательной работе. Репрессии вызывали новую волну мстительного террора, что отмечается во многих воспоминаниях: «Реакция толкает многих на путь террора. Наиболее пылкие товарищи не могут примириться с вакханалией белого террора и увлекаются террористической борьбой»². Упрощенное судопроизводство, военно-полевая юстиция и возможности внесудебных административных высылков позволяли жандармам буквально «выкашивать» революционно-партийные организации обширных районов и нескольких смежных губерний. Именно для этого в декабре 1906 г. над ГЖУ, розыскными и местными ОО были поставлены Районные охранные отделения (РОО), которые должны были координировать усилия силовых подразделений нескольких губерний, подчиняясь Особому отделу ДП МВД³. Так, именно Юго-Восточное РОО в августе-сентябре 1908 г. провело гигантскую ликвидационную операцию на огромной территории Рославль-Брянск-Воронеж-Борисоглебск-Тамбов-Саратов, полностью ликвидировав максималистские организации тамбовских, воронежских, курских и орловских максималистов, проведя за одно аресты среди местных эсеров и анархистов.

На почве обвинений боевиков в деструктивной деятельности, авантюризме и непонимании текущего политического процесса внутри некоторых партийных

---

¹ Новое время. 29 (16) августа 1907.

² Из прошлого. Революционная борьба рабочих Брянской губ. (1896-1917 гг.). Вып. I. Брянск, 1924. С.27-28.

³ Положение о районных охранных отделениях. 14 декабря 1906 г. // Перегудова З.И. Политический сыск России (1880-1917 гг.). М., 2000. С.387-392.

организаций между «террористами» и «пропагандистами» начинаются острые конфликты. Так, руководство народно-социалистической партии в сентябре 1907 г. указывало местным соратникам на печальные последствия одной из форм террористической деятельности: «Практикуемые, в качестве приема политической и экономической борьбы, экспроприации, вносят глубокий разлад и деморализацию в ряды трудящихся классов, представляют собой крайне грозное явление. По этому, комитет высказывает пожелание, чтобы местные группы партии, пользуясь своим влиянием, отвлекали трудящиеся массы от этого метода борьбы и не допускали образования при себе, в качестве отдельных организаций, боевые дружины, т.к. подобные организации, неизбежно обособленные по своему строению от партии, легко выходят из под ее контроля и уклоняются на путь анархистских действий»¹. Аналогичные тенденции в террористической деятельности происходят и на национальных окраинах империи. В ноябре 1906 г. в Польской социалистической партии (ППС), основном проводнике террористической тактики в Привислинском крае, происходит раскол. Наряду с другими, одной из главных причин раскола стали различные взгляды руководства на террористическую тактику и дальнейшие перспективы деятельности Боевого отдела ППС. В отличие от руководства ППС-Левицы, руководители ППС-революционной фракции настаивали на эскалации террористического насилия и активизации партизанских действий с перспективой перехода их к полномасштабному национально-освободительному восстанию. В изменившихся условиях 1907 г., с упадком массового движения, это означало авантюризм. Однако такую тактику предлагали использовать не только отравленные национализмом террористы. Так, глава Летучего боевого отряда Северной области ПСР А.Д. Трауберг, кроме того, что достиг впечатляющих успехов в практическом руководстве отрядом, рекомендовал кардинально поменять и террористическую тактику². В условиях начинающейся реакции, он предлагал отказаться от ситуационного использования террора и перейти к его массированному использованию: «Удары должны следовать один за другим с короткими про-

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 95. Л.174. По тексту циркуляра МВД от 28.09.1907, № 10452.

² Под его руководством были совершены убийства прокурора В.П. Павлова, генерал-майора Г.А. Мина и начальника Главного тюремного управления А.М. Максимовского.

межутками времени, или должен последовать ряд ударов одновременно в разных местах, или же удары должны быть наносимы целыми группами, так называемый "оптовый террор"»¹.

При всех партийных усилиях активизации, революционно-террористическая деятельность с середины 1907 г. все явственнее теряла партийную организованность и управляемость. Террор мельчал, рассыпался на отдельные эпизоды, приобретал ярко выраженную объектно-профессиональную и мстительную направленность. Болезненным явлением становилась стремительная деградация революционных и организационных принципов борьбы боевиков. Самодеятельность, инициативные акты отдельных террористов, действия вопреки распоряжениям комитетов стали для боевиков распространенным явлением. В 1907 г. количество жертв среди частных лиц постепенно начинает превосходить, а с 1908 г. превосходить уже в несколько раз число жертв среди госслужащих (См.: Приложение. Диаграмма 1. С.464)². Эту тенденцию необходимо учитывать, в противном случае, глядя на большее количество жертв частных лиц по сравнению с госслужащими в совокупной статистике революции, можно сделать категоричные и необоснованные выводы вслед за Г.В. Романовой: «Следовательно, внедряемая эсерами в общественное сознание идея, что террор представлял из себя акт мести представителям власти и одновременно направлен на то, чтобы заставить правительство изменить свой внутривластный курс, является мифом»³.

В 1907 г. увеличивается количество нападений на местных представителей черносотенных и патриотических организаций. И хотя революционные комитеты не отказались от своей декларируемой позиции в отношении запретов нападений на партийных противников, в реальности ситуация изменилась кардинально. Сведения, которые по этому поводу собирал ДП, далеко не полные, что в очередной раз показывает несовершенство статистических методик полиции. Так, согласно

---

¹ Идельсон М.В. Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 1993. С.15.

² Квасов О.Н. Количественные параметры жертв революционного терроризма начала XX века // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2010. № 2. Июль-декабрь. С.28.

³ Романова Г.В. Борьба подразделений политической полиции Поволжья с революционным террором в 1905-1907 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. С.102.

«перечню террористических актов против членов патриотических организаций», составленному ДП с января 1907 по февраль 1908 гг. в губерниях Европейской России было совершено всего 6 «посягательств», в Астраханской губернии – 2, в Донской области, Орловской, Псковской и Уфимской губерниях – по 1¹. При этом по каким-то причинам проигнорированы: взрывы бомб во дворе, издаваемой черносотенцем Н.Е. Марковым газеты «Курская Быль» (01.04.1907)², и в чайной СРН в Санкт-Петербурге (09.05.1907)³, убийства – в Курске кандидата от правых Плохова (24.01.1907)⁴, на Брянском заводе члена СРН сотника Попенкова (04.04.1907)⁵, в Ростове-на-Дону мастера железнодорожных мастерских октябриста И.М. Дорошенко (11.07.1907)⁶, в Екатеринбурге рабочего-«черносотенца» Попова (17.08.1907)⁷, в Красноуфимске председателя СРН С.А. Свиридова (05.01.1908)⁸, и два покушения со стрельбой на секретаря воронежского отдела СРН Н.Н. Пантелеевского (25.11. и 18.12.1907). По всей видимости, учитывая, что жертвами террора становились, преимущественно, члены черносотенных низовых подразделений и то, что в подавляющем большинстве случаев роль революционных комитетов в покушениях либо прямо отсутствует, либо не определенная, можно с большой долей вероятности предположить, что эти преступления были преимущественно инициативой рядовых боевиков или боевых подразделений.

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. Д. 2554. Л.29-31. Имеются ввиду покушения: в Астраханской губ. – убийство в с. Пришиб и в с. Колобовке Царевского у. членов монархических кружков Х. Малякина (12.01.1908) и И. Милюкова (13.02.1908); в Донской области – неудачная стрельба в Нахичевани в кандидата выборщиков от блока СРН и октябристов Макаренко (17.01.1908); в Орловской губ. – убийство в с. Куракине Малоархангельского у. председателя местного отдела СРН Наумова (06.01.1908); в Псковской губ. – нападение на квартиру члена СРН Жукова (14.02.1908); в Уфимской губ. – это, вероятно, «убийство выстрелом через окно» в Златоусте председателя отдела СРН Анисеева (08.04.1908).

² Новое время. 15 (02) апреля 1907.

³ Петербургская газета. 23 (10) мая 1907; Русское слово. 24 (11) мая 1907.

⁴ Алмазов П. Наша революция (1902-1907). Исторический очерк. Киев, 1908. С.706; Булацель П.Ф. Борьба за правду. М., 2010. С.189,195.

⁵ Русское знамя. 18 апреля 1907. № 88.

⁶ Русское слово. 26 (13) июля 1907; Книга русской скорби. Т. 1. Изд. 3. СПб., 1911. С.88-89.

⁷ Русское слово. 01 сентября (19 августа) 1907; ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 282. Л.19-30; Кийков А. Там же. С.103,106.

⁸ Книга русской скорби. Т. 8. СПб., 1911. С.185-192; Памятная книжка социалиста-революционера. С.17; Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.408; Ушеревич С.С. Смертные казни... С.392,453.

Продолжился рост насильственных преступлений в стенах учебных заведений, особенно духовных. Как неоднократно замечалось в воспоминаниях бывших семинаристов, к этому располагала, в первую очередь, сама система обучения в семинариях начала XX в. Закрытый режим проживания, жесткая дисциплина, устаревшие методики воспитания и обучения закономерно вступали в противоречие с революционными лозунгами и провозглашаемыми свободами. Большинство семинарий страны прошли через ученические волнения или временное закрытие по поводу беспорядков, значительное число семинаристов оказалось в рядах революционеров и боевиков. Во многих семинариях существовали революционно-партийные ячейки, выходили нелегальные издания, имелось оружие, вплоть до взрывных устройств. И, несмотря на то, что Всероссийский общесеминарский союз, проходивший 25-27 декабря 1906 г., не утвердил предложение о проведении террористических актов над неугодными членами инспекций (9 голосов против 6), насильственные акции продолжали осуществляться. Боевиками в стенах семинарий в 1907 г. был убит ректор Пензенской семинарии архимандрит о. Николай (Орлов) (18.05.1907)¹, тяжелое ранение получил ректор Тамбовской семинарии архимандрит о. Симеон (Холмогоров) (07.04.1907)², легкое ранение инспектор Воронежской семинарии М. Романовский (21.02.1907)³. Взрывы прогремели в Московской (08. и 09.05.1907)⁴ и Симбирской семинариях (15.09.1907)⁵.

Революционные организации духовных училищ преимущественно были эсеровскими. Нередко партийная принадлежность ячейки была неопределенной, с уклоном к ультрареволюционаризму. Революционный экстремизм проявлялся и в

¹ Русское слово. 01 июня (19 мая) 1907; РГИА (СПб.). Ф. 472. Оп. 40. Д. 124. Л.33; Поляков А.Б. Революционный терроризм в Пензенской губернии в 1905-1907 гг. (по материалам источников личного происхождения) // Известия Пензенского ГПУ. № 23. 2011. С.561.

² РГВИА. Ф. 801. Оп. 7. Д. 10/27. Отд. 5. 1909. Св. 51а. Л.156-163; ГАТО. Ф. 186. Оп. 113. Д. 1. Л.4-6; Центр документации новейшей истории Тамбовской области. Ф. 382. Оп. 1. Д. 17. Л.5; Социалист-революционер. Изд. Тамбовского комитета ПСР. № 2. Апрель 1907.

³ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1316. Дело о покушении на жизнь инспектора Воронежской духовной семинарии Михаила Романовского. Февраль 1907 – 27.01.1909 гг. 27 л.; РГВИА. Ф. 801. Оп. 7/67. Д. 24. Отд. 5. 1909. Св. 51. Л.4-27.

⁴ Соколов С.П. Скорбный лист духовных семинарий в 1906-1907 гг. // Богословский вестник. № 5. 1907. С.237.

⁵ Романова Г.В. Борьба подразделений политической полиции Поволжья с революционным террором в 1905-1907 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. С.89.

обычных учебных заведениях. Эсерами был ранен директор Оренбургского реального училища Каменев (25.09.1907)¹. Помимо письменных угроз расправы от «боевой дружины партии социалистов», стрельба в преподавателей была открыта в Корочанской гимназии (Курская губ.) (июнь 1907)², а бывший воспитанник этой гимназии Е.Д. Добров застрелил помощника местного уездного исправника П.И. Беляева (20.07.1907)³. Безуспешно покушались на жизнь инспектора Дмитровского (Курская губ.) городского училища Попова (16.11.1908)⁴. В Оренбурге группой учеников реального училища при попытке освободить задержанных учащихся из полицейской части, был убит надзиратель, но подоспевшая армейская помощь предотвратила побег (15.05.1908)⁵.

На 1907 г. приходится пик нападений на служителей православной церкви и различные религиозные объекты. Причиной этого, очевидно, стала преимущественно активная позиция священников в отстаивании консервативных позиций, часто членство в патриотических организациях и сотрудничество с правоохранительными органами в поддержании порядка. И хотя среди служителей церкви было большое количество сторонников, в том числе и активных, преобразований, официальная церковь ассоциировалась с консервативным царским режимом. Всего за годы революции от терактов погибло более 50 священнослужителей⁶. Стремительно выросло число революционных ограблений объектов церкви. По всей видимости, на это повлияла незначительность охраны и наличие церковных пред-

¹ Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.364-365. В «Памятной книжке социалиста-революционера» это преступление датируется декабром, фамилия директора указана – Каненский, а имя террориста – «Летный». Т.к. этот теракт иными источниками не подтверждается, есть большая вероятность, что его не было совсем.

² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10051. Л.242.

³ ГАРФ. Ф. 124 (1910). Оп. 48. Д. 140. Дело об убийстве помощника Корочанского уездного исправника Беляева по постановлению Корочанского комитета ПСР в г. Короче Курской губ. 01.08.1907-23.02.1911 гг.; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10262. Л.17; Книга русской скорби. Т. 9. СПб., 1911. С.122-123.

⁴ Русское слово. 04 декабря (21 ноября) 1908; ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 321. Представление товарища прокурора о покушении на жизнь инспектора Дмитриевского городского училища. 17.02.1909 г.

⁵ Русское слово. 29 (16) мая 1908.

⁶ Романова Г.В. Борьба подразделений политической полиции Поволжья с революционным террором в 1905-1907 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. С.101. С февраля 1905 по май 1906 гг. был убит 31 священнослужитель (Емелях Л.И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976. С.42).

метов из драгоценных металлов. Так, в европейской части России в 1907 г. был застрелен священник с. Нарышкино (Сердобский у., Саратовская губ.) (12.05.1907)¹, семь «замаскированных лиц» ограбили Крестный монастырь рядом с г. Онега (Архангельская губ.) (16.03.1907)², в Воронежской губ. партизанская группа Х. Шабанова в количестве 10 боевиков ограбила на несколько сот рублей Лысогорский женский монастырь (Новохоперский у.) (04.11.1907)³. Вступив в перестрелку и бросание бомб, кровавый грабеж устроила вооруженная группа политссыльных латышей в Крынецком монастыре под Псковом (11.11.1907). В результате грабители убили шесть человек и ранили двоих⁴. Некая «шайка экспроприаторов» пыталась ограбить церковь под Звенигородом (Московской губ.) прямо во время богослужения. Но, встретив сопротивление и открыв беспорядочную стрельбу, в ходе которой несколько человек получили ранения, преступники скрылись (25.05.1907)⁵.

В 1908 г. для подавляющего большинства революционных партий стала в полной мере очевидна невозможность при помощи террористических или партизанских действий реанимировать массовое революционное движение. Это подтверждается и снизившейся террористической активностью, что отражено в графике 6 (См.: Приложение. График 6. С.467).

Террор в своей эксцитативной (возбуждающей) функции при отсутствии поступательного роста массового движения себя исчерпал. Все попытки поднять с помощью провоцирующих силовых акций аграрное движение также закончились провалами. Революционные партии и комитеты несли огромные кадровые потери от полицейских преследований. Катастрофическое последствие на организацию террористической деятельности всех революционных организаций оказало разоблачение двойной роли Е. Азефа. После этого, помимо уже имеющегося между

¹ Русское знамя. 12 мая 1907.

² Русское слово. 30 (17) марта 1907.

³ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1320. Дело об ограблении 4 ноября 1907 г. настоятельницы Лысогорского Успенского женского монастыря игуменьи Серафимы. 07.11.-13.11.1907 гг. 4 л.; ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 298. Л.101об.

⁴ Русское слово. 26 (13) ноября 1907; Беренштам В.В. 1905 г. в Прибалтике. М., 1926. С.18; Беренштам. В. В боях политических защит. Л., М., 1925. С.210-229.

⁵ Русский голос. 09 июня (27 мая) 1907.

партийными комитетами и боевиками недопонимания тактических решений, выростала гигантская стена недоверия, которая в складывающихся обстоятельствах окончания революции, очень часто превращалась не только в прямой разрыв отношений, но и конфронтацию. Террористические и боевые организации левых партий ликвидируются полицией или самостоятельно распускаются комитетами. В тоже время появляется большое число мелких экстремистских групп леворадикальной ориентации. В названии этих групп часто будет отражаться романтическое представление о революции и насилии: «Смерть за смерть», «Союз крайних террористов», «Черные вороны», «Черная туча», «Лига вольных стрелков», «Кровавая ручка» и пр. Преимущественно эти группы исповедовали анархистскую идеологию или придерживались максималистской тактики. Однако большое их количество представляло собой псевдореволюционные группы со странным симбиозом идей анархии, обогащения и перераспределения. Так, в уставе воронежской «Лиги красного шнура» (1908) значилась следующая цель организации: «преследуя свое личное благосостояние, мы попутно вместе с этим вносим деморализацию в существующий государственный строй, не разбираясь в средствах, стремимся к его ниспровержению»¹. Большинство таких групп будут заниматься экспроприациями или различными формами вымогательства. Вся их деятельность чаще всего ограничивалась многочисленной рассылкой вымогательских мандатов или одной-двумя резонансными экспроприациями. Учитывая криминальные контакты большинства членов таких объединений, ДП в борьбе с такого рода террористами активно использует уголовную полицию, что было вполне оправдано и продуктивно. В дальнейшем, активная деятельность этих групп, заменивших собою революционно-террористические подразделения, затягивала наведение общественного порядка еще в течение нескольких послереволюционных лет.

В 1908-1909 гг. многие революционные комитеты значительно сокращают или полностью прекращают свою деятельность. Общественная усталость от революционных потрясений, жертвы среди революционных организаций и агентурная

---

¹ Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С.227.

сеть полиции, контролирующая всякое проявление общественной и политической активности, снизили деятельность левых партий до минимума, что хорошо видно по графику 7 (См.: Приложение. График 7. С.467). Однако леворадикальные идеологические конструкции позволяли надеяться на новую волну революционного движения, в которую убежденно верило партийное руководство, особенно эмиграционное, оторванное от реальной политической жизни страны. Неоднократно прилагаемые усилия реанимировать революционное движение или стимулировать имеющиеся проявления везде заканчивались неудачей. Попытки ПСР организовать центральный террор, используя группу Б.В. Савинкова, закончились провалом, а прибывающие для активизации партийной работы заграничные эмиссары сплошь находились под наблюдением ДП и везли с собой провалы еще имеющихся местных партийных групп¹. Так же печально закончилась деятельность парижской группы «Революционного коммунизма», организованной в начале 1909 г. видным максималистом Г.А. Ривкиным. Имея амбициозную цель осуществить в России «возрождение террора», группа практически ничего не смогла предпринять².

При этом осуществить акции местного значения еще удавалось. Так, эсеры европейской России в ответ на суровую акцию наведения в Вологодском центре «должного» порядка, в ходе которой двое заключенных были убиты и 76 высечены, устраивают покушение на жизнь местного тюремного инспектора А.Е. Ефимова (15.04.1911). Сама операция была санкционирована ЦК ПСР и осуществлена «летучим боевым отрядом». Организатору и исполнителю акции эсерке Л.И. Рудневой, удается скрыться с места преступления³. Членом Сибирского летучего боевого отряда эсеров Б.И. Лагуновым, совершено покушение на начальника Зерентуйской каторги И.И. Высоцкого (18.08.1911), повинного в смерти кумира партии Е.С. Созонова. Высоцкий будет ранен, а Лагунов приговорен к смертной казни,

¹ Городницкий Р.А. Боевая организация... С.184-235; Гусев К.В. Чернов: Штрихи к политическому портрету. М., 1999. С.40-43.

² Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты... С.202.

³ Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.492; Генкин И.И. По тюрьмам и этапам. Пг., 1922. С.82; Никитина Е.Н. Покушение на тюремного инспектора Ефимова // Каторга и ссылка. 1927. № 2 (21). С.135-141.

замененной двадцатью годами каторги¹. Характеризуя эсеровский террор этого периода, К.Н. Морозов замечает: «Необходимо отметить, что подобный, как его называли "тюремный террор" иногда втихомолку, иногда открыто поддерживался даже самыми ортодоксальными социал-демократами, т.к. реально способствовал ограничению произвола тюремных самодуров, от которого страдали политзаключенные без различия партий. В 1912 г. политкаторжане без различия партий критиковали эсеров как раз за отсутствие должного ответа на Кутомарскую трагедию, за отсутствие актов "тюремного" террора»².

Решение V съезда РСДРП о роспуске боевых дружин и запрещении партизанских действий выполнила большая часть комитетов партии. Однако, также как и у эсеров, некоторая часть комитетов и боевиков выступила против этого решения. В частности это сделали южно-уральские организации (Уфа, Златоуст, Сим, Миньяр), которые придерживались отзовистской тактики.

Несмотря на решение областного партийного съезда (сентябрь 1908) о расформировании боевых подразделений, уральские боевики осуществляют две скандально известные экспроприации на станции Миасс (01.10.1908 – «Миасс первый» и 26.08.1909 – «Миасс второй»). В первом случае добыча боевиков составила 40 тыс. руб., во втором – 75,5 тыс. руб. и 1,5 пуда золота³. Часть денег попала к «впередовцам», которые организуют Болонскую школу (Италия) пропагандистов. «Второй Миасс» осуществила обособленная группа боевиков, созданная 22 июля 1909 г. и взявшая на себя название «Уральской боевой организации

¹ Спиридович А.И. Там же. С.492; Лагунов Б. Поездка в Горный Зерентуй // Каторга и ссылка. К истории революционного движения в России. Киев, 1924. С.5-13; Чемоданов Г.Н. Тюремщик Высоцкий. М., 1929; Толочко А.П., Курусканова Н.П. О роли террора в деятельности эсеровского подполья в Сибири (1905 – февраль 1917) / Исторический ежегодник. 1997 (специальный выпуск). С.14-24 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles/y1997s/a014/article.shtml>.

² Морозов К.Н. Дискуссии в ПСР о терроре накануне Первой мировой войны [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socialist.memo.ru/firstpub/y05/morosov1.htm>. Кутомарская тюрьма (1908-1917) Зерентуйского района Нерчинской каторги Восточной Сибири. В июле 1912 г. ужесточение режима содержания политкаторжан, привело к массовой голодовке и протестному нарушению дисциплины. Применение телесного наказания к эсеру И.Н. Брильону, вызвало волну попыток самоубийства среди заключенных, в результате чего погибло пять человек.

³ Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.213-215; Кийков А. Там же. С.90-91,110; В преддверии полного раскола. Там же. С.25-26.

РСДРП». Именно «второй Миасс» вызвал повальные аресты в уральских организациях социал-демократов, по итогам которых, более 400 революционеров будет арестовано, что и вызовет ликвидацию целого ряда уральских комитетов.

19 декабря 1909 г. агент петербургской охранки, эсер А.А. Петров на конспиративной квартире убивает начальника ОО подполковника С.Г. Карпова¹. Этот эпизод террористической борьбы не являлся оригинальной, тем более новаторской операцией революционеров. Отнести ее к победным акциям террористов тоже нельзя. Всем его участникам пришлось объясняться, чтобы реабилитироваться в общественных и партийных глазах². Глубокое по содержанию исследование этого дела К.Н. Морозовым, исчерпывающе демонстрирует насколько тлетворной оказалась практика провокационно-агентурного противодействия революционному движению³. Смерть премьер-министра П.А. Столыпина от руки двойного агента, а не организованного революционерами теракта, явилась симптоматичным окончанием этой практики.

Анархистские локальные группы, несмотря на свою разобщенность и аморфность, эпизодически предпринимали масштабные усилия для организации насильственных акций, агитации и пропаганды своих идей. В 1908-1910 гг. брянские анархисты, руководимые Г.М. Ипатовым, осуществили более десятка вооруженных выступлений, выпускали прокламации, не только с призывами и пропагандой, но и обоснованием своих действий. Деятельность анархистов закончилась с гибелью 30 августа 1910 г. при аресте самого Ипатова и последующими обвальными арестами, осуществленными Московским ОО, одновременно в гг. Москве,

¹ РГИА (СПб.). Ф. 1405. Оп. 539. Д. 531. Записка ДП МВД об убийстве начальника Петербургского ОО полковника Карпова. 08-09.12.1909. 12 л.; Книга русской скорби. Т. 7. СПб., 1911. С.132-141; Спиридович А.И. Там же. С.465-466.

² Курлов П.Г. Гибель императорской России: восп. товарища министра внутренних дел. М., 2002. С.150-152; Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов: Воспоминания // «Охранка». Т. 1. М., 2004. С.228,252-256; Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка». Т. 2. М., 2004. С.314-326,339; К убийству полковника Карпова. Отдельный оттиск из № 25 «Знамени труда» [декабрь 1909 г.]; Записки А.А. Петрова: (К истории взрыва на Астраханской улице). Париж, 1910.

³ Морозов К.Н. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1909-1911 гг. и загадки «дела Петрова» // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. Мат. конф. М., 1996. С.76-86; Он же. ПСР в 1907-1914 гг. М., 1998. С.443-483.

Брянске, Смоленске, Калуге, Вязьме, Камышине¹. После ликвидации группы, полиция сделала выводы, что брянскими анархистами «лишь высказывались пожелания проявить в будущем: 1) антибуржуазный террор, бросив бомбу в Большом театре в г. Москве при значительном скоплении публики, например, на одном из спектаклей с участием Шаляпина или в собрание Съезда Горнопромышленников на юге России; 2) антигосударственный – произведя взрыв Государственной Думы во время заседания, на котором могли бы присутствовать Министры с председателем Совета Министров»². Несколько экспроприаций в 1910-1913 гг. удалось организовать и разрозненным группам поволжских анархистов³.

В целом, можно видеть, что политический терроризм после 1908 г. не приобрел сколько-нибудь существенных масштабов и не вышел за пределы редких исключений вследствие отсутствия революционно-партийной деятельности и ликвидации организационного механизма террора. Связывать это отсутствие с разрешением социально-политических противоречий царским правительством, оснований нет. По сравнению с рубежом веков акции политически немотивированного индивидуального насилия после Первой революции проявляют себя намного чаще. Это было обусловлено приобретенным опытом борьбы, наличием экстремистски ориентированной агитации и пропаганды, существующими, а в некоторых случаях и обострившимися еще более социально-экономическими проблемами. Характерный пример после революционных рассуждений о различных вариантах устранения представителей заводской администрации отражен в воспоминаниях рабочих Дятьковской хрустальной фабрики (Брянский у., Орловская губ.): «... В 1914 г. был организован кружок, для истребления негодных элементов ... но все наши попытки покушений на этих лиц не увенчались успехом, потому что не было карманного оружия. А издевательства над рабочими всё усиливались. Тогда

¹ ГАОО. Ф. 883. Д. 577. Дело об аресте членов Брянской группы партии анархистов-коммунистов. 17.08-04.12.1910 г. 166 л. Детали этой ликвидации, касающиеся Брянска, упоминаются руководителем Московского ОО П.П. Заварзиным в книге «Жандармы и революционеры» // «Охранка». Т. 2. М., 2004. С.101-109.

² Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С.31.

³ Кузнецов В.Н. Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX века // Вопросы истории. 2010. № 12. С.37.

нашим кружком был намечен другой проект истребления – побросать в печь. ... План заговора был все-таки нарушен: Аристова понесли за проходную будку, где он был выброшен, как собака, в канаву, а сами спокойно пошли в мастерскую и стали работать»¹. В воспоминаниях особо оговаривается отсутствие партийного руководства рабочими. Важно отметить, что первоначальным вариантом было использование методов политической борьбы (теракты), которые в конечном итоге сменили на более привычные, групповые способы протеста – «самосуд скопом» и «вывоз на тачке».

Наиболее распространенными формами социальной борьбы крестьян вновь становятся индивидуальные протесты. Огромный размах, большей частью скрываемый, приобретают поджоги, достигшие пика в 1910 г. «Почти всегда» такие пожары полицейское дознание фиксировало как «пожар по неосторожности». Как утверждала сама губернская власть, «объясняется это явление тем обстоятельством, что некоторые страховые общества не выдают, в силу своих уставов, причитающегося по полисам вознаграждения за убытки, происшедшие от поджогов на аграрной почве, что в свою очередь вынуждает владельцев сгоревших имуществ, в видах соблюдения своих материальных интересов, даже в тех случаях, когда злоумышленник поджогов несомненен, заявлять чинам полиции при производстве дознания по делам этого рода, что пожар произошел, будто бы, от неосторожности»². Тем не менее, М.Н. Покровский отмечал: «В 1910 г. в черноземной полосе – главном театре крестьянских волнений в 1905-1910 гг. и "землеустройства" при Столыпине – мы имеем 647 поджогов помещиков и 2993 поджога "отрубников" и "хуторян"»³. Характерно эти цифры сравнить с количеством поджогов за первые три года XX в. по всей России: в 1901 г. – 7, в 1902 – 69, в 1903 – 389⁴. С отдалением от революции и развитием столыпинской реформы, доля поджогов поме-

¹ Из прошлого. Революционная борьба рабочих Брянской губернии (1896-1917 гг.). Вып. I. Брянск, 1924. С.101-102.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 990. Л.118. См. также: Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (1898-1916) (отрывок из неопубликованной книги) // Звезда. 2002. № 7. С.148.

³ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. III: Двадцатый век. Вып. 1: 1896-1908 гг. [Электронный ресурс]. URL:http://scepsis.net/library/id_847.html.

⁴ Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2004. С.85.

щичьей собственности стремительно уменьшается¹. Если в 1907-1909 гг. из всех строений, сожженных в сельской местности, помещичьих усадеб было 71%, а деревенских домов – 29%, то в 1910-1913 гг. эти показатели стали соответственно 32,5% и 67,5%, что отражает характерное смещение акцента сельских конфликтов².

Помимо Европейской России «индивидуализация» протестов была свойственна и другим регионам. Так, характеризуя сибирское крестьянство, Г.А. Ноздрин указывает, что «в годы столыпинской аграрной реформы резко увеличилось число индивидуальных повседневных форм борьбы... В 1908-1910 гг. число политических выступлений и организованность крестьянского движения, сдерживавшие анархические тенденции в крестьянстве, снизились, что привело к увеличению террора и повседневных форм борьбы»³, то же произошло и на Украине⁴.

Отсутствие индивидуально-террористических акций в период Первой мировой войны и Февральской революции только подтверждают мнение о стихийности революционных потрясений начала 1917 г. С другой стороны, игнорирование политического мнения оппозиции, отказ от дискутирования социально-политических проблем приводит к экстремизации политического процесса даже в условиях войны. Прецедентное убийство Григория Распутина группой представителей политической и аристократической элиты, в очередной раз подтвердило это утверждение. И хотя в данном случае, говорить о терроре не приходится, по крайней мере, это был не более чем аттентат, т.е. единичный случай, сам факт «убийства в высших сферах» как аргумента в споре, характерен. Политическая и аристократическая элита не смогла договориться даже по поводу одиозной фигуры «святого черта». При этом, механизм разрешения этого локального политического конфликта оказался стереотипным на ряду с решением общегосударственного кризиса, и представлял собой актуализацию насилия, что проявилось как в Пер-

¹ Егоров М. Крестьянское движение в Центральной Черноземной области в 1907-1914 гг. // Вопросы истории. 1948. № 5. С.4-8.

² Универсальное и специфическое в российской истории. «Круглый стол» ученых // Общественные науки и современность. 1999. № 3. С.89.

³ Ноздрин Г.А. Социальный протест сибирского крестьянства во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. 2005. № 288. С.147-148.

⁴ Лось Ф.Э., Михайлюк О.Г. Класова боротьба в українському селі 1907-1914. Київ, 1976.

вой российской революции, так и в последующих событиях. Многочисленные солдатские самосуды офицеров и случаи «линчевания» жандармских и полицейских чинов в межреволюционный период 1917 г. являются актами не столько политического, сколько социального проявления. Несколько прецедентов анархистского и эсеровского террора не стали систематической практикой в Гражданской войне. В условиях массового противостояния целесообразность индивидуально-террористической деятельности пропала, востребованными стали диверсионные и партизанские действия¹.

Таким образом, анализ тактики террористической борьбы российских революционных партий начала XX в., позволяют сделать следующие выводы:

1. В использовании терроризма наблюдались три основные тактические линии. Во-первых, при поступательном росте массового оппозиционного движения использование терактов в виде силового инструмента давления на власть. Во-вторых, совершение различных террористических акций в ходе прямых боестолкновений, как особых форм диверсионной и партизанской борьбы против органов административной власти и силовых подразделений, и, в-третьих, в конце революции осуществление террористических акций для активизации и экстремизации массового движения. Последний вариант ни где успеха не имел, первые два варианта имели кратковременную и локальную успешность. Примерами этого является активизация революционного и общественного движения после убийств министра внутренних дел В.К. Плеве и вел. кн. Сергея Александровича, захват контроля революционными комитетами над отдельными местностями и городами (Кавказ, Прибалтика, Москва, Ростов-на-Дону и др.).

2. Для революционных партий стало очевидным, что ведение террористической борьбы, формирование боевых подразделений, подготовка и осуществление терактов не могли быть совмещены с легальной, мирной оппозицией самодержавию.

3. На протяжении всего периода революции ни одна революционная партия не продемонстрировала постоянства тактической линии использования террориз-

---

¹ Квасов О.Н. Террористическое противостояние гражданской войны // Российские университеты в XVIII-XX веках: сб. науч. ст. Вып. 10. Воронеж, 2009. С.174-183.

ма. На резкие смены террористической тактики и боевых методов влияли быстро меняющиеся обстоятельства политического процесса, успехи и неудачи революции, внутривнутрипартийные дискуссии и фракционная борьба.

4. Местные партийные комитеты своей неоднозначной позицией к терроризму и тактическим «шараханьем» еще более увеличивали разногласия между комитетами и боевиками. Это усугубляло решение проблем партийной и боевой конспирации, усложняло вопросы организации террористической деятельности.

5. При наиболее выраженной активной пропагандистской и агитационной поддержке революционного экстремизма со стороны неонароднических партий, террористические акции практически осуществляли все сторонники революционного лагеря: многочисленные анархистские, максималистские, социал-демократические и псевдо-революционные формирования.

6. Необходимо учитывать, что огромный массив проявлений революционно-террористического характера формировался из двух разных по содержанию, но схожих в проявлении, форм экстремизма – политического терроризма, осуществляемого революционными партиями и социального экстремизма, осуществляемого инициативными личностями в форме спонтанных реакций на хронические конфликтные ситуации.

7. Революционный террор постепенно, медленно сходил с политической арены под влиянием комплекса причин, среди которых наибольшее значение имели репрессивно-полицейское преследование преступников, партийные кризисы и криминальное разложение боевых формирований, прекращение массового движения, поражение революции и отсутствие социальной поддержки.

8. Все попытки революционных партий после 1905 г. при помощи эскалации террористического насилия стимулировать массовое движение и поднять уровень протестного экстремизма в отдельных регионах и местностях не привели к успеху.

9. 1907 г. стал самым кровавым годом революционного терроризма. Причинами этого, как и в 1906 г. стали: во-первых, упорные и многочисленные попытки революционных организаций и групп с помощью террористических методов ак-

тивизировать массовое движение; во-вторых, бескомпромиссный и жесткий правительственный курс на подавление революционного и террористического движения, вызвавший ответный рост мстительных актов и еще большую экстремизацию борьбы; в-третьих, переход крестьянских форм борьбы от публичных, влекущих коллективные наказания, к индивидуализированным и скрытым; в-четвертых, постреволюционный рост криминалитета и уголовной преступности; в-пятых, поражение революции, породившее проблему легализации и социальной реабилитации для рядового состава революционных и террористических групп.

ГЛАВА 5. Структурно-функциональный анализ революционного терроризма

5.1. Типология террористических групп

Структура и организация функционирования экстремистских подразделений не получила достаточного освещения в исследованиях проблемы революционного терроризма. При этом именно внутренняя уставная организация, нормы взаимодействия боевых групп с партийными комитетами и внутривнутрипартийное положение боевиков во многом определяют продуктивность террористической деятельности и, что не менее важно, демонстрируют представление организаторов о задачах и партийных прерогативах этих групп. Так же и типология боевых подразделений, предлагаемая комитетами, представляет собой важный аспект и характеризует не только направления боевой деятельности, но и уровни имеющейся подготовки террористов.

В партийных программах и решениях съездов отражается официальная партийная точка зрения на революционный террор и изменение этих позиций в зависимости от текущего момента. Программные документы всех значительных российских партий и организаций неоднократно издавались и представляют собой материал широкой известности. Иначе обстоит дело с уставами террористических организаций. По разным причинам, среди которых можно выделить первоначально идеологические, связанные с замалчиванием деятельности небольшевистских партий, а теперь и ложно понимаемую государственную безопасность, уставные документы не получили не только общественной, но и научной известности. Обширные издания партийных документов в серии «Политические партии России. Конец XIX – первая четверть XX в. Документальное наследие» значительных изменений не внесли. Так, в сборник документов ПСР попали многократно переизданный ранее устав БО ПСР и Устав крестьянского союза «Братство для защиты

народных прав» (1899 г.)¹. Среди анархистских документов опубликованы проект организации Российской федерации анархистов-коммунистов и программа «Инициативной группы анархистов Юга», в которой отражены и уставные положения². В тематически обширный сборник «Политическая полиция и политический терроризм в России» вошла только программа той же «Инициативной группы анархистов Юга», но уже в циркулярном варианте Департамента полиции³. При этом необходимо учесть, что правильно организованные террористические группы и партийные комитеты старались закрепить свои отношения посредством уставов, что являлось залогом успешной деятельности.

Положения боевых уставов позволяют более четко определить задачи террористической стратегии и тактики, стоящие перед подразделениями. Варианты содержания уставов на уровне комитетов и дружин дают возможность проследить различия официальных позиций партии и взглядов местных революционеров на насилие. Уставы революционно-экстремистских подразделений, их влияние на террористическую деятельность боевиков отражают представление о внутренних процессах и тенденциях развития террористических организаций, без понимания которых, крайне сложно определить влияние и значение терроризма в российских революционных процессах.

Русские революционеры второй половины XIX в. создали несколько специальных боевых формирований. К числу первых можно отнести южный Исполнительный комитет Социально-революционной партии под руководством В.А. Осинского (февраль 1878 – январь 1879 гг.), Исполнительный комитет Социально-революционной партии (февраль-июнь 1879 г.) и группу «Свобода или смерть» (февраль-июнь 1879 г.), появившиеся внутри землевольческой организации, а также сам Исполнительный комитет «Народной воли», выделявший из своего состава отдельные группы для выполнения конкретных боевых задач. Как известно, после нечаевского дела и оглашения «Катехизиса революционера», на-

---

¹ Партия социалистов-революционеров: Док. и мат. Т. 1. 1900-1907 гг. М., 1996. С.45-47, 149-151.

² Анархисты: Док. и мат. Т. 1. 1883-1916 гг. М., 1998. С.388-390,482-484.

³ Политическая полиция и политический терроризм в России: Вторая половина XIX – начало XX в.: Сб. док. М., 2001. С.389-392.

родники длительное время принципиально отказывались от создания уставных и программных положений своих организаций¹. Однако такой демократизм отношений постепенно вступал в противоречие с требованиями конспирации, ростом и укрупнением организаций, склонением к экстремизму, необходимости координации действий. Первые силовые акции народников осуществлялись инициативными членами с коллективного одобрения. Землеволюцы стали выделять «дезорганизаторские группы» или «боевые тройки», которые более «профессионально» и эффективно должны были выполнять специальные задания: убийство предателей и организацию побегов. С переходом от оборонительных к наступательным акциям, такой незатейливый механизм организации боевых акций перестал себя оправдывать. В конечном итоге стали появляться программные и уставные положения, в которых отражались не только идеологические и политические вопросы революционной деятельности, но и внутриорганизационное устройство, распределяться полномочия и функции членов.

В своем завещании соратникам В.А. Осинский особо отмечал, что для продолжения борьбы необходимо создать строгую централизованную организацию, чего сам сделать не успел. Товарищи и последователи Осинского, создав внутри землеволюческой организации отдельную фракционную группу сторонников террора «Свобода или смерть», выработали и внутренние её положения². В воспоминаниях А.В. Якимовой отмечается, что группа имела тесную взаимосвязь с ново-явленным Исполнительным комитетом, а в основу устава группы была положена «строжайшая дисциплина, по требованию которой члены группы должны были находиться в полном подчинении Исполнительного Комитета и действовать лишь по его директивам»³. Таким образом, можно заключить, что группа задумывалась и имела автономный, независимый от партии характер. Во многом это было обусловлено не столько требованиями конспирации и спецификой деятельности, сколько фракционными конфликтами сторонников террористической борьбы

---

¹ Ляшенко Л.М. «... Печальной памяти восьмидесятые годы» // Анатомия террора: сб. ист.-лит. произведений. М., 2007. С.675-676.

² Волк С.С. Народная воля. 1879-1882. М., Л., 1966. С.84.

³ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narovol.narod.ru/svs.htm>

(«политиков») и приверженцев пропагандистской стратегии («деревенщиков»), что в конечном итоге и закончится расколом «Земли и воли».

Детально разработанная организация боевых подразделений впервые появляется в Уставе ИК партии «Народной воли»¹. В положениях устава боевые группы различаются трех типов: а) комитетские, б) союзнические, в) временные. В состав боевых комитетских групп должны были обязательно входить и члены ИК. Независимые в деятельности, боевые группы должны были взаимодействовать с ИК «как с общим центром» и «обязательно исполнять» террористические распоряжения ИК. «Для ведения сношений с Исп[олнительным] ком[итетом] группа избирает делегата, утвержденного Исполнительным комитетом». Данные положения устава породили ситуацию теснейшего взаимодействия, фактического слияния комитетских боевых групп и ИК «Народной воли». Это сформировало поверхностное мнение, что ИК и руководство партии, сама «Народная воля» являлась исключительно террористической организацией².

Временные боевые группы народовольцев, формировались для совершения «отдельных террористических предприятий» и также находились под пристальным контролем ИК. Боевые группы союзных революционных организаций «составлялись самостоятельно» и связывались с ИК «взаимным соглашением». Анализ уставных положений боевых групп «Народной воли» показывает, что партия осознала и пыталась разрешить две актуальные проблемы. Во-первых, организацию оптимального партийного контроля над террористической деятельностью, и, во-вторых, необходимость разделения общепартийной и террористической деятельности. И если первая задача партией была решена достаточно эффективно, то вторая нет – в террористическую деятельность постепенно втянулись не только боевые группы, но и партийное руководство, практически все ресурсы партии.

---

¹ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С.64-73.

² Кан Г.С. Народная воля: идеология и лидеры. М., 1997; Он же. «Разоблачители» и «апологеты» «Народной воли» // Освободительное движение в России. Вып. 19. Саратов, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socialist.memo.ru/recens/y04/tr2.htm>; Литвинов Н.Д. Суровцев Н.С. Объект покушения – царь всея Руси. Воронеж, 2006; Литвинова А.Н., Литвинов Н.Д. Первая кровь России. Воронеж, 2006 и др.

Эти результаты террористической деятельности народовольцев будут учтены в организации экстремистской борьбы их революционными последователями.

Основным критерием типологии террористических групп начала XX в. являлся территориальный принцип, который был основанием и общепартийной структуры наиболее крупных революционных партий (РСДРП, ПСР). Боевые и террористические группы были привязаны к конкретным комитетам, что прямо указывает на их подчиненный характер по отношению к общепартийной деятельности. Исключением является БО ПСР, которая в 1901-1904 гг. своей успешной деятельностью не только громко заявила о появлении новой партии, но и своими терактами сделала ее самой известной. Первоначальный текст устава, подготовленный Г. Гершуни оказался неудачным¹. В подготовленном боевиками и опубликованном в августе 1904 г. Уставе БО ПСР было зафиксировано, что организация «пользуется полной технической и организационной самостоятельностью; имеет свою отдельную кассу и связана с партией через посредство Центрального Комитета»². Причем БО имеет лишь обязанность «сообразоваться» с общими указаниями ЦК. Такой высокий уровень самостоятельности воспринимался неоднозначно: в период громких успехов только приветствовался, а после азефовского разоблачения считался одной из причин внутренней провокации. Однако большинство боевиков, считало необходимым во избежание проникновения агентуры и усиления террористической деятельности еще более увеличить децентрализацию и автономность боевых отрядов³. Так, в марте 1909 г., уже после разоблачения Е. Азефа, делегаты столичной Общегородской конференции ПСР рекомендовали, «чтобы Боевая организация представляла из себя самостоятельную, – совершенно обособленную и свободную в своих организационных рамках, – орга-

---

¹ Городницкий Р.А. Боевая организация... С.67.

² Устав БО ПСР неоднократно публиковался, см.: Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 1990. С.74; Заключение Судебно-следственной комиссии по делу Азефа. М., 1911. С.28-29; Спиридович А.И. Там же. С.146-147; Партия социалистов-революционеров: Док. и мат. Т. 1. 1900-1907 гг. М., 1996. С.149-151.

³ Овченко Ю.Ф. Московская охранка... С.263.

низацию, признающую только общее направление своих действий с деятельностью Центрального комитета партии с.-р.»¹.

Исключительное положение БО ПСР можно объяснить рядом причин. Во-первых, огромным партийным значением, во-вторых, сложившейся изначально и ненарушаемой традицией полной самостоятельности действий, и, в-третьих, тем, что организацию последовательно возглавляли сами члены Центрального комитета партии Г.А. Гершуни, Е.Ф. Азеф, Б.В. Савинков². В значительной мере, это обособление увеличивала позиция самого Е. Азефа, различными способами провоцировавшего взаимное отчуждение ЦК и членов БО³. Однако это обособление появилось еще до него, при руководстве организацией Г.А. Гершуни и не изменилось позже при руководстве Б.В. Савинковым. Судить о том, насколько продуктивно это надпартийное положение БО сказалось на ее деятельности, без учета саботажа со стороны Е. Азефа, просто нельзя. На эту взаимосвязь организационной автономии БО ПСР и перспектив азефовщины пеняла Судебно-следственная комиссия по делу Азефа, в ней видели основные причины распространения партийного предательства и советские историки. Так, А.Ф. Жуков прямо указывал: «Боевая организация действовала автономно от партии, была совершенно бесконтрольна, что породило азефовщину»⁴. Однако, прецеденты провокаторства и предательства были и в низовых боевых организациях, где партийный контроль был достаточно жесткий. Кроме того, как известно, партийное руководство эсеров неоднократно получало сигналы о провокаторстве, как в высших структурах партии, так и лично Азефа, но на них не реагировало должным образом. Поэтому, можно с большой долей вероятности утверждать, что будь даже контроль за организацией самым непосредственным, при той начальной успешности БО ПСР и ее партийном авторитете, предательство Азефа не было бы замечено.

---

¹ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 263. Л.42-42об.

² Квасов О.Н. Структурные субъекты российского революционного терроризма начала XX в. // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. Июль-декабрь. С.216.

³ Заключение Судебно-следственной комиссии по делу Азефа. М., 1911. С.277.

⁴ Жуков А.Ф. Индивидуальный террор в тактике мелкобуржуазных партий в первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С.139.

Громкие успехи БО под руководством Г.А. Гершуни в 1902-1903 гг. в большой мере связаны не с нюансами организационного механизма БО, а с первоначальной неготовностью охраны первых лиц государства противостоять террористическим атакам. При этом безуспешными оказались попытки имеющего большое желание Б.В. Савинкова реанимировать организацию и подготовить центральный теракт в 1909-1911 гг., на что влияли общереволюционный и партийный кризис, деятельность ДП и, глубоко проникшая в ряды боевиков, провокация¹.

Сами боевики вопросу самостоятельности уделяли большое внимание. Так Б.В. Савинков высказывал общую мысль членов БО ПСР: «Среди товарищей господствовало убеждение, что для успеха террора необходима полная самостоятельность Боевой организации в вопросах как технических, так и внутреннего ее устройства. Такой взгляд, естественно, вытекал, во-первых, из сознания ненормальности положения партии, признающей террор и имеющей во главе своей ЦК, состоящий в большинстве своем из людей, не знакомых с техникой боевого дела, и, во-вторых, из сознания необходимости для успеха террора строгой конспиративной замкнутой организации»².

Боевики и других подразделений были склонны расширять свою обособленность от партии и комитетов. Более того, в случае какого-либо недоразумения или конфликта между организацией и партией, либо террористами и комитетом, боевики были предрасположены решать спорные ситуации исключительно в пользу своего мнения. Это видно по обширной практике выходов боевиков из партий и организаций. Это подтверждает текст перлюстрированного письма из Киева одного из партийных эсеровских функционеров: «... Много пришлось потратить времени на защиту необходимости "соблюдения устава". Говорилось: "что нам все эти уставы, съезды. Говорили. Не в них спасение" и пр. Почему-то работа противопоставлялась "уставу" и вообще говорили много вздору... Выяс-

---

¹ Морозов К.Н. Б.В. Савинков и Боевая организация партии эсеров 1909-1911 гг. // Россия и реформы. Сб. ст. Вып. 2. М., 1993. С.94-113.

² Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 1990. С.70.

нились мои права и обязанности, говорили и совсем неприятные вещи, вроде следующих "не понравится нам – вытурим"»¹.

В Уставе БО ПСР функции группы были обозначены без каких-либо ограничений общей формулировкой «борьбы с самодержавием путем террористических актов». Такая постановка задач, позволяла руководителям БО выбирать объекты покушения по своему разумению, исходя из общих и частных консультаций с другими членами ЦК, руководствуясь не только революционно-партийными интересами, но и собственными (убийство провокаторов Н. Татарова и Г. Гапона). Один из организаторов боевого дела эсеров А.А. Аргунов, характеризуя положение БО ПСР, отмечал: «Она была автономна во всем, что касалось набора членов и ведения своих дел. Ц.К. давал лишь санкции на лиц, против которых нужно направлять террористические предприятия, и отпускал средства»². В полной мере можно согласиться с мнением М. Хильдермайера и А. Гейфман, что БО ПСР упорно отстаивала возможность самостоятельного выбора своих террористических объектов³. Однако связано ли это со специфическим характером деятельности или с провокаторской хитростью Е. Азефа, ответить однозначно опять же затруднительно. Характерно, что в 1906 г. после временного распада БО ПСР, был создан Боевой отряд при ЦК ПСР, который полностью подчинялся ЦК и такой самостоятельности уже не имел.

На боевом счету БО ПСР, за период 1901-1911 гг. 11 осуществленных террористических актов, разного уровня и общественного резонанса⁴. Среди них, акты центрального значения: убийства вел. кн. Сергея Александровича (04.02.1905), министров внутренних дел Д.С. Сипягина (02.04.1902) и В.К. Плеве (15.07.1904), губернатора Н.М. Богдановича (06.05.1903), покушения на губернаторов И.М. Оболенского (29.07.1902) и Ф.В. Дубасова (23.04.1906). Кроме того, на счету БО ПСР убийства провокаторов Н. Татарова (04.04.1906) и Г. Гапона (28.03.1906).

¹ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 171. Л.440.

² Провокатор. Восп. и док. о разоблачении Азефа. Ред. и вступ. П.Е. Щеголева. Л., 1929. С.52.

³ Hildermeier M. Terrorist Strategies of the Socialist-Revolutionary Party in Russia, 1900-1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe. N.-Y., 1982. P.85; Гейфман А. Революционный террор в России. С.72-73.

⁴ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С.128.

Более 30 покушений готовились, но по различным причинам реализации не получили. Исследователь деятельности БО ПСР Р.А. Городницкий обоснованно увязал революционное и политическое значение организации не только с успехами 1902-1905 гг., но и с «наличием постоянно присутствовавшего фактора угрозы, висевшего над лицами из правительственного аппарата Российской империи» на протяжении всей революции¹.

Организационная и структурная мощь БО ПСР была настолько высокой, что в конце 1904 г., с согласования ЦК ПСР, на ее основе образовались три независимых группы для одновременного осуществления терактов против местного руководства в Киеве, Москве и Санкт-Петербурге. Однако удачно завершено будет только «московское дело» – И.П. Каляев взорвет бомбой вел. кн. Сергей Александровича.

Учитывая исключительное положение БО ПСР, высшей формой террористических групп, можно признать подразделения, подчиняющиеся ЦК и областным комитетам партий. Это были мобильные, агрессивные, самостоятельные в боевой деятельности группы террористов. Отмечая подвижный характер групп и возможность совершать теракты на всей территории области или региона, а подчас и шире, такого типа отряды стали называть летучими. ЦК ПСР возлагал на эти отряды особые надежды. Так, с сентября 1906 г. под контролем столичного комитета неудачно пытается организовать покушение на градоначальника В.Ф. фон-дер Лауница группа Э.М. Лапиной (больше известна как «отряд Бэлы»). В ноябре 1906 г. создается Боевой отряд ЦК ПСР (Центральный летучий боевой отряд, также Центральный Боевой отряд ПСР, «отряд Зильберберга») под руководством Л.И. Зильберберга, которому удаётся организовать убийство петербургского градоначальника (21.12.1906) и приступить к подготовке покушений на вел. кн. Николая Николаевича и премьер-министра П.А. Столыпина. Полицейские аресты в феврале-марте 1907 г. ликвидируют эту группу. В ноябре 1906 г. ЦК ПСР забирает себе и Летучий Боевой отряд Северной области, под руководством А.Д. Трау-

---

¹ Городницкий Р.А. Там же. С.236-237.

берга («группа Карла»), а после его ареста В.В. Лебединцева¹. Отряд убивает главного военного прокурора В.П. Павлова (27.12.1906) и начальника петербургской временной тюрьмы Н.И. Гудиму (17.01.1907), однако, не смог осуществить планируемые покушения на министра юстиции И.Г. Щегловитова, вел. кн. Николая Николаевича и др. Аресты в феврале 1908 г. десяти боевиков отряда ликвидируют его. К такому типу отрядов для решения особо важных партийных задач можно отнести и группы других революционных сил: Боевую организацию партии эсеров-максималистов (весна-осень 1906) и ряд большевистских подразделений, таких как Боевая техническая группа при Петроградском комитете и ЦК РСДРП, группа Семена Камо (Тер-Петросян)².

В сентябре 1906 г. в Уставе летучего отряда Центральной области прямо оговорилось: «1. Назначение Л.Б.О. [летучий боевой отряд – О.К.] – выполнение крупных террористических актов в пределах области»³. ДП хорошо представлял функциональность этого звена боевых подразделений эсеров. Так, в циркулярном письме от 28.02.1906 г. отмечалось: «Местные же комитеты обязаны только присылать в областной комитет подробные сведения о тех административных лицах, против которых эти акты должны быть выполнены по приговору областного комитета. Списки лиц, способных на террористические акты, должны быть сообщены местной организацией в областной комитет заблаговременно. Областной комитет будет распределять этих лиц по разным городам области, с таким расчетом, чтобы лицо, совершающее террористический акт, было присылаемо из другого города и до совершения названного акта это лицо не должно являться в местный комитет»⁴.

Характерные признаки второго типа боевых формирований, указал и начальник столичной охраны А.В. Герасимов в феврале 1907 г.: «Областные летучие боевые дружины организованы при каждом областном комитете и согласно

¹ Идельсон М.В. Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров // Краеведч. зап.: Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 1993. С.7-22.

² Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты... С.166; Квасов О.Н. Там же. С.217.

³ РГАСПИ. Ф. 673. Д. 339. Архив ПСР. Раздел А. Отдел III. № 1-5.

⁴ Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С.218.

постановления последнего съезда ПСР, на обязанности боевых дружин возложено приведение в исполнение смертных приговоров, постановленных Областными Комитетами, по отношению правительственных лиц, проживающих в районе Областного Комитета. Изъятие из этого общего правила сделано по отношению Северного областного Комитета, который обязан смертные приговоры, постановленные над высокопоставленными лицами предварительно их исполнения, представлять на усмотрение и утверждение ЦК ПСР»¹. Последнее было связано с тем, что в Северный областной комитет входили и столичные организации, соответственно он имел возможность проводить центральный террор в столице.

Именно такие подразделения, подчиненные ЦК и областным комитетам эсеров, совершили наибольшее количество резонансных терактов². По подсчетам М.И. Леонова центральные ЛБО и областные «летучки» эсеров за годы террора совершили на территории империи 47 акций, закончившиеся гибелью или ранением объектов покушения³. На территории Европейской России к 1907 г. такого типа подразделения имели все восемь областных комитетов эсеров. По нашим подсчетам, основанным на печатных партийных заявлениях, они совершили как минимум 35 терактов.

В отношении к таким группам, устав был предельно категоричен: «... Л.Б.О. состоит всецело в распоряжении О.К. [Областного комитета – О.К.] и по его усмотрению может быть распущен. 4. Во главе Л.Б.О. стоит организатор, назначенный О.К.; О.К. может сменить его и заменить другим. 5. Члены отряда обязаны беспрекословно повиноваться организатору, который является ответственным лицом перед О.К. за все действия отряда»⁴. Очевидно, что комитеты тяготились конспиративной и структурной самостоятельностью боевиков и опыт БО ПСР это только подтверждает. Поэтому, формируя областные ЛБО, комитеты старались расширить возможности контроля. В свою очередь, высказать свою

---

¹ РГИА (СПб.). Ф. 1328. Оп. 2. Д. 41. Л.135-137.

² Территорию Европейской России охватывали шесть областных организаций ПСР: Северная, Северо-Западная (Брянский у., Орловской губ.), Поволжская, Уральская, Украинская (Воронежская и Курская губ.) и Центральная.

³ Леонов М.И. Там же.

⁴ Квасов О.Н. Там же.

точку зрения руководству комитетов по тем или иным вопросам, боевики могли через своих представителей в комитетах. Так, в проекте устава столичного комитета РСДРП боевая организация имеет право даже делегировать своего представителя на общегородскую конференцию, правда, только с совещательным голосом¹. На практике же наблюдались неоднократные конфликты, суть которых заключалась в отсутствие взаимопонимания между боевиками и представителями партийных комитетов по поводу выбора объектов покушений, использованию членов «летучек» для не боевых целей, запретов боевой инициативы и пр.

Третьим типом структурной организации террористических формирований были стационарные группы, подчинявшиеся губернским комитетам. Обиходным названием таких групп стало наименование их «боевыми дружинами». Часто такие группы не ограничивались только террористической специализацией, но использовались комитетами и в охране митингов, в противодействие погромам, являлись в планах комитетов ядром будущей армии восставшего народа. Однако требования конспирации вступали в противоречие с такой обширной практикой использования боевиков. Террористические формирования по специфике своей деятельности должны были быть узкой специализации и использоваться только для совершения терактов. Вплоть до осени 1905 г. губернские боевые дружины были редким явлением в революционных организациях. В октябре-декабре 1905 г. в условиях обострения политической борьбы произошло лавинообразное увеличение их количества. Комитеты прилагали огромные усилия, вооружая и численно увеличивая эти дружины для планируемых массовых восстаний. В прямом противостоянии с силами местного правопорядка боевые дружины нередко оказывались победителями, чему примерами стали городские восстания конца 1905 г. После этого царская власть вынуждена была использовать армейские части. Главной формой боевых столкновений в декабре 1905 г. между дружинами и воинскими частями стали уличные и баррикадные бои, в которых дружины не смогли на равных бороться с армейскими и казачьими формированиями. В январе-

---

¹Листовки петербургских большевиков 1902-1917 гг. Т. 1. 1902-1907. М., 1939. С.522-523.

феврале 1906 г. практически все сохранившиеся боевые дружины были расформированы комитетами и воссозданы на изменившейся основе.

Обновляемые формирования должны были быть приспособлены к новой политической обстановке, формам борьбы и статусу. Эти подразделения стали численно небольшими (5-10 человек), предельно законспирированными и с ясно определенными боевыми функциями. Губернские комитеты, которым удавалось создать достаточно многочисленные, структурированные и долговременные партийные ячейки, старались отделить и вынести боевую деятельность комитета за пределы общепартийной и не смешивать их, а саму деятельность развести по специализации (террористическая, экспроприаторская, техническая, охранная и пр.). Новые боевые дружины рассматривались как стационарные подразделения и имелись при всех губернских комитетах эсеров и у большинства комитетов социал-демократов. В случае необходимости действовать за территорией городского района, особенно если это было неоднократно, специально для этого выделенная группа боевиков получала статус и название губернской летучей группы или отряда. На основании опубликованной партийной информации и жандармского делопроизводства, нами выявлено, что членами террористических дружин губернского подчинения было осуществлено за годы Первой революции минимум 73 теракта.

Одним из основных требований партийных комитетов к губернским боевым дружинам было их полное подчиненное и управляемое положение. В проекте Устава Курского комитета ПСР (март 1907), первый пункт гласил: «Боевая организация находится в полном распоряжении губ[ернского] к[омите]та и строго изолирована от всякой другой работы»¹. Контроль комитеты старались распространить даже на внутренние механизмы функционирования групп. В том же проекте значилось: «Внутренние распорядки боевой организации устанавливаются особо выработанным его уставом утвержденным губ[ернским] к[омитето]м»².

В некоторых губернских комитетах категоричность подчиненности боевых дружин партийному руководству была не столько четко выражена, а подчас и во-

---

¹ Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье. С.200-201.

² Там же.

обще отсутствовала. Противоречивое толкование пункта подчиненности боевых дружин, дает основание говорить о том, что существовала большая разница во взглядах на организацию боевой деятельности со стороны собственно боевиков и партийного руководства комитета. Так, в уставе Воронежского комитета ПСР (вероятно, 1906 г.), разделы подчиненности и прерогатив самостоятельности были определены противоречиво. С одной стороны, заявлялось, что боевая дружина, на ряду с губернскими Рабочим союзом, Союзом пропагандистов и Технической группой, имеет право создать свой устав, строго согласованный с уставом комитета и партии, осведомляет партийный комитет «настолько, насколько признает это нужным и возможным по конспиративным соображениям» и автономна «в установлении внутреннего распорядка работ», с другой стороны, «деятельность Б[оевой] Д[ружины] протекает всецело под непосредственным контролем и руководством партийного Комитета. К[омите]т посылает в дружину своего члена или уполномоченного»¹. Такое противоречие не могло не вызвать конфликта интересов, порождая недоверие и взаимные упреки, что в конечном итоге и произойдет с Боевым отрядом Воронежского комитета ПСР – по решению губкома из-за «легкомыслия, нарушения дисциплины, невыполнения приказаний комитета» он будет распущен². Нечто подобное произошло и в отношениях Уфимского комитета РСДРП со своей боевой дружиной. В 1906 г. «...связь её с уфимским комитетом постепенно слабеет. Представитель последнего все реже и реже бывал на собраниях дружины и в 1907 году, после вынесенных лондонским съездом партии постановлений, перестал бывать совершенно». Боевая дружина стала «самостоятельной», летом 1909 г. оформившись в Уральскую боевую организацию РСДРП. При организационной и внутренней самостоятельности, дружина, однако, не потеряла контактов с партией. Более того, «дружина дала партии: 1) на Лондонский съезд 25,000 руб., переданных в Петербурге одному из членов Центрального комитета; 2) 10,000 руб. Уральскому областному комитету на подготовку съезда; 3) 1000 рублей Уфимскому комитету. Кроме того, чтобы посодействовать большему

---

¹ ГАВО. Ф. И-214. Оп. 1. Д. 1. Л.193.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Д. 301. Л.202.

представительству на Лондонском съезде большевиков, дружина взяла на себя путевые расходы делегатов Урала»¹.

Московские социал-демократы-боевики также предлагали для повышения качества строго распределить прерогативы самостоятельности и деятельности. Так в резолюции, выработанной Московским Военно-Техническим Районным Бюро РСДРП (27.03.1906) четко говорилось: «при сохранении постоянной связи между боевой и местной партийной организацией в ее целом и безусловном подчинении первой политическому руководству местного центра, боевой организации должно быть предоставлена полная самостоятельность, как в разрешении технических вопросов, связанных с вооружением пролетариата, так и в пополнении своего состава новыми членами путем кооптации»².

Активный участник московских событий 1905-1906 гг., боевик В.А. Костицын отмечал меры, выработанные Московским комитетом РСДРП для восстановления боевой организации: «В каждый из районов партией должен быть направлен боевик на правах члена комитета района. Его задачи: 1) боевая пропаганда, 2) организация боевых кружков с тем, чтобы провести через них весь партийный актив, 3) организация вооруженных отрядов и обучение их, 4) разведка, 5) техническая подготовка восстания»³.

Постановка боевого дела большевиков с их декларативной ориентацией на массовое восстание, хорошо демонстрирует противоречивость сложившейся реальной ситуации в большевистских боевых дружинах и иллюзий партийных теоретиков, которые считали, что возможно нелегально формировать многочисленные, хорошо вооруженные подразделения, готовить их к масштабным боевым действиям и в нужный момент, как солдат регулярной армии, вывести из казарм и направить в бой. В конце 1906 г. в противоречие этим планам как отмечал Костицын, началось разложение социал-демократических дружин: «В экспроприации уходили самые боевые элементы, и каждый день мы узнавали, что такой-то пяток ограбил такую-то кассу. Иногда эти группы выделяли часть добычи для партии,

---

¹ Кийков А.А. Там же. С.87-89.

² ГАРФ. Ф. 102, ДП ОО. 1906. Оп. 236 (II). Д. 280. Л.10.

³ Костицын В.А. Автобиография профессора В.А. Костицына // Вопросы истории. 2010. № 11. С.54.

но чаще дело обходилось без этого»¹. Все усилия комитетов под влиянием конспирации и реальных возможностей, быстро склонялись к уже имевшимся организационным формам, ориентирующимся на террористическую деятельность. Так, во второй половине 1906 г. на автономной основе из местных боевых дружин эсеров и социал-демократов сложился Уральский боевой союз, взявший курс на террористическую эскалацию восстания. В Союз входили боевики Перми, Уфы, Златоуста, Екатеринбурга, Нижнего Тагила. «Средством для достижения этой цели была экспроприация казенного и частного имущества, а также террор по отношению ко всем должностным лицам царской администрации»². Волна террористического насилия, захлестнувшая Урал в 1906-1907 гг., не привела к массовым выступлениям, партийные комитеты потребовали свернуть деятельность, на что боевики ответили отказом и выходом из подчинения партий. В свою очередь, Уральские областные конференции РСДРП (сентябрь, 1907 и май, 1908) и Екатеринбургский комитет ПСР исключили боевиков из партийных рядов³. Конфликтная ситуация на почве несогласия с принимаемыми руководством решениями сложилась и между меньшевистским Южным Военно-техническим бюро и Областным комитетом. На требование свернуть боевую активность сотрудники бюро ответили отказом⁴.

Таким образом, на уровне боевых дружин губернского подчинения между комитетами и боевиками возникали многочисленные противоречия, по поводу определения границ и сфер самостоятельности боевиков, а также форм контроля со стороны комитетов и возможного обособления боевиков от партии, которое на этом уровне резко возрастало. Кроме того, возникали противоречия между идеологическими планами комитетов и их возможной практической реализацией. Массовым явлением были ситуации, когда боевые подразделения политических

---

¹ Там же. С.57.

² Сидоренко Н.С. Политический экстремизм на Урале в начале XX в. // Ист. вестник. 2012. Т. 2 (149). С.78.

³ Белобородов А.Г. Из истории партизанского движения на Урале (1906-1909) // Красная летопись. 1926. № 1 (16). С.92-99; Корниенко С.И. Борьба большевиков против авантюристической тактики боевиков в уральских организациях РСДРП (1907-1910) // Боевая и военная деятельность большевистских организаций Урала (1905–1920). Свердловск, 1983. С.63-64; Сидоренко Н.С. Там же.

⁴ Ростов Н.М. Южное Военно-техническое бюро при ЦК РСДРП // Каторга и ссылка. 1926. № 1. С.93.

партий по тем или иным причинам разрывали партийные отношения. Особенно этот процесс усилился со второй половины 1906 г. Некоторые из таких боевых групп при выходе из партии не распались, а продолжали свою деятельность только уже под другими наименованиями (часть максималистских и социал-демократические уральские боевики).

Четвертым типом субъектности террористических групп, были подразделения низшего звена, подчиненные комитетам уездов, отдельных крестьянских братств, промышленных предприятий и пр. Количество этих групп точному подсчету не поддается вследствие непостоянства, кратковременности их деятельности, непоследовательному отношению к ним самих комитетов. Но, очевидно, что это был самый распространенный тип террористических организаций. Партийное руководство таких формирований преимущественно не конкретизировало вопросы подчиненности, ограничиваясь прерогативами учредителей таких групп. Так в рекомендованном уставе крестьянской боевой дружины ПСР (1907), первым пунктом значилось: «Крестьянская боевая дружина организуется лицом, уполномоченным Начальником боевых сил губернии (областной инструктор), из людей деятельных, храбрых и сознательных социалистов-революционеров»¹. Некоторое прояснение кто же направляет деятельность дружины, дают последующие пункты устава: «Дружины выбирают себе десятников, которым беспрекословно подчиняются». Ниже говорилось о том, что на все выступления дружины необходимо было специально спрашивать разрешения начальника боевых сил губернии. Однако, в перечислении требований к рядовому эсеровскому дружиннику, устав санкционировал его право на самочинную расправу в экстренных случаях (См.: С.268). Также не требовалось распоряжения высших партийных инстанций для «убийства шпионов и предателей». Складывалась ситуация не просто потворствования экстремистской инициативе боевиков, а провоцирование их на агрессию. Т.о., в 1907 г. ПСР фактически соглашалась с точкой зрения Женевской оппозиционной фракции ПСР, высказанной еще в ноябре 1904 г. в отношении организации аграрного террора. К концу революции эсеры ликвидировали партийные ог-

---

¹ Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье. С.197-200.

раничения в отношении местного террора и согласились с женевскими оппозиционерами, что такой партийный контроль «был бы прежде всего невозможен и, кроме того, вреден: он парализовал бы революционную энергию массы, тормозил бы действия местных боевых групп, умножил бы письменные сношения между многочисленными пунктами периферии, с одной стороны, и центром с другой, и участил бы количество провалов до бесконечности»¹. Местные террористические прецеденты разжигали социальные противоречия и экстремизировали протестные формы, превращая их всё более в насильственные, жестокие, стихийно осуществляемые социальные эксцессы.

Пятым видом террористических подразделений стали партизанские формирования. Это название с одной стороны, носит ярко выраженный идеологический характер, исходящий из утверждения о радикальном расхождении интересов царской власти «оккупировавшей» страну и поработившей народ, с другой стороны, это термин, характеризующий иррегулярные воинские соединения, ведущие боевые действия в тылу противника методами диверсионно-подрывного характера (диверсии, разрушение коммуникаций, административных объектов и пр.). Очевидно, что такое название политически и идеологически ангажировано, т.к. революционные отряды не имели необходимой массовой поддержки населения, были созданы не на оккупированной противником территории, у них не было внешних атрибутов отличия и пр. Однако такое название, инициированное с национальных окраин (Польша, Кавказ), закрепилось за определенным видом террористических формирований, которые играли подчас очень важную роль в политических событиях целых регионов (Кавказ, Прибалтика, Урал). Основное отличие партизанских подразделений от других видов террористических подразделений заключалось в их достаточно многочисленном составе (до 2-3-х десятков человек), подвижном характере и ориентации в большей мере на диверсионно-подрывную и экспроприаторскую деятельность. Так, активный участник революции, воронежский большевик И.В. Шауров отмечал: «Сторонники "партизанской войны" считали возможным свержение правительства путем длительных военных действий

---

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Оп. 233. Д. 1800. Ч. 13. Л.12.

небольшими подвижными отрядами, которые захватывали бы на время отдельные пункты, разрушали дороги, мосты, склады, уничтожали правительственные учреждения, администрацию, полицию и таким образом внесли бы полную дезорганизацию в жизнь страны, опираясь в своих действиях на сочувствие и поддержку широким масс народа»¹.

Партизанские отряды, таким образом, должны были стирать грань между индивидуальным терроризмом и коллективными боевыми действиями, формально не только инициировать массовое восстание, но и быть первыми воинскими формированиями «народной армии». В обязанность боевым дружинам низовых комитетов вменялась необходимость проводить военное обучение боевиков с перспективами их использования в партизанских или общевоинских операциях. Так дружинник Боевого Рабочего Союза должен был получать «под руководством десятника, необходимые сведения по обращению с оружием, постройке баррикад и искусственных заграждений, подготовке дома и др. местных предметов к обороне, главнейшим приемам уличной борьбы и порче телеграфа, артиллерийских орудий и т.п.»². С этой же целью революционные партии выпускали многотиражную специальную литературу.

Деятельность партизанских отрядов в годы революции была широко распространена. Общероссийскую известность получили кавказские «красные сотни» и прибалтийские отряды «лесных братьев», на Урале – отряды А. Лбова (Мотовилиха)³, В. Гусева (Екатеринбург), М. Гузакова (южный Урал). Партийные ко-

¹ Шауров И.В. Воспоминания участника первой российской революции. М., 1974. С.189.

² ГАВО. Ф. И-214. Оп. 1. Д. 2. Л.213. Из схемы организации Боевого Рабочего Союза. Боевой Рабочий союз – Боевая структура при СПб. межпартийном Совете безработных в период 1906-1908 гг. Совет имел свои ответвления в 30 городах России. А. Гейфман отмечает: «... группа принимала в свои ряды всех сторонников радикальных действий независимо от их партийной принадлежности, за исключением представителей интеллигенции, к которой они, как и все радикальные пролетарии, относились с предубеждением. Большей частью этот союз состоял из рабочих, уволенных с заводов и фабрик за политическую неблагонадежность» (См.: Гейфман А. Революционный террор в России. С.271)..

³ Лбов А.М. (псевдонимы: Семен Лещ, Длинный) (11.03.1876-02.05.1908) – командир боевой дружины во время восстания в Мотовилихе (Пермь) 12-13 декабря 1905 г. После подавления восстания с группой боевиков ушел в лес. Действовали под именем «лесные братья», «коммунисты-анархисты». Занимались реквизицией денег, взрывчатки, убивали отдельных представителей власти. Среди наиболее громких дел ограбление парохода «Анна Степановна Любимова» на Каме в ночь на 03.07.1907 г., склада Нобеля и т.д. Лбов был схвачен 17 февраля 1908 г. в г.

митеты неоднократно пытались при помощи партизанских дружин, их активной деятельности поднять восстание и подчинить своему контролю значительную территорию. Это на короткое время в 1905-1906 гг. удалось сделать социал-демократам на Кавказе и в Прибалтике, но не удалось в 1906-1907 гг. на Урале, в Поволжье (Самарская, Саратовская и Тамбовская губ.) в середине 1906 г. и в черномоземных губерниях (Воронежская, Курская губ.) в середине 1907 г.¹

В условиях дестабилизации и ослабления местной власти во многих регионах империи стали появляться самостоятельные группы экстремистов, объединенных личным авторитетом вожака, нередко бывшего члена революционно-боевых формирований. Власть такие группы называла бандами, а самих членов характеризовала разбойниками. Однако помимо грабежей и разбоя, эти группы охотно выполняли просьбы местного населения в отношении расправ над ретивыми администраторами и местными богачами. Практически все известные вожаки таких групп не только контактировали с представителями революционных партий, но и характеризовали свою преступную деятельность в революционных терминах. Говорить о партийной деятельности таких групп оснований мало, однако их революционная природа появления несомненна. Как отмечал участник событий на Урале, социал-демократ А.Г. Белобородов: «О партийной принадлежности «лесных братьев» говорить трудно: в партизанстве партийные убеждения и настроения сами собою стирались, сменяясь особой, выработавшейся внутри его, теорией борьбы за интересы рабочего класса, – там были, по своему до партизанскому прошлому, и с.-д., и с.-р., и просто революционно настроенные рабочие»². Из таких формирований громкую известность получили: в Бессарабии группа Григория Котовского, в Туркестане – группа Намаза Пиримкулова, на Черниговщине и Гомельщине – группа Александра Савицкого, на Кавказе – деятельность

Нолинске и повешен в ночь на 2 мая 1908 г. во дворе тюрьмы в г. Вятке (См.: Жандармы России. СПб., М., 2002. С.541).

¹ Леонов М.И. Там же. С.330; Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье. С.99-104.

² Белобородов А.Г. Из истории партизанского движения на Урале (1906-1909) // Красная летопись. 1926. № 1 (16). С.92.

абрека Зелимхана Гушмазукаева, на Урале – «Лбовщина», деятельность отряда Алексея Давыдова (Александровский завод) и др.¹.

К особым формам террористических формирований нужно отнести массовые организации, объединения и целые партии, своей основной, а подчас и единственной, деятельностью считавшие организацию террористического насилия. Эти странные формирования появились в самодержавной России вследствие ярко выраженного социально-политического антагонизма и ускоренного развития революционных и политических событий в стране, усложнявшего процесс выработки и принятия компромиссных политических решений. Такими наиболее крупными формированиями были ряд анархистских групп (безмотивники, анархокоммунисты), эсеро-максималистские организации (Поволжский союз независимых эсеров и пр.)², ряд псевдо-анархистской и эсеровской ориентации объединений (Северный Боевой союз социалистов, Союз крайних террористов, Лига красного шнура и пр.). Кроме публично заявляемых революционных лозунгов и стремления придать политический смысл своим преступным действиям, они подчас обзаводились политическими Уставами и Программами, в которых была ярко выражена их революционная сущность. Такая странность может быть объяснена несколькими причинами. Во-первых, особым отношением анархистских групп к вопросам централизации. Во-вторых, как было ранее сказано, очень стремительными темпами политизации общественных процессов в России в начале XX в. не дававшими возможность сформироваться конвенциональным формам социальной активности населения. В-третьих, низкой политической культурой населения. Такие организации стали распространенным и характерным явлением революционного процесса начала XX в. В империи на момент пика своей активности насчитывалась 51 максималистская группа (1906), а в 1907 г. анархистские группы име-

---

¹ «Боевая группа А. Давыдова не имела организационного партийного руководства, ибо социал-демократической организации на заводе еще не было. Без четкой политической программы, не получая никаких партийных указаний, отряд А. Давыдова был олицетворением незрелой, беспартийной революционности» (См.: Накаряков Б.Н. В рабочем строю: Страницы истории Александровского машиностроительного завода им. К.Е. Ворошилова. Пермь, 1977. [Электронный ресурс]. URL: http://www.genotree.ru/books/book_geo3_3.htm).

² История политических партий Центрального Черноземья. Курск, 1995. С.151-153.

лись более чем в 90 городах империи¹. Историография развития и деятельности анархистских и максималистских революционных организаций начала XX в. представлена значительным количеством исследовательских работ². Критический анализ крайних форм радикализма этих групп был осуществлен еще в начале XX в. П. Езерским и Е.К. Климовичем, к «терроризму нового типа» отнесла их А. Гейфман³. Необходимо обратить внимание на то, что большинство комитетов, в первую очередь, максималистских, занимались исключительно террористической деятельностью, считая ее не только наиболее востребованной и продуктивной, но и универсальной⁴.

Часть полууголовных и псевдо-революционных формирований представляли собой криминальные объединения, взявшие революционную риторику на вооружение для эпатажа или «рационализации» уголовного ремесла, что характерно видно на деятельности воронежской Лиги красного шнура. Очевидна, условность отнесения таких групп к революционным формированиям. Однако подобных групп на территории Европейской России насчитывается более двух десятков, что говорит о симптоматичности явления и его прямой взаимосвязи с революционными процессами в стране.

¹ Пейч Д.И. Анархистский террор в России 1905-1907 гг. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2013. С.26.

² Комин В.В. Анархизм в России. Калинин, 1969; Корноухов Е.М. Борьба партии большевиков против анархизма в России. М., 1981; Худайкулов М. Из истории борьбы большевиков с анархизмом. Ташкент, 1984; Канев С.Н. Революция и анархизм: Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1890-1917 гг.). М., 1987; Страницы истории эсеров-максималистов // Вопросы истории. 1988. № 5. С.85-101; Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989; Пронякин Д.И. Анархизм: «исторические» претензии и уроки истории. Л., 1990; Ермаков В.Д. Портрет российского анархиста начала XX века // Социс. 1992. № 3. С.97-99; Ударцев С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Алматы, 1994; Он же. Российский анархизм и анархисты (вторая половина XIX – конец XX вв.). СПб., 1996; Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири (первая четверть XX в.). Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика: Монография. Ч. 1. 1900-1918. Омск, 1996; Дубовик А. и А. Деятельность «Группы екатеринославских рабочих анархистов-коммунистов» (1905-1906 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socialist.memo.ru/books/html/duboviki.html> 11 июля 2010; Ударцев С.Ф. Анархистское движение в России: история и современность. СПб., 1997; Пейч Д.И. Анархистский террор в России 1905-1907 гг. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2013.

³ Езерский П. Анархисты в России (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 282. Л.19-30); Исторический очерк о возникновении и деятельности партии анархистов. СПб., 1909; Гейфман А. Революционный террор в России. С.175-216.

⁴ Павлов Д.Б. Там же. С.208.

Вторым критерием разделения боевых подразделений, помимо их территориальной принадлежности, было различие функциональных назначений. Строгого разделения обязанностей народнических боевых организаций в XIX в. не произошло. Боевые группы самостоятельно по необходимости распределяли роли между своими членами. По мере усложнения подготовки акций постепенно произошло обособление отдельных звеньев террористической деятельности. Так, производство поддельных документов высокопрофессионально выполняла «небесная канцелярия», изготовление взрывчатых веществ осуществляли в лабораторных условиях специалисты, наблюдение за передвижением императора – специально для этого сформированный наблюдательный отряд и т.д.¹. Однако это распределение не имело строгого, организационного порядка.

Терроризм начала XX в. сделал большой шаг в своем развитии по сравнению с предыдущим веком. Совмещение функций, назначения и руководства боевой деятельностью в одной группе осталось в прошлом. Структурированная деятельность, нацеленная на повышение квалификации и достижение результативности требовала строгого распределения функций и обязанностей. Они были продемонстрированы в разделении боевых подразделений на стационарные и летучие отряды, химические лаборатории по производству взрывчатых веществ и конструированию бомб, военно-технические бюро, занимающиеся широким комплексом вопросов снабжения вооружением, инструкторские школы. Некоторые комитеты эсеров в 1906 г. с началом роста экспроприаторства дабы защитить боевую организацию от тлетворного влияния грабежей, попытались применить разделение террористических и экспроприаторских подразделений. Поддержки со стороны центральных комитетов такая практика не получила, т.к. это означало увеличение количества боевых подразделений и отвлечение людей от иных форм партийной деятельности, а также рост финансовых затрат на боевую деятельность и совсем не ясную перспективу успешности экспроприаторства. Кроме того, таким образом, повысив уровень партийного контроля и защитив боевые дружины от

---

¹ Пелевин Ю.А. Наблюдательный отряд // История в подробностях. 2012. № 12. С.28-33.

самодеятельности, не понятно было как же защитить экспроприаторские группы от той же самой самодеятельности и «заразы экспроприаторства».

Кроме террористических групп, в партийных структурах многих партий имелись и другие подразделения – группы самообороны, патрульные группы (охрана массовых мероприятий), милиция и пр. Функциональность этих подразделений в зависимости от обстоятельств подчас была намного шире их назначения. Кроме того, необходимо учитывать, что с разной степенью уверенности и целеустремленности все революционные партии готовились к массовой вооруженной борьбе с царизмом. Террористические формирования для такой войны были непригодны. Поэтому, формирование групп самообороны, милиции, тем более «военных» отделов и союзов, которые объединяли распропагандированных военно-служащих и местных жителей, рассматривались комитетами в перспективах подготовки к будущей гражданской войне. Из этих подразделений, при необходимости могли выделяться группы или инициативные отдельные боевики для совершения террористических акций. Эсерка М.М. Федорова, покушавшаяся на воронежского губернатора в 1908 г., из-за отказов местных эсеров вынуждена была проявить инициативу и взять на себя выполнение теракта¹. «Инициативной» террористкой была М. Спиридонова. Однако это практиковалось только при отсутствии или невозможности использовать «профессиональных» партийных террористов. Обратных превращений, когда террористические подразделения использовали в патрульных, милицейских или иных целях, допускали очень редко и боевики этому противились. Советская историография уделяла особое внимание военно-боевым организациям социал-демократов, в первую очередь, большевистским. Акцент исследований делался на демонстрации истоков как идейных, так и массовых, что подчеркивало единство и преемственность боевых дружин и будущей рабоче-крестьянской армии². При таком подходе прецеденты социал-

---

¹ Квасов О.Н. Мария Федорова – террористка и жертва террора // Новый исторический вестник. 2011. № 1 (27). С.96-97.

² Панкратов Н.Р., Поляков И.М. Военно-боевая работа большевиков в период борьбы за диктатуру пролетариата (1903-1917 гг.). М., 1965; Панкратов Н.Р., Поляков И.М., Сидельский Р.И., Сумин А.И. Военно-боевая работа партии большевиков 1903-1917 гг. М., 1973; Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы. 1903-1917. М., 1974; Ко-

демократического терроризма часто игнорировались, не упоминались вовсе, либо переименовывались в партизанское движение и самооборону, становясь уже частью военно-боевой деятельности и «инициативы низов». Поэтому, необходимо достаточно осторожно анализировать всё многообразие названий военно-боевых формирований Первой революции, учитывая их универсальную функциональность и преимущественно диверсионно-террористическое использование.

Идеологические представления о будущих революционных боях, стратегические и тактические различия между партиями привносили путаницу в названия и типологию подразделений. К примеру, у социал-демократов вследствие идеологических споров с революционными конкурентами отсутствовали упоминания о террористических группах, а функции борьбы с провокаторами, шпионами и полицией возлагались на членов боевых дружин, инициативных членов партии или группы самообороны. С другой стороны, у социал-демократов появились военно-технические бюро, с очень обширной военно-боевой функциональностью и попытками выйти за пределы узкой партийности. Похожие командные центры пытались создать и внепартийные объединения, что видно по уставу Боевого Рабочего союза (См.: С.314).

В 1905 г., с началом боевых столкновений с полицией и войсками, при низкой квалификации и больших потерях боевиков, ряд комитетов попытались разделить боевые подразделения по виду применяемого оружия, появились «револьверисты», «бомбисты», «холодники» (вооруженные холодным оружием), «химики» и пр. Но этот опыт оказался не продуктивным и быстро себя изжил, хотя за боевиками вооруженными взрывными устройствами, название «бомбисты» закрепилось и вошло в повседневный русский лексикон.

Итак, уставные документы террористических подразделений, позволяют сделать вывод о том, что основными критериями, по которым различались террористические группы были функциональный и территориальный принципы. Оба принципа использовались одновременно и дополняли друг друга, что позволяло

точнее определиться с назначением и задачами групп, а значит повысить и эффективность террористической деятельности.

Подавляющая часть уставных программ появилась в ходе Первой российской революции, большинство в 1906 г. Среди российских революционных организаций наиболее четкий и разработанный механизм осуществления политического террора имела партия эсеров. Этот механизм включал различного вида субъектов террористической деятельности, строго определенные прерогативы и обязанности, как самих террористических групп, так и их членов. Общая структура боевых субъектов повторяла партийную организационную схему: центральные, областные, губернские, местные и партизанские. По типу террористические подразделения делились на летучие, выполняющие особой важности террористические задания, и стационарные, подчиненные определенным комитетам, которые, в свою очередь, могли быть как универсальными, так и строго определенной функциональности (патрульные, милицейские, партизанские и пр.). Важнейшими пунктами уставов являлись вопросы управления, подчиненности и определения границ самостоятельности подразделений. Содержание этих пунктов напрямую было связано с решением двух основных внутренних проблем боевых групп – безопасность-конспирация и партийный контроль-дисциплина. Политические события начала XX в. показали, что ни одна революционная партия не смогла в полной мере решить этих проблем.

Большинство террористических уставов являлись ответом центральных органов партии на требования боевиков упорядочить взаимные отношения. Общепартийные проекты уставов террористических подразделений на местном уровне могли значительно варьироваться. В зависимости от стремлений комитета, наличия и активности боевиков, боевой устав мог иметь очень неопределенные нормы, а подчас и просто отсутствовать. Для комитетов очень часто отличная от партийной, собственная позиция боевиков по тому или иному поводу являлась откровением и ставила в тупик. Практически все боевые подразделения прошли через партийный раскол и обвинения в отщепенстве. В свою очередь, комитеты и пар-

тийные функционеры обвинялись боевиками в присвоении боевой славы, бюрократизме и трусости.

5.2. Организация и управление террористических групп

Не менее важным вопросом, чем типология террористических подразделений, является вопрос их внутренней структуры. Долговременное и успешное использование террористических групп не могло быть осуществлено без систематической и целесообразной их внутренней организации. Известный исследователь деятельности эсеров К.Н. Морозов, указывая на «стихийный характер» образования боевых дружин периода Первой революции, замечает: «Ни о планомерности этого процесса, ни о серьезном контроле сверху, ни о регламентированности прав и обязанностей их членов всерьез говорить не приходится. ... Многократные попытки руководства партии были направлены в годы революции не столько в сторону установления полного контроля за местными организациями и их боевыми дружинами (что было абсолютно нереально), сколько в сторону хотя бы некоторого ограничения порочной практики частных экспроприаций и "безответственных" террористических актов, от которых гибли невинные люди»¹. По нашему мнению, данная оценка не столь однозначна. Наряду с огромными проблемами, связанными с партийным контролем за боевиками, нет оснований говорить, что организации не прилагали разнообразных усилий, чтобы обуздать самостоятельность боевиков. При этом целенаправленные устремления контролировать боевые формирования демонстрировало не только высшее руководство партий, но и руководители всех звеньев партийного управления, что было напрямую связано с конспиративными, тактико-стратегическими и идеологическими соображениями.

Сложный и длительный процесс перехода народнических групп к политическим формам борьбы отразился и на создание первых уставных норм «дезорга-

---

¹ Морозов К.Н. ПСР в 1907-1914 гг. М., 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://socialist.memo.ru/books/lit/morosov3/index.htm>

низаторских» структур. Достаточно слаженная и формально определенная управленческая система террора появилась только с народовольцев¹.

Как известно, партия эсеров изначально и официально взяла на вооружение террористические методы борьбы и старалась это средство деятельно и планомерно использовать, чему подтверждением являются протоколы партийных съездов разных уровней и большое количество уставов боевых и террористических формирований, созданных как ЦК, так и самими формированиями². Высокой систематичностью и управляемостью отличались социал-демократические дружины, чего добиться без строгой внутренней организации и «субординации» было бы крайне сложно. Тенденции к систематизации своей структуры демонстрировали максималистские и анархистские организации, более того, это же наблюдается и в ряде псевдореволюционных формирований. Ряд террористических организаций начало своей деятельности предваряли созданием развернутых и детальных уставов (Северный Боевой Союз социалистов, Союз крайних террористов)³. Таким образом, есть веские основания говорить, что партийные комитеты и террористические формирования вполне серьезно воспринимали необходимость урегулированных взаимоотношений и наличие строгих уставных положений, и прилагали всевозможные усилия для того, чтобы они были не простой формальностью, а имели реальное, практическое воплощение. При этом у всех партий были значительно вариативные различия в зависимости от конкретного комитета и имеющегося в нем влияния «боевизма», «экономизма», «соглашательства» и пр.

Один из лидеров максимализма Г. Нестроев отмечал огромную роль правильно организованной боевой деятельности: «Централизм террористической борьбы имеет неопределимые положительные стороны: сосредоточение всех круп-

---

¹ В. В-в. Террор в России // Энциклопедический словарь: В 82 т. / Под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. Т. 2. Дополн. СПб., 1907. С.753; Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000. С.10-11. Этой же точки зрения придерживаются и иностранные исследователи Р. Фредландер, Э. Ивиански и др.

² Жуков А.Ф. Индивидуальный террор в тактике мелкобуржуазных партий в первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях. Сб. ст. М., 1989. С.138-144; Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992; Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С.125-136; Гейфман А.А. Революционный террор в России. С.65-120.

³ Гейфман А.А. Там же. С.406.

ных сил террора – организаторов, техников, исполнителей, – воедино, что более гарантирует успех дела; получение средств и связей для крупного террора скорее обеспечено при такой централизации; а это подчас имеет существенное, если не главное, значение для успеха акта. Но этот же централизм имеет много отрицательных сторон. Он рождает недовольство «верхами», следовательно, оппозицию и раскол; он не может использовать всех боевых сил, гибнущих на ничтожных по последствиям делах; он лишен выгоды коллективной боевой мысли пред единичной; он более консервативен в выборе средств террористической борьбы; он опасен, наконец, своей центральной провокацией»¹.

Относительно устойчивая схема осуществления терактов появилась вслед за формированием революционных организаций. Позже, эпизодические акции возмездия с постепенной «политизацией» движения стали приобретать упорядоченную систему. Основой первоначальной организации терактов 70-х гг. XIX в. был принцип, проверенный боевым опытом польского восстания 1863-1864 гг. Подготовку акций боевики осуществляли «тройками» или «пятками», на выполнение терактов выходили парами или «тройками», при этом специально выделенных террористических структур, функций, специализаций, тем более координации действий, не имелось. Этим объясняется ситуация, когда подготовку мстительного акта на генерала Ф.Ф. Трепова почти одновременно и независимо друг от друга предприняли землевольцы и «южные бунтари», а представитель от ткачевского «Общества народного освобождения» прибыл из-за рубежа выяснять возможность осуществления своего теракта².

В южном Исполнительном комитете, первой народнической организации, активно применявшей террор как вид революционной деятельности, по всей видимости, разделения функций и прерогатив не успело сложиться. О том, что это произошло бы, говорит завещание В.А. Осинского землевольцам. Во многом на его рекомендациях в новой партийной структуре выделяется специальный Боевой отдел, которому «...предназначалась видная роль, а потому прочие отделы долж-

¹ Нестроев Г. Из дневника максималиста. Париж, 1910. С.153.

² Календарь русской революции издательства «Шиповник». Пг., [Б.г.]. С.33-34.

ны были нести по отношению к нему обслуживающую роль. Они должны были содействовать ему каждый в своем роде. Один – добывать деньги, другие – писать и печатать, третьи – отыскивать новых бойцов и т.д.»¹. Не в пример предыдущим организациям, «Народная воля» опиралась не только на индивидуальную инициативу своих «агентов», но и на распределённые структурные функции, что значительно повысило результативность действий. Помимо Боевого отдела, координацию и подготовку терактов могла осуществлять и Распорядительная комиссия, при этом строгой функциональной субординации между ними не наблюдалось. На всех уровнях контактов была введена строжайшая конспирация. В своих воспоминаниях В.Н. Засулич отмечала: «Состав исполнителей и способ совершения покушения в одном месте должны были оставаться неизвестными для агентов других пунктов. Наряду со всем этим Комитет (Исполнительный комитет – О.К.) в Петербурге приготавливал взрыв в Зимнем дворце, но это сохранялось в строжайшей тайне и находилось в ведение «Распорядительной комиссии» (или администрации, как мы ее называли) из трех лиц, избираемых членами комитета из своей среды для дел величайшей важности»². Однако, в деятельности «Народной воли» сохранялся важный недостаток организации – руководители и исполнители были преимущественно в одном лице. Связано это было как с ограниченными людскими ресурсами партии, так и, – как отмечает В.Н. Фигнер, – со своеобразной личной позицией революционеров, не позволявшей посылать на рискованное, смертельно опасное дело соратников, а самому оставаться в безопасности³.

Начало массовых столкновений и инициированный революционной стихией процесс создания боевых формирований в начале XX в. отразился на структуре первоначальных групп. Это была организация по известному количественному принципу – «десятки», «сотни», «тысячи». При этом названия подразделений не обязательно соответствовали их количественному составу. Позже террористическая специфика сократила состав боевой единицы до пяти человек. Руководитель «пятка» знал и контактировал с начальником десятка, тот, в свою очередь, с сот-

---

¹ Фроленко М.Ф. Липецкий и Воронежский съезд // «Народная воля» и «Черный передел». С.62.

² «Народная воля» и «Черный передел». С.111.

³ Там же. С.147.

ским, этот – с тысяцким. Рядовые боевики знали только состав своей пятерки. При необходимости в зависимости от задач «пятки», десятки, сотни могли объединяться и действовать сообща. Тот же Г. Нестроев, характеризуя такого типа группы 1905 г., говорит прямо: «Исполнителей было много. Организаторов совсем не было. Был лишь – коллектив»¹. Такая организационная структура получила название «паучьей сети», а боевые действия представляли собой регулируемой интенсивности атаку «пчелиного роя»². Таковые структуры имеют современные организации «Хезболлы», «Аль-Каиды», «Талибана» и др.³.

Сформированные на таких организационных началах массовые боевые дружины себя не оправдали. В период восстаний 1905 г. они позволяли комитетам только быстро собрать значительное число вооруженных людей. В боевом значении эти структуры оказались просто не функциональны. Дружины, какой бы численности ни были, в 1905 г. не смогли продемонстрировать скоординированной деятельности, руководство такими объединениями было практически не возможно, выучка дружинников в своей массе отсутствовала. При кажущейся значительности, боевое значение дружин оказалось очень низким. Поэтому после разгромов 1905 г. комитеты либо ликвидируют прежнюю организацию, либо принимают решение значительно усовершенствовать её структуру. Появилось руководящее звено, которое объединяло и координировало на своем уровне начальников десятков, сотских, тысяцких. Тем самым улучшалось не только взаимодействие, но и исполнительность. Стали активно проводить обучение боевиков теории и практике боевых действий в различных условиях, давать навыки группового взаимодействия. Обязательной становится должность инструкторов, которые преимущественно направляются вышестоящими комитетами или боевыми подразделениями. Насколько важной становится роль инструкторов, отмечается в резолюции соци-

---

¹ Там же. С.73.

² Чуланов В.А., Гурба В.Н. Социологический анализ сущности и социальных форм терроризма // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2010. № 2. С.172-180.

³ Литвинов Н.Д. Террористические организации: формирование и деятельность (политико-правовой анализ). Монография. М., 1999; Алексеенкова Е. С. Становление и эволюция иерархизированных террористических сетей: на примере итальянских «Красных бригад» // Полис. 2005. № 6. С.53-65; Морозов И.Л. Построение эмпирической модели структуры власти в экстремистской группировке (на основе адаптированной методики Эрика Берна) // Полис. 2009. № 5. С.32-40.

ал-демократических боевых дружин в мае 1906 г.: «Опыт боевой организации, показавшей, что без сведущих инструкторов и регулярного планомерного обучения дружинников, дружины распадаются вследствие отсутствия ответов на свои практические боевые вопросы»¹. Однако, даже ориентируясь на массовые боевые действия и планируя фронтальные столкновения, методы подготовки, комплектования и вооружения как террористов, так и социал-демократических дружинников оставались практически одинаковыми.

В течение 1906 г., когда начала остро проявлять себя проблема роста самостоятельности и неуправляемости боевиков, организации стали вводить партийный контроль за боевиками в лице уполномоченных от комитетов или обязывать боевиков участвовать в других формах массовой партийной деятельности. Так, активный член астраханского комитета РСДРП В.Н. Залежский, характеризуя состояние организации на 1906 г., отмечал: «Военная организация у нас была довольно слабая, но рядом с ней стояла партийная боевая дружина, в состав которой входило человек 35 боевиков. Вооружение ее состояло главным образом из браунингов, но было и несколько бомб. Для того чтобы предотвратить моральное разложение дружинников, каждый из них входил в одну из ячеек периферии в качестве активного члена ее и оружия на руках не имел»². Тоже было рекомендовано уставом делать боевикам Летучего боевого отряда ПСР: «Свободное время члены отряда с разрешения организатора могут заниматься иной партийной работой, если она не отвлечет их от прямого дела»³. При этом, партия эсеров, систематически применявшая терроризм, понимала, что для его действенного использования необходимо иметь отдельный от массовой боевой работы организационный механизм. Поэтому, не отказавшись в 1906 г. от перспективы вооруженных восстаний, подготавливая для них условия и вступая в соглашения с социал-демократическими комитетами, эсеры попытались одновременно с этим перейти к созданию многоукладной структуры террористических подразделений. Так, в

---

¹ Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. М., 1932. С.176.

² Залежский В.Н. На партийном фронте между двумя революциями. Ч.1. В эпоху реакции (1906-1912 гг.) М., Л., 1925. С.22-23.

³ РГАСПИ. Ф. 673. Д. 339. Архив ПСР. Раздел А, Отдел III, № 3.

рекомендациях Центральному комитету Первого съезда ПСР (29.12.1905-04.01.1906), комиссия по тактическим вопросам предлагала: 1) по вопросу о вооруженном восстании держаться прежней тактики: не призывать к нему, но готовиться на случай стихийного возникновения в техническом, стратегическом и иных отношениях; ... 4) продолжать террористическую тактику. По вопросу о терроре комиссия, прежде всего, считает необходимым усилить центральный политический террор и подчеркивает особенное значение для настоящего времени массовой партизанской борьбы. Под массовой партизанской борьбой следует понимать непосредственное и возможно более широкое участие масс в боевой деятельности за свой страх и риск, выражающееся в нападениях на мелких агентов правительственной власти, в одиночку и группами: напр., городских, жандармов, шпионов, земских начальников. Такие нападения способствуют формулированию боевых сил, но происходят вне контроля партийных организаций. Местный политический террор должен происходить под обязательным контролем комитета, но ввиду того, что в настоящее время комитеты ослаблены, контроль должно передать в руки областных организаций. Более сложные террористические акты должны быть по тем же соображениям выполняемы летучими боевыми дружинами, обслуживающими более широкие районы. По вопросу о прекращении террора комиссия полагает, что он должен быть применяем до полного завоевания фактических свобод, и только тогда ЦК может приостановить террористические акты»¹. В горячих прениях на съезде, эсеры выработали общее партийное представление о разделении террора на взаимосвязанные, но отдельные функционально и организационно виды – «террор стихийный» и «террор политический». Стихийный (экономический) террор был представлен аграрными и фабричными эксцессами, и от его поддержки партия первоначально отказывалась; политический террор получал новое структурное и внутреннее содержание, а его организационную основу стали оформлять в виде отдельных уставов, большая часть которых появилась во второй половине 1906 г.

---

¹ Партия социалистов-революционеров. Док. и мат. 1900-1922 гг. М., 1996. С.418.

Важнейшей проблемой взаимоотношений боевиков и партийного руководства был вопрос подчиненности боевых групп. Болезненность его была связана не только с конспиративными проблемами, но и с острыми конфликтами между комитетами и боевыми подразделениями по поводу границ самостоятельности и пределов вмешательства комитетов в их деятельность, о чем выше уже говорилось. Единообразной позиции по этому вопросу ни одна партия не сформировала. Практически реализовывалось три подхода: первый, подразумевал полную самостоятельность и независимость боевых групп в осуществлении поставленных комитетом задач (БО ПСР, областные летучие боевые отряды эсеров). Второй подход, напротив, лишал группы какой-либо самостоятельности, доверяя им лишь функцию исполнения проектов (преимущественно губернские дружины комитетов). И третий вариант, старался выработать некую срединную позицию, распределяя функции контроля и управления, что в определенной мере достигалось введением между боевыми подразделениями и партийными структурами должности уполномоченного от комитета или вхождением представителя боевиков в партийное руководство.

БО ПСР, Центральный летучий боевой отряд и Летучий отряд Северной области ПСР были примерами полного «надпартийного» существования и соответственно независимого управления. Характеризуя отношение ЦК ПСР с этими отрядами, А.А. Аргунов отмечал: «Ц.К. санкционировал ряд лиц, против которых велись террористические предприятия, и субсидировал деньгами отряды. Этим и ограничивались формальные отношения отрядов с Ц.К., и, если Штифтарь напр., часто обращался ко мне (несшему эту неприятную обязанность – выдавать деньги) за разными советами, помощью, нередко за обсуждением своих планов и пр., то это было наше личное с ним дело»¹. Полное боевое, кадровое и управленческое подчинение боевых групп партийным комитетам практиковали социал-демократические организации и ряд эсеровских. В тоже время, попытку распределить управленческую деятельность дружин демонстрировали большинство эсе-

---

¹ Аргунов А.А. Азеф – социалист-революционер // Провокатор. Восп. и док. о разоблачении Азефа. Ред. и вступ. П.Е. Щеголева. Л., 1929. С.72-73. Штифтарь – партийная кличка Л.И. Зильберберга, руководителя Центрального летучего боевого отряда ПСР

ровских комитетов. Боевики воспринимали как опеку комитета, так и фигуру уполномоченного недоброжелательно, связывая с ним партийное и комитетское недоверие. При этом сами уполномоченные, играя роль политруков в боевых частях, не всегда правильно осознавали свои функции, подчас ограничиваясь лишь передачей задач и рекомендаций комитетов. Отличные от партийного руководства взгляды боевиков по целому ряду вопросов, как партийной жизни, так и боевой, иногда становились откровением для самих уполномоченных.

На руководстве боевых дружин лежала задача организации деятельности и терактов, а также, решение всех внутренних вопросов жизни дружины. Каждая из этих обязанностей имела свою специфику. При имеющихся значительных различиях в зависимости от партии и типа подразделения, руководитель дружины отвечал за формирование его личного состава, обучение боевому делу и, собственно, организацию исполнения полученных от комитета террористических распоряжений. В организации внутренней жизни подразделений также наблюдались значительные отличия. В зависимости от постоянства личного состава, его нелегальности, отношения к террористической деятельности руководства партийного комитета и наличия финансовых средств, руководитель мог постоянно находиться среди боевиков, быть полностью ответственным за всю их организацию нелегальной жизни, со всем обилием жизненно важных вопросов, или, наоборот, встречаться с боевиками эпизодически, выполнять лишь формальное руководство, отвечая за передачу оружия и постановку боевой задачи. В данном случае, диаметрально противоположными являются позиции, занимаемые Б.В. Савинковым и Е. Азефом. Первый, находился с боевиками, жил с ними; второй – посещал их эпизодически для решения деловых и организационных вопросов. Все источники, будь-то воспоминания террористов, оценки партийных функционеров или жандармские аналитические работы, фиксируют огромную роль в террористической деятельности руководителя боевиков и подчас лично с ним, с его организаторскими способностями, моральными качествами, целеустремленностью и отвагой, связывают успешность террористической деятельности или ее полный провал.

Типы управления боевыми подразделениями представляли три разновидности: единоначалие, в лице одного ответственного за всю деятельность руководителя; двоеначалие, при котором к боевому руководителю присоединялся уполномоченный от комитета; и, третий вариант, коллегиального руководства, когда единый центр боевой деятельности объединял начальников подразделений и совместно осуществлял руководство боевыми частями и действиями.

В первом случае, высокая боевая готовность подразделения соседствовала с ее партийной неподконтрольностью, что, в свою очередь, проявлялось в самостоятельности, нередком отказе от выполнения поручений и постепенном формировании чувства «надпартийности» у боевиков, причем это обыкновение касалось всех партий. Так, С.И. Корниенко, исследовавший вопрос борьбы большевиков против авантюристической тактики боевиков в уральских организациях РСДРП, отмечал: «Анализ структуры и взаимоотношений боевых организаций и партийных комитетов на Урале показывает, что они строились не в рамках существующих партийных ячеек, что во главе боевой организации мог стоять человек, избранный не партийной организацией или комитетом, а самой дружиной. Дружины по сути дела являлись автономными организациями при партийных комитетах. Взаимоотношения между комитетами и Советами боевых организаций порой складывались весьма неблагоприятно»¹.

Второй тип управления и связанные с ним сложности, хорошо видны в истории Боевого отряда при Воронежском комитете ПСР². Отряд был создан летом 1906 г. для осуществления террористических актов. Личный состав насчитывал около 10 человек, во главе отряда был назначен бывший десятник дружины Воронежского Делегатского собрания А.П. Галай, представителем Воронежского комитета при отряде был назначен И.Д. Смирнов. С самого начала у отряда начались трения с комитетом. Как вспоминал после революции сам Смирнов: «Группа настаивала на том, чтобы ее представитель входил в губернский комитет с правом

---

¹ Корниенко С.И. Борьба большевиков против авантюристической тактики боевиков в уральских организациях РСДРП // Боевая и военная деятельность большевистских организаций Урала (1905-1920 гг.). Сб. науч. тр. Свердловск, 1983. С.62.

² Квасов О.Н. Деятельность Боевого отряда Воронежского комитета ПСР в годы Первой российской революции // Лес и молодежь ВГЛТА – 2000 г.: Сб. науч. тр. Воронеж, 2000. Т. 2. С.212-216.

решающего голоса. Комитет с этим не соглашался и по мотивам принципиальным – комитет избирался на губернском съезде, – и по мотивам практическим, считая группу не достаточно работоспособной и устойчивой»¹. Несмотря на осуществление двух терактов и ряда экспроприаций, группа практически бездействовала, а личный состав, находясь на нелегальном положении, просто бедствовал, вымаливая деньги на проживание не только у губернского комитета, но и знакомых. Как следствие, начинаются несанкционированные комитетом выступления. В октябре 1907 г. после проваленной попытки крупной экспроприации и отказа сдать оружие комитету, Боевой отряд решением представителя комитета был распущен. Как показал опыт и других подразделений, представители комитетов при боевых дружинах, вполне справляясь с координирующей функцией, в тоже время, по целому ряду причин, не смогли стать в отрядах «политруками», тем более взять на себя часть функций оперативного руководства.

Последний вариант коллегиального управления в террористической деятельности применялся редко и был более приспособлен для военно-боевых действий. Хотя в уставе БО ПСР именно о таком руководстве организацией и говорится, – «Верховным органом "Боевой Организации" является Комитет», на деле этого Комитета никто никогда не видел, потому что его не существовало². Исключительно жесткую, комбинированную систему контроля и управления деятельности боевиков попытались внедрить уральские боевые дружины социал-демократов. Деятельность дружин должен был координировать «совет боевой организации», состоявший из представителей отрядов ("десятков"), выбиравших "командующего". Помимо этого в его состав входил один член парткома, «который имел право "вето" по решениям совета. Непринятые им вопросы переносились на окончательное решение парткома»³. Учитывая последующее отделение уральских боевых дружин от партийных комитет, можно заключить, что даже столь жесткое управление не смогло себя оправдать.

¹ Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С.85.

² Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 1990. С.74.

³ Из прошлого. Сб. восп. 1903-1905 гг. Пермь, 1925. С.108-109.

По уставным и организационным нормам партизанские дружины подчинялись тем комитетам, которые их формировали или на территории которых они действовали. Организационное бюро при ЦК ПСР в августе 1907 г. полагало, что «начало и конец партизанских действий определяется Областным съездом (в крайнем случае, Областным комитетом); действия партизанских отрядов регулируются общими принципами и партийной тактикой; стратегически отряды самостоятельны»¹. В действительности, партизанские дружины были еще более чем другие типы террористических подразделений неподконтрольны комитетам. В проекте устава прибалтийских «лесных братьев» по этому поводу только под 10 пунктом отмечалось, что «о каждом предприятии лесные братья извещают местный социал-демократический центр» и иных упоминаний о партийном контроле не имелось². Практически для всех партизанских групп взаимодействие с партийными комитетами носило уведомительный характер или стратегический, в основе которого было только определение общего плана деятельности, без конкретизации и детализации действий. Такое взаимодействие могло быть реализовано и оправдано только при высокой дисциплине, профессионализме и самоотверженности, чего партизаны не всегда могли продемонстрировать. Характеризуя эту ситуацию, сформировался негативный эпитет «партизанщина», который использовался уже в начале XX в.

Боевые или исполнительные подразделения террористов представляли собой небольшие группы от 5 до 10 человек, которые практически осуществляли реализацию террористических планов. Состав этих подразделений формировался из числа инициативных, но прошедших предвзятый отбор революционеров.

Среди обслуживающих подразделений было многообразие функций и видов. Стандартное приложение к боевым (исполнительным) группам включало военно-техническое и разведочное подразделения. На первое, главным образом, возлагали «организацию получения, доставки, приготовления боевых средств и т.д.». Кроме того, техническое отделение отвечало за организацию лабораторий

---

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 459. Л.39.

² Розенблюм К.И. О первой русской революции 1905. Л., 1930. С.105-106.

по производству взрывчатых веществ и производство самих взрывных устройств, оно же готовило паспорта и необходимые документы прикрытия для революционной деятельности, осуществляло переход террористов через границы и легализацию в эмиграции. В Военно-Техническом бюро при Московском комитете РСДРП ввели отделы «вооружение боевых сил», «ручная артиллерия» и «инженерное дело», на последнее были возложены функции «подрывного дела» и «организации укрепленных районов» восставших¹. Очевидно, что такие задачи были связаны не столько с терроризмом, сколько с подготовкой полномасштабных военных действий. Однако это не препятствовало террористическому использованию взрывных средств, чему имеется много примеров². Основной задачей обычных технических подразделений все же было обеспечение оружием боевиков и подготовка всевозможных документов. Аналогичные функции решали и сельские технические бюро социал-демократов. Так, историк Л.Т. Сенчакова, исследовавшая боевую деятельность социал-демократических дружин, приводит следующий текст: «По поручению Нижегородской окружной организации РСДРП ее военнотехническое бюро в июле 1906 г. разработало специальную, тщательно продуманную «Инструкцию руководящего коллектива Нижегородской окружной организации о деятельности крестьянских военнотехнических групп в селах и уездах». Инструкция точно определяла формы организации боевых крестьянских групп, их цели и методы действий. В ней указывалось на необходимость создания боевых групп различного назначения: разведчиков для выяснения военнополицейских сил в данной местности, специальных групп, которые препятствовали бы передвижению противника через реки на паромах и лодках; групп боевиков для экспроприации боеприпасов на оружейных складах и обезоруживания полиции и т.п. В заключительном пункте инструкции указывалось, что «военнотехнические группы должны объединять все вышеуказанные организации, направлять их деятельность... установить тесную связь с центральным военно-

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906. Оп. 236 (II). Д. 280. Л. 10.

² Так, изготовленными бомбами Боевой технической группой при Петербургском комитете РСДРП была взорвана максималистами дача премьер-министра П.А. Столыпина (14.10.1906), более 200 бомб для осуществления терактов было изготовлено в Южном Военно-Техническом бюро РСДРП.

техническим бюро окружной организации»¹. Данные рекомендации по существу ни чем не отличались от предлагаемых мер партизанской борьбы эсерами.

В структуру Военно-Технического Бюро московских социал-демократов помимо названных трех подразделений также входили: «военно-учебный отдел», «секретариат» и «Генеральный штаб»². В некоторых боевых дружинах фигурировал «отдел красного креста» или санитарный отдел. Однако все эти подразделения рассматривались как необходимые в условиях фронтальных боевых действий, а не террористической деятельности. Похожая схема организации была создана и у пермских социал-демократов, в военно-боевом уставе которых имелись следующие подразделения: «1) военно-техническая группа, занимавшаяся заготовкой оружия, 2) инструкторская группа при коллегии инструкторов, задачей которой было военное обучение дружинников, 3) группа разведчиков, 4) финансовая группа, 5) санитарный отряд, 5) штаб боевых дружин»³.

Разведочные подразделения занимались сбором всей необходимой информации при подготовке терактов. Разнообразие источников получения необходимых сведений не позволяло изначально определиться с ответственностью и строго распределить функции разведчиков. Каждый боевик, тем более руководители боевых организаций, находились в состоянии постоянного поиска информации и сведений об объекте нападения. Поступающие инициативные предложения подвергались совместному анализу боевиков и критическому осмыслению со стороны партийного руководства. Положительное мнение комитета, означало начало подготовки террористической акции. Выделенные для этого опытные боевики, не только осуществляли сбор необходимой информации об объекте, но и одновременно разрабатывали варианты возможного теракта. В тоже время, совмещение боевиками разведочных и исполнительских обязанностей было в порядке вещей.

Принятие решения о проведении теракта могло иметь разнообразную схему. Преимущественно для теракта требовалось инициативное предложение мест-

---

¹ Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг. М., 1989. С.168.

² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906. Оп. 236 (II). Д. 280. Л.31.

³ Рычкова Г. Военно-боевая работа большевиков в период первой русской революции. Свердловск, 1946. С.24.

ных активистов и санкция вышестоящего коллегиального органа: в пределах уезда губернского комитета, для губернии – областного комитета, для областных – центрального. Практически инициатива о проведении теракций могла исходить как снизу, так и сверху. Характерное разрешение для уездных комитетов единогласно принял Новохоперский уездный съезд ПСР (13.05.1907, Воронежская губ.) (См.: С.271). Губернская конференция воронежских организаций эсеров (февраль, 1908) эту резолюцию скорректировала: «Конференция признает нецелесообразным проявление террористических актов мелкими организациями и допускает его только в тех случаях, когда организации грозит гибель; 2) террористические акты допускаются не иначе как с разрешения Губернского комитета; 3) силы пригодные для центральных актов в будущем должны организоваться при Областном Комитете; 4) террористические акты должны быть направлены главным образом на начальствующих лиц (центральный террор)»¹.

Коллегиальное решение могло подменяться единоличным разрешением на проведение акции кого-либо из членов комитета, который решался взять на себя ответственность за успех дела. Известно много случаев, когда такое, в обход правил, волонтаристское решение оборачивалось против самих боевиков и партийных организаций. В 1906 г. конфликт ЦК ПСР возник с эсером П.М. Рутенбергом, который с разрешения члена комитета Е. Азефа, руками рабочих расправился с Г. Гапоном (28.03.1906). Политическая конъюнктура, еще сохранявшийся среди рабочих авторитет Гапона и формальное нарушение порядка санкционирования, позволил ЦК ПСР официально отказаться от совершенного убийства и переложить ответственность лично на Рутенберга, которому, несмотря на большие и длительные усилия, так и не удалось отстоять свое честное партийное имя².

Похожая, только более трагичная, ситуация произошла в Воронежской губ. Боевая дружина крестьянского братства с. Турова (Нижнедевицкий у., Воронежская губ.) осуществила разгромную экспроприацию дома помещика А.А. Русано-

¹Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С.29.

² Рутенберг П.М. Убийство Гапона. Л., 1925; Будницкий О.В. Убийство Гапона (новые материалы) // История терроризма в России ... С.430-456.

ва (19.12.1907) (См.: С.278-279). Разгром, несмотря на запрет губернского комитета, был осуществлен с личного разрешения и санкции члена губкома Я.А. Мещерякова – «на общем собрании он посоветовал провести экспроприацию у помещика Русанова без директив губернского комитета»¹. Неудачный грабеж закончился повальными арестами и смертными приговорами 9 человекам, бессрочной каторгой – 6 и разными сроками каторжных работ еще 15 крестьянам. Это преступление имело еще более трагические последствия. Решение о мстительном покушении на воронежского губернатора М.М. Бибикова принималось за границей, в Центральном комитете, однако возникли организационные проблемы с реализацией решения. С февраля 1908 г. у ЦК эсеров не осталось боевых групп для осуществления центрального террора. «Летучка» Украинской области ПСР, в которую входила и воронежская организация, была еще в апреле 1907 г. распущена². Ближайшим боевым террористическим подразделением была Летучая дружина Поволжской области (Саратов)³. Однако и она была в критическом состоянии и смогла командировать в Воронеж только члена областного летучего отряда М.М. Федорову с приговором ЦК ПСР. Вступив в контакт с местным комитетом и передав тому решение ЦК, ей необходимо было проконтролировать исполнение. Среди местных эсеров, несмотря на имеющиеся технические возможности губернского комитета, никто не проявил желания осуществить покушение. Федоровой пришлось самой выполнять теракт, что она и сделала, бросив бомбу под каре-

¹ Прасолов А.Н. Как туровские крестьяне боролись с самодержавием. М., 1928. С.51.

² Комаров Н. Очерки по истории местных и областных боевых организаций ПСР 1905-1909 гг. // Каторга и ссылка. 1925. № 4 (25). С.56-81. На счету Украинского ЛБО ПСР – убийства екатеринославского генерал-губернатора В.П. Желтоновского (23.04.1906) и правителя канцелярии наказного атамана Кубанской области С.В. Руденко (21.09.1907). Отличилась она и в экспроприации – её боевики отобрали более 50 тыс. руб. у железнодорожного артельщика на ст. Игрень (16.02.1907). После многочисленных арестов и разрыва отношений с Украинским комитетом, члены отряда перебазировались на Кавказ, в подчинение Северо-Кавказского областного комитета. Но из-за обычного тогда конфликта по поводу несоблюдения партийной дисциплины и чрезмерной самостоятельности боевиков, Северо-Кавказский комитет ликвидировал в конце 1907 г. свой Летучий боевой отряд, вступив по этому поводу в конфликт с недовольным таким решением ЦК ПСР.

³ Поволжский ЛБО ПСР совершил убийства начальника Саратовского ОО ротмистра М.П. Боброва (19.01.1906), самарского губернатора И.Л. Блока (21.07.1906), пензенского губернатора С.В. Александровского (25.01.1907) и большое число других теракций.

ту губернатора, который, получив легкое ранение, остался жив (23.04.1908)¹. В данном случае, хорошо видно насколько сложной могла оказаться схема принятия решения о покушении, – нередко комитетам приходилось учитывать многие факторы и решать сложные организационные проблемы, прежде чем преступить к подготовке теракта.

Наличие большого количества комитетов, имеющих независимое право принимать решение о теракте, объяснялось оперативными, тактическими и конспиративными соображениями, но неоднократно создавало взаимные проблемы террористическим группам, по стечению обстоятельств готовившим покушения одновременно на один и тот же объект или в одном и том же населенном пункте. Так, подготовку покушения на Ф.Ф. Трепова предприняли независимо друг от друга сразу три группы народников. В середине мая 1906 г. в Севастополе также независимо друг от друга оказались сразу три террористических группы эсеров – БО ПСР, Боевой отряд Центральной области и боевой отряд местного комитета. Неудачное покушение последней группы на коменданта крепости генерала В.С. Неплюева (14.05.1906), вызвало повальные аресты, под удар которых попали и члены остальных отрядов. Поэтому, руководители террористических групп настоятельно требовали от партийного руководства дававшего задание, чтобы в одном месте не работало несколько боевых подразделений.

В свою очередь, различия взглядов на боевую и террористическую деятельность между местными комитетами, их руководителями, вышестоящими органами или их представителями также создавали проблемы для организации боевой деятельности. Так, после разгрома боевых дружин в конце 1905 г. Уфимский комитет РСДРП принял решение распустить рабочие отряды. Все попытки местных боевых организаторов братьев Эразма, Ивана и Михаила Кадомцевых реорганизовать боевые структуры на новых началах с перспективой массовых выступлений встречали категоричный запрет местных меньшевистских руководителей. И только прибывший представитель ЦК «тов. Андрей» (Я.М. Свердлов), одобрил

---

¹ Квасов О.Н. Мария Федорова – террористка и жертва террора // Новый исторический вестник. 2011. № 1 (27). С.89-104.

эти начинания, которые в дальнейшем стали примеров организации боевого дела¹. В конце 1907 г. ЦК ПСР был возмущен и опротестовал решение Северо-Кавказского областного комитета, распустившего за самостоятельность свой ЛБО². Южное Военно-Техническое бюро РСДРП, также вступило в долгий спор со своим учредителем меньшевистским Южным областным комитетом по поводу различных взглядов на возможность вооруженного восстания и его подготовку. Изготовив и раздав различным революционным организациям более 200 бомб, члены бюро отказывались прекращать работу и передавать финансовые средства областному комитету. Не согласившись и с мнением ЦК, поддержавшего областной комитет, ЮВТБ решило апеллировать к Стокгольмскому съезду партии. Однако к началу работы съезда весь состав бюро был арестован полицией и вопрос в повестку съезда не попал³. Примеров такого давления со стороны вышестоящих партийных органов на местные комитеты можно привести много, причем это партийное давление могло быть как в поддержку боевой деятельности, так и, наоборот, против нее. Большое количество жарких споров и конфликтов, становившихся публичными и углублявших раскол партии имели между собой меньшевики и большевики по поводу совершенных экспроприаций и боевых выступлений.

Успехи в организации отдельных терактов и вера в возможности террора, подтолкнули революционные комитеты к проведению крупных операций, состоящих из нескольких одновременных террористических акций с целью дезорганизовать местные органы власти («террористические войны»). Такие действия в отношении рядового состава полиции на волне массового протестного движения успешно предприняли в декабре 1905 г. московские боевики. Позже, 15 августа 1906 г. в Варшаве, Лодзи, Плоцке, Люблине, Калише, Радоме и в других городах Польши боевиками ППС было убито около 80 полицейских, жандармов, стражников. Это событие вошло в историю польского освободительного движения под

---

¹ Из прошлого. Сб. восп. 1903-1905 гг. Пермь, 1925. С.108-109.

² Комаров Н. Там же.

³ Ростов Н.М. Южное Военно-техническое бюро при ЦК РСДРП // Каторга и ссылка. 1926. № 1 (22). С.98-99.

названием «Кровавая среда»¹. Согласованные действия на большой территории пытались организовать и поволжские эсеры. Убийство самарского губернатора И.Л. Блока (21.07.1906) и неудачные попытки взрывов тамбовского (28.07.1906) и самарского (29.07.1906) ГЖУ, вкуче с начавшимися активными действиями крестьянских боевых дружин, должны были вызвать вооруженное восстание в регионе, чего, однако, не произошло². Из-за плохой координации действий, неудачно закончилось массовое нападение максималистских боевиков на петербургских городских Выборгского района (05.05.1907)³. Неудачей же закончилась 15 октября 1907 г. многоактная террористическая операция Летучего боевого отряда Северной области ПСР, под руководством А.Д. Трауберга («Карла»). Начавшаяся убийством начальника Главного тюремного управления А.М. Максимовского, операция должна была продолжиться у квартир министра юстиции, петербургского градоначальника и вице-директора ДП, которые, как предполагалось, обязаны были выехать на место убийства и выхода которых поджидали террористы с бомбами. Однако убийца Максимовского эсерка Е.П. Рогозинникова, не смогла произвести условного сигнала, что не дало возможности начать действовать другим боевикам, и операция осталась незавершенной⁴.

Уставы боевых организаций, в разной степени разработанности и утверждённости, были практически во всех террористических группах. Более того, отсутствие устава является косвенным показателем, партийной маргинальности группы. Поэтому, даже в 30-е годы, один из теоретиков и организаторов большевистских боевых дружин Э.С. Кадомцев, в своих воспоминаниях неоднократно акцентировал внимание на этом и, рассказывая о своей революционной деятель-

¹ РГИА (СПб.). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 172. Л.1-7; Kalabinski S., Tuch F. Czarne powstanie czy pierwsza rewolucja: Lata 1905-1907 na ziemiach polskich. W-w, 1976. S.484.

² Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С.330.

³ Новое время. 06 (19) мая 1907 г.; Нестроев Г.А. Из дневника максималиста. Париж, 1910. С.83; Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.308;

⁴ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Т. 12. Д. 10143. О неизвестной женщине, обвиняемой в покушении на убийство начальника Главного тюремного управления Максимовского. 1911; Спиридович А.И. Там же. С.362; Фридрих А.А. Е. Рогозинникова: (Воспоминания) // Каторга и ссылка. 1929. № 1 (50). С.154-177; Курлов П.Г. Гибель императорской России: воспоминания товарища министра внутренних дел. М., 2002. С.108-110; Васильев А.Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка». Т. 2. М., 2004. С.378-379.

ности, апеллировал к высшим авторитетам партии: «Мы ... как организаторы, были глубоко удовлетворены тем, что представитель центра (Я.М. Свердлов – О.К.) назвал нашу деятельность правильной, одобрил и потребовал от нас, чтобы мы ее продолжали в таком же большевистском духе. Я выработал устав боевых дружин. Он был утвержден местным и областным комитетами с.-д. (большевиков). На основании этого устава на всех уральских заводах были организованы рабочие дружины. ... Боевой устав дружины, выработанный на Урале, лег в основу организации рабочей боевой армии, – устав одобрил В.И. Ленин. По этому уставу были созданы в Петербурге первые дружины – "инструкторские школы"»¹.

Анализ управленческой структуры боевых организаций показывает, что революционный терроризм тяготел к созданию стройного механизма практического воплощения, а партии, использующие терроризм как тактико-стратегическое средство политической борьбы, находились в постоянном поиске оптимальных форм его организации. Общими тенденциями управления стали усилия комитетов подчинить боевиков осуществляющих центральный терроризм, т.е. акты против высших политических и административных лиц, строгой партийной и организационной дисциплине. Террористические организации уездных и низовых комитетов напротив, имели определенную свободу действий и меньшую зависимость от партийных комитетов. Более того, в 1907 г. в уставных нормах ряда местных террористических групп (крестьянские братства ПСР, максималистские и анархистские группы) терроризм «разлитого», неорганизованного характера прямо провоцировался и поощрялся. Данная позиция партийных комитетов показывает, что партии видели в терроре не только механизм политического давления на власть, но и форму «социального протеста», которую старались поощрять и развивать.

Управленческая структура революционно-террористических организаций начала XIX в. преимущественно предполагала совмещение исполнительных и руководящих ролей боевиков или невыраженное их разделение. В ходе политической борьбы начала XX в. эта структура совмещала «административную вертикаль» (рядовые боевики – начальник дружины – уполномоченный комитета) и

---

¹ Кадомцев Э.С. Воспоминания о молодости. М., 1937. С.37,44.

ячеечную схему комплектования («тройки», «пятерки»), при которой имелась определенная автономность и самостоятельность подразделений, а при аресте членов не разрушалась вся сеть организации. Осуществление терактов могло поручаться местным партийным комитетам, делегированной для этого группе боевиков или специально командированному инструктору, наделенному организационными полномочиями. В первом случае организации зачастую не хватало профессиональных навыков, во втором и третьем – времени для подготовки, недостатка информации и ресурсов.

ГЛАВА 6. Внутренние механизмы террористических организаций

6.1. Кадровое обеспечение боевой деятельности в революционных организациях

Российская империя на рубеже веков представляла собой общественный организм, находящийся в глубоком социальном кризисе. Стирание этнических и сословных границ, размывание элементов традиционного общества и многие другие следствия ускоренной модернизации разрушали общественную стабильность и социальный мир. Исторический опыт автократического государства, разность общественных интересов и отсутствие механизмов политического консенсуса легко трансформировали дискомфорт социальной неопределенности в агрессию и насилие. Политические противоречия, наличие партийных идеологий и программ, стратегией и тактикой преобразовательной деятельности выбравших экстремизм и радикализм, предопределили резкий всплеск политического терроризма.

Неоднократно отмечаемое современниками событий массовое критическое отношение российского общества к государственной власти и самому императору, отразилось и на рекрутировании личного состава революционных организаций. Большая часть интеллигенции склонялась к пассивной поддержке революционной оппозиции, однако, именно из ее среды выйдут теоретики и вдохновители движения. Основными поставщиками деятельной революционной массы станут слои населения, которые в наибольшей мере испытывали социальное напряжение и «кризис ожидания» в условиях общественной аномии (См.: Раздел 2.1. С.83-110). Такими слоями, которые первыми претерпели тяжесть последствий ломки устоявшихся традиционных механизмов жизни, стали большая часть маргиналов от пролетариата и мещанства, слой крестьян-отходников, представители эмансипированных слоев национальных меньшинств. Навязчивое состояние эмоционального и бытового дискомфорта при наличии обиходного критического отношения к власти легко канализировалось в агрессию в первую очередь у обучаю-

щейся молодежи. Эта возрастная тенденция политического экстремизма подтверждается на протяжении столетия¹. В условиях социального кризиса именно молодежь склонна психологически болезненные следствия трансформировать в агрессию, а при наличии определенной направленности политического дискурса, готова агрессию выражать в форме политического экстремизма и террора.

Общее число террористов второй половины XIX в. не стоит ограничивать только исполнителями, которых было не более пяти-шести десятков². Террористическая деятельность имеет сложный механизм и организацию. В ее составе, кроме исполнительской части, имеются оперативно-разведывательные, кадровые, материально-хозяйственные и прочие структуры, совсем не обязательно обслуживаемые одними и теми же людьми. И хотя универсальная функциональность народовольцев была очень высокой, общее число народнических боевиков было на порядок выше количества исполнителей терактов. В начале XX в. ситуация кардинально изменилась. Наиболее напряженным в террористической активности стал 1907 г. К этому году в революционных организациях Европейской России уже сложились структурные звенья и имелись тактические планы террористической борьбы. На этот момент нами насчитывается в рядах ПСР около 730 террористов, в максималистских группах – 625, в дружинах РСДРП – около 100, анархистских организациях – 300, внепартийных и «отколовшихся» – около 200³. Все

¹ Назаров М.М. Политический протест: Опыт эмпирического анализа // Социс. 1995. № 1. С.54.

² Н.А. Троицкий количество народовольческих террористов определяет в три-четыре десятка (См.: Троицкий Н.А. «Народная воля» и её «красный террор» // Индивидуальный политический террор в России (XIX – начало XX вв.): Мат. конф. М., 1996. С.17).

³ Данная цифра отражает только приблизительные усредненные параметры и получена следующим образом: ПСР имела в это время два ЛБО подчинения ЦК – 40 человек, шесть областных ЛБО по 15 боевиков – 90, в половине губернских комитетов России (15 губкомов) обычный стационарный отряд состоял из 5-10 человек – 150, в уездных комитетах и крестьянских братствах по 5 боевиков – около 350. Т.о., всего эсеры имели около 730 боевиков. Союз эсеров-максималистов в Европейской России имел 25 групп в среднем по 15-25 человек в каждой – всего 625 человек. В рамках принятых съездами запретов социал-демократы распустили имеющиеся боевые дружины, но т.н. «оборонительные» акции против провокаторов и сотрудников ЖУ совершали прежние их члены и инициативные боевики, число которых мы оцениваем в 50-100 человек. Анархистские группировки с активной террористической позицией имелись преимущественно в крупных городах и промышленных центрах, общее число их боевых участников около 300. Уральские партизанские формирования, тамбовские «независимцы», лбовцы и прочие отряды активной боевой деятельности, но не выраженной партийной ориентации, насчитывали около 200-300 человек.

революционное подполье располагало примерно 2 тыс. активных террористических бойцов. Число всех участников, включая организационные и разнообразные обслуживающие структуры, второй террористической кампании приблизительно можно оценить в количестве 20 тыс. человек¹.

Создание уставных норм различных партийных формирований было обусловлено необходимостью упорядочить целый комплекс противоречий и проблем партийной жизни. Кроме того, указывалось, что «лица партийные, берущие на себя образование Б.Д. [боевых дружин – О.К.], вырабатывают строгие уставы, исключающие возможность легкомысленного отношения к взятым на себя обязанностям и ставящие условием вступления невозможность отказаться от террористических актов...»². Формы уставов имели обширное разнообразие, различаясь по объему текста, детальности проработки элементов и акцентам содержания, что дает возможность делать определенные выводы о тенденциях развития террористической деятельности.

Индивидуальные критерии, предъявляемые к кандидатам в боевые формирования, были в основном стандартными: «Кроме партийности члены отряда должны удовлетворять следующим требованиям: а) готовность пожертвовать своей жизнью для дела; б) строгая аккуратность в исполнении даже мелочей; в) смелость, соединенная с хладнокровием, энергией, толковостью и сообразительностью; г) безусловная конспирация; д) отсутствие болезней и хорошее зрение; е) воздержание от спиртных напитков. 9. Члены отряда должны иметь навык в употреблении оружия»³. Состав требований был обусловлен видом или специфичностью деятельности. К общим условиям относилась партийная принадлежность, строгая дисциплинированность и исполнительность. В.Н. Фигнер, уделяя в воспоминаниях большое внимание вопросу партийного «контроля над личностью»

---

¹ Применимо к партии эсеров М.И. Леонов указывает, что «всего в эсеровском терроре непосредственно участвовало до 2% членов партии» (Леонов М.И. Террор и смута в Российской империи начала XX в. // Вестник Самарского гос. ун-та. 2007. № 5/3 (55). С.176-186), весь состав ПСР в 1905-1907 гг. он оценивает в количестве 62 600 человек (Леонов М.И. ПСР в 1905-1907 гг. М., 1997. С.45).

² Борьба и жизнь. Издание Воронежского комитета ПСР. № 4. 20 февраля 1908 г.

³ Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С.218.

революционера, отмечает невозможность для народовольца без санкции даже пожертвовать своей жизнью: «строгий контроль организации сдерживал и, когда нужно, подчинял личность революционной дисциплине, допуская риск собой только по решению коллектива для общественно необходимого дела»¹. Сопоставляя высокую требовательность уставных положений и качество кадрового состава боевых формирований начала XX в., можно констатировать, что норм придерживались, но ими не руководствовались. Причем данное заключение касалось всех боевых подразделений и партий.

Личностные портреты наиболее известных боевиков неоднократно рассматривались в воспоминаниях и исследовательских работах. Намного меньшее внимание уделялось портретам рядовых боевиков, среди которых было изобилие психологических типажей, многообразие мотиваций и разнообразие этических и моральных установок². Личный состав боевых организаций стабильности не имел, постоянно подвергаясь ротации из-за полицейских или конспиративных причин. Качество личного состава также менялось. И если профессиональные навыки имели обыкновение повышаться со временем и опытом, то моральный облик террористов по ходу революции стремительно деградировал.

Предлагаемые исследователями, типологии террористов всегда и особо характеризуют категорию «идеалистов» или «искателей истины». Кроме них, как считает В.В. Витюк, среди боевиков выделяются типаж кондотьеров («искатели риска») и неприкаянных («искатели содержания жизни»)³, а английский политолог Д. Тэкро отнес лидеров и «операторов»⁴. Первая волна революционных экстремистов представляла собой именно этих ярко выраженных убежденных идеалистов от революции, «людей веры». Желание участвовать в терроре и безуслов-

¹ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. М., 1964. С.305-306.

² Авцинова Г.И. Революционер в России: история и теория. Киев, 1995; Квасов О.Н. Революционный террорист и боевик Харитон Шабанов // Воронежское краеведение: традиции и современность. Мат. научн.-практ. конф. Воронеж, 2006. С.48-50; Квасов О.Н. «Истинный сын революции Иван Голощапов» или судьба «анархиста-мстителя» // Воронежский вестник архивиста: Науч.-инф. ежегодник. Вып. 7. Воронеж, 2009. С.223-232.

³ Витюк В.В. Под чужими знаменами: лицемерие и самообман «левого» терроризма. М., 1985. С.126.

⁴ Trackrah J. Encyclopedia of Terrorism and Political Violence. L. and N.-Y., Routledge and Kegan Paul, 1987. P.262-263.

ная необходимость наказывать проявляющееся государственное зло, соседствовало с упрощенным представлением о социальном мире, подчас инфантильно понимаемом Зле и Добре. Мир иллюзий подготовки и начального этапа (1902-1905) Первой российской революции демонстрировал неоднократные примеры личного героизма и самоотверженного поведения боевиков. Именно из этих боевиков выйдут мифологизированные образы «идеальных террористов» С.В. Балмашева, Е.С. Сазонова, И.П. Каляева, М.М. Спиридоновой, сестер А. и Е.А. Измайлович и других. Фанатически преданные своей идее, в большинстве своем они имели лишь минимальные террористические навыки, но этого было подчас достаточно для совершения теракта. При этом препятствием к его совершению могли стать, как ни странно, моральные факторы. Известны случаи с Иваном Каляевым не бросившим бомбу в коляску вел. кн. Сергея Александровича потому, что вместе с ним ехали дети¹, а Евстолия Рогозинникова не решилась взорвать здание Главного тюремного управления, вероятно, из-за большого количества случайных посетителей. С ростом терактов, увеличением числа случайных жертв и уменьшением избирательности террористов, моральная жертвенность террора сходила на нет, количественно уменьшая при этом и идеологически верных своих сторонников.

Помимо этого малочисленного слоя «убежденных террористов», на долю которого приходится не более 10-15% и который по мере окончания революции стремительно уменьшался, часть боевиков представляла собой инициативных «выдвиженцев». Так, задержанный на месте преступления один из убийц бывшего тамбовского пристава Т.С. Жданова (04.05.1906), заявил, что «он принадлежит к Боевой Организации ПСР и добровольно взял на себя жребий убить Жданова; затем о причинах убийства Жданова отказался давать объяснения»². Именно в этой более многочисленной среде будет реализовывать свой способ вербовки на основе оформляемой и подкрепляемой личной инициативы первый руководитель БО ПСР Г. Гершуни. Источником этой инициативы могли быть разные мотивы: от

¹ Закиров Р.С. Суд над эсером-террористом И.П. Каляевым // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, Грамота, 2012. № 8 (22). В 2 ч. Ч. 1. С.77.

² ГАРФ. Ф. 124 (1906). Оп. 43. Д. 565. Л.2. Причиной убийства Т.С. Жданов стала месть за истязания М.М. Спиридоновой.

романтических представлений о революционной борьбе и жертвенности, до личных или семейных проблем. Причиной инициативы, в большинстве случаев, являлась обманчивая иллюзия с помощью террора решить свои личные проблемы. Проявляемая террористом инициатива, получала одобрение и подкрепление со стороны организатора. Террорист создавал при помощи руководителя свой иллюзорный мир, в котором играл выбранную роль. Этот мир фантазии и игры при контакте с реальностью зачастую достаточно быстро сменялся глубокими разочарованиями, превращался в цинизм или суицид, при тяжелых испытаниях нередко приводил к предательству. Достаточно убедительно эта тенденция первой волны террористов отразилась в анархистских организациях юга России и Урала, в первом составе Боевой организации ПСР.

Такой способ рекрутирования террористов позволял надеяться на необходимую игровую «импровизацию» боевика во время совершения теракта. Организатору достаточно было доставить боевика на место преступления, обеспечить его минимальной информацией и оружием, а решение возможных осложнений в случае неожиданной смены условий боевик брал на себя и действовал по обстоятельствам. Успешность первых терактов показала продуктивность такого метода, но дала и большое количество отступников (Ф.К. Качура, Ю.Ф. Юрковская, Е.К. Григорьев). Импровизация была продемонстрирована эсером С.В. Балмашевым 2 апреля 1902 г. при покушении на Д.С. Сипягина. Отрекомендовавшись адъютантом вел. кн. Сергея Александровича и передавая в руки письмо, он выстрелил в министра внутренних дел два раза из револьвера. Балмашев, не пытавшийся скрыться, был арестован и после суда 3 мая повешен. Однако надежды на самостоятельность боевиков были подчас неоправданны. Так, надежда на импровизацию провалила покушение на императора Николая II (24.09.1908) на крейсере «Рюрик», когда два инициативных террориста-моряка не решились застрелить его, находясь в шаговой доступности.

Инициативной террористкой была эсерка Фрума Фрумкина. 27 мая 1903 г. во время допроса с ножом в руке она бросилась на начальника Киевского ГЖУ генерал-майора В.Д. Новицкого, нанеся тому легкую рану. Бежала с каторги.

Вновь была арестована 28 февраля 1907 г. в Москве при попытке убить московского градоначальника А.А. Рейнбота. 30 апреля добившись приема у начальника Бутырской тюрьмы, стреляла в него и легко ранила. Приговором военно-окружного суда была казнена в ночь на 11 июля 1907 г. Характеризуя Фрумкину, ее соратница отмечает: «Это был человек с кристальной душой, беззаветно преданный идее революции, готовый идти на самые ужасные пытки и муки во имя свободы и справедливости»¹. Другой эпизод, не подтверждаемый иными источниками, но вполне соответствующий образу террористки, пересказан автором очерка со слов «старого разбойника» Рыбальченко, вместе с Ф. Фрумкиной бежавшим в 1906 г. с каторги: «В Верхнеудинске пошли закусить. И вот, пока что-то подавали из буфета, Фрума слышит, называют по фамилии одного поручика, о зверствах которого только что читала. ...Она заявила своему спутнику, что убьет офицера. Уговоры Рыбальченко не помогли. Тогда он согласился встать «на стрёме» у дверей, что выходят на перрон. Фрума выстрелила и скрылась через заднюю дверь, после чего побежала в вагон, куда направился и Рыбальченко. Поручик был убит»².

При единичности терактов и их высокой избирательности, что наблюдалось в начале революции, такой метод рекрутирования использовало большинство террористических групп. По мере углубления революции и количественном росте оппозиционных проявлений изменилась и террористическая тактика. От «точечных» акций террор переходил ко все более массовым «размытым» формам насилия, что требовало не только увеличения числа боевиков, но и усложняло подготовку терактов. Времена, когда можно было без помех лицом к лицу встретить

¹ Деркач Н.Я. По этапам и тюрьмам. Л., 1930 [Электронный ресурс]. URL:<http://socialist.memo.ru/books/carturma.htm>.

² Васильченко С. После первого боя // Каторга и ссылка. 1922. № 4. С.52. Историк О.В. Будницкий в отношении Ф. Фрумкиной имеет иную точку зрения. Как он отмечает, «если принять за достоверные даже часть сообщений независимых источников о том, что она намеревалась убить еще до ареста (1903 – О.К.) жандармского полковника Васильева в Минске, затем хотела ехать в Одессу, чтобы совершить покушение на градоначальника, при аресте пыталась ударить ножом жандармского полковника Спиридовича, в Московской пересыльной тюрьме бросилась с маленьким ножом на начальника Метуса... то обусловленность ее действий только рациональными причинами кажется нам весьма маловероятной» (См.: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. С.165).

императора на Дворцовой площади, а с министром или губернатором обменяться на улице приветствием прошли. Большинство центральных терактов, начиная с 1905 г., требовали планомерной и долговременной подготовки, что увеличивало не только их стоимость, но и число задействованных боевиков. Зависимость столь специфической деятельности как террористическая от случайных обстоятельств и воли одного человека не устраивала партийное руководство.

Прагматичную кадровую политику в изменившихся условиях выработал новый руководитель БО ПСР Е.Ф. Азеф. Из резко выросшего в 1905 г. количества желающих участвовать в терроре он стал придирчиво и сугубо критично выбирать тех революционеров, которые не только горели инициативой, но и являлись убежденными, осознано занимающими экстремистскую позицию радикалами. Более того, Азеф преднамеренно живописал трудности жизни боевика, провоцировал разочарование, увеличивал сомнения и делал всё, что бы кандидат в террористы отказался от своего предложения. Итогом такой политики Азефа стало то, что в БО ПСР пока он был её руководителем не имелось предателей, а сами боевики являли собой преимущественно не только высоко исполнительных работников, но и самостоятельно думающих, убежденных боевиков. Такую же методику отбора террористов использовали уральские боевики братья Кадомцевы.

С 1906 г. в террористических организациях стал ощущаться недостаток боевиков, что сразу повлияло и на качество кадрового состава. В террористические предприятия стали втягивать подростков, распропагандированных уголовников, случайных попутчиков революции¹. Это сразу сказалось на управляемости террористических групп, росте самостоятельности боевиков, партийном предательстве. Однако при наличии авторитетного сильного руководителя, который был способен этих боевиков держать под контролем, такие группы были способны на действенные мероприятия и представляли бóльшую часть революционно-террористических формирований. Так, в воспоминаниях выживших боевиков, авторитет известного уральского революционера-«партизана» А. Лбова строился на

---

¹ Характерно, что доля осужденных рецидивистов в Российской империи за первые пять лет XX в. (1901-1905) неуклонно росла с 20,5% до 22%, затем, с 1906 г. ежегодно падала (1906 – 16,8%, 1907 – 16,5%, 1908 – 15,8%), и с 1908 г. вновь начала поступательно расти до тех же 22%.

«безусловном и безоговорочном подчинении его распоряжениям и требованиям»¹. Того же требовал от членов своей дружины Г.И. Котовский².

Необходимо учитывать, что далеко не во всех местных революционных организациях были боевые группы способные осуществлять террор. В таком случае на совершение террористической акции приглашали боевиков из вышестоящих организаций, а при их отсутствии, предлагали совершить конкретное покушение местным революционерам. Случалось желающих не находилось совсем. Альтернативным методом этому являлся жребий, в ходе которого из группы боевиков волей случая выбирался обязанный осуществить акцию будущий террорист. Так, сдавшаяся в руки полиции народница Л. Гилберт на следствии заявила о то, что «на нее пал жребий совершить убийство с политической целью» (24.05.1879)³. О жребии, определяющем имя будущего террориста, периодически сообщается в донесениях жандармских агентов и осведомителей⁴. Самарский губернатор И.Ф. Кошко, в воспоминаниях передает слова эсера Г.Н. Фролова, убийцы его предшественника губернатора И.Л. Блока: «На меня пал жребий. Если б я не убил..., то партия меня самого убила бы. Выбора не было»⁵. Такой механизм имел распространение, но наблюдался преимущественно в провинциальных организациях и критически оценивался самими комитетами. Поэтому в Примерном уставе крестьянской милиции, созданном в октябре 1906 г. ЦК ПСР, имелся пункт «На убийство отдельных лиц милиционеры идут *добровольно* (не по жребию)»⁶. С другой стороны, в псевдореволюционной воронежской «Лиге Красного шнура» напротив, в уставе оговаривался случайный принцип выбора исполнителя приговора.

---

¹ Кудрин А.В. Образ А. Лбова в неопубликованных воспоминаниях современников. Эпизоды // Мотовилиха: открывая новые страницы: тезисы докладов науч.-практ. конф. Пермь, 2011. С.113.

² Барсуков М. Коммунист-бунтарь. Москва, 1926.

³ Гвоздев М.Г. «Красный террор» против Санкт-Петербургского временного военного генерал-губернатора И.В. Гурко // Вестник Саратовского гос. соц.-экон. ун-та. 2009. № 1. С.125-126.

⁴ ГАОО. Ф. 833. Оп. 1. Д. 466А. Л.87; Там же. Д. 478. Л.58.

⁵ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905-1914). Новгород-Самара-Пенза. Пг., 1916. С.8,97.

⁶ Примерный устав Крестьянской Милиции. Издано Центральной Крестьянской Комиссией при ЦК ПСР. Москва, 10 октября 1906 г. // ГАВО. Ф. 214. Оп. 1. Д. 2. Л.124-125.

Средний срок активной деятельности революционного террориста редко превышал более года¹. Основные потери террористические организации несли от полицейских арестов и гибели боевиков в ходе террористических акций. С 1906 г. групповыми стали переходы боевиков из одной партии в другую и смены организаций. Так, сразу после Декабрьского восстания в Москве оформилось эсеровское радикальное крыло, которое разорвало отношения с Московским комитетом и создало «Оппозиционную фракцию ПСР в Москве» или «московскую оппозицию ("организацию") ПСР». Аналогичные процессы с расколом произошли в Екатеринбургской, Курской, Петербургской, Саратовской, Тульской, Рыбинской, Рязанской, Шацкой, Ярославской и других организациях эсеров². Вступивший в конфликт с Украинским областным комитетом местный ЛБО в полном составе ушел к Северо-Кавказскому комитету, а исключенные из Боевого отряда Воронежского комитета ПСР боевики перешли в «Гамбовский союз независимых Центральной области России» и к борисоглебским максималистам. И таких примеров можно привести много.

Одними из основных условий продления боевой деятельности боевиков были их высокая бдительность и навыки конспирации, постоянные смены места жительства, партийного имени и клички, паспортных данных. Стандартной была, и особенно это касалось крупных административных центров, нелегальная деятельность на одном месте в течение не более 4-6 месяцев. Один из успешных организаторов большевистских дружин Э. Кадомцев вспоминал: «... я был опытный конспиратор: я никогда не жил больше трех месяцев в одном районе или городе. Никогда не ходил и не ездил один, всегда ездили и ходили за мной два боевика. Они следили за царскими шпиками, преследовавшими меня. Боевики, чтобы не примелькаться, не вызвать подозрения у шпииков, часто менялись»³.

---

¹ Данная закономерность отражена в биографиях революционеров, принимавших участие в террористической деятельности. См.: Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 1-3, 5. М., Л., 1927-1934; Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1929, другое издание М., 1934.

² Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты... С.65.

³ Кадомцев Э.С. Воспоминания о молодости. М., 1937. С.43.

Вследствие конспиративных мер и организационной слабости, комитеты практиковали приглашение боевиков из других организаций или их обмен. Обычно это было в границах крупного партийного объединения. Причем обмен осуществлялся не только между партийными соратниками, но и между партиями. Обычным было боевое сотрудничество эсеров и максималистов, максималистов и анархистов, эсеров и социал-демократов. Приглашая для осуществления теракта боевиков из другого комитета или региона, революционные организации защищали себя от возможной внутренней провокации, провалов, повальных арестов и, главное, необходимости создавать свою террористическую группу, что было часто финансово и организационно обременительно. Сами боевики предпочитали менять не только комитеты, но и регионы. Особым предпочтением пользовались Кавказ и южные губернии Украины. Таким образом, постепенно формировался слой «профессиональных террористов», у которых экстремистская деятельность довлела над партийно-идеологической и определяла революционное кредо. Известный анархист Иуда Гроссман назвал революционное сознание таких революционеров «механическим боевизмом», в рамках которого человек уже автоматически «делает покушения», не вдаваясь в причины и обоснованность теракта, а, задумываясь только о его профессиональном, качественном исполнении¹. У комитетов к таким боевикам было настороженное отношение. Характерное дополнение в резолюцию относительно революционного террора было внесено Новохоперским уездным съездом эсеров (13.05.1907 г., Воронежская губ.) – «убивают лица вполне партийные и из другого братства». Аргументом для такого дополнения стало критическое замечание одного из крестьянских работников, что «крестьяне раз убравшие черносотенца, легко относятся к жизни человека вообще»².

Социальный статус народнического движения и террористов дает основание говорить о его дворянско-разночинском (В.И. Ленин) характере. Почти половина из них были выходцами из дворянства. Из совокупного числа (31) членов ИК

---

¹ Гроссман И.С. Думы о былом: (Из истории белостоцкого анархического «чернознаменного» движения) // Журнал «Былое». 1924. № 27-28. С.179.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Д. 301. Л.118.

«Народной воли», немногим менее половины (13) были дворяне, четверо детей духовенства, по двое крестьян и бывших военных.

Социальный состав террористических групп начала XX в. однообразием не обладал и различался по статусу и территориальному местонахождению групп, поэтому, часто встречающаяся в литературе цифра о 50% пролетарского элемента в составе эсеровских террористов очень условна и не конкретна¹. Так, в подчиненной ЦК Боевой организации ПСР, из 91 члена, в разные годы входившего в ее состав, было: 20 лиц дворянского происхождения, 6 – почетных граждан, 6 – детей священников, 13 – детей купцов, 37 – мещан и 9 – крестьян². Как видно, это в основном дворянско-интеллигентские слои общества. Состав следующего уровня террористических организаций ПСР – областных летучих боевых отрядов, представлен В.Р. Лейкиной-Свирской и К.В. Гусевым. Обработав данные о 205 терактах, совершенных эсерами за 1902-1911 гг., первая подсчитала, что «в списке террористов, о которых можно было собрать сведения (всего 149 человек), оказались 42 интеллигента, 13 студентов, 10 учащихся, 69 рабочих, остальные – крестьяне, солдаты, матросы и др.»³. Гусев же, на основе того же источника, определил иначе: 62 рабочих, 14 представителей интеллигенции, 9 крестьян, 18 учащихся, 2 солдата и 2 матроса⁴. Естественно, данный анализ нельзя воспринимать буквально, но общая тенденция выравнивания дворянско-интеллигентских и рабоче-крестьянских слоев на этом уровне террористических организаций очевидна.

Следующим статусным звеном террористической деятельности можно признать боевые дружины губернского подчинения. Эсер-боевик Н. Комаров, так оценивал их контингент: «Состав боевых дружин по социальным признакам лиц, входивших в них, был весьма разнообразный, но сохранял все-таки местный ко-

¹ Perrie M. Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth-and Twentieth-Century Europe. N.-Y., 1982. P.68. Гейфман А. указывает даже 70% рабочих представителей в эсеровском терроре, что видится чрезмерным (См.: Гейфман А. Начало современного терроризма: очерк обычаев и нравов. Н.-Й., 2006 [Электронный ресурс]. URL:<http://www.gazeta.rjews.net/geifman.shtml>).

² Городницкий Р.А. Там же. С.235.

³ Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. М., 1981. С.247. Источником анализа стала книга «Боевая деятельность эсеров в освещении охранки».

⁴ Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992. С.34.

лорит того района, на территории которого действовала и вербовала своих членов та или другая боевая дружина. Так, в областях Северной (с тяготением к Петербургу) и Центральной (с тяготением к Москве), боевые дружины состояли в большинстве из революционной интеллигенции и отчасти из рабочих; состав боевых дружин Поволжской области был интеллигентско-крестьянский, а Украинская область, объединявшая крестьянские и промышленные губернии юга России, имела в составе своей боевой дружины отчасти крестьян, но, главным образом, рабочих»¹. Аналогичную характеристику можно применить и к социал-демократическим боевикам. Неоднократно упоминаемое большое количество представителей групп риска в анархистских формированиях связано с особенностями их идеологической и организационной структуры. Вульгарно понимаемая философия безвластия привлекала в большей мере своей бесконтрольностью, что проявлялось отсутствием в большинстве анархистских организаций жестких требований дисциплины, отчетности и партийного порядка. Исследования анархистских групп показывают, что большую их часть составляли рабочие. В.Д. Ермаков из выборки в 300 российских анархистов определил долю пролетариев в 63% (191 человек), среди екатеринославских анархистов рабочих оказалось даже 78,4%². Анализ социального состава максималистов проведенный Павловым, позволил ему «утверждать, что максимализм, как демократическое по своей социальной сущности явление, был течением, объединявшим главным образом представителей средних и низших слоев города»³. Учитывая скорость развития российских модернизационных и социально-экономических процессов второй половины XIX

¹ Комаров Н. Очерки по истории местных и областных боевых организаций партии социалистов-революционеров // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С.57.

² Ермаков В.Д. Портрет российского анархиста начала XX в. // Социс. 1992. № 3. С.98; Дубовик А. и А. Деятельность «Группы екатеринославских рабочих анархистов-коммунистов» (1905-1906 гг.) [Электронный ресурс]. URL:[http://www. socialist.memo.ru/books/html/duboviki.html](http://www.socialist.memo.ru/books/html/duboviki.html) 11 июля 2010.

³ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты... С.197-198. В выборке (1906-1907 гг.) из 400 человек Д.Б. Павлов выяснил, что «социальное происхождение известно у 339 максималистов (84,8%), а социальная принадлежность (род занятий) – у 229 (57,3%). По этим данным, большинство максималистов (230 человек = 67,9%) происходило из рабочих, крестьян и мещан; из дворян – только 43 человека (12,7%). По социальной принадлежности (роду занятий) крупнейшей группой среди максималистов были рабочие (93 человека = 40,6%), затем шли учащиеся (74 человека = 32,3%) и низшие служащие (48 человек = 21,0%)».

– начала XX вв., ряд историков (Иванова Н.А., Желтова В.П., Сухова О.А., Фельдман М.А.), задается вопросом, соответствовал ли вообще российский пролетариат принятым характеристикам класса. По нашему мнению, можно согласиться с утверждением о маргинальном качестве российских промышленных рабочих, что во многом дает объяснение его склонности к экстремистским агрессивным формам разрешения социальной напряженности. Это проявится в большом проценте участия пролетарских представителей в революционно-террористических формированиях, а в дальнейшем, в повышенной жестокости и непримиримости в социальном противостоянии, что выльется в череду революций и кровавую гражданскую войну.

Значительное количество крестьянства в террористических формированиях, более того наличие среди террористических формирований исключительно крестьянских по составу групп (в крестьянских братствах), также является характерным для начала XX в. явлением. Устоявшиеся, консервативные по существу, слои населения, к которым крестьянство и относится, практиковать, тем более в массовом порядке, индивидуально-террористические методы борьбы не склонны. Для этого им не хватает политического кругозора и социальной мобильности, мешает местечковость интересов и веками сложившиеся формы традиционных протестов среди которых много форм индивидуальной борьбы (покосы, потравы, подворывание, поджоги, убийства), но нет планомерной их организации и тактического обоснования¹. Тем самым, целесообразно говорить не о применении террористических акций крестьянством, а об использовании в достижении своих социальных интересов крестьянами и сельскими организациями предлагаемых политическими партиями «услуг» индивидуально-террористического характера. Таким образом, необходимо различать крестьянские индивидуальные формы социальных протестов (поджоги, вредительство, убийства помещиков и управляющих), получившие широкое распространение в период политических потрясений начала XX в., от

---

¹ Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сб. ст. Л., 1967; Adas M. From Avoidance to Confrontation: Peasant Protest in Precolonial Southeast Asia // Comparative Studies in Society and History. 1981. Vol. 23. № 2. P.34-53; Квасов О.Н. Крестьянский протест: формы и содержание // Государство и его подданные: века сотрудничества и противостояния. Мат. конф. Воронеж, 2009. С.85-88.

акций революционно-политического терроризма. К критериям различия можно отнести признаки систематичности и «публичности» теракций. Крестьянские традиционные формы индивидуального насилия носили единичный местный характер, хотя в масштабах страны и стали типичным социальным явлением. Кроме того, они осуществлялись «анонимно», без общественного информирования. В отличие от крестьянских акций, политические акты стремились к систематичности и имели определенную тактику применения, а комитеты максимально старались отразить эти события в пропагандистских и агитационных материалах¹.

Национальный состав террористических формирований революционеров Европейской России был достаточно однороден и преимущественно соответствовал составу местного населения. Эпизодическое преобладание представителей тех или иных национальностей было обусловлено ходом политического процесса. Так, бегство с национальных окраин прибалтийских и кавказских боевиков от действий карательных экспедиций увеличили на некоторое время долю представителей этих национальностей в столичных группах. Заметным исключением на этом фоне является высокая диспропорция доли евреев в общей массе населения и в составе террористических групп, что требует особого объяснения причин².

В конце XIX в. общество России начинает переживать ускоренный процесс модернизации. Темпы этого процесса наложили отпечаток маргинализации, где в большей мере, где в меньшей, на все слои населения России. Однако особенно болезненно этот процесс происходил в еврейской среде. Вековые устои талмудической патриархальности разрушались под воздействием социально-экономических факторов, вызывая у молодого поколения евреев национальные и культурные изменения, соответственно накладывая важный отпечаток и на обще-

---

¹ Квасов О.Н. Социальные аспекты террористической деятельности революционеров в Российской империи в начале XX в. // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 4 (25). С.205-220.

² При общей доле евреев немногим более 4% от численности населения империи (5,216 млн., 1897), их доля среди народников привлеченных в 1866-1895 гг. к судебной ответственности за революционную деятельность была 9% (См.: Троицкий Н.А. Царизм перед судом прогрессивной общественности. 1866-1895. М., 1979. С.283), в 1900-1902 гг. эта доля еще более увеличилась: среди народников и неонародников до 15,4%, среди социал-демократов – 23,4% (См.: Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М., 2013. С.52 со ссылкой на Н.Д. Ерофеева).

русские политические процессы. Этот процесс вкупе с «автоэмансипацией» драматически отразился, в первую очередь, на судьбе самих русских евреев¹. Как отмечал О.В. Будницкий: «...активное участие евреев в русском освободительном движении объяснялось не столько разрывом с еврейством, который декларировали многие революционеры-интернационалисты, сколько принадлежностью к нему... Очевидные социально-экономические и политические факторы неизбежно должны были привести значительную часть еврейства в оппозиционный лагерь»². Благодаря этому процессу российское еврейство играло отличительную роль, как в российском революционном движении, так и в общееврейской борьбе за возвращение в Палестину, демонстрируя самые экстремистские, крайние позиции. Это же качество повлияло на значительно больший процент евреев в террористическом движении России относительно их общей численности в населении империи. Исследовавший кадровый состав максималистских организаций Д.Б. Павлов, указывает на долю евреев в 19%, американский историк Н. Неймарк определил эту долю в составе ПСР в количестве 15%, причем, прямо указав, что имелись и сплошь еврейские террористические группы³. После русских, евреи (3 человека) занимали второе место и в ИК «Народной воли». Это национальное отличие стало следствием в первую очередь дискриминационной политики государства, которое рядом запретительных и ограничительных мер выстроило гигантскую стену отчуждениями между еврейством, государством и подданными империи, что и направило фрустрационный взрыв еврейства на государственные органы и символы. В свою очередь, это же, способствовало тому, что еврейство предпочтительно избиралось толпой как объект социальной агрессии.

Попытки бульварной прессы и политиков представить террористов преимущественно как уголовников, психически больных, наркоманов и обманутых людей не соответствуют действительности, хотя и отрицать определенного уча-

¹ Одноименное произведение Льва Пинскера, в котором он провозгласил призыв к евреям о создании полноценной еврейской нации на собственной территории, отход от консервативных вековых канонов еврейской замкнутости и талмудизма.

² Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917-1920). М., 2006. С.62-63.

³ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты... С.197; Naimark N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia // Terrorism and Political Violence. Summer 1990. Vol. 2. № 2. P.174.

ствия этих лиц в террористической деятельности нельзя. Однако это участие имело, вероятно, не большой процент (около 5-10%) от всего количества террористов, какой бы наблюдался в любой модной, пользующейся особым общественным вниманием деятельности. С другой стороны, предложения ассоциировать террористов и депрессивных людей, низводят проблему терроризма до индивидуальной случайности и социальной исключительности не требующей научного изучения. Но исторические прецеденты, генезис, массовость и масштабы развития терроризма это опровергают¹. Более того, политический терроризм на протяжении истории неоднократно из формы политической борьбы (тираномахия, аттентат) становился способом массовой социально-политической борьбы и именно в этой способности мимикрировать его главная социальная опасность.

Гендерный анализ демонстрирует общую тенденцию возросшего участия женщин в общественной и политической жизни. Так, в ИК «Народной воли» первого созыва из 29 человек было 10 женщин, а Вера Засулич и Софья Перовская по праву стали олицетворением народнического терроризма². Американская исследовательница Эми Найт насчитала 44 женщины в террористических подразделениях эсеров³, 27 женщин принимали непосредственное участие в осуществлении крупных эсеровских терактов⁴. В анархистских организациях Екатеринослава доля женщин составляла 11,6%, по всей России уже 16%, а в БО ПСР эта доля увеличивается до 20,8% (19 женщин)⁵. Эта тенденция вполне закономерно выделяет первенство в политической эмансипации женщин из крупных городов и населенных пунктов. Общей особенностью этого периода станет резко возросшая относительная доля женщин в террористическом, и вообще революционном движении,

¹ Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм. Социально-психологический анализ. М., 2008. С.126; Чуланов В.А., Гурба В.Н. Феномен социальной поддержки терроризма // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2010. № 3. С.90.

² Женщины-террористки в России. Ростов н/Д., 1996. С.4.

³ Knight A. Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party – The Russian Review. 1979. Vol. 38. № 2. P.147.

⁴ Женщины-террористки в России. Ростов на/Д., 1996. С.9.

⁵ Н. Неймарк дает преувеличенные цифры участия российских женщин в террористической деятельности. Так, в БО ПСР он насчитал почти треть женщин, а в террористическом движении в целом – четверть. (См.: Terrorism and the Fate of Imperial Russian // Terrorism and Political Violence. 1990. Summer. Vol. 2. № 2. P.176).

что объясняется происходящими культурными изменениями в обществе: «Характерной особенностью терроризма в России, является большой удельный вес среди его участников женщин, – следствие их правовой дискриминации и своеобразное проявление феминизма»¹. Женщина становится свободнее, отстаивает свое гражданское, политическое, человеческое равноправие, что будет проявляться в росте не столько неконвенционального поведения, сколько в росте активного, публичного поведения. Характерно, что доля женщин в политической преступности, не значительно превосходила ту же долю в общеуголовной преступности, которая в 1904 г. была в пределах 12%². Если рассматривать терроризм не как форму политической борьбы, а как социальное явление, то, вероятно, стоит признать, что образ российского террориста, оказавшего наибольшее влияние на общественное сознание и культуру, представляет собой интеллигентку, «жертвующую собой во имя народного счастья». Именно такими были Анастасия Биценко, Зинаида Коноплянникова, сестры Александра и Екатерина Измайлович, Евстолия Рогозинникова, Мария Спиридонова, Мария Федорова и др. На протяжении всего XX в. доля женщин в терроризме росла, к последним годам столетия достигнув в Европе почти 40%³.

Возрастной диапазон участников революционных событий второй половины XIX в. достаточно узок и плотен – основной части народников было по 25-27 лет. В ИК «Народной воли» шестеро имели возраст 23-24 года. Самым старшим активным участникам народнического движения в 1881 г. было не более 32 лет, некоторые из них не откажутся от своих революционных взглядов и в начале XX в. примут активное участие в экстремистской деятельности. Возрастной анализ состава революционных террористов начала XX в. дает уже противоречивый ре-

---

¹ Суворов А.И. Политический терроризм в России XIX – начала XX вв. Истоки, структура, особенности // Вопросы социологии. 2002. № 7. С.54-55.

² Тарновский Е.Н. Распределение преступности по профессиям // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 8. С.64; Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000. С.135-136.

³ Адамова М.А. Женский терроризм в современном политическом процессе. Автореф. дис... канд. полит. наук. Пятигорск, 2007; Малышев В.Г. Социально-психологические аспекты участия женщин-смертниц в террористической деятельности [Электронный ресурс]. URL:<http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/24-11-05/htm>.

зультат. С одной стороны, среди террористов достаточно ярко выделяется роль совсем юных нигилистов в возрасте 15-19 лет. Некоторые исследователи эту долю определяют в размере более пятой части (22%)¹. С другой стороны, в БО ПСР боевиков до 20 лет было всего 5 человек, т.е. немногим более 5%². Основной состав (почти 73%) составляли молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет. Сходная ситуация во всех террористических подразделениях центрального и областного подчинения. Д.Б. Павлов также отмечает, что «в своем подавляющем большинстве максималисты были весьма молодыми людьми, средний возраст которых (на 1906 г.) не превышал 25 лет. Представителей иных, старших поколений революционеров в рядах ССРМ почти не было»³. Тенденция увеличения количества совсем юных боевиков в периферийных организациях проявляется по всем партиям. Причем, и это отмечалось также неоднократно, анархистские формирования, особенно из псевдоанархистских и полукриминальных, подчас сплошь состояли из гимназистов. Историк В.В. Комин из 93-х заключенных в одесскую тюрьму анархистов на декабрь 1907 г., к возрасту моложе 20 лет относит 50 человек (54%)⁴. Именно это поколение, прильнувшее к революции на ее закате и в бóльшей мере заинтересованное «мутной водой кризиса», а не социальными ожиданиями, отражалось в молодом лице боевизма. Это же подтвердило и статистическое исследование преступности несовершеннолетних за 1900-1910 гг., которое дало показательный рост за десятилетие на 112%, причем стремительно этот рост стал проявляться с 1906 г.⁵ Содержание же основного состава боевиков было, в подавляющем количестве, в пределах от 18 до 30 лет, то есть вполне способное принимать осознанные цели и действия. При этом, по сравнению с массовыми боевыми дружинами, принявшими участие в декабрьских вооруженных восстаниях 1905 г., в террористических группах доля молодежи будет определено выше⁶.

¹ Гейфман А.А. Революционный террор в России. С.240.

² Городницкий Р.А. Там же. С.235.

³ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты... С.198.

⁴ Комин В.В. Анархизм в России. Калинин, 1969. С.114.

⁵ Тарновский Е.Н. Движение числа несовершеннолетних (10-17 лет), осужденных в связи с общим ростом преступности в России за 1901-1910 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 10. С.46.

⁶ Возрастной состав боевых дружин, по данным В.В. Черноус, следующий: более 60% составляли люди от 20 до 30 лет; 18% – от 31 до 40 лет; 15% – до 20 лет и около 5% – старше 40 лет

Имевших высшее или незаконченное высшее образование среди террористов было достаточно много, но только в центральных боевых подразделениях. «Почти все члены ИК имели высшее или незаконченное высшее образование. Многие из них окончили по два высших учебных заведения»¹. В БО ПСР таких насчитывалось также много – 50 человек, т.е. более половины. Однако на областном уровне эти люди были уже единичны. Образовательная подготовка террористов соответствовала среднему уровню развития грамотности в России начала XX в. Молодое поколение становилось читающим, однако уровень образования был не высок и напрямую связан с социальным положением и местом жительства. Городские боевики преимущественно имели среднее образование или еще учились. Поэтому трудно согласиться с представлением о террористах как «недоучках». Другое дело, что не всем недорослям удавалось получить диплом среднего учебного заведения, что увеличивало для них вероятность пополнить «ряды "умственного пролетариата"». Под этим термином понимали людей, которые, получив какое-то образование, уже не могут вернуться в среду, из которой вышли, но в то же время, не имея аттестата, не могут найти работы, становясь "одной из главных обуз государства"»². Среди боевиков уездного подчинения лиц со средним образованием было мало. Крестьянские боевики имели максимум начальное образование, однако и безграмотные среди террористов встречались крайне редко.

Характеризуя террористов второй половины XIX в. необходимо отметить их низкие профессионально-боевые навыки. К примеру, не смогли выполнить взятые на себя обязательства и качественно реализовать имеющиеся благоприятные возможности во время покушения целый ряд террористов: А.К. Соловьев (стрельба), А.И. Желябов (пиротехника), С.Г. Ширяев (подрыв царского поезда), малодушие проявили на месте покушения Л. Гилберт, первомайтовцы И.П.

(См.: Черноус В.В. Состав боевых дружин в декабрьском вооруженном восстании 1905 г. в Ростове-на-Дону и Донбассе // Проблемы социально-экономической истории и революционного движения на Дону и Северном Кавказе. Ростов, 1992. С.138).

¹ Твардовская В.А. Организационные основы «Народной воли» // Ист. зап. 1960. Т. 67. С.103-144.

² Сафронова Ю.А. «Нигилист» – «преступник» – «недоучка»: образы террориста и их восприятие русским обществом, 1879-1881 гг. // Вестник Пермского ун-та: История. 2010. № 2 (14). С.45. По статистике, за 1874-1880 гг. полный курс в гимназиях окончило 6 511 человек, а вышло из гимназий не окончив курса 51 406 человек.

Емельянов и Т.М. Михайлов. Стоит учесть, что народовольцы испытывали сильный кадровый голод, который не позволял им в полной мере использовать технические возможности организации. Уровень профессиональной квалификации революционных террористов начала XX в. даёт уже основание утверждать, что в России в период Первой революции развернулась полноценная террористическая война. Кроме обширного социального и национального представительства, террористические группы имели и многоуровневую систему повышения квалификации личного состава, в которой можно выделить несколько видов подготовки.

Так, освоение навыков для совершения отдельного террористического акта могло осуществляться в ходе простой подготовки. В зависимости от способа совершения теракта это могли быть навыки стрельбы из огнестрельного оружия или же устные инструкции и упражнения по бросанию бомбы. Этого, а также информации об объекте, месте покушения и путях отступления, подчас хватало для успеха. Такой минимальной затраты времени и усилий для совершения теракта было достаточно для покушения на лиц не имеющих охраны и не остерегающихся террористов, что наблюдалось в первые годы террористического движения. Последующее усиление охраны, настороженность и бдительность полиции и самих госслужащих становились уже труднопреодолимым препятствием и требовали специальной подготовки, как для самого акта, так и для боевиков. Поэтому стали практиковать комплексную подготовку боевиков для ведения полномасштабной террористической войны. Классическим образцом такой подготовки стали курсы уральских социал-демократических боевиков под руководством братьев Кадомцевых. Готовясь к т.н. партизанской борьбе, боевики приобретали умение владеть всеми видами оружия, готовили себя к тяжелым физическим и психологическим нагрузкам, осваивали навыки конспирации и руководства военными действиями в любых условиях и местностях. Создавался «универсальный солдат» революции, который мог быть как инструктором боевой деятельности, так и террористом. Член столичной боевой дружины А.И. Гуляев отмечал: «Без преувеличения можно сказать, что в организационном отношении с лета 1906 г. питерская боевая организация переняла опыт уральских товарищей. Самая идея инструкторских бое-

вых школ, прекрасно сочетавшая теоретическую подготовку с повседневной практикой боевой работы, была привезена этими товарищами с Урала»¹. Такие комплексные центры подготовки были у РСДРП и эсеров, большинство областных и губернских комитетов стремились организовать такие центры. Не всегда в них имелись возможности в полной мере проводить подготовку, чаще всего они были кратковременны. Недостаток средств и качественных инструкторов, вкупе с полицейскими преследованиями не позволяли создавать такие центры даже за границей. Попытки большевиков создать «инструкторские школы» столкнулись с фракционным противодействием, финансовыми проблемами и полицейским преследованием, но в начале 1907 г. им все же удалось организовать инструкторскую школу-лабораторию в Куокалло (Финляндия)². Социал-демократы смогли организовать и конференцию представителей военно-боевых организаций в Таммерфорсе (Финляндия)³. Её депутаты, кроме обсуждения вопросов боевой деятельности и подготовки, выработали ряд организационных решений, но эти решения практически остались не реализованными. Эсеры выработали обширную типологию террористических подразделений с градацией функций и подчиненности, разработали подробные уставы этих подразделений и старались строго их придерживаться, в декабре 1907 г. в Финляндии для обсуждения практических вопросов созвали совещание боевых организаций партии.

Более широкое распространение получила организация курсов спецподготовки, под которой понималось обучение навыкам и умению выполнять определенную деятельность необходимую для осуществления терактов. В первую очередь, это были знания взрывного дела. Изготовление динамита, компонование взрывчатых веществ, конструирование различных взрывных снарядов требовало специальных знаний, которые приобретались в ходе обучения. Способных осилить самостоятельное изготовление бомб, было немного, что требовало не только

---

¹ Гуляев А.И. Боевые дружины большевиков. Работа боевой организации большевиков Нарвской заставы г. Петербурга в 1905-1907 гг. Л., 1935. С.102.

² В преддверии полного раскола... // Вопросы истории. 2011. № 3. С.16-18.

³ Моршанская М. Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП // Пролетарская революция. 1924. № 4 (27). С.65-88; № 5 (28). С.86-120; Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. М., 1932.

знаний химии и слесарного мастерства, но и наличия хорошего здоровья и устойчивой психики, так как в кустарных условиях изготовление веществ было вредным для здоровья, а взрывоопасность ингредиентов очень большой. Некоторое количество инструкторских школ было за границей и в Финляндии, но этого не хватало. Поэтому ЦК рекомендовал иметь школы всем эсеровским областным комитетам, что технически осуществить оказалось очень сложно. Пришлось спецподготовку перепоручать получившим боевой и технический опыт инструкторам, выезжавшим в губернские организации и объяснявшим тонкости и опасности технологического процесса на местах. Очевидно, что такая подготовка имела низкое качество, чем отчасти и объясняется большое количество самоподрывов революционных техников. Но наличие бомб своего производства, тем более возможность ими поделиться с другими комитетами, значительно повышали не только боевые качества революционных групп, но и их статус. Имелись и получившие известность «мастера своего дела», к таким можно отнести народовольческих техников Н.И. Кибальчича, С.Г. Ширяева, Г.П. Исаева, М.Ф. Грачевского, большевистского организатора Л.Б. Красина¹. Были и местные знаменитости, к примеру, курский максималист химик Евгений Чиж, который занимался модификацией боевых снарядов, начиняя их отравляющим газом (!)². Намного больше было специалистов, обладающих навыками простой компоновки известных химических веществ, благодаря чему и получалась взрывчатая смесь.

Значительно проще было освоить навыки уличного торговца или извозчика, профессии необходимые для наблюдения за высокопоставленными объектами покушения, но и они требовали времени и должного усердия. Считая, что качество деятельности возрастет, если перейти к специализации боевиков, в дружинах стали готовить отдельных профессионалов – револьверистов, карабинеров, холодни-

---

¹ Дейч Л.Г. Роль евреев в русском революционном движении. Т. 1. Изд. 2. М., Л., 1925. С.37; Волк С.С. Народная воля. 1879-1882. М., Л., 1966. С.259; Памяти Л.Б. Красина. Сб. восп. М., Л., 1926; Красин Л.Б. Годы подполья: Сб. восп., ст. и док. М., Л., 1928, Могилевский Б.Л. Никитич. М., 1963; Он же. Призвание инженера Красина. М., 1970; О'Коннор Т. Инженер революции. Л.Б. Красин и большевики. М., 1993; Пияшев Н.Ф. Человек из легенды. М., 1995.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 190. Л.16-18. В воспоминаниях курских максималистов говорится о почти 100 бомбах, изготовленных Е. Чижом и отправленных в московский центр оппозиции.

ков (вооруженных холодным оружием), бомбистов, саперов и пр.¹. Однако из-за непродуктивности этой меры от нее быстро отказались.

Для повышения профессионального уровня боевиков издавалась специальная литература. В партийных отчетах упоминается следующая печатная продукция: «Введение в химию. Знакомство со взрывчатыми веществами», «Технология взрывчатых веществ», «Обращение с огнестрельным оружием», «Основы техники взрывчатых веществ», «Краткие сведения о взрывных веществах», «Лабораторная техника», С. Вычегодский (Ванновский) «Тактика уличного боя», «Краткое руководство к уличному бою» и др.². В партийной печати периодически выходили редакционные статьи с боевыми рекомендациями. В 1907 г. даже в розничной сети, хоть и на короткое время, появились «Протоколы Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП» (СПб., 1907). Огромное тиражное преимущество изданий такой литературы было за социал-демократическими комитетами.

Попытки некоторых современных авторов (Н.Д. Литвинов, Н.В. Стариков) успешность и профессионализм российских террористов объяснить их зарубежной подготовкой и подрывным участием иностранных спецслужб не имеют оснований. В.Н. Фигнер «прекращение значения русской эмиграции для революционной России» связывает с 1876 г. «К этому году, – как она отмечает в своих воспоминаниях – правильные сношения революционных организаций с русскими выходцами прерываются, – они становятся отрезанным ломтем для партии действия»³. Попытки заграничного «Общества народного освобождения» (П.Н. Ткачев, Г.-М. Турский) расширить контакты с «Народной волей» до взаимодействия, были отвергнуты по ряду соображений последней⁴. Прямое и устойчивое взаимодействие между русской эмиграцией и революционными группами в империи начинаются только с XX в., но какого-либо заметного воздействия на характер

---

¹ 1905 год (Сб. восп. участников революционного движения в бывших Самарской и Симбирской губ.). М.; Куйбышев, 1935. С.97.

² Полный систематический указатель «Революционной России» // Памятная книжка социалиста-революционера. С.59-70; Рычкова Г. Военно-боевая работа большевиков Урала в период первой русской революции. Свердловск, 1946. С.35.

³ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. В 2 т. М., 1964. Т. 1. С.245.

⁴ Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм. С.149-201.

этих контактов «наднациональных сил» не наблюдается. Известное содействие японского правительства российским национальным и оппозиционным организациям ограничивалось только финансовой поддержкой. На эти деньги были организованы в 1904 г. Парижская и в 1905 г. Женевская межпартийные конференции оппозиционных организаций, закупалось оружие¹. Однако попытки способствовать консолидации революционного движения, а тем более ускорить его экстремизацию оказались малопродуктивными, в первую очередь из-за противоречий внутри самого движения. Обширными были контакты российских представителей с балканскими революционными и националистическими организациями. Кавказ имел разнообразное сотрудничество с турецкими и персидскими антиправительственными группами, национальные движения находили поддержку, а подчас, и иницилирующее начало в своих диаспорах.

Необходимо учитывать факт того, что структур диверсионно-подрывного и специального характера, осуществляющих, в том числе и террористические операции, в государственной системе ни одной страны в начале XX в. не было. Хотя на протяжении всего XIX в. в Европе, с его революциями и очагами освободительного движения, искушения оказать содействие для организации подрывного движения в своих национальных и государственных интересах было предостаточно (национально-освободительное движение в Италии, на Балканах, в Ирландии, польское и армянское освободительное движение и др.). Определенное содействие и поддержку оппозиционному движению зарубежные правительства оказывали, предоставляя убежище политэмигрантам и закрывая глаза на функционирование их обществ и союзов на своей территории. В первую очередь, это Швейцария и Великобритания. Эмиграция в большинстве стран Европы находилась под защитой законов о политэмигрантах и критического общественного отношения к самодержавной России. Русское правительство прилагало усилия, в том числе

---

¹ Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864-1914 гг. / Под ред. А.М. Орехова. М., 1988. С.190-191; Павлов Д., Петров С. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904-1905 гг.: Документы. М., 1993. С.67; Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904-1905 гг.: Секретные операции на суше и на море. М., 2004. С.186.

провокационные, по дискредитации эмигрантов и революционного движения¹. Несмотря на наличие двухсторонних конвенций, подписанных Российской империей в XIX в. с рядом европейских государств по экстрадиции преступников, всё же неоднократные требования выдачи революционеров и боевиков сталкивались с огромными сложностями и редкой результативностью². Однако на этой почве вырабатывалась международная консолидированная политика в противодействии терроризма. Первые прецеденты организованной антироссийской подрывной деятельности можно связать с содействием Генерального штаба Австро-Венгрии в создании и функционировании с 1908 г. разведшкол польских эмигрантов в Вене, Кракове и Кошице, позже при помощи Германии создавались воинские антиправительственные формирования и в Финляндии, при этом идеологическая база этих формирований была националистическая³.

Прием в состав группы, в условиях специфической деятельности и многочисленных полицейских провокаций, становился важной организационной задачей для боевиков. Центральные террористические группы решение этой проблемы возлагали единолично на руководителя, который разными способами и приемами проверял кандидатов, стараясь исключить попадания в нее как провокаторов, так и лишних людей. В среднем звене террористических групп, роль руководителя также была главной, но имелась возможность «мотивированного отвода» кандидатур со стороны членов группы. В боевых дружинах нижнего звена набор «производился по рекомендации дружинников и партийных организаций при отсутствии мотивированного протеста со стороны кого-либо из дружинников»⁴. По уставу боевой дружины прибалтийских «лесных братьев» прием новых членов

---

¹ Абакумов О.Ю. У истоков заграничной политической провокации // Вопросы истории. 2002. № 5. С.127-138.

² Чирикин В.А. Порядок и последствия выдачи преступников в соответствии с международными соглашениями: исторический опыт // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1. С.266-269.

³ Квасов О.Н. Международный терроризм в Российской империи начала XX века // Проблемы политического экстремизма и терроризма: история и современность. Воронеж, 2007. С.6-10; Квасов О.Н. Международный и внутренний терроризм в кавказском регионе России // Россия в глобальном мире. Труды 2-ой Всероссийской науч.-теор. конф. СПб., 2004. С.336-338.

⁴ Рычкова Г. Военно-боевая работа большевиков в период первой русской революции. Свердловск, 1946. С.24.

осуществлялся уже с согласия всех членов отряда¹. Аналогичное условие было прописано в уставе боевой дружины Крестьянского братства ПСР: «... в дружину принимаются новые лица с полного согласия всех дружинников и с утверждения десятника»². Имея фактические данные об огромных масштабах полицейской провокации в рядах всех уровней боевых дружин, можно заключить, что разнообразные способы приема в ряды террористов оказались не способны избавить организации от проникновения в них провокаторов. Вполне реальной оказывается ситуация, когда отсутствие провокаторов даже в БО ПСР наблюдалось только в том случае, если руководство боевиками осуществлял сам провокатор, что и было при Е. Азефе.

Уральские и кавказские террористы для проверки морально-политической устойчивости боевиков практиковали экстремальные испытания. В комплекс таких испытаний входили не только физически и психологически изматывающие нагрузки, но и нередко методы провокации, во время которых кандидат в террористы попадал в руки переодетых в жандармов боевиков и испытывал на себе все меры предполагаемого полицейского воздействия. Прошедшие испытание, несломленные кандидаты становились полноправными боевиками, о судьбе же провалившихся испытание в воспоминаниях не рассказывается. Уральские дружины боевиков, возглавляемые братьями Кадомцевыми, являли собой наиболее дееспособные и, главное, управляемые террористические кадры, из которых позже выйдут инструкторы боевой и террористической деятельности. Даже находясь под столичным полицейским прессингом и слежкой, боевикам Кадомцева удавалось несколько месяцев 1906 г. без провалов скрываться в Санкт-Петербурге. Ржавчина криминализации и отступничества коснулась уральских боевиков также позже всех. Опыт такого тренинга моральной устойчивости, С.А. Камо (Тер-Петросян) использовал и для подготовки боевиков в Гражданскую войну.

Кроме изощренной системы проверки кандидатов в боевики, можно выделить и практиковавшуюся многими анархистскими группами методику «деятель-

---

¹ Розенблюм К.И. О первой русской революции 1905. Л., 1930. С.105-106.

² Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С.221.

ного доказательства верности». Изъявившему желание вступить в боевую дружину анархисту, предлагалось самостоятельно осуществить боевое выступление, чаще всего покушение на какое-либо должностное лицо. Такое доказательство революционности и боевизма соответствовало понимаемому анархистами образу истинного революционера. Кроме того, в случае удачного покушения, без риска и затрат для организации, достигалась политическая цель, а кандидат в боевики получал «проверку кровью», чем скреплялась его «верность революции». Так, застреливший по собственной инициативе пристава Брянского завода (Орловская губ.) А.Н. Цешковского (16.04.1908) М.А. Епихов, на допросе чистосердечно признался, что совершил убийство «с той целью, чтобы этим террористическим актом приобрести доверие местной группы анархистов-коммунистов и, таким образом, вступить в число членов названной преступной организации. Злобы против Цешковского, он, Епихов, никакой не питал, решил же его убить только потому, что представился удобный случай совершить для изложенной выше цели террористический акт над должностным лицом»¹. Аналогичным образом осуществлял прием в свою боевую дружину уральский «атаман» А. Лбов. В воспоминаниях членов его дружины указывается: «Он чтобы проверить революционную благонадежность новичка посылал его убить, стрелять полицейского на первом попавшемся посту, и всё было кончено. Вот и вся процедура приёма»².

Искусно подготавливая потенциального террориста к акту, руководитель БО ПСР в 1902-1904 гг., Г. Гершуни использовал не только идеологическую мотивацию, но и сложные психологические шаги. Мотивируя пропагандистскими соображениями, он стал требовать от террориста написание перед терактом письма-завещания. После осуществленного покушения, текст завещания выходил отдельной листовкой и являлся партийным информационным сопровождением теракта. При необходимости текст корректировался и дополнялся. Кроме идеологической и разъяснительной функции, завещание играло важную психологическую

---

¹ Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С.157.

² Кудрин А.В. Там же. С.113.

задачу. Зная о существовании такого документа, террорист практически лишал себя права на отказ или малодушие.

Экстремальная деятельность террористов, с одной стороны, создавала ситуацию, когда в террор шли увлеченные, самоотверженно преданные делу революционеры, с другой стороны, в немалой степени способствовала втягиванию в террористическую деятельность людей готовых на отчаянные поступки, но идейно безответственных, индифферентных к политическим лозунгам. Т.о., крайними полюсами террористического кадрового состава были «святые» и «мерзавцы, но свои». На это обращали внимание современники, сетовали участники политического противостояния, как с той стороны, так и с другой, это вызывает противоречивые суждения о моральных качествах террористов у исследователей сегодня¹. Борьба за чистоту партийных рядов велась всеми комитетами, однако, конспиративная структура боевых формирований и нехватка профессионалов, сводили эту борьбу только к отдельным положительным эпизодам. Кроме того, стремление к результату подчас заставляло закрывать глаза на несоответствие облика реальных террористов партийным требованиям. И даже факты личной нечистоплотности, невыполнения приказаний комитетов, а нередко и предательства, не являлись поводом для отстранения боевика от террористической деятельности. В случае обострения отношений между террористом и комитетом, первый всегда имел возможность «хлопнуть дверью» и перейти в другую партию. Кроме того, объединившись с подобными себе боевиками в самостоятельную группу, стать «вольнопрактикующим террористом», прикрывшись псевдо-анархистскими или максималистскими лозунгами.

6.2. Информационно-разведывательная, охранная и конспиративная деятельность в подразделениях

---

¹ Войтинский В. Годы побед и поражений. Берлин, 1924. Т. 2. С.104; Гарви П.А. Воспоминания социал-демократа. Н.-Й., 1946. С.423.

За годы террористической активности леворадикальных партий большое развитие получил комплекс оперативно-разведывательной подготовки терактов, без которого боевая деятельность теряла бы один из главных своих признаков – систематичность. Разведывательные меры обуславливались характеристикой объекта покушения, спецификой и нюансами нападения. В связи с этим, подготовительные мероприятия могли достигать длительных временных рамок и существенных затраченных сумм или быть напротив – абсолютно спонтанными и неподготовленными.

После принятия решения о покушении и определении террористического подразделения ответственного за теракт, начинался сбор необходимой информации. В решении этой проблемы можно выделить несколько способов и приемов. В первую очередь, использование официальных сведений и информации из доступных источников. Являясь должностными лицами, чиновники обязаны были присутствовать на различного характера государственных и светских мероприятиях, праздничных шествиях, церковных действиях, общественных приёмах и прочее. Такие мероприятия были либо традиционными и запланированными, либо «публика» извещалась о них заранее через газеты. Тем самым, приложив минимум усилий и навыков, террористы приобретали информацию, на основании которой уже могли строить свои дальнейшие действия. Участие в массовых мероприятиях для чиновников несло большую террористическую опасность, которую невозможно было полностью исключить даже, несмотря на все предосторожности, при этом чины ДП и МВД расписывались в собственном бессилии и не давали никаких гарантий безопасности. Так, убийство петербургского градоначальника В.Ф. фон дер Лауница (21.12.1906), состоялось во время заранее объявленного торжественного открытия лечебницы. Не уберегло от теракта и то, что меры предосторожности были предприняты повышенные, а информацию о высокопоставленном присутствии боевики получили лишь за два дня по событию. В отличие от градоначальника, премьер-министр П.А. Столыпин не стал игнорировать предупреждение начальника Петербургского ОО А.В. Герасимова о возможном

покушении и на мероприятие не прибыл¹. О посещении Лефортовского военного госпиталя московским генерал-губернатором С.К. Гершельманом в честь 200-летия этого учреждения было сообщено в газетах, что позволило эсерке, члену БО ПСР А.А. Севастьяновой дожидаться приезда его кареты и бросить бомбу (21.11.1907)². Во время традиционного воинского парада по случаю празднования годовщины коронации Николая II в Севастополе, не могло не присутствовать высшее командование, этим местные эсеры и воспользовались для покушения на коменданта Севастопольской крепости В.С. Неплюева (14.05.1906)³. Даже обычное посещение театральных представлений, которые в XIX-XX вв. являлись одним из важных светских мероприятий, было сопряжено с большой опасностью. Во время театральных представлений или на выходе с них были тяжело ранен уфимский губернатор И.Н. Соколовский (03.05.1905)⁴, убиты нижегородский полицмейстер А.В. Грешнер (27.04.1905)⁵ и пензенский губернатор С.В. Александровский (25.01.1907)⁶. Смертельное ранение премьер-министра П.А. Столыпина, также произошло во время театрального представления (01.09.1911).

Помимо открытых источников информации, сведения об объектах покушений могли поступать и от конфиденциальных лиц. Начальник петербургского ОО (1905-1909) А.В. Герасимов, удивляясь информированности руководителя БО ПСР Е.Ф. Азефа о передвижении и местах пребывания высших лиц государства, имел основание предполагать утечку информации в министерстве путей сообщения, позже стала циркулировать версия о «великосветском масонском заговоре»⁷. Некоторые чины ДП склонны были эти слухи безосновательно раздувать и в масонском заговоре видеть реальную угрозу. Так, чиновник ДП Б.К. Алексеев, по

¹ Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка». Т. 2. М., 2004. С.239-240.

² Русское слово. 23 ноября (06 декабря) 1907 г.

³ РГВИА. Ф. 801. Оп. 5. 5 отд. Т. 1. Св. 176. Д. 594/60. Дело о Николае Макарове и других троих о покушении на жизнь Севастопольского коменданта ген.-лейт. Неплюева. 18 мая 1906 – 12 мая 1907 г. 29 л.; ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 236 (1906). Д. 425. О покушении 14 мая 1906 г. в Севастополе на коменданта крепости генерала Неплюева.

⁴ Русское слово. 04 (17) мая 1905 г.; Кийков А. Там же. С.97,106.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. 1905. Д. 380. Об убийстве начальника Нижегородского ОО ротмистра А.В. Грешнера; Белозеров А.А. Убийство шпиона Пятницкого и начальника охраны Грешнера // 1905 г. в Сормове: Очерк Сормовского истпарта. Н. Новгород, 1926. С.129-142.

⁶ Петербургская газета. 27 января (09 февраля) 1907 г.

⁷ Герасимов А.В. Там же. С.271; Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991. С.278-279.

мнению историка А.Я. Авреха явный авантюрист, на следующий день после покушения на П.А. Столыпина (01.09.1911) в докладной записке на имя товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова писал: «От лиц, стоящих близко к здешним масонским кругам, удалось услышать, что покушение на г. председателя совета министров находится в некоторой связи с планами масонских руководителей»¹. Совершенно отрицать наличие масонского движения среди политической элиты России в начале XX в., конечно, нельзя². Однако, по нашему мнению, масонское членство некоторых известных политических деятелей с обеих сторон общественно-политического противостояния являлось не причиной развития терроризма, а еще одним признаком кризиса власти.

Конспирологические домыслы о масонах, веских или хотя бы аргументированных обоснований до сих пор не имеют³. При этом низкий уровень исполнительности российских управленцев, склонность игнорировать большую часть инструкций и пускать «всё на самотёк», факт общеизвестный. Кроме того, у самих террористов было достаточно родственников и близких знакомых из высшего света, которые могли информировать их о планах и передвижениях первых лиц государства⁴. Историк К.Н. Морозов убежден, что информация о передвижениях

¹ Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С.287. Также см.: Щеголев П.Е. Охота за масонами или похождения ассессора Алексеева // Журнал «Былое». 1917. № 4 (26). С.108-145.

² Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990; Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990; Андреев Д.А. Эволюция политической доктрины русского масонства, 1906-1917 гг. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1993. № 4. С.3-12; Бостунич Г.В. Масонство и русская революция. М., 1995; Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996; Карпачев С.П. Масонская интеллигенция России конца XIX – начала XX в. М., 1998; Соколовская Т.О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). М., 1999; Брачев В.С. Русское масонство XVIII-XX вв. СПб., 2000; Карпачев С.П. Российское масонство XVIII-XX вв. М., 2000; Серков А.И. Русское масонство. 1731-2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001.

³ Багдасарян В.Э. «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX-XX вв. М., 1999. С.40-50.

⁴ Первым использовать придворные круги «вслепую» в интересах революции предложил П.А. Кропоткин (См.: Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С.280-281). Высокопоставленных родственников имели С.Л. Перовская, П.В. Карпович, Б.В. Савинков и др. К примеру, член БО ПСР А.Д. Покотилов, погибший при взрыве приготовляемой им бомбы 1 апреля 1904 г., имел брата Дмитрия, д.с.с., чиновника министерства финансов, члена правления КВЖД, директора Русско-Китайского банка, а его сестра Александра была замужем за товарищем министра финансов П.М. Романовым (См.: Письма Азефа: 1893-1917. М., 1994. С.260). С 1910 г. в 4 делопроизводстве ДП стали формироваться специальные дела о неблагонадежности должностных лиц.

высших лиц в БО ПСР могла поступать «только от информаторов весьма и весьма осведомленных»¹. Один из руководителей Боевой технической группы при ЦК РСДРП Н.Е. Буренин, также отмечал: «До 1906 г. мы пользовались самым широким содействием питерской интеллигенции, ...крупной буржуазии и аристократии. Мы хранили нашу литературу даже в квартирах видных царских сановников, прокуроров, гвардейских офицеров, вплоть до великих князей»². Обронённые фразы и эмоциональные замечания высших лиц государства неоднократно становились фактическими аргументами в пользу реального наличия контактов террористов с представителями политической элиты. Поводы для этого давали и сами императоры. Упреки в пособничестве террористам звучали в адрес министра финансов С.Ю. Витте, начальника Московского ОО С.В. Зубатова, других чиновников, а в организации убийства П.А. Столыпина обвинялись высшие чины империи³.

Использование источников конфиденциальной информации наглядно проявляется и в экспроприаторском движении. Сведения о наличии крупных сумм, также как и их передвижение из банков и сберегательных касс могли предоставлять лица сочувствующие революционному движению и близкие к банковскому управлению, на что неоднократно обращалось внимание еще современниками. Так, по поводу нападения боевой дружины эсеров на почтовый поезд на ст. Абрамовка Юго-Восточной ЖД (30.10.1907) представитель Воронежского губернского комитета ПСР И.Д. Смирнов отмечал: «Это дело подготовлялось давно, так как Губернский Комитет получил точные данные о суммах перевозимых из Урюпин-

¹ Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. М., 1998. [Электронный ресурс]. URL:<http://socialist.memo.ru/books/lit/morosov3/index.htm>.

² 1905. Боевая группа при ЦК РСДРП (б) (1905-1907 гг.): Ст., восп. М., Л., 1927. С.24.

³ Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. По поводу «Воспоминаний» гр. С.Ю. Витте. М., Пг., 1923. С.73. Начальник Киевского ГЖУ В.Д. Новицкий обвинял С.В. Зубатова в том, что тот злонамеренно позволил совершить теракты над Д.С. Сипягиным и Н.М. Богдановичем (Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991). Семья погибшего от руки террориста графа А.П. Игнатъева, была уверена, что «убийство если не было организовано охранкой, то, во всяком случае, произошло с её ведома» (Игнатъев А.А. 50 лет в строю. М., 1986. С.64). В убийстве П.А. Столыпина обвиняли товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова, начальника дворцовой полиции А.И. Спиридовича, начальника Киевского ОО Н.Н. Кулябко (Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; Куликов С. «Матерые волки» или революционеры? Кто убил Столыпина? // Родина. 2012. № 4. С.103-106). Обширные революционные связи С.Ю. Витте приводятся в исследовании А.В. Островского (Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2004. С.539).

ского казначейства в Новочеркасск. За время Урюпинской ярмарки, перевозимые суммы были особенно значительны. В указанный день перевозилось более 300 тыс. рублей»¹. Террористка эсерка В. Попова, применимо к событиям 1906 г., отмечает источники информации снизу: «Свои люди у партии находились тогда всюду, особенно в низах, в гуще рабочей и служилой массы, а также среди военных. Сведения о проездах намеченных нами лиц давали рабочие железнодорожного батальона, – солдаты и военные писаря; даже царский дворец в этом отношении не являлся исключением...»².

Член Летучего боевого отряда Украинской области ПСР также отмечает наличие «связей с казначейством», на основе которых планировался крупный экс в районе Грайворона (Курская губ.) и только «неожиданный» разрыв этих связей заставил отказаться боевиков от плана. Позже на основе этих сведений местные эсеры все же осуществили на 26 тыс. руб. грабеж почтовой кареты (26.10.1906), однако, «почти вся сумма состояла из вышедших из обращения старых кредиток, пробитых особым погашателем», о чем сведения эсеры уже не имели³.

Историк А.В. Островский по этому поводу делает справедливое уточнение: «...революционное подполье имело "своих людей" на всех этажах власти, начиная с уезда и кончая столицей, вплоть до императорского двора и Департамента полиции. В самом этом факте, если рассматривать правительство и революционное подполье как две враждующие армии, нет ничего необычного. Более важным является другое. Есть основание думать, что пореформенная эпоха характеризовалась постепенным расширением круга чиновников и офицеров, которые тем или иным образом были связаны с либеральной оппозицией и революционным подпольем или же сочувствовали им. А это означало постепенное, мирное и незаметное завоевание государственного аппарата антиправительственными силами, что вело не только к утрате эффективности выполнения им своих функций, но и к тому, что он становился способным действовать вопреки интересам тех социальных

¹ ГАОПИВО. Ф. 5. Д. 301. Л.203.

² Попова В. Динамитные мастерские 1906-1907 гг. и провокатор Азеф // Женщины-террористки в России. Ростов н/Д., 1996. С.206-207.

³ Комаров Н. Очерки по истории местных и областных боевых организаций ПСР // Каторга и ссылка. 1926. № 4 (25). С.67; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7760. Л.19-20,35.

сил, которые стояли во главе государства»¹. Автор избирательных законов 1905 и 1907 гг., статс-секретарь С.Е. Крыжановский состояние чиновничества в начале века охарактеризовал сугубо критически: «Всё, что направлялось против правительства, всеми приветствовалось, и прежде всего самими чиновниками, сколь бы ни были безобразны и дики проявления, в которых это неудовлетворение выражалось. Самый дикий и нелепый их вид – политические убийства – осуждались, конечно, громко для приличия, но вызывали какое-то странное сочувствие, потому что были направлены против правительства. Убийство Плеве, убийство Сипягина в среде подавляющего большинства петербургского чиновничества вызывало какое-то радостное волнение и какие-то ожидания лучшего будущего...»².

И все-таки, в XIX в. и перед Первой революцией, готовя акции центрального значения, террористы старались использовать самостоятельно добытую достоверную информацию. Маршруты и скорость передвижения, время и порядок выездов из резиденций, охрана, конечные цели и систематичность поездок, террористы перепроверяли самостоятельно визуальным путем. И когда информация нескольких наблюдателей сходилась, и становился определенным распорядок жизни объекта покушения, приступали к выработке самого плана теракта. Так, основной информацией о передвижениях царя по столице стали сведения, доставляемые специально для этого созданным отрядом наблюдателей. Им удалось выяснить, что «по воскресеньям Александр II ездил в Михайловский манеж на торжественный развод воинских частей лейб-гвардии. Путь его лежал обыкновенно по Невскому проспекту, а оттуда сворачивал на Малую Садовую. И что чрезвычайно ценно для террористов: время выездов соблюдалось с неукоснительной точностью»³. Предположив все возможные пути движения царя, народовольцам удалось все-таки вступить в прямое соприкосновение с императором и совершить покушение 1 марта 1881 г.

Такой способ подготовки покушения, хотя и являлся наиболее продуктивным, имел весомые недостатки. Он требовал больших денежных затрат и време-

---

¹ Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2004. С.556.

² Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С.126.

³ Пелевин А.Ю. Наблюдательный отряд // История в подробностях. 2012. № 12. С.28-33.

ни. Так, покушение на В.К. Плеве готовилось эсерами 10-11 месяцев и стоило 30 тысяч руб., убийство вел. кн. Сергея Александровича 3-4 месяца и 7 тысяч руб. Кроме того, такой способ не исключал возможность провокации и арестов. Наличие агентурных сведений о готовящемся покушении делало жертву осторожнее, внимание охраны и полиции возрастало и террористам приходилось приостанавливать подготовку теракта. Наличие же центральной или местной провокации, в случае информирования комитета о готовящемся акте, приводило боевую группу к полной ликвидации полицией. Поэтому террористические группы, получив задание, предпочитали действовать максимально самостоятельно и автономно от местных организаций, рассчитав и «подкарауливая» объект в месте возможного появления¹. Именно так, поступала в большинстве случаев БО ПСР. Также, эсерка М.М. Спиридонова выслеживая, мечущегося по Тамбовской губернии в подавлении аграрных беспорядков губернского советника Г.Н. Луженовского, несколько дней ждала его на железнодорожных станциях, уверенная что рано или поздно он ей встретится. 16 января 1906 г. на платформе Борисоглебского вокзала выстрелами из револьвера она его смертельно ранила². Такой способ выслеживания (как его называли боевики – «с листа») применялся крайне редко и демонстрировал, при отсутствии планомерной подготовки, ярко выраженную экзальтацию мщения (См.: Приложение. Таблица 3. С.471).

Сложные, с несколькими информативными источниками способы подготовки терактов использовали только крупные организации областных и центральных комитетов. Вот как описывалась постановка разведки одним из членов Центрального летучего боевого отряда ПСР («отряд Зильберберга»): «Организация производит свои розыски с двух сторон: "внешний сыск" – уличная слежка при помощи извозчиков, разносчиков, филеров сохраняется, но на первый план, как основа, выдвигается "внутренний сыск" – получение сведений. Отыскиваются люди в обществе и в партии, могущие дать какое-либо указание, какие-либо сведения о намеченных лицах. Наружная слежка проверяет их данные. Все партий-

¹ Тютчев Н. Заметки о воспоминаниях Б.В. Савинкова // Каторга и ссылка. 1924. № 5 (12). С.67.

² РГВИА. Ф. 801. Оп. 7. Д. 579/5. Отд. 5. 1906. Св. 16. Л.52-97.

ные организации должны давать в распоряжение "Боевого отряда" любого из своих членов, если он имеет какие-либо связи, могущие быть полезными в деле этого внутреннего сыска. Особенно много давали члены военной и железнодорожной организации и телеграфисты. Таким образом, основание, на котором организация утверждала свое здание, расплзлось далеко вширь. Работа получала в значительной мере случайный характер – в зависимости от тех сведений, которые получались. Нельзя было составить один план и долго и упорно добиваться его осуществления. Самое существование такого плана становилось невозможным: случайность, изменчивость, текучесть форм работы и организации выдвинулись вперед»¹.

Губернские террористические отряды, готовя покушение, использовали преимущественно официальную и публичную информацию о светских и церковных праздниках, массовых мероприятиях, на которых жертва с большой вероятностью могла присутствовать. Небольшие города и ограниченное число мест посещения, облегчали отслеживание маршрутов следования жертв. Относительная открытость провинциальной жизни легко позволяла выяснить место жительства и работы объекта покушения. Кроме того, потенциальные жертвы губернских террористов не имели усиленных охран и были достаточно легко достигаемы.

Для определения наиболее благоприятного места и момента покушения террористам необходимо было осваивать аналитические навыки, уметь сопоставлять факты и анализировать оперативную информацию, хорошо ориентироваться в церковных и светских ритуалах. В этом отношении террористы не всегда могли продемонстрировать высокое качество своей деятельности. Так, по ошибке был убит начальник пензенского гарнизона генерал-лейтенант В.Я. Лисовский (02.01.1906)². Боевики летучего отряда Поволжской области ПСР приняли Лисов-

---

¹ Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.272. Начальник Петербургского ОО (1905-1909) А.В. Герасимов в своих воспоминаниях неоднократно отмечал, что БО ПСР располагала «каким-то очень хорошим источником информации обо всем, что касается планов передвижения царской семьи» (См.: Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка». Т. 2. М., 2004. С.271).

² РГИА (СПб.). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 172. Л.3-7; Спиридович А.И. Там же. С.277.

ского за начальника местного ГЖУ¹. 9 апреля 1907 г. курские максималисты вместо прокурора местного окружного суда смертельно ранили инженера П.П. Скородумова. Оба жили в одном доме, выходили из одного парадного подъезда и длительное наблюдение, организованное перед покушением, ошибочно их перепутало². Более известными ошибками являются случаи убийства максималисткой Т. Леонтьевой в швейцарском г. Интерлакене французского миллионера Ш. Мюллера (01.09.1906) и в Петергофе членом Летучего боевого отряда Поволжской области ПСР Я. Финкельштейном (Виктор Васильев) престарелого генерал-майора С.В. Козлова (01.07.1906)³. Оба были застрелены по ошибке. В первом случае ошибку допустили максималисты, во втором – эсеры. Сопоставляя сведения о выезде из России бывшего министра внутренних дел П. Дурново, их очень похожую внешность и использование бывшим министром в заграничных поездках именно фамилии Мюллер, максималисты сделали ложный вывод о том, что это одно лицо и осуществили теракт. Во втором случае, генерал Козлов оказался очень похож на генерала Д.Ф. Трепова, обвиняемого в событиях Кровавого воскресенья, и также имел обыкновение прогуливаться в Петергофском парке⁴. Кроме этого, также по ошибке в зале дворянского собрания вместо смоленского предводителя дворянства князя В.М. Урусова был застрелен местный земский начальник (06.02.1907)⁵.

Наибольшее количество терактов, всего 35% от общего числа, на протяжении двух террористических кампаний приходится на нападения по месту службы жертв (См.: Приложение. Таблица 3. С.471). Так, 15 декабря 1905 г. на пороге губернаторского дома был ранен, поджидавшим его революционером, тамбовский вице-губернатор Н.Е. Богданович. Покушения в рабочих кабинетах или во время приема посетителей были совершены на петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова (05.02.1878), на начальника Киевского ГЖУ В.Д. Новицкого

¹ Головков Г.З. Бунт по-русски. С.496.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 190. Л.16; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10262. Л.16.

³ Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. С.93; Памятная книжка социалиста-революционера. С.12,21.

⁴ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Т. 11. Д. 9666. Об именуемом себя кр-ном Виктором Васильевым, обвиняемом в принадлежности к революционному обществу и покушении на убийство генерал-майора Козлова. 1910 г. 136 л.

⁵ Русское слово. 06 (19) января 1907 г.

(27.05.1903)¹, на могилевского губернатора Н.М. Клингенберга (29.10.1905)², на генерал-адъютанта В.В. Сахарова (22.11.1905)³, на московского градоначальника графа П.П. Шувалова (28.06.1905)⁴, на ярославского губернатора А.А. Римского-Корсакова (25.05.1907)⁵ и др. Для предотвращения опасности от потенциального террориста-посетителя, на время приема в кабинетах стали вводить пост дежурного офицера, выполнявшего, в первую очередь, обязанности телохранителя. При этом в отношении посетителей продолжал оставаться только визуальный осмотр. Такие меры не были достаточными и далеко не исключали возможности совершить нападение. Покушение на премьер-министра П.А. Столыпина (12.08.1906) состоялось в дни приема посетителей, и если бы максималисты заранее записались на прием и не опоздали, вероятно, они смогли бы достичь цели, пройти в приемную и произвести взрыв в непосредственной близости к премьеру, а не в прихожей⁶. Через охрану прошел террорист Н. Егоров, чтобы во двореке особо охраняемого здания суда, где и жил последнее время главный военный прокурор В.П. Павлов, его застрелить (27.12.1906)⁷. Во время приема посетителя, несмотря на ожидаемое нападение и многочисленную охрану, покушение было совершено и на начальника зерентуйской каторжной тюрьмы И.И. Высоцкого (18.08.1911)⁸.

Имея информацию о месте пребывания объекта покушения, организаторы терактов предпринимали меры для того, чтобы получить прямой контакт с будущей жертвой. Эсер В. Зензинов так описывал комплекс мер необходимых для покушения на офицеров Семеновского полка, подавлявшего Декабрьское восстание

¹ Новости дня. 30 мая (12 июня) 1903 г.; Политические процессы... С.56.

² Русское слово. 30 октября (12 ноября) 1905 г.; Лелевич Г. Лидия Езерская и покушение на могилевского губернатора Клингенберга 29 октября 1905 г. По неизданным материалам. Гомель, 1922.

³ Новое время. 23 ноября (06 декабря) 1905 г.; Богданович А. Три последних самодержца. С.363.

⁴ Зензинов В. Пережитое. Н.-Й., 1953. [Электронный ресурс]. URL:<http://ldn-knigi.lib.ru>.

⁵ Русское слово. 01 (14) марта 1907 г.; Ананьев. Подпольная работа заволжской организации РСДРП в период с 1905 г. по 1911 г. (из личных воспоминаний) // Ярославль в первой русской революции. Сб. мат. Ярославль, 1925. С.234.

⁶ Охрана премьер-министра, по всей видимости, обратила внимание и на нарушение формы одежды, переодетых в жандармов максималистов – они «были без шпор и в зимних головных уборах (касках)» (См.: Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты... С.175).

⁷ Русское слово. 28 декабря (10 января) 1907 г.; Попова В. Динамитные мастерские 1906-1907 гг. и провокатор Азеф // Женщины-террористки в России. Ростов н/Д., 1996. С.208-209.

⁸ Лагунов Б. Поездка в горный Зерентуй // Каторга и ссылка. К истории революционного движения в России. Киев, 1924. С.5-13; Морозов К.Н. ПСР в 1907-1914 гг. М., 1998. С.363-364, 366.

в Москве: «Сначала надо было установить адреса Мина и Римана, что было сравнительно легко. Затем надо попытаться по газетам и журналам найти их фотографии, что, как я потом в этом убедился, было трудным делом и, наконец, установить их образ жизни»¹. Действенным способом приблизиться к охраняемому объекту было переодевание в форменную одежду. В таких случаях, охрана нередко теряла бдительность и появлялась возможность совершения теракта. Так были убиты министр внутренних дел Д.С. Сипягин, прокурор В.П. Павлов, предпринято покушение 12 августа 1906 г. на премьер-министра П.А. Столыпина. Переодетый в форму морского офицера Б.У. Вноровский беспрепятственно приблизился к коляске московского генерал-губернатора В.Ф. Дубасова и бросил бомбу под экипаж адмирала (23.04.1906)². При этом от террористов требовались обширные знания этикета, регламента, субординации, правил ношения мундира, умение правильно держать себя в чиновной или офицерской среде и пр. Так, эсеры А. Аргунов и В. Зензинов вспоминая о неудаче долго планируемого покушения на полковника Семеновского полка Н.К. Римана отмечали, что переодетый армейским поручиком террорист, не застав на квартире полковника, оплошно оставил ему свою визитную карточку, чего, будучи ниже званием, не должен был делать. При повторном посещении террорист был арестован (13.04.1906)³.

Доступной являлась информация и о месте жительства объектов покушения, что позволяло совершать нападения на квартиры или поджидать жертву рядом с жильем (См.: Приложение. Таблица 3. С.471). Наибольшее количество нападений с использованием этой информации было совершено в сельской местности. Ночная стрельба с улицы через окно по жертвам, чаще всего мелким полицейским служащим, урядникам, управляющим имениями или охранительно настроенным крестьянам, была одной из самых распространенных форм покушений. Внутренний свет помещений освещал жертву, при этом сам террорист в ночной темноте оставался практически не различим, что позволяло ему успешно уйти

---

¹ Зензинов В. Там же.

² Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.267.

³ Аргунов А.А. Там же. С.56; Зензинов В. Там же; Спиридович А.И. Там же. С.266.

с места преступления, не опасаясь быть опознанным в дальнейшем. Кроме того, при таком нападении редко предпринималось преследование преступников.

Боевики считали, что из-за увеличившейся охраны резиденций, теракты целесообразнее осуществлять во время передвижения объектов нападения (См.: Приложение. Таблица 3. С.471). В таком случае, маршруты следования были чаще всего постоянными или террористам требовалось путем наблюдения определить закономерность пользования маршрутом. Это касалось покушений, как на высших лиц государства, так и на местных чиновников. При возвращении в свою резиденцию по единственно возможному маршруту был убит харьковский губернатор князь Д.Н. Кропоткин (09.02.1879). Взрыв кареты вел. кн. Сергея Александровича 4 февраля 1905 г. произошел в его резиденции, во время выезда из московского Кремля у Никольских ворот. В воспоминаниях начальника Саратовского ОО А.П. Мартынова многословно описывается операция по предотвращению террористического покушения на губернатора графа С.С. Татищева именно во время его проезда в собор на торжественную службу по случаю юбилея коронации, которую он не имел права не посетить¹. Покушение на воронежского губернатора М.М. Бибикова (24.04.1908) совершено было сразу после выезда его из губернаторского дворца также на торжественную церковную службу по случаю тезоименитства императрицы. Покушение на вятского губернатора князя С.Д. Горчакова (17.10.1907) произошло, наоборот, в момент возвращения его с молебна, аналогично был взорван самарский губернатор И.Л. Блок (21.07.1906). Увеличение охраны сопровождения, выставление наблюдательных постов по пути следования, периодическая смена маршрута движения значительно осложнили возможности покушения, но не ликвидировали. Кроме того, эти охранные новации коснулись только высших лиц государства. Местные чиновники, включая губернаторов, должны были самостоятельно решать проблему личной безопасности.

Необходимо учитывать, что в начале XX в. продолжала наблюдаться беспечность в вопросах личной безопасности и игнорирование многими государственными служащими, в том числе высокого уровня, необходимости личной охра-

---

¹ Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Там же. Ч. 1. С.181.

ны. Этому способствовали и такие причины как ложно понимаемое рыцарское (дворянское) пренебрежение к опасности, желание продемонстрировать начальству деловое рвение, несмотря ни на что, бравада перед опасностью, фатализм, и прозаичное непонимание, как со стороны государства, так и самих служащих, что каждый удачно осуществленный террористический акт наносит ощутимый удар по авторитету государственной власти¹. Так, министр иностранных дел А.П. Извольский в своих воспоминаниях указывает: «... я отвергал все меры предосторожности, предлагаемые мне полицией, и предпочитал доверять своей звезде», – при этом, указывает Извольский – «запечатанный конверт, лежащий на моем попире, содержал все необходимые указания для моего приемника, который мог приступить к отправлению своих обязанностей без всякого промедления»². Характерно, что начальник Саратовского ОО А.П. Мартынов, отмечая прилагаемые охранкой меры и усилия по защите губернатора, по поводу возможности покушения на полицмейстера заявил следующее: «Полицмейстера можно было убить в любой день, в любом месте и без особых приготовлений»³.

Подавляющее большинство экспроприаций почтовых и банковских сумм, перевозимых в каретах или железнодорожным транспортом, также были совершены при следовании по обычному маршруту. Достаточно назвать две наиболее громкие экспроприации: нападение в Санкт-Петербурге на углу Фонарного переулка на карету, в которой перевозили для сдачи в Госбанк почти на один миллион руб. ценностей (14.10.1906)⁴, и ограбление на Эриванской площади в Тифлисе более 341 тыс. руб., доставлявшихся в карете в отделение Госбанка (13.06.1907)⁵. В обоих случаях, во время грабежа было задействовано более десятка боевиков, открывалась перекрестная стрельба и применялись ручные бомбы. Из списка наи-

---

¹ К примеру, вел. кн. Сергей Александрович, получив сведения о готовящемся на него покушении, не предпринял никаких мер предосторожности, более того, перестал брать с собой на выезды адъютантов (См.: Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С.40).

² Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С.148.

³ Мартынов А.П. Указ. соч. С.183.

⁴ Нестроев Г.А. Из дневника максималиста. Париж, 1910. С. 57-59,76-77,84-85.

⁵ РГВИА. Ф. 801. Оп. 7/67. 5 отд. 1911 г. Св. 59. Д. 10/77. Об австрийском подданном Дмитрие Мирском и гражданине Симоне (Камо) Тер-Петросяне. 26.12.-08.03.1913 г.; Барон (Бибинейшвили) В.В. За четверть века. М., Л., 1931. С.94; Дубинский-Мухадзе И.М. Камо. М., 1974. С.71-86,104,231.

более крупных экспроприаций начала XX в. (См.: Приложение. С.468-469) таким образом были осуществлены почти половина (17) грабежей. Неподчинения требованиям террористов, а тем более оказание сопротивления встречались достаточно редко. Характерным в данном случае является ограбление максималистами Московского купеческого общества взаимного кредита (07.03.1906)¹. Возглавляемые В. Мазуриным два десятка боевиков, разоружили многочисленную охрану и заставили служащих, которых было около ста человек, без сопротивления расстаться с деньгами. «Сказочная обстановка» грабежа естественно породила слухи и домыслы. Держательница светского салона А. Богданович, замечала: «... говорят, что банк сам устроил себе эту кражу, что его дела были плохи»². Более прозаично осуществлялись ограбления в провинции, для чего достаточно было перекрыть дорогу следования, остановить денежный транспорт, открыть стрельбу, перепугав казначея и охрану, взять деньги, и до начала погони быстро ретироваться.

На экспроприационную волну банки ответили усилением мер охраны, техническими усовершенствованиями, ужесточением служебной дисциплины, сокращением денежных перевозок и прочими мерами. Рядовой боевик социал-демократ А. Звездов о событиях 1905 г. вспоминал: «Конторы и даже некоторые частные банки денег в кассах не держали; это осложняло работу экспроприаторов: требовалась невероятно сложная разведка и слежка»³.

Революционерам была в деталях известна постановка службы в полиции и жандармских управлениях. Причиной этого были как налаженные связи с представителями правоохранительных органов, так и внедренные агенты или компетентные перебежчики из самой полиции (А.И. Жданов, В.Д. Березневский, Н.В. Клеточников – в XIX в., М.Е. Бакай, Л.П. Меньшиков и др. – в XX в.). Организационные новшества, распоряжения и инструкции становились известны революционерам и предавались публичной огласке. Сведения о порядке формирования стражи, охранных конвоях императора и первых лиц правительства, инструкции

---

¹ РГИА (СПб.). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 172. Л.8; Новое Время. 08 (21) марта 1906 г.; Речь. 31 марта (13 апреля) 1906 г.

² Богданович А. Там же. С.376.

³ Звездов А.А. Рядовой подпольщик в революции 1905 г. М., 1925. С.22.

филерской службы имели огромное значение для революционеров. Наличие такой информации естественно облегчало выполнение боевых задач, но, в первую очередь, способствовало повышению уровня конспиративности, огромное значение которой осознали еще первые российские революционеры. Навыки подполья, выстраданные арестами и провалами, накапливались, передавались друг другу и постоянно совершенствовались¹. На кардинально новый уровень «подпольную самодисциплину» вывел «ревизор революционной конспирации» А.Д. Михайлов². Особой разницы между конспирацией террористов и рядовых подпольщиков обнаружить нам не удалось, или она касалась более внимательного, тщательного выполнения и значительно более сурового наказания за её несоблюдение. В целом, и с этим соглашается большинство исследователей, разработанный революционными организациями комплекс конспиративных мер и методов противодействия органам полиции был весомым и действенным³. А образ жизни боевиков был подчинен «их представлению о конспирации»⁴.

Полицейские мероприятия и карательная политика правительства, как один из факторов политических процессов, оказывали влияние на терроризм, изменяя и деформируя его первоначальную тактику, деятельность и субъектность. В рамках этих изменений, огромную важность приобрела «контрразведывательная» деятельность боевых организаций, т.е. комплекс мер, нацеленных на противодействие антитеррористическим действиям правительства.

¹ В этом отношении интересна «Инструкция по конспирации», разработанная социал-демократом В.М. Сапежко (См.: Синельников А.В. Шифры и революционеры России [Электронный ресурс]. URL:http://www.hrono.ru/libris/lib_s/shifr12.html).

² Эту характеристику Михайлову дал Л. Тихомиров (См.: Народолюбец Александр Дмитриевич Михайлов. Л., 1925. С.46). Так же, см.: Пелевин Ю.А. Конспиративная деятельность А.Д. Михайлова в «Земле и воле» и «Народной воле» // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1986. № 2. С.53-64.

³ Эренфельд Б.К. Тяжелый фронт. Из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. М., 1983; Кознов А.П. Борьба большевиков с подрывной агентурой царизма в период реакции (1907-1910 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1986. № 12. С.56-71; Кознов А.П. Борьба большевиков с подрывными акциями царской охранки. 1910-1914 гг. // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С.59-74; Ансимов Н.Н. Борьба большевиков против тайной полиции самодержавия. 1903-1917. Свердловск, 1989; Кознов А.П. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903-1917 гг.). Свердловск, 1989; Кознов А.П. К вопросу о противоборстве большевиков с политическим сыском // Вопросы истории КПСС. 1990. № 6. С.129-133; Уральский В. Пароль: «От Петрова» (Из истории постановки конспирации в деятельности «Искры»). М., 1988.

⁴ Островская О.А. Досуг в структуре повседневности террористов-эсеров: постановка вопроса // Вестник Пермского ун-та. История. 2013. Вып. 3 (23). С.70-76.

В первую очередь, это касалось противодействия внедренным в организацию провокаторам и агентам полиции. Различие между этими двумя категориями полицейских сотрудников было существенное и заключалось в намеренной или нет организации противоправных (террористических) действий в революционных группах, провоцировании революционеров на тяжкие преступления для последующего ареста и, как следствие, вероятностно более жестокого приговора¹. Собственно агенты полиции («агенты внутреннего наблюдения», «вспомогательные агенты», «штучники») ограничивались сообщением известных им фактов и имён революционного подполья. В революционной среде разницы между этими категориями противников не видели, однако, некоторым правом на существование «чистые» агенты полиции, как политически искренние противники, обладали². Судьба верной сотрудницы охраны и убежденной монархистки Зинаиды Гернгросс-Жученко, раскрывшей не одно мероприятие эсеров, но оставшейся в живых после своего провала, и даже снискавшей себе некоторое уважение в революционной среде, тому пример³. Провокаторы же, воспринимались как партийные и личные предатели, и никакого снисхождения не имели, морально и физически уничтожались. При этом даже организации, отрицавшие террористические методы борьбы, в отношении убийств провокаторов и шпионов делали жестокое исключение, которое легко обосновывалось необходимостью защиты от правительства. Упоминаемые сведения об убийстве провокаторов зачастую в статистику жертв революционного террора ни с той, ни с другой стороны не попадали. Связано это с тем, что органы сыска предпочитали скрывать и после смерти негласную службу своих агентов, и делалось это как в интересах родственников агентов,

---

¹ Ввозный А.Ф. К вопросу об ответственности за провокацию преступления // Сборник статей адъюнктов и соискателей. М., 1967. С.94-102; Жукова Л.В. Провокация с позиции законности // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1996. № 1. С.30-37.

² Овченко Ю.Ф. Безопасность империи. (Политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия. 1880-1917 гг.). М., 2012.

³ Спиридович А.И. в своих воспоминаниях отмечает, что итогом двух встреч «уже проваленного агента» З.Ф. Жученко с «шефом революционной контрразведки» В.Л. Бурцевым стало их рукопожатие со словами последнего: «Как человеку честному, жму вашу руку». Помимо этого, начальник царской охраны отмечает, что «перед этой моральной силой честности, долга и мужества склонился даже и центральный комитет партии социалистов-революционеров: Жученко не мстили, ее не тронули» (См.: Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991. С.41). См. также: Прибылев А.В. Зинаида Жученко: из восп. Пг., 1919.

так и в интересах руководства, не желающего демонстрировать неспособность защитить агентуру. В свою очередь, страх и нетерпимость к провокации, толкали революционеров, а тем более боевиков, на расправу с подозреваемыми даже при малейших сомнениях. Не ожидая длительной процедуры партийного суда, не информируя комитеты, боевики расправлялись с предателями подчас особо жестоким способом. Столичный боевик А.И. Гуляев вспоминал одну из дискуссий, возникшую в среде боевиков: «В памяти сохранился такой момент... Разбирался вопрос о моральной допустимости в борьбе со шпионами охраны применять зажигательные жидкости. Поднялись споры. "Роберт" слушал-слушал, а потом с еле сдерживаемым волнением заявил: "Разговоры по этому поводу, товарищи, считаю праздными. В качестве фактической справки должен вам сообщить, что в Прибалтийском крае мы одного из них облили, и он прекрасно сгорел. В борьбе с этой сволочью, по-моему, все действенные средства – хороши"»¹.

В том случае если предательство подтверждалось на партийном суде, следовало официальное заявление-предупреждение в печати, а жизнь агента с этого момента оказывалась в смертельной опасности. От революционного наказания агент мог спастись благодаря переходу на должность в МВД и повышению бдительности, но даже смена места и образа жизни не гарантировали безопасности.

Обилие полицейских агентов среди революционеров факт достаточно известный. Выявление предателей в революционном движении первоначально носило преимущественно случайный, стихийный характер. Конспиративная бдительность, анализ причин неудач, провалов и арестов были основными средствами революционного противодействия внутренней агентуре полиции. Важные данные о провокаторах, утечке информации и причинах провалов давали арестованные и осужденные соратники, получавшие эти сведения во время следствия или суда. Уже по ходу Первой революции при центральных и областных комитетах стали целенаправленно осуществлять функции «контрразведки», вводить «третейские суды» по проверке обвинений в провокаторстве. Отдельно стоит дея-

---

¹ Гуляев А.И. Боевые дружины большевиков. Работа боевой организации большевиков Нарвской заставы г. Петербурга в 1905-1907 гг. Л., 1935. С.115.

тельность В.Л. Бурцева, в общероссийском и общереволюционном масштабе прилагавшего усилия на выявление провокаторов, делавшего это весьма успешно и разнообразно. У большевиков выявлением внутренней агентуры занимался Д.И. Курский и Ф.Э. Дзержинский¹. И хотя при многих комитетах пытались вводить должность отслеживающего чистоту кадрового состава «особиста», действенной практикой это не стало.

В тоже время, среди боевиков провокаторы встречались гораздо меньше, чем среди рядовых революционеров. Полицейский статус, причины и деятельность таких известных террористов-провокаторов как Е.Ф. Азеф, С.Я. Рысс, Д.Г. Богров, А.А. Петров аргументировано дискутируются, но окончательные общепризнанные выводы до сих пор не выработаны. Во многом это связано со спецификой их революционной деятельности, в которой ряд успешных операций отменяется конечным провокаторством. После ареста, только единицы из боевиков могли стать провокаторами, т.е. перейти на сторону противника и, кроме «откровенного» информирования полиции о революционном подполье, вновь в противоправных действиях участвовать или тем более их организовывать. Объясняется это тем, что, во-первых, людей совершивших террористические преступления в агентурную службу брать не рекомендовал ДП, во-вторых, возникали большие сложности для боевика после ареста без подозрений вернуться в организацию, а у жандармов – в нарушение законов выпустить преступника, чего без санкции из ДП сделать было нельзя, организовать чрезмерно сложные полицейские комбинации, и, в конечном итоге, постоянно рисковать своей жизнью, контактируя с ним².

В 1902 г. при разработке полицейской реформы была попытка закрепить запрет «подстрекательства» в инструкции начальникам розыскных пунктов, но министр внутренних дел В.К. Плеве собственноручно вычеркнул этот пункт, хорошо понимая полицейскую целесообразность этой меры³. В конечном итоге, правовая

---

¹ Эренфельд Б.К. Тяжелый фронт: Из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. М., 1983. С.25; Овченко Ю.Ф. Безопасность империи. С.50, 165.

² Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка». Т.2. М., 2004. С.317. «Раскаявшиеся» агенты полиции виновны в смерти инспектора Петербургского ОО Г.П. Судейкина, начальника Петербургского ОО С.Г. Карпова, премьер-министра П.А. Столыпина.

³ Овченко Ю.Ф. Там же. С.147.

грань между осведомительством (т.е. информированием) и провокаторством (т.е. подстрекательством) так и осталась тончайшей. Только после разгрома революции 1905-1907 гг. в Положение об агентуре был закреплен запрет делать сотрудников полиции из совершивших террористические преступления революционеров, а в Инструкции 1908 г. по организации и ведению внутренней агентуры (Параграф III, пункт 9) подстрекательство было уже строго запрещено¹. Вместо всего этого, ДП ориентировал своих подчиненных стараться подбивать боевиков на различные виды предательства во время следствия. В первую очередь, предательства фактического, – откровенные показания, сотрудничество со следствием и информирование полиции обо всех известных сведениях революционной деятельности, во-вторых, предательства идейного, в основе которого были поступки несовместимые с понятиями революционной борьбы и морали (подача прошений о помиловании или смягчении приговора, лояльное поведение на суде и пр.). Если «подаванство» имело печальные последствия только для самого революционера, – соратники его начинали презирать, подвергали ostracism и, несмотря ни на какие обстоятельства, заслужить снисхождения было практически не возможно, то в первом случае, полицейское мастерство жандармов, малодушие или просчет революционера могли привести к трагическим последствиям для всей организации.

Только тяжесть грозившего наказания могла заставить боевика встать на путь предательства. Это обстоятельство особо выделил член Воронежского комитета эсеров В.И. Смирнов: «... нужно иметь в виду, что указанные лица не были провокаторами в точном смысле слова, в момент нахождения в организации, они с жандармами связаны не были. Выдавать они стали в тюрьме, спасая свои шкуры»². То же отмечал в своих воспоминаниях начальник охраны П.П. Заварзин: «...нередко такие задержанные легко поддавались отчаянию и, желая отвести от себя суровое наказание, откровенно и подробно рассказывали не только о своих

---

¹ Жукова Л.В. Там же. «Сотрудники, состоя членами революционных организаций, ни в коем случае не должны подстрекать других на преступные деяния и, таким образом, подводить их под ответственность за сделанное по их же наущению» // Жандармы России. СПб., М., 2002. С.611.

² Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье. С.164.

преступных делах, но и о том, что сделали их товарищи»¹. Поэтому революционные организации категорически настаивали на необходимости отказываться от любых показаний на следствие, в том числе и от попыток ложных показаний. В газетах всех революционных партий периодически печатался призыв: «Товарищи! Отказывайтесь от показаний на допросах!». В уставах боевых и террористических формирований это требование специально оговаривалось. В уставе боевых дружин при Петербургском комитете и при крестьянских братствах П.С.-Р. отдельным пунктом значилось: «В случае ареста член Боевой Дружины должен отказаться от всяких показаний, как полицейским, так судебным и следственным властям. Если же арестован на месте, то может сказать, что он сделал это, как член Боевой Дружины П.С.-Р., и объяснить, почему он это сделал»². Революционные организации выпускали инструкции поведения арестованных на допросах³. На II съезде РСДРП были разработаны правила поведения революционеров при аресте, где также настойчиво рекомендовалось отказываться от каких-либо показаний на следствие⁴. Такой тактики и поведения придерживалось большинство террористов. В тех же уставах боевики предупреждались: «за измену и провокацию, как член организации, так и люди, исключенные из нее, предаются смертной казни», «за несоблюдение тайны дружины, а тем более за измену член дружины предается смертной казни».

С 1906 г. среди террористов появилось двурушничество иного характера. В случае ареста, значительная часть боевиков стала отрицать политическую мотивацию своих преступлений, тем самым, стараясь снизить меру наказания. Так, активный член Боевого отряда Воронежского комитета ПСР, борисоглебский максималист, которому следствие инкриминировало 10 грабежей и 3 убийства, Харитон Шабанов на следствие заявил, что не принадлежит «к каким бы то ни было организациям», а в «письмах, которыми вымогал под угрозой смерти деньги и упоминал "Боевые организации" или же "Борисоглебский революционный комитет", ис-

¹ Заварзин П.П. Работа тайной полиции // «Охранка». Там же. Т. 1. С.470.

² РГАСПИ. Ф. 673. Архив ПСР. Д. 332. Раздел А, Отдел II, № 18-1; ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 95. Л.184-185.

³ Бахарев В. (В.П. Акимов) Как держать себя на допросах. Женева, 1900.

⁴ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С.429.

ключительно с целью запугать адресатов писем и тем заставить их платить требуемые суммы денег»¹. Особенно эта тенденция затронула максималистские и анархистские организации. Военно-полевые и окружные суды, преимущественно разбиравшие в 1906-1907 гг. дела с террористической составляющей, не утруждали себя детальным рассмотрением всех обстоятельств дела, ограничиваясь зачастую достаточным составом преступлений для сурового приговора. Этим во многом объясняется то обстоятельство, что «около половины лиц, преданных военно-полевому суду за это время 509 из 1100 – судились за преступления имущественного характера (грабеж, разбой, вымогательство)», без упоминания политических статей обвинения². На эту тенденцию партийные комитеты практически не реагировали, оставляя боевиков решать дилемму сохранения партийной чести или жизни самостоятельно.

Как уже отмечалось, источники получения революционерами секретной информации были разнообразны. Вполне естественными были близкие или небескорыстные контакты некоторых представителей силовых структур и революционеров. Социал-демократ, руководитель в 1905-1906 гг. военно-боевой организацией Воронежского комитета И.В. Шауров, о взаимоотношениях с местными полицейскими чинами вспоминал: «Постовые городовые, дежурившие на ближайших перекрестках, постоянно получали хорошие «чаевые» и при возможности должны были предупреждать об опасности»³. Длительная неуловимость боевика Х. Шабанова объяснялась аналогично: «... разбойник Шабанов, также высказался, что о пребывании его в г. Борисоглебске, известно было борисоглебской полиции, в особенности старшему городовому Волкову, которому он Шабанов, платил по 5 рублей в месяц, за то, чтобы его не преследовали, так как Волков, знал его личность, а остальных чинов борисоглебской полиции, он Шабанов называет труса-

---

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 453. Л.330. Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье. С.60; Он же. Революционный террорист и боевик Харитон Шабанов // Воронежское краеведение: традиции и современность. Мат. научн.-практ. конф. Воронеж, 2006. С.48-50.

² Полянский Н.Н. Эпопея военно-полевых судов 1906-1907 гг. М., 1934. С.42.

³ Шауров И.В. Воспоминания участника первой российской революции. М., 1974. С.118-120.

ми»¹. Могло быть еще проще. Большевик В.А. Костицын, будучи в 1906 г. одним из руководителей боевой организацией РСДРП в Москве, вспоминал: «Один раз я был арестован, но меня освободил по пути в участок околоточный надзиратель, принадлежавший к организации»².

Секретная информация и оперативные ориентировки из близких источников поступали в революционные и боевые организации, значительно понижая работу местных правоохранительных структур. Долгое время неуловимый боевик-максималист М.А. Зеленев («Медведь», «Зеленкин», «Михаил Наместник»), совершивший в течение 1908 г. несколько экспроприаций казенных винных лавок в Тамбовской губ., был сыном местного станового пристава и получал оперативную информацию по своему розыску из первых рук. Нашумевшим стал случай участия в подготовке покушения на дворцового коменданта Д.Ф. Трепова его близкой родственницы³. Историк А.В. Островский приводит примеры взяточничества на уровне кавказских ГЖУ, что позволяло уходить от ответственности видным революционерам, а г. Баку во второй половине 1907 – начале 1908 г. стать «пристанью для ... таких видных большевиков, как К.Е. Ворошилов, Р.З. Землячка, Ю. Ларин (Лурье), М.С. Ольминский, Е.Д. Стасова, М.И. Фрумкина и некоторые другие»⁴. Появившиеся в 1906 г. районные охранные отделения, имевшие возможность совершать полицейские операции одновременно на территории нескольких губерний и не ставить об этом в известность местные органы, должны были значительно повысили эффект правоохранительных и контртеррористических мероприятий. В некоторых регионах это было именно так.

По отношению к некоторым категориям служащих (дворников, полотеров, швейцаров, официантов, кондукторов и др.) боевики не отказывались от применения прямого физического воздействия, шантажа и запугивания. Это особенно касалось дворников, в служебные обязанности которых включалось и поддержание общественного порядка, содействие полиции, паспортный надзор и пр. По-

---

¹ Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С.93.

² Автобиография профессора В.А. Костицына // Вопросы истории. 2010. № 11. С.56.

³ Григорович Е. Зарницы. Л., 1925. С.54-61.

⁴ Островский А.В. Там же. С.262,546,548,595.

этому взаимоотношения дворников и революционер имели напряженный характер. Так, в начале революции в г. Батуме революционный комитет ультимативно потребовал от домовладельцев в кратчайшее время уволить своих дворников¹. «Покушение на дворников со стороны революционно настроенных варшавских рабочих были довольно часты и объяснялись тем, что дворники Варшавы во время преследования рабочих-демонстрантов закрывали ворота дворов и не позволяли укрываться от преследований и избиений»². В апреле 1905 г. в Белостоке анархистские боевики расстреляли дворника, оказавшего содействие полиции. «Этот, с первого взгляда маловажный акт, имеет тем не менее громадное значение: в нашем сравнительно небольшом городе он окончательно дезорганизовал шпионскую систему дворников и этим значительно нам облегчил ведение агитации и пропаганды» – заявляли местные анархисты³. Во время Московского вооруженного восстания в декабре 1905 г., помимо потерь армии, было убито: 28 городских, 7 околоточных, пристав, 2 помощника пристава и 14 дворников⁴. При этом, покушения на дворников ни в революционную, ни в полицейскую статистику терактов, как правило, не попадали.

Важное значение для боевиков имело качество личных документов. Несмотря на реформу паспортной системы 1895 г., совершенствование порядка учета, расширение надзорных и технических возможностей, кардинальных полицейских улучшений это не дало⁵. Как свидетельствуют в воспоминаниях революционеры больших проблем приобретение паспортов и их частая замена в XIX в. не составляли. Так, народница Е.Н. Ковальская указывает: «... приходилось так часто менять паспорта, что удержать в памяти все фамилии было трудно», и далее – «...в те времена это делалось очень просто, дворнику вручался паспорт и деньги, он сам ходил куда надо и приносил готовый документ; требовался в этих случаях только благоприятный отзыв дворника о жильцах. Вручив дворнику фальшивый и 10 р., пообещав ему дать за труды, мы через несколько дней получили легальный

¹ Бадришвили Н. 1905 год в Тифлисе. Тифлис, 1926. С.31.

² Политические процессы... С.106.

³ Альманах. Сб. по истории анархического движения в России. Т. 1. Париж, 1909. С.10-11.

⁴ Русское слово. 22 декабря 1905 г.; Климов В. Расправы и расстрелы. М., 1906. С.75.

⁵ Овченко Ю.Ф. Безопасность империи. С.122-124.

паспорт...»¹. Оснащение боевиков поддельными документами в начале XX в. для большинства революционных организаций также не представляло большой сложности. Чистых паспортных бланков за годы революции из волостных правлений было украдено огромное количество, а техника заполнения сносного качества самостоятельно осваивалась в организациях². Сложностью было только проставление печатей, но и в этом отношении профессионализм подделок был достаточно высок для поверхностного освидетельствования документов. Отсутствие в паспортах фотографий и описаний собственника облегчало их подделку. Имеющиеся сомнения относительно паспорта или идентичности его собственника, полиции приходилось решать путем длительной процедуры проверки выписки паспорта по месту выдачи. Легальными («первосортными») считались паспорта, выписанные местной администрацией на реальных людей, не замешанных в политические дела и не вызывающих полицейские подозрения. Не имело принципиального значения, каким путём затем эти документы попадали в руки революционеров. Как вспоминала заслуженная большевичка Ц.С. Зеликсон-Бобровская: «Паспортами "второго сорта" были дубликаты с чужой паспортной книжки. Частенько, грешным делом, без ведома владельца списывались имя, фамилия и всё прочее в чистую книжку. Подделывалась такая же печать, подпись приписки, и дубликат готов. Далее шли паспорта людей умерших. Пользоваться ими можно было, конечно, не в том городе, где проживал их владелец до того, как стал покойником. Самыми последними по качеству считались фальшивки, когда брался чистый паспортный бланк или книжка и в меру воображения "паспортиста" заполнялся именем, фамилией и подписью, какие придут в данную минуту в голову»³.

Поэтому для полиции особой важностью обладала информация под какими именами находятся в данный момент боевики, с какими паспортом они пересекают границу и куда направляются. Революционеры же, в свою очередь, часто меняли конспиративные паспорта и партийные имена. Подсчитано, что И.В. Сталин

---

¹ Ковальская Е.Н. Первая типография «Черного передела» // Каторга и ссылка. 1929. № 1 (50). С.61,63.

² Паспортное дело // Памятная книжка социалиста-революционера. С.25-58.

³ Зеликсон-Бобровская Ц. Записки рядового подпольщика (1894-1914). М., 1924. С.64.

за годы революционной деятельности 14 раз сменил псевдоним, а народоволец «блюстителю внутреннего порядка» А.Д. Михайлов – более двух десятков партийных кличек¹. Насколько несовершенно во второй половине XIX в. был поставлен паспортный контроль, говорит пример со Степаном Халтуриным, устроившимся на работу в Зимний дворец по поддельному паспорту, в который были вписаны вымышленные деревня и волость Каргопольского уезда Олонецкой губ. и этого ни кто не заметил².

В начале XX в. на проверку подлинности паспорта, ГЖУ тратило почти столько же дней (31 день) сколько включало предварительное заключение без предъявления обвинения³. Поэтому, иногда арестованный нелегальный революционер предпочитал вообще не предъявлять паспорт и если на него за месяц предварительного задержания не находился компрометирующий материал, получал административное наказание за беспаспортное существование и новое свидетельство о личности на 6 месяцев. М.И. Васильев-Южин, член арестованного 9 декабря 1905 г. Московского федеративного комитета, отмечал курьезный случай «характерный для охранки»: «Некоторые из нас (арестованных членов комитета – К.О.) сидели в тюрьме под вымышленными именами, по фальшивым паспортам. Московская охранка легализовала эти фальшивые паспорта, выдав взамен их под теми же фамилиями заграничные»⁴. Появившиеся в ходе революции 1905-1907 гг. регистрационные бюро, на которые было возложено наблюдение за приезжими в ряде крупных городов, практически не изменили положения в лучшую сторону, хотя в очередной раз продемонстрировали попытку введения государственного тотального контроля за россиянами.

В отличие от тираномахии и аттентата, террористическая деятельность обязательно подразумевает определенную периодичность и систематичность акций,

¹ Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель / Сост. В.А. Иванов. М., 1989. С.438. Пелевин Ю.А. Конспиративная деятельность А.Д. Михайлова в «Земле и воле» и «Народной воле» // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1986. № 2. С.53-64.

² Пелевин Ю.А. Степан Халтурин, «Народная воля» и покушение на Александра II в Зимнем дворце // Новый исторический вестник. 2011. № 1. С.76. См. также: Тихомиров Л.А. Пребывание Халтурина в Зимнем дворце // «Народная воля» и «Черный передел». С.260.

³ Овченко Ю.Ф. Безопасность империи. С.195.

⁴ Декабрьское восстание в Москве. 1905 г. М., 1919. С.40.

что требует держать в постоянной боевой готовности некоторый наличный состав боевиков. Контингент террористов осуществляющих акции должен был быть относительно стабильным. В целях сохранения кадрового состава и конспиративной целесообразности, «профессиональные» террористы отказались от древней практики самопожертвования тираноубийц, когда жизнь героя, убивающего политического деятеля, приносилась в жертву как символ отсутствия корыстных целей деяния и, соответственно, его общественной направленности. Поэтому тираноубийцы, сознательно отказываясь от бегства с места преступления, старались либо погибнуть, либо быть арестованными и умереть на эшафоте. Террористы же наоборот, стремились осуществлять акции, с одной стороны, максимально уменьшив вероятность гибели и ареста боевика, с другой стороны, стараясь минимально нанести ущерб мифологической конструкции тираноборчества. Эту сложную задачу должен был разрешить этап отступления боевика с места преступления.

Уход с теракта боевика обязательно контролировали его товарищи. В задачу группы прикрытия входили не только контроль исполнения теракта, но и обеспечение беспрепятственного отступления боевика, при необходимости отражение возможной погони и оперативное реагирование на изменяющиеся обстоятельства. Так, после покушения на шефа жандармов Н.В. Мезенцева (04.08.1878) отступление С.М. Степняка-Кравчинского прикрывал А.И. Баранников, которому пришлось выстрелить в подполковника Макарова и предотвратить попытку ареста. После убийства Н.А. Желваковым военного прокурора Одессы В.С. Стрельникова (18.03.1882), выстрелы С.Н. Халтурина уже не смогли предотвратить арест террористов толпой преследователей¹. Часто в задачу группы прикрытия входило страхование и дублирование действий основного террориста, особенно если использовались взрывные устройства. Характерно, что в первоначальном плане первоапрельского покушения на царя, если бомбистов ждала неудача, то А.И. Желябов, «вооруженный кинжалом, должен был броситься к государю и кончить дело»².

---

¹ Дрей М.И. Стрельниковский процесс в Одессе в 1883 г. М., 1928; Желваков И. Он успел стать только героем // Факел. 1990: историко-революционный альманах. М., 1990. С.94-110.

² Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. М., 1964. Т. 1. С.260.

В начальный период второй террористической кампании, период одиночек (1901-1904 гг.), в непосредственной близости от теракта для получения оперативной информации находился руководитель или организатор покушения, о чем отмечают в своих воспоминаниях Г. Гершуни и Б.В. Савинков, но они ни каким образом в теракт не вмешивались, находясь на безопасном расстоянии.

Учитывая то, что нередко случайные свидетели и публика бросались в погоню за преступником, причем делалось это практически повсеместно, то отступление боевика подчас превращалось в боевое столкновение или грандиозную погоню с большим количеством жертв. Подобная ситуация разыгралась в Курске. После ошибочного убийства максималистами на людной Московской улице вместо прокурора инженера П.П. Скородумова (09.04.1907), во время отступления преступника «городовой вздумал стрелять в него, но один из участников охраны, которая была организована так, что максималисты окружили 3 переулка и попарно ходили в публике, подстрелил городского»¹. Боевиками была открыта беспорядочная стрельба, которая только увеличила количество преследователей. Брошенная террористами в толпу бомба не разорвалась, а один из настигаемых толпой максималистов в панике застрелился. Однако боевикам все же удалось скрыться от самосуда толпы и ареста.

Охранное обеспечение нередко вооружалось бомбами, причем практика их использования показывает, что они были направлены, в первую очередь, против преследования со стороны публики. Грохот, разрушения и имеющийся массовый страх перед взрывами должен был отбить охоту в погоне у всякого. Правильно организованные, структурные подразделения террористов без охранного обеспечения на покушение практически не выходили. Охранное сопровождение очень часто рисковало значительно больше, чем сам террорист, т.к., в отличие от застигнутой врасплох жертвы, преследователи атаковали и применяли оружие, и особенно часто этим заканчивались экспроприации. Так, грабеж пятью вооруженными эсерами Закобякинского почтового отделения (Ярославская губ.) (12.04.1907), перерос в погоню местных крестьян, во время которой семь пресле-

---

¹ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 190. Л.17.

дователей были ранены, а экспроприаторы арестованы и сильно избиты, трое до смерти¹. Такой высокий уровень общественной агрессии демонстрирует не только массовое тревожное состояние, но и импульсивный психоз, которые являлись прямым порождением и следствием длительного и глубокого революционного процесса, и особенно сильно контрастировали с преимущественно бескровными крестьянскими выступлениями в первые годы XX в.².

Кроме ухода с места преступления, террористу необходимо было обеспечить возможность на некоторое время полностью скрыться из района, в котором был совершен акт. При соблюдении этого условия, в дальнейшем только вероятность предательства или агентурные сведения могли вывести ДП на след террориста. Поэтому, совершив более-менее значительный теракт, боевики предпочитали сменить место своего пребывания. После центрального или получившего общественную огласку акта необходимо было уехать за границу. В воспоминаниях революционеров по этому поводу не упоминаются какие-либо значительные трудности, более того, отчеты Отдельного корпуса пограничной стражи, созданной в 1897 г., постоянно отмечали недостаток правовых средств для пресечения незаконной миграции. Даже задержание при незаконном переходе границы, при отсутствии других оснований, не давало прав привлечь нарушителя к ответственности, т.к. «по действующему закону (Уст. наказ. С.62 и Уст. тамож. сб. Ст.1510) незаконная отлучка за границу без установленного паспорта влечёт за собою ответственность только после возвращения виновного на родину и таким образом покушение на этот проступок оказывается не наказуемым»³. Боевики центральных и областных подразделений практически все неоднократно и долговременно пребывали за границей. Помимо того, что это демонстрирует очень высокий уро-

---

¹ Русское знамя. 5 июня 1907; Размолодин М.Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905-1915 гг. Ярославль, 2001. С.178; Головков Г.З. Бунт по-русски. С.574.

² Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции // Вопросы истории. 1992. № 1. С.19; Данилов В.П. Крестьянская революция в России // Политические партии в российских революциях в начале XX в. М., 2005. С.36; Крестьянское движение в России в 1901-1904 гг. Сб. док. М., 1998. С.103-112.

³ Щеблыкина И.В. Криминологические аспекты незаконного пересечения Российской Государственной границы в исторической ретроспективе // Организованный терроризм и организованная преступность. М., 2002. С.172.

вень организации террористической деятельности, стоит отметить, что неспособность правительства обеспечить защиту и контроль государственных границ всегда являлась важным критерием упадка и системного кризиса власти.

В условиях продолжающихся полицейских преследований и невозможности легализоваться, боевикам приходилось перебираться за границу. Пребывание в Швейцарии, Великобритании, Франции спасало от российского правосудия даже в случае обвинения на родине. Межгосударственные соглашения о взаимной выдаче преступников еще не были в полной мере функциональны¹, а ряд европейских государств политических иммигрантов защищал от национального суда². Революционность происходящих событий в России, позволяла любому террористу считать себя политическим борцом и прикрываться этим правовым статусом. Пример народовольца Л.Н. Гартмана, участвовавшего в покушении на царя (19.11.1879) и арестованного в Париже, но не выданного царскому правительству и выпущенного на свободу, наглядный тому пример³. В XIX в. правительства пытались заключать двухсторонние государственные соглашения, регламентирующие уголовно-правовые вопросы между ними, но значительной практики это не получило⁴. Можно отметить, что только в 1898 г. по инициативе Италии в Риме прошла международная конференция, посвященная вопросам защиты общественного строя от анархистов. Конференция приняла ряд административных, правовых и политических мер по координации межгосударственных усилий в противодействии анархистскому терроризму⁵. С 1907 г., в условиях резко увеличившейся

---

¹ Российская империя имела конвенции о взаимной выдаче уголовных преступников с Пруссией (1804), Австрией (1808, 1874), Данией (1866), Италией (1871), Швейцарией (1873), Испанией (1874), Голландией (1880) и др.

² Чирикин В.А. Порядок и последствия выдачи преступников в соответствии с международными соглашениями: исторический опыт // Вестник Владимирского юрид. института. 2008. № 1 (6). С.266-269.

³ Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. М., 1979. С.252-254; Итенберг Б.С. Российская интеллигенция и Запад. Век XIX в. М., 1999. С.163-169.

⁴ Между Германией и Россией было заключено Соглашения о выдаче лиц, совершивших или подготавливавших совершение террористических действий (опубликовано 22.01.1885 г. в «Сборнике законов и распоряжений правительства»). Но в виду неожиданного роспуска германского рейхстага, оно ратифицировано не было.

⁵ Квасов О.Н. Проблемы международного терроризма и контрразведка в Российской империи начала XX в. // Многополярность современного мира в контексте политических изменений. Воронеж, 2009. С.133-137.

революционной иммиграции из России, эти государства столкнулись с волной уголовной преступности россиян, которым было крайне сложно адаптироваться к местной жизни и найти в ней свое место. Это в определенной мере скорректирует общественные представления о них.

Неуловимость революционеров объяснял и фактор межведомственной несогласованности многих подразделений царской администрации. Так, известный эсер М. Вишняк, будучи объявленным ДП в розыск, поступил в университет, затем «совершенно легально» лечился в военном госпитале, откуда был признан «годным к военной службе и направлен в воинское присутствие». Получив годовую отсрочку, он поступил помощником присяжного поверенного. Как он сам отмечал: «... пришлось убедиться на опыте, что и министерство юстиции, как и ведомство народного просвещения и военное, находятся в разладе с министерством внутренних дел. В то самое время, когда меня разыскивали Охрана и департамент полиции, я мог публично выступить в столичном суде и явиться как бы составной частицей аппарата публичной власти. Да, далеко было самодержавию до всеохватывающего тоталитаризма!»¹. Спустя некоторое время М. Вишняк по чужому заграничному паспорту благополучно покинул Россию.

Обилие источников получения информации о террористических объектах, является показателем не только высоких профессиональных навыков террористов, но и важным доводом кризиса власти и политической элиты. Особо стоит отметить, что российская власть, её чиновный состав продолжали придерживаться дворянских стереотипов, жить патриархальными взглядами, несмотря на то, что страна и общество кардинально в начале XX в. изменились. Это несоответствие консервативных взглядов власти и изменившихся реалий, особенно проявилось в вопросах охраны первых лиц государства и легкости, с которой на них осуществлялись покушения. Анализ революционных терактов, совершенных на физических лиц (См.: Приложение. Таблица 3. С.471), позволяет заключить, что

---

¹ Вишняк М.В. Дань прошлому. Stanford, 1954. С.153,160. О подобных казусах, см. также: Ерманский О.А. Из пережитого (1887-1921). М., Л., 1927. С.109. В данном случае, находясь в розыске, автор получил в столичном градоначальстве по иностранному паспорту вид на жительство, а в соседнем отделе того же градоначальства – право выступать с лекциями.

наиболее частыми были покушения по месту службы чиновников, во время их передвижения по заранее запланированному маршруту или к месту работы, и нападения по месту жительства. На данные три варианта покушений приходится более $\frac{3}{4}$ всех революционных терактов. Террористические организации, в свою очередь, успешно пользовались административным кризисом и сложившейся общественной оппозицией самодержавию для получения необходимой информации. Высокий уровень разведывательных и оперативных навыков революционных экстремистов даёт основание утверждать, что в стране в начале XX в. сложилась мобильная организационная структура террора с высокопрофессиональными кадровыми ресурсами.

6.3. Материально-хозяйственное обеспечение

Важнейшим моментом, влиявшим на функциональность экстремистских подразделений, являлось материально-техническое обеспечение террористической деятельности. В этом вопросе тесным образом сплелись проблемы террористической тактики и партийной стратегии, ограниченных материальных возможностей революционных комитетов и высоких притязаний экстремистов. Материальное обеспечение боевых подразделений было проблемой, из-за которой между партийным руководством и боевиками происходили постоянные конфликты. Способы и варианты решения материальных проблем демонстрируют неоднозначность отношения партий и боевиков к боевой деятельности и террору.

Решение финансового вопроса для всех революционных партий осуществлялось с большими трудностями и использованием различных способов и вариантов. К наиболее существенным источникам партийных поступлений можно отнести следующие: 1. Частные пожертвования сочувствующих лиц и общественных организаций, в том числе зарубежных; 2. Адресный сбор средств в ходе общественных и корпоративных мероприятий (митинги, развлекательные, просветительские мероприятия и пр.); 3. Насильственное изъятие материальных и финансовых средств у государственных и частных собственников (экспроприации); 4. Собст-

венные средства революционеров и их родственников; 5. Членские взносы и партийная коммерция (продажа партийной атрибутики, оружия, литературы и пр.); 6. Революционный рэкет (подписные листы или «мандаты», насильственное налогообложение), похищение людей с целью выкупа и др. Объемы финансовых поступлений в революционное движение были не регулярны, а источники постоянно менялись, что демонстрирует меняющуюся социальную платформу движущих сил революции. Если для народнического движения наибольшую доходную часть представляли личные капиталы революционеров, а в начале XX в. на первую роль выходят частные пожертвования сочувствующих лиц, то с 1906 г. львиную часть партийного бюджета формировали уже революционные экспроприации¹.

Финансовые проблемы, стоявшие перед народническими организациями, решались преимущественно за счет личных средств революционеров и частных пожертвований сочувствующих лиц. Наибольшей единовременной статьей дохода (около 50 тыс. руб.), стала часть наследственного капитала Д.А. Лизогуба, который передал её в пользование партии. Существенным доходом были и частные пожертвования, которые однако нужно было уметь ещё взять. В воспоминаниях отмечается, что хорошими навыками этого умения обладал А.Д. Михайлов: «Когда он являлся к лицу состоятельному и предлагал ему денежным взносом поддержать дело народного освобождения, то это лицо чувствовало, что даст денег и именно столько, сколько укажет сам А.Д., и кошельки развязывались»². Находясь в тяжелых финансовых условиях, нуждаясь сами и экономя на всём, народовольцы пытались освоить и механизмы «партийной коммерции» – реализовывать революционную литературу, фотографии казненных и пр. Столкнувшись с хроническими финансовыми затруднениями, народники пробовали даже прибегнуть к фальшивомонетничеству³.

Придерживаясь принципов централизма и не допуская самостоятельности и автономии боевых организаций, партийные комитеты строго старались контроли-

---

¹ Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2004. С.469; В преддверии полного раскола... // Вопросы истории. 2010. № 6. С.18.

² Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н. Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. Л., 1925. С.54.

³ Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866-1904 гг. Тула, 2000. С.233.

ровать денежные поступления и расходы. Вполне осознавая возможные печальные последствия конспиративного обособления от партии боевых подразделений, они стремились подчинить своему контролю все их финансовые источники. Контролируя это право и жестко пресекая его нарушения, партийные комитеты в ряде районов уверенно управляли боевыми группами. Отмечаемое наличие отдельной кассы и самостоятельного расходования средств руководителем БО ПСР Е. Азефом в 1904-1906 гг., стоит признать как исключительный случай, но и при этом, он давал документальную отчетность членам ЦК. Она, однако, не сохранилась, но, по заверениям свидетелей, в ней всё до франка было учтено¹.

Этой финансовой скрупулезностью можно объяснить и публикацию части финансовых поступлений в БО ПСР. Так в № 4 «Летучего листка Революционной России», посвященном теракту над В.К. Плеве, дается «отчет кассы Боевой организации», где конспиративистски перечисляются источники: «Свой – 2500 р. А.С. – 150 р. Любаски – 200 р. Сочувствующий – 2000 р. Художник – 2000 р. Уверовавший – 1200 р. Гордый – 2500 р. Друг – 2700 р. Х. – 1300 р. Киев – 300 р. Добряк – 1000 р. Через Петерб. Ком. от Марии – 2000 р. Ученики Крымчаки – 10 р. Милый Человек – 3000 р. Приятель – 390 р. Земцы 1, 2, 3... – 80 р. Вильно в ноябре – 200 р. От Стар. Друга – 200 р. От Ф.К. – 2200 р. От Н.К. – 135 р. Из Америки – 515 фр. Доктор Мор – 50 фр. Иван Выздоровевший – 12 фр. 50 с. Из Фр. – 10 фр. 55 с. От NN – 2 доллара». В этом списке особо стоит обратить внимание на большой разброс пожертвований, от крупных в 1-2 тыс. руб. до мелких в несколько руб. и франков. Хорошо видно, что свой вклад в финансирование терроризма вносили не только состоятельные «сочувствующие», но и мелкие «земцы». В дальнейшем таких публикаций финансовых поступлений уже не будет, что связано, вероятно, с возросшей ролью в партии Азефа и доверием к БО ПСР.

Доверие к Азефу и боевикам связано с их партийным и боевым авторитетом, успешной деятельностью в 1902-1904 гг., членством Азефа в ЦК ПСР, достаточными финансовыми средствами эсеров в начале революции и заявленной це-

---

¹ Аргунов А.А. Азеф – социалист-революционер // Провокатор. Восп. и док. о разоблачении Азефа. Ред. и вступл. П.Е. Щеголева. Л., 1929. С.52-544; Городницкий Р.А. Там же. С.123.

ленаправленностью частных пожертвований именно на террор. Имея такие обстоятельства и привилегии, Азеф мог не только корыстно использовать партийные деньги и делать личные накопления, но и долго скрывать от членов ЦК свой саботаж деятельности БО ПСР. Необходимо отметить, что таким исключительным правом обладала БО ПСР только в 1902-1906 гг.

Финансирование террористической деятельности носило целевой характер. В имеющейся финансовой отчетности комитетов, выделялась специальная графа «боевое предприятие», которая и являлась показателем трат на террористические акции¹. Деньги на содержание боевиков, на транспортные расходы, приобретение оружия, боевой техники и прочее, в расходы на террористическую деятельность не включались, а шли в рамках общепартийных расходов на революционную работу. Это является косвенным показателем того, что партии и комитеты рассматривали теракты только как кратковременную особую акцию, не обособляя и не отделяя боевую деятельность от других форм работы. У нас нет фактов подтверждающих, что целенаправленные частные и коллективные пожертвования на те или иные партийные нужды, в том числе и террор, шли только на организацию покушений. Комитеты тратили финансовые средства, несмотря на их заявленный адресат, разумея партийную целесообразность, по поводу чего неоднократно возникали проблемы с жертвователями, как у эсеров, так и у социал-демократов.

Поток частных пожертвований, как на террор, так и на революционное движение стал иссякать уже к концу 1905 г. Партиям пришлось изыскивать новые способы пополнения бюджетов, но, несмотря на творческий подход и отсутствие этических предубеждений, ни одна партия не смогла приблизиться к полному и долговременному решению этой проблемы. Комитетам вынуждено пришлось прибегать к революционным экспроприациям финансовых средств². Разрешение осуществлять экспроприации и их стратегическое планирование исходило от пар-

---

¹ Финансовая отчетность периодически публиковалась в печатных органах местных комитетов или отдельными «Отчетами» по итогам работы местных партийных съездов и конференций.

² Квасов О.Н. Террористическая экспроприация как форма революционной борьбы в Российской империи начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 3 (9). Ч. 1. С.61-65.

тийных комитетов, задача боевиков заключалась в изъятии финансовых средств у собственников и полной их передаче в руки партии.

Значительных доходов экспроприации в казну народников не принесли (См.: С.212-213). Ситуация радикально изменилась в Первую российскую революцию. Многие комитеты и партии не смогли бы осуществлять своей деятельности без денег от экспроприаций (См.: Приложение. Список наиболее крупных экспроприаций... С.468-469). Наиболее ярко это относится к максималистам, которые после двух ограблений смогли не только сорганизоваться и профинансировать активную деятельность своих комитетов в обеих столицах, но и создать свои ячейки на периферии¹. В не меньшей степени это относится и к другим революционным партиям. Так, на деньги, полученные РСДРП от экспроприации у разъезда Дёма (21.09.1906) было закуплено оружие, организован V съезд партии (30.04.-19.05.1907, Лондон), издавались газеты: «Казарма» (Санкт-Петербург), «Уфимский рабочий», «Уральский рабочий», «Солдатская газета», «Урал» (на татарском яз., Оренбург)².

Экспроприации применяли в той или иной мере, с оговорками или всемерно, с перерывами или постоянно все леворадикальные партии. Очень быстро стало понятно, что экспроприации, помимо прибыли, создают огромные проблемы для комитетов. Экспроприации подрывали партийную и организационную дисциплину, несли в себе вирус самодеятельности, распада и уголовщины. В конспиративном плане более сложные, чем покушения на убийства, экспроприации подталкивали боевиков к самодеятельности или утаиванию части экспроприированных средств. С 1906 г. началась волна «эксизма». Секретарь Ивановского социал-демократического комитета Ц.С. Зеликсон-Бобровская, критически относившаяся к самочинным эксам боевой дружины, отмечала: «Боевики всегда пытались подсовывать организации некоторую долю награбленного, и весь вопрос был в том, чтобы организация никогда, ни при каких обстоятельствах не прикасалась к таким

---

¹ Павлов Д.Б. Д.Б. Эсеры-максималисты... С.76.

² Алексеев В. Демская экспроприация // 1905. Революционные события в г. Уфе и Уральских заводах. Уфа, 1925. С.161; Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 г. Казань, 1926. С.115; Соколов-Новоселов А. Вооруженное подполье. Уфа, 1958. С.37-42; Сидоренко Н.С. Политический экстремизм на Урале в начале XX в. // Исторический вестник. М., 2012. Т. 2 (149). С.86.

деньгам. Мне, как секретарю, приходилось постоянно лично объясняться с боевиками по поводу их подвигов и открещиваться от подсовываемых через меня для организации денег, за что они возненавидели меня самой лютой ненавистью»¹.

Комитеты и центральные органы партий прилагали много сил, чтобы удерживать партийный контроль над грабежами. Осуществление экспроприаций разрешалось с санкции только вышестоящих партийных органов. Еще Второй Совет ПСР (осень 1906) принял решение, а ЦК ПСР неоднократно на нём настаивал, что «...все экспроприированные суммы составляют собственность партии. Местные организации, совершившие экспроприации передают экспроприированные суммы полностью Обл[астному] ком[итету], который вступает в соглашение о распределении сумм с Центральным комитетом... Суммы до 5.000 рублей остаются целиком в области. От 5 до 10 тысяч в области остаются 70 процентов. От 10 до 30 тысяч в области остаются 60 процентов. От 30 до 60 тысяч в области остается 50 процентов. От 60 и более – в области остается 30 тысяч: все остальное переходит в Центральную кассу партии...»². Однако отчисление денег и их размер в каждом конкретном случае определялись в зависимости от обстоятельств и данное постановление Второго Совета ПСР имело только рамочный характер. Примером острых противоречий при решении финансовых вопросов в партии эсеров может быть экспроприация у ст. Безенчук (Самаро-Златоустовская ЖД). Так, 4 октября 1907 г. самарские эсеры во время ограбления почтовой кареты у станции, экспроприировали 30 тыс. руб. и ранили почтальона³. К обрушившимся вслед за этим на самарских эсеров повальным арестам, добавились и претензии ЦК ПСР, возмущенного отсутствием денежного «перечисления» причитающейся доли от экс. Претензии ЦК к областному комитету были подкреплены угрозами, «если же он "...не согласиться выдать денег ЦК, наложить veto на эти деньги"»⁴. Под veto подра-

¹ Зеликсон-Бобровская Ц. Записки рядового подпольщика (1894-1914). М., 1924. С.151.

² Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С.104.

³ Краткий очерк состояния партийных организаций в Поволжье // Знамя труда. № 8. 1907. С.12; Кузнецов В.Н. Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX века // Вопросы истории. 2010. № 12. С.30.

⁴ Морозов К.Н. ПСР в 1907-1914 гг. М., 1998. С.57,352-353.

зумевалось запрещение комитету тратить эти деньги. Правда, запрет на использование денег касался только спорной части, а не всей экспроприированной суммы.

Неоднократные конфликты по поводу финансовых средств происходили и между боевиками и комитетами. Можно смело утверждать, что в каждой организации, где имелись боевики или были осуществлены экспроприации, присутствовали финансовые недоразумения. Причем, чем выше был статус организации, тем сумма спора была больше, а эмоции ожесточеннее. В РСДРП тяжелыми были разборательства с деньгами от «миасской экспроприации» (26.08.1909)¹, совершенной обособленной Уральской боевой организацией. Большевики упрекали фракционных соперников по поводу меньшевистских эксков в Квирильском казначействе в Грузии (30.12.1905)² и в Демиевском почтовом отделении в Киеве (18.02.1906)³. Для большевиков наиболее скандальными стали последствия ограбления казначейской кареты в Тифлисе (13.06.1907) группой Камо и препирательства, взаимные упреки и обвинения с боевиками братьев Кадомцевых и А.М. Лбова⁴. В ПСР наиболее крупными скандальными последствиями обернулись экссы 350 тыс. руб. из вагона между Ташкентом и Петро-Александровском (сентябрь 1908) и собственно неконтролируемая финансовая деятельность Е. Азефа⁵. Максималисты не смогли разыскать куда делась большая часть экспроприированной суммы от грабежа банка Московского общества взаимного кредита (07.03.1906). У анархистов оспариваемые суммы были значительно меньше, но число скандалов намного больше. Основными причинами разборательств были утаивание части экспроприированных сумм отдельными боевиками от комитетов, или комите-

---

¹ В преддверии полного раскола... // Вопросы истории. 2011. № 3. С.25-27.

² Революция 1905-1907 гг. в Грузии. Сб. док. Тбилиси, 1956. С.538-539; Голос социал-демократии. № 26. Декабрь 1911. С.9-12.

³ РГИА (СПб.). Ф. 1328. Оп. 2. Д. 12. Л.65-67; Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. М., 1932. С.344.

⁴ Мартов Л. «Спасители или упразднители?» (Кто и как разрушал РСДРП). Париж, 1911; Сергеев А.И. Патронная мастерская и вооруженное сопротивление. 1905-1908 гг. // 1905. Боевая группа при ЦК РСДРП (б). (1905-1907 гг.): Ст., восп. / Сост. С.М. Познер. М., Л., 1927. С.98-107; Иуды и робингуды / Публ. и комм. В. Кривенького // Родина. 1993. № 4. С.91-93; В преддверии полного раскола... // Вопросы истории. 2010. № 9. С.6-8.

⁵ Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991. С.265; Морозов К.Н. Там же. С.270-271.

тов от вышестоящих органов и совершение несанкционированных экспроприаций боевиками, либо комитетами.

Тенденции количественного роста и криминализации революционных экспроприаций начинают ярко проявляться с конца 1906 г., на что банковская система оперативно отреагировала. Меншевик А.С. Локерман отмечал: «Меры против эксков вводились с лихорадочной поспешностью: устраивалась электрическая сигнализация, устанавливались... дежурства казаков на оседланных лошадях, усилились полицейские посты и т.д. Банки, конторы и крупные магазины заводили собственную вооруженную стражу и вообще были начеку. В результате – волны экспроприаций отхлынули не только от казенных учреждений, но и от мало-мальски крупных предприятий. Тем с большей силой обрушились они на мелкие лавчонки, на обывательские квартиры, а то и просто – на мелкотравчатых прохожих»¹.

Наиболее жестко и непримиримо вопрос с экспроприациями решался в социал-демократических организациях, однако, здесь к финансовой и дисциплинарной проблеме добавлялась фракционная конфронтация, взаимные обвинения в нарушениях решений партии, утаивании средств друг от друга и пр. Так, член царицынского комитета РСДРП Ю.П. Горская о событиях 1907 г. вспоминала: «Партийная касса была пуста. Это натолкнуло отдельных дружинников на мысль об экспроприациях, несмотря на то, что V (Лондонский) съезд РСДРП категорически их запретил... Зная об этом, некоторые дружинники действовали помимо комитета, хотя среди них имелись и члены комитета. Мне приходилось бороться с ними. ... Это не удавалось полностью осуществить, так как мешали сторонники экспроприаций, имевшие поддержку ряда членов комитета группы РСДРП»².

Распространенное утверждение о потворствовании экспроприациям анархистов верно отчасти. Во-первых, необходимо учитывать, что под анархистскими названиями и лозунгами подчас скрывались полукриминальные и псевдореволюционные группы, во-вторых, именно анархисты неоднократно и гласно объявляли об исполнении смертных приговоров над своими членами за несоблюдение пар-

---

¹ Локерман А. По царским тюрьмам // Каторга и ссылка. 1926. № 4 (25). С.179-180.

² 1905 год в Царицыне. Восп. и док. Сост. В.И. Томарев и Е.Н. Шкодин. Сталинград, 1960. С.110.

тийной дисциплины и порядка при совершении экспроприаций, в-третьих, разное отношение к экспроприациям было и среди анархистских течений.

Финансовое обеспечение боевых дружин значительно различалось в зависимости от статуса подразделения и отношения партийного комитета к боевой деятельности. Максималистская группа М.И. Соколова за 6 месяцев 1906 г. потратила на себя и свою деятельность 150 тыс. руб., БО ПСР (1902-1906) тратила значительно меньше, но также десятки тысяч, областные летучие отряды ПСР в бóльшем случае обходились двумя-тремя сотнями, губернские и местные подразделения на террористические акции тратили несколько десятков рублей. К примеру, Воронежский комитет ПСР в публикуемой отчетности, в графе «боевые предприятия», приводил следующие цифры: за вторую половину 1906 г. всего потрачено 10 руб., за 7 месяцев первой половины 1907 г. – 158 руб. В дальнейшем комитет взял курс на организацию и провоцирование крестьянского восстания, для чего активно стал применять террористические акции¹. Траты на ежемесячные «боевые предприятия» комитета резко увеличились, – в августе потрачено 114 руб. 50 коп., в сентябре – 31 руб., в октябре – 160 руб., в ноябре – 34 руб. 73 коп., в декабре – 11 руб.².

Говорить о разгульной жизни боевиков оснований нет, а фиксируемые в воспоминаниях и жандармских документах эпизоды выпивок и гулянок, стоит отнести к единичным явлениям. Более того, стандартной была ситуация физического и морального перенапряжения, нехватки личных средств, как боевиков, так и обычных революционеров, о чем в воспоминаниях отмечается неоднократно. Так, убийца самарского губернатора И.Л. Блока (21.09.1906) эсер Г.Н. Фролов отмечал: «...Денег не было, и мы жили часто впроголодь. Были случаи, когда вместе с бомбой идешь на толкучий рынок, купишь там копейки на две поганенькой жареной колбасы, кусочек хлеба и этим заморишь червячка, а потом опять на революционную работу...»³. Выделяемые партийными комитетами средства на содер-

---

¹ Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье. С.58-59.

² Борьба и жизнь. Газета Воронежского комитета ПСР. № 1-4. 1907-1908.

³ Фролов Г.Н. Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. 1924. № 1 (8). С.117.

жание профессиональных революционеров были не регулярными, скудными и редко превосходили два десятка рублей в месяц¹. Конечно, это не исключает ряда кардинально отличительных эпизодов. Так часть членов БО ПСР во время подготовки покушения на В.К. Плеве жила под именем семейства богатого английского коммерсанта, что позволяло им, и, в первую очередь, Б.В. Савинкову, соответствовать самым высоким меркам благосостояния. Один из руководителей ПСР, критически относившийся к деятельности БО, М.А. Натансон заявлял, что «некоторые члены Боевой организации тратили на себя 400 и даже 500 рублей в месяц, а средний боевик тратил лишь около 60-70 рублей»². В первом случае, он явно имел в виду Савинкова и самого Азефа, а слово «лишь» употребил, отмечая разницу в расходах, хотя стоит отметить, что 60-70 руб. в начале XX в. были вполне приличными доходами. Известно, что БО ПСР в 1904-1906 гг. в финансировании деятельности ограничений не имела. И все-таки, абсолютная часть боевиков жила в нужде, впроголодь, буквально вымаливая деньги у комитетов. Особенно это касается членов нижнего звена террористических подразделений, губернского и уездного уровня. Известный воронежский боевик эсер Х. Шабанов, выпрашивая у комитета денег для боевой дружины, молил: «Дайте сколько возможно, крайнее положение, живу в Воронеже никуда не выезжаю потому, что нет возможности и все голодаем, возвратим обратно...»³. В похожую ситуацию попали и социал-демократические боевики Иваново-Вознесенска. Ц.С. Зеликсон-Бобровская откровенно пишет, что один из них не отставал от неё «требуя, чтобы ему я дала немного денег из кассы организации, всего рублей 30, так как у них сейчас кризис, но наклеывается дельце, и тогда боевики возвратят эти тридцать рублей с лихвой»⁴. Причиной особой «бережливости» комитетов, кроме скудных финансовых обстоятельств, в определенной мере необходимо признать и требования кон-

---

¹ Зеликсон-Бобровская Ц. Там же. С.156-157; Караваев П.Н. В дооктябрьские годы. М., 1953. С.81. Столичные нелегальные социал-демократы получали «жалованье» в 35 руб. (Крушение царизма: Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 – февраль 1917 гг.). Л., 1986. С.46; Залежский В.Н. На партийном фронте между двумя революциями. Ч. 1. М., Л., 1925. С.70.

² Городницкий Р.А. Боевая организация... С.124.

³ Квасов О.Н. Там же. С.106.

⁴ Зеликсон-Бобровская Ц. Там же. С.151.

спирации, которые не позволяли революционерам выделяться на фоне невзрачной общей массы населения¹.

«Повседневная» жизнь боевиков соответствовала роду их экстремальной деятельности. Смертельная опасность подстерегала их не только во время совершения теракта, но и при его подготовке, транспортировке взрывчатых веществ, изготовлении бомб. Постоянное напряжение вызывали преследования полиции и необходимость соблюдать строгие меры конспирации. В целом, исследователи солидарны, что «существование подавляющей массы боевиков из-за плохого финансирования, злоупотреблений руководителей террора и деятельности полицейских органов было достаточно тяжелым»². Можно согласиться и с мнением, «что большую часть времени действующий террорист был занят выполнением "профессиональных обязанностей", свободного времени обычно было немного. Это был добровольный выбор: в системе ценностей революционеров интересы революционной борьбы стояли значительно выше частной жизни, в том числе отдыха»³.

Обеспечение боевиков необходимым оружием являлось важнейшей частью террористической деятельности как в XIX, так и в начале XX в. Все левые партии этому вопросу уделяли особо повышенное внимание. Оснащение боевиков оружием осуществлялось в рамках планируемой массовой деятельности партий и никакого отдельного финансирования «на террор» не подразумевало. Попытки с взрывчатыми веществами и изготовление ручных бомб также велись не только в рамках обслуживания террористической деятельности, но и в более широких планах массовой вооруженной борьбы. Как исключение можно выделить лишь фантастические планы ПСР и Е. Азефа по строительству подводной лодки и летательного аппарата для совершения террористического акта над императором Ни-

---

¹ О.А. Островская справедливо замечает, что «в каждом конкретном случае образ жизни террористов определялся именно степенью законспирированности группы, а соотношение труда и отдыха – методами ее работы (использованием или неиспользованием метода наружного наблюдения за "жертвой")» (См.: Островская О.А. Досуг в структуре повседневности террористов-эсеров: постановка вопроса // Вестник Пермского ун-та. История. 2013. Вып. 3 (23). С.72).

² Романова Г.В. Борьба подразделений политической полиции Поволжья с революционным террором в 1905-1907 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. С.129.

³ Островская О.А. Там же. С.73.

колаем II¹. Большинство встречающихся мнений о качестве и количестве вооружения революционных боевиков критическое, хотя и имеются редкие оценки обратного. На это влияло малое количество необходимого оружия и несовершенство имеющегося. К примеру, в информационном отчете ко Второму съезду партии (12-15.02.1907 г.) Воронежский комитет ПСР указывал: «В городе боевая дружина из 10 человек. Со смешанной функцией. Имеется типография, паспортное бюро, мимиограф. На счет оружия скверно: 2 бр[аунинга]. 4 смитта [имеется в виду револьверы «Смит и Вессон» – О.К.].»².

Оружейная проблема решалась разнообразными способами: с помощью свободной денежной покупки, путем грабежа государственных или частных учреждений (магазинов, складов, заводов, квартир), самостоятельным изготовлением³. Очевидно, что оснащение оружием дружин было приоритетной проблемой для комитетов. Но, несмотря на многочисленность источников, эта задача ни одной организацией не была решена в такой мере, чтобы удовлетворить не только боевые, но даже террористические требования. Для решения этой задачи при областных и крупных комитетах были организованы военно-технические бюро. Однако не во всех партиях и не при каждой области имелось такое бюро, а в имеющихся, зачастую был очень скудный выбор оружия.

Практика выдачи оружия на руки боевикам себя не оправдала. Приобретенное с большими трудностями оружие без должного ухода приходило в негодность, конфисковалось при обысках, пропадало вместе с отколовшимися боевиками. Поэтому, ряд комитетов еще с 1905 г. стали объединять усилия и формировать общие склады оружия с совместным его использованием или заимствовать по мере необходимости оружие друг у друга. Так, орловские эсеры в 1908 г. по-

---

¹ Морозов К.Н. «Нет веры в револьверы»: эсеровская террористическая техника и планы «авиационного» и «подводного» покушения БО ПСР на Николая II в 1907-1911 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://socialist.memo.ru/firstpub/index.htm>

² РГАСПИ. Ф. 673. Д. 440. Раздел А. Отдел VII. № 7-13.

³ «Приобрести оружие в России до 1906 г. можно было свободно и по вполне доступной цене. Пистолеты "Наган" или "Браунинг" стоили 16-25 рублей, более совершенные "Парабеллум" и "Маузер" – больше 40 рублей. Были дешевые образцы, по 2-5 рублей, правда, они не отличались особым качеством» (См.: Сидоренко Н.С. Политический экстремизм на Урале в начале XX в. // Исторический вестник. М., 2012. Т. 2 (149). С.75).

становили: «... каждая организация отчисляет известный процент с поступающего рубля и устраивает, кроме того, специальные сборы на оружие; закупкой оружия ведает Губернское бюро и приобретенное оружие составляет собственность всех организаций губернии. Оружие для ознакомления рассылается в крестьянские организации по очереди, но употреблять это оружие в дело без ведома Губернского бюро ни одна организация не имеет права»¹. Астраханский комитет РСДРП, со слов активного участника революции В.Н. Залежского, поступил аналогично: «Оружие находилось в ведении организатора боевой дружины и его двух помощников; оно раздавалось дружинникам или во время учебы, или в случае какого-либо действия. Благодаря этому и до меня и во время моей работы не было ни одного случая, ни частных «экссов», ни других видов злоупотребления дружинниками своим положением»². В порядке вещей был обмен и сдача оружия во временное пользование между комитетами как одной партии, так и разных. Столичные социал-демократы получали оружие от пермских боевиков, а киевские анархисты продавали оружие до бомб включительно в центральные губернии России, как эсерам, так и социал-демократам. И такие взаимовыгодные контакты имели широкое распространение.

Основным вооружением боевиков было разного вида огнестрельное оружие. Преимущественно, это были револьверы, браунинги и пистолеты. Особое предпочтение отдавалось многозарядным пистолетам Маузера и парабеллума, но они были большой редкостью. Количественное преимущество имели револьверы «Смит и Вессон», а также наганы³. Кроме этого в партизанской борьбе и крупных столкновениях использовались различных систем ружья, чаще всего нарезного характера. Стремясь увеличить шансы поражения жертв, боевики начи-

---

¹ Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С.108-109.

² Залежский В.Н. На партийном фронте между двумя революциями. Ч. 1. В эпоху реакции (1906-1912 гг.) М., Л., 1925. С.22-23.

³ Летучая боевая дружина ПСР Кирсановского уезда (Тамбовская губ.) в 1906 году была вооружена 4 браунингами, наганом и револьвером «Смит и Вессон» (См.: ГАРФ. Ф. 124. Оп. 44. 1906. Д. 401. Л.7об.). В воронежской боевой дружине РСДРП, состоявшей в октябре 1905 г. из 70-80 человек, «все имели оружие – револьверы самых разнообразных систем» (Шауров И.В. Воспоминания участника первой российской революции. М., 1974. С.50).

нают модернизировать оружие. Массовым становится надрезание крест на крест револьверных пуль, что приводило их к возможному разрыву и смещению траектории пули в теле жертвы. При этом убойная сила значительно уменьшалась, но резко увеличивалась вероятность заражения от ранения. Так, раненный 15 декабря 1905 г. револьверной пулей в грудь тамбовский вице-губернатор Н.Е. Богданович умер от заражения крови 17 декабря. Эксперты сделали вывод, что «извлеченная из тела Богдановича пуля оказалась распиленной на половину продольно с заостренного конца. В основании разреза просверлено насквозь круглое отверстие, наполненное просалкой (смесь сала и воска). По мнению эксперта, такая пуля может быть признана разрывным полуэкспрессом. Пуля не разорвалась, но по пути следования один край ее разреза разогнулся и захватил с собою шерстинки сукна, производшие, по мнению врача-эксперта, гнилостное заражение крови и послужившие причиной смерти»¹. Известное покушение эсерки М. Спиридоновой на Г.Н. Луженовского закончилось нанесением последнему пяти пулевых ранений (16.01.1906). Все пули оказались надрезанными, как объяснила террористка «для того, чтобы они разворачивались»². Промучившись 25 дней в тяжелых страданиях, 10 февраля Луженовский все-таки скончался. Надрезанными пулями были убиты московский градоначальник граф П.П. Шувалов (28.06.1905), командированный для усмирения крестьянских волнений в Саратовскую и Пензенскую губернии генерал-лейтенант В.В. Сахаров (22.11.1905), пензенский полицмейстер Д.Д. Кандауров (26.01.1906), пензенский губернатор С.В. Александровский (25.01.1907) и многие др.

Кроме того, в воспоминаниях террористов и в нескольких случаях дознаний отмечалось, что террористы добавляли яд в разрезы на пулях или предварительно «отмачивали» пули в яде. Однако, как указывали эксперты, никакого практического эффекта это не имело, так как высокие температуры во время выстрела и

---

¹ Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С.132.

² РГВИА. Ф. 801. Оп. 7. Д. 579/5. Отд. 5. 1906. Св. 16. Л.52об.; ГАРФ. Ф. 124 (1905). Оп. 43. Д. 3641. Дело о Кузнецове и М. Котине, осужденных к смертной казни за убийство Тамбовского вице-губернатора Богдановича и о привлечении к дознанию защитника Кальмановича за непризнание законности приговора о них. 17.12.1905-23.05.1906 гг.

при выходе пули из канала ствола уничтожали всякое отравляющее действие ядов. Так, убийца графа А.П. Игнатьева, член Летучего боевого отряда Центральной области ПСР С.Н. Ильинский, сообщил следствию, что пули были отравлены цианистым калием. Выстрелив пять раз из револьвера в жертву, террорист пытался из того же оружия покончить жизнь самоубийством. Однако, ранив себя двумя выстрелами в грудь, он выжил. В своем исследовании К.Н. Морозов делает вывод: «... Можно смело констатировать, что практиковавшиеся террористами разрезы и отравления пуль, похоже, большого практического эффекта не имели. По крайней мере, неизвестен ни один зафиксированный патологоанатомами случай, что смерть жертвы террористического акта наступила в результате отравления»¹. Такое утверждение справедливо только отчасти, и если отравление пули на самом деле не являлось эффективным, то перспективы заражения при распиле пуль значительно повышали вероятность гибели раненной жертвы, и приведенные выше экспертные заключения об этом свидетельствуют. Стоит отметить, что способ такой модификации пуль был разработан еще в английских оружейных мастерских Калькутты (местечко Дум-Дум), применялся в англо-бурской войне 1899-1902 гг. и представлял собой спиливание верхней заостренной части пули, что делало ее останавливающую силу значительно больше, а входные и выходные отверстия более разрушительными. Гаагской конвенцией 1899 г. применять в военном противостоянии «сплющивающиеся» пули типа "дум-дум" было запрещено.

Нередко террористы использовали во время теракта несколько видов оружия. Член Летучего боевого отряда ПСР З.В. Коноплянникова для теракта над командиром лейб-гвардии Семеновского полка генералом Г.А. Мином (13.08.1906), захватила с собой кроме револьвера и бомбу ударного механизма, «чтобы бросить в генерала в случае, если выстрелы из револьвера не достигли бы цели»². Именно такая последовательность использования оружия объяснялась тем, что нападение было осуществлено на вокзальной платформе, где были слу-

---

¹ Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. М., 1998. Глава III. Террор: дискуссии и практика. [Электронный ресурс]. URL:<http://socialist.memo.ru/books/lit/morosov3/index.htm>.

² Извольский А.П. Воспоминания: Пер. с англ. 2-е изд. М., 1989. С.146.

чайные очевидцы и жертв среди которых террористка хотела избежать. Преимущественно террористы сначала кидали бомбы и только затем при необходимости применяли личное оружие.

Повышенное внимание комитеты уделяли снабжению боевые и террористические группы взрывными устройствами. Первоначально, в рамках традиций тираноборчества, орудием революционных террористов являлось исключительно холодное и огнестрельное оружие, а покушение осуществлялось с близкого расстояния при личном контакте с жертвой. Однако уже народовольцы основным средством покушения стали использовать изготовленные в лабораторных условиях взрывные устройства, с помощью которых пытались взрывать инженерные сооружения (железные и городские дороги, здания, мосты). Успешной оказалась акция, при которой самодельная бомба была приведена в действие террористом в непосредственной близости от императора. При этом, несмотря на четырех бомбометальщиков и заминированную дорогу, на месте покушения должен был находиться террорист с кинжалом, обязанностью которого было «кончить дело» если император окажется невредим¹. Как отмечает историк А.Ю. Пелевин, изготовленные ранее членами группы «Свобода или смерть» несколько пудов динамита пошли на подрывы народовольцами железнодорожных путей под Одессой, Александровском и Москвой, и на взрыв С.Н. Халтуриным Зимнего дворца². В этот период была заложена основная технология производства взрывных устройств, которая потом практически не изменилась и во вторую террористическую кампанию. Помимо самостоятельного изготовления в лабораторных условиях нитроглицерина, кислот, селитры и прочих компонентов, проведения слесарных и паяльных работ, народовольческие техники использовали приобретенные разными способами на стороне гремучую ртуть, запалы, бикфордов шнур и пр. После компоновки элементов, бомба представляла собой «две запальные стеклянные трубки, наполненные крепкой серной кислотой и запаянные на обоих концах, с надетыми на них свинцовыми грузилами, обматывались нитями, густо обсыпанными

---

¹ Фигнер В. Н. Софья Перовская (1854-1881) // Журнал «Былое». 1918. № 4-5. С.4-11.

² Пелевин А.Ю. Александр Дмитриевич Михайлов // Вопросы истории. 2011. № 6. С.43-69.

стопином (смесь бертолетовой соли с сахаром и пр.); концы этих нитей закладывались в особый металлический пистон с гремучей ртутью, помещенный в центре снаряда в массе гремучего студня, которым, равно как и динамитом, наполнялись все пустоты снаряда. При переломе стеклянных трубочек от тяжести грузил воспламенялся стопин (от соприкосновения с серной кислотой), и моментально передавал взрыв гремучей ртути, а через него и студню с динамитом»¹. Именно такими взрывными устройствами был смертельно ранен император Александр II. Таким же образом «вторыми первомартовцами» конструировались бомбы для Александра III, однако для большей уверенности в результате, ими были добавлены «отравленные пули»².

Как решалась проблема с взрывными устройствами в партии эсеров, досконально разобрал К.Н. Морозов³. При всем исчерпывающем изложении Морозовым механизма и способов снабжения взрывными устройствами, основное внимание им было уделено центральным органам и подразделениям партии. Удачные покушения на высокопоставленных лиц государства (министра В.К. Плеве, вел. кн. Сергея Александровича, премьер-министра П.А. Столыпина, губернаторов П.А. Слепцова, И.Л. Блока, К.С. Старынкевича, Д.Д. Кобеко) создали моду на террористические акты с помощью бомб. Боевик Н. Комаров отмечал: «На бомбах, как на средстве выполнения акта, остановились по двум причинам: во-первых, как на более верной мере при наличии нескольких бомбометчиков и, во-вторых, – на более эффектно способе, оказывающем большее психологическое воздействие и на противника, и на массы»⁴. Снаряды изготовлялись при многих губернских комитетах, но только некоторые из них смогли достичь высокого качества своей продукции. К примеру, курская лаборатория Е. Чижа изготовила около 100 бомб, переправленных в Москву⁵. Подавляющее большинство таких

---

¹ Прибылев А.В. В динамитной мастерской и карийской политической тюрьма. Л., 1924. С.29-30.

² Мелехин В.В. Кубанский народоволец Пахомий Иванович Андреюшкин // Вопросы истории. 2013. № 3. С.138.

³ Морозов К.Н. Там же.

⁴ Комаров Н. Комаров Н. Очерки по истории местных и областных боевых организаций ПСР // Каторга и ссылка. 1926. № 4 (25). С.67.

⁵ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 190. Л.17об.

устройств представляли собой металлические конусы, заполненные смесью серы, селитры, пороха, чугуна и кусков железа. В действие приводились фитильным или запальным способом. Качество большинства взрывных устройств было низкое, мощность взрыва неопределенная, хрупкость и взрывоопасность высокая, чему подтверждением является большое количество «самоподрывов», случайных взрывов и наоборот, неудачные взрывы или отсутствие таковых при покушениях¹. Эсерка В. Попова отмечала, что «успех взрыва зависел от тщательного оборудования запала»². Еще более простые устройства собирались при уездных комитетах, мелких партийных ячейках, в крестьянских братствах. Основа их производства преимущественно стояла на привозимых сезонными рабочими шахтерских пороховых патронах или динамитных шашках, которыми заполняли вперемешку с кусками металла стеклянную емкость. Взрывы начиненных порохом бутылок, прямой угрозы жизни не представляли и материального ущерба фактически не несли, но эффективность воздействия таких взрывов в предупредительных или демонстративных целях была достаточно высокой. Так, из всего количества революционных покушений в Центральном Черноземье за 1901-1911 гг., 21 теракт был осуществлен с использованием взрывных устройств, при этом ни одно из этих покушений не привело к гибели или тяжелому ранению жертвы³. Во вторую террористическую кампанию в Европейской России нами зафиксировано более 70 случаев использования взрывных устройств в ходе терактов, в результате чего оказалось 39 погибших и более 70 раненых⁴. При этом в СМИ покушения со взрывами фиксировались как «бомбовые», часто без уточняющих деталей. Замечание Н. Комарова о необходимости использовать несколько бомбистов имеет важное значение, которое показывает насколько ненадежными были кустарные революционные бомбы. Необходимо обратить внимание на то, что количество

---

¹ Наиболее известными самоподрывами стали гибель члена БО ПСР А.Д. Покотилова (14.04.1904) и руководителя Петербургского отдела БО ПСР М.И. Швейцера (26.02.1905).

² Попова В. Динамитные мастерские 1906-1907 гг. и провокатор Азеф // Женщины-террористки в России. Ростов н/Д., 1996. С.180.

³ Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье. С.177.

⁴ Необходимо учесть, что во время взрыва дачи П.А. Столыпина на Аптекарском острове (14.10.1906) погибло 27 и было ранено 32 человека.

жертв от взрывов относительно всего числа террористических жертв очень незначительное. Статистика указывает, что боевого значения в губернских организациях из-за технических и технологических несовершенств эти снаряды не имели, но террористическое аффективное значение было большое. Кроме того, способность осуществить покушение с использованием взрывного устройства, а тем более наличие таковых в арсенале, значительно увеличивало статусное значение и авторитет организации.

Совсем другого уровня производства достигли специально созданные химические лаборатории при военно-технических бюро и крупных комитетах. Именно в них наблюдались успехи террористических химиков и технологов. Такие лаборатории первоначально создавались за границей, в Финляндии, позже в большом количестве по всей империи. В покушениях 1902-1905 гг. БО ПСР использовала «магнезиальный динамит, приближающийся по силе к гремучему студню, наиболее сильному из нитроглицериновых препаратов»¹. С 1906 г. в революционных комитетах стали выделять технические отделы, на которые и возлагались задачи производства бомб, либо при помощи компоновки, либо более сложным самостоятельным производством взрывчатых веществ. Наиболее крупные производства по изготовлению бомб наладили социал-демократические ЮВТБ, Военно-техническое бюро при Московском комитете (ВТБ), Боевая техническая группа при ЦК (БТГ). В последнем подразделение под руководством Л.Б. Красина, Ю.А. Грожана и М.П. Скосаревского освоили производство особо мощного кизельгурного динамита, которым делились с эсерами и максималистами. Такие лаборатории изготавливали безоболочные взрывные устройства большой мощности. Заряд максималистов разрушивший дачу Столыпина, помещался в трех портфелях по 6-6,5 кг весом². Устройства разорвавшие на части кареты министра В.К. Плеве, вел. кн. Сергея Александровича, самарского губернатора И.Л. Блока находились в ёмкостях цилиндрической формы размером 20x30 см и весом

---

¹ Морозов К.Н. Там же.

² Взрыв на Аптекарском острове: Дело Климовой и Терентьевой о покушении на Столыпина // Журнал «Былое». Пг. 1917. № 5-6. С.221-225; Григорович Е. Зарницы: Наброски из революционного движения 1905-1907 гг. Л., 1925. С.44-61.

около 5 кг. В зависимости от обстоятельств покушения заряд мог быть от 2 до 5 кг весом. Так, В. Попова прямо указывает, что «количество динамита, употреблявшегося нами, также зависело от обстановки покушения, например, на снаряд для Дубасова я употребила не менее пяти кило»¹. Революционные химики активно экспериментировали с компонентами и формами бомб. Нет ничего удивительного, что атмосфера страха созданная терактами, приводила к фантастическим домыслам, газетами и публицистами распространяемым: «...видно, бомбы, брошенные революционерами в переднюю Столыпинской дачи, обладали, кроме своей страшной разрушительной силы, еще также свойством смертельной отравы. Все даже легко раненые умирают "от заражения крови"»². Кроме самостоятельно изготавливаемого динамита, взрывчатые вещества и их составляющие поступали из-за границы и Финляндии, и поток этот в начале революции был очень существенным. Можно заключить, что недостатка во взрывчатых веществах террористические подразделения центрального и областного звена не испытывали.

Кроме обмена боевым опытом между боевиками, осуществлялся обмен и техническими новшествами. Так большевикам удалось перенять у балканских боевиков процесс простого, но продуктивного изготовления ручных гранат, которые затем получили название «македонки». Член БТГ Н.Е. Буренин в своих воспоминаниях отмечал: «В Македонии участники национально-освободительной борьбы против турецких поработителей применяли ручные бомбы особого типа. Узнав об этом, Петербургский комитет РСДРП направил в Македонию одного из наших химиков – Скосаревского ("Омегу"). Предварительно Скосаревский заехал в Женеву, где получил нужные адреса. Из Македонии "Омега" привез образцы и чертежи бомб. Красин внес в конструкцию бомб некоторые усовершенствования, и производство "македонок" стало быстро налаживаться в наших конспиративных мастерских и лабораториях»³. Севастопольские боевые технологи эсеров, после поездки за границу, предложили прикреплять к бомбам деревянные ручки, чем

---

¹ Попова В. Динамитные мастерские 1906-1907 гг. и провокатор Азеф // Там же. С.180.

² Булацель П.Ф. Борьба за правду / Сост., предисл., комментарии Д.И. Стогова / Отв. ред. О.А. Платонова. М., 2010. С.110.

³ Буренин Н.Е. Памятные годы. Л., 1967. [Электронный ресурс]. URL:<http://rutracker.org>.

придали им более удобную форму для метания. Лаборатория ЮВТБ, находившаяся в Ростове-на-Дону, производила такие гранаты в зависимости от мощности трех видов, причем гранаты третьего вида предназначались для террористических покушений и делались по индивидуальному заказу. Производство этой лаборатории было поставлено на поток, осуществлялся анкетный анализ «потребительского спроса», а качество продукции превосходило военно-промышленные аналоги¹. Всего лаборатория произвела порядка 200 высокого качества взрывных устройств. Газетные сообщения 1905-1907 гг. пестрят сведениями об обнаруженных во время обысков бомбах и взрывных устройствах, иногда такие находки исчислялись десятками, однако более точные сведения о мощности или типе устройств в таких сообщениях отсутствуют.

Стоит заметить, что в газетах упоминались несколько случаев использования «бомб-сюрпризов». «Воронежский телеграф» 3 июля 1907 г. писал: «Недавно назначенный в Курске новый начальник служб движения Московско-Киево-Воронежской железной дороги г. Проскураков ежедневно засыпается угрожающими письмами. 22 июня Проскураков получил посылку, которая сразу показалась ему подозрительной. Посылка, ввиду этого, была вскрыта с величайшей осторожностью, и там оказалась адская машина. Таким образом, план не удался. В настоящее время к охране г. Проскуракова приняты чрезвычайные меры»². Похожий случай в 1905 г. отмечает в Санкт-Петербурге историк Г.З. Головков: «26 декабря неизвестный посыльный передал дежурному надзирателю в управление 3-го участка Литейной части пакет на имя пристава участка подполковника Туцевича. Последнему пакет показался подозрительным, и его отправили на исследование в электротехническую школу. Внутри пакета были обнаружены взрывчатые вещества, которые могли взорваться при вскрытии»³. Трагически закончился другой случай с посылкой такого взрывного устройства в 1909 г. в Екатеринбурге:

---

¹ Ростов Н.М. Южное Военно-техническое бюро при ЦК РСДРП // Каторга и ссылка. 1926. № 1. С.93-108.

² Цит. по Мыциков В.В. Из истории жандармского полицейского надзора на ЮВЖД // Российская цивилизация: история и современность. Межвуз. сб. науч. ст. Воронеж, 1998. Вып. 1. С.139.

³ Цит. по Головков Г.З. Бунт по-русски. С.496.

«Накануне праздника население Верхне-Уфалейского завода было взволновано убийством всеми любимого зрителя завода В.И. Плясунова. Часов в 6 вечера к квартире Плясунова подъехали каких-то два субъекта, из которых один через вышедшую на звонок горничную передал какой-то сверток. Плясунов и все семейство в это время пили чай в столовой. Получив посылку, Плясунов положил ее на колени и стал вскрывать. Рядом с ним стоял его семилетний сын. Не успел зритель открыть крышки, как раздался страшный взрыв. Зрителя и мальчика отбросило далеко в сторону. Комната наполнилась дымом. Раздался крик детей и истерические рыдания матери. Обстановка комнаты, двери и окна – все разбито на мелкие части. Сам Плясунов оказался в другой комнате без малейших признаков жизни. Раненый сын ослеп. В соседней комнате осколками снаряда ранены дочь и жена Плясунова. Все раненые доставлены в больницу. Преступники до сих пор не обнаружены»¹.

Характерно, что в революционной печати и воспоминаниях о конструировании таких устройств не упоминается. По всей видимости, даже оголённая отчаянной борьбой революционная мораль воспринимала эти эпизоды как недопустимые.

Кроме того, что взрывные устройства и бомбы требовали осторожного с ними обращения, необходимы были и особые навыки при их бросании. В зависимости от типа устройства, его начинки и запала, бомбы металась по-разному. При покушении на В.К. Плеве и вел. кн. Сергея Александровича бомбы были брошены внутрь карет. Жертвы покушений были разорваны на части, а приблизившиеся к каретам на близкое расстояние террористы только контужены. Бомбы же, брошенные в московского генерал-губернатора С.К. Гершельмана и воронежского губернатора М.М. Бибикова взорвались рядом с экипажами. В итоге обе террористки, А.А. Севастьянова и М.М. Федорова, оказались тяжело ранеными, а губернаторы и сопровождавшие их лица получили незначительные травмы. Имелись случаи, когда бомбы не взрывались из-за того, что падали не на твердую поверхность, а в мягкий снег или коснувшись препятствия, теряли силу удара. Тем самым, капсула с кислотой, являвшаяся запалом, не разбивалась и взрывной реак-

---

¹ Голос Москвы. 08 (21) января 1909 г.

ции не происходило. Таким образом, даже удачно подготовленная акция и наличие бомб далеко не гарантировали успеха покушения.

Постоянные закупки революционными партиями разнообразного оружия и комплектующих деталей осуществлялись за границей по всей Европе. Препятствий в этом или даже значительных затруднений практически не вызывало никаких. Попытки российского правительства дипломатическим путем воспрепятствовать приобретению оружия революционными партиями ни к чему не привели. Сложность данной операции для революционеров вызывали транспортировка и распределение оружия по России. Сухопутная европейская граница для перевозки больших объемов оружия была не пригодна, а попытки переправить морским путем сталкивались с труднопреодолимыми препятствиями: необходимостью зафрахтовать корабль, нанять экипаж, незамеченными добраться до российского берега, быстро разгрузиться и спрятать груз. Печальный исход крупной партии оружия на пароходе «Джон Графтон», затонувшем 26 августа 1905 г. в шхерах Финского залива показывает, насколько это были рискованные операции. Неуклюжие действия ДП только лишний раз подчеркивают, что даже при благоприятных обстоятельствах, сложности таких предприятий были очень большие. Кроме того, в 1906 г. в Финском заливе стала крейсировать специальная охранная команда, борющаяся с военной контрабандой, и подчиненная главнокомандующему Петербургским округом.

Специфика же кавказской границы и побережья Черного моря способствовала тому, что здесь неоднократно удавалось переправить и разгрузить мелкие партии оружия. Связано это с тем, что на Черном море имелся обширнейший опыт морских контрабандистов, ранее налаженные пути транспортировки оружия националистами через Турцию, Персию и грузинское побережье, играла роль определенная слабость, повышенная коррупционность и специфика местной власти и полиции. Другим направлением транспортировки было использование разнообразных балканских революционных связей. Оружие доставлялось по суше к Черному морю, где перегружалось на мелкие рыбацкие шхуны, которые и переправляли его уже на российский берег. Пограничные стражи и казачьи разъезды неод-

нократно арестовывали такую контрабанду или пресекали её выгрузку, сколько же оружия благополучно разгрузили трудно подсчитать, однако, только при Батумской лаборатории РСДРП в 1905 г. было собрано 1500 бомб, а в сентябре 1906 г. в отчете батумской Боевой организации РСДРП значилось: «бомбы маленькие – 461, бомбы большие – 12 штук, динамита – 3 пуда, капсюлей – 400, фитиля – 10 аршин, ружей – 21, револьверов – 24, бебут – 1, патронов – 7784»¹. Такой арсенал без помощи из-за границы собрать было просто невозможно. Фактические сведения о доставке оружия по Черному морю носят обрывочный характер². Известно, что на пароходе «Сириус» в ноябре-декабре 1905 г. на восточное побережье была доставлена и, хотя с потерями, но разгружена крупная партия оружия, после чего резко активизировались вооруженные выступления в районе Поти, Озургеты, Сухуми³.

Определенными расходами и важным условием, увеличивающим после теракта шансы спасения террористов от преследования, было обеспечение транспортом. Полезно используя специально для этого приобретенных лихачей, было совершено несколько терактов. Так, после покушения на шефа жандармов Н.В. Мезенцева, боевики скрылись на купленном для этого случая призовом рысаке Варваре (04.08.1878); Л.Ф. Мирский верхом на рысаке, обгоняя и стреляя в окно кареты шефа жандармов, пытался застрелить А.Р. Дрентельна (13.03.1879); проезжая мимо Московского ОО на лихаче, максималисты бросили две бомбы в здание (10.12.1905); позже, боевики «московской оппозиции» на ходу с автомобиля «Форд» пытались расстреливать постовых городских (15.08.1906); во время экспроприации кареты портовой таможни в Фонарном переулке столицы, денежные мешки были брошены в пролетку со специально для этого купленным лихачом (14.10.1906). Во всех перечисленных случаях террористы успевали скрыться не обнаруженными. Кроме того, столичные максималисты в середине 1906 г. приоб-

---

¹ Чулок И.С. Военно-боевая деятельность большевиков в Батуми в годы первой русской революции. Батуми, 1960. С.33,78.

² Каютенко А.С. Воспоминания о погибшей яхте «Зора» // Кандальный звон. 1926. № 3. С.138-160; № 5. С.110-131.

³ Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904-1905 гг.: Секретные операции на суше и на море. М., 2004. С.256-262; Мамулия Г. Как самурай стал союзником Прометея: японо-кавказская смычка в годы Русско-японской войны // Исторический вестник. 2012. № 2. С.122-134.

рели два автомобиля и планировали с них совершить нападение на Зимний дворец¹. Руководитель БО ПСР Е. Азеф, увидев значительные перспективы покушения с использованием транспортного средства, также предложил приобрести автомобиль, но, встретив категорический отпор Б.В. Савинкова, отказался от затеи. Т.о., транспортное обеспечение являлось немаловажной частью теракта, а способы использования транспорта демонстрировали всё большую изобретательность и техническую инновацию террористов.

К важнейшим элементам террористической деятельности относилась необходимость печатного сопровождения теракта. О связи терроризма и средств массовой информации в литературе сказано очень много². Как отмечают исследователи терроризма, теракт «обладает большим символическим значением, несет в себе послание, которое часто адресовано даже не противнику, а широким слоям населения или мировой общественности. Смысл такого послания, как правило, заключается в информировании о ведущейся борьбе и привлечении на свою сторону целевой аудитории»³. Именно СМИ и партийная печать способны общественную значимость политического убийства значительно увеличить, оттенить и расставить определенные акценты события, придать ему необходимую «сюжетность» в «информационном поле»⁴. Поэтому ЦК ПСР упрекало местные комитеты: «... о целом ряде террористических актов и партизанских выступлений сведения в Организационное Бюро поступают лишь случайно и с сильным опозданием,

¹ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты... С.168.

² Дебор Э.Г. Общество спектакля. М., 1999; Хлобустов О.М. СМИ и борьба с терроризмом // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С.176-180; Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М., 2003. С.159-190; Хлобустов О.М. Проблемы информационно-пропагандистского противодействия терроризму // Власть. 2006. № 1. С.44-48; Петухов В.Б. Информационный дискурс терроризма в контексте художественной рефлексии. М., 2007; Квасов О.Н. Террористический дискурс в начале XX и XXI вв. // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С.206-209; Квасов О.Н. Комплекс информационного сопровождения актов революционного терроризма в годы первой российской революции // Общественные науки. Всероссийский научный журнал. 2011. № 3. С.368-374; Квасов О.Н. Российские революционеры в борьбе с представителями правящего дома Романовых и информационно-коммуникативные аспекты революционного терроризма начала XX в. // Четыре века Дома Романовых: Мат. междунар. науч. конф. М., 2013. С.154-168.

³ Федорцов В.А. Негосударственный терроризм как форма политической борьбы. Автореф. дис... канд. полит. наук. М., 2007. С.20.

⁴ Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879-1881 гг. М., 2014. С.41.

вследствие этого они теряют, благодаря отсутствию своевременного освещения и приведения их в связь с боевой тактикой партии с.р., часть своего агитационного значения. Организационное Бюро просит по этому организации своевременно давать сведения как о своей работе и жизни партии на местах, так и о террористической и партизанской борьбе, в частности»¹.

Исходя из пропагандистских и агитационных целей, за годы революционных потрясений был разработан целый комплекс печатного сопровождения терактов, который включал в себя, в первую очередь, общественный призыв к наказанию или насилию. К примеру, тамбовская прокламация 1905 г. прямо указывала: «... Вот имена главных врагов народа, главных виновников насилий над забастовавшими рабочими и учащимися: губернатор фон-дер-Лауниц, вице-губернатор Богданович, полицмейстер Старынкевич, жандармские полковники Семенов и Эрнст. Они достойны смерти. С ними пусть погибнут и вожаки черной сотни Кишкин и Луженовский»². Из перечисленных лиц, Н.Е. Богданович и Г.Н. Луженовский будут смертельно ранены в течение двух месяцев, а В.Ф. Лауниц убит через год, являясь уже столичным градоначальником. При определенных обстоятельствах и росте протестного движения, не требовалось и призыва, достаточно было конкретизировать пример жестокости власти. Общественно обсуждаемым стал случай с известным писателем и публицистом В.Г. Короленко (См.: С.190), которого правая печать клеймила «провокатором». Такую же «подстрекательскую» роль выполнил популярный в Сибири автор песен, романсов и собиратель каторжного фольклора В.Н. Хартвельт, рассказавший в печати о жестокостях и злоупотреблениях начальника Тобольской каторжной тюрьмы И.С. Могилева³. Как отмечал в своих воспоминаниях помощник начальника Тобольского ГЖУ А.М. Поляков: «Ходившие на месте о его жестокостях слухи подтвердились в печати заявлением такого популярного, и, видимо, беспристрастного свидетеля, как

---

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1218. Л.118-119. Извещение ПСР. ЦК. Организационное Бюро. 08.09.1907 г. № 11.

² Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С.132.

³ Начальник Тобольской каторжной тюрьмы И.С. Могилев застрелен в Тобольске 20.04.1909 г. членом Летучего боевого отряда ПСР Н.Д. Шишмаревым.

Гартевельт. На основании этого заявления, как значилось в выпущенных прокламациях Уральской группы партии эсеров и по постановлению последних, Могиланский и был убит, или, как значилось в прокламациях, он был «казнен»¹.

Аналогичная ситуация сложилась с истязателями эсерки Марии Спиридоновой. Получившие, благодаря откровенному письму Спиридоновой и многочисленным печатным статьям, печальную известность подъяесаул П.Ф. Абрамов и помощник пристава Т.С. Жданов, были убиты в ходе терактов (03.04.1906 и 04.05.1906). Общественным мнением эти убийства воспринимались как возмездие и справедливый суд за вопиющую жестокость. Таким же террористическим убийством закончилось «думское натравливание» кадетских депутатов на главного военного прокурора В.П. Павлова². Многочисленные критические замечания о деятельности военных судов в парламентских речах часто сводились к критике личности самого Павлова, который был в итоге застрелен террористом (27.12.1906).

Вторым элементом печатного сопровождения являлось публичное партийное заявление о совершенном акте, описание ряда его фактических подробностей, и указание в меру конспиративной целесообразности, террористического подразделения и имени террориста. Для этого заблаговременно готовился текст, в подпольных типографиях заранее набирались гранки партийных прокламаций, чтобы по результатам теракта сразу выступить с печатным заявлением. Народоволец А.В. Тырков отмечал: «После 1 марта Исполнительный комитет выпустил ряд прокламаций к крестьянам, рабочим, обществу. Было организовано целое бюро, располагавшее грудой адресов, по которым оно рассылало эти прокламации во все концы и закоулки России. В самом Петербурге прокламации расклеивались на улицах: в центральных кварталах – с обращением к обществу, в рабочих – к рабочим»³. Идеальным образцом печатного сопровождения теракта является убийство В.К. Плеве. На смерть одиозного министра в 1904 г. вышло огромное количество эсеровской литературы. «ЦК издал специальный номер "Летучего листка Револю-

¹ Поляков А. Записки жандармского офицера // Жандармы России. СПб., М., 2002. С.517.

² Курлов П.Г. Гибель императорской России: восп. товарища министра внутр. дел. М., 1991. М., 2002. С.82.

³ Тырков А.В. К событиям 1 марта 1881 г. // «Народная воля» и «Черный передел». С.276.

ционной России" и прокламации: "Ко всем рабочим", "15-е июля", "Ко всему русскому крестьянству", "Надгробное слово временщику". "Боевая организация" издала прокламацию "15-е июля 1904 г." и, на французском языке, "Воззвание к гражданам цивилизованного мира". Почти все комитеты и группы издали или свои прокламации, или перепечатали воззвания ЦК и Боевой организации»¹. Кроме того, ЦК ПСР были одновременно или немногим позже изданы: «Событие 15-го июля», «Вячеслав Константинович Фон-Плеве (Обзор двухлетнего царствования)», «Смерть В.К. Фон-Плеве (впечатления и отклики)», «Отзывы иностранной прессы»².

Объем партийной печатной продукции и текста, посвященных теракту, в определенной мере иллюстрирует его «революционное» значение. Так, на теракт в отношении генерал-майора П.В. Полковникова (04.11.1906) вышла информативная, но короткая партийная справка: «Прокламация ПСР. Объявление. 4 ноября 1906 г. казнен в г. Полтаве генерал Полковников за применение им, в бытность временным генерал-губернатором г. Читы, жестоких и репрессивных мер по отношению к деятелям освободительного движения и за пулеметный, без предупреждения из-за угла расстрел солдат Севского полка и артиллеристов в г. Полтаве вблизи арестантских рот 15 июля 1906 г. Товарищ, исполнивший приговор, вне опасности. Летучий отряд Боевой организации»³. А по поводу столичной экспроприации в Фонарном переулке (14.10.1906), сообщение было еще более короткое.

В меру необходимости и в прямой связи с реакцией на теракт, выходили последующие партийные прокламации объясняющие содеянное. В зависимости от аудитории, общественный акцент теракта в прокламации мог значительно варьироваться. В листовке для крестьянской массы в большей мере обращалось внимание на жестокость и несправедливость власти, для пролетарских слоёв – на неотвратимость возмездия, сплоченность революционных рядов и героизм террориста, для интеллигенции и иностранной публики живописалась закономерность террористического насилия при невозможности иных мер политической борьбы. Даже

¹ Спиридович А.И. ПСР и ее предшественники... С.143.

² РГАСПИ. Ф. 673. Д. 438. Харьковский комитет ПСР. Архив ПСР. Л.1-22.

³ Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Вып. 2. Томск, 1909. Приложение. С.9.

в случае самочинных, без одобрения комитетов, организованных действий, боевики предпочитали оставлять сведения о причинах своих акций, тем самым, информируя общественность и, как бы перекладывая, вопреки его воле, политическую ответственность на комитет. Эмоциональные, безграмотно написанные, с незамысловатым текстом записки фиксировали политические причины экспроприаций или убийств. Независимые СМИ, газеты либерального направления иногда также использовались для передачи официальных заявлений: «Московский комитет партии с.-р. обратился в редакцию газеты «Путь» с заявлением, что к ограблению московского купеческого общества взаимного кредита социал-революционная партия никакого отношения не имеет, и что к экспроприации частного и общественного имущества упомянутая партия относится отрицательно»¹.

Газеты могли использоваться революционной оппозицией и в других целях. Так либеральная газета «Речь» первой опубликовала известное письмо М. Спиридоновой, которое потом перепечатали ряд изданий. В конце 1907 г. в «Русских ведомостях» было помещено письмо: «В заседании военно-окружного суда, происходившего в Орле 17-го ноября 1907 г. приговорен к смертной казни Краснощек, за убийство жандармского ротмистра Аргамакова в Брянске². Мы, политические заключенные, долго находясь с Краснощekom вместе в тюрьме, как через интимные разговоры с ним, так и другими путями были осведомлены об обстоятельствах этого дела и в настоящем письме констатируем и категорически заверяем факт происшедшей судебной ошибки. Краснощек не только не участвовал в самом убийстве, но ни прямо, ни косвенно не был к нему прикосновенен. Даже местным комитетом (брянским) соц. рев. был заверен факт убийства членом этой организации, который после этого скрылся. Обстоятельство это было сообщено суду защитником г. Рейнгардтом и занесено в протокол. Находясь под гнетущим чувством совершившейся судебной ошибки, мы обращаемся к вам, господин редактор, в надежде, что вы найдете возможным осветить это дело в печати, чем,

---

¹ Речь (СПб.). 31 марта (13 апреля) 1906 г. Имеется в виду грабеж максималистами банка на 875 тыс. руб. (07.03.1906).

² Начальник ЖПУ Московско-Киево-Воронежской железной дороги жандармский ротмистр Аргамаков был убит 26 марта 1907 г. в Брянске.

может быть, дадите толчок к другому его направлению. Еще предстоит в промежуток времени до 25-го – 26-го ноября конфирмация приговора»¹. Письмо было написано в день суда, имело 50 подписей, но, несмотря на это коллективное письмо и личное обращение Е. Краснощека в Государственную думу по поводу несправедливого приговора, он был 5 января 1908 г. повешен².

В 1906 г. с резким ростом экспроприаций и количества жертв от революционного насилия, у комитетов возникла необходимость объяснять общественности непричастность революционных партий к наиболее жестоким и вопиющим фактам революционного или псевдореволюционного экстремизма. Текст извещений в таком случае был предельно коротким. Курский комитет ПСР в марте 1907 г. сообщал общественности: «В виду циркулирующих по городу слухов о том, что экспроприация на Милентьевской улице совершена ПСР, Курский комитет ПСР заявляет: что означенная экспроприация никакого отношения к ПСР не имеет и лица ее совершившие членами ПСР не состоят»³. Батумскому комитету РСДРП в период 1906-1908 гг. пришлось издавать не менее пяти извещений о непричастности к грабежам и с критикой анархистов⁴. Подчас такого заявления требовала революционная конъюнктура. Так, ЦК ПСР отрекся от убийства Г. Гапона. Партийное заявление ПСР было сделано и после взрыва максималистами премьерской дачи на Аптекарьском острове (12.08.1906), в ходе которого было огромное число погибших: «1) ... ни "Боевая Организация" партии, ни какой либо из других ее боевых отрядов никакого отношения к этому делу не имеет, и 2) что способ совершения этого акта (взрыв в квартире в часы приема посетителей) совершенно противоречит тем принципам, которые партия считала и считает для

---

¹ Малиновский И.А. Там же. С.68-69.

² ГАРФ. Ф. 124. Оп. 45. Д. 2009. Дело о Ф. Краснощеком и Климове, привлекавшихся к дознанию за убийство нач. Московско-Киево-Воронежской ж.д. и хранение взрыв. веществ в г. Брянске. 02.04.-12.06.1907. 35 л.; ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 4958. Л.1-8.

³ Имеется в виду ограбление максималистами в Курске кареты губернского казначейства (10.03.1907). В ходе экспроприации был убит один из счетчиков казначейства, другой ранен, похищено 2,5 тыс. руб. В ходе преследования было арестовано шесть боевиков (См.: ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д.168. Л.54).

⁴ Чулок И.С. Очерки истории батумской коммунистической организации (1890-1921 гг.). Батуми, 1970. С.224.

себя морально и политически обязательными»¹. По поводу убийства начальника Петербургской охранки С.Г. Карпова агентом А.А. Петровым (19.12.1909), эсеры выпустили несколько разъясняющих ситуацию печатных изданий². Позже ЦК опубликовал заявление о своей непричастности и к убийству премьера П.А. Столыпина³. Данные примеры показывают, что террор, приобретя особое дискурсивное поле, стал важным компонентом общественной жизни России. Причем первоначальная семантика, смысловое значение этого феномена имело в большей степени положительные характеристики, за которые партиям, по мере «деформации» и криминализации террора, приходилось бороться.

Стараясь оправдаться в общественных глазах, комитеты даже выпускали отдельные объемные прокламации, где вступали в софистские рассуждения о террористических жертвах. В народовольческой прокламации по поводу гибели солдат Финляндского полка во время взрыва Зимнего дворца (05.02.1880), глубокомысленно замечалось: «С глубоким прискорбием смотрим мы на гибель несчастных солдат царского караула, этих подневольных хранителей венчанного злодея. Но... пока армия будет оплотом царского произвола, пока она не поймет, что в интересах родины ее священный долг стать за народ против царя, такие трагические столкновения неизбежны»⁴. А севастопольскому комитету ПСР вслед неудачному покушению на генерала В.С. Неплюева (14.05.1906), во время которого погибло много невинных людей, пришлось выпускать отдельную листовку, где прямо говорилось: «... Наше кровавое правительство старается всех убедить, что революционеры опасны не только ему и его верным холопам, но что они угрожают всему обществу, и лицемерно печалится о пострадавших в Севастополе при покушении на Неплюева и на Столыпинской даче. Но в печальном случае 14-го мая повинны охранители Неплюева: они схватили нашего товарища в толпе, сжали ему горло и ударили по рукам, – он, изнемогая в борьбе с околоточными и сыщиками выронил бомбу, и так охранники ценой многих жизней спасли гнусную

¹ Солдатская газета. № 2. 1906. С.14.

² К убийству полковника Карпова // Знамя труда. № 25. 1909. Отдельный оттиск; Записки А.А. Петрова: (К истории взрыва на Астраханской улице). Париж, 1910.

³ Знамя труда. Центральный орган ПСР. № 38. 1911 г.

⁴ Революционное народничество 70-х годов XIX в. М.; Л., 1965. Т. II. 1876-1882 гг. С.223-224.

жизнь Неплюеву. На Столыпинской же даче из массы пострадавших, невинных мирных граждан было три-четыре, остальные же: сыщики, чины охранного отделения и помощники Столыпина из генералов. Но если даже и признать эти два печальные факта где были лишние жертвы, то ведь их всего-то два, хотя правительство не поскупилось бы конечно перечислить больше, если бы можно...»¹.

Третьим элементом террористического комплекса была обширная литература, возвеличивающая поступок и самопожертвование боевика. Исследователь эсеровской печати М.В. Федоров указывает: «Поскольку непосредственные исполнители теракта почти всегда погибали на месте его проведения или на эшафоте, вокруг их имен создавался ореол жертвенности, высокой чистоты и нравственности»². Для этого использовались как приёмы освоенные народовольцами, в виде описаний казни революционеров, публикаций судебных речей террористов или отдельных эпизодов судебных процессов, так и новые жанры в форме предсмертных писем или писем-завещаний террористов партийным товарищам и родным³. Среди таких агитационных материалов наибольшей известностью пользовались: письмо С. Перовской матери⁴, эсеровские прокламации «Жизнь рабочего-революционера Фомы Качуры, описанная им самим» и его же «Письма рабочего-героя к товарищам и крестьянам», письмо С. Балмашева к родителям, письмо к товарищам и последние письма И. Каляева, «мученическое» письмо М. Спиридоновой, письмо к родителям Б. Вноровского, письмо крестьянам М. Федоровой и др.⁵. Некоторые письма из тюрем родным писались с пониманием их возможной

¹ «Ко всем гражданам». Листовка Севастопольского Комитета ПСР. Сентябрь 1906 г. // ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 385. Л.557.

² Федоров М.В. Эсеровская печать 1900-1928 гг.: Учебное пособие. СПб., 2005. С.13.

³ Последние слова казненных [А.А. Квятковского, А.И. Желябова, И.И. Кибальчича, С.Л. Перовской, Н.Е. Суханова, Н.Н. Мышкина, А.И. Ульянова, Н.Л. Зотова, А.Л. Гаусмана, Л.М. Коган-Бернштейна, С.В. Балмашова, И.П. Каляева]. СПб., 1906.

⁴ Таратута Е.А. Подпольная Россия. Судьба книги С.М. Степняка-Кравчинского. М., 1967. С.175; Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866-1904 гг. Тула, 2000. С.215.

⁵ Письмо Степана Балмашева родителям // Революционная Россия. № 7-8. Июнь 1902 г.; Письмо к товарищам (И. Каляев) // Революционная Россия. № 66. Май 1905 г. С.1; Последние письма Каляева // Революционная Россия. № 68. Июнь 1905 г. С.1; Русь. № 27. 12/25.02.1906 г.; Молва. № 17. 21.03.1906 г.; «Письмо товарища Спиридоновой, убивший по постановлению Тамбовского комитета П.С.-Р. Луженовского». Типография Московского Комитета. Февраль 1906 г. (Тираж 3000); Вноровский Б. Предсмертное письмо к родным // Ист.-рев. сб. «Былое». Париж, 1908. № 9-10. С.5; Памяти Марии Матвеевны Федоровой // Знамя труда. № 28-29. 1908.

дальнейшей публикации. В свою очередь, имея такой материал, комитеты старались его обязательно опубликовать в виде отдельных прокламаций или статей в партийных газетах. При необходимости партийные редакторы рукописные источники подвергали необходимой корректуре, однако старались сохранить насколько это возможно полнее первоисточник¹. Поэтому трудно принять сарказм А.И. Спиридовича, утверждавшего: «Сколько таких писем и речей казненных революционеров, которых они никогда не писали и не произносили, выдаются за подлинные»². Таким образом, аффективное содержание акта имело огромное значение и реализовывалось не только фактом смерти террориста, но и подчеркиванием его человеческого облика – доброго сына или дочери, заботливого отца или матери, нежно любимого или любимой. Целенаправленно конструировался мифологический, «общественный» образ террориста, образ который во многом определял отношение к революционному террору и формировал общественную поддержку террористов³.

В разгар революции появляются, наряду с многочисленными портретами революционных идеологов, фотокарточки террористов. Причем комитетами фотографии активно и в большом количестве продавались, что было не только популяризацией партийных идей и символов, но и партийным доходом⁴. Подрастающее поколение использовали эти фотографии в виде книжных закладок, а в крестьянских избах встречались они и в красных углах, рядом с иконами. Так, участник революционных событий К.В. Островитянов отмечал: «Я помню какое огромное впечатление тогда произвело дело Спиридоновой на нас, учащуюся молодежь. По рукам ходили в большом количестве её портреты, с них смотрела де-

---

С.21; Прокламация Воронежского комитета ПСР «Памяти М.М. Федоровой» (июль 1908), с приложением посмертного обращения М. Федоровой к крестьянам // ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 296. Л.18.

¹ Так, эсер Ф. Качура, покушавшийся на харьковского губернатора И.М. Оболенского (29.07.1902), на допросах утверждал, что его прощальные письма «были либо написаны, либо продиктованы Г.А. Гершуни» (См.: Леонов М.И. «Дело Оболенского» (Боевая организация и террористы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С.33).

² Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С.122.

³ Баранов А.С. Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX в. (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С.181-191.

⁴ В финансовых отчетах партийных комитетов эта статья доходов обычно обозначалась «от продажи карточек и открыток». См.: РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 20. Л.4-5.

вушка с пышными темными волосами, расчесанными на прямой пробор, и с упрямым взглядом серых глаз, в которых светились воля и убежденность, доходящая до фанатизма»¹.

Четвертым элементов печатного сопровождения было отмечание юбилейных дат наиболее известных терактов. Это создавало возможность напомнить о партийных заслугах, в очередной раз активизировать фактор террористического участия для политических противников, отметить тяжелую каторжную или тюремную участь революционеров. Классическим образцом этого являются ежегодно выходившие в эсеровской печати статьи, посвященные покушению на В.К. Плеве. Резко увеличилось количество этой литературы после жертвенного самоубийства на Зерентуйской каторге в 1910 г. убийцы Плеве террориста Е.С. Сазонова.

При наличии всех звеньев печатного сопровождения, не только центральный акт, но даже теракт провинциального масштаба мог приобрести общероссийскую значимость и стать важным фактором политического процесса на долгие годы. Классическим примером этого стал теракт эсерки Марии Спиридоновой над губернским советником Г.Н. Луженовским. Во многом полнота печатного комплекса зависела от практического воплощения акта, его результативности, нюансов, личности и поведения террориста после покушения. Сам по себе теракт является попыткой оказать субъективное влияние на политику правительства и ход политического процесса, соответственно этому, даже малая деталь, подчас не связанная с самим терактом, могла повлиять на общественную реакцию. Еврейская национальность террориста могла стать поводом к погрому, что и происходило неоднократно²; беременность приговоренной террористки вызвать глубокое сострадание и жалость к революционерам, а издевательства при аресте, тем более

---

¹ Островитянов К.В. Думы о прошлом (Из истории первой российской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве). М., 1967. С.14,19.

² А. Киржниц так описывал схематизм начала еврейских погромов: «...к месту митинга или встречу революционной демонстрации полицией направлялась манифестация "патриотов" с портретом царя, хоругвями и т.п.; кто-либо из "революционеров", чаще всего "еврей", бросал бомбу в "патриотическую" манифестацию, стрелял в царский портрет или осквернял "священную" хоругвь; это, разумеется, возмущало "русских людей", и они с дубинами и револьверами набрасывались на безоружную демонстрацию или митинг, и начинался кровавый погром». (Киржниц А. Рабоче-крестьянские массы в борьбе с погромами в 1905 г. М., 1930. С.16-17).

самосуд – ненависть ко всему режиму, что и было по отношению к народоволке Г. Гельфман, эсеркам А. Венедиктовой, М. Спиридоновой, Е. Измайлович. Сам женский облик самоотверженных террористок потрясал патриархальное сознание обывателей. Вот как один из эсеров описывал реакцию на теракт Спиридоновой: «Помню еще, как один из них (арестант-матрос Пензенской тюрьмы – К.О.) с большим чувством показал мне карточку Марии Спиридоновой, которая на шумела тогда не столько тем, что убила за истязания крестьян Пензенской губернии при подавлении аграрного движения Луженовского, сколько тем, что над нею издевались и мучили при аресте. "Она святая, я молюсь на нее, – с волнением в голосе сказал мне матрос, – вот это настоящая революционерка"»¹.

Смещая смысловое поле теракта с объекта преступления на фигуру боевика, комитеты активно эксплуатировали такие качества террористов как личная храбрость, их идейность, молодость, женский облик, товарищеская взаимовыручка и пр. Тем самым теракт, при необходимости и желании, мог становиться частью большого мифологического сюжета отдельной террористической драмы. Так, в условиях нарастающего политического кризиса и подъема рабочего движения, эсерами целенаправленно отмечалось пролетарское происхождение Ф.К. Качуры, члена Боевой организации эсеров, совершившего покушение на харьковского губернатора князя И.М. Оболенского (29.07.1902)². При этом руководитель Боевой организации Г. Гершуни особо выделял его личную инициативность и настойчивость в террористической деятельности, характеризуя ее словами: «Ясно стало, что у рабочих начинает накапливаться настроение, с которым шутить нельзя»³. Такое акцентированное внимание на социальном происхождении террориста, должно было провоцировать агрессивные действия рабочих, подталкивать их к наиболее экстремистским формам протестов.

¹ Залежский В.Н. На партийном фронте между двумя революциями. Ч. 1. В эпоху реакции (1906-1912 гг.) М., Л., 1925. С.14.

² Жизнь рабочего-революционера Фомы Качуры, описанная им самим // Революционная Россия. № 11. Сентябрь 1902 г.; Два письма рабочего-революционера // Революционная Россия. № 10. Август 1902 г.

³ Гершуни Г. Из недавнего прошлого. М., 1917. С.73.

Мифологизация личности боевика позволяла предложить обществу террориста «способного не только устрашать, но и быть привлекательным»¹. Образ террориста «оправданного» и «канонизированного» настолько глубоко проник в общественное и политическое сознание, что даже после 1917 г. во многих городах СССР имелись улицы с памятными именами как местных, так и общероссийских террористов, в том числе членов партий-противников Советской власти². Партийная агиография особенно была распространена у анархистских и неонароднических организаций. Историк М.В. Федоров, характеризуя содержание одного из центральных органов партии, отмечает: «Как и все эсеровские газеты, "Знамя труда" постоянно прославляло героев-террористов. Редкий номер обходился без статьи, посвященной тому или иному боевику. Б.В. Савинков вел раздел "Революционные силуэты", где публиковались воспоминания о членах Боевой организации Доре Бриллиант и Максимилиане Швейцере и др. Несколько корреспонденций были посвящены памяти Г.А. Гершуни и его похоронам...»³. Анархистские организации также имели обыкновение издавать обширные посмертные биографии известных своих боевиков. Так, были изданы некрологи о Н. Фарбере, А. Гелинкере, П. Гольмане, М. Шпиндлере, Ф. Зубаре. При этом партийный образ террориста рисовался по определенному сценарию, конструктивными разделами которого были «личный портрет террориста», «партийный путь», «арест, тюрьма, судебный процесс» и «достойное поведение во время казни». Данная сюжетная линия преимущественно соблюдалась всегда с акцентированием того или иного момента. Так, возвеличивая личность И.П. Каляева, убившего вел. кн. Сергея Александровича (04.02.1905), эсеры издали в виде отдельных листовок, прокламаций, брошюр или статей в партийных газетах, следующие сюжеты из его жизни: «Письмо к товарищам И. Каляева», «Речь Каляева», «Отчет о заседании суда», «Речь защитников Мандельштама и В.А. Жданова», «Последние письма Каляева», «И. Каляев и великая княгиня», «Последний день Каляева», «Последние

---

¹ Баранов А.С. Там же. С.181.

² К примеру, только в Москве в честь И. Каляева были названы три улицы и площадь в Кремле.

³ Федоров М.В. Там же. С.33.

минуты Каляева», «Смерть Каляева» и многочисленные воспоминания о нем¹. Зачастую этическая реабилитация и восхваление политических убийц аргументировались широко декларируемым самопожертвованием боевиков. Поэтому не только для единопартийцев, но и всех революционеров стал неожиданным и двусмысленным поступок Каляева, принявшего в тюрьме не только прощение в смертельном грехе, но и Евангелие из рук Елизаветы Федоровны, вдовы великого князя. Сама княгиня, по всей видимости, хорошо понимала общественный и символический смысл своего посещения тюрьмы и не препятствовала его разглашению. По крайней мере, еще в 1902 г. в письме к Николаю II, говоря о террористах, она прямо указывала: «Необходимо сделать всё, чтобы не допустить превращения их в героев»². Своим поступком вел. кн. Елизавета Федоровна как бы приняла на себя ореол жертвенности, оставив Каляева каяться в своем преступлении и замалчивать грех, что вынудит как преступника, так и партию отдельно комментировать сложившуюся ситуацию и пытаться предложить иную интерпретацию события — Каляеву безуспешно добиваться повторной встречи с княгиней, а партии настаивать на отсутствии раскаяния у террориста, его снисхождении по отношению к княгине и искажении реальных фактов её посещения³.

Террористы понимали свою не только боевую, но и пропагандистскую роль и старались ее выполнить с подобающим рвением. Жертвенная смерть террориста во время покушения или последующая его казнь были востребованы Революцией, поэтому значительное число террористов благосклонно принимали возможную

¹ РГАСПИ. Ф. 673. Архив ПСР. Раздел А, Отдел VII, № 3. Д. 437. Прокламация. Издание Полтавского комитета ПСР. 30 мая 1905 г.; Революционная Россия. № 66. 05.05.1905 г.; Журнал «Былое». № 5. Май 1906 г. С. 186-190; Революционная Россия. № 68. Июнь 1905 г.; Революционная Россия. № 67. 15.05.1905 г.; Иван Платонович Каляев. [Б.м.], 1905; Колосов А. Смерть Плеве и великого князя Сергея Александровича. Berlin, 1905; Дело Ивана Каляева. СПб., 1906; Ист.-рев. сб. «Былое». № 7. 1908 г. С.44-49; Савинков Б.В. Из воспоминаний об Иване Каляеве. [Б.м.], [Б.г.]; Убийство вел. кн. Сергея Александровича. [Б.м.], [Б.г.] и др.

² Великая княгиня Елизавета Федоровна. Письма к Николаю II // Источник. 1994. № 4. С.23.

³ Рассказ Каляева о свидании с великой княгиней // Иван Платонович Каляев. [Б.м.], 1905. С.7-9; Закиров Р.С. Визит вел. кн. Елизаветы Федоровны в тюрьму к И.П. Каляеву как провокация Департамента полиции // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. История и политология. 2012. № 4. С.20-36; Он же. Об одной провокации Департамента полиции (из материалов следствия над членом Боевой Организации партии социалистов-революционеров И.П. Каляевым в 1905 г.) // Новейшая история России. 2013. № 2. С.159-168.

гибель во время теракта, самоубийство после него или смерть по приговору суда¹. Классическими примерами этого являются эсерки Ф. Фрумкина и М. Спиридонова. Первая после покушения на начальника Московской пересыльной тюрьмы (30.04.1907) была военно-окружным судом приговорена к смертной казни. «Родственники Фрумкиной и адвокатура хлопотали о назначении экспертизы, ссылаясь на то, что она психически больной человек. Но Фрумкина категорически отказалась от экспертизы и была повешена»². Вторая, после пяти выстрелов в Луженовского (16.01.1906), пыталась застрелиться, но этого не позволила сделать пришедшая в себя охрана, а спрятанный в одежде цианистый калий обнаружила полиция и воспользоваться им не удалось³.

Большое количество осужденных на казнь террористов принимали ее смиренно, даже восторженно, о чем есть многочисленные свидетельства. Прокламации, описывающие процедуру казни, самообладание осужденного, обязательно какой-либо эпизод неподобающего поведения присутствующих на казне представителей власти, имели огромное агитационное значение. В Центральном органе ПСР «Знамя труда» (1907-1914) «регулярно публиковались сообщения о казнях боевиков, в том числе А.Д. Трауберга, руководителя Северного Летучего отряда Боевой организации, Фрумы Фрумкиной, покушавшейся на начальника Киевского жандармского управления генерала В.Д. Новицкого и московского градоначальника (оба раза неудачно), и других менее известных террористов»⁴. Отрицать большого количества фактов идеологической осмысленности и обусловленности жертвенных действий революционных террористов нельзя, точно также как и отрицать утверждения о том, что сам террорист не самостоятельный элемент терроризма, а только часть террористической системы, элемент исполнительной и агит-

¹ С.С. Ушеревич, ссылаясь на Главное тюремное управление, приводит следующую статистику тюремных самоубийств: 1905 – 40, 1906 – 42, 1907 – 118, 1908 – 123, 1909 – 145, 1910 – 142, 1911 – 116, 1912 – 120, 1913 – 122. Всего 968 человек. См.: Ушеревич С.С. Смертные казни ... С.204-212.

² Деркач Н.Я. По этапам и тюрьмам. Л., 1930. [Электронный ресурс]. URL:<http://socialist.memo.ru/books/carturma.htm>.

³ РГВИА. Ф. 801. Оп. 5. 5 отд. Т. 1. Св. 16. Д. 579/4. Дело о Марии Спиридоновой. 37 л.; ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1906. Оп. 236. 1906. Д. 486. О покушении на жизнь начальника охранного отряда Луженовского на ст. Борисоглебск.

⁴ Федоров М.В. Там же. С.34.

тационной подсистем, несущий функции, навязанные ему системой. С этой точки зрения, сама смерть приобретала атрибутивный характер, без которой революционная борьба, а тем более террористическая деятельность, теряла свою содержательность.

Со временем революционерами был выработан оптимальный вариант террористического покушения, который включал совмещение личностной и должностной ответственности жертвы, а также наличия определенного символического значения объекта или обстоятельств происшествия. Так, упорные планы организации покушения на обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева на протяжении 1901-1906 гг. были связаны не столько с его должностными полномочиями, сколько, в первую очередь, его символичностью как лидера консервативного лагеря. При удачном совмещении таких факторов, теракт действительно становился знаковым явлением и оказывал значительное влияние на ход политических событий как общероссийских, так и местных. К таковым покушениям можно отнести убийства Д.С. Сипягина, В.К. Плеве, вел. кн. Сергея Александровича. При отсутствии единства этих трех факторов, теракт мог оказаться непонятым обществом. Символичность теракта могла быть связана не только с жертвой покушения, но и с самими боевиками, обстоятельствами покушения или последующими событиями. Так, перенесенные после покушения мучения М. Спиридоновой, отодвинули на второй план фигуру убитого губернского советника Г.Н. Луженовского, а саму террористку превратили в революционный символ. Организованный народниками взрыв в Зимнем дворце (05.02.1880) или убийство главного военного прокурора В.П. Павлова (27.12.1906) прямо в здании особо охраняемого столичного военного суда, также стали символами беспомощности царской охраны и безграничных возможностей революционных террористов.

Смерть террориста использовалась как символический элемент в более широком похоронном комплексе революции. Участник событий С.М. Диманштейн отмечал: «В общем надо сказать, что похороны жертв революции были тогда одним из лучших способов агитации, действовавшим на массы самым зажигательным образом. ... Каждый сочувствующий считал своим долгом отдать послед-

ную дань людям, положившим жизнь за общее дело... У бойцов было сознание, что их смерть будет хорошо использована для революции, и будет вызвано чувство мести, которое появляется у многих тысяч во время похорон... похороны вошли как одна из составных частей в революционные методы пропаганды...»¹. Отсутствие тела погибшего и собственно процедуры похорон лишали возможности организовать массовое действие, но не уменьшали индивидуального агитационного значения жертвенной гибели революционера, тем более, если похороны удавалось организовать и превратить в публичную акцию.

Прилагаемые партиями информационные и пропагандистские усилия в отношении своей террористической деятельности, можно характеризовать как попытки мифологизации событий. Они отвечали наиболее важным ценностным критериям мифологического сознания, в числе которых, во-первых, слияние чувственного и рационального, во-вторых, выраженная персонификация явлений, и, в-третьих, упорядоченное коллективистское восприятие мира. Именно в соответствии с этими ценностями осуществлялась предлагаемая общественному вниманию партийная реконструкция облика террориста.

Анализируя материально-техническое обеспечение экстремистской деятельности двух террористических кампаний, можно обнаружить их существенные различия. Если народовольческий террор не имел отдельной партийной кассы, а руководящий состав партии в значительной мере ассоциировался с составом самих террористов, то в начале XX в. это наблюдалось только в партии эсеров-максималистов и ряде анархистских групп. Этот революционно-террористический опыт показал непродуктивность такой системы, так как террор постепенно начинал поглощать весь партийный организм, и это касалось не только кадрового состава и финансов, но и партийной тактики. Партийное руководство эсеров и социал-демократов поняло необходимость отделения террористической деятельности от массовой работы организаций. Наиболее практичным и действенным способом обособления и управления террористической активностью

---

¹ 1905. История революционного движения в отдельных очерках / Под ред. М.Н. Покровского. М., Л., 1927. Вып. 1. Т. 3. От октября к декабрю. Революционное движение национальностей и окраин. С.153.

боевиков стало монопольное право комитетов на материальное содержание боевиков и террористической деятельности. Эта финансовая зависимость боевиками воспринималась критически, вплоть до конфликтов и разрывов отношений.

За годы революционных потрясений комитетами были в совершенстве разработаны пропагандистско-агитационные элементы террористической деятельности, которые в совокупности представляли собой полноценный информационно-коммуникативный комплекс. Действенность и влияния элементов этого комплекса во многом определили сочувственный характер общественного восприятия революционно-террористических акций начала XX в. Это вело к деформации общественной морали и самих этических ценностей. Агрессия политической борьбы разрушительно влияла на общественные устои, которые и так были поколеблены процессом модернизации. Общество погружалось в состояние перманентного насилия.

6.4. Основные формы экстремистских и террористических проявлений второй половины XIX – начала XX вв.

Генезис форм терроризма осуществлялся на протяжении всей мировой истории. Разнообразие этих форм напрямую связано с социально-экономической, политической и культурной спецификой общественного развития. Основные средства террористического воздействия принято подразделять на три вида: физические, экономические и психологические¹. При этом учитывается, что физическое и экономическое воздействие сопровождается, в том числе и психологическим давлением. Российская действительность второй половины XIX – начала XX вв. представила свои специфические условия, которые способствовали тому, что «российский революционный терроризм этого периода вышел за привычные рамки политического убийства. Формами революционного насилия, подпадающими

---

¹ Петрищев В.Е. Защита объектов террористических посягательств и проблемы информационного противоборства // Организованный терроризм и организованная преступность. М., 2002. С.41.

под широкую трактовку дефиниции "терроризм", стали экспроприации, вооруженные нападения, похищения, вымогательства и шантаж»¹.

К физическим средствам воздействия относят агрессию, нацеленную на причинение прямого физического ущерба объекту террористической атаки. В наибольшем варианте случаев это покушения на жизнь и здоровье людей. В своей переходной стадии от политических убийств к планомерной террористической деятельности физическое воздействие экстремистов было нацелено исключительно на причинение ущерба несовместимого с жизнью, на достижение гибели жертвы. Как следствие, происходил поиск и совершенствование не только орудий убийства, но и тактических мер. Террористическим символом народовольцев и Первой российской революции стала бомба, брошенная под ноги или в карету чиновнику. Взаимный рост числа потерь и повышение агрессии способствовали игнорированию сопутствующих невинных жертв от терактов, хотя дискуссии на эту тему были постоянными и фактор «излишней крови» был сдерживающим для осуществления многих террористических планов.

Гибель жертвы являлась в большинстве случаев практической целью для акций центрального террора и революционной мести. Для достижения именно этого результата прилагались значительные усилия и, не взирая на всевозможные издержки и неудачи, террористы стремились его добиться. На объекты терроризирования могли осуществляться неоднократные нападения, а достижение цели превратиться в *idée fixe* для отдельных революционеров². Чтобы не отвлекать людей и ресурсы от других форм революционной деятельности, в организациях стали выделять или специально создавать подразделения, на которые и возлагали всю необходимую деятельность и ответственность за результаты террора.

В начальный период революционного движения теракты с целью физического уничтожения осуществлялись террористами-одиночками при непосредственном нападении на жертву. Оружие в большинстве случаев было либо огне-

---

¹ Бакаев А.А. Историография российского революционного терроризма конца XIX – начала XX веков. Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 2005. С.3.

² Известно, что на Александра II было осуществлено восемь покушений, на К.П. Победоносцева – 6. По непроверенным данным праворадикальной прессы на генерала В.Ф. фон дер Лауница было осуществлено 15 покушений, а на князя М.М. Алиханова-Аварского – 8.

стрельным (револьверы), либо взрывным, контактного действия. Такими были покушения «южных бунтарей» и народовольцев (56% всех покушений XIX в.), покушения 1901-1904 гг. (64% всех терактов), покушения летучих отрядов эсеров 1905 г. на высших чиновников местной администрации (75% от общего количества терактов за год). Отчаянная смелость боевиков, их целеустремленность и отсутствие многочисленной персональной охраны у чиновников позволяли осуществлять такие нападения и быть уверенными в их высокой результативности. Покушения на частных лиц были представлены, в первую очередь, нападениями на шпионов и провокаторов (32% в XIX в. и соответственно 36% и 21% в 1901-1904 гг. и 1905 г.). Размеры временных и финансовых затрат на подготовку покушения определялись двумя факторами: административным статусом жертвы, и соответственно её доступностью, и статусным подчинением террористического подразделения. Чем важнее был чиновник, тем большее время на подготовку покушения требовалось, та же взаимосвязь наблюдалась в росте финансовых затрат.

Покушение террористом осуществлялось в одиночку, а для сопротивления возможному преследованию, его могли сопровождать несколько боевиков. Отсутствие и ненадежность взрывных устройств, а также усиление мер охраны и предосторожности повлияли на то, что в мартовском покушении 1881 г. и терактах после 1905 г. стали участвовать группы боевиков по 2-4 человека. Между ними заранее распределялись функции. По наличию функционального распределения ролей и «охране» террористов можно судить об инициативном (личном) покушении или организованном (партийном) характере теракта. Поэтому с 1906 г. обычным стали случаи, когда индивидуальное покушение превращалось в длительную и многочисленную погоню, сопровождаясь стрельбой, а иногда и взрывами.

Мстительные мотивы и физическая гибель жертвы с ростом массового движения и расширением числа объектов терроризирования для революционных организаций перестали быть главной целью покушения. Помимо силового давления на конкретного человека, во главу угла ставилась возможность опосредованно воздействовать на ход политического процесса. Экстремистской частью народничества терроризм стал рассматриваться как наиболее оптимальный, в сложившихся

российских условиях, политический рычаг революционного движения. Критическое осмысление этой возможности позволило сформировать несколько теорий тактического использования терроризма.

Постепенно создаваемая атмосфера страха, в условиях которой функциональность не только отдельных чиновников, но и целых государственных структур, сильно понижалась, позволяла достаточно деятельно использовать психологическую угрозу террористического насилия. Боевики группами в несколько человек неоднократно нападали на постовых городских, отбирали у них оружие и требовали под угрозой смерти обещаний оставить службу. Случаев сопротивления встречалось не так много, а нехватка кадров была хронической проблемой правоохранительной системы империи. Прибалтийский боевик отмечал: «разоружение городских, которое производили не только члены партии, стало системой. Полиция начала ставить на каждом углу по два городских и требовала, чтобы они прятали свои пистолеты в карманы брюк»¹. Декабрьское вооруженное восстание в Москве начиналось именно с таких акций. Такие нападения приводили не только к дезорганизации полиции и вооружению нападающих, при удачном стечении обстоятельств, они вселяли силы и уверенность, повышали смелость и агрессивность боевиков, формировали навыки согласованных действий в группе.

Условия развития и углубление революции способствовали переходу от единичных терактов к масштабным действиям, в основе которых лежали не нападения на отдельных представителей власти и ее сторонников, а на государственные учреждения, объекты силовых структур, мелкие армейские подразделения. Тем самым на более высокий уровень выходила военно-боевая подготовка боевых сил революции, террористические акции перемежались или полностью переходили в боевые действия, а в революционную борьбу втягивалось местное общество. Именно при помощи таких диверсионно-террористических действий партийные комитеты пытались не только стимулировать, но и форсировать дальнейшее развитие революционного движения. При активном ходе революционных событий и подъеме массового движения это неоднократно удавалось. Декабрьское восстание

---

¹ Лутер-Бобис Я. Страницы жизни революционера-подпольщика. Сб. ст. и восп. Рига, 1962. С.80.

в Москве и ряде городов России, события 1905-1906 гг. в губерниях Прибалтики, Польши и Кавказа это подтверждают. Полицейские части были не в состоянии пресечь стремительные агрессивные действия большого количества немногочисленных боевых дружин в городах («герилья») и сельской местности («партизанская борьба»). Только действия армейских и казачьих частей, использующих карательные меры, наводили порядок в охваченных волнениями местностях.

Однако партийные попытки с помощью диверсионно-партизанских и террористических действий реанимировать, поднять угасающее массовое движение к положительным результатам ни разу не привели (Одесса в 1906 г., Поволжье лета 1906 г., Урал в 1907 г., Польша конца 1906-1908 гг., Центральное Черноземье в 1907-1908 гг.). При очевидности неудачи, террористические кампании скатывались к резкому росту псевдореволюционного насилия, увеличению числа террористических жертв среди частных лиц, ужесточению правоохранительных действий, и, как следствие, к разгрому боевых и партийных структур. Революционный процесс приобретал ярко выраженные формы вульгаризированного насилия, большая масса населения в нем разочаровывалась и от него отворачивалась.

Кроме физического насилия и гибели жертвы, важным фактором террористической агрессии являлось создаваемое и постоянно воспроизводимое психологическое давление от осознания потенциально возможной террористической угрозы. Как подсчитал известный конфликтолог Брюс Хоффман, для большей части (51%) исследователей терроризма основным его признаком является именно конструируемая террористической деятельностью «атмосфера страха»¹. При этом, по нашему мнению, не стоит смешивать политические и общественно-психологические аспекты терроризма. Террористическая деятельность имеет конкретные тактико-стратегические цели, которые достигаются при помощи разнообразных форм политического насилия, а личный и общественный страх, порождаемый планомерными террористическими покушениями, является одним из побочных эффектов и реакцией общественного ажиотажа на терроризм. Планомерность, последовательность и неотвратимость реализации террористических угроз

---

¹ Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М., 2003. С.42.

становятся важнейшими предпосылками для порождения атмосферы общественного страха. Именно они создают впечатление о всемогуществе террористов, их огромных возможностях и, соответственно, неспособности власти обеспечить безопасность людей и социальный мир. В условиях всеобъемлющей «атмосферы страха» спектр террористических способов борьбы значительно расширяется. Достаточно заявить намерения и принадлежность к революционной организации, чтобы страх перед насилием парализовал сопротивление и волю жертв. Так, столкнувшись с вооруженным сопротивлением во время грабежа дома богатого крестьянина С. Ныркова (Богучарский у., Воронежская губ.) (12.10.1908), экспроприаторам достаточно было прокричать «не стреляйте, мы революционеры-максималисты: отворите, иначе разнесем дом», чтобы хозяева послушно выполнили их требования и выдали все ценности, вместе с имеющимся оружием¹. Здесь же в Воронежской губ., возмущенный безуспешными попытками полиции препятствовать действиям эсеровской группы Д.Г. Грачева и конкретно грабежу на 10 тыс. руб. в Новохоперском у. (04.06.1909), вице-губернатор оправдывался перед ДП: «Грабеж имения Раевской мог быть предупрежден, если бы сорок старших служащих, обильно снабженных от экономии винтовками и револьверами, и около трехсот рабочих проявили хотя бы малейшее сопротивление восьми грабителям, а не отдали им без борьбы десять винтовок и пять револьверов. Поимка разбойников затруднена сочувственным отношением к ним местного населения»². В другое время, иной обстановке эти действия и требования террористов воспринимались бы как хулиганство и домогательство, получая должный отпор, в атмосфере страха они удовлетворяются. В такой ситуации, письменные угрозы чиновникам и чинам полиции от имени революционных комитетов также становились распространенной и действенной формой терроризма.

Тяжелое психологическое воздействие от террористической угрозы распространялось и на высшее руководство империи. Известные слова М.Н. Каткова, иллюстрирующие взаимоотношения террористов, либералов и администрации, —

---

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1485. Л.13.

² Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С.42.

«уступи, а то они будут стрелять», – основывается не столько на возможностях террористов, сколько на характерном состоянии правительственных кругов 80-х гг. XIX в. При этом либеральные представители подчас с выгодой для себя этот страх использовали и поддерживали¹.

Административная власть и революционные партии вели постоянную борьбу за общественное расположение и мнение. Леворадикальные партии и комитеты старались подходить к террористической практике не только с точки зрения политического результата, но и общественно-психологической целесообразности. Именно этим объясняются постоянные усилия и попытки разными способами избавиться от сопутствующего обывательского отождествления революционного терроризма и псевдореволюционного, криминального разбоя.

Не менее действенным террористическим средством воздействия, чем физическое и психологическое давление, являлись экономические формы насилия, которые активно использовались в многообразных видах и целях еще до включения их в арсенал террористической борьбы. Вековое сопротивление крестьянства экономическому засилью демонстрировало широкий спектр возможного традиционного протеста, от индивидуальных форм до групповых и коллективных. Политизировались из них те, которые в силу обстоятельств и условий приобретали массовый характер и особо экстремистские проявления. Как форму социальной борьбы и вид традиционного экстремизма крестьян (разбой и погромы) призывали применять террор М.А. Бакунин, С.Г. Нечаев и Н.П. Огарев, те же стремления проявились в призывах анархистов и максималистов к организации фабричного и аграрного террора. Постоянные попытки подчинить своему контролю стихийность аграрного протеста предпринимали революционные партии. Но, по мнению большинства современных исследователей темы (О.Г. Буховец, О.С. Поршнева, В.П. Данилов, В.П. Сапон), эти попытки оказались в целом безуспешными. Как отмечает Д.Б. Павлов: «... крестьянское движение в годы Первой русской революции было в своем большинстве движением стихийным и разрозненным. Ведущей формой крестьянской борьбы были насильственные действия крестьян в от-

---

¹ См.: Гл. 7. Кадеты и террор // Гейфман А. Революционный террор в России. С.285-308.

ношении личности помещика и его имущества, получившие в интеллигентских кругах наименование "аграрного террора"»¹. Ни управления, ни контроля над аграрным движением партийным комитетам добиться в существенной мере не удалось. При всех имеющихся позитивных прецедентах этого (Всероссийский Крестьянский Союз, революционный контроль над некоторыми аграрными районами, деятельность крестьянских братств ПСР), крестьянство, в своей массе с большим вниманием и сочувствием выслушивая революционные инициативы, поступало самостоятельно, аполитично. В целом, оставаясь верноподданными и лояльными правящему режиму, крестьяне отстаивали свои локальные экономические интересы всеми возможными способами. При вероятности высоких карательных мер, использовали оптимальные формы традиционного сопротивления. Преимущественно это были агрессивные, насильственные действия с целью опосредованно, без прямого участия крестьянского общества и силового столкновения решить проблему. При этом в силу обстоятельств, очевидного полицейского возмездия и уголовного наказания, крестьянское общество понимало тщетность и «непродуктивность» массовых действий. Поэтому выполнение чаяний общества брали на себя политические активисты, изгои или маргиналы. Формой борьбы становились наиболее экстремистские индивидуализированные виды протестования: от хулиганских выходок, в виде битья окон, до поджогов и убийств. Попытки потворствования со стороны революционных комитетов этим традиционным действиям крестьянских протестов (поддержка разгромов, провоцирование аграрного террора максималистами и некоторыми уездными комитетами ПСР) не стали основанием для крепкого политического союза, – крестьянство отказывалось принимать участие в политической борьбе за власть. Несмотря на это, и вследствие радикализации общественных отношений, число экстремистских эксцессов в сельской местности стремительно росло. Особенно это проявилось в росте числа поджогов.

Намного большее единство целей и форм борьбы демонстрировали революционные партии и рабочее население городов и крупных предприятий. Однако и пролетарские слои активно практиковали аполитичные формы протестов: мелкое

---

¹ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты... С.28.

воровство, инициативный саботаж и вредительство, «вывоз на тачке», физическое насилие и хулиганские акции над неудобным руководством. В отличие от крестьянства, в своей массе пролетариат демонстрировал единство корпоративных интересов, что революционные партии старались организационно оформить и от имени которого они выступали. Однако незавершенность классового состояния пролетариата и ускоренность модернизационных процессов позволили сохраниться массе традиционных пережитков и в пролетарской среде, в том числе и формам индивидуальной и групповой социальной борьбы. С этой точкой зрения солидарна и О.С. Поршнева, которая отмечает стихийность, неорганизованность «акций рабочего протеста»¹.

Экспроприацию как форму борьбы использовали с древних времен. Известный «экспроприатор» Робин Гуд, приобрел народный почёт и уважение, благодаря раздаче крестьянам отобранного у феодалов имущества. Как отмечают исследователи: «Для докапиталистических обществ всех государств характерен социальный разбой...»². В юридическом отношении экспроприация состояла в «насилованном отнятии некоторых имущественных прав у частного лица»³. Таким же образом она характеризовалась и в трудах революционных теоретиков. Однако более конкретно и обстоятельно описать реальный акт экспроприации ни один революционный классик не решился. Это во многом явилось причиной превращения краеугольного понятия революционной теории в грабеж или, в лучшем случае, безвозмездную конфискацию. Наиболее ярко и вызывающе вульгаризация экспроприаций проявилась в анархистских теоретических конструкциях и организациях. Революционная аргументация базировалась на понимании экспроприаций, во-первых, как способа и формы пополнения партийных бюджетов, во-вторых, как механизма углубления и эскалации социального насилия и конфликта, в-

---

¹ Поршнева О.С. Власть и рабочие Урала: эволюция взаимоотношений в условиях Гражданской войны // Российская история. 2013. № 1. С.49.

² Ноздрин Г.А. Социальный протест сибирского крестьянства во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Томского гос. ун-та. 2005. № 288. С.147; Хобсбаум Э. Разбой как социальное явление // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С.288-289.

³ Венецианов М.В. Экспроприация с точки зрения гражданского права. Казань, 1891. [Электронный ресурс]. URL:http://lexdiplom.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=261&l

третьих, в условиях полномасштабной массовой борьбы как формы экономического давления (террора) на правительство. Апелляция социальной справедливости и революционной целесообразностью позволяла при необходимости в экспроприруемые объекты включать любую форму собственности и предметы¹. Несмотря на горячую полемику, которая велась не только между партиями, но и внутри комитетов на протяжении всей революции, сколько-нибудь однозначную точку зрения выработать так и не удалось.

Наиболее радикальную позицию и всемерную поддержку экспроприаций демонстрировали анархистские и максималистские сторонники. Несмотря на предостережения со стороны П.А. Кропоткина и критику частных экспроприаций, сделанную лондонским съездом анархистов (17-18.09.1906), большинство сторонников движения считало вслед за анархистами-коммунистами, что экспроприации «это действительное средство борьбы анархистов, а не средство для ведения борьбы (как добывание денег)»². Как следствие, в «болоте эксизма» погрязли все анархистские организации, а общественность прямо ассоциировала анархизм с революционным грабежом. Сходная ситуация возникла и с максималистским течением. Осуществив самую крупную экспроприацию русской революции, максимализм в первую очередь характеризовался многочисленными, мелкими, нередко кровавыми эксами, осуществляемыми частично политизированными группами внепартийных преступников. Поддержка максимализма базировалась на просто сформулированных принципах: «экспроприация вообще, в частности экспроприация частной собственности, служит самым наилучшим средством уничтожения фетишизма собственности... Принципиально мы должны признать экспроприацию капиталов и продуктов во всякое время. Тем более мы должны признать ее теперь, когда она создает ту психологическую обстановку, без которой трудно возвести новое здание»³.

---

¹ Квасов О.Н. Террористическая экспроприация как форма революционной борьбы в Российской империи начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 3 (9). Ч. 1. С.62.

² Бунтарь. Орган Русских анархистов-Коммунистов. № 1. 1 декабрь 1906 г. С.24.

³ С.Г. Тактика экспроприаций // Воля труда. М., 1907. С.51.

Хорошо понимая пагубное влияние на общественный авторитет и партийную дисциплину, ПСР не смогла отказаться от эксков вследствие практических и идеологических причин. Однако руководство эсеров прилагало самые серьезные и последовательные меры контроля над экспроприациями. Уже Первый совет партии (25-27.04.1906) принял постановление о запрещении грабежей частного и общественного имущества, для экспроприации же государственной собственности требовалось разрешение партийного руководства не ниже областного уровня. Боевикам, замеченным в частных экспроприациях, грозило не только дисциплинарное взыскание, но и исключение из партии. Эти меры контроля в дальнейшем неоднократно подтверждались, что, однако не исключало противоположных решений со стороны низовых партийных организаций. В целом, несмотря на все прилагаемые меры контроля, эсерам не удалось избежать криминализации партийных грабежей и разложения дисциплины в боевых организациях.

Официальный запрет всех форм (казенных, частных, общественных и пр.) экспроприаций заявляли обе фракции РСДРП. Но твердой последовательности в этом вопросе в условиях критической нехватки финансовых средств, со стороны обеих фракций не было. Партийные запреты экспроприаций, принимаемые на съездах и конференциях, нередко игнорировались, а ради финансовых поступлений, заключались союзы с другими партийными и террористическими группами. Грабежи оружейных магазинов и арсеналов («экссы боевых средств») к разряду грабежей вообще не относились. Большевистская казна получила вследствие экспроприаций несколько сот тыс. руб., а для Большевистского Центра это был вообще основной источник финансирования деятельности (См.: Приложение. Список наиболее крупных экспроприаций... С.468-469). Непоследовательность и противоречивость официальной позиции партии аргументировано высказала Первая партийная конференция военных и боевых организаций РСДРП (ноябрь 1906), указав, что: «...экспроприация есть не что иное, как изъятие из рук правительства средств борьбы и передача их в руки народа, ... IV съезд партии, отрицая экспроприацию казенных средств, как бы признает право распоряжения этими средствами исключительно за правительством, ... запрещением экспроприации объедини-

тельный съезд толкнул назревшую боевую энергию масс на путь самостоятельных выступлений, не подверженных контролю партии, а потому деморализующих пролетариат и тем вредящих интересам движения, ... разрешая и даже рекомендуя экспроприацию боевых средств, съезд впал в противоречие, т.к. деньги более всего обеспечивают успешную подготовку боевых средств...»¹. Не менее одобрительные отношения к экспроприациям демонстрировали и национальные партии².

При всём многообразии способов экспроприаций, наиболее распространенными являлись следующие: «мандаты» и «подписные листы», которые представляли собой разновидность письменных угроз и шантажа от имени революции или партийного комитета с целью вымогательства денег; изъятие денежных сумм, признаваемых государственной или общественной собственностью (казенные винные лавки, почтовые, телеграфные и железнодорожные кассы, пр.); нападения на торговые точки (магазины, лавки и пр.); вооруженные ограбления крупных финансовых средств, перевозимых при помощи транспорта (почтовые вагоны и кареты, банковские артельщики); грабеж частных квартир и лиц. Революционные ограбления являлись методом воздействия, которые можно было использовать как в социально-политических, так и в экономических целях. К особой форме грабежей, в которых особенно ярко проявлялись социально-экономические факторы революции, необходимо отнести экспроприацию налоговых сборов в сельской местности. Такие грабежи осуществлялись местным революционным активом, зачастую с общественного одобрения, а нередко и при непосредственном участии распропагандированного населения.

В общественном представлении грань между уголовными и политическими грабежами стерлась с конца 1906 г. Криминализацию боевиков ускоряли организационный кризис боевой деятельности, призрачность революционной победы и экстремальные условия жизни. Меркантильные интересы боевиков брали верх над партийно-идеологическими иллюзиями и всё более открыто проявляли себя. Боевики начинали присваивать награбленные суммы, мелкие экспроприации

---

¹ Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. М., 1932. С.165.

² Квасов О.Н. Там же. С.62-63.

утаивать и все больше демонстрировать самодеятельность, не подчиняясь партийным комитетам. Волна криминальных псевдореволюционных экспроприаций охватила империю. Участник революционных событий, социал-демократ А.С. Локерман по поводу роста «эксизма» эмоционально отмечал: «Это был какой-то психоз, какая-то массовая зараза»¹.

Желая исправить негативное отождествление с обычной уголовщиной и для пресечения самодеятельности боевиков, революционные комитеты стали при санкционированном вымогательстве и экспроприациях использовать партийные бланки с печатями комитетов и инвентарными номерами. Получаемый партийный бланк или расписка были одновременно подтверждением революционного назначения вымогательства и защитой от следующих просителей. Так боевик А. Звездов, характеризуя бакинские события 1905 г. отмечал: «банкирские конторы перестали обращаться в полицию... все считали своим долгом внести взнос в социал-демократический комитет, который выдавал карточку, страховавшую от экспроприации лучше, чем полиция... Ни одна из групп не пыталась идти против социал-демократической боевой дружины... Доходило до того, что у Потресова (начальник боевой дружины РСДРП – О.К.) спрашивали предварительное разрешение на экссы»². По поводу права вымогать деньги у тех или иных категорий граждан, неоднократно между боевиками, особенно национальных партий, происходили столкновения, в том числе и кровавые.

Размах экспроприаторского движения был велик. В четырех губерниях Центрального Черноземья (Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии) за 1901-1911 гг. было совершено более 85 революционных экспроприаций государственных и частных средств на общую сумму не менее 195 тыс. руб.³. Наиболее крупные экспроприации (до 5 тыс. руб.) в период Первой революции дали партиям, в том числе национальным, почти 3,8 млн. руб. Однако подавляющая доля экспроприаций являет собой мелкие грабежи в несколько сот руб., совершаемые несколькими вооруженными боевиками и нередко с кровавыми жерт-

---

¹ Локерман А.С. По царским тюрьмам // Каторга и ссылка. 1926. № 4 (25). С.179.

² Звездов А. Рядовой подпольщик в революции 1905 г. М., 1925. С.23.

³ Квасов О. Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье. С.186,213.

вами. Признать сколько-нибудь губительными эти суммы для бюджета империи нельзя. Но для финансирования деятельности ряда партийных комитетов и экстремизации политического процесса в некоторых регионах, они имели значение¹.

Высокий уровень политического и социального антагонизма неоднократно способствовал использованию терроризма в провокационных целях. Провокация и терроризм, как субъективные факторы, механизмы и способы управления неустойчивой ситуацией, имеют много общего. Поэтому провокационные и террористические методы использовали все участники и стороны социально-политического противостояния. Это же позволяло расширять формы и способы террористических проявлений многообразно.

Таким образом, спектр физического, экономического и психологического терроризма позволял тактически, вариативно, в зависимости от складывающегося политического процесса использовать те или иные формы терроризма для достижения поставленных политических целей.

---

¹ Он же. Террористическая экспроприация... С.64.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальные основы терроризма в российском обществе рубежа XIX-XX вв. проявились в приверженности представителей многих слоев населения крайних форм неконвенционального и девиантного поведения. Индивидуальная и групповая агрессия стала социальной реакцией на маргинальное состояние и люмпенизированный образ жизни тех социальных слоев населения, которые в наибольшей степени претерпели модернизационные издержки – пролетариат, работники интеллектуального труда, нижние слои бюрократии. Изначальной средой породившей политический экстремизм в России стала разночинная интеллигенция, и если «в западной революции время террора – это поздние стадии революции; к нему прибегают радикалы после прихода к власти, направляя его в первую очередь против умеренных и других революционных групп, с которыми они боролись», – то, как отметил С. Хантингтон, – «в восточных революциях, напротив, террор используется на первом этапе революционной борьбы. К нему прибегают революционеры, когда они слабы и далеки от власти, не могут обеспечить поддержку со стороны крестьян и запугать низшие эшелоны государственного порядка»¹.

Постепенный переход народничества к террористическим методам борьбы объяснялся разочарованием в ближайших перспективах крестьянской революции, отсутствием конвенциональных форм оппозиционной деятельности и ожесточением от карательных мер государства. Объектами народнического террора стали несколько десятков предателей и наиболее одиозных представителей власти. Достижение главной террористической цели – гибели императора, не привело к политическим уступкам, а последующий полицейский разгром народовольческой организации и начавшиеся контрреформы, потребовали переосмысления социально-политической доктрины народничества. Проведенный революционной оппозицией критический анализ итогов первой террористической кампании (1876-1881 гг.), способствовал увеличению стратегических и тактических аргументов в

---

¹ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С.279.

пользу революционного насилия. Значительный рост в начале XX в. социального экстремизма и напряженности, порожденных следствиями модернизационных процессов и мирового экономического кризиса, укрепили сторонников террористической борьбы. Успешность покушений Боевой организации ПСР (1902-1904), политические уступки правительства («эпоха доверия») и возросший, в связи с этим партийный авторитет эсеров, еще более увеличили количество сторонников террористической тактики. Организаторы терактов 1905 г. связывали свою деятельность с поступательным ростом оппозиционного движения. После царского Манифеста 17 октября, подавления вооруженных восстаний конца 1905 г. и спадом массового антиправительственного движения, неоднократные попытки революционных комитетов вновь поднять при помощи удачных террористических акций и партизанских действий оппозиционное движение заканчивались неудачно.

В начале XX в. наибольшую агрессию продемонстрировало крестьянство, что можно объяснить наличием в его поведенческом арсенале веками выработанных многообразных форм традиционного сопротивления. Крестьянские экономические протесты 1902 г., прокатившиеся по Харьковской, Черниговской и Саратовской губерниям, представляли собой коллективные преступные действия первоначально бескровного характера, с локализацией волнений пределами поместья или населенного пункта. В событиях 1905-1906 гг. основной формой участия российского крестьянства стал бунт. При этом крестьяне понимали его как форму «коллективного исправления мироздания», за что власть их наказывала массовыми экзекуциями и коллективными неподъемными штрафами. При вероятности высоких карательных мер, крестьянство перешло к использованию более оптимальных форм сопротивления. Такими стали агрессивные, насильственные действия с целью, опосредованно без прямого участия крестьянской общины и силового столкновения, выразить и отстоять общественную позицию. Реализацию «чаяний общества» брали на себя политические активисты, изгои или маргиналы. Формой борьбы стали наиболее экстремистские проявления: от хулиганских выходов, в виде битья окон, до поджогов и убийств. Последние формы протестов имели внешне одинаковые и формально сходные черты с акциями политического

терроризма, хотя их содержание и различалось. На фоне снижения массовых выступлений, количество этих акций начинало возрастать. Именно это формальное сходство и было отмечено в революционно-партийном термине «аграрного и фабричного террора». Все революционные партии имели непоследовательный взгляд на эти акции социального экстремизма, но с 1906 г. старались их преимущественно использовать в своих политических целях. Таким образом, словами П.Б. Струве, произошла «прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов»¹.

С другой стороны, испытывающее социальную напряженность крестьянство шло на контакт с революционно-партийными представителями и неоднократно пользовалось услугами революционных организаций и акциями политического терроризма для реализации своих социально-экономических интересов, в чем единство социальных и политических аспектов развития российского революционного терроризма начала XX в. и выражалось. Как отмечает А.Н. Медушевский: «...Представления о несправедливости распределения земли нарастали по мере юридического закрепощения крестьян. Планка социальных запросов крестьянства оказалась выше его способности конвертировать новый правовой статус в рациональную экономическую деятельность. Радикальная интеллигенция развивала этот потенциал недовольства, не задумываясь о его деструктивных последствиях. В этом состоял "специфический российский феномен завышенных ожиданий", приведший к аграрной революции. Возможность революционного срыва превратилась в реальность в результате комбинации традиционалистского массового сознания (протестующего против позитивного права, не соответствующего обычно-правовым представлениям), авторитаризма политической власти (не допускающей изменения позитивного права и отношений собственности) и экстремизма радикальной интеллигенции (использующей конфликт позитивного и обычного права для достижения своих политических целей)»². После подавления Первой

---

¹ Струве П.Б. Интеллигенция и революция / Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С.147.

² Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Российская история. 2012. № 5. С.217.

русской революции, проявления социального экстремизма не только не прекратились, но и возросли, охватив новые сферы общественных отношений, порожденных правительственными реформами и, в первую очередь, аграрной.

Террористическая борьба, критическое осмысление её тактико-стратегических результатов и совершенствование организационных механизмов экстремистской деятельности происходили на протяжении всего революционного процесса второй половиной XIX – начала XX вв. Благодаря чему можно сделать следующие выводы.

Наибольшую продуктивность террористическая деятельность достигала при наличии достаточного финансирования и материально-технического обеспечения, согласованных партийных и управленческих действий, дисциплинированном идейно устойчивом личном составе и наличие обширного комплекса информационного сопровождения теракта. Такое сочетание факторов могли обеспечить только некоторые партийные организации и комитеты, и только на короткий период. После многочисленных потерь личного состава, разгрома и ликвидации первоначальной структуры боевых дружин по итогам вооруженных восстаний конца 1905 г., террористические подразделения были переструктурированы, стали малочисленнее и мобильнее. Конспиративные и организационные причины обусловили необходимость отделения террористических формирований от иной революционной деятельности, а нередко и самих партийных комитетов. Изменение революционной тактики расширило боевые функции дружин. К новым задачам добавились организация «партизанской борьбы» и денежных экспроприаций.

С 1906 г. между личным составом, непосредственным руководством террористических подразделений и партийными комитетами стали возникать многочисленные конфликты, имеющие тактическую, дисциплинарную и финансовую обусловленность. Основными причинами тактических споров были разногласия по поводу партийных приостановок осуществления терактов, неспособности подразделений в точности исполнить распоряжения комитетов, разные представления о месте и роли терроризма в революционном процессе. Значимой проблемой становится недостаточное финансовое обеспечение боевой деятельности. В целях

бóльшего партийного контроля, комитеты ликвидировали финансовую самостоятельность террористических подразделений, по возможности брали на себя хранение оружия и содержание боевиков. Эти партийные меры значительно обострили противоречия между комитетами и террористическими подразделениями. Остро заявляет себя проблема соблюдения партийной и боевой дисциплины. Выходы из партий, самостоятельные без разрешения партийных и боевых руководителей действия боевиков становятся распространенным явлением. Растет количество самочинных экспроприаций, что стремительно превращается в «экспроприационную эпидемию». Комитеты начинают терять контроль над боевиками, что заставляет некоторые из них полностью отказываться и ликвидировать террористические подразделения, меняется характер террористической деятельности. Цели и мотивы терактов определяются не политической целесообразностью, а доступностью жертвы и легкостью «изъятия». Созданный мифологический образ террористов, способствует тому, что появляется большое количество псевдореволюционных, использующих революционную риторику, полукриминальных групп. Таким образом, с конца 1906 г. начинается деградация политического содержания революционного терроризма, террористические методы и действия всё более приобретают социальную обусловленность и логику.

Неоднократные попытки революционных партий, организаций и отдельных комитетов при помощи центральных терактов, удачно проведенной серии акций или диверсионно-партизанских действий стимулировать революционный процесс, после 1906 г. везде заканчивались неудачами, повальными арестами и разгромами партийных организаций. Однако, именно на 1907 г. приходится кульминация этих партийных усилий, чем рост террористических нападений и наибольшее количество жертв объясняется. Революционный терроризм стремительно мельчал и криминализировался, в некоторых регионах и местностях еще долгое время являясь дестабилизирующим фактором политического процесса, что не исключало и возможности проведения единичных террористических акций, становившихся общественно значимыми событиями. Отсутствие актов политического терроризма после 1909 г. связывать с решением царским правительством социально-

политических противоречий нельзя. Данные процессы имели повторяемость на всей территории европейской России, что дает основание признать их закономерность, в которой проявилась необратимая вульгаризация политического экстремизма и насилия, разрушающая организационную систему терроризма, деформирующая содержание первоначальных идей и уменьшающая общественную поддержку революционного движения.

Успешность первых террористических акций начала XX в., в совокупности с другими проявлениями государственного кризиса, породила панику и неопределенность в действиях правительства. Конкретные решения власти после отдельных терактов позволяли трактовать их как уступки и смену политического курса, что укрепляло экстремистскую направленность политического процесса и создавало «моду на террор». При этом реальная политика не изменялась, а содержательных реформ не проводилось, чем социально-политическая напряженность еще более возрастала. Восприятие проявлений социального «неорганизованного» насилия как продукта политической пропаганды и агитации, значительно дезориентировало власть, которая склонна была перекладывать вину за рост социальной агрессии исключительно на политических оппонентов. В меньшей степени, но также дезориентированным оказалось и революционное движение, всё более склоняющееся к исключительно силовому решению вопроса о власти. Революционные события 1905-1906 гг., перспектива потери административного контроля, склонили власть к исключительно репрессивному, любыми способами подавлению революционного движения. Одновременно с этим начинают осуществляться некоторые насущные социально-экономические реформы (аграрная, трудового законодательства и пр.). Благодаря неограниченным ресурсам и исключительным мерам репрессий, правительству удалось подавить революционное движение и уничтожить террористические структуры и подразделения. Одержав победу в открытом бою над политическими противниками, царизм не решил других проблем системного кризиса, что и обусловило скорые революционные потрясения 1917 г.

Тактика правительства в противодействии революционному экстремизму оказалась непоследовательной. Действия и реакция самодержавия на террористи-

ческие акции варьировались в пределах двух крайностей: жестокая, репрессивная реакция подавления или кратковременная тактика уступок и лавирования. Преимущественной позицией самодержавия было стремление полного физического и политического уничтожения революционных партий при отсутствии политического диалога с конструктивной оппозицией. Правительственная непоследовательность политическими противниками интерпретировалась как проявления социальной и политической слабости самодержавия и необходимости активизации борьбы.

Помимо разрушительных политических последствий, террористическая агрессия порождала взаимное ожесточение противников, формировала устойчивое поле структурного насилия и долговременную конфликтогенную среду, обусловленную деструктивной социализацией подрастающего поколения.

Не обращать внимания на террористические акции ни одно правительство не может, чем значимость, важность и политический авторитет террористов своими же руками и формирует. Поэтому, говорить о бессмысленности терроризма, что достаточно распространено, в том числе и в научной литературе, по мнению автора, представляется попыткой убеждения ложным мнением. Во многом с этим связана сложная проблема конструктивного, действенного реагирования правительства на терроризм. При всей схожести методов и способов экстремистской борьбы, правительственная реакция на терроризм в каждом отдельном государстве, социальной среде и исторических обстоятельствах должна быть самостоятельной и многоаспектной. Для общества проблема терроризма связана не с поимкой и наказанием террористов, а с выяснением объективных причин и факторов, обусловивших их появление.

Терроризм, являясь глобальной проблемой современности, имеет глубокие исторические корни. Опыт социально-политического развития многих государств и обществ способен подсказать оптимальные пути развития и способы решения актуальных проблем. Особую значимость приобретает изучение сходных процессов и кризисных периодов. Российское общество второй половины XIX – начала XX вв. оказалось в глубоком системном кризисе, частное проявление которого

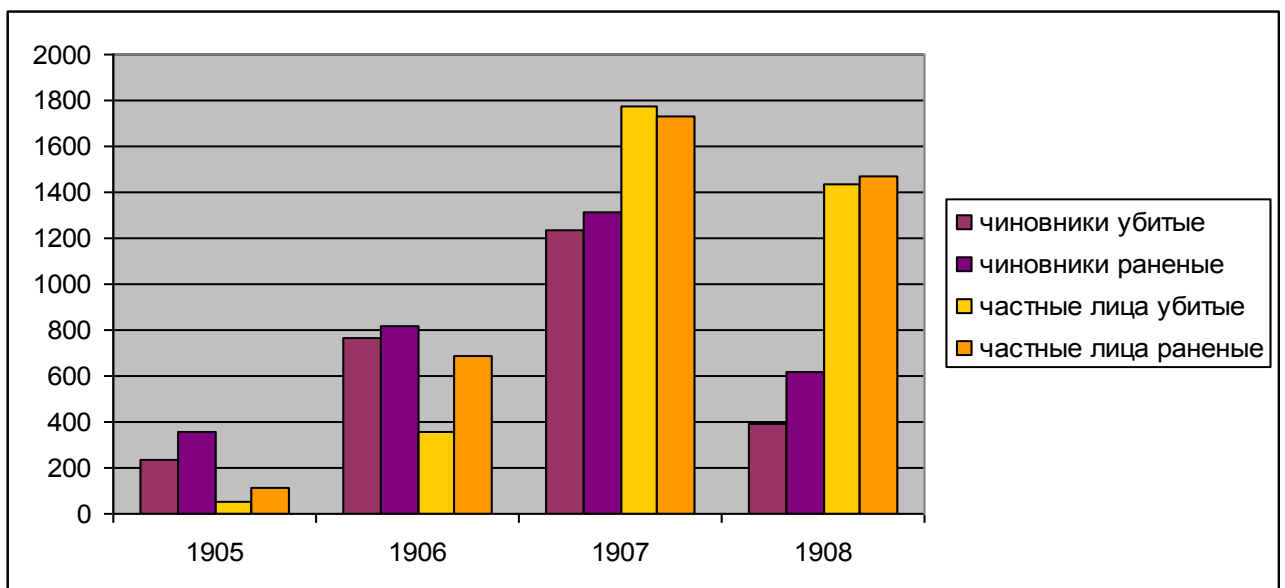
выразилось в резком росте революционно-террористической активности, а масштабы террористических проявлений стали трагическими не только для самодержавия, но и для российского общества. Проведенный нами анализ, позволил сделать выводы об объективной социально-политической обусловленности этого явления. Это дает основание утверждать, что государственным структурам необходимо не только бороться с террористическими подразделениями и пресекать их деятельностью, но и, в первую очередь, минимизировать причины террористического инициирования. Что предполагает выполнение следующих условий: 1) осуществление реальной демократизации политического процесса, создание условий для выражения общественного мнения; 2) склонение политической оппозиции к совместной деятельности с властью и отторжение её от крайних экстремистских взглядов и идей; 3) наличие объективной информации, препятствующей созданию актуальных террористических мифов; 4) мониторинг конфликтогенных зон всевозможной природы и социальных групп риска с целью профилактики и пресечения социального насилия и агрессивного поведения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

График 1

Диаграмма 1. Динамика и соотношение объектной направленности террористических покушений в 1905-1908 гг. (Сведения взяты из: Красный архив. Исторический журнал. 1925. Т. 1 (8). С.242-243; Таганцев Н.С. Смертная казнь. Сб. ст. СПб., 1913. С.92).

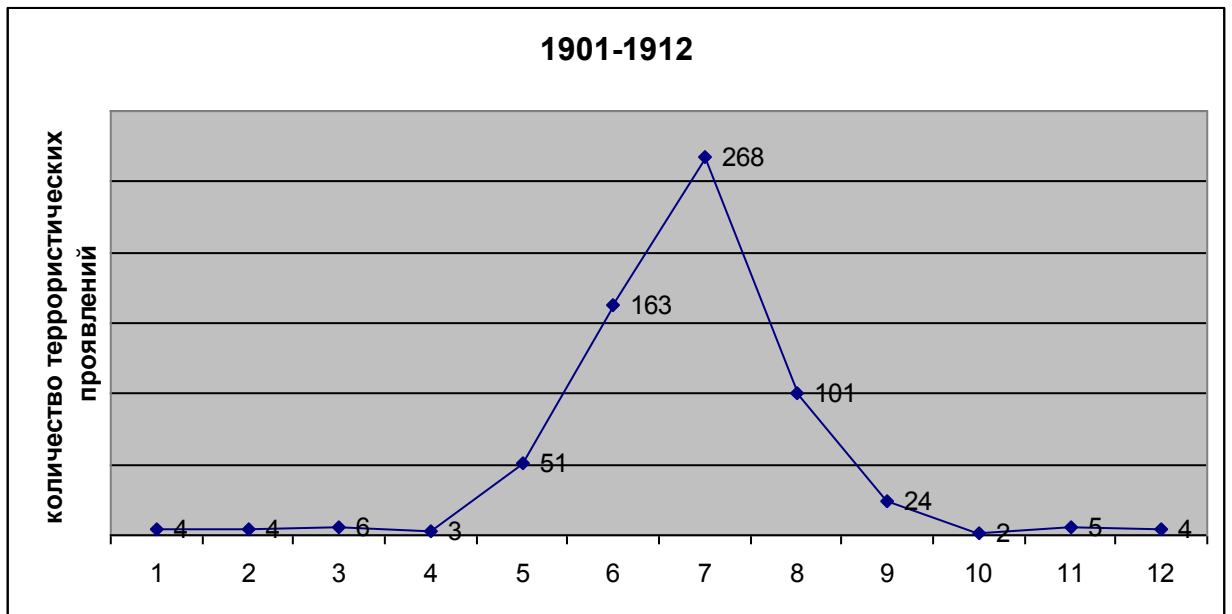
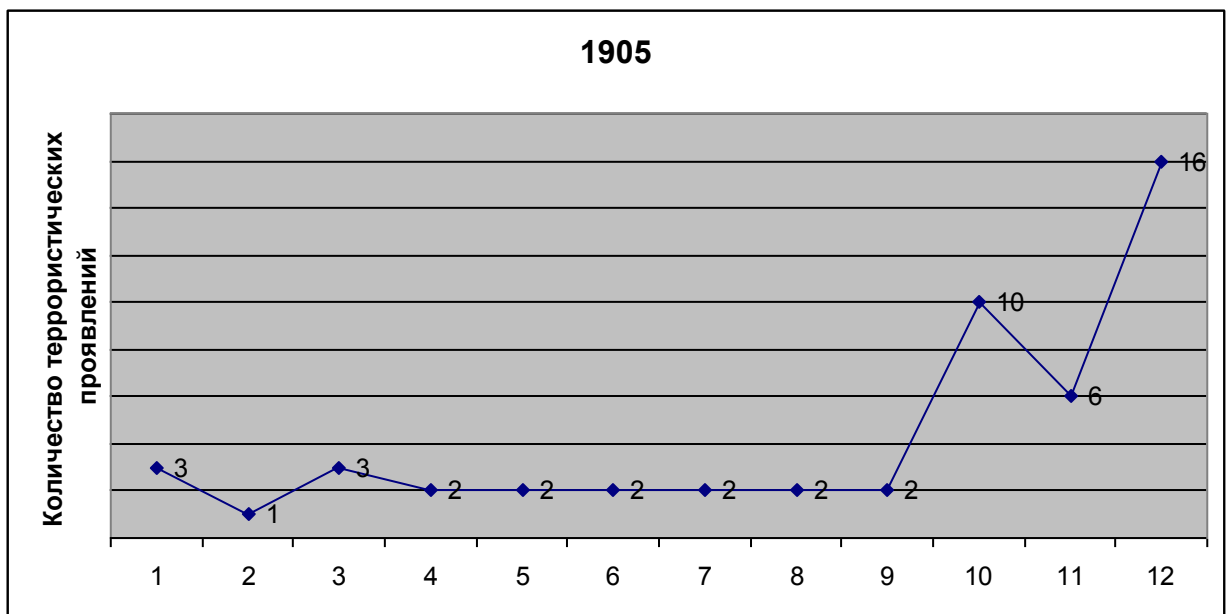
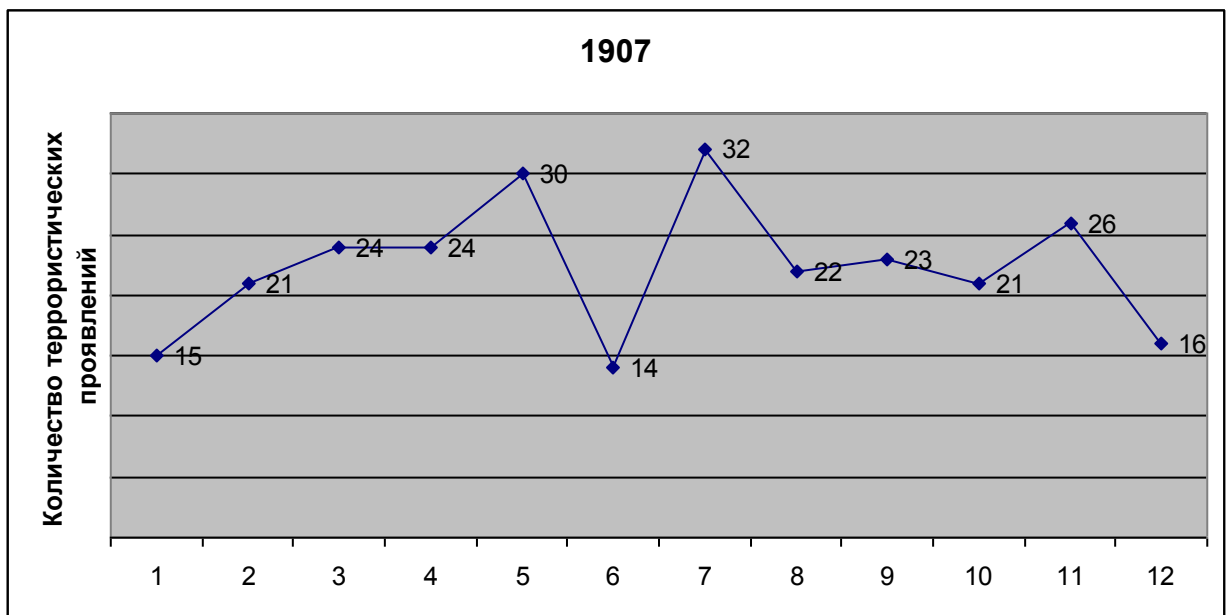
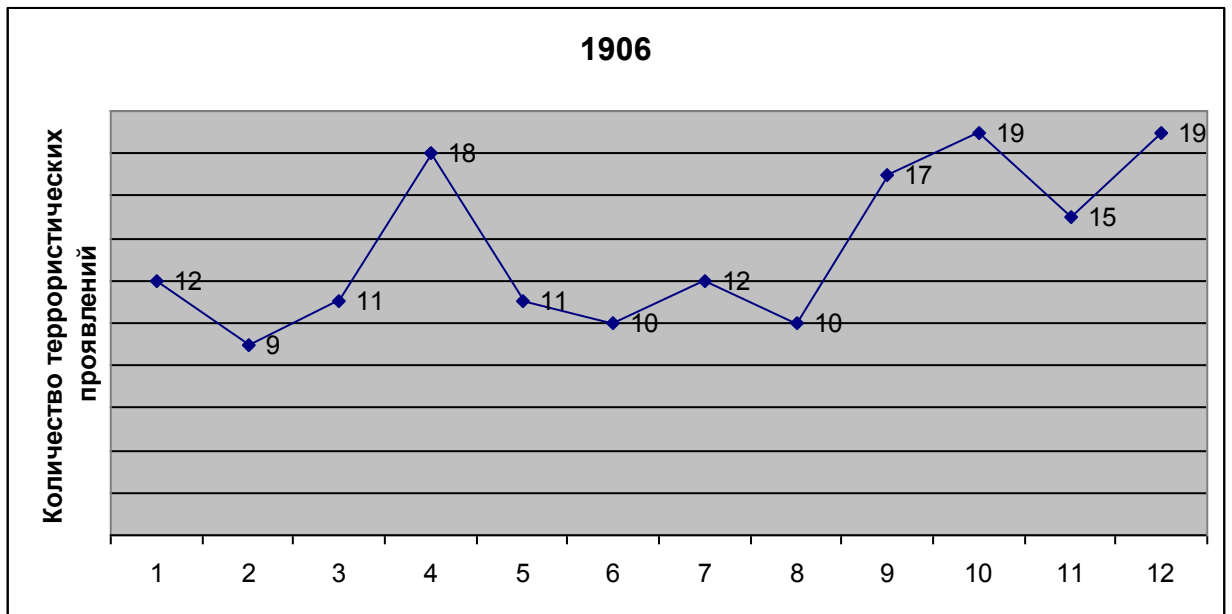
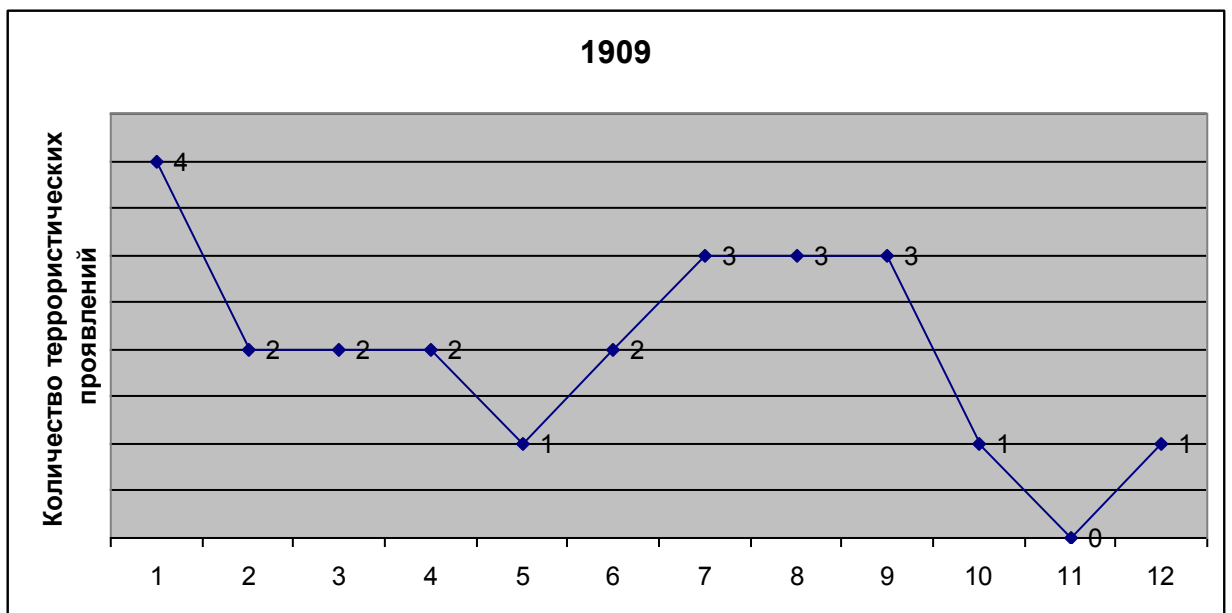
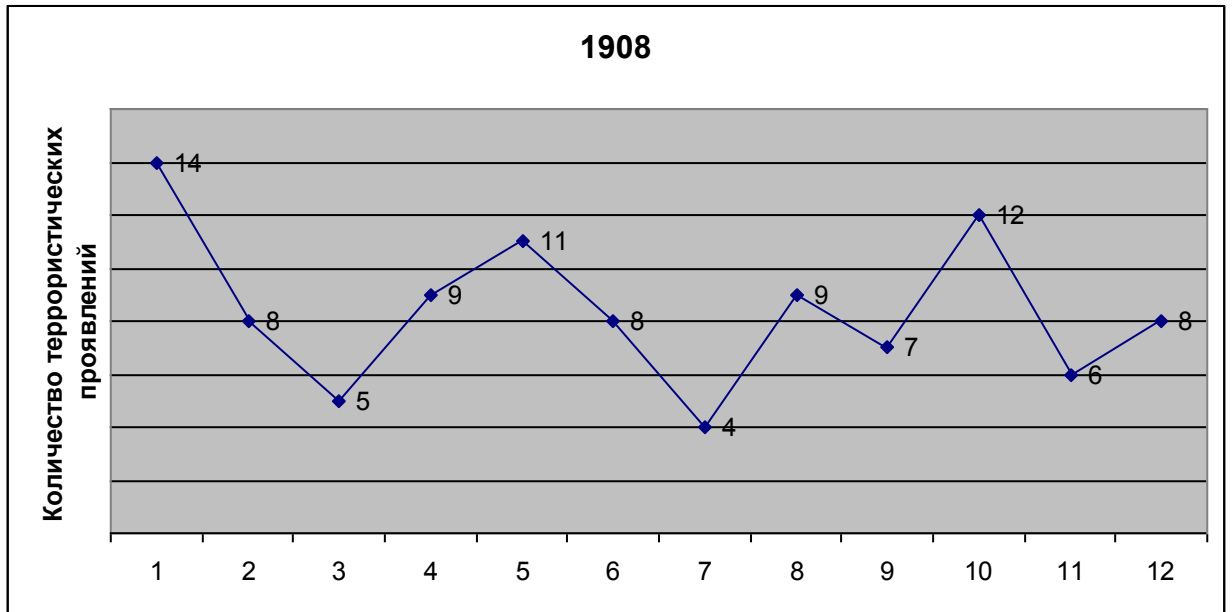

График 3

Список наиболее крупных экспроприаций Первой российской революции
(1905-1907 гг.) (руб.)

1. 875 тыс. – максималисты, банк Московского общества взаимного кредита (Москва) (07.03.1906);
2. 469 тыс. – Бунд, Мазовецк (Ломжинская губ.) (14.12.1905);
3. 398 тыс. – максималисты, казначейская карета (СПб.) (14.10.1906);
4. 315 тыс. – Грузинская партия социалистов-федералистов, Душетское казначейство (Тифлисская губ.) (13.04.1906);
5. 220 тыс. – «революционеры», казначейство г. Умань (Киевская губ.) (04.02.1906);
6. 201 тыс. – меньшевики, казначейство г. Квирилы (Кутаисская губ.) (30.12.1905);
7. 170 тыс. – ППС, почтовый поезд, г. Прушков (Варшавско-Венская ж.д.) (15.06.1906);
8. 160 тыс. – большевики, Гельсингфорский банк (Финляндия) (13.02.1906);
9. 153 тыс. – большевики, почтовый поезд, разъезд Дёма (близ Уфы, Самаро-Златоустовская ж.д.) (21.09.1906);
10. 131 тыс. – ПСР, Кокандское отделение Госбанка (Туркестан) (лето 1906);
11. 90 тыс. – «революционеры», банковские артельщики, станция Слюдянка (Забайкальская ж.д.) (25.07.1906);
12. 75-60 тыс. – ПСР, почтовый поезд, ст. Игрень (Екатеринославская ж.д.) (16.02.1907);
13. 66 тыс. – ППС, почтовый поезд, ст. Рогов (Варшавско-Венская ж.д.) (27.10.1906);
14. 60 тыс. – анархисты и ПСР, филиал Петербургского международного банка (г. Одесса) (29.11.1906);
15. 59 тыс. – ПСР, банковские артельщики (Козлово-Саратовская ж.д.) (09.06.1906);
16. 43 тыс. – Дашнакцутюн, почтовый разъезд, г. Шуша (Елисаветпольская губ.) (30.06.1905);
17. 43 тыс. – «революционеры», артельщик винного склада (СПб.) (29.01.1907);
18. 30 тыс. – «революционеры», Таганрог, артельщик Азово-Донского банка (область Войска Донского) (28.04.1907);

19. 26,5 тыс. – ПСР, казначейская карета (Грайворонский у., Курская губ.) (26.10.1906);
20. 25 тыс. – «революционеры», банковские артельщики, станция Тарасовка (Юго-Восточная ж.д.) (05.07.1906);
21. 23,5 тыс. – «революционеры», казначей портовой таможни (СПб.) (28.06.1906);
22. 20 тыс. – «экспроприаторы», касса московского университета (22.02.1907);
23. 19 тыс. – большевики, почтовый поезд, станция Воронки (Уфа-Златоустовская ж.д.) (01.08.1906 г.);
24. 17 тыс. – «революционеры», Общество с/х кредита (г. Тифлис) (06.04.1906);
25. 15 тыс. – боевики РСДРП, артельщик Невского судостроительного завода (СПб.) (июль 1906);
26. 14 тыс. – ПСР, казенный сборщик (г. Ташкент, Туркестан) (08.02.1907);
27. 12,5 тыс. – максималисты, брянский купец А.А. Акимов (Орловская губ.) (19.10.1906);
28. 10 тыс. – анархисты и максималисты, кассир Брянского арсенала (Орловская губ.) (28.02.1907);
29. 9 тыс. – анархисты, казенный артельщик, станция Шелухово (Московско-Казанская ж.д.) (21.06.1906);
30. 9 тыс. – «революционеры», банковские артельщики (г. Екатеринослав) (18.02.1906);
31. 8 тыс. – меньшевики, Демиевская почтово-телеграфная контора, (Киевская губ.) (18.02.1906);
32. 7,3 тыс. – РСДРП, контора завода Фельзера, г. Рига (Лифляндская губ.) (17.02.1906);
33. 5 тыс. – ПСР, касса конторы кооперативного общества «Надежда», г. Н. Новгород (июнь 1906).

Итого – около 3,780 млн. рублей.

Таблица объектной направленности и количества террористических проявлений в Европейской России во второй половине XIX – начала XX вв.

объекты покушений	XIX в.	1901-1904	1905	1906	1907	1908-1917	Всего
государственные служащие	23 (56%)	7 (64%)	38 (75%)	66 (44%)	102 (39%)	39 (28%)	275 (42%)
частные лица	13 (32%)	4 (36%)	11 (21%)	38 (26%)	46 (18%)	41 (30%)	153 (24%)
государственное имущество	5 (12%)	-	1 (2%)	29 (19%)	59 (23%)	29 (21%)	123 (19%)
частная собственность	-	-	1 (2%)	17 (11%)	52 (20%)	28 (21%)	98 (15%)
Всего	41	11	51	150	259	137	649

Таблица 3

Таблица способов террористических покушений против физических лиц в Европейской России во второй половине XIX – начала XX вв.

способ покушения	XIX в.	1901-1904	1905	1906	1907	1908-1917	Всего
по месту работы	8 (22%)	5 (42%)	21 (44%)	29 (44%)	33 (35%)	5 (13%)	101 (35%)
на маршруте движения	11 (31%)	3 (24%)	13 (27%)	19 (29%)	23 (25%)	6 (16%)	75 (26%)
по месту жительства	6 (17%)	1 (8%)	7 (15%)	12 (18%)	25 (27%)	23 (62%)	74 (25%)
путем «выслеживания»	2 (6%)	-	6 (12%)	4 (5%)	5 (5%)	1 (3%)	18 (6%)
на прогулке	4 (11%)	2 (16%)	1 (2%)	1 (2%)	5 (5%)	1 (3%)	14 (5%)
«ловушка»	5 (14%)	1 (8%)	-	1 (2%)	2 (3%)	1 (3%)	10 (3%)
Всего	36	12	48	66	93	37	292

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

1.1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1.1.1. Фонд 102. Департамент полиции Особый отдел.

Опись 233 (1905). Д. 1735; 1800 ч. 13; 1967; 2550 ч. 43; 2502; 2522; 2553; 2554.

Опись 234 (1906). Д. 3 ч. 23; 3 ч. 48; (П) 280; 8 ч. 48.

Опись 235 (1906). Д. 20 ч. 67; 20 ч. 114; 1226.

Опись 236 (1906). Д. 13 ч. 11; 20 ч. 14; 808 ч. 1; 808 ч. 2.

Опись 237 (1907). Д. 80 ч. 11; 80 ч. 26; 80 ч. 40; 80 ч. 58.

Опись 238 (1908). Д. 10 т. 2 ч. 1-3; 80 ч. 11; 80 ч. 26; 80 ч. 40; 80 ч. 60.

Опись 239 (1909). Д. 80 ч. 11; 80 ч. 26; 80 ч. 40; 80 ч. 60.

(1912). Д. 98.

1.1.2. Фонд 111. Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Петрограде при петроградском градоначальнике. 1866-1917.

Опись 5. Д. 122, 136, 138, 144, 171, 177, 216, 263, 282, 319.

Опись 6. Д. 103.

Опись 7. Д. 7.

1.1.3. Фонд 124. Первый департамент министерства юстиции. III Уголовное отделение. II делопроизводство.

Опись 43 (1905-1906). Д. 565, 687, 3598, 3641.

Опись 44 (1906). Д. 401; ч. 2, 589; ч. 2, 590; ч. 2, 3529; ч. 2, 3639; ч. 2, 3657; ч. 2, 3764; ч. 2, 3864.

Опись 45 (1907). Д. 2217, 2308.

Опись 46 (1908). Д. 139, 503, 1286, 1319.

Опись 47 (1909). Д. 172, 1454, 1472.

Опись 48 (1910). Д. 140.

1.2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

1.2.1. Фонд 801. Главное военно-судное управление.

Опись 2/58. 4 отд. 1907. Св. 117. Д. 1113.

Опись 5. 5 отд. 1907. Т.2. Св. 20. Д. 8.

Опись 5. 5 отд. Т.2. Св. 296. Д. 62/3.

Опись 6. 5 отд. 1908. Св. 36. Д. 13-15, 19, 21/3.

Опись 7. 5 отд. 1906. Св. 16. Д. 579/5.

Опись 7/67. 5 отд. 1909. Д. 9/97. Св. 61; 9/102. Т. 2. Св. 61; 10/25-10/28. Св. 51; 10/45. Св. 54; 19. Св. 50; 24. Св. 51;

Опись 7/67. 5 отд. 1911. Св. 59. Д.10/77.

Опись 8/68. 5 отд. 1912. Св. 96. Д. 65.

1.2.2. Фонд 1351. Военно-окружной суд Петроградского военного округа.

Опись 1. Т. 14. Д. 12942.

1.2.3. Фонд 1352. Канцелярия военного прокурора Петроградского Военно-окружного суда.

Опись 1. Д. 1284.

1.2.4. Фонд 1614. Московский военно-окружной суд. 1865-1918 гг.

Опись 1 (1614-1). Д. 133, 135, 138, 304.

Опись 2 (1614-1). Д. 712, 304 (1614-2), 376 (1614-2).

Опись 28 (1614). Д. 18.

1.2.5. Фонд 1730. Военный прокурор Военно-окружного суда Казанского военного округа.

Опись 1. Д. 17.

1.3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

1.3.1. Фонд 274. Центральный комитет ПСР.

Опись 1. Д. 1-2, 20, 25, 33-34, 36-38.

Опись 2. Д. 2.

1.3.2. Фонд 673. Фильмокопии архива Международного института социальной истории «ПСР». 1870-1934.

Дела 331-348, 435-446.

1.4. Российский государственный исторический архив (РГИА) (г. СПб.)

1.4.1. Фонд 472. Канцелярия министра императорского Двора.

Опись 40. Д. 124.

1.4.2. Фонд 727. Личный фонд Э.Ю. Нольде (1854-1909).

Опись 2. Д. 109.

1.4.3. Фонд 1093. Личный фонд П.Е. Щеголева.

Опись 1. Д. 135, 187.

1.4.4. Фонд 1276. Совет министров (1905-1917).

Опись 2. 1907. Д. 128, 172-175.

Опись 3. 1907. Д. 176.

Опись 4. 1908. Д. 163.

Опись 5. 1909. Д. 123.

Опись 6. 1910. Д. 97.

Опись 7. 1911. Д. 73.

Опись 8. 1912. Д. 77.

Опись 9. 1913. Д. 133.

1.4.5. Фонд 1284. Департамент общих дел МВД.

Опись 47. 1906. Д. 6.

1.4.6. Фонд 1290. Центральный статистический комитет МВД.

Опись 6. Д. 441-457.

1.4.7. Фонд 1328. Управление дворцового коменданта.

Опись 2. Д. 12, 41, 64, 89, 479.

1.4.8. Фонд 1405. Министерство Юстиции.

Опись 521. Д. 461.

Опись 530. Д. 1069-1072, 1085-1087.

Опись 539. Д. 400-405, 508-510, 514.

1.4.9. Фонд 1410. Вещественные доказательства по делам министерства юстиции.

Опись 1. Д. 153.

1.5. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО)

1.6.1. Фонд 5. Истпартотдел воронежского губкома РКП(б).

Опись 1. Д. 8, 82, 84, 112, 116, 117, 121, 123, 160, 177-178, 190-192, 198, 200, 202, 204, 206, 207, 209, 230, 252, 264, 280, 284, 292, 296-303, 307-309, 467-468, 501, 536, 616, 618, 694, 736, 747, 777, 872, 919, 990.

1.6.2. Фонд 290. Коллекция редких печатных изданий.

Опись 1. Д. 2-4, 6-10, 12-15, 20, 22-24.

Опись 2. Д. 3, 5-7, 9-10, 12-14, 16-24, 26-31.

1.6.3. Фонд 489. Воронежское областное отделение Всесоюзного общества старых большевиков.

Опись 1. Д. 5, 9, 15, 23, 25, 26, 35, 45, 46, 52.

Фонд 9353. Управление КГБ СССР по Воронежской области.

Опись 2. Д. П-24424.

1.6. Государственный архив Воронежской области (ГАВО)

1.6.1. Фонд И-1. Воронежское губернское жандармское управление.

Опись 1. Д. 127, 739, 741, 791, 997, 1014, 1044, 1057, 1093, 1110, 1294.

Опись 2. Д. 25, 74, 96, 98, 127, 196, 199, 201, 261, 266, 272-273, 331, 350, 364, 391, 402, 441-443, 453-454, 459-464, 533, 541, 567, 574, 576, 587, 610, 662, 667, 668, 672, 697, 700, 704, 713, 723-725, 734, 738, 740, 753, 777, 806, 808, 810-811, 823, 830, 842, 865, 895, 908, 1031, 1094, 1123-1124, 1218.

1.6.2. Фонд И-6. Канцелярия Воронежского губернатора.

Опись 1. Д. 597, 673, 691, 694, 710, 718, 727, 802, 864, 1023-1024, 1060, 1064, 1077, 1086, 1222, 1230, 1237, 1243, 1248-1251, 1305-1308, 1314-1322, 1340,

1342, 1429, 1436, 1465-1467, 1476, 1481-1485, 1496, 1502, 1539, 1597, 1601, 1629, 1630, 1641, 1644, 1650, 1653, 1658.

Опись 2. Д. 95, 118, 123-131, 141-142, 146, 151, 170, 172, 178, 179, 187, 325, 379.

Опись 3. Д. 93, 121, 140.

1.7. Государственный архив Курской области (ГАКО)

1.7.1. Фонд 1. Канцелярия Курского губернатора.

Опись 1. Д. 7543-7544, 7760, 7764, 7834-7835, 7910, 8049, 9707, 10030-10031, 10048, 10051, 10111, 10126, 10129, 10131, 10133, 10262.

1.7.2. Фонд 1642. Курское губернское жандармское управление.

Опись 1. Д. 233-233а, 359, 453, 455, 464, 486-487, 490, 500, 541, 544, 576, 580, 599, 600-601, 612, 639, 670-671, 700, 737, 764.

Опись 2. Д. 69, 111, 113, 119-120, 151, 166, 168, 176, 181, 184, 190, 196, 203, 276, 283-284, 286, 295, 298, 300, 306, 335, 348, 367-368, 429, 433, 438.

1.8. Государственный архив Орловской области (ГАОО)

1.8.1. Фонд 580. Канцелярия Орловского губернатора.

Стол 1. Д. 4196, 4272, 4403, 4475 (ОЦ), 4647, 4794, 4804-4805, 4833-4835, 4837-4849, 4852-4854, 4856, 4876, 4958, 4976, 50515054, 5085, 5086, 5089, 5107, 5150, 5273, 5280 (ОЦ), 5470.

Стол 2. Д. 3180 (ОЦ)- 3181 (ОЦ), 3267.

Стол 3. Д. 7281-7282, 7285-7288, 7330-7333 7325-7353, 7356-7357.

1.8.2. Фонд 635. Прокурор Орловского окружного суда.

Опись 1. Д. 217, 218, 258, 260, 317, 318, 333, 344.

Опись 2. Д. 276-277, 313-315, 319, 333, 354, 367, 369.

1.8.3. Фонд 883. Орловское губернское жандармское управление.

Опись 1. Д. 291, 307 (ОЦ), 363, 376-377, 385-386, 393-394, 396, 404, 461, 466А, 473, 476, 478, 481А, 490, 499, 531, 552-553, 561 (ОЦ), 576-577, 590.

1.8.4. Фонд 1001. Коллекция документов материалов по истории Орловской губ. 1787-1925 гг.

Опись 1. Д. 18, 21А.

1.8.5. Фонд П-9488. Воспоминания, личные документы (Партархив).

Опись 1. Д. 1-2, 35, 212.

1.8.6. Фонд П-70. Губернское бюро комиссии по собиранию и изучению материалов по истории (Партархив).

Опись 1. Д. 28, 46-48, 50-51.

1.9. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО)

1.9.1. Фонд 4. Канцелярия Тамбовского губернатора.

Опись 1. Д. 5816 (ОЦ), 5958 (ОЦ), 6300, 6304 (ОЦ), 6357 (ОЦ), 6359 (ОЦ), 6491, 6530, 6539 (ОЦ), 6544 (ОЦ) - 6545 (ОЦ), 6621 (ОЦ), 6623, 6746, 6780 (ОЦ), 6791 (ОЦ), 6965, 6969-6972, 6999-7000, 7015, 7018, 7632.

1.9.2. Фонд 8. Коллекция листовок, прокламаций, воззваний, брошюр и газет политических партий нелегально и легально распространявшихся в Тамбовской губ. в 1901-1918 гг.

Опись 1. Д. 116, 126, 136, 160, 202, 214-217, 221, 225.

1.9.3. Фонд 66. Прокурор Тамбовского окружного суда.

Опись 1. Д. 888.

Опись 2. Д. 12.

1.7.4. Фонд 272. Тамбовское губернское жандармское управление.

Опись 1. Д. 339 (ОЦ), 406 (ОЦ), 416 (ОЦ), 636 (ОЦ), 675 (ОЦ), 687 (ОЦ), 980 (ОЦ), 981 (ОЦ), 985 (ОЦ), 986 (ОЦ), 991 (ОЦ), 1056, 1137 (ОЦ), 1142 (ОЦ), 1144 (ОЦ) - 1152 (ОЦ), 1157, 1160, 1194, 1199, 1204 (ОЦ), 1259-1260, 1271-1272, 1282, 1286, 1288, 1289 (ОЦ) - 1291 (ОЦ), 1293 (ОЦ), 1368, 1379 (ОЦ), 1398 (ОЦ), 1402 (ОЦ), 1488 (ОЦ), 1505 (ОЦ), 1593 (ОЦ), 1596 (ОЦ), 1640, 1683, 1704, 1709, 2160, 2215 (ОЦ), 2233 (ОЦ), 2277 (ОЦ).

1.7.5. Фонд 1023. Козловский полицмейстер. 1869-1916 гг.

Опись 1. Д. 123.

1.7.6. Фонд 1025. Тамбовский полицмейстер. 1877-1914 гг.

Опись 1. Д. 95а.

1.10. Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО)

1.10.1. Отдел губкома ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б).

Опись 1. Д. 11, 13, 17, 40, 44, 46, 285, 308, 310, 315, 326, 336, 344-347, 350, 355.

1.5. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ) (г. Киев)

1.5.1. Фонд 275. Киевское охранное отделение.

Опись 1. Д. 1651-1652.

1.5.2. Фонд 315. Военный прокурор Киевского военно-окружного суда.

Опись 2. Д. 274.

1.5.3. Фонд 316. Киевский военно-окружной суд.

Опись 1. Д. 484, 528, 576, 591.

1.5.4. Фонд 336. Харьковское губернское жандармское управление.

Опись 1. Д. 3088.

1.5.5. Фонд 385. Одесское жандармское управление.

Опись 1. Д. 2105.

1.5.6. Фонд 705. Юго-Восточное районное охранное отделение.

Опись 1. Д. 53, 69, 153, 191, 353. Т.1. Ч. 1, 445.

1.5.7. Фонд 1072. Харьковская судебная палата.

Опись 3. Д. 1575.

Опись 6. Д. 10.

2. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Анархисты: Док. и мат. В 2 т. 1883-1935 гг. Т.1: 1883-1916 гг. / Сост., предисл., введ., коммент. В.В. Кривенький. – М.: РОССПЭН, 1998. – 703 с.

Агентурная работа политической полиции Российской империи (1880-1917). – М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин 2006. – С.384.

Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 гг. бывшего Московского Охранного отделения. – М.: Политиздат, 1990. – 3-е изд. – 335 с.

Военные восстания в Балтике 1905-1906 гг. Сб. док. – Партиздат, 1933. – 342 с.

Воля труда: Сборник статей по вопросам программы и тактики максимализма. – [Благовещенск], Изд. Амур. Обл. исполн. Бюро С.Р. Максималистов, [1907]. – 127 с.

В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908-1912 гг. Док. и мат. из коллекции Б.И. Николаевского и его творческой лаборатории. Публ. подг. и авторы примеч. Ю.Г. Фельштинский и Г.И. Чернявский // Вопросы истории. – 2010. – № 6-12. – 2011. – № 1-12. – 2012. – № 1-4.

История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. – Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1996. – 576 с.

Заключение Судебно-следственной комиссии по делу Азефа. – М.: Типография Николая Степанова, 1911. – 125 с.

Крестьянское движение в России в 1901-1904 гг. Сб. док. – М.: Наука, 1998. – 368 с.

Начало первой русской революции. Январь-март 1905 г. Док. и мат. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 960 с.

Памятная книжка социалиста-революционера. – М., 1914. – Вып. 2. – 88 с.

Партия социалистов-революционеров: док. и мат., 1900-1922 гг. – М.: РОССПЭН, 1996. – в 3-х т.

Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. – М.: Партиздат, 1932. – 368 с.

Письма Азефа: 1893-1917 / Сост. Д.Б. Павлов, З.И. Перегудова. – М.: ТЕРРА, 1994. – 287 с.

Политическая полиция и политический терроризм в России: Вторая половина XIX – начало XX в.: Сб. док. / Отв. ред. Е.И. Щербакова. – М.: АИРО-XX, 2001. – 520 с.

Революционное движение на Брянщине (1895 – февраль 1917 гг.). Сб. док. и мат. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1975. – 352 с.

Революционный радикализм в России: век XIX. – М.: Археограф. центр, 1997. – 576 с.

Революция 1905-1907 гг. в России. Док. и мат. – М.: Изд-во АН СССР, 1955-1963. В т. и ч.

Союз эсеров-максималистов. 1906-1924 гг. Документы, публицистика. – М.: РОССПЭН, 2002. – 423 с.

Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. / Предисл. К.Ф. Шацилло; Сост., коммент. Ю.Г. Фельштинский. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 411 с.

Страницы истории эсеров-максималистов / Вступительная статья Д.Б. Павлова, публикация З.И. Перегудовой // Вопросы истории. – 1988. – № 5. – С. 85-101.

Царизм в борьбе с революцией 1905-1907 гг. Сб. док. / Под ред. А.К. Дрезена. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 259 с.

3. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Анархист. – Париж, 1907-1909. – № 1-4.

Борьба и жизнь. – Издание Воронежского комитета ПСР. – 1907-1908. – № 1-4.

Бунтарь. – Орган русских анархистов-коммунистов. – Париж. – 1906-1909. – № 1-4.

Былое. – СПб. – 1906-1907. – № 1-22.

Вольный дискуссионный листок ПСР. – Париж. – 1905. – № 1-3.

Вперед. – Женева. – 1904-1905. – № 1-18.

Голос социал-демократии. – Женева-Париж. – 1908-1911. – № 1-26.

Деревня. – Изд-во Поволжского Областного комитета ПСР. – 1907-1908. – № 1-3.

За народ! – Всероссийский союз солдат и матросов. Издание ЦК ПСР – 1907-1909. – № 1-19.

Знамя труда. – СПб.-Париж, 1907-1914. – № 1-53.

Летучий листок Революционной России. – Издание ЦК ПСР. – Женева. – 1902-1904. – № 1-4.

Новое время. – СПб.-Петроград. – 1901-1917.

Последние известия. – Бюллетень Заграничного комитета Бунда. – Лондон-Париж. – 1901-1906.

Правительственный вестник. – СПб.-Петроград. – 1901-1907.

Право. Еженедельная юридическая газета. – СПб.-Петроград. – 1898-1917.

Революционная Россия. – Издание ЦК ПСР. – Куоккала-Томск-Париж-Женева, 1901-1905. – № 1-77.

Пролетарий. – Центральный орган РСДРП. – Женева. – 1905.

Русское слово. – Москва. – 1900-1910.

Русь. – Орган партии кадетов. – СПб.-Петроград. – 1906-1917.

Социалист-революционер. – Издание Тамбовского комитета ПСР. – 1906-1907. – № 1-6.

Хлеб и воля. – Женева. – 1903-1905. – № 1-24.

4. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ, МЕМУАРЫ

Аладжалова Н.Н. Из большевистского подполья: (Восп.). – Тбилиси: Сабчота сакартвело, 1963. – 79 с.

Анисимов С.С. Не судебная ошибка, а черная неправда: (Дело об убийстве ген. Желтоновского). – М.: Изд-во ВОПиСС, 1929. – 46 с.

Аркомед С.Т. Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе (С 80-х годов по 1903 г.) / С предисловием к первому изд. Г.В. Плеханова. – М.: Пг.: Госиздат, 1923. – 183 с.

Беренштам В.В. В боях политических защит. – Л., М.: Изд-во «Книга», 1925. – 230 с.

Бобровская (Зеликсон) Ц. Записки рядового подпольщика (1894-1914). Изд. 2., доп. и испр. – М.: Изд. Коммунист. ун-та имени Я.М. Свердлова, 1924. – 203 с.

Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. – М.: Изд-во «Новости», 1990. – 608 с., ил.

Боевая группа при ЦК РСДРП(б). (1905-1907 гг.): Ст., восп. / Сост. С.М. Познер. – М., Л., 1927. – 284 с.

Буренин Н.Е. Памятные годы. Воспоминания. – Л.: Лениздат, 1961. – 302 с.

Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. – М., Л.: Современник, 1989. – Ре-
принтное изд. – 271 с.

Васильев А.Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка»: Воспоми-
нания руководителей охранных отделений. – Т. 2. – М.: Новое литературное обо-
зрение, 2004. – С. 345-515.

Витте С.Ю. Воспоминания. – В 3-х т. – М.: Соцэкгиз, 1960.

Вознесенский А.Н. Крестьянское братство (из воспоминаний защитника) //
Каторга и ссылка. – 1933. – № 11 (108). – С. 89-108.

Он же. Тени прошлого: (По царским судам). Из восп. политического защит-
ника. – М.: Изд-во ВОПиСС, 1928. – 112 с.

Гельзин С.Л. (Бабаджан) Южное Военно-Техническое Бюро при ЦК РСДРП
[Воспоминания] // Каторга и ссылка. – 1929. – № 12. – С. 28-42.

Генкин И.И. Среди преемников Бакунина. Заметки по истории российского
анархизма периода 1905-1906 гг. (Махаевцы, безначальцы, чернознаменцы, без-
мотивцы, черные вороны, анархисты против анархизма) // Красная Летопись. –
1927. – № 1 (22). – С. 170-205.

Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания ру-
ководителей охранных отделений. – Т. 2. – М.: Новое литературное обозрение,
2004. – С. 141-345.

Гершуни Г.А. Из недавнего прошлого. – М.: «Земля и воля», 1917. – 254 с.

Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего на-
чальника Петроградского охранного отделения. – М.: РОССПЭН, 2009. – 519 с.,
[16] л. ил.

Гончаров В.Ф. За Невской заставой: Записки рабочего Алексея Бузинова. –
М., Л.: Госиздат, 1930. – 176 с.

Гребнев П.В. Записки. – Кострома, Костромское науч. общ. по изучению
местного края, 1918. – 81 с.

Григорович Е.Ю. Зарницы: наброски из рев. движения 1905-1907 гг. – Л.:
Издание М. и С. Сабашниковых, 1925. – 113 с.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – М.: Новое лит. обозрение, 2000. – 810 с.

Дейч Л.Г. Провокаторы и террор. По личным воспоминаниям. – Тула: 1926. – 131 с.

Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997.

Дневники императора Николая II. – М.: Орбита, 1991. – 736 с.

Заварзин П.П. Жандармы и революционеры // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. – Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 411-493.

Он же. Работа тайной полиции // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. – Т. 2. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 7-140.

Залежский В.Н. На партийном фронте между двумя революциями. Ч.1. В эпоху реакции (1906-1912 гг.). – М., Л.: ГИЗ «Печатный двор», 1925. – 92 с.

Засулич В.Н. Воспоминания. – М.: Издательство политкаторжан, 1931. – 157 с.

Звездов А.А. Рядовой подпольщик в революции 1905 г. – М.: Изд-во ВОПиСС, 1925. – 47 с.

Зензинов В.М. Пережитое. – Н.-Й.: Изд-во им. Чехова, 1953. – [Электронный ресурс]. URL:<http://ldn-knigi.lib.ru>.

Ивановская П.С. В боевой организации: Воспоминания // Женщины-террористки в России. – Ростов н/Дону: «Феникс», 1996. – С. 29-173.

Измайлович А.А. Из прошлого // Женщины-террористки в России. – Ростов н/Дону: «Феникс», 1996. – С. 325-423.

Из прошлого. Революционная борьба рабочих Брянской губ. (1896-1917 гг.). – Вып. I. – Брянск: Испарт, 1924. – 109 с.

Кадомцев Э.С. – Восп. о молодости. – М.: Молодая гвардия, 1937. – 51 с.

Кальманович С.Е. Царская расправа. – М.: Изд-во ВОПиСС, 1928. – 16 с.

Караваев П.Н. В дооктябрьские годы. На партийной работе, в тюрьме и ссылке. – М.: Госполитиздат, 1953. – 2-е изд. – 160 с.

Кийков А.А. Из бывшего Урала. Материалы к истории рев. движения на Южном Урале и в Приуралье. (1905-1916 гг.). – Уфа: Башкирский истпарт, 1923. – 152 с.

Козлинина Е.И. За полвека. 1862-1912 гг. (Пятьдесят лет в стенах суда). Восп., очерки и характеристики. – М.: Тип. т./д. Бердоносов, ф. Пригорин, 1913. – 561 с.

Комаров Н. Очерки по истории местных и областных боевых организаций социалистов-революционеров. 1905-1909 // Каторга и ссылка. – 1926. – № 4 (25). – С. 56-81.

Коковихин М.Н. Партийная работа подполья Миньярской организации // Былое Урала. – 1924. – № 3. – С. 5-51.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Восп. 1903-1919 гг. – М.: Наука, 1992. – В 2 т.

Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905-1914). Новгород-Самара-Пенза. – Пг.: Тип. «Содружество», 1916. – 259 с.

Курлов П.Г. Гибель императорской России: восп. товарища министра внутр. дел. – М.: Захаров, 2002. – 301 с.

Лион С.Е. От пропаганды к террору. – М.: Новая Москва, 1925. – 64 с.

Лядов М.К. Из жизни партии в 1903-1907 годах. – М.: Политическая литература, 1956. – 224 с.

Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума. Воспоминания современника. 20.02-02.06.1907 г. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 335 с.

Мандельштам М.Л. 1905 г. в политических процессах. Записки защитника. – М.: Изд-во ВОПиСС, 1931. – 392 с.

Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов: Воспоминания // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. – Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 28-410.

Милюков П.Н. Воспоминания. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.

Мишлов С.Р. Петербург в 1903-1910 гг. – Рига: «Книга для всех», 1931. – 304 с.

Мицкевич С.И. Революционная Москва. 1888-1905. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

Морозов Н.А. Повести моей жизни : в 3 т. – М.: АН СССР, 1947. – Т. 1. – 407 с.

Мызгин И.М. Со взведенным курком. – М.: Молодая гвардия, 1964. – 192 с., ил.

«Народная воля» и «Черный передел»: Восп. участников революционного движения в Петербурге в 1879-1882 гг. / Сост. В.Н. Гинев, А.Н. Цамутали. – Л.: Лениздат, 1989. – 415 с.

Нестроев Г.А. Из дневника максималиста. – Париж: 1910. – 223 с.

Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. – М.: Изд-во МГУ: СП «Ост-Вест корпорейшен», 1991. – 252 с.

Островитянов К.В. Думы о прошлом (из истории первой российской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве). – М.: Наука, 1967. – 315 с., ил.

Первая боевая организация большевиков 1905-1907 гг. Ст., восп. и док. Сост. С.М. Познер. – М.: Старый большевик, 1934. – 303 с.

1 марта 1881 года: Казнь императора Александра II: Документы и воспоминания / Сост. В.Е. Кельнер. – Л.: Лениздат, 1991. – 384 с., ил.

Прасолов А.Н. Как туровские крестьяне боролись с самодержавием. – М.: [Б.и.], 1928. – 63 с.

Провокатор. Восп. и док. о разоблачении Азефа. Ред. и вступление П.Е. Щеголева. – Л.: Прибой, 1929. – 348 с.

Ростов Н.М. Южное Военно-техническое бюро при ЦК РСДРП // Каторга и ссылка. – 1926. – № 1. – С. 93-108.

Рутенберг П.М. Убийство Гапона. – Л.: Былое, 1925. – 125 с.

Савинков Б.В. Воспоминания // Былое. – 1917. – № 1-3. – 1918. – № 1-3, 12.

Техника большевистского подполья. Сб. ст. и восп. – Вып. I. – М., Л.: [Б.г.], 1923. – 297 с.

Фролов Г.Н. Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. 1924. №1(8). С. 114-120.

Ченцов И.Д. Десяток. Рассказ о рабочей боевой дружине 1905 г. – Ростов н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1965. – 60 с.

Чернавский М.М. В Боевой организации // Каторга и ссылка. – 1930. – № 7-9.

Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания / Предисловие С. Сергеева. – М.: Междунар. отношения, 1993. – 408 с.

Чужак (Насимович) Н.Ф. Идея вооруженного восстания и большевистская работа в армии: По документам и памяти участника. – М.: Изд-во ВОПиСС, 1929. – 130 с.

Шаповалов А.С. В борьбе за социализм. – М.: Политическая литература, 1957. – 310 с.

Шауров И.В. 1905 год. Воспоминания участника революции 1905-1907 гг. – М.: Мысль, 1965. – 263 с., ил.

Шумяцкий Б.З. В Сибирском подполье: очерки, 1903-1908. – М., Л.: Московский рабочий, 1926. – 193 с.

«Это я виноват...»: эволюция и исповедь террориста: Письма Егора Созонова с комментариями / Сост. и коммент. А.Ф. Савина. – М.: 2001. – 520 с.

5. ИССЛЕДОВАНИЯ

Абрамов П.Н. Из истории крестьянского движения 1905-1906 гг. в Центрально-Черноземных губерниях // Ист. зап. – М.: 1956. – Т. 57. – С. 293-311.

Аврех А.Я. Документы ДП как источник по изучению либерально-оппозиционного движения в годы первой мировой войны // История СССР. – 1987. – № 6. – С. 32-49.

Авцинова Г.И. Политический радикализм в России: социокультурный аспект. – Киев, [Б.и.], 1995. – 156 с.

Алексеев В. Очерки истории революционного движения в Воронежской и Курской областях. – Воронеж: Коммуна, 1935. – 222 с.

Альманах. Сб. по истории анархического движения в России. – Т. 1. – Париж, [Б.и.], 1909. – 190 с.

Альтман И.А. Программа группы А.И. Ульянова // Вопросы истории. – 1977. – № 4. – С.34-44.

Бабаева Н.П. Ленинская тактика «левого блока» в революции 1905-1907 гг. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 119 с.

Бабашкин В.В. Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической // Общ. науки и современность. – 1995. – № 3. – С. 99-110.

Он же. Крестьянская революция в России и концепции аграрного развития // *Общ. науки и современность*. – 1998. – № 2. – С. 84-94.

Багдасарян В.Э «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX-XX вв. – М.: Сигналь, 1999. – 515 с.

Базанов В.И. И.А. Худяков и покушение Каракозова // *Русская литература*. 1962. – №4. – С.146-163.

Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905-1917 гг. // *Вопросы истории*. – 1992. – № 1. – С. 19-31.

Бакаев А.А. Отечественная историография политического терроризма в Российской империи начала XX века. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. – 135 с.

Балыбердин Ю.А. Общественно-политическая жизнь в Вятско-Камском регионе в начале XX века (1900-1914 годы). – М.: Изд. Пермского гос. ун-та, 2005. – 400 с.

Он же. Общественные организации Вятско-Камского региона накануне и в годы первой русской революции // *Вопросы истории*. – 2006. – № 10. – С. 140-144.

Баранов А.С. Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // *Общ. науки и современность*. – 1998. – № 2. – С. 181-191.

Терроризм и гражданское мученичество в европейской политической культуре Нового и Новейшего времени // *Общ. науки и современность*. – 2004. – № 12. – С.77-78.

Баталов Э.Я. Философия бунта (Критика идеологии левого радикализма). – М.: Политиздат, 1973. – 222 с.

Бахтурина А.Ю. Великое княжество Финляндское в годы первой русской революции // *Вопросы истории*. – 2006. – № 11. – С. 39-53.

Безбережьев С.В. Мария Александровна Спиридонова // *Вопросы истории*. – 1990. – № 9. – С. 65-181.

Белозеров А.А. Записки по рабочему движению Нижегородского края. – Нижний Новгород: Издание Истпропрофа НГСПС, 1926. – 139 с.

Берман Я. Влияние социально-правового и экономического фактора на государственную преступность // *Право*. – 1913. – № 33. – С. 1912-1914.

Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. – М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912. – 384 с.

Боевая и военная деятельность большевистских организаций Урала (1905-1920 гг.). Сб. науч. тр. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1983. – 144 с.

Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охраны. – М.: Рев. социализм, 1918. – 112 с.

Борьба Ленина против мелкобуржуазной революционности и авантюризма. – М.: Мысль, 1966. – 317 с.

Борисов А.Н. Особый отдел империи: История Заграничной агентуры рос. спецслужб. – СПб.: Изд. дом «Нева», М.: ОЛМА-Пресс, 2001. – 480 с.

Будницкий О.В. «Кровь по совести»: терроризм в России. Вторая половина XIX – начало XX вв. // Отечественная история. – 1994. – №6. – С. 203-209.

Он же. «Теоретическое» убийство // За строкой учебника истории. Сб. ст. – Ростов н/Д.: Ростовский госпедуниверситет, 1995. – С.210-220.

Он же. Истоки терроризма: 1960-е // За строкой учебника истории. Сб. ст. – Ростов н/Д.: Ростовский госпедуниверситет, 1995. – С.221-232.

Он же. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX вв.). – М.: РОССПЭН, 2000. – 399 с.

Он же. Терроризм глазами историка. Идеология терроризма // Вопросы философии. – 2004. – № 5. – С. 3-20.

Он же. П.А. Кропоткин и проблема революционного терроризма. – [Электронный ресурс]. – URL:<http://terroristica.info/digest0026.htm>.

Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.

Он же. Имперство и российская революционность (Критические заметки) // Отечественная история. – 1997. – № 1-2. – С. 20-35.

Он же. Кризис империи и революционный национализм начала XX века в России // Вопросы истории. – 2000. – № 1. – С. 29-45.

Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. – М.: Мосгорархив, 1996. – 395 с.

Варфоломеев Ю.В. «Русский способ»: Феномен революционного терроризма в России начала XX в. // Российский исторический журнал. – 2008. – № 2. – С. 3-51.

Он же. Знаменитые судебные процессы по делам революционных террористов в России (1901-1911). – Энгельс, 2009. – 188 с.

Вахрушев В.А. Исторические аспекты терроризма // Вестник академии военных наук. – 2011. – № 2 (35). – С. 187-196.

Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ. / Сост. Т. Шанина; Под ред. А.В. Гордона. – М.: Изд-ская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. – 432 с.

Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. – М.: Русская книга, 1992. – 384 с.

Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Пер. с англ. – М.: Логос, 2002. – 272 с.

Витюк В.В., Эфиоров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. – М.: Наука, 1987. – 318 с.

Владимиров В. Мария Спиридонова. – М.: Изд-во А.П. Поплавского, 1905. – 164 с.

Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы. 1903-1917. – М.: Наука, 1974. – 418 с.

Волобуев О.В., Шелохаев В.В. «Великие потрясения» 1905-1907 годов в контексте российской модернизации // Свободная мысль. – 2005. – № 1. – С. 178-191.

Володин А.И., Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г. Чернышевский или Нечаев? – М.: Мысль, 1976. – 296 с.

Галкин В.В. Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением в России (1880-1910 гг.). – М.: Моск. юрид. институт, 1996. – 55 с.

Гейфман А.А. Революционный террор в России. 1894-1917 / Пер. с англ. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 446 с.

Она же. В сетях террора. Дело Азефа и Русская революция : пер. с англ. – М.: АИРО-XX, 2002. – 255 с.

Она же. Начало современного терроризма: очерк обычаев и нравов. – Н.-Й.: Бостонский ун-т, изд-во "Либерти", 2006. – [Электронный ресурс]. – URL:<http://gazeta.rjews.net/geifman.shtml>

Гернет М.Н. История царской тюрьмы. – М.: Юриздат, 1960-1963. – В 5 т.

Гинёв В.Н. Борьба за крестьянство и кризис русского народничества. 1902-1914 гг. – Л.: Наука, 1983. – 335 с.

Он же. Народовольческий террор в историографических оценках и мнениях // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX-XX вв. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 26-43.

Головков Г.З., Бурин С.Н. Канцелярия непроницаемой тьмы: Политический сыск и революционеры. – М.: Изд. фирма «Манускрипт», 1994. – 348 с.

Головков Г.З. Бунт по-русски: палачи и жертвы: Рандеву с революцией 1905-1907 гг. – М.: Детектив-пресс, 2005. – 624 с.

Горбунов Ю.С. К вопросу о классификации терроризма // Московский журнал международного права. – 1993. – № 1-3. – С. 51-65.

Горев (Гольдман) Б.И. Анархисты, максималисты и махаевцы: Анархист. движение в первой рус. революции. – Пг.: Книга, 1918. – 69 с.

Городницкий Р.А. Егор Созонов: мировоззрение и психология эсера-террориста // Отечественная история. – 1995. – № 5. – С. 168-174.

Он же. Б.В. Савинков и судебно-следственная комиссия по делу Азефа // Минувшее: Исторический альманах. – М., СПб.: 1995. – Вып. 18. – С. 198-242.

Он же. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. – М.: РОССПЭН, 1998. – 239 с.

Гохлернер В.М. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы Первой русской революции // Ист. зап. – 1955. – Т. 52. – С. 186-234.

Грачев А.С. Политический экстремизм. – М.: Мысль, 1986. – 271 с.

Гредескул Н.А. Террор и охранка. – СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1912. – 35 с.

Греков Б.И., Шацилло К.Ф. Динамика социально-политической напряженности в России в 1895-1913 гг. Опыт политического анализа // Россия и США на рубеже XIX-XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. – М.: Наука, 1992. – С. 17-40.

Григорьев Б.Н. Повседневная жизнь российских жандармов. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 853 с.

Гуляев А.И. Боевые дружины большевиков. Работа боевой организации большевиков Нарвской заставы г. Петербурга в 1905-1907 гг. – Л.: Молодая гвардия, 1935. – 165 с.

Гусев К.В., Ерицын Х.Д. От соглашательства к контрреволюции. Очерк истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров. – М.: Мысль, 1968. – 442 с.

Он же. От мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. Исторический очерк. – М.: Мысль, 1975. – 383 с.

Он же. Рыцари террора. – М.: Луч, 1992. – 144 с.

Он же. Эсеровская богородица. – М.: Луч, 1992. – 160 с.

Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. – СПб.: Алетейя, 2000. – 384 с.

Дубовик А. и А. Деятельность Екатеринбургских рабочих анархистов-коммунистов (1905-1906 гг.). – [Электронный ресурс]. – URL:<http://socialist.memo.ru/books/html/duboviki.html>.

Дубровский С.М. Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг. – М.: Академия наук СССР, 1956. – 168 с.

Егоров М. Крестьянское движение в Центральной Черноземной области в 1907-1914 гг. // Вопросы истории. – 1948. – № 5. – С. 4-8.

Емелях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой российской революции. – М., Л.: Наука, 1965. – 201 с.

Ермаков В.Д. Портрет российского анархиста начала XX века // Социс. – 1992. – № 3. – С. 97-99.

Он же. Российский анархизм и анархисты (вторая половина XIX – конец XX в.). – СПб.: Изд. координац. группа «Нестор», 1996. – 297 с.

Он же. Анархистское движение в России: история и современность / СПб. гос. акад. культуры. – СПб.: СПбГАК, 1997. – 202 с.

Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. – М.: Изд-во «Наука», 1966. – 373 с.

Жандармы России / Сост. В.С. Измолик. – СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – 640 с.

Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 160 с.

Жукова Л.В. Провокация с позиций законности // Вестн. МГУ. – Сер. 8. – История. – 1996. – № 2. – С. 30-37.

Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России, 1907-1914 гг. – М.: Наука, 1992. – 256 с.

Иванова О.А. Московское военно-техническое бюро РСДРП. 1906-1907 гг. // Ист. зап. – М.: 1955. – С. 210-252.

Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М.: Наука, 2004. – 574 с.

Они же. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.). – М.: Новый Хронограф, 2009. – 752 с.

Идельсон М.В. Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров // Краеведч. зап.: Исследования и материалы. – Вып. 1. – СПб.: 1993. – С. 7-22.

Иерусалимский Ю.Ю. Революционная пресса Центрального промышленного района в период первой российской революции 1905-1907 гг. – Ярославль: ЯГУ, 1996. – 156 с.

Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. Мат. конф. – М.: Мемориал, 1996. – 182 с.

Исаева Т.Б. История политического терроризма в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Методическое пособие. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1996. – 17 с.

Искендеров А.А. Закат империи. – М.: Редакция журнала «Вопросы истории», 2001. – 656 с.

История и террор: межвуз. науч. конф. – Пермь: Пермский ун-т, 1993. – 44 с.

История и террор: тезисы докладов на межвуз. науч. конф. / Гл. ред. Суслов М.Г. – Пермь: Пермский ун-т, 1996. – Вып. II. – 76 с.

Итенберг Б.С. П.Л. Лавров в русском революционном движении. – М.: Мысль, 1988. – 304 с.

Календарь русской революции изд-ва «Шиповник» / Под общей ред. В.Л. Бурцева. – Петроград: [Б.г.] – 2-е изд. – 338 с.

Камю А. Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.

Кан Г.С. Народная воля: идеология и лидеры. – М.: Пробел, 1997. – 196 с.

Он же. Наталья Климова. Жизнь и борьба. – СПб.: Изд-во им. Н.И. Иванова, 2012. – 392 с., ил.

Канев С.Н. Революция и анархизм: Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1890-1917 гг.). – М.: Мысль, 1987. – 328 с.

Карпов Н. Крестьянское движение в революции 1905 г. в документах. – Л.: ГИЗ, 1926. – 276 с.

Карпачев М.Д. Русские революционеры-разночинцы и буржуазные фальсификаторы. – М.: Мысль, 1979. – 212 с.

Он же. Очерки истории революционно-демократического движения в России. – Воронеж: ВГУ, 1985. – 248 с.

Он же. Истоки российской революции: легенды и реальность. – М.: Мысль, 1990. – 269 с.

Он же. Воронежская деревня в годы столыпинской земельной реформы // Русская провинция. – Вып. 2. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, – 1995. – С. 5-24.

Киселев А.А. Бомба для генерал-губернатора. Революционный террор и чиновники МВД Белорусских губерний в 1905-1907 гг. // Белорусская думка. – 2008. – Июнь. – С. 48-53.

К истории боевых организаций на Урале (по восп. Э.С. Кадомцева, О.М. Кадомцевой, Н.Н. Накорякова и М.И. Ерофеевой, записанным на вечере товарищеских воспоминаний 5 ноября 1924 г.) // Пролетарская революция. – 1925. – № 7 (42). – С. 99-111.

Клевенский М.М. «Европейский революционный комитет» в деле Каракозова // Революционное движение 1860-х гг. – М.: Изд-во политехноржан, 1932. – С. 147-167.

Книга русской скорби. – Вып. 1-13. – СПб., 1908-1914.

Ковтуненко П.О. Террористическая деятельность в Пермской губернии в начале XX века. (Очерк дореволюционной историографии) // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – № 10. – 2007. – [Электронный ресурс]. – URL:<http://jurnal.org/articles/2007/hist6.html>.

Он же. Уголовный террор в Прикамье накануне революции 1905-1907 гг. (по материалам неофициальной части пермских губернских ведомостей // Вестник Самарского ГУ. – 2008. – № 4 (63). – С. 151-155.

Кознов А.П. Борьба большевиков с подрывной агентурой царизма в период реакции (1907-1910 гг.) // Вопросы истории КПСС. – 1986. – № 12. – С. 56-71.

Кокорин С.А. Меры уголовно-правовой борьбы с терроризмом в России в начале XX в. // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2011. – № 1. – С. 64-67.

Комин В.В. Анархизм в России (Спец. курс лекций, прочитанный на историческом факультете педагогического института). – Калинин: Изд-во КГПИ, 1969. – 244 с.

Корелин А.П., Тютюкин С.В. Революционная ситуация начала XX века в России // Вопросы истории. – 1980. – № 10. – С. 4-24.

Корноухов Е.М. Борьба партии большевиков против анархизма в России. – М.: Политиздат, 1981. – 192 с.

Кривенький В.В. Анархисты – «подносчики снарядов»? // Полис. – 1993. – № 2. – С. 150-156.

Кузьмин А.Г. Леворадикальная политическая мысль в России конца 60-х – начала 80-х гг. XIX в. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2008. – 272 с.

Кузнецов В.Н. Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX века // Вопросы истории. – 2010. – № 12. – С. 24-38.

Куренышев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. – М.: Инфо-Пресс, 2000. – 222 с.

Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. – М.: Текст, 1994. – 432 с.

Лакоба С.З. Боевики Абхазии в революции 1905-1907 годов. – Сухуми: Алашара, 1984. – 85 с.

Леванов Б.В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в годы первой российской революции. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – 151 с.

Левыкин И.Т. Некоторые методологические проблемы изучения психологии крестьянства. – Орел: Приок. кн., 1970. – 186 с.

Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. – М.: Мысль, 1981. – 285 с.

Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. – М.: РОССПЭН, 1997. – 512 с.

Он же. Террор и смута в Российской империи начала XX века // Вестник Самарского гос. ун-та. – 2007. – № 5/3 (55). – С. 176-186.

Он же. «Дело Оболенского» (Боевая организация и террористы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 28-36.

Литвинов Н.Д., Мурадинов Ш.М. Противодействие терроризму на железных дорогах Российской империи. – М.: Голос, 1999. – 143 с.

Они же. Кавказский террор в Российской империи. Монография – М.: Голос, 1999. – 140 с.

Литвинов Н.Д. Террористические организации: формирование и деятельность (политико-правовой анализ): Монография. – М.: Воронеж: ВИ МВД России, 1999. – 224 с.

Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905-1907 гг. – СПб.: Рос. нац. б-ка, 1997. – 134 с.

Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. – М.: Прометей, 1924. – 215 с.

Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649-1917. – СПб.: ИнКА, 1992. – 413 с., ил.

Маевский Е. 1905 год. Очерк революционного движения. – Пг., М.: Издательский отдел Скобелевского комитета, 1917. – 175 с.

Максимов А. В.И. Ленин о терроризме // Диалог. – 1998. – № 3. – С. 42-79.

Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. – Вып. 1-2. – Томск: Типо-литография Сибирского товарищества Печатного дела, 1908.

Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 30-46.

Он же. Конституционные кризисы в обществах переходного типа // Вопросы философии. – 1999. – № 12. – С. 3-21.

Он же. Причины крушения демократической республики в России 1917 г. // Отечественная история. – 2007. – № 6. – С. 3-27.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 1998. – 573 с.

Минаков А.Ю. У истоков левого терроризма: С.Г. Нечаев и нечаевское дело // Власть и общественное движение в России имперского периода. – Воронеж: ВГУ, 2005. – С. 174-352.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – В 2 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

Он же. Модернизация имперской России и благосостояние населения // Российская история. – 2009. – № 2. – С. 137-155.

Он же. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. – М.: Новый хронограф, 2010. – 911 с.: ил., табл.

Могильнер М.Б. Российская радикальная интеллигенция перед лицом смерти // Общ. науки и современность. – 1994. – № 5. – С. 56-66.

Она же. На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907-1914 гг.). – М.: ИЧП «Изд-во Магистр», 1997. – 56 с.

Она же. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 208 с.

Моджорян Л.А. Терроризм: правда и вымысел. – М.: Юрид. лит., 1983. – 208 с.

Мокшин Г.Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. – Воронеж: Научная книга, 2010. – 299 с.

Морозов К.Н. Б.В. Савинков и Боевая организация партии эсеров 1909-1911 гг. // Минувшее. Ист. альманах. – Вып. 18. – М., СПб.: 1995. – С. 243-317.

Он же. ПСР в 1907-1914 гг. – М.: РОССПЭН, 1998. – 623 с.

Он же. Научно-технический прогресс на службе у террора: планы «авиационного» и «подводного» покушения БО ПСР на Николая II (1907-1911 гг.) // Духовность. Журнал гуманитарных исследований. – Кн. третья. – Сергиев Посад: 2003. – С. 23-51.

Он же. «Нет веры в револьверы»: эсеровская террористическая техника и планы «авиационного» и «подводного» покушения БО ПСР на Николая II в 1907-1911 гг. – [Электронный ресурс]. – URL:<http://socialist.memo.ru/firstpub/y05/morozov2.htm>.

Он же. Дискуссии в ПСР о терроре накануне Первой мировой войны. – [Электронный ресурс]. – URL:<http://socialist.memo.ru/firstpub/y05/morozov1.htm>.

Он же, Морозова А.Ю. Обращения социалистов-эмигрантов в правоохранительные органы как отражение кризиса «партийного правосудия» и специфики правосознания эмигрантской революционной среды в 1907-1914 гг. – [Электронный ресурс]. – URL:<http://socialist.memo.ru/firstpub/y04/partjust.htm>.

Они же. Границы и трактовки предательства в российской революционной субкультуре. – [Электронный ресурс]. – URL:<http://socialist.memo.ru/firstpub/y04/morozov4.htm>.

Моршанская М. Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. (В Таммерфорсе в ноябре 1906 г.) // Пролетарская революция. – 1924. – № 4 (27). – С. 65-88. – № 5 (28). – С. 86-120.

Мультиатули П.В. Строго посещает Господь нас гневом своим...: Император Николай II и революция 1905-1907 гг. – СПб.: Держава, Сатись, 2003. – 383 с.

Невский С.А., Карлеба В.А., Сирица И.В. Органы охраны правопорядка и безопасности на Кубани (вторая половина XIX – начало XX в.). – Краснодар: 2003. – 198 с.

Непролетарские партии России в трех революциях. Сб. ст. / Отв. ред. К.В. Гусев. – М.: Наука, 1989. – 247 с.

Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. – Екатеринбург: Издательство УГГУ, 2005. – 543 с.

Николаевский Б.Н. История одного предателя: Науч.-попул. // Вступ. ст., коммент. В.М. Шевырина. – М.: Высш. шк., 1991. – 368 с.

Обнинский В.П. Полгода русской революции. Сборник материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906). – Вып. 1 (с картами, графиками, таблицами). – М.: Типография Холчев И.Н. и К°, 1906. – 180 с.

Он же. Новый строй. – М.: Тип. Русское товарищество печатного и издательского дела, 1909. – 365 с., ил.

Он же. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II / Под ред. С.С. Волка. – М.: Республика, 1992. – 288 с., ил.

Носков М.А. Российский терроризм начала XX в. в восприятии властей и оппозиции // Вестник МГУ. – Серия 8: История. – 2011. – № 1. – С. 90-97.

Одесский М., Фельдман Д. Поэтика террора // Общ. науки и современность. – 1992. – № 2. – С. 81-93.

Они же. Террор как идеологема (к истории развития) // Общ. науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 155-166.

Они же. Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования. Пособие по спецкурсу. – М.: Изд-во РГГУ, 1997. – 204 с.

Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? Тайны революционного подполья. – СПб.: Изд. дом «Нева»; М.: Олма-пресс, 2002. – 640 с.

Очерки истории анархического движения в России. Сб. ст. / под ред. А. Борового. – М.: Голос труда, 1926. – 340 с.

Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. – М.: Изд-во Всесоюз. заоч. политехн. ин-та, 1989. – 239 с., ил.

Пазин М.С. «Кровавое воскресенье». За кулисами трагедии. – М.: Яуза; Эксмо, 2009. – 384 с.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993. – 423 с.

Он же. Русская революция. – Ч. 1-2. – М.: РОССПЭН, 1994.

Панкратов Н.Р., Поляков И.М. Военно-боевая работа большевиков 1903-1917 гг. – М.: Воениздат, 1965. – 382 с.

Пантин Е.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. 1783-1883 гг. – М.: Мысль, 1986. – 343 с.

Пелевин Ю.А. Александр Дмитриевич Михайлов // Вопросы истории. – 2011. – № 6. – С. 43-69.

Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. – 2014. – № 1. – С. 130-150.

Перегудова З.И. Методы борьбы Департамента полиции с революционным движением (кадры, курсы, программы) // Факел. – 1990: ист.-рев. альманах. – М.: Политиздат, 1990. – С. 197-205.

Она же. Политический сыск России (1880-1917). – М.: РОССПЭН, 2000. – 431 с.

Первая революция в России: взгляд через столетие. Отв. ред.: А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. – М.: «Памятники ист. мысли», 2004. – 602 с.

Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. – М.: Изд-во Всесоюз. о-ва полит. каторжан и ссыльно-поселенцев [типо-лит. им. Воровского], 1934. – 878 с. – [Электронный ресурс]. – URL:<http://bibliophika.shpl.ru/book.php?book=160>.

Политические партии в российских революциях в начале XX в. / Под ред. Г.Н. Севостьянова; Институт российской истории РАН. – М.: Наука, 2005. – 533 с.

Поляков А.Б. Революционный терроризм в Пензенской губернии в 1905-1907 гг. (по материалам источников личного происхождения) // Известия Пензенского гос. пед. ун-та. – 2011. – № 23. – С. 560-563.

Он же. Кризис эсеровских террористических организаций Пензенской губернии во второй половине 1906-1907 гг. и убийство С.В. Александровского // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 5 (19): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 138-142.

Полянский Н.Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905-1907 гг. – М.: Изд-во МГУ, 1958. – 240 с.

Помогаев В.В., Фомина Л.Б. Тамбовский триумвират // Преподавание истории в школе. – 1993. – № 6. – С. 7-12.

Портнягина Н.А. «Зато у нас есть Вера Фигнер»: революционный терроризм начала XX века глазами женщин // Вестник СПб. ун-та. – Серия 2: История. – 2012. – Вып. 1. – С. 24-30.

Посадский А.В. Черная сотня в саратовской деревне в 1905-1916 гг. // Отечественная история. – 2007. – № 1. – С. 140.

Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. – М.: РОССПЭН, 2001. – 432 с.

Пронякин Д.И. Анархизм: «исторические» претензии и уроки истории. – Л.: Лениздат, 1990. – 160 с.

Работа боевых большевистских организаций 1905-1907 гг. // Пролетарская революция. – 1925. – № 7 (42). – С. 82-111.

Революция 1905-1907 гг. в национальных районах России. Сб.ст. – Под ред. Л.М. Иванова. – М.: Госполитиздат, 1955. – 832 с.

Рууд Ч., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. – М.: Мысль, 1993. – 432 с., 16 ил.

Рычкова Г. Военно-боевая работа большевиков Урала в период первой русской революции. – Свердловск: Свердловское ОГИЗ, 1946. – 60 с.

Рязанов Д.В. Идеи тираницида в политической и правовой культуре России XIX – начала XX века // Правовая культура. – 2006. – Т. 1. – № 1. – С. 49-58.

Сак К. «Это был – конец! Конец династии, конец империи!». Дом Романовых и смута 1905 г. // Родина. – 2010. – № 3. – С. 84-87.

Салтык Г.А. Неонародническое движение Черноземного Центра России. 1901-1923 гг. – М.: Прометей, МПГУ, 2002. – 575 с.

Она же. «Местный террор» в России в 1905-1907 гг.: люди и судьбы. По архивным документам Курской губернии // Вестник архивиста. – 2013. – № 2 (122). – С. 148-162.

Сапон В.П. Российские анархисты и «советское движение» в 1905-1907 гг. // Российский исторический журнал. – 2008. – № 2. – С. 52-61.

Сафронова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879-1881 гг. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 376 с.

Сенчакова Л.Т. Боевая рать революции (Очерки о боевой организации РСДРП и рабочих дружинах 1905-1907 гг.). – М.: Политиздат, 1975. – 191 с.

Она же. Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг. – М.: Наука, 1989. – 264 с.

Сидельский Р.И., Грушин В.Т. Военная и боевая работа большевиков в период первой российской революции. – М.: Воениздат, 1952. – 170 с.

Сикорский Е.А. Деньги на революцию: 1903-1920 гг. Факты. Версии. Размышления. – 2-е изд., доп. и перераб. – Смоленск: Русич, 2004. – 624 с.

Симбирцев И. На страже трона: Полит. сыск при последних Романовых. 1880-1917. – М.: Центрполиграф, 2006. – 429 с.

Славнитский Н.Р. Террористические акты в Санкт-Петербурге и деятельность петербургских военно-полевых судов в годы министерства П.А. Столыпина // История в подробностях. – 2011. – № 8. – С. 36-42.

Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии (Реферат) // Отечественная история. – 1992. – № 5. – С. 3-31.

Смирнов В.Н. Политический терроризм Российской империи. – Харьков: Литера Нова, 2012. – 300 с.

Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886-1916. – Пг.: Воен. типография, 1918. – 2-е изд. – 626 с.

Он же. История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883-1903-1917. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 464 с.

Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905-1914 гг. – М.: Изд-во ВЗПИ, а/о «Росвузнаука», 1992. – 330 с.

Он же. Загадки убийства Столыпина. – М.: Прогресс-Академия, 1995. – 304 с., ил.

Степынин В.А. Общественно-политический кризис начала XX в. в деревне Черноземного центра // Общественное движение в Черноземном центре России в XVII – начале XX вв. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. – С. 35-51.

Он же. Крестьянство Черноземного центра в революции 1905-1907 годов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 167 с.

Страда В. Гуманизм и терроризм в русском революционном движении // Вопросы философии. – 1998. – № 9. – С. 90-119.

Суворов А.И. В противоборстве с террористами: Из истории борьбы правоохранительных органов дореволюционной России с политическим терроризмом. Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Юридический институт МВД РФ, 1999. – 240 с.

Он же. Политический терроризм в России XIX – начала XX веков. Истоки, структура, особенности // СОЦИС: Социол. исслед. – 2002. – № 7. – С. 54-60.

Сухова О.А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). – Пенза: ПГПУ, 2007. – 373 с.

Она же. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. – М.: РОССПЭН, 2008. – 677.

Тайна убийства Столыпина / Под общ. ред. П.А. Пожигайло. – М.: РОССПЭН, 2003. – 736 с.

Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. – М.: Мысль, 1969. – 190 с.

Террор и культура в русской исторической перспективе // Москва. – Материалы «Круглого стола». – 1997. – № 8. – С. 153-168.

Терроризм в современном капиталистическом обществе. – М.: 1981-1983. – Вып. 1-3.

Толочко А.П, Курусканова Н.П. О роли террора в деятельности эсеровского подполья в Сибири (1905 – февраль 1917 гг.) // Исторический ежегодник. – 1997 (спецвыпуск) г. – С. 14-24.

Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. – 424 с.

Тропин В.И. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 180 с.

Трофименко А.К. К истории Военно-технического бюро юга России в 1905-1906 гг. // Летопись революции. – 1925. – № 5/6. – С. 99-105.

Трубичев И. Анархистские экспроприации: революционная борьба или уголовщина (на примере Первой русской революции) // Наше отечество. Страницы истории. – Вып. 4. – М.: Изд-во МГОУ, 2005. – С. 81-89.

Тун А. История революционного движения в России / Под ред. и с примеч. Л.Э. Шишко. – СПб.: [Б.м.]1903. – 358 с.

Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. – М.: Просвещение, 1987. – 207 с.

Ударцев С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. – Алматы: 1994. – 382 с.

Ушерович С.С. Смертные казни в царской России. К истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 год. 2-ое русское испр. и доп. издание с предисл. М.Н. Гернет. – Харьков: Изд-во Всеукраинского совета общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. – 504 с.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

Хлобустов О.М. Большевики и терроризм в России. Большевики и политический терроризм в России // Современный терроризм: состояние и перспективы. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 28-35.

Худайкулов М.Х. Из истории борьбы большевистской партии с анархизмом. – Ташкент: Узбекистан, 1984. – 182 с.

Фельштинский Ю.Г. Как добывались деньги на революцию // Вопросы истории. – 1998. – № 9. – С. 34-51.

Фурсов В.Н. Классовая борьба в деревне центрально-черноземных губерний пореформенной России. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 200 с.

Чернышевский Д. Революционное движение в России с точки зрения психоанализа // Волга. – 1994. – № 5-6. – С. 133-145.

Чудакова М.С. Противостояние: политический сыск дореволюционной России, 1880-1917. – Ярославль: Издательство ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2003. – 330 с.

Чулук И.С. Военно-боевая деятельность большевиков в Батуми в годы первой русской революции. – Батуми: Госиздат, 1960. – 248 с.

Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. – 1917-1922 гг. – Пер. с англ. – М.: «Весь мир», 1997. – 560 с.

Шарапов А.К. Террористический аспект в политической борьбе леворадикальных сил России на рубеже XIX и XX в. // Вестник алтайской науки. – 2009. – № 3. – С. 176-189.

Шестаков А.В. Крестьянская революция 1905-1907 гг. в России. – М., Л.: ГИЗ, 1926. – 121 с.

Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60-80-е годы XIX века) / Послесловие Н.И. Дедкова. – М.: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. – 224 с.

Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

Эврич П. Русские анархисты. 1905-1917 / Пер. с англ. И.Е. Полоцка. – М.: Центрполиграф, 2006. – 272 с.

Энтин Дж. Теория заговоров и конспиративистский менталитет // Новая и новейшая история. – 2000. – № 1. – С. 69-82. – [Электронный ресурс]. – URL:<http://vivosvoco.rsl.ru/vv/papers/ecce/consp.html>.

Эренфельд Б.К. Тяжелый фронт. Из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. – М.: Политиздат, 1983. – 142 с.

Янель З.К. Феномен стихийности и повстанческая организация массовых движений феодального крестьянства России // История СССР. – 1982. – № 5. – С. 88-101.

6. ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Авдеенко И.П. Терроризм как форма проявления политического насилия: История и современность: Дис... канд. полит. наук. – М.: 2006. – 179 с.

Аладышкин И.В. Анархо-индивидуализм в среде отечественной интеллигенции второй половины XIX – первой декады XX века (на материалах гг. Москвы и Санкт-Петербурга): Автореф. дис... канд. ист. наук. – Иваново: 2006. – 24 с.

Артамонов Д.С. Тираноборческие и террористические идеи в русской политической культуре первой четверти XIX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Саратов: 2006. – 20 с.

Бакаев А.А. Историография российского революционного терроризма конца XIX – начала XX вв.: Дис... д-ра ист. наук. – М.: 2005. – 387 с.

Баранов А.С. Революционный терроризм как феномен русской культуры: Дис... канд. культурологических наук. – М.: 2000. – 180 с.

Габдулхаков Р.Б. Деятельность леворадикальных политических партий на Урале в начале XX в. (1900-1917): Дис... д-ра ист. наук. – М.: 2004. – 489 с.

Голубев Г.А. Международное сотрудничество России в сфере противодействия терроризму, последняя треть XIX – начало XX века.: Дис... канд. ист. наук. – М.: 2006. – 190 с.

Горбачева И.М. Индивидуальный политический террор леворадикальных партий и борьба с ним Московского охранного отделения (конец XIX в. – 1917 год): Дис... канд. ист. наук. – М.: 2006. – 193 с.

Дудченко Ю.Л. Организационно-правовые основы деятельности специальных служб России по борьбе с терроризмом во второй половине XIX – начале XX веков: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Краснодар: 2008. – 31 с.

Закиров Р.С. Эсер-террорист И.П. Каляев (1877-1905): основные этапы жизни и деятельности: Автореф. дис... канд. ист. наук. – М.: 2013. – 26 с.

Исаков В.А. Концепция заговора в радикальной социалистической оппозиции. Вторая половина 1840-х – первая половина 1880-х гг.: Дис... д-ра ист. наук. – М.: 2005. – 422 с.

Кабанов П.А. Политическая преступность: Понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия: Криминологическое исследование: Автореферат дис... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург: 2008. – 60 с.

Куканов А. В. Государственная власть и политический терроризм партии социалистов-революционеров (1900-1905): Автореф. дис... канд. ист. наук. – СПб.: 1997.

Мальсагов М.Г. Социальные основы терроризма в России: Автореф. дис... канд. социологических наук. – Новочеркасск: 2007. – 21 с.

Носков М.А. Российский терроризм начала XX века в общественном восприятии: Автореф. дис... канд. ист. наук. – М.: 2011. – 24 с.

Орышак М.И. Террор в деятельности ПСР: Дис... канд. ист. наук. – М.: 1999. – 347 с.

Пейч Д.И. Анархистский террор в России 1905-1907 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. – М.: МГУ, 2013. – 30 с.

Романова Г.В. Борьба подразделений политической полиции Поволжья с революционным террором в 1905-1907 гг.: Дис... канд. ист. наук. – Казань, 2004. – 300 с.

Рыбкин А.А. Политический терроризм в провинции в 1905-1907 гг.: на материалах Костромской, Тверской, Ярославский губерний: Дис... канд. ист. наук. – Кострома: 2007. – 267 с.

Серебренников И.П. Политический террор и экспроприаторская деятельность революционных партий и организаций в Восточной Сибири в 1900 – феврале 1917 г.: Дис... канд. ист. наук. – Иркутск: 2000. – 234 с.

Степанов Ю.В. Проблема политического террора в марксизме (Историко-философский анализ): Автореферат дис... канд. философ. наук. – М.: 1991. – 23 с.

Трошин Н.В. Административно-полицейские органы царской России в борьбе с экстремизмом и террором во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис... канд. ист. наук. – Владимир: 2000. – 246 с.

Улупова Г.А. Терроризм как социальный феномен: Автореферат дис... канд. филос. наук. – Тверь: 2003. – 24 с.

Шулов В.И. Терроризм. Социально-философский анализ: Дис... канд. филос. наук. – Пермь: 2004. – 182 с.

7. ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Borke A. Von Violence and Terror in Russian Revolutionary Populism: the Narodnaya Volya. 1879-1983 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe. – N.-Y.: 1982. – P. 48-62.

Daly W. Jonathan. Autocracy under Siege. Security Police and Opposition in Russia. 1866-1905. – Northern Illinois University Press: 1998.

Gausher R. The terrorists: from Tsarist Russia to the O. A. S. – London: 1968. – 282 p.

Geifman A. Thou Shalt Kill / Revolutionaru Terrorism in Russia, 1894-1917. – Princeton Univ. Press: 1993.

Hildermeier M. Die Sozialrevolutionare Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900-1914). – Koln, Wien: 1978. – 458 p.

Hildermeier M. The Terrorist Strategies of the Socialist-Revolutionary Party in Russia, 1900-1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe. – N.-Y.: 1982. – P. 80-87.

Healy A.E. The Russian Autocracy in Crisis, 1905–1907. – Hamden; Connecticut: 1976. – 422 p.

Immonen H. The Agrarian Program of the Russian Socialist-Revolutionary Party, 1900-1914. – Helsinki: 1988. – 169 p.

Kalabinski S., Tych F. Czwarte powstanie czy pierwsza rewolucja. Lata 1905-1907 na ziemiach polskich. – Warszawa: 1969.

Knight Amy. Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party // The Russian Review. – 1979. – Vol. 38. – № 2. – P. 171-192.

Naimark Norman M. Terrorists and Social Democrats: The Russian Revolutionary Movement under Alexander III. – Cambridge (Mass.) and London: 1983. – 311 p.

Perrie M. Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe. – N.-Y.: 1982. – P. 63-79.

Pipes R. The Degaev Affair: Terror and Treason in Tsarist Russia. – Vale University Press: 2003. – 153 p.

Radkey O.H. The Agrarian Foes of Bolshevism. Promise and Default of Russian Social-Revolutionaries. – N.-Y.: 1958. – 521 p.

Schleifman N. Undercover Agents in the Russian Revolutionary Movement: The SR Party, 1902-1914. – London: 1988. – 222 p.

Seth R. The Russian Terrorists: the study of the Narodniki. London. [1966]. – 303 p.
Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe. – N.-Y.: 1982. – 411 p.

Zukerman F. The Tsarist Secret Police in Russian Society, 1880-1917. – N.- Y.: 1996.

8. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ АВТОРА:

Монографии:

Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901-1911 гг.). – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. – 224 с.

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах, определенных ВАК:

Квасов О.Н. Генезис форм террористического насилия // История государства и права. – 2015. – № 18. – С. 32-36.

Квасов О.Н. Содержание и формы российского анархо-экстремизма // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. – Выпуск 3 (36) – [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001005-4-1>.

Он же. Дефиниционные категории и понятийный аппарат российского революционного терроризма // Диалог со временем. – 2014. – № 49. – С. 338-353.

Он же. Тактико-стратегическое обоснование народовольческого терроризма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 12 (9). – Ч. 2. – С. 91-93.

Он же. Социальные аспекты террористической деятельности революционеров в Российской империи в начале XX в. // Проблемы национальной стратегии. – 2014. – № 4 (25). – С. 205-220.

Он же. Губернский аппарат тайного политического сыска Российской империи в новейших отечественных исследованиях // Вестник РГГУ. – 2013. – № 10. – С. 184-197.

Он же. Московская охранка в борьбе с революцией // Новый исторический вестник. – 2012. – № 2 (32). – С. 113-121.

Он же. Националистические аспекты российского терроризма начала XX в. // Проблемы национальной стратегии. – 2012. – № 6 (15). – С. 206-215.

Он же. «Организация боевых сил вполне самостоятельна ...» // Исторический архив. – 2011. – № 5. – С. 187-191.

Он же. Мария Федорова – террористка и жертва террора // Новый исторический вестник. – 2011. – № 1 (27). – С. 89-104.

Он же. Террористическая экспроприация как форма революционной борьбы в Российской империи начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 3 (9). – Ч. 1. – С. 61-65.

Он же. Источники изучения проблемы терроризма в начале XX в. // Вестник архивиста. – 2011. – № 3 (сентябрь). – С. 47-54.

Он же. Террористический компонент социально-политических процессов в Курской губернии начала XX в. // Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. – Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2011. – № 19 (114). Вып. 20. – С. 165-172.

Он же. Количественные параметры жертв революционного терроризма начала XX в. // Вестник ВГУ. – Серия: История. Политология. Социология. – 2010. – № 2. – Июль-декабрь. – С. 24-32.

Он же. Развитие террористических тенденций в российском революционном движении начала XX в. // Известия высших учебных заведений. – Северо-Кавказский регион. – Общественные науки. – 2010. – № 5. – С. 98-101.

Он же. Структурные субъекты российского революционного терроризма начала XX в. // Вестник ВГУ. – Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2009. – № 2. – С. 214-218.

Он же. Террористический дискурс в начале XX и XXI вв. // Вестник ВГУ. – Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2009. – № 1. – С. 206-209.

Он же. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья, 1901-1911 годы // Вопросы истории. – 2005. – № 8. – С. 93-103.

Работы, опубликованные в других научных изданиях:

Квасов О.Н. Дискурсивные практики революционного терроризма начала XX в. // Панорама. – Научный журнал. – 2014. – № 1-3 (8-10). – С. 51-58.

Он же. Российские революционеры в борьбе с представителями правящего дома Романовых и информационно-коммуникативные аспекты революционного терроризма начала XX в. // Четыре века Дома Романовых: Материалы международной научной конференции «Четыре века Дома Романовых в мировом социокультурном пространстве: исторический, источниковедческий, биографический дискурсы». Москва, 6 марта 2013 г. / Отв. ред. Е.И. Пивовар; Сост. И.А. Анфертьев. – М.: РГГУ, 2013. – С. 154-168.

Он же. Революционное партизанство начала XX в. в Российской империи // Панорама. – 2013. – № 1 (5). – С. 111-117.

Он же. Террористические тенденции в народническом движении второй половины XIX в. // Народники в истории России: Межвузовский сб. научных трудов. Вып. 1 / Редколл.: Г.Н. Мокшин (отв. ред.) и др. – Воронеж: «Истоки», 2013. – С. 128-141.

Он же. Факторы развития революционного экстремизма в Российской империи начала XX в. // Панорама. – Научный журнал. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2012. – № 1 (3). – С. 86-89.

Он же. Российский терроризм второй половины XIX в.: народнический аспект // Воронеж народниковедческий: Сб. ст. – Воронеж: «Истоки», 2012. – С. 27-46.

Он же. Источники по изучению деятельности революционеров в Российской империи начала XX в. // История России: Исследования и документы. Материалы Международной научной конференции «Архивные документы в системе объективного научного знания по истории России». 19 ноября 2010 г. / Отв. ред. И.А. Анфертьев; Сост. И.А. Анфертьев, Ю.С. Цурганов. – М.: Изд-во РГГУ, 2011. – С. 169-175.

Он же. Оперативно-разведывательное сопровождение революционного террора в Российской империи начала XX в. // Противоречия глобального развития и модернизация политических систем: материалы международной научной конференции. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2011. – С. 77-82.

Он же. Комплекс информационного сопровождения актов революционного терроризма в годы первой российской революции // Общественные науки. – Всероссийский научный журнал. – М.: Изд-во МИИ Наука, 2011. – № 3. – С. 368-374.

Он же. Мария Федорова – террористка и жертва террора (1908 г.) // «Новый исторический вестник» к 80-летию МГИАИ-РГГУ: Избранное, 2005-2010 / Сост. и отв. ред. С.В. Карпенко. – М.: Изд-во Ипполитова, 2011. – С. 195-212.

Он же. Националистическое инициирование российского терроризма начала XX в. // Современный мир в условиях глобализации: противостояние кризису и модернизация политических систем. Сб. ст. – Воронеж: ВГУ, 2010. – С. 104-108.

Он же. Советский индивидуальный терроризм 20-х гг. // Геополитика в условиях глобализации и мировой финансовый кризис. Сб. ст. – Воронеж: ВГУ, 2009. – С. 62-64.

Он же. «Истинный сын революции Иван Голощапов» или судьба «анархиста-мстителя» // Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный ежегодник. – Вып. 7. – Воронеж: «Истоки», 2009. – С. 223-232.

Он же. Террористическое противостояние гражданской войны // Российские университеты в XVIII-XX веках: сб. науч. ст. / Воронежский государственный университет. – Вып. 10. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2009. – С. 174-183.

Он же. Проблемы международного терроризма и контрразведка в Российской империи начала XX в. // Многополярность современного мира в контексте политических изменений. Сб. ст. – Воронеж: ВГУ, 2009. – С. 133-137.

Он же. Переписка воронежского губернатора С.И. Голикова с помещицей М.Г. Раевской. // Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный бюллетень. – Вып. 6. – Воронеж: «Истоки», 2008. – С. 240-251.

Он же. Международный терроризм в Российской империи начала XX в. // Проблемы политического экстремизма и терроризма: история и современность. Мат. науч. семинара. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 6-10.

Он же. Вырождение революционного террора отступающей революции (1905-1907 гг.) // Общественное движение и культурная жизнь Центральной России XIV-XX веков: Сб. науч. трудов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. – С.218-227.

Он же, Разиньков М.Е. Анархисты в Воронежской губернии в начале XX в.: К постановке проблемы // Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный бюллетень. – Вып. 2. – Воронеж: «Истоки», 2004. – С. 77-86.

Он же. Самопожертвование в терроризме. – [Электронный ресурс]. – URL:<http://socialist.memo.ru/books/reflection/htm>.

Он же. Деятельность Боевого отряда Воронежского комитета ПСР в годы первой российской революции // Лес и молодежь ВГЛТА – 2000 г.: Сб. науч. тр. / Под ред. акад. РАЕН Л.Т. Свиридова. – Воронеж: ВГЛТА, 2000. – Т. 2. – С. 212-216.

Он же. Обоснование террористической борьбы из анализа российской истории // Российская цивилизация: история и современность. – Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: «Истоки», 1998. – Вып. 1. – С. 143-154.

Он же. Революционный синдром ложного бонапартизма // Актуальные проблемы соц.-гум. наук: Межвузов. сб. науч. тр. – Вып. XI. – Воронеж: 1997. – С. 19-21.